ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпуски III и IV

ГОДЪ ПЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12
1895

Печатано по распоряженію Императорскаго Спб. Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Отчетъ о поѣздкѣ къ лифляндскимъ Латышамъ лѣтомъ 1894 г.

Въ этомъ году, по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, я посвятилъ лѣто на изученіе латышскаго языка и этнографіи на самой родинѣ латышей, т. е. въ Лифляндской губ. Внѣшнія условія моей поѣздки сложились очень счастливо: съ самаго начала я поселился у одного изъ лучшихъ знатоковъ латышскаго языка — моего товарища г-на Шмидта [1]). Вмѣстѣ съ нимъ мы занимались сперва изученіемъ языка по книгамъ, а потомъ изъ его усадьбы, находящейся въ Роненбургскомъ приходѣ, Венденскаго уѣзда, отправились въ небольшое путешествіе, чтобы, такимъ образомъ, нагляднѣе представить себѣ то, что, пріобрѣтенное чтеніемъ, оставалось нерельефнымъ и смутнымъ.

Когда около ста лѣтъ тому назадъ появилась книга горячаго защитника латышей, «Die Letten» Меркеля, казалось несомнѣннымъ, что этотъ народъ подъ «игомъ чужеземцевъ — нѣмецкихъ бароновъ» палъ такъ низко, превратился въ такихъ дикарей, что надъ его будущимъ развитіемъ нужно поставить крестъ. Правда, самъ Меркель, признававшій, что латыши «на многія столѣтія отстали въ развитіи», что «однимъ словомъ, латыши то, чѣмъ можетъ сдѣлаться такой народъ, въ которомъ всякую человѣчность уже 6 столѣтій гложетъ рабство»;—правда, несмотря на все это самъ Меркель смѣло бросалъ въ лицо дворянству слѣдующій вызовъ: «а дайте-ка латышу свободу и время поножиться да образовать себя, такъ и онъ быстро облагородится и будетъ лучшимъ человѣкомъ, нежели большинство васъ самихъ». Однако, его слова казались даже лицамъ, сочувствовавшимъ латышамъ, восторженнымъ бредомъ фанатика свободы, а не зрѣлымъ убѣжденіемъ знатока дѣла. Но вотъ прошло всего 75 лѣтъ со времени освобожденія латышей, хотя и не такого

---

[1]) На матеріалахъ, которые мнѣ помогъ собрать г. Шмидтъ, построенъ кое въ чемъ и этотъ «Отчетъ».

полнаго, какимъ желалъ его видѣть самъ Меркель, именно, освобожденіе безъ земли,—и теперь самъ Меркель не узналъ-бы своихъ латышей: его пророчество не только исполнилось слово въ слово, но даже превзошло всѣ его ожиданія. Полузвѣрь, забитый и озлобленный, для котораго единственнымъ счастіемъ, по словамъ Меркеля, было напиться пьянымъ, — превратился въ крестьянина столь высокаго экономическаго уровня, что только нѣкоторые уголки Баваріи да Америки, какъ говорятъ, могутъ сравняться съ нимъ. «Нѣмецкое иго» сплотило народъ въ одно цѣлое и, кромѣ этой хорошей стороны, имѣло, кажется, и другую: именно, это «иго» пріучило весь латышскій народъ къ нѣмецкой тщательной и глубоко-обдуманной обработкѣ полей. Если мы прибавимъ сюда удобство торговыхъ сношеній и обязательность обученія, которой требуетъ лютеранство, намъ станутъ ясны главнѣйшія, по моему мнѣнію, причины современнаго высокаго уровня латышей.

Крѣпостное право оставило послѣ себя глубокую взаимную ненависть двухъ народностей: нѣмцевъ, которыхъ въ остзейскихъ губерніяхъ, правда, очень незначительный процентъ, и латышей.

Это одна изъ характернѣйшихъ чертъ современнаго латышскаго міровоззрѣнія, высказавшаяся обильно и въ народной словесности. Поэтому, позвольте мнѣ немного остановиться на ней. Несимпатіею, ненавистью, презрѣніемъ къ нѣмцамъ полно все: сказки, пѣсни, повѣрія. Обыкновенное прозваніе чорта— vacētis (нѣмецъ), въ Ригѣ т. е. у нѣмцевъ—самое настоящее пребываніе всякой нечистой силы, постоянный эпитетъ слова kungi (господа) есть слова: bargi (суровые, строгіе, жестокіе). На пѣсняхъ я остановлюсь послѣ, когда буду говорить о любимыхъ пѣсняхъ латышей въ настоящее время, а теперь я приведу одну очень характерную сказку подъ заглавіемъ: «Чортовы кони» [1]).

Работникъ, измученный работой, къ тому-же совершенно избитый господиномъ, усѣлся на краю канавки и грызъ омоченную слезами горбушку хлѣба. Во время ѣды онъ все сравнивалъ свою жизнь съ господской. «Вотъ», думалъ онъ: «мнѣ приходится цѣлый день быть на ногахъ, работать на полѣ съ самаго ранняго утра до поздней ночи; день-деньской таскаешь въ рукахъ тяжелый плугъ. Никто-то тебя и не спроситъ, льетъ-ли дождь, падаетъ-ли градъ, холодно-ли тебѣ или, напротивъ, тебя печетъ солнце? Знай себѣ, иди. На то, молъ, ты и родился!» и т. д. Когда онъ это говорилъ, вдругъ откуда-то появился старый, сѣдой человѣчекъ и спросилъ работника, о чемъ онъ думаетъ и почему онъ такъ огорченъ? Работникъ старался отдѣлаться отъ его вопросовъ, но старичекъ, кажется, видѣлъ его насквозь, такъ что работнику

---

[1]) Эта сказка помѣщена въ недавно вышедшемъ сборникѣ сказокъ.

пришлось разсказать все. Тогда старичекъ сказалъ: «Ну, вотъ что: я останусь вмѣсто тебя на одинъ годъ работать на мызѣ (такъ называется имѣніе дворянина въ отличіэ отъ усадьбы—maja—имѣнія крестьянина), а ты въ это время поброди по землѣ. И если, вернувшись, ты захочешь сдѣлаться бариномъ, такъ и будешь бариномъ». Работникъ, ни мало не медля, отправился въ путь. Въ большомъ лѣсу онъ встрѣтилъ какого-то господина въ черной одеждѣ. Онъ спросилъ у работника, куда тотъ идетъ. Работникъ такъ и такъ: отпущенъ, молъ, на годъ людей посмотрѣть, а потомъ станетъ бариномъ. Черный отвѣчаетъ: «Что-же тебѣ бродить по пусту? Иди лучше ко мнѣ въ батраки: я за это дамъ тебѣ черезъ годъ цѣлую мѣру денегъ, такъ что ты станешь не только господиномъ, но еще и богачомъ!» Работникъ согласился и пошелъ вслѣдъ за чернымъ бариномъ, который, придя домой, повелъ его въ конюшню и показалъ ему его обязанности. Конюшня была полнехонька разными конями: одни—только кожа да кости, другіе таковы, какъ лѣтомъ рабочія лошади, наконецъ третьи — блестящіе черные жеребцы, просто заглядѣнье! Работникъ долженъ былъ каждый день сильно ударять кнутомъ каждаго коня. Сначала ему не хотѣлось бить очень сильно, но тогда вошелъ черный и далъ ему по шеѣ, говоря ему, что онъ долженъ бить такъ, чтобы жеребцы визжали, такъ, чтобы вся конюшня звенѣла. А въ конюшню каждый день приводили все новыхъ жеребцовъ, еще совсѣмъ блестящихъ. Ѣсть имъ ничего не давали; только изрѣдка, когда какая-нибудь старая кляча зачахнетъ и околѣетъ, ея кости давали обгрызть другимъ. Зато кнутомъ каждый день угощали вдосталь. Однажды черный привелъ опять прекраснаго, блестящаго жеребца и привязалъ его къ стойлу.—«Этого ты не жалѣй», сказалъ онъ, обращаясь къ работнику: «этотъ и самъ здорово билъ тебя; это—твой баринъ». Работникъ убѣжалъ домой и узналъ, что на этой недѣлѣ умеръ его господинъ.

Я приведу еще начало одной пѣсни, чрезвычайно распространенной среди современныхъ латышей, впервые, насколько мнѣ извѣстно, напечатанной въ сборникѣ «Saule, sēte undaba» за 1890 годъ. Эта пѣсня поется на старый нѣмецкій мотивъ, напоминающій одну изъ арій Мефистофеля въ «Фаустѣ» Гуно:

«Если-бъ мнѣ достать тѣхъ денегъ,
Что лежатъ на днѣ морскомъ,
Я купилъ-бы замокъ Ригу (Rigu pili)
Вмѣстѣ съ нѣмцами его.
Я-бы дѣлалъ съ нѣмцемъ то-же,

Что со мною дѣлалъ онъ:
Днемъ свиней пасти велѣлъ-бы,
Ночью въ ригѣ молотить».

Кончается пѣсня, наполненная всякими благопожеланіями нѣмцамъ, слѣдующимъ четверостишіемъ:

«И на угольяхъ горячихъ
Заплясалъ-бы нашъ нѣмчишка,
Онъ-бы только вверхъ подпрыгнулъ,
Я-бъ раздулъ внизу огонь».

Нѣмцы, со своей стороны, относятся къ латышамъ не лучше, но ихъ месть гораздо чувствительнѣе для латышей. Я говорю объ аграрномъ вопросѣ, который въ настоящее время занимаетъ всѣ умы мѣстныхъ патріотовъ. Положеніе, дѣйствительно, совсѣмъ ненормальное. Громадная часть пахотной земли до сихъ поръ принадлежитъ помѣщикамъ-нѣмцамъ, для которыхъ гораздо выгоднѣе своей земли не продавать, но отдавать ее въ аренду по произвольнымъ цѣнамъ крестьянамъ, которые волею-неволею должны соглашаться на всякія условія, такъ какъ иначе имъ некуда дѣваться. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу нѣсколько цифръ, относящихся къ той мѣстности, гдѣ я провелъ лѣто. Такъ, въ Ронненбургскомъ приходѣ, принадлежащемъ г. фонъ-Вульфу, одинъ талеръ земли стоилъ прежде менѣе 100 рублей, но уже лѣтъ 10 тому назадъ цѣна поднялась выше 150 р. Но такъ какъ, при опредѣленіи талеровъ не считается негодная земля, напр. болото, то для помѣщика оказалось болѣе выгоднымъ продавать землю десятинами (т. е. лофштеллами = 1/3 десятины); такимъ образомъ, цѣна талера въ приходѣ Uexküllshof стала выше 200 рубл. Возьмемъ положеніе какой-нибудь крестьянской усадьбы, напр. усадьбы Lejas Vadzis (верстахъ въ 20 отъ Роннебурга по дорогѣ въ Смильтенъ). Прежней владѣлицѣ, г-жѣ Вандау, эта усадьба платила арендной платы 180 рублей въ годъ, и эта цѣна вовсе не считалась дешевой. Теперь эта усадьба должна платить 400 р. въ годъ. Въ подобныя этимъ условія встали и другія усадьбы. Такого контракта никто не хотѣлъ принять, но при угрозѣ, что прогонятъ всѣхъ, 12 крестьянъ все-таки подписались. У кого въ запасѣ были деньги, тѣ года два платили аккуратно, ожидая пониженія платы; но ея не послѣдовало, и теперь всякій уплачиваетъ, сколько можетъ.

Я закончу эту замѣтку о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ народностей разсказомъ объ одномъ очень характерномъ случаѣ. Правда, я слышалъ его отъ нѣмца; въ устахъ латыша онъ получилъ бы совсѣмъ другое освѣщеніе. Вотъ въ чемъ дѣло: въ юрьевскомъ университетѣ, на богословскомъ факуль-

тетѣ, былъ одинъ латышъ, поступившій на этотъ факультетъ съ единственной цѣлью, — окончивши курсъ, сдѣлаться пасторомъ въ своемъ приходѣ и возстановлять крестьянъ противъ нѣмца—помѣщика. Онъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что помѣщикъ подалъ однажды руку ему, но не подалъ его отцу, простому крестьянину.

Однако, каковы бы эти отношенія ни были, нельзя не признать, что современная латышская культура совершенно нѣмецко-бюргерская со всѣми ея особенностями и вкусами. Обрусеніе (употребляя оффиціальный терминъ), хотя и не встрѣчается здѣсь съ такимъ упорнымъ сопротивленіемъ, какъ среди литовцевъ, однако подвигается не менѣе туго, и это потому, что оно наталкивается на уже давно сложившуюся, прочную культуру. Однако, ни среди простонародья, ни среди болѣе высокихъ классовъ населенія мнѣ ни разу не пришлось встрѣтиться съ какимъ-нибудь недоброжелательствомъ къ русскимъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы сказать здѣсь нѣсколько словъ о положеніи русскаго языка въ низшихъ народныхъ школахъ. Какъ извѣстно, нѣмецкій языкъ, прежде употреблявшійся для преподаванія всѣхъ предметовъ, теперь замѣненъ русскимъ, причемъ Законъ Божій преподается на отечественномъ языкѣ. Это, конечно, очень хорошо, такъ какъ русскій языкъ совершенно необходимъ для всякаго латыша, и, хотя успѣхи въ русскомъ языкѣ не слишкомъ велики даже въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, тѣмъ не менѣе его необходимость чувствуется всѣми и каждымъ. Но бѣда въ томъ, что русскій языкъ для маленькаго латыша, поступающаго въ приходскую школу, еще совсѣмъ не знакомъ, а потому изученіе всѣхъ предметовъ крайне тормозится преподаваніемъ на непонятномъ языкѣ, на изученіе котораго приходится употреблять много усилій и который лѣтомъ опять забывается. Учителя этихъ школъ, въ большинствѣ случаевъ энергичный и любимый крестьянами народъ, тоже, если я не ошибаюсь, чаще всего не слишкомъ сильны въ русскомъ языкѣ, и это еще хорошо, такъ какъ, если бы ихъ замѣнить русскими православными учителями, не понимающими по-латышски, то между учителями и учениками оказалось бы очень мало симпатіи, и дѣло обученія было бы не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ напр. у литовцевъ, которые смотрятъ на школу, какъ на одно изъ средствъ для уничтоженія ихъ вѣры и языка.—Преподавать въ латышскихъ низшихъ школахъ и русскій языкъ, какъ одинъ изъ обязательныхъ предметовъ, вотъ, по моему мнѣнію, лучшее средство обезпечить этому языку ту популярность, на которую онъ теперь имѣетъ всѣ шансы разсчитывать. Привожу маленькій списокъ русскихъ словъ, распространенныхъ среди крестьянскаго населенія: b i k a (быкъ), k a š k a (кошка), z a b a k s (собака), s v i ņ a (свинья), p e t u k s (пѣтухъ), k u r i k u (курица), v a d a или

vadus (вода), masla (масло), klēba (хлѣбъ), gavediņa (мясо), čaja (чай), sakars (сахаръ), lužca (ложка), lēss (лѣсъ), baņa (баня), veņitiņa (вѣникъ), glaznas (глаза), čarka (водка), kužnica (кузнецъ), čarna (черный), kāpla (теплый), kaladna (холодный), karaša (хорошо), dabra (добрый) и много др. Привожу, кромѣ того, отрывокъ пѣсни, очень распространенной у латышей въ памятные имъ 40 года, время ихъ стремленія въ Россію и къ православію, замятаго нѣмецкой партіей. Вотъ этотъ отрывокъ, уцѣлѣвшій въ памяти нѣкоторыхъ стариковъ:

Paígum, paígum rúsku zem,
Ruska zeme dabra žit!

(Пойдемъ, пойдемъ въ русскую землю: въ русской землѣ хорошо жить!).

Я перейду теперь къ этнографической сторонѣ своихъ наблюденій. Ознакомившись съ умственнымъ и экономическимъ уровнемъ латышскихъ крестьянъ, мы поймемъ, во-первыхъ, что этнографическій матеріалъ уже въ огромной долѣ собранъ и обнародованъ, и что, во-вторыхъ, мы уже не можемъ встрѣтиться на живой почвѣ съ сильнымъ развитіемъ суевѣрій, съ продолжающимся національнымъ творчествомъ, со всѣмъ тѣмъ, что еще такъ живо въ нѣсколькихъ сѣверныхъ губерніяхъ нашего отечества. По поводу перваго, т. е. собранія и изученія этнографическаго матеріала, я скажу всего нѣсколько словъ именно только то, что общественность латышей, эта самая сильная сторона ихъ культуры, сказывается здѣсь очень сильно. «Эта общественность», говоритъ г. Владиславлевъ, авторъ интересной статьи объ аграрномъ вопросѣ въ Лифляндіи:—«эта общественность на почвѣ необыкновенно высоко развитой въ Лифляндіи грамотности способствуетъ живѣйшему распространенію сельскохозяйственныхъ примѣтъ, наблюденій, книжныхъ свѣдѣній etc». Она-же сдѣлала и то, что въ быстро возникшія латышскія ученыя общества стали присылать изъ всѣхъ краевъ страны обширные сборники пѣсенъ, сказокъ и др. Безъ дружнаго энергическаго содѣйствія большинства было-бы невозможно такое огромное собраніе заговоровъ, какое далъ г. Трейландъ, такіе сборники сказокъ, какъ выходящія уже года 3—4 книжки г. Лерхиса-Пушкайтиса, наконецъ обширное изданіе латышскихъ пѣсенъ: «Latwju dainas», которое будетъ содержать до 170,000 пѣсенныхъ варіантовъ и уже дало нѣсколько выпусковъ. Что касается изученія этого матеріала, то уровень его еще далеко не достигъ той высоты, на которой стоятъ изданія сборниковъ. Только незначительная часть прессы (напр. газеты Dēnas Lapa, Majas Vēsis) не увлекается грезами о существовавшей когда-то необыкновенно богатой миѳологіи балтійскихъ народовъ, сочинительствомъ новыхъ боговъ и миѳологическихъ пѣсенъ, перечисленіемъ древнихъ рунъ и именъ Криве-Кривейто... Впрочемъ, въ самыя массы

народныя эта quasi-ученая дѣятельность почти не проникаетъ. Несмотря на книжное возрожденіе миѳологіи, неизбѣжное у юнаго, патріотически настроеннаго народа, самъ народъ все болѣе и болѣе забываетъ старые обычаи, старые костюмы и старыя пѣсни. Кое-гдѣ еще напр. помнятъ, что въ комнатѣ новобрачныхъ ставится хлѣбъ, но уже не понимаютъ, для чего это дѣлается. Или, миѳическое существо, связанное съ урожаемъ хлѣба, Lētuvens, по словамъ одного малограмотнаго старика, не болѣе, какъ кошмаръ; Лайма, олицетвореніе судьбы, опять-таки получила совершенно отвлеченный образъ. Только празднованіе Ивановой ночи со своими пѣснями: «ligo», собираніемъ цѣлебныхъ травъ, играми и ликованіемъ до утра, обсыпаніемъ цвѣтами хозяина дома—только оно еще сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ. Восклицаніе: «Лиго»!, которымъ оканчивается каждая строчка пѣсни, теперь утеряло свое значеніе и служитъ предметомъ безчисленныхъ догадокъ, начиная съ того, что «Лиго» признается за обращеніе къ несуществующему теперь божеству (и неизвѣстному по историческимъ, даннымъ), и кончая возможнымъ предположеніемъ, что «Лиго» просто мольба, обращенная къ солнцу, въ значеніи: «качаясь, играй»! Но это объясненіе роднитъ слово «Лиго» съ литовскимъ lingûti, тогда какъ и въ литовскомъ празднествѣ извѣстенъ рефренъ: ligo [1]). Если литовцы не заимствовали этого слова отъ латышей, то мы должны искать для него другого корня. Если мы вспомнимъ о цѣлительномъ значеніи травъ, собираемыхъ этою ночью, и вообще объ ея исцѣляющемъ вліяніи, и сопоставимъ корень: lig съ кельтскимъ leagi (врачъ; — глагольный корень обозначаетъ заговоры, наговоры etc.), готскимъ lēkinon и leqeis (отвуда слав. лѣчить), то мы, можетъ быть, согласимся въ припѣвѣ: «Лиго» видѣть воззваніе: «исцѣли, уврачуй, очисти!» Можетъ быть именно такое цѣлительное дѣйствіе празднованія Ивановой ночи и сохранило этотъ глубокопоэтическій обычай до сихъ поръ. Я видѣлъ дряхлую старуху, которая пѣла «ивановскія» пѣсни съ какимъ-то религіознымъ экстазомъ, но молодежъ забываетъ и профанируетъ старый обычай. Въ мѣстахъ болѣе культурныхъ остались отъ него только жалкіе слѣды усиленнаго пьянства въ этотъ день.

Перейдемъ теперь къ пѣснѣ. Латыши, какъ и литовцы, очень любятъ музыку: во всѣхъ, сколько-нибудь интеллигентныхъ домахъ, я видѣлъ піанино. Тѣмъ болѣе распространено пѣнье. Есть множество пѣсенъ, извѣстныхъ и каждому, но это и немудрено, если мы вспомнимъ, что всѣ дѣти учатся въ школѣ пѣть, что во всякомъ приходѣ существуетъ по нѣскольку пѣвческихъ обществъ, устраивающихъ ежегодно такъ называемые пѣвческіе праздники (dzēdašanos svetki), что весь народъ читаетъ газеты и книги.

[1]) См. статью Беценбергера «D. Iohannisfest d. Littauer».

Латышская пѣсня совсѣмъ интернаціональна. На первомъ мѣстѣ нужно поставить латышскій національный гимнъ: «D^{e}vs sveti Baltiju» (Боже, храни Балтію), пѣсню, несомнѣнно, искусственнаго происхожденія. Изъ множества широко распространенныхъ народныхъ пѣсенъ я упомяну только о нѣкоторыхъ. Очень красива по мелодіи, хотя малосодержательна, пѣсня: «Riga dimd»! Вотъ ея слова: «Рига гудитъ, Рига гудитъ. Отчего Рига гудитъ! Это— куютъ ящикъ для приданаго дѣвушкѣ, у которой три брата. Дядя по отцу куетъ ящикъ, дядя по матери замочекъ и т. д.» Что касается внѣшней формы современной латышской народной пѣсни, то четверостишія, составляющія ея старую форму, иногда совершенно сходныя съ четверостишіями литовской пѣсни и порою представляющія черты глубокой древности,—эти четверостишія теперь складываются въ длинныя пѣсни. Слѣдовательно, здѣсь произошелъ тотъ же процессъ, который, по моему мнѣнію, можно указать и въ литовской народной поэзіи. Именно, отдѣльныя мѣста, имѣвшія свой, законченный смыслъ или поражавшія своею красотой или мѣткостью, могли отдѣлиться отъ контекста пѣсни и получить самостоятельное значеніе. Въ то же время существовали исконныя четверостишія, которыя теперь могли входить въ длинныя пѣсни подобно тому, какъ и длинныя пѣсни могли выдѣлять изъ себя отдѣльныя четверостишія. Этимъ, мнѣ кажется, можно объяснить буквальное совпаденіе многихъ четверостишій латышскихъ съ литовскими.

Однако возвращаюсь къ распространеннѣйшимъ пѣснямъ. Пѣсня искусственная теперь болѣе понятна и интересна народу, чѣмъ уже слишкомъ безыскусственная старая народная. Изъ quasi—народныхъ русскихъ пѣсенъ была очень извѣстна мелодія пѣсни: «Въ темномъ лѣсѣ», но съ другими словами; затѣмъ очень любимы пѣсни: «Вотъ ѣдетъ тройка удалая!» и «Бѣлоличка—круглоличка». Пѣсни нѣмецкаго происхожденія очень многочисленны, что вполнѣ понятно при томъ множествѣ нѣмецкаго пришлаго народа, который вращался около бароновъ. Изъ новѣйшихъ пѣсенъ болѣе образованными классами съ увлеченіемъ поется Гейневская Лорелея (Ich weiss nicht, was soll es bedeyten), конечно, въ латышскомъ переводѣ. Наконецъ, очень распространены и нѣкоторыя пѣсни національныхъ латышскихъ поэтовъ.

Латышскій народъ еще очень молодъ, въ культурѣ мы наталкиваемся на нѣсколько отрицательныхъ сторонъ, свойственныхъ всякому незрѣлому молодому народу; но онъ быстро идетъ впередъ, быстро зрѣетъ и, полный любви къ своей родинѣ, энергіи и силы, проникнутый самосознаніемъ и крѣпкій своею общественностью, латышскій народъ не далекъ до полнаго развитія своихъ внутреннихъ силъ.

А. Погодинъ.

Литовцы и русскій алфавитъ.

Въ послѣднее время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ стали появляться статьи о литовцахъ, объ алфавитѣ для литовскихъ книгъ и т. п.; обсуждаемые въ нихъ вопросы не новы и не впервые привлекаютъ къ себѣ вниманіе печати, интересующейся литовскою окраиною. Не смотря, однако, на давнишнее возникновеніе этихъ вопросовъ, волей-неволей приходится отмѣтить, что обсужденіе ихъ весьма мало подвинулось впередъ даже въ отношеніи фактической стороны дѣла. Причина тому заключается отчасти въ односторонности и предвзятости цѣлей, вносимыхъ въ обсужденіе предмета, отчасти въ недостаточномъ знакомствѣ съ обсуждаемымъ предметомъ. Самый поверхностный просмотръ того, что писали и пишутъ, напр., о причинахъ безуспѣшности введенія русскаго алфавита въ литовскую письменность и о послѣдствіяхъ воспрещенія литовцамъ употреблять латинскій алфавитъ, приводитъ къ убѣжденію, что лица, удѣляющія свое вниманіе этимъ вопросамъ, обсуждаютъ ихъ или на основаніи случайныхъ и отрывочныхъ наблюденій надъ жизнью литовской народности, или пользуясь весьма поверхностными свѣдѣніями, полученными тѣмъ или другимъ образомъ отъ лицъ, живущихъ среди литовцевъ. Не имѣя возможности исчерпать въ краткой замѣткѣ вопросъ объ алфавитѣ для литовскихъ книгъ и тѣсно связанныхъ съ нимъ явленіяхъ жизни литовской народности, я ограничусь лишь самыми общими замѣчаніями, желая, главнымъ образомъ, дополнить и исправить то, что писали объ этомъ вопросѣ.

Въ настоящее время можно считать стоящимъ внѣ всякаго сомнѣнія фактъ, что литовцы не приняли книгъ, печатанныхъ русскими буквами; книги эти или подверглись уничтоженію со стороны тѣхъ, къ кому онѣ поступили чрезъ народныя училища и волостныя правленія, или лежатъ въ складахъ дирекцій народныхъ училищъ, будучи обречены на вѣчное забвеніе. Нерасположеніе литовцевъ къ изданіямъ на литовскомъ языкѣ русскими буквами объясняется тѣмъ, что они издавна употребляютъ латинскій алфавитъ; съ послѣднимъ они сроднились, онъ вошелъ въ ихъ кровь и плоть. Совершенно вѣрно замѣчаетъ корреспондентъ «Новаго Времени» (№ отъ 22 сентября 1893 г.), что «латинскія буквы, по которымъ молятся ксендзы, приняли

въ глазахъ крайне фанатическаго литовца значеніе чуть не догмата». Такая привязанность литовцевъ къ латинскому алфавиту будетъ вполнѣ понятна намъ, если примемъ въ соображеніе, какимъ образомъ распространяется грамотность въ литовскихъ народныхъ массахъ. Въ этомъ отношеніи выдающуюся роль играетъ семья въ широкомъ смыслѣ этого слова, семья, обнимающая не только лицъ, связанныхъ узами родства, но и чужаковъ, состоящихъ въ услуженіи у хозяина, словомъ, семья въ смыслѣ союза лицъ, котораго не коснулась еще разъединяющая сила экономической эволюціи. Въ этой-то семьѣ и происходитъ обыкновенно обученіе дѣтей грамотѣ. Лицо, старшее по возрасту и умѣющее читать, въ свободное время, большею частью зимою, собираетъ вокругъ себя дѣтей, хозяйскихъ и чужихъ, находящихся въ услуженіи у хозяина, и преподаетъ имъ первые уроки грамоты. Учебникомъ служитъ обыкновенно молитвенникъ. Какъ ведется обученіе, раціонально или нѣтъ, это другой вопросъ; въ данномъ случаѣ важно то, что старшія поколѣнія передаютъ свои знанія идущимъ на смѣну ихъ. Дѣти выучиваются читать, и такимъ образомъ семья замѣняетъ въ извѣстной степени настоящую школу. Этимъ способомъ распространенія грамотности объясняется и то обстоятельство, что почти каждый литовецъ умѣетъ читать, между тѣмъ какъ не умѣющіе писать составляютъ весьма значительный процентъ. Отношеніе грамотныхъ по-литовски къ неграмотнымъ, предполагаемое г. корреспондентомъ «Русскихъ Вѣдомостей» (1893 г. № 259) [1]), весьма далеко отъ истины; если даже взять это отношеніе въ обратномъ видѣ, т. е. если предположить, что неграмотные по-литовски составляютъ болѣе трети населенія, то все-таки не будетъ выражено дѣйствительное состояніе грамотности среди литовцевъ.

Обученіе грамотѣ въ литовской семьѣ, какъ вполнѣ естественное явленіе, представляетъ, конечно, не продуктъ послѣдняго времени, вызванный къ жизни какими-либо исключительными условіями; оно практиковалось и въ старину, задолго до воспрещенія латинскаго алфавита; а такъ какъ съ давнихъ временъ въ Литвѣ обращались только молитвенники, печатанные латинскими буквами, то и обученіе грамотѣ происходило и происходитъ при помощи этихъ молитвенниковъ.

Въ виду сказаннаго, является вполнѣ понятною привязанность литовцевъ къ латинскому алфавиту. Продолжительное употребленіе послѣдняго и, главнымъ образомъ, семейный способъ распространенія грамотности создали въ народѣ убѣжденіе, что только латинскій алфавитъ годенъ для его молитвен-

---

[1]) Корреспондентъ «Русск. Вѣд.» говоритъ, что грамотные по-литовски составляютъ болѣе трети населенія.

никовъ. Не слѣдуетъ, затѣмъ, забывать, что народныя массы, не далеко ушедшія по пути просвѣщенія, каковыми являются литовцы, весьма цѣпко держатся старины. Ко всему новому онѣ относятся крайне недовѣрчиво, между тѣмъ какъ все старое пользуется большимъ уваженіемъ и весьма ревностно защищается отъ всякихъ измѣненій не потому, чтобы старое было лучше новаго, а потому, что оно завѣщано предками, что такъ было изстари. Чувства, представленія и идеи, воспитанныя въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, составляютъ весьма устойчивую часть духовной природы человѣка; эту истину забываютъ, повидимому, лица, утверждающія, что распространенію молитвенниковъ и книгъ, напечатанныхъ русскими буквами, препятствуетъ исключительно пропаганда католическихъ священниковъ и злонамѣренныхъ агитаторовъ.

Но могутъ возразить, что книги, напечатанныя русскими буквами, только на первыхъ порахъ встрѣтили препятствія къ распространенію въ народѣ, что народъ исподволь свыкнется съ ними и настанетъ время, когда онъ будетъ читать ихъ съ такою-же любовью, съ какою до сихъ поръ читалъ книги, напечатанныя латинскими буквами; нужно де терпѣніе и слѣдуетъ усилить наши старанія въ этомъ направленіи. На первый взглядъ такое возраженіе можетъ показаться вполнѣ основательнымъ въ виду того, что до сихъ поръ весьма мало книгъ было издано русскимъ шрифтомъ и, притомъ, ограничились изданіемъ небольшого числа букварей и молитвенниковъ; объ изданіяхъ-же «для полезнаго, поучительнаго чтенія» почти вовсе не позаботились, вслѣдствіе чего можно, повидимому, предполагать, что только увеличеніе числа изданій послѣдняго рода и свободное соперничество ихъ съ изданіями, печатанными латинскою азбукою, могли-бы рѣшить вопросъ о судьбѣ русскаго и латинскаго алфавитовъ. Такое предположеніе не представляло-бы, пожалуй, ничего невѣроятнаго лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ, но явленія въ жизни литовской народности настоящаго времени заставляютъ положительно отвергать надежду на насажденіе среди литовцевъ письменности, пользующейся русскимъ шрифтомъ.

На выясненіи этихъ явленій считаю необходимымъ остановиться подробнѣе, потому что въ нихъ можно найти ключъ къ правильному разрѣшенію вопроса объ алфавитѣ для литовской письменности.

Послѣ того, какъ уничтоженіе крѣпостнаго права и барщины открыло доступъ въ учебныя заведенія лицамъ крестьянскаго сословія, просвѣщеніе въ Литвѣ начало дѣлать замѣтные успѣхи. Число учащихся въ народныхъ училищахъ стало все болѣе и болѣе возрастать; бо́льшая, сравнительно съ другими мѣстностями, обезпеченность землею и проистекающее отсюда сносное благосостояніе дали возможность весьма значительному числу дворохозяевъ отдавать

своихъ дѣтей и въ среднія учебныя заведенія мѣстныя, классическія гимназіи. Послѣднія во второй половинѣ семидесятыхъ и первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ были переполнены литовцами-крестьянами. Только въ послѣднее время число литовцевъ въ классическихъ гимназіяхъ уменьшилось сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, отчасти вслѣдствіе усиленія требованій на пріемныхъ испытаніяхъ, отчасти потому, что стали строго соблюдать правила о предѣльномъ возрастѣ для поступленія въ гимназію, отчасти вслѣдствіе переживаемыхъ нынѣ тяжелыхъ экономическихъ условій, вызвавшихъ уменьшеніе доходности земледѣлія, составляющаго исключительное занятіе литовцевъ. Конечно, не всѣ учащіеся въ гимназіяхъ кончаютъ полный курсъ; одни ограничиваются четырьмя классами и поступаютъ въ духовныя семинаріи, аптеки и т. д., или ищутъ подходящихъ занятій на государственной службѣ; другіе, не пройдя по какимъ-либо причинамъ даже курса четырехъ классовъ, возвращаются въ деревню и принимаются за обычныя занятія своихъ отцовъ. Но, не смотря на это, многіе все-таки успѣшно проходятъ полный гимназическій курсъ и поступаютъ въ высшія учебныя заведенія, преимущественно въ университеты московскій, петербургскій и варшавскій, большею частью на медицинскій и юридическій факультеты.

Такимъ образомъ, образованіе, распространяясь мало-по-малу въ народной массѣ, создало классъ молодыхъ, образованныхъ литовцевъ, вынесшихъ самые лучшіе задатки изъ центровъ умственной дѣятельности нашего отечества. Оставаясь въ душѣ литовцами, люди эти, вышедшіе изъ народа, не могли порвать связи съ тою средою, съ которою соединяли ихъ живыя воспоминанія дѣтства. Но что-же они должны были замѣтить и испытать при первомъ соприкосновеніи съ жизнью своихъ отцовъ и дѣдовъ, на лонѣ которой явились первые проблески ихъ сознанія? Какими представленіями и понятіями обдала ихъ та среда, духовною атмосферою которой они дышали въ блаженныя времена дѣтства? Чувства, овладѣвшія ими, не могли быть отрадны. Прежде всего, легко было убѣдиться, что жизнь ихъ собратьевъ, въ ея проявленіяхъ въ настоящемъ и прошломъ, представляетъ обширное поле для разностороннихъ изслѣдованій и ждетъ еще неутомимыхъ тружениковъ, призванныхъ нести лучи свѣта въ темное царство. Затѣмъ, не могло не поразить ихъ полное подчиненіе народной массы польской культурѣ; духовная и матерьяльная зависимость отъ поляковъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ такъ глубоко проникла въ сознаніе литовца, что онъ совершенно искренно считалъ себя полякомъ и во всемъ польскомъ видѣлъ идеалъ, стремиться къ которому было его завѣтомъ. Полонизмъ глубоко пустилъ корни особенно въ состоятельномъ классѣ сельскихъ обывателей, не говоря уже о городскихъ жителяхъ, которые и по

настоящее время продолжают щеголять своеобразнымъ жаргономъ, представляющимъ смѣсь польскаго и литовскаго языковъ съ весьма значительнымъ перевѣсомъ перваго; послѣдніе представляютъ своего рода шляхту, прозябающую въ духовной и матерьяльной нищетѣ, а въ деревняхъ, особенно въ Ковенской губ., имъ соотвѣтствуетъ такъ называемая «шляхта околичная».

Наконецъ, молодое поколѣніе образованныхъ литовцевъ не могло не убѣдиться въ неудовлетворительности условій духовнаго развитія и экономической жизни своего народа. Развитіе народной литературы было пріостановлено вслѣдствіе воспрещенія латинскаго алфавита; предполагавшееся виленскою администраціею изданіе книгъ для полезнаго, поучительнаго чтенія для народа оказалось однимъ лишь пожеланіемъ, которому, очевидно, не суждено когда-либо осуществиться на дѣлѣ. Вся дѣятельность виленскаго учебнаго округа въ этомъ отношеніи ограничилась почти исключительно изданіемъ нѣсколькихъ букварей да молитвенниковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ изданіями для народнаго чтенія. Наконецъ, не сбылись также свѣтлыя упованія, возлагавшіяся на воспитанниковъ поневѣжской учительской семинаріи по части созданія литовской народной литературы, отвѣчающей желаніямъ виленскаго учебнаго округа. Отсутствіе книгъ для народнаго чтенія, явленіе само по себѣ весьма печальное, должно было невыгоднымъ образомъ отразиться и на дѣятельности народной школы, которая лишена была возможности служить дѣлу просвѣщенія такъ, какъ могла-бы при нормальныхъ условіяхъ общественной жизни. Въ тѣсной связи съ этими явленіями духовной жизни находилась и область экономическаго быта народа. Недостатокъ знаній обусловливалъ отсутствіе хозяйственной предпріимчивости; о промышленности не было и помину; вся торговля сосредоточивалась въ рукахъ евреевъ, представлявшихъ также единственный источникъ кредита для крестьянъ; ремесла были крайне мало развиты и ограничивались только потребностями домашняго обихода. Все населеніе искало средствъ существованія въ земледѣліи, и только здѣсь литовецъ могъ приложить свой трудъ, исполнявшійся, притомъ, въ первоботныхъ условіяхъ производства за отсутствіемъ техническихъ знаній. Въ свою очередь, сосредоточеніе народнаго труда на земледѣліи, въ связи съ приростомъ населенія и исключительнымъ господствомъ индивидуальной формы владѣнія землею, вызывало дробленіе земли на мелкіе участки, долженствовавшее повлечь за собою сокращеніе производительности народнаго труда.

Такова, изображенная вкратцѣ безъ всякихъ преувеличеній, дѣйствительность, представлявшаяся образованнымъ литовцамъ. Неужели можно было закрывать глаза на описанныя явленія и безучастно относиться къ дальнѣйшему теченію народной жизни? Сознаніе нравственнаго долга, лежащаго на каждомъ

образованномъ человѣкѣ, заставляло серьезно подумать о судьбѣ слишкомъ двухмилліоннаго населенія, проникнуться народною нуждою всѣми силами души и отдаться посильному служенію общему благу. Дѣло было слишкомъ велико, задачи оказались слишкомъ сложными, чтобы съ ними могла справиться дѣятельность отдѣльныхъ личностей; надлежало поэтому взвѣсить наличныя силы и обратить ихъ на осуществленіе самой необходимой и доступной изъ множества задачъ. Таковою задачею признано было основаніе литовской газеты и изданіе книгъ для народа. Такъ какъ опытъ свидѣтельствовалъ, что народъ крайне нерасположенъ къ книгамъ, печатаннымъ русскими буквами, то не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ числѣ условій успѣшности дѣла немаловажное значеніе имѣетъ уже знакомый народу латинскій алфавитъ, каковой и необходимо было предпочесть безъ всякихъ колебаній не принятому народомъ русскому. Но необходимость употреблять воспрещенный для народныхъ изданій [1]) алфавитъ дѣлала немыслимымъ осуществленіе намѣченной задачи въ предѣлахъ отечества, вслѣдствіе чего литовцы обратились за помощью къ своимъ единоплеменникамъ, населяющимъ пограничную окраину Восточной Пруссіи. И вотъ здѣсь, въ г. Тильзитѣ, въ 1883 г. появляется въ скромныхъ размѣрахъ литовская газета «Aušra» (Заря), предназначенная исключительно для русскихъ литовцевъ, между которыми она и распространялась до своего прекращенія въ 1886 г. Вскорѣ затѣмъ одна за другою возникаетъ нѣсколько газетъ, изъ коихъ въ настоящее время существуютъ: Varpas (Благовѣстъ), Ukininkas (Сельскій хозяинъ) и Apžvalga (Обозрѣніе). Всѣ эти газеты издаются латинскимъ шрифтомъ, принаровленнымъ къ литовскому языку, и распространяются только между нашими литовцами, потому что прусскіе литовцы не читаютъ ихъ, какъ посвященныхъ исключительно интересамъ русскихъ литовцевъ, да онѣ, впрочемъ, и не нужны имъ, потому что у нихъ имѣется достаточно своихъ газетъ. Существованіе нѣсколькихъ газетъ ясно свидѣтельствуетъ о созрѣвшей между нашими литовцами потребности въ нихъ, въ настоятельности каковой потребности въ настоящее время сомнѣвается, повидимому, корреспондентъ «Русск. Вѣдом.» г. Н. (Изъ Сѣверо-западнаго края, 1893 г. №259), утверждающій, что литовцамъ можно было бы предоставить право издавать газету, еслибъ въ томъ оказалась надобность. Впрочемъ, взглядъ г. Н. оправдывается, можетъ быть, тѣмъ, что ему извѣстно о существованіи только одной литовской газеты, вѣроятно болѣе всего распространенной у насъ.

---

[1]) Въ трудахъ русскихъ ученыхъ обществъ, занимающихся собираніемъ и изслѣдованіемъ матеріаловъ по этнографіи и языку литовцевъ, и понынѣ употребляется латинскій алфавитъ.

Одновременно съ появленіемъ газетъ началось изданіе, въ той-же Восточной Пруссіи молитвенниковъ и книгъ для народнаго чтенія, доставляемыхъ къ намъ контрабандою. О степени распространенности у насъ этихъ книгъ, особенно молитвенниковъ, красноречиво говоритъ то обстоятельство, что, по отзыву владѣльца одной типографіи въ Тильзитѣ, помѣщенному въ литовской газетѣ «Šviesa» (Свѣтъ), только изъ его типографіи выпущено было въ теченіе 1888 года сто тысячъ слишкомъ экземпляровъ молитвенниковъ и разнаго рода книжекъ для народа, разошедшихся между нашими литовцами. Будучи хорошо знакомъ съ литовскою жизнью какъ по происхожденію, такъ и по личнымъ связямъ, позволяю себѣ положительно утверждать, что не найдется ни одного грамотнаго литовца, у котораго не было-бы по крайней мѣрѣ молитвенника, изданнаго латинскими буквами за границею. Чтобъ убѣдиться въ вѣрности моихъ словъ, стоитъ только въ праздничный день зайти въ любой литовскій костелъ: тутъ можно было-бы увидѣть тысячи колѣнопреклоненнаго народа, молящагося по книгамъ заграничнаго изданія; весь этотъ народъ, слѣдовательно, нарушаетъ законъ человѣческій, чтобъ воздать должное Всевышнему.

Если къ сказанному прибавить, что въ Восточной Пруссіи существуетъ не одна, а нѣсколько типографій, занимающихся изданіемъ литовскихъ книгъ, и что въ Америкѣ точно также издаются литовскія газеты и разнаго содержанія книги, проникающія къ намъ, хотя и послѣ долгихъ странствованій, то легко себѣ представить, какое множество контрабандныхъ безцензурныхъ изданій наводняетъ нашу литовскую окраину. Само собою разумѣется, что качество произведеній этой чужеземной фабрикаціи неодинаково: рядомъ съ изданіями, во всѣхъ отношеніяхъ безупречными, попадаются также изданія антиправительственнаго содержанія.

Отмѣченные факты ясно указываютъ на культурное пробужденіе литовцевъ и даютъ полное основаніе утверждать, что время для введенія русскаго алфавита въ литовскую письменность миновало уже безвозвратно; вмѣстѣ съ тѣмъ эти факты съ полною очевидностью свидѣтельствуютъ о явной несостоятельности нѣкоторыхъ мнѣній, высказывавшихся и высказывающихся въ нашей печати по вопросу объ алфавитѣ для литовской письменности. Такъ, между прочимъ, г. Я. въ статьѣ «Литовскій языкъ и русскій шрифтъ» («Русская Жизнь» 1893 г. № 60) утверждаетъ, что число преступленій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, населенныхъ литовцами, возрастаетъ подъ вліяніемъ мѣръ къ примѣненію русскаго шрифта къ литовскому языку, которыми будто-бы сѣется порою рознь между отцами, сроднившимися съ латинскою азбукою, завѣщанною дѣдами, и молодымъ подростающимъ поколѣніемъ. Въ уголовной лѣтописи литовскаго народа не найдется ни одного преступленія, которое возникло-бы

на указываемой г. Я. почвѣ; между литовцами нѣтъ ни малѣйшаго разногласія по вопросу объ алфавитѣ, доказательствомъ чему служитъ всеобщее распространеніе газетъ и книгъ, издаваемыхъ латинскимъ шрифтомъ. Въ частности, противъ мнѣнія г. Я. о приверженности къ русскому шрифту молодаго поколѣнія говоритъ то обстоятельство, что всѣ газеты употребляютъ латинскій шрифтъ, между тѣмъ какъ онѣ обязаны своимъ возникновеніемъ и существованіемъ только молодому поколѣнію и читаются имъ гораздо больше, чѣмъ старымъ. Еще болѣе несостоятельными являются взгляды по сему предмету покойнаго проф. Кояловича, г. Владимірова и др. Безуспѣшность мѣропріятій по примѣненію русскаго алфавита къ литовскому языку они приписываютъ исключительно противодѣйствію пользующагося подавляющимъ авторитетомъ среди литовцевъ католическаго духовенства и пропагандѣ поляковъ; по ихъ мнѣнію, латинскій алфавитъ нуженъ не литовцамъ, а ксендзамъ и полякамъ для ополяченія литовцевъ («Русское Обозрѣніе», Май 1893 г., корресп. г. Владимірова); дѣятельности послѣднихъ они приписываютъ даже всѣ литовскія заграничныя изданія, задавшіяся будто-бы цѣлью насаждать среди литовцевъ польскія идеи, польскій духъ и окончательно подчинить литовцевъ польской культурѣ. Кромѣ того, г. Владиміровъ видитъ причины неудачъ въ недостаточно энергической дѣятельности представителей власти въ Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ, обвиняя ихъ въ спячкѣ. Доказывать несостоятельность этихъ взглядовъ значило-бы вдаваться въ повтореніе того, что выше было изложено. Замѣчу лишь, что обвиненіе поляковъ въ пропагандѣ среди литовцевъ съ цѣлью противодѣйствія введенію русскаго шрифта и приписываніе имъ заграничныхъ литовскихъ изданій является грубою ошибкою. Достаточно взять въ руки любую литовскую газету, чтобы убѣдиться, что въ данномъ случаѣ «польская интрига» ни при чемъ; да и сами поляки неоднократно выступали въ печати противъ распространенія литовскихъ изданій, идущихъ въ разрѣзъ съ излюбленными ими идеалами. Приведенныя мнѣнія лишній разъ доказываютъ, что у насъ объ алфавитѣ для литовской письменности и тѣсно связанныхъ съ нимъ вопросахъ пишутъ иногда лица, обнаруживающія полнѣйшее незнаніе жизни литовской народности.

Итакъ, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что не пропаганда какихъ-то неизвѣстныхъ личностей и не «спячка въ Вильнѣ» являются причинами безуспѣшности примѣненія русскаго алфавита къ литовскому языку, а что, напротивъ, сама жизнь отвергла этотъ алфавитъ, что та же жизнь вывела литовцевъ на путь культурнаго пробужденія и что возвращеніе литовцамъ латинскаго алфавита является настоятельною необходимостью. Можно съ увѣренностью утверждать, что никакія дальнѣйшія мѣры къ введенію русскаго алфавита не въ

состоянія будутъ уничтожить того, что опирается на многовѣковую исторію и неразрывно связано съ культурою народа; онѣ будутъ лишь поддерживать описанное выше ненормальное положеніе вещэй, заключающееся въ томъ, что слишкомъ двухмилліонное населеніе удовлетворяетъ свою потребность въ просвѣщеніи внѣ предѣловъ государства, нарушая съ спокойною совѣстью законъ, угрожающій наказаніемъ; такое неуваженіе къ запрету закона объясняется тѣмъ, что это населеніе вполнѣ искренно убѣждено въ невинности и законности своихъ стремленій. И въ самомъ дѣлѣ, вeѣ вѣдь литовскія заграничныя изданія являются продуктомъ не преступной пропаганды, не антиправительственной агитаціи, а вполнѣ сознательнаго стремленія къ просвѣщенію; но въ такомъ случаѣ не лучше-ли было-бы пойти навстрѣчу этому стремленію, чѣмъ создавать ему преграды введеніемъ, во что-бы то ни стало, чуждаго литовцамъ алфавита, не завоевавшаго себѣ среди нихъ приверженцевъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Такой поворотъ въ этомъ дѣлѣ является тѣмъ болѣе желательнымъ, что русскій алфавитъ, задерживая культурное развитіе литовской народности, не способствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ достиженію цѣлей, ради которыхъ признано было необходимымъ примѣнить его къ литовской письменности. Одна изъ этихъ цѣлей, борьба съ полонизмомъ, осуществляется помимо его, и все, что до сихъ поръ сдѣлано для освобожденія литовцевъ отъ вліянія польской культуры, составляетъ заслугу не букварей и молитвенниковъ, изданныхъ русскимъ алфавитомъ, а литовской заграничной литературы; другая цѣль, нравственное и общественное сближеніе литовцевъ съ русскою народностью, не только не достигается примѣненіемъ русскаго алфавита къ литовскому языку, но даже получаются совершенно противоположные результаты, потому что необходимость пользоваться контрабандною литературою создаетъ отчужденіе литовцевъ отъ русскихъ. Въ виду сего было-бы вполнѣ цѣлесообразно отказаться отъ воздѣйствія на литовцевъ «буквами» и позаботиться объ удовлетвореніи потребности ихъ въ просвѣщеніи болѣе раціональными, чѣмъ буквы, средствами, которыя не ставили-бы искусственныхъ преградъ развитію народа и не вели-бы къ послѣдствіямъ, нежелательнымъ въ интересахъ государства.

М. Лозорайтисъ.

Къ вопросу объ алфавитѣ для литовцевъ.

Хотя тридцать лѣтъ назадъ литовцамъ данъ алфавитъ, составленный изъ русскихъ буквъ, а употреблявшійся до того на пространствѣ болѣе чѣмъ трехъ столѣтій польскій алфавитъ запрещенъ и все это время (т. е. 30 лѣтъ) строго преслѣдовался, все таки мы въ правѣ называть вопросомъ дѣло съ литовскимъ алфавитомъ и при томъ считать этотъ вопросъ очень живымъ и важнымъ для русскихъ интересовъ. Съ точки зрѣнія послѣднихъ можно радоваться, что дѣло это еще не такъ ужъ безповоротно, чтобы его нельзя было считать вопросомъ.

Запрещая для литовцевъ польскій алфавитъ, а затѣмъ и вообще латинскій, вводя вмѣсто него русскій имѣли въ виду съ одной стороны отдалить литовцевъ отъ поляковъ и ихъ вліянія, съ другой—содѣйствовать скорѣйшему обрусенію Литвы т. е. сближенію литовцевъ съ русскими, породнивъ ихъ между собою посредствомъ общаго алфавита. И что-же? Послѣ тридцатилѣтняго серьезнаго опыта мы находимъ результаты прямо противоположные, совсѣмъ не желательные для русскихъ. Главнѣйшіе изъ нихъ я постараюсь вкратцѣ указать въ данной замѣткѣ съ выясненіемъ основной причины ихъ.

Русскій алфавитъ (кириллица), примѣненный къ литовскому языку, до сихъ поръ нисколько не привился въ Литвѣ, несмотря на разнообразныя и энергическія мѣропріятія администраціи края. Имъ пользуются литовцы только пока находятся въ стѣнахъ училищъ (т. е. сельскихъ школъ и гимназій). Внѣ ихъ этотъ алфавитъ не употребляютъ и до сихъ поръ въ народѣ его называютъ «русскими буквами», противополагая ему литовскій алфавитъ — латиницу. Литовцы охотно пишутъ по-русски, даже не прочь щегольнуть этимъ, какъ и вообще знаніемъ русскаго языка, но русскими буквамя по литовски пишутъ только по принужденію. Солдаты, напр., отбывающіе воинскую повинность внутри Россіи, нерѣдко въ гвардейскихъ полкахъ, пишутъ въ деревню своимъ роднымъ прямо по-русски, но отнюдь не русскими буквами по-литовски. Мнѣ въ Литвѣ охотно сообщали повѣрья, сказки и т. п., потому что записывалъ все это, пользуясь чешской азбукой, при чемъ очень восторгались тѣмъ, что я такъ быстро и хорошо пишу по-литовски «литовскими (!) буквами»; ранѣе же, когда я сталъ было записывать русскими буквами, на меня смотрѣли очень косо, и мнѣ трудно было чего-нибудь добиться отъ нихъ.

Изъ этого примѣра можно видѣть, что литовцы считаютъ «литовской»

азбукой всякую азбуку латинскаго происхожденія, т. е., именно, латиницу вообще, а не исключительно польскій алфавитъ.

Но вотъ еще примѣръ. У меня съ собой была литовская книга, отпечатанная научнымъ латинскимъ шрифтомъ «Litauische Volkslieder u. Märchen» Лескина и Бругманна. Надо было видѣть радость и умиленіе тѣхъ литовцевъ, кому только удавалось видѣть ее, перелистывать. Одинъ всѣми уважаемый старикъ крестьянинъ просто даже прослезился, держа ее въ рукахъ, а другой крестьянинъ, зажиточный и честный, ужасно просилъ меня уступить ее ему и признавался даже, что съ удовольствіемъ бы укралъ ее у меня.

Такая привязанность къ латиницѣ и отвращеніе къ кириллицѣ объясняется исключительно католицизмомъ литовцевъ и ихъ фанатическою преданностью религіи. Латиница—алфавитъ католиковъ, какъ кириллица—азбука православныхъ. Съ молитвенникомъ, хотя бы и чисто литовскимъ и католическимъ по языку и содержанію, но отпечатаннымъ русскими буквами никто не пойдетъ въ церковь и дома не станетъ молиться. Это книга еретическая. Особенно отличаются фанатизмомъ въ этомъ отношеніи женщины, что впрочемъ и вездѣ бываетъ въ дѣлѣ вѣры. И литовцевъ нельзя осуждать за это и заставлять ихъ насильно молиться по такимъ книгамъ, которыя съ ихъ католической точки зрѣнія считаются еретическими, какъ немыслимо православнаго русскаго крестьянина или даже купца, а тѣмъ болѣе старовѣра заставлять пользоваться священными и богослужебными книгами, отпечатанными латиницей. Литовца же по фанатизму можно сравнить именно со старовѣромъ, способнымъ сжечь себя во славу Божію. Можно судить поэтому, какое впечатлѣніе производитъ на литовцевъ навязываніе имъ русскаго, кирилловскаго алфавита, хотя-бы и искусно примѣненнаго къ звукамъ литовскаго языка (чего на самомъ дѣлѣ далеко еще не достигли) и запрещеніе, конфискація и истребленіе огнемъ книгъ (въ томъ числѣ множества молитвенниковъ !) латинскаго шрифта.

Вспомнимъ, что въ то же время литовцы видятъ, что рядомъ съ ними другія народности, состоящія въ русскомъ подданствѣ, какъ, напр., нѣмцы, поляки и даже разъѣдающіе Литву евреи, имѣютъ свою печать и могутъ пользоваться ею на законномъ основанія. Подобное сопоставленіе принадлежитъ не мнѣ, а одному крестьянину Литовцу. «Мы сироты, мы забыты», говорилъ онъ:—«мы не можемъ имѣть ни книгъ, ни газетъ, а должны или ничего ни читать или противозаконно покупать за огромныя деньги заграничныя изданія. Насъ Ciecorius (Царь) освободилъ отъ польскаго панскаго ига, за то мы несемъ теперь духовное иго».

При такихъ обстоятельствахъ конечно не можетъ рости довѣріе къ рус-

скимъ, расположеніе ко всему русскому, между прочимъ къ чтенію русскихъ газетъ и книгъ. Наоборотъ, литовцы привыкаютъ въ каждомъ русскомъ видѣть шпіона, разъискивающаго запрещенныя книги латинскаго шрифта. Въ слабой сравнительно степени я испыталъ это на себѣ, несмотря на рекомендательныя письма.

Если-бъ не этотъ несчастный вопросъ объ алфавитѣ, литовская народность,—сама по себѣ одна изъ наиболѣе мирныхъ народностей Россіи. Но вотъ по ничтожной для насъ, русскихъ, причинѣ совершенно искуственно создается нами-же и разжигается подозрительность и враждебное чувство преслѣдуемаго человѣка къ своему гонителю, и это въ такомъ народѣ, который почти не имѣетъ къ тому естественныхъ, историческихъ основаній да, пожалуй, и никакихъ другихъ. Мы, русскіе, сами такимъ образомъ создаемъ и удобряемъ почву для вредной антирусской и антиправительственной пропаганды заграничной печати, мутящей скромную земледѣльческую Литву. Мы сами заставляемъ литовцевъ за большія деньги и съ рискомъ для себя пріобрѣтать контрабанднымъ путемъ эти заграничныя изданія, и это тѣхъ изъ литовцевъ, кто посмѣлѣе, порѣшительнѣе да позажиточнѣе; другихъ-же—бѣдняковъ и людей осторожныхъ или даже просто трусливыхъ вынуждаемъ обращаться къ польскимъ молитвенникамъ, газетамъ, иллюстрированнымъ журналамъ и такимъ образомъ толкаемъ ихъ отъ себя къ полякамъ, содѣйствуя незамѣтно для себя дальнѣйшему ополяченію наиболѣе мирныхъ элементовъ Литвы. Тяжело все это видѣть, сознавать русскому и понимать, изъ-за какихъ въ сущности пустяковъ все это происходитъ—изъ-за азбуки! Какъ бы хотѣлось, чтобы литовецъ зналъ, что русскій вовсе не врагъ его религіи и народности и что дружбы и нравственной поддержки надо искать не за границей, не у прусака, не у поляка, а у русскаго! Я увѣренъ, что всякій кто-бы ни взглянулъ на дѣло просто, безъ предубѣжденія и внимательно и серьезно разсмотрѣлъ бы его, всякій нашелъ бы, что я ничего не преувеличилъ, и если кому дороги интересы Россіи, тотъ вмѣстѣ со мной будетъ желать для ея пользы и чести наискорѣйшей отмѣны запрещенія для литовцевъ латинскаго алфавита и разрѣшенія для нихъ имѣть свою дешевую газету гдѣ нибудь въ Ковнѣ или Вильнѣ, свои дешевые молитвенники, календари и другія книги латинско-литовскаго шрифта. Этимъ самымъ будетъ вырвано самое сильное оружіе изъ рукъ заграничныхъ враговъ Россіи и мирно отвоевано у нихъ поприще ихъ пропаганды. Польская-же печать въ такомъ случаѣ легко совсѣмъ вытѣснится литовскою. Такое разрѣшеніе вопроса объ алфавитѣ еще пока не поздно, но если еще лѣтъ 20—30 пропустить въ колебаніяхъ, то послѣ уже будетъ не вернуть потеряннаго.

Георгій Гинкенъ.

Объ инородческихъ языкахъ въ Россіи вообще и о латинскомъ алфавитѣ у Литовцевъ въ особенности.

Съ уразумѣніемъ важности признанія свободы человѣческаго духа въ области вѣры и знанія тѣсно связано признаніе великаго значенія начала разнообразія въ просвѣщеніи и образованности. Одною изъ великихъ заслугъ русскаго духовенства составляютъ совершенные имъ въ разное время переводы Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки, такъ какъ православная церковь всегда признавала необходимость Слова Божія и богослуженія на родномъ языкѣ [1]). Было бы желательно появленіе подробнаго критико-библіографическаго указателя всѣхъ такихъ, имѣющихся у насъ переводовъ на инородческіе языки. Оно необходимо не только для знанія и признанія заслугъ потрудившихся, но и для вѣрной оцѣнки того, что̀ сдѣлано вполнѣ и хорошо, что̀ только начато и ждетъ довершенія, что̀, можетъ быть, сдѣлано неудовлетворительно и потому должно быть исправлено или вновь передѣлано.

У насъ много толкуютъ и пишутъ о распространеніи русскаго языка между инородцами. Всякій языкъ распространяется внѣ предѣловъ природной своей территоріи разными способами и путями. Чѣмъ богаче народъ своею образованностью, чѣмъ выше и разнообразнѣе его литература, тѣмъ охотнѣе иноплеменные народы изучаютъ его языкъ. Пути сообщенія, связи экономическія, помимо даже школъ, много помогаютъ распространенію языка господствующаго въ государствѣ народа. Далѣе школа, особенно средняя и высшая, окончательно утверждаетъ знаніе этого языка между инородцами образованными. Но низшая, первоначальная школа тамъ, гдѣ инородцы живутъ въ глуши и захолустьяхъ, далекихъ отъ большихъ дорогъ и отъ всякихъ русскихъ поселеній, тамъ, понятно, эта школа никогда не можетъ распространить и утвердить знаніе русскаго языка между инородцами. Что̀ узнаютъ въ два, три года, въ теченіи шестимѣсячнаго хожденія въ школу, то скоро затѣмъ и забудутъ: научить говорить на чужомъ языкѣ такая школа никогда не можетъ. Воротясь домой, дѣти всегда будутъ говорить съ отцемъ, съ матерью, въ семьѣ, у себя на улицѣ съ ребятами, конечно только на родномъ языкѣ. Оно понятно, иначе и быть не можетъ, и жалѣть о томъ нечего. Нѣкоторые спеціалисты говорятъ, что для того надо назначать въ инород-

[1]) Вспомнимъ незабвенные труды преп. Стефана Пермскаго, Иннокентія Камчатскаго и Алеутскаго, Макарія Алтайскаго, свящ. Вербицкаго, проф. Ильминскаго и др.

ческія школы русскихъ учителей, ничего незнающихъ по туземному. Это заблужденіе и, прибавимъ, большое непониманіе задачи школы, даже великій грѣхъ. Что священникъ, что народный учитель одинаково должны быть близки къ своей паствѣ, къ своимъ ученикамъ и ихъ родителямъ, должны внушить имъ къ себѣ довѣріе и любовь, должны быть связаны съ ними и духовно и единствомъ рѣчи. Первоначальная школа всегда и вездѣ должна прежде всего дать начатки христіанскаго, человѣческаго и гражданскаго просвѣщенія. Если ей вмѣнить въ первѣйшую обязанность—наученіе русскому языку, то все школьное время пройдетъ для ребенка совершенно безплодно: чему учили его, онъ скоро позабудетъ, и не узнаетъ ничего, что должна дать знать первоначальная школа. «Какъ же русскіе подданные не будутъ знать русскаго языка?» Не будутъ, какъ не знали и прежде, и узнаютъ и научатся ему, когда новыя дороги, новые промыслы или торговыя связи или появленіе, въ сосѣдствѣ, русскихъ поселенцевъ, словомъ живыя связи и отношенія распространятъ русскій языкъ въ этой инородческой глуши. Уважать Россію и русскаго царя тысячи, десятки, сотни тысячъ инородцевъ нашихъ давно привыкли, и не зная русскаго языка. Любви и уваженію еще скорѣе научитъ народная школа съ языкомъ роднымъ. Какъ бы на нашъ взглядъ тотъ или другой инородческій языкъ ни былъ простъ, грубъ, бѣденъ, онъ милъ и дорогъ ребятамъ и ихъ родителямъ. За такую милую школу они еще больше полюбятъ и больше прежняго будутъ почитать царя и Россію. Не надо никогда забывать, что инородецъ, презрительно отзывающійся о своей народности на ломаномъ русскомъ языкѣ, есть явленіе глубоко противное, и всякій трезвый добропорядочный крестьянинъ-инородецъ, не знающій ни слова по-русски, во сто, въ тысячу разъ для Россіи полезнѣе отбившагося отъ роднаго своего народа и дѣла любаго разбитнаго, но малопорядочнаго инородца, даже хорошо знающаго по русски... Въ значительной части нашего образованнаго или полуобразованнаго общества слышны нерѣдко самыя дикія и грубыя мнѣнія и выраженія объ инородцахъ. Это совсѣмъ не по христіански да и большое заблужденье, великій предразсудокъ. Это рѣшительно наше несчастье. Пора, давно пора понять, что начало разнообразія только пополняетъ и оплодотворяетъ начало единства: «каждую особенную народность жизни и слова, по прекрасному замѣчанію Срезневскаго, можно сравнить съ особеннымъ музыкальнымъ тономъ, каждая необходима, каждая самобытна, хотя и сливается съ другими»...

Не для одного просвѣщенія инородцевъ, православныхъ и иновѣрныхъ, намъ нужны хорошіе съ извѣстнымъ образованіемъ сельскіе батюшки изъ туземцевъ или по крайней мѣрѣ отлично знающіе языки своихъ прихожанъ и такіе же

учители народныхъ школъ. Они нужны и не для одного благосостоянія русскаго государства, но и для русской науки и образованности. Въ языкахъ, народныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ, обычаяхъ всѣхъ нашихъ инородцевъ содержится великое богатство данныхъ, важныхъ не для одной, а для нѣсколькихъ наукъ. Собранныя съ любовью и знаніемъ дѣла (тутъ преимущественно нужны развитые, любящіе свою народность туземцы изъ священниковъ и народныхъ учителей), эти данныя выяснятъ много теперь темнаго, раскроютъ много тайнъ, обогатятъ, раздвинутъ человѣческое знаніе. Въ этихъ уцѣлѣвшихъ остаткахъ большихъ нѣкогда племенъ имѣется столько разнообразныхъ темъ, мотивовъ поэтическихъ, художественныхъ (орнаменты), музыкальныхъ. Они могутъ, должны въ послѣдствіи придать много новыхъ элементовъ свѣжести, сочности, разнообразія нашей поэзіи, живописи, архитектурѣ, скульптурѣ, музыкѣ. Вообще говоря, многіе недостатки нашей образованности, нашей администраціи, всей нашей полупраздной и сонной провинціальной жизни объясняются господствующимъ въ провинціальномъ да и столичномъ обществѣ равнодушіемъ, пренебреженіемъ и невѣжественнымъ, часто весьма не нравственнымъ, презрѣніемъ къ инородцамъ, среди коихъ живутъ русскіе образованные люди иногда цѣлые десятки лѣтъ, не научась ни одному изъ этихъ языковъ, не ознакомившись съ мѣстнымъ населеніемъ... Знаніе этихъ языковъ крайне необходимо и русскимъ чиновникамъ, имѣющимъ съ инородцами непосредственныя сношенія. Пошлымъ важничаньемъ, безсмысленными криками въ Петербургѣ или Москвѣ, при полномъ незнаніи мѣстныхъ условій, мы такъ называемаго русскаго дѣла нигдѣ не подвинемъ, русскаго знамени нигдѣ не водрузимъ и высоко держать не будемъ. А между тѣмъ въ ущербъ самымъ важнымъ интересамъ государства цѣлыя области и народности управляются черезъ русскихъ чиновниковъ, находящихся въ рукахъ переводчиковъ и толмачей или черезъ чиновниковъ изъ инородцевъ же, только ненавидимыхъ народностями управляемыми. Такъ весь почти Кавказъ, а не армянская его часть, управляется у насъ армянами, коихъ остальные многочисленные инородцы Кавказа весьма не долюбливаютъ. Такъ Литовцы у насъ оставлены подъ сильнымъ вліяніемъ польскимъ...

Вообще относительно этой почтенной, важной, хотя и небольшой народности, у насъ существуетъ большое, печальное недоразумѣніе. Покойный, высокодаровитый А. Ѳ. Гильфердингъ въ 1860-хъ годахъ былъ увлеченъ увлекавшею не немногихъ тогда западныхъ, католическихъ славянъ въ Австріи мыслью о примѣненіи къ ихъ языкамъ кирилловской, славянской азбуки вмѣсто употребляемой у нихъ латинки. Онъ задумалъ примѣнить славянскую, русскую азбуку и къ языку литовскому. Природный Литвинъ, отличный знатокъ

языка и великій народолюбецъ, человѣкъ большой эрудиціи (по языкамъ), но вовсе не писатель и еще тѣмъ болѣе не писатель народный, Микуцкій сочувствовалъ этой мысли и поддерживалъ ее въ Гильфердингѣ. Близкій къ Н. А. Милютину, Гильфердингъ представилъ ему свой проектъ, и Милютинъ выхлопоталъ запрещеніе печатать литовскія книжки латиницею и приказаніе издавать ихъ лишь славянскими, русскими буквами. При этомъ конечно имѣлось тогда въ виду не прекращеніе литературной обработки литовскаго языка, а напротивъ (какъ видно изъ прекрасной статьи Гильфердинга о литовцахъ) поощреніе ея развитію въ духѣ чисто народномъ, не польскомъ, и даже намѣревались этимъ сблизить Литовцевъ съ Россіею и отдалить отъ польскаго вліянія. Къ сожалѣнію этотъ проектъ, слишкомъ отвлеченный и кабинетный, имѣлъ мало успѣха, но за то много дурныхъ, вовсе для насъ нежелательныхъ, послѣдствій. Писателей Литовцевъ, которые бы стали писать и печататься русскою гражданкою, не нашлось; такихъ литовскихъ книжекъ было издано очень и очень мало. Поляки, Литовцы съ польскими симпатіями стали проповѣдывать въ народѣ, крѣпко преданномъ католицизму, что его такимъ образомъ хотятъ обратить въ православіе. Литовскихъ молитвенниковъ, напечатанныхъ русскими буквами, большинство не стало покупать; изданныя латинскими буквами въ Россіи становились все больше и больше библіографическою рѣдкостью; печатаемыя за границею, въ Пруссіи, были запрещены. И вотъ теперь за великія деньги, въ три-дорога, черезъ евреевъ получаютъ Литовцы свои книжки, и самыя необходимыя и въ смыслѣ цензурномъ самыя невинныя, а вмѣстѣ съ ними и совершенно враждебныя Россіи:—въ послѣднія десятилѣтія образовали наши Литовцы довольно большія колоніи въ Сѣв. Америкѣ, гдѣ издаются литовскіе журналы и разныя книжки часто чисто революціоннаго характера. И поляки, и евреи, и наши добрые сосѣди нѣмцы, такъ изучившіе нашу западную окраину, всему этому очень рады и находятъ причины желать распространенія всѣхъ подобныхъ литовскихъ изданій среди нашихъ литовцевъ [1]).

Не желая объ этомъ распространяться, мы считаемъ все сказанное слишкомъ достаточнымъ для того, чтобы скромное наше мнѣніе относительно запрета въ Россіи литовскихъ книжекъ латинской печати обратило на себя вниманіе нашихъ государственныхъ людей. Ближайшіе сродичи литовцевъ,

---

[1]) «Въ Пруссіи,—какъ писалъ въ 1887 г. одинъ изъ литвиновъ американскихъ, крайній фантазеръ, но въ этомъ случаѣ вѣрно передающій факты:—въ послѣднее время стали ухаживать за литовцами. «Tilsiter lit. lit. Vercin» въ ст. г. Фридеберга «Bilder aus Ostpreussen» прусская Литва выставляется центромъ литовскаго просвѣщенія, и Литвѣ обѣщается лестное будущее подъ жезломъ прусскимъ».

латыши славу Богу пользуются же безвозбранно въ своихъ изданіяхъ латинскою азбукою. У литовцевъ есть уже, хотя небольшая, но дорогая и любезная народу, словесность, весьма цѣнная для понимающихъ важность литовскаго языка ученыхъ всѣхъ національностей. Зачѣмъ, къ чему намъ, скажите Бога ради, поселять въ смирномъ, добромъ народѣ недовольство, нелюбовь къ Россіи? Напротивъ, всѣ наши интересы, народные, общественные, государственные требуютъ, чтобы литовцы любили, сохраняли свою народность и крѣпко ея держались: въ знаніи русскаго языка, какъ языка средняго и высшаго образованія, языка русской арміи и вообще государственнаго они все болѣе будутъ чувствовать и сознавать потребность. Чтò же нужно бы было, того, къ сожалѣнію, мы не дѣлаемъ. Въ церковно-іерархическомъ отношеніи литовцы по прежнему подчинены полякамъ. Ихъ народолюбцы священники часто боятся своихъ епископовъ, когда они поляки или польскаго направленія и какъ таковые смотрятъ очень косо на ксендзовъ, слишкомъ преданныхъ своей народности, не признающихъ великихъ благодѣяній старой Рѣчи Посполитой, ничего себѣ, народу не ожидающихъ и отъ будущей, въ Краковѣ и въ Вѣнѣ затѣваемой. Нельзя не желать, чтобы литовская католическая іерархія, все литовское католическое духовенство было совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было польскихъ іерарховъ, чтобы употребленіе народнаго литовскаго языка въ литовскихъ приходахъ повсюду пользовалось исключительнымъ преобладаніемъ, чтобы знаніе польскаго языка литовскому духовенству никакими способами свыше (отъ польскихъ духовныхъ властей) не навязывалось. Точно также нельзя не считать желательнымъ и раздѣленіе евангелической церкви по народностямъ: нѣмецкой, латышской, эстонской. Отчего бы латышамъ и эстонцамъ не имѣть своихъ епископовъ, суперинтендентовъ и къ чему намъ удерживать ихъ въ церковной зависимости отъ нѣмцевъ? Вообще дѣло инородческое въ Россіи требуетъ внимательнаго, обстоятельнаго изученія.

Нельзя не отнестись съ великимъ уваженіемъ къ старому учрежденію, при нашихъ духовныхъ школахъ разныхъ епархій, преподаванія въ нихъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ. Можно только пожелать возможно наилучшей постановки этого дѣла и устройства такого же преподаванія, но не обязательнаго, мѣстныхъ инородческихъ языковъ и въ нашихъ свѣтскихъ, среднихъ и высшихъ заведеніяхъ всѣхъ нашихъ учебныхъ округовъ: вездѣ между юношествомъ и молодежью найдутся желающіе научиться или вѣрнѣе сыщутся юноши изъ уѣздовъ, туземцы или русскіе, уже практически болѣе или менѣе знающіе тотъ или другой инородческій языкъ, и пожелающіе изучить его основательнѣе. Такіе знатоки инородческихъ языковъ не только нужны для

администраціи, но и для успѣховъ русской науки, вообще для русской образованности, для разсѣянія сонливости мысли, для развитія пытливости ума, для возбужденія здоровыхъ умственныхъ интересовъ въ провинціальномъ нашемъ обществѣ, часто убійственно, до тупости, равнодушномъ къ важнымъ по внутреннему смыслу интересамъ и нуждамъ всего ихъ окружающаго населенія.

Къ этимъ строкамъ, напечатаннымъ мною три года назадъ въ статьѣ («Славянское Обозрѣніе») и въ отдѣльной книжвѣ («Три міра Азійско-Европейскаго материка». СПБ. 1892), долгомъ считаю присоединить еще нѣсколько строкъ въ дополненіе и разъясненіе.

Противникъ полонизаціи литвы и жмуди, горячій патріотъ литовскій Микуцкій успѣлъ убѣдить Гильфердинга въ возможности и легкости введенія въ литовскую письменность русской (кирилловской) азбуки. Микуцкій тѣмъ легче могъ убѣдить въ этомъ Гильфердинга, что послѣдній уже давно увлекался мечтою Ганки, Шумавскаго, Іезберы и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ славянскихъ писателей о замѣнѣ латинской азбуки кириллицею или нашею и сербскою гражданкою. Увѣровавъ въ удобства такой перемѣны и въ литовской письменности, Гильфердингъ въ свою очередь успѣлъ убѣдить въ томъ и Н. А. Милютина. Но ни Гильфердингъ, ни Милютинъ не имѣли въ виду общаго, повальнаго запрещенія латинской азбуки для литовцевъ, а только настояли на запрещеніи ея въ казенныхъ изданіяхъ. Тридцатилѣтній слишкомъ опытъ доказалъ, что надежды Микуцкаго, Гильфердинга не оправдались. Мы довольно близко знали и потому высоко цѣнимъ умъ и дарованія покойнаго Н. А. Милютина, считаемъ его однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ государственныхъ дѣятелей не только за время царствованія Александра II, но и за все наше столѣтіе, и смѣло можемъ сказать, что Милютинъ въ настоящее время самъ бы первый рѣшительно высказался за отмѣну этого печальнаго запрещенія латинской азбуки для привыкшихъ къ ней съ половины XVI в. Литовцевъ. Что-же касается Гильфердинга, то съ нимъ гораздо дольше продолжались и были несравненно ближе наши отношенія, онѣ имѣли всегда самый дружественный характеръ съ возвращенія Гильфердинга изъ Босніи (1857) до его, слишкомъ преждевременной смерти (1872). Не только чувство справедливости, не одно сочувствіе къ литовской народности и не одно желаніе послужить государственнымъ и народнымъ интересамъ, но и искреннее уваженіе къ памяти и заслугамъ искренне любимаго и глубоко уважаемаго мною Гильфердинга заставляло и заставляетъ меня подымать голосъ въ пользу снятія запрещенія латинской азбуки для Литовцевъ. Гильфердингъ любилъ и уважалъ

эту народность и желалъ ей возможно полнаго въ русскомъ государствѣ развитія. Имъ сдѣланъ былъ большой промахъ, и конечно, если-бъ онъ дожилъ до настоящаго времени, никого изъ Русскихъ такъ глубоко не огорчало-бы современное печальное положеніе Литовцевъ, поставленныхъ въ невозможность печатать въ Россіи молитвенники и библію, народныя учебныя книги и поэтическія произведенія родныхъ поэтовъ, издавать газеты на родномъ языкѣ, по примѣру напр. Латышей и др. Ниже мы приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ статьи Гильфердинга о Литвѣ и Жмуди. Изъ нихъ читатель легко можетъ замѣтить, что онъ желалъ для Литовцевъ всего того, что теперь уже легко достижимо, благодаря хорошей литовской интеллигенціи, получившей образованіе въ русскихъ университетахъ, но достижимо при одномъ лишь условіи: разрѣшеніи употреблять имъ въ своихъ книгахъ и газетахъ тотъ шрифтъ, который у народа литовскаго считается своимъ, народнымъ, не противнымъ ихъ вѣрѣ, а напротивъ вѣрою ихъ освященнымъ.

Латинская азбука употребляется у насъ въ Россіи безвозбранно Нѣмцами, Поляками, Латышами, Эстами. Никому въ голову не приходитъ запрещать латинскую или готскую азбуку для этихъ инородцевъ, какъ не приходитъ въ голову запрещать Евреямъ, Бурятамъ, Татарамъ, Армянамъ, Грузинамъ ихъ народные алфавиты въ ихъ книгахъ и повременныхъ изданіяхъ. Почему-же Литовцы одни не могутъ пользоваться своею латинскою азбукою? Русскою не писалъ ни одинъ сколько-нибудь извѣстный литовскій писатель. Письмо и словесность письменная вездѣ въ цѣломъ свѣтѣ вводились и распространялись частными людьми, даровитыми общественными дѣятелями, а не полиціею, не администраціею. Прекрасное дѣло — благоустроенная полиція и просвѣщенная администрація, но у нихъ много своего дѣла и сфера ихъ, какъ ни обширна, всеже ограниченна. Вѣра въ ихъ всемогущую и безграничную чудотворную силу — одно изъ опасныхъ суевѣрій и мечтаній. Нѣкоторымъ изъ такихъ мечтателей — утопистовъ наши слова въ пользу разрѣшенія для Литовцевъ ихъ старой латинской азбуки показались отвлеченнымъ кабинетнымъ измышленіемъ. Но пишущій эти строки слишкомъ тридцать лѣтъ слѣдитъ и наблюдаетъ за развитіемъ малыхъ народностей не изъ одного кабинета, владѣетъ живымъ знаніемъ разныхъ народностей за Карпатами и за Дунаемъ, ихъ языковъ и письменностей, ихъ народнаго быта, общественнаго и политическаго положенія, знакомъ съ ихъ видными дѣятелями разныхъ поколѣній; не чуждъ онъ живого знакомства и съ тридцатилѣтнимъ слишкомъ развитіемъ народностей эстонской, латышской, литовской и съ ихъ дѣятелями. Вообще не безъ основанія смѣемъ думать, что вопросы этнографическіе, имѣющіе важное значеніе въ государственной практикѣ или въ прак-

тической политикѣ, къ сожалѣнію у насъ въ Россіи слишкомъ мало знакомы и совершенно напрасно, даже въ ущербъ дѣлу, не привлекаютъ къ себѣ достодолжнаго вниманія людей практическихъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ у кормила государственнаго. Вездѣ въ Европѣ, въ Германіи, въ Австро-Венгріи, во Франціи, въ Великобританіи общество и государство уважаютъ и цѣнятъ труды и изысканія этнографическія. Тамъ государство и общество не жалѣютъ денегъ на великолѣпные этнографическіе музеи, на роскошныя этнографическія изданія. У насъ же повременныя небольшія изданія по этнографіи не имѣютъ возможности прилагать рисунковъ къ описаніямъ типовъ, костюмовъ, жилищъ, домашней утвари, любимыхъ узоровъ и пр. и пр. Есть цѣлыя обширныя области съ губернскими и уѣздными библіотеками, гдѣ едва можно найти два три экземпляра того или другого этнографическаго журнала. Редакторъ «Живой Старины», за одно съ другими редакторами прочихъ нашихъ повременныхъ этнографическихъ изданій, можетъ засвидѣтельствовать о полномъ пренебреженіи и изумительномъ равнодушіи къ живому быту и характернымъ особенностямъ населенія русскаго царства со стороны первостепенныхъ, второстепенныхъ и третьестепенныхъ представителей нашей духовной и свѣтской администраціи. Такъ напр. «Живая Старина» за пять лѣтъ своего существованія имѣла и имѣетъ въ числѣ своихъ подписчиковъ двухъ министровъ—оба бывшіе, одинъ покойный Н. Х. Бунге и другой, благодаря Бога здравствующій, Д. А. Милютинъ. Не принадлежатъ-ли они оба къ просвѣщеннѣйшимъ и замѣчательнѣйшимъ государственнымъ людямъ въ Россіи? Не говоритъ ли этотъ фактъ и въ пользу замѣчанія нашего о важности этнографическаго знанія въ смыслѣ государственномъ? Изъ всѣхъ губернаторовъ у «Живой Старины» только одинъ подписчикъ (одинъ генералъ-губернаторъ). Изъ архіереевъ—ни одного. Изъ чернаго вообще и изъ бѣлаго духовенства также никого. Изъ попечителей учебныхъ округовъ только два.

Не правильно-ли изъ такого со стороны общества и государства пренебреженія къ этнографической наукѣ заключать о господствѣ еще у насъ страшно уже устарѣлыхъ, совершенно рутинныхъ и кабинетно-канцелярскихъ, воззрѣній, по коимъ государственному аппарату и при немъ стоящимъ лицамъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до чувствъ и вѣрованій, до понятій, обычаевъ и нравовъ разнообразнаго населенія; довольно знать лишь его платежныя силы и сколько въ данное время оно можетъ поставить рекрутовъ въ армію и во флотъ, и затѣмъ заботиться лишь о тишинѣ и благонравіи.

Не только современное государственное, но и спеціально военное, искусство видитъ въ массахъ не одно пушечное мясо, въ каждомъ солдатѣ стараясь развить человѣческую личность и самодѣятельность, а для этого государство прежде

всего нуждается въ знаніи живыхъ народныхъ силъ, ихъ разнообразія, ихъ отличительныхъ, племенныхъ, религіозныхъ, историческихъ особенностей.

Государство тѣмъ прочнѣе и могущественнѣе, тѣмъ богаче, чѣмъ довольнѣе, обезпеченнѣе и удовлетвореннѣе въ своихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностяхъ его населеніе.

Примѣръ сосѣдней намъ Австро-Венгріи, если-бъ, конечно, вникали въ ея внутреннія отношенія, могъ-бы быть для насъ въ высшей степени поучителенъ. Нигдѣ нѣтъ и не было такой продолжительной и упорной, такой искусной-хитроумной и искусственной—дрессировки разныхъ малыхъ народностей, нигдѣ нѣтъ и не было подъ рукою — прибавимъ ловкой и образованной — администраціи и полиціи такого множества продажныхъ и къ сожалѣнію нерѣдко даровитыхъ, образованныхъ писателей всѣхъ народностей, какъ въ старой до-Метерниховской и Метерниховской Австріи или въ новѣйшей Австро-Венгріи, вѣками воспитанной и управляемой езуитами съ половины XVI в. до настоящаго времени. За исключеніемъ кратковременнаго царствованія благороднаго Іосифа II, езуиты всевластно господствовали и давали тонъ двору, церковной іерархіи, аристократіи, а черезъ нихъ всей военной и гражданской администраціи. Сколько разъ пыталась Вѣна вывести изъ употребленія кириллицу и ввести латиницу въ письменность сербскую, галицко-русскую, и всѣ попытки ея оканчивались полною неудачею, усиливая лишь въ покорныхъ народностяхъ чувство недовѣрія и непріязни!

Историко-географическія, статистическія, этнографическія отношенія русскаго народа къ азіатскимъ и европейскимъ инородцамъ нашей имперіи совершенно иныя, чѣмъ нѣмцевъ и мадьяръ въ Австро-Венгріи. Да и этическія начала, привитыя Руси православіемъ, всецѣло осуждаютъ езуитскую мораль и практику.

В. Ламанскій.

Изъ статьи А. Ѳ. Гильфердинга о Литовской народности.

(Собр. сочин. А. Ѳ. Г. СПБ. 1868. II, ст. Литва и Жмудь (стр. 363—385).

Одна сторона задачи нашей въ Литовскомъ краѣ та же самая, какъ и во всѣхъ прочихъ частяхъ Западной Россіи: освобожденіе крестьянскаго населенія отъ власти и вліянія польскихъ пановъ, устройство администраціи, которая служила-бы Россіи, а не польскимъ интересамъ, земскія учрежденія, которыя служили-бы дѣйствительно органами народа, а не одного польскаго дворянства, и т. п. вотъ эта общая сторона дѣла, которой мы здѣсь не намѣрены касаться, какъ выходящей изъ предѣловъ нашей темы. Другая сторона задачи—спеціальная, обусловливаемая инородческимъ характеромъ Жмудскаго и Литовскаго населенія, тѣмъ, что оно намъ чуждо по происхожденію, языку и быту. И надобно сказать, что этотъ спеціальный инородческій характеръ Литвы и Жмуди не можетъ не отозваться тамъ замѣтнымъ образомъ и на общей сторонѣ нашего дѣла. Онъ отзовется бо̀льшими затрудненіями для русскихъ дѣятелей, нежели въ краяхъ населенныхъ Русскимъ и православнымъ народомъ. Среди Литвиновъ и Жмуди гораздо труднѣе будетъ отрѣшить крестьянъ отъ подчиненія, если не матеріальнаго, то нравственнаго, польскимъ панамъ, и дать Литовскому краю мѣстную админисртацію, свободную отъ польскихъ стихій и польскихъ вліяній: тутъ намъ во многомъ помѣшаетъ непониманіе народнаго языка; помѣшаетъ во многомъ и религія, дающая католическому духовенству въ Литовскомъ краѣ такія сильныя средства пропаганды въ интересахъ Польши. Еще труднѣе будетъ ввести въ земскія учрежденія чисто народный, Литовскій элементъ, такъ чтобы онъ сталъ къ намъ лицомъ къ лицу, безъ польскаго посредничества. Все это можетъ быть достигнуто только тогда, когда мы сами ознакомимся коротко съ Литовскимъ народомъ, и откроемъ Литвинамъ пути къ образованію самостоятельному, такіе пути, которые не стали-бы вести Литвина, подымающагося выше простонародной массы, сквозь школу враждебныхъ намъ требованій и предразсудковъ польской цивилизаціи. Мало того, что въ нѣкоторыхъ университетахъ должны быть, какъ мы говорили выше, открыты каѳедры литовскаго языка и что Россія должна всячески стараться имѣть людей, способныхъ сблизиться съ литовскимъ народомъ, не прибѣгая къ драгоманамъ;

необходимо, чтобы и литовскій народъ выставлялъ дѣятелей, которые станутъ смотрѣть на дѣло прямо, съ точки зрѣнія практической пользы своего народа, а не подъ угломъ старыхъ преданій Рѣчи Посполитой. Мы не помышляемъ о сепаратизмѣ, а напротивъ, безусловно его отвергаемъ. Но именно для того, чтобы въ литовскомъ народѣ не могло быть сепаратизма, первое и самое существенное условіе—развитіе въ немъ самосознанія. Ибо Литовская народность такъ мала и такъ вдавлена между тремя народностями Русскою, Польскою и Нѣмецкою, что о самостоятельности она и помышлять не можетъ; но въ то же время литовское племя одно изъ самыхъ упорныхъ и своею исторіею доказало, до какой степени оно дорожитъ своимъ языкомъ и своимъ бытомъ. Польская пропаганда пользовалась доселѣ его неразвитостью, отсутствіемъ въ немъ національнаго сознанія; только въ слѣдствіе неразвитости Литовскаго народа, отсутствія въ немъ національнаго сознанія, она могла воспламенять Литвиновъ польскими идеями, вооружать ихъ за польское дѣло. Сепаратизмъ въ Литовскомъ краѣ можетъ опираться только на господствѣ польскихъ стихій, на бездѣйствіи туземнаго народнаго элемента. Противодѣйствовать сепаратизму въ этой странѣ мы можемъ только развитіемъ туземнаго народнаго элемента, который одинъ будетъ въ силахъ освободить Литовскій край отъ нравственнаго господства польскихъ стихій. Надобно, чтобы Литвинъ могъ быть человѣкомъ образованнымъ, не дѣлаясь Полякомъ; надобно, чтобы Литовскій народъ, оставленный Польскимъ владычествомъ въ невѣжествѣ и оцѣпенѣніи, снова, какъ въ старину, получалъ отъ Русскаго міра и черезъ его посредство доступъ къ просвѣщенію, точно также, какъ онъ отъ Россіи получаетъ теперь матеріальную свободу и обезпеченіе.

Мы дѣлали въ Литвѣ уступку польскому элементу, учреждая въ прежнее время классы польскаго языка въ гимназіяхъ и другихъ казенныхъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа. Если можно было дѣлать въ Литвѣ подобную уступку языку незначительнаго по числу, пришлаго и часто враждебнаго намъ меньшинства, то не странно-ли теперь отказывать въ томъ-же самомъ языку туземнаго населенія? Развѣ мы въ самомъ дѣлѣ хотимъ считать Литовскую народность за часть народности Польской? Если мы долго будемъ считать ее такою, то, пожалуй, дождемся и того, что она въ самомъ дѣлѣ станетъ Польскою. Тяжело вспомнить, что въ теченіе многихъ лѣтъ, Литвинъ въ Виленской и Ковенской губерніяхъ, вступавшій въ наши училища, долженъ былъ учиться по-польски, а языку своего народа онъ не только не могъ учиться, а поставленъ былъ въ необходимость позабыть его, если знаніе это не поддерживалось въ немъ посторонними, случайными обстоятельствами. Если такой порядокъ долженъ тамъ остаться, то нечего намъ думать

о поддержкѣ нашего дѣла въ Литвѣ народными силами, о противодѣйствіи польской пропагандѣ и польскимъ притязаніямъ народными элементами! Напротивъ, мы сами продолжали бы оказывать этой пропагандѣ и этимъ притязаніямъ все зависящее отъ насъ содѣйствіе.

Университетскія каѳедры Литовскаго языка и введеніе его, въ числѣ необходимыхъ предметовъ преподаванія, въ казенныя училища Виленской, Ковенской и Августовской губерній, вотъ, мы должны повторить, одно изъ лучшихъ средствъ, чтобы приготовить людей, при посредствѣ которыхъ Литовскій народъ могъ бы сблизиться съ русскою жизнію, вступить съ Россіею въ общественную и нравственную связь.

Въ Литовскомъ краѣ было-бы совершенно неестественно и невозможно, чтобы первоначальное преподаваніе въ народныхъ училищахъ производилось только по-русски. Ибо тутъ мы имѣемъ дѣло не съ частью русскаго народа, а съ особымъ инородческимъ племенемъ: крестьянскій мальчикъ въ Жмудскомъ и Литовскомъ краѣ, призванный въ школу, гдѣ прямо обратились бы къ нему съ Русскою рѣчью, не понималъ бы ни единаго слова. Очевидно, что тутъ языкомъ первоначальнаго преподаванія долженъ быть непремѣнно языкъ Литовскій, а Русскій языкъ,—однимъ изъ предметовъ, которому должно учить мальчиковъ. Такъ, Пруссія, которая безусловно отвергаетъ въ первоначальномъ образованіи всѣ мѣстныя Германскія нарѣчія, которая прямо вводитъ всякаго нѣмецкаго мальчика, на какомъ бы нарѣчіи онъ ни говорилъ дома, въ классъ, гдѣ ему преподаютъ на общемъ нѣмецкомъ языкѣ,—эта же самая Пруссія въ своемъ кускѣ Литовскаго края, какъ мы видѣли, установила элементарное преподаваніе политовски и, кромѣ того, сдѣлала литовскій языкъ однимъ изъ предметовъ обученія въ Тильзитскомъ среднемъ училищѣ и въ Кенигсбергскомъ университетѣ. Мы охотно указываемъ на примѣръ Пруссіи, какъ одной изъ просвѣщеннѣйшихъ земель Европы, и потому что она, также какъ мы, имѣетъ дѣло съ литовской народностью. Для Пруссіи, точно также какъ и Россіи, Литовское племя—это не частная вѣтвь господствующаго народа; это племя чужое, которое не понимаетъ вовсе общаго языка страны, и въ которомъ каждый человѣкъ долженъ сперва получить образованіе, прежде чѣмъ онъ выучится этому языку. Правительство Прусское понимало это уже полтораста лѣтъ тому назадъ; оно дало Литовскому племени въ своихъ предѣлахъ образованіе и привязало его къ своему государству самою крѣпкою нравственною связью.

Необходимо во всей Ковенской, двухъ сѣверныхъ уѣздахъ Августовской (Маріампольскомъ и Кальварійскомъ) и трехъ сѣверозападныхъ уѣздахъ Ви-

ленской губерніи (Трокскомъ, Виленскомъ и Свенцянскомъ) установить преподаваніе въ народныхъ училищахъ на языкѣ Литовскомъ, а однимъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія въ этихъ училищахъ ввести русскій языкъ, такъ чтобы по выходѣ изъ училища Литовскій мальчикъ вполнѣ понималъ по-русски и зналъ русской грамотѣ. Вотъ сужденіе объ этомъ вопросѣ одного природнаго Литвина, одного изъ лучшихъ знатоковъ своей родины и своего народа:

«Введеніе преподаванія литовскаго языка въ литовскихъ училищахъ весьма важно во многихъ отношеніяхъ. Оно бы способствовало къ скорѣйшему изученію русскаго языка, который въ настоящее время истолковывается Литвинамъ при помощи языка польскаго, для многихъ изъ нихъ не болѣе понятнаго, чѣмъ русскій; а между тѣмъ, знаніе русскаго языка при мѣрахъ, предпринимаемыхъ къ устройству крестьянъ, необходимо для каждаго Литовца. Нынѣ ни одинъ литовскій крестьянинъ не понимаетъ и не читаетъ Положенія о крестьянахъ; весьма многіе изъ нихъ совсѣмъ не знаютъ даже о его существованіи, (это было писано въ 1862 году) и все принимаютъ на вѣру. Оно бы показало, сколь губительно было для Литовцевъ владычество Поляковъ, которые въ продолженіе 4-хъ столѣтій только и заботились объ истребленіи въ Литвѣ всего литовскаго, учреждали въ ней польскія школы, въ которыхъ безпощадно сѣкли литовскихъ дѣтей, когда эти осмѣливались заговорить между собою по-литовски, своимъ материнскимъ языкомъ; оно бы много способствовало къ поселенію и развитію здравыхъ понятій въ крестьянахъ—Литовцахъ, которые нынѣ читаютъ только молитвенники и разныя церковныя книжки, такъ называемыя кантычки, исполненныя средневѣковыхъ понятій и суевѣрій».

Остается вопросъ о практической исполнимости этой мѣры. Сколько извѣстно уже возникала и прежде мысль ввести въ училищахъ Литовскаго края преподаваніе на литовскомъ языкѣ, но противъ этого предположенія поднялись голоса людей, утверждавшихъ, что языкъ литовскій, по недостатку письменной обработки, не можетъ служить къ обученію юношества, что нельзя составить руководствъ на нарѣчіи, которое исключительно свойственно простонародью и т. п. Невозможно ожидать, чтобы лица, заинтересованныя въ неприкосновенности господства польскаго языка въ Литвѣ, не стали прибѣгать къ такого рода и еще разнымъ другимъ доводамъ противъ введенія преподаванія на народномъ языкѣ; но во всемъ этомъ они, разумѣется, могутъ разсчитывать только на наше незнаніе. Литовскій языкъ имѣетъ грамматику, научнымъ образомъ разработанную однимъ изъ первыхъ филологовъ Германіи, нѣтъ сомнѣнія, что русскій языкъ не имѣетъ доселѣ грамматики, кото-

рая по своимъ достоинствамъ могла бы сравниться съ литовскою грамматикою г. Шлейхера. На немъ въ Пруссіи изданы не только катихизисы и другія элементарныя книги, но даже, какъ замѣчено выше, стихотворенія и полный переводъ библіи; въ Россіи на литовскомъ языкѣ напечатаны даже ученыя сочиненія объ исторіи и археологіи края. При такой подготовкѣ, возраженіе, что литовскій языкъ не способенъ служить къ преподаванію, можетъ быть сдѣлано только лицами, преднамѣренно искажающими истину. Нужно лишь призвать людей, знающихъ этотъ языкъ и сочувствующихъ потребностямъ Литовскаго народа,—и въ самомъ скоромъ времени имѣли бы на литовскомъ языкѣ всѣ нужнѣйшіе учебники, а польскій элементъ въ литовскихъ училищахъ уступилъ-бы литовскому и чрезъ него русскому. И такъ вотъ, какъ намъ кажется, чего требуетъ отъ насъ Литовскій край: прежде всего, чтобы мы обратили вниманіе на литовское племя, какъ на народность своеобразную и совершенно различную отъ польской; чтобы мы сносились съ литовскимъ народомъ при посредствѣ литовскаго, а не польскаго языка; чтобы мы открыли Русскимъ возможность учиться по-литовски и сдѣлали изъ литовскаго языка одинъ изъ обязательныхъ предметовъ ученія въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ училищахъ Литовскаго края; наконецъ, чтобы мы создали для Литовскаго народа элементарныя литовскія училища, въ которыхъ Литвинъ могъ бы образовываться, не становясь Полякомъ, и знакомиться непосредственно съ русскимъ языкомъ, который ему такъ нуженъ, особенно со времени освобожденія, въ гражданскомъ быту.

Изъ Докладовъ первому съѣзду русскихъ дѣятелей по печатному дѣлу (изд. Распоряд. комит. выставки печатнаго дѣла СПБ. 1895).

Докладъ С. Балтромайтиса.

«На засѣданіяхъ Съѣзда представителей печатнаго дѣла обсуждались вопросы о книгопечатаніи какъ съ технической стороны, такъ и со стороны цензуры. Имѣя въ виду, что комитетъ Съѣзда будетъ ходатайствовать предъ Правительствомъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей цензурнаго устава въ пользу печатнаго дѣла, я буду покорнѣйше просить Съѣздъ обратить вниманіе на исключительныя условія, въ которыхъ находятся изданія народныхъ книгъ для литовцевъ, а равно и латышей Витебской губ., въ силу правительственнаго запрещенія издавать эти книги латинскимъ шрифтомъ, усвоеннымъ еще въ XVI в. въ печати. Въ слѣдствіе этого запрещенія послѣдовавшаго въ 1864 г., за послѣдніе 30 лѣтъ печатаніе литовскихъ книгъ, а равно латышскихъ въ Витебской губ. почти совершенно прекратилось. А между тѣмъ нужда въ книгахъ возрастаетъ, по мѣрѣ развитія просвѣщенія вообще. Для удовлетворенія этихъ нуждъ печатаются литовскія книги за-границей, предпріимчивыми евреями и другими спекулянтами транспортируются контрабандой въ Россію и сбываются литовскому населенію въ десять разъ дороже противъ бывшихъ виленскихъ цѣнъ стараго времени. Такъ, напр., литовскій молитвенникъ «Altorius», изданный подъ предварительною цензурою, продавался по 30 коп. въ переплетѣ. Теперь контрабандою его сбываютъ за два и за три рубля. Насколько извѣстно, за-границей ежегодно печатается литовскихъ молитвенниковъ «Altorius», «Balsas Bolandelio», «Garbe Dievo» не менѣе 30,000, а, слѣдовательно, и продается спекулянтами, считая только по 2 руб. за каждый—на 60,000 руб. Помимо этихъ, водворяются контрабанднымъ путемъ черезъ границу и разныя другія книжки, литовскія газеты, издаваемыя въ Пруссіи и въ Америкѣ и пр. Само собою разумѣется, что не только въ газетахъ и книжкахъ свѣтскаго содержанія, но даже и въ молитвенникахъ допускается много противоцензурнаго. Простой-же народъ, при всеобщей потребности въ чтеніи, съ жадностью покупаетъ всѣ такія изданія благодаря тому, что они выходятъ на его родномъ языкѣ. Изъ этого возникаетъ затѣмъ множество полицейскихъ слѣдственныхъ случаевъ самаго прискорбнаго свойства; причемъ, простой и преданный Правительству народъ отчуждается все больше и больше отъ общаго своего отечества—Россіи».

Докладъ А. О. Смильго.

(Оттуда же).

«Опытъ истекшаго 30-лѣтія со времени введенія русскаго шрифта убѣждаетъ что мѣра эта не только не привела къ желаемымъ результатамъ, но даже въ большинствѣ случаевъ оказалась несостоятельною. Такъ въ 1881 г. учебное вѣдомство (Журналъ М-ва Народн. Просв. 1888 г., X) пришло къ заключенію, что, хотя число школъ въ общемъ и увеличилось за истекшее двадцатилѣтіе среди литовцевъ, но склонность посылать своихъ дѣтей въ школы у литовцевъ, по даннымъ Варшавскаго статистическаго Комитета, оказалось втрое меньше, чѣмъ у русскихъ, вдвое меньше противъ поляковъ и меньше, чѣмъ у евреевъ; обстоятельство это объясняется, по мнѣнію попечителя Варшавскаго учебн. округа, предубѣжденіемъ литовцевъ противъ новаго обязательнаго шрифта. Это даже подало поводъ бывшему варшавскому генералъ-губернатору I. В. Гурко замѣтить въ засѣданіи Варшавскаго статистическаго Комитета, что «не было-ли въ такомъ случаѣ ошибкою съ нашей стороны заставить литовцевъ принять русскій шрифтъ» (Труды Варшавск. статистич. Комитета, вып. 2-й, стр. 143—145).

Кромѣ того, изъ изданнаго этнографическимъ отдѣленіемъ Императорскаго Географич. Общества Сборника библіографическихъ матеріаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы, составленнаго г. Балтромайтисомъ, усматривается, что съ 1864 г. по 1891 г. издано было литовскихъ книгъ русскимъ шрифтомъ всего лишь 25, въ томъ числѣ букварей, учебниковъ, молитвенниковъ и нѣсколько книгъ научно-этнографическаго и беллетристическаго содержанія; между тѣмъ какъ за тотъ же періодъ времени число литовскихъ книгъ, журналовъ и газетъ, изданныхъ латинскимъ шрифтомъ заграницей, простиралось до 700, и значительная ихъ часть несомнѣнно проникла къ литовцамъ, находящимся въ предѣлахъ Россіи, контрабанднымъ путемъ, такъ какъ у литовцевъ, какъ и у другихъ народовъ, вслѣдствіе пробужденія сознанія своей народности появилась особенная потребность въ книгахъ, отпечатанныхъ шрифтомъ, къ которому они искони привыкли, не смотря на то, что пріобрѣтеніе этихъ книгъ указаннымъ путемъ сопряжено съ большою отвѣтственностью и съ чрезмѣрною дороговизной».

Поѣздка въ Корелу.

Въ нынѣшнемъ—1895 г., по порученію Географическаго общества, я посѣтилъ послѣдній изъ числа уѣздовъ Олонецкой губерніи, гдѣ живутъ корелы. Въ предыдущія три поѣздки я побывалъ въ уѣздахъ—Петрозаводскомъ, Олонецкомъ, Лодейнопольскомъ; оставался, такимъ образомъ, не обслѣдованнымъ только уѣздъ Повѣнецкій; и въ нынѣшнемъ году, получивъ назначеніе, я отправился туда. Проживъ мѣсяца полтора [1],—съ половины іюля до конца августа, и наблюдая тамъ за мѣстными жителями, я такимъ образомъ теперь могу сказать безъ преувеличенія, что познакомился болѣе или менѣе подробно съ жизнью корелъ всей Олонецкой губерніи.

И потому теперь какъ-то самъ собою напрашивается выводъ вообще обо всемъ этомъ народѣ: что онъ за этнографическая группа, какія основныя черты его характера, и есть ли въ его натурѣ заложены такія свойства, которыя бы дѣлали его жизнеспособнымъ, могущимъ и умѣющимъ устроиться въ экономической и общественной жизни хорошо и толково? Чтобы отвѣтить на всѣ эти вопросы болѣе или менѣе удовлетворительно, и чтобы характеристика народа, при всей своей краткости, вышла не совсѣмъ безцвѣтной и тусклой,—для этого, намъ кажется, лучше всего прибѣгнуть въ данномъ случаѣ къ параллелизму, къ сравненію — корельскаго народа съ русскимъ, разумѣя послѣдній не во всемъ его объемѣ, а только въ количествѣ тѣхъ представителей, которые живутъ на сѣверѣ. И такое сравненіе можетъ быть вполнѣ естественнымъ уже по одному тому, что эти народы искони живутъ рядомъ другъ съ другомъ, бокъ о бокъ, искони были сосѣдями, успѣли многое взаимно перенять другъ отъ друга...

И это тѣмъ болѣе побуждаетъ къ сравненію ихъ...

Особенная черта, которая сравнительно рѣзко отличаетъ корела отъ русскихъ,—это—нѣкоторая жесткость, упорство, большая интенсивность воли, замѣчаемая въ характерѣ перваго. Русскій же по природѣ въ большинствѣ

---

[1]) За это время посѣтилъ деревни—Мунозеро, Кяпписельгу, Святноволокъ, Кумчезеро, Линдозеро, Реболу, Гимолу, Поросъ-озеро, Лигозеро, Срѣцкій, Поданы, Масельгу, Острѣчье, Лумбуши.

случаевъ мягокъ, чувствителенъ, человѣкъ страсти и увлеченій; и въ этомъ отношеніи, намъ кажется, корелъ одаренъ природой болѣе счастливо, чѣмъ русскій. Корелъ ни за что не пойдетъ въ будень въ кабакъ, ни за что не снесетъ туда жениныхъ нарядовъ и не пропьетъ сошниковъ и сѣмянной ржи. Онъ строгъ къ себѣ и всегда найдетъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы противостоять соблазну и на время побѣдить его. Онъ, правда, медлителенъ въ работѣ, не такъ смышленъ, въ разговорѣ съ вами—долго будетъ не понимать васъ, что вы хотите сказать ему, плохо соображаетъ, плохо думаетъ, но за то въ практической жизни у него есть этотъ неоцѣнимый даръ—крѣпкая воля. И благодаря послѣдней онъ избѣгъ многихъ такихъ «проваловъ» или «прорѣхъ» въ своей жизни, которыя однако съ горестью замѣчаются на русскомъ крестьянинѣ.

Прежде всего, какъ я уже выше мелькомъ замѣтилъ, среди корелъ не такъ сильно развито пьянство, какъ это наблюдается у русскихъ. Кто бывалъ въ русской деревнѣ, тотъ, навѣрное, замѣчалъ, какъ проводятся здѣсь праздники, въ особенности — храмовые. Все веселье, все удовольствіе этихъ дней если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, преимущественно состоитъ въ пьянствѣ, выпивкѣ, въ безшабашной гульбѣ. Напиваются не только крестьяне, но даже и женщины, ни мало не отставая въ этомъ отношеніи отъ своихъ мужей. Праздники растягиваются на нѣсколько дней, иногда на цѣлую недѣлю, и за все это время продолжается попойка безъ перемѣнъ. Совсѣмъ не то замѣтите вы на праздникѣ у корела. И здѣсь, конечно, не обходится безъ водки, и послѣдній также знаетъ вкусъ и сладость этого напитка, но онъ скупъ въ угощеніи имъ гостей, не расщедрится въ такой степени, чтобы угощать каждаго до пьяна. У самаго богатаго, самаго зажиточнаго корела,—сколько разъ мнѣ ни приходилось бывать на ихъ праздникахъ, — проходило водки не больше, какъ полуштофъ, два, а эта мѣра, принявъ во вниманіе количество гостей — человѣкъ 20—30 однихъ мужчинъ, оказывается весьма малой и едва ли можетъ оказать опьяняющее дѣйствіе на пьющихъ. А въ будень въ рѣдкихъ-рѣдкихъ случаяхъ вы можете замѣтить пьянаго корела. Развѣ только покупка лошади (harjukat) или новоселье въ выстроенной избѣ—могутъ послужить причинами такого необычнаго состоянія. За то и питейныя заведенія, въ которыхъ сидятъ патентованные (т. е. съ патентомъ) кабатчики, такъ рѣдки по корелѣ. Лишь только кой-гдѣ встрѣтите вы такое село—больше сотни дворовъ (напр. Паданы Повѣнецкаго уѣзда,—гдѣ, дѣйствительно, находятъ еще выгоднымъ торговать по патенту. Но здѣсь, впрочемъ, уже главными потребителями являются не столько корелы, сколько мѣстная интеллигенція изъ русскихъ, состоящая изъ священника съ діакономъ,

доктора, учителя, урядника и помощника лѣсничаго. «А для скупердяя-корела хоть совсѣмъ и заведенія не держи», съ горечью замѣчаютъ раздосадованные кабатчики.

Послѣдніе здѣсь не имѣютъ никакого особеннаго вліянія на народъ. И страннымъ, просто непонятнымъ показалось бы для корела, если бы ему разсказали, какою властію, какимъ почетомъ пользуется кабатчикъ въ русской деревнѣ. Мужикъ у послѣдняго въ кабалѣ; въ его затхломъ, сыромъ заведеніи, наскозь пропахшемъ сивухой, рѣшаются всѣ важнѣйшіе вопросы цѣлаго общества, и самъ онъ, какъ князекъ, наряду съ сельскими властями имѣетъ право не только руководить и вершить дѣлами, но давать даже иниціативу, починъ — въ родѣ какъ поземельному раздѣлу или при выборѣ тѣхъ же сельскихъ властей. Совсѣмъ не то въ корелѣ. Отношенія къ кабатчику здѣсь самыя оффиціальныя, кончающіяся покупкой шкалика или много-много цѣлаго полуштофа водки. Въ жизни же сельской общины—здѣсь эти люди самые неслышные, незамѣтные, ничѣмъ не рознящіеся отъ самаго послѣдняго бѣднаго мужика; а иногда даже и хуже того. Кабатчики въ корелѣ не пользуются завидною репутаціей, особенно если они изъ русскихъ. Ими какъ-то брезгаютъ, не принимаютъ въ дома зажиточныхъ крестьянъ и обычно выражаются о них такъ: «oiked ristikans viinal ei rubie targuu pidămăh»,—правдивый человѣкъ водкой не станетъ торговать...

Непонятнымъ для кореляка показалось бы также русское кулачество, кабала, въ которой, по разсказамъ знатоковъ русской деревни, находится русскій крестьянинъ. Въ корелѣ въ большинствѣ случаевъ всюду одинаковая сѣрость, всюду почти равномѣрно распредѣлена одна и та-же бѣдность, недостаточность, и здѣсь нѣтъ такого полнаго подчиненія одной личности въ угоду другой. Даже самый послѣдній—golly, bobuli, какъ называютъ здѣсь бобылей, не имѣющихъ ни дому, ни клочка земли,—сохраняетъ вполнѣ свою самостоятельность, и никто не въ правѣ помыкать имъ и располагать, какъ какою-нибудь вещью. Нѣтъ здѣсь кабалы и сельскимъ властямъ, въ родѣ старшины, старосты или волостнаго писаря. Власти здѣсь въ большинствѣ случаевъ изъ тѣхъ же бѣдныхъ или много-много зажиточныхъ только крестьянъ, которымъ, кромѣ законно назначеннаго жалованья, въ рѣдкихъ случаяхъ перепадетъ что-нибудь отъ щедротъ подначальныхъ. И послѣднее зачастую не имѣетъ характера голой взятки, а скорѣе—это добровольная благодарность за хлопоты и за оказанныя услуги. А что касается сельскихъ сходовъ и волостныхъ судовъ, то эти же самыя власти здѣсь являются совершенно непричастными, почти сторонними зрителями, наблюдающими лишь за формальною стороною дѣла и за внѣшнимъ порядкомъ. Мнѣ лично много

разъ приходилось бывать на такихъ сходкахъ и судахъ, и каждый разъ, уходя оттуда, я уносилъ самое лучшее впечатлѣніе. Такъ, напр., я разскажу коротенько—какъ происходитъ у корелъ раскладка податей, на одной изъ самыхъ важныхъ сходокъ, обычно бывающихъ сряду же послѣ новаго года. Обыкновенно дѣло въ этихъ случаяхъ происходитъ такъ. Изъ губернскаго города (Петрозаводска), изъ казначейства присылаютъ особый листъ, гдѣ точно обозначена опредѣленная цифра всевозможныхъ налоговъ — государственныхъ, поземельныхъ и др., взимаемыхъ съ извѣстнаго сельскаго общества или даже отдѣльной деревеньки. Старшина или староста—который-нибудь изъ нихъ — дѣлитъ эту общую сумму на числю наличныхъ,—наличныхъ, а не ревизскихъ душъ извѣстной мѣстности и съ этимъ же листомъ является на сходку. Но подати собственно распредѣляются не по числу душъ въ семьѣ, а по количеству земли, владѣемой тѣмъ или другимъ крестьяниномъ. Бываетъ такъ, что семья велика, но участокъ владѣемой земли очень ограниченъ, и размѣры податей исключительно почти сообразуются съ количествомъ земли; бываетъ и наоборотъ,—съ маленькой семьи взимаютъ подати въ размѣрѣ 8—10 душъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ и въ половину нѣтъ; это значитъ, что эта семья пользуется землею въ размѣрѣ, причитающемся 8 — 10 душамъ. Конечно, самымъ идеальнымъ землевладѣніемъ (въ теоріи) было бы такое, гдѣ на каждую душу въ семьѣ соотвѣтствовалъ бы и опредѣленный участокъ земли, т. е. иначе—отношеніе земли и рабочихъ на ней рукъ было бы строго пропорціональное. Но такой порядокъ, съ одной стороны, почти и не достижимъ, а съ другой, на практикѣ оказался бы крайне неудобнымъ и несправедливымъ. Раздѣлъ земли,—со смертью или рожденіемъ новаго члена семьи, — долженъ былъ бы тогда происходить неминуемо почти ежегодно... Земля переходила бы тогда изъ рукъ въ руки; никто не въ правѣ былъ бы считаться ея хозяиномъ по крайней мѣрѣ въ періодъ 7—8 лѣтъ, и кому пришла бы такая особая нужда—удобрять и воздѣлывать эту — непостоянную, которая сегодня у одного, а на слѣдующій годъ перейдетъ совершенно другому крестьянину. Вѣроятно, въ силу этихъ самыхъ соображеній и капитальные раздѣлы земли въ корелѣ очень рѣдки. На сходкѣ все дѣло распредѣленія податей въ рукахъ у крестьянъ, имѣющихъ право голоса, т. е. не штрафованныхъ, не ошельмованныхъ ни судомъ, ни слѣдствіемъ. Старшина и староста остаются оба въ сторонѣ. Сельскій писарь съ общаго согласія схода каракульною цифирью помѣчаетъ—какое-кому, сообразно съ владѣемой землей и отчасти, говорю, только отчасти съ количествомъ рабочихъ рукъ, количество душъ назначилъ сходъ. Не лишаются здѣсь души и вдовы, часто не имѣющія въ числѣ своихъ дѣтей никого изъ мужескаго пола. ³/₄ души,

$^1/_3$, а иногда и того менѣе владѣетъ обычно такой членъ сельскаго общества; и она наряду съ другими крестьянами можетъ участвовать въ сходкѣ, прикладывать руку подъ приговорами и съ трещоткой въ рукахъ, въ качествѣ ночнаго сторожа, охранять покой и безопасность деревеньки. Этимъ и ограничиваются обязанности вдовы по отношенію къ міру; ея не избираютъ ни десятскимъ, ни сотскимъ и въ большинствѣ случаевъ освобождаютъ отъ поправки дорожнаго участка.

Сравнительно такъ-же правильно ведется въ корельскихъ волостяхъ и волостное судопроизводство. Судьи изъ мѣстныхъ корелъ—выбираются «kerähmö»—сходомъ,—большею частію люди трезвые, честные, извѣстные въ своемъ околоткѣ правдивостью и притомъ болѣе или менѣе исправные. Сколько разъ мнѣ ни приходилось бывать на такихъ судахъ, я никогда, ни разу не замѣчалъ пьянства, подкуповъ или явно пристрастнаго рѣшенія. Я ставилъ себя на мѣсто судей и чистосердечно сознаюсь,—иначе не могъ-бы рѣшить представлявшихся судебныхъ дѣлъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ детальныхъ видоизмѣненій. Въ большинствѣ случаевъ незная русской грамоты, неумѣя читать, не знакомые съ статьями свода россійскихъ законовъ, они рѣшаютъ по совѣсти, какъ подсказываетъ имъ простое непосредственное чувство, входя при этомъ съ обычною мужицкою кропотливостью, не торопясь, не дѣлая скороспѣлыхъ общихъ выводовъ,—во всѣ подробности мотивовъ совершеннаго проступка. Преимущественно, какъ показываетъ и статистика, здѣсь приходится разбирать взаимныя драки, происходящія изъ-за права владѣнія землей, въ особенности подсѣками.

Какъ извѣстно, болотистая, съ песчанокаменистыми возвышенностями—Корелія очень бѣдна удобной для хлѣбопашества землей. Главную помощь въ хозяйствѣ здѣсь оказываютъ пожоги, подсѣки, или, какъ называютъ по мѣстному,—palo или kaskes. Отыскать удобную лядину съ лиственнымъ лѣсомъ—ольхой и березой—это большое счастье для крестьянина корела. Еще снѣгъ не успѣлъ стаять подъ яркими лучами весенняго солнышка, а корелъ, вооружившись топоромъ, отправился отыскивать такую лядину. Онъ бродитъ цѣлыми днями въ лѣсу, вязнетъ въ рыхломъ снѣгу и, наконецъ, разыскиваетъ такое мѣсто, которое, по всѣмъ его соображеніямъ, должно дать по крайней мѣрѣ посѣвъ или два. Разыскано мѣсто, сдѣланы зарубки на деревьяхъ—talmat или tarhat, и корелъ пока успокоился. Но, оказывается, эту же лядину облюбовалъ почти одновременно или немного спустя—другой сосѣдъ, такой-же искатель мѣстъ для посѣва. При вырубкѣ лѣса непремѣнно у нихъ произойдетъ драка; дерутся отчаянно, съ жестокостью, какъ два звѣря, не хотящіе взаимно подѣлиться одною общею добычей. Вотъ такими-то дѣлами

преимущественно и завалены правленія. Волостные писаря, которымъ обычно въ русскихъ деревняхъ приписывается такая власть и сила, въ корелѣ являются очень мизерными, если не жалкими, существами; на судѣ все ихъ дѣло ограничивается однимъ простымъ записываніемъ «судоговоренія» въ особую книгу и выдачей недовольнымъ копій съ рѣшенія суда. Если какой-нибудь изъ прыткихъ рѣшится давать совѣты и указаніе судьямъ, то отъ кореляка не мудрость услышать такое грубое замѣчаніе: «не твое-молъ дѣло; ты сиди да пиши, что мы рѣшимъ... Свинью не хвалятъ, когда подъ чужой домъ подкапывается»...

Перечисленіе всѣхъ этихъ особенностей жизни корела, пожалуй, можетъ возбудить въ иномъ представленіе о немъ, какъ о народѣ, прекрасно устроившемся, счастливо избѣгшемъ въ своемъ общинномъ хозяйствѣ многихъ неприглядныхъ сторонъ. Но такое представленіе было бы крайне несправедливо и ничуть не соотвѣтствовало бы дѣйствительности. Корелъ, при всѣхъ его счастливыхъ природныхъ свойствахъ, бѣденъ, бѣденъ, какъ самый послѣдній нищій и изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе принужденъ влачить жизнь побирушки, человѣка, который не знаетъ, что будетъ завтра ѣсть самъ и его семья. И причиной тому—крайняя бѣдность края, суровость климата и непроизводительность почвы. Присматриваясь со стороны къ его работамъ и имѣя въ виду ихъ результаты, просто диву даешься иногда, какъ хватитъ терпѣнья, выносливости у этого страстотерпца народа. Съ самой ранней весны, когда не успѣлъ еще сойти снѣгъ, онъ уходитъ изъ дому съ краюшкой хлѣба въ кошелѣ и лишь только на воскресенье возвращается обратно, чтобы вымыть въ банѣ свое закорузлое отъ грязи тѣло да выспаться въ теплой избѣ, снявъ съ ногъ сапоги и распоясавъ шубу. То онъ рубитъ подсѣки, то чиститъ пожни (луга) отъ зарослей, копаетъ на нихъ канавы, то пашетъ яровое; а тамъ незамѣтно, какъ бы переходя въ одной общей цѣпи отъ одного звена къ другому, начинается сѣнокосъ. Косятъ косами-горбушами, въ видѣ большаго серпа, согнувшись въ три погибели, вытаптывая медленно, пядь за пядью—всю пожню. Потомъ жатье, молотьба... Больше половины года въ хлопотахъ съ землей, и что-же? Къ Рождеству у большинства съѣденъ весь хлѣбъ безъ остатку. Что тутъ дѣлать корелу? Перебивается чѣмъ попало... Возитъ въ городахъ (въ Петрозаводскѣ, Олонцѣ, Повѣнцѣ) лёдъ, дрова... Счастье его, если въ иную зиму заготовляютъ дрова или бревна лѣсопромышленники; тогда хоть кой-какіе гроши можетъ онъ еще заработать себѣ на хлѣбъ и подати, а то — хоть ложись и умирай... И вотъ эта-то необезпеченность, крайняя неопредѣленность заработка постоянно держитъ корела въ нищенскомъ положеніи. Хозяйство его никогда не улучшается, коровы его никогда не хо-

дятъ сытѣе, ребятишки румянѣе, все, что онъ ни зарабатываетъ, какъ бы протекаетъ сквозь пальцы. И только, кажется, одному корелу возможно еще ужиться среди той мѣстности, которую—волей или неволей, по принужденію—онъ избралъ для своего жительства. То весной долго не сходитъ съ полей снѣгъ, особенно въ долинахъ на тѣневой сторонѣ; осенью опять бойся мороза; того и гляди—утренній иней побьетъ недозрѣвшій овесъ, и тогда опять цѣлую зиму придется голодать. То бродящіе около деревенекъ медвѣди нагоняютъ страхъ, роняя, зарѣзывая коровъ и лошадей и съѣдая засѣянную въ лѣсу на подсѣкахъ рѣпу и овесъ. Всего бойся, отъ всего почти ожидай опасности,—и такой порядокъ вещей развилъ въ корелѣ подозрительность, недовѣрчивость, рѣзко обозначающіеся въ его характерѣ наряду съ упрямствомъ и выносливостью. О послѣднемъ свойствѣ финско-корельскаго народа пишетъ одинъ изъ современныхъ финскихъ беллетристовъ (Iuh. Aho), поэтизируя и, можетъ быть, даже нѣсколько преувеличивая въ своемъ художественномъ словѣ эти народныя свойства. «Финно-корелы, говоритъ онъ, какъ вересовый кустъ (слова писателя привожу на память, а поэтому не ручаюсь за буквальную точность)... Такъ-же неприхотливы, выносливы и приспособляются ко всевозможнымъ жизненнымъ условіямъ... Нашъ Моисей, пишетъ онъ, приведшій насъ сюда и поселившій среди этихъ плоскихъ сырыхъ болотъ, среди этихъ безплодныхъ скалъ,—дѣйствовалъ вполнѣ сознательно, поступалъ такъ, напередъ зная характеръ и выносливость нашего народа... Онъ былъ напередъ увѣренъ, что если кто-кто, то корелъ ужъ навѣрное вынесетъ, вытерпитъ, а не сойдетъ съ того мѣста, куда его привели. И, дѣйствительно, приходили сюда шведы, русскіе приходили, нюхали воздухъ и затѣмъ, брезгливо махнувши рукой, какъ котъ нечаянно замочившій свою лапу, уходили обратно ни съ чѣмъ. Все это было не по нимъ. А финно-корелъ остался и героически продолжаетъ культивировать свой безплодный участокъ. Сѣетъ рожь, овесъ, рѣпу... И все это здѣсь является болѣе удивительнымъ и чудеснымъ, чѣмъ какіе висячіе, воздушные сады Вавилона»... Но и этому неприхотливому можжевельному кусту слѣдовало-бы улучшить положеніе; слѣдовало-бы дать ему постоянные заработки, постоянные промыслы, восполняющіе недородъ хлѣба и недостаточность производительности малоплодной земли.

И такими заработками могли-бы быть, напр., работы на лѣсопильныхъ заводахъ, на заводахъ, выдѣлывающихъ руды и матеріалы, получаемые изъ дерева—древесную шерсть, древесную бумагу и др. Такого типа промыслы давнымъ давно существуютъ въ сосѣдней Финляндіи, гдѣ, кстати замѣчу, лѣсъ дороже, чѣмъ въ Корелѣ, и цѣлые десятки тысячъ народу находятъ здѣсь себѣ хлѣбъ и безбѣдное существованіе.

Другимъ средствомъ—поднять благосостояніе корелы должно служить проведеніе удобныхъ путей сообщенія—водныхъ, грунтовыхъ и даже хоть одной вѣтви желѣзной дороги. Пора, кажется, прекратить ѣзду на самычкахъ [1]) и верхомъ, ѣзду неудобную и въ практическомъ отношеніи весьма невыгодную. Такъ, чтобы привезти изъ города одинъ куль муки, корелы иныхъ деревень должны ѣздить за нимъ три—четыре раза: наложитъ пуда 2—3 на спину тощей своей лошаденки и ѣдетъ домой, принужденный снова возвращаться, снова также накладывать и снова тратить непроизводительно и время и силы.

Послѣднее, что также необходимо для этого труженика-народа, это—устройство здѣсь инородческихъ школъ, переводъ богослуженія на туземный языкъ и улучшеніе медицинскаго персонала. Первыя двѣ статьи находятся здѣсь въ совершенно нетронутомъ, первобытномъ состояніи, не находя даже для себя симпатіи и расположенія властей, которыя, ближе всѣхъ стоя къ этому дѣлу, съ успѣхомъ могли-бы исполнить его. «Да зачѣмъ кореламъ это?.. Цѣль русской школы и славянскаго непонятнаго богослуженія,—дидактически замѣчаютъ они,—въ томъ и состоитъ, чтобы научить корела русскому языку; больше отъ него ничего и не требуется». И такимъ образомъ, въ жертву этой фиктивной цѣли приносится развитіе цѣлыхъ тысячъ, развитіе цѣлаго народа, который, кажется, былъ-бы способенъ и достоинъ гораздо лучшаго, если когда-то оказался въ состояніи создать такую цѣльную, такую художественную эпопею,—какъ Калевала. Творецъ Калевалы могъ-бы, безъ сомнѣнія, и учиться, и молиться на своемъ родномъ языкѣ. «Для меня въ церкви попы, говорилъ одинъ религіозный старикъ-корелъ, все равно, что птицы въ лѣсу,—такъ-же непонятны»... (Minule papit kirikös, kui lindut metsäs, en elgeudä ni yhtä)...

Скажу еще въ заключеніе нѣсколько словъ о состояніи медицины въ корелѣ. Послѣдняя (т. е. медицина) здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россійской имперіи, состоитъ также изъ доктора—земскаго врача и сельскихъ фельдшеровъ; однимъ словомъ, все какъ есть «для прилику»,—какъ выражаются русскіе крестьяне,—вся «проформа соблюдена». И, въ дѣйствительности, все это только одна, исключительно одна форма. Земскій врачъ въ количествѣ одного лица назначается на такой громадный уѣздъ, который по своимъ размѣрамъ будетъ въ половину, если только не больше, иного европейскаго государства. По селамъ, при волостныхъ правленіяхъ живутъ фельдшера; и все это такъ рѣдко, въ такомъ небольшомъ количествѣ, въ такихъ

---

[1]) См. «Живая Старина»: вып. I, г. 5, стр. 3—4.

незначительныхъ дозахъ, какъ самородки золота въ землѣ. Притомъ — прибавьте еще сюда невѣжество этихъ фельдшеровъ, которые лѣчатъ болѣзни своими средствами—сулемой, «антимоніей» и бурой, упорно отрицаютъ медицину, какъ науку, и ссужаютъ народу такія затхлыя, выввѣтрившіяся лѣкарства, которыя всегда оказываютъ обратное дѣйствіе. Зато и мретъ-же въ корелѣ народу!.. Иногда самая обыкновенная простуда, лихорадка или порѣзъ ноги, при которыхъ достаточно было-бы наложить чистую повязку или поставить горчичники, дать потогонное или слабительное, и человѣкъ черезъ недѣлю или даже черезъ 2—3 дня поднялся-бы на ноги, здѣсь оканчиваются смертью въ слѣдствіе отсутствія всякой медицинской помощи. Народъ охотнѣе обращается къ колдунамъ—tiedoinekoiloh, болѣе находитъ въ себѣ внимательности со стороны знахарокъ и лѣчитъ свои болѣзни тѣми традиціонными средствами, которыя съ незапамятныхъ временъ переходятъ, по преданію, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Порѣзъ ноги (что въ корелѣ довольно часто случается съ крестьянами во время рубки дровъ) перевязываютъ просто тряпицей или иногда еще мочатся на нее, воспаленіе легкихъ лѣчатъ баней, оспу умилостивляютъ пирогами и сифилисъ травятъ отваромъ ягодъ калины и натираютъ его злокачественныя раны старымъ серебромъ.

Къ счастью еще, что послѣдняя болѣзнь очень мало распространена среди корелъ. Она здѣсь пока является въ качествѣ заѣзжей гостьи, чѣмъ-то въ родѣ аристократки, которая лишь изрѣдка кой-кому соблаговолитъ положить на лицо свои несмываемые знаки и до сихъ поръ почему-то не облюбовала себѣ здѣсь постояннаго мѣстопребыванія. А проникни она сюда, распространись по нѣкоторымъ селамъ и деревнюшкамъ, и тогда начнется здѣсь настоящій моръ подъ прикрытіемъ грязи и бѣдности, и близкаго общенія съ семьями (общія бани), не парализуемый ничуть медицинскою помощью.

Таковы въ краткихъ чертахъ наличныя свойства и недостатки этого народа. Среди него я жилъ, имѣлъ возможность, благодаря нѣсколькимъ командировкамъ Географическаго общества, посѣтить всѣ уѣзды Олонецкой губерніи, собравъ довольно значительный запасъ этнографическихъ наблюденій,—и теперь позвольте мнѣ, мм. гг., хоть отчасти подѣлиться съ вами изъ этого собранія,—позвольте познакомить васъ, въ болѣе или менѣе краткихъ чертахъ, съ нѣкоторыми сторонами жизни корельской дѣвушки.

Жизнь корельской дѣвушки до ея совершеннолѣтія, до наступленія періода половой зрѣлости малымъ или даже почти ничѣмъ не отличается отъ жизни остальныхъ членовъ семьи. Она также, какъ и мальчики, ея братья, бѣгаетъ въ лѣсъ за ягодами, рветъ на поляхъ цвѣты, сбираетъ на межахъ щавель, который,— кстати замѣтить,—служитъ для корельскихъ дѣтей большимъ

лакомствомъ. Всѣ ея игры, занятія, а иногда даже и самая одежда,—длинная холщевая рубашенка,—совершенно почти схожи съ этими предметами мальчиковъ.

Корельская дѣвушка очень рано засаживается за работу, въ особенности въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ есть маленькія дѣти. Послѣднія оставляются на попеченія и заботы такой 6—7 лѣтней няньки, которая и сама еще не менѣе нуждается въ уходѣ и не менѣе подвержена различнымъ опасностямъ, проиеходящимъ отъ этой безприсмотрѣнной жизни. То такая нянька полакомится мышьякомъ, купленнымъ для отравы таракановъ, и вмѣстѣ съ собою обкормитъ ребенка, подчуя его «сладенькимъ»; то ушибетъ его, уронивъ нечаянно со своихъ слабыхъ рученокъ, и съ перепугу, боясь наказаній взрослыхъ, бросится въ колодезь; то, купаясь, утонетъ въ озерѣ или рѣкѣ, то дѣлая игрушечную печку и разводя въ ней огонь у самой стѣны дома, подожжетъ избу и оставитъ родителей или хозяевъ безъ крова и имущества.

Въ неособенно давнюю пору, въ одну изъ моихъ лѣтнихъ поѣздокъ, живя въ одной небольшой корельской деревенькѣ, я оказался свидѣтелемъ просто невѣроятнаго случая. У одного изъ мѣстныхъ жителей свинья загрызла ребенка, съѣвъ у него задъ и почти обѣ ножки. Я былъ сначала пораженъ этимъ, не понимая, какимъ образомъ дотолѣ смирная ручная свинья съѣла ребенка... И что же?.. Оказывается, ребенокъ былъ также оставленъ подъ присмотромъ няньки—подростка, которая, запеленавъ его съ утра,—до самаго вечера не развязывала его. Цѣлый день ребенокъ испражнялся подъ себя, сохраняя всѣ экскременты при себѣ. Вотъ этими-то послѣдними и соблазнилась свинья.

«И всего почти объѣла,—разсказывала потомъ со слезами мать, до смерти загрызла... Такъ всѣ косточки и торчатъ».

Няньча дѣтей, дѣвочки обыкновенно собираются компаніями, въ нѣсколько человѣкъ, поютъ вмѣстѣ пѣсни, разсказываютъ сказки, загадываютъ загадки—и тѣмъ коротаютъ скучное время съ капризнымъ, плаксивымъ ребенкомъ. Оттого-то, кажется, корельскія дѣвушки и женщины являются у себя на родинѣ исключительно почти единственными хранительницами народныхъ пѣсенъ, загадокъ и другихъ богатствъ народнаго творчества.

Но вотъ наступило, наконецъ, совершеннолѣтіе дѣвушки. Дѣвушка физически окрѣпла, сформировалась и какъ-то инстинктивно, безсознательно почувствовала, что и для нея наступаетъ особая пора,—«пора надеждъ и грусти нѣжной». Послѣднія слова поэта въ примѣненіи къ корельской дѣвушкѣ, пожалуй, могутъ показаться нѣсколько ироническими, полунасмѣшливыми, а на самомъ дѣлѣ—едва ли скоро сыщется гдѣ, въ другомъ мѣстѣ, среди инородцевъ, дѣвушка, у которой было бы такъ развито чувство и которая такъ

ревниво заботилась бы о привлеченіи къ себѣ симпатій окружающихъ людей, преимущественно мужчинъ.

Вся дѣвическая жизнь ея почти сводится къ одной главной цѣли— заслужить добрую молву, достигнуть репутаціи скромной прекрасной невѣсты, или, по корельскому выраженію,—«nostai Lembi», поднять Lembi. «Lembi», или по фински «Lempi», по мнѣнію филологовъ и толкователей финской миѳологіи, есть названіе древняго финскаго божества любви, покровительницы молодыхъ людей различныхъ половъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ (Castren. Vorlesungen über die finnische Mythologie. Uebers. von Schieffner, стр. 116). Съ такимъ толкованіемъ совершенно согласно и корельское представленіе о «Lembi».

Послѣдняя, правда, здѣсь уже утратила значеніе личнаго божественнаго существа, но до сихъ поръ означаетъ какую-то непонятную таинственную силу всякой цѣломудренной, честной дѣвушки, при помощи которой она и будучи бѣдна, некрасива отъ природы, можетъ понравиться любому парню. Это не просто «слава, молва», какъ понимаютъ её русскіе, а нѣчто особенное, рѣзко отличающееся уже тѣмъ, что эпитетъ русскихъ «славутная» приложимъ безразлично какъ къ цѣломудренной, такъ и нецѣломудренной, а корельское «lembikäs», или «lemmikäs»—прилагательное отъ Lembi—исключительно только къ первой.

Въ старину, вѣроятно, это понятіе было приложимо какъ къ дѣвушкамъ, такъ и мужчинамъ—молодымъ людямъ. Одинъ изъ героевъ Калевалы носитъ названіе «Lemminkäinen», весьма близкое какъ по звукамъ, такъ и по корню со словомъ Lempi. Lemminkäinen-сынъ Lempi, по объясненію Кастрена [1]), есть не что иное какъ прилагательное, образовавшееся отъ слова же Lempi, и, судя по окончанію «ainen», есть прозвище, употребленное или въ уменьшительной, или ласкательной формѣ. И изображеніе этого героя въ поэмѣ какъ разъ соотвѣтствуетъ его названію. Руны [2]) представляютъ его молодымъ, бойкимъ, веселымъ, красивымъ молодымъ человѣкомъ, имѣющимъ необычный успѣхъ среди женщинъ. Онъ, этотъ финскій Алеша Поповичъ,—играетъ, поетъ, шутитъ вольныя шутки и по очереди соблазняетъ всѣхъ дѣвушекъ той деревни, гдѣ живетъ въ пастухахъ. Его обаятельнымъ любовнымъ чарамъ, заключающимся въ силѣ, ловкости, бойкости и живости ума, подчиняется даже лучшая дѣвушка, необыкновенной красоты—Kyllikki, отказавшая до этого въ своей рукѣ многимъ женихамъ божественнаго происхожденія [3]). Но

[1]) Журналъ М. Нар. Пр. 1846 г., ч. 3, 179—180.
[2]) Kalevala, runo—11, 12, 13, 14, 15.
[3]) ibid., runo 11: 21—334; 12: 6—124.

въ нынѣшнее время эпитетъ lembikäs приложимъ исключительно почти къ дѣвушкамъ.

Такъ, что же послѣдняя должна дѣлать, какъ поступать, чтобы эта Lembi—у ней постоянно «поднималась—novsis», а «не опускалась, не падала,—или по-корельски—ei sorduis»? Конечно, для этого прежде всего требуется скромная, трудолюбивая жизнь, послушаніе родителямъ, ласковость передъ старшими и непремѣнно цѣломудріе. Но все это пока естественныя средства, которыхъ зачастую оказывается недостаточно для Lembi, а потому, кромѣ нихъ, предъявляется еще необходимость въ такихъ способахъ, которые уже съ необходимостью, какъ мистеріи, низводили бы на извѣстную дѣвушку эту репутацію безупречной, всѣми желаемой невѣсты.

Трудолюбіемъ не удивитъ никого корельская дѣвушка. Она исполняетъ на ряду со своими домашними всѣ работы въ лѣсу и дома, а иногда даже волей и неволей, какъ увидимъ ниже, должна превосходить ихъ, быть впереди, чтобы быть lembikäs и этимъ привлечь любовь и симпатіи. Она зимними вечерами прядетъ ленъ, шерсть, вяжетъ чулки и «alaiset»,—родъ перчатокъ, съ отдѣльнымъ помѣщеніемъ для одного только большаго пальца. Она ухаживаетъ за «скотиной»: поитъ коровъ и овецъ, даетъ имъ сѣно—«päivero», доитъ, ткетъ ставы и ходитъ на берегъ полоскать бѣлье. Но такого рода работы не считаются даже работой, по своей обычности, легкости—вслѣдствіе привычки къ нимъ, и носятъ особое названіе «emändöitsendy—хозяйничанье, порядня». Есть еще другія работы,—работы въ собственномъ смыслѣ—«ruado», отъ которыхъ также не свободна корелка, это—возка навозу на поля, возка бревенъ и дровъ себѣ или лѣсопромышленникамъ и выжиганіе лѣса на подсѣкахъ (не говоря уже объ обычныхъ работахъ на поляхъ—жатьѣ и косьбѣ). Иногда просто кажется невѣроятнымъ, когда случится увидѣть возвращающуюся домой въ морозный зимній вечеръ съ бревномъ на дровняхъ—дѣвушку. Мерзлая, холодная, голодная, уставшая послѣ ворочанья десятисаженнымъ гигантомъ, она плетется рядомъ съ заиндивѣвшей лошаденкой, громко шелестя на ходу обмерзлыми юбками и обледенѣвшими мужичьими штанами, одѣвать которые необходимо при такого рода работѣ, потому что приходится быть цѣлый день въ снѣгу по поясъ.

Съ наступленіемъ весны и лѣта опять начинаются работы бокъ о бокъ, рядомъ съ братьями, съ отцами—въ полѣ и лѣсу. И такъ ведется безъ перерыва круглыми годами, въ продолженіе всей дѣвической жизни, забывая при этомъ слабость пола и нѣжность возраста. Даже сшить себѣ кой-какіе незамысловатые наряды,—въ родѣ платья съ коротенькой таліей или передника съ цвѣтными поперечными полосами, — и то не успѣваетъ корельская

дѣвушка въ будень; для этого остается единственно свободнымъ временемъ— послѣобѣденные часы въ воскресенье, когда другіе старшіе члены семьи отдыхаютъ и набираются силъ на всю слѣдующую трудовую недѣлю. Такимъ образомъ, трудолюбіе—не диковинка, не рѣдкость въ корельской дѣвушкѣ; какъ не рѣдкостью также является въ ней скромность и цѣломудріе... Нужны, слѣдовательно, кромѣ того, другія средства, которыя «поднимаютъ—nostetah» ея Lembi.

Такихъ средствъ сохраняется въ народной живни очень много, и главнѣйшія изъ нихъ, которыя удалось мнѣ слышать или замѣтить, я попытаюсь изложить теперь, сохраняя вездѣ возможную краткость и сжатость изложенія.

Однимъ изъ самыхъ удобнѣйшихъ моментовъ времени, когда лучше всего оказывается «nostai Lembi—поднять Лемби»,—считается время «viändöit»— отъ 23 іюня и до 28 дня того-же мѣсяца и праздникъ Крещенія Господня (6 января). Наканунѣ Иванова дня (23 іюня) дѣвушки ходятъ въ лѣсъ и приготовляютъ изъ свѣжихъ березовыхъ прутьевъ или даже изъ полевыхъ цвѣтовъ вѣникъ и имъ парятся въ банѣ. Послѣ бани этотъ вѣникъ не бросаютъ зря, а уносятъ обратно въ лѣсъ и, вмѣстѣ съ кусочкомъ мыла, коровьяго масла, съ полотенцемъ, съ старинной серебряной монетой, солью, пясточкою ржаной муки и иногда съ лентой съ косы, — кладутъ въ ржаное поле, ухитряясь при этомъ такъ спрятать, чтобы никто ихъ не нашелъ, въ особенности дѣвушки-подруги, которыя, найдя, могутъ перенять вмѣстѣ съ находкой и самое Lembi. Всѣ эти чудесныя средства—поднять Лемби, завернутыя въ холщевую тряпочку и уложенныя въ берестянную коробочку—robeh, лежатъ въ полѣ отъ 23 іюня до 28 іюня вечера. Въ послѣдній вечеръ дѣвушки также незамѣтно, украдкой отправляются въ поле, берутъ оттуда спрятанное и, какъ сокровище, прячутъ у себя въ сундукахъ или въ какомъ-другомъ укромномъ мѣстѣ. Все это теперь, напитавшееся росою, viändöit, росою этихъ святыхъ дней, становится прекраснымъ средствомъ всѣмъ понравиться. Идя на праздникъ, на гулянье или даже въ зимніе вечера на посидѣлки, дѣвушка моется этимъ самымъ мыломъ, утирается этимъ полотенцемъ, намазываетъ волосы масломъ и вплетаетъ въ косу эту самую ленту—и можетъ быть увѣренной, что не останется «некко», т. е. незамѣченной парнями. Въ ночь-же на Петровъ день, а въ иныхъ мѣстахъ и въ ночь на Ивановъ день, дѣвушки также собираютъ еще росу. Для этого также идутъ въ ржаныя поля, предпочтительно въ поля тѣхъ крестьянъ, у которыхъ есть сыновья—молодые люди, и здѣсь, раздѣвшись до нага, купаются, какъ въ водѣ.

Въ особую посудину—въ чашку или миску—собираютъ росу и прино-

сять ее домой, переливають въ небольшую бутылочку—пузырекъ и расходують ее такъ, чтобы хватило на цѣлый годъ, до слѣдующаго Петрова или Иванова дня. Одѣваясь на праздникъ, дѣвушка непремѣнно вливаетъ нѣсколько капель этой росы въ воду и ею уже умывается въ надеждѣ, что все это сдѣлаетъ ее «lembikäs», приглядной въ глазахъ народа. Мыло и роса «viändöit» хранятся всегда въ большомъ углу (суурeсъ чупусъ) за образами съ тою, какъ разсказывали мнѣ, мыслью, чтобы и извѣстную дѣвушку, которая будетъ ими мыться, также уважали и почитали, какъ икону.

Кромѣ «viändöit», поднимаютъ Лемби еще въ Крещенье. Когда въ этотъ день духовенство съ крестами, хоругвями и иконами въ облаченіи идетъ на Іордань, дѣвушка, заботящаяся о своей репутаціи, должна идти непосредственно вслѣдъ за этою церковною процессіей, стараясь даже ступать по самымъ слѣдамъ священника. Придя на Іордань, она снимаетъ съ себя верхнюю теплую одежду, разуваетъ сапоги и остается въ одномъ ситцевомъ платьѣ, въ однихъ чулкахъ и все время совершенія водосвятнаго молебна стоитъ въ такомъ видѣ, дрожа отъ холода и стуча отъ стужи зубами. Но вотъ, наконецъ, кончается молебенъ. Священникъ, обломавъ предварительно ручкой креста образовавшійся на Іордани тонкій слой льда, погружаетъ крестъ въ воду съ пѣніемъ «Спаси Господи...» И тутъ-то начинается купанье, погруженіе въ холодную воду съ плескомъ, съ шумомъ разламываемаго льда, на кушакахъ, на полотенцахъ, если Іордань глубокъ, при помощи и любезномъ содѣйствіи крестныхъ отцовъ купающихся дѣвушекъ. Три раза погрузившись въ воду, всѣ эти «lembikäs» (а ихъ всегда бываетъ не меньше десятка), бѣгутъ въ церковь и оттуда, поскорѣй поцѣловавъ крестъ, заходятъ на сквозную колокольню, чтобы позвонить въ колокола. «И Лемби такой дѣвушки, серьезно, съ нѣкоторымъ даже уваженіемъ къ такого рода выносливости—замѣчаютъ корелы,—прогремитъ, какъ праздничный звонъ колоколовъ».

Впрочемъ, трезвонить на колокольню корельскія дѣвушки бѣгаютъ при всякомъ удобномъ случаѣ, когда только это окажется имъ возможнымъ: въ воскресенье при выходѣ народа изъ церкви, въ царскіе дни и во всѣ дни свѣтлой недѣли, упражняясь этимъ отдаленнымъ подобіемъ музыки, отчасти изъ эстетическихъ потребностей, а отчасти и съ цѣлью,—прозвучать, прогремѣть по всему своему околотку на манеръ звонкихъ, громкихъ колоколовъ.

Оба вышеописанныя средства, практикующіяся только въ извѣстное, опредѣленное время, одно въ «viändöit», а другое въ Крещеніе, оказываются, однако, въ большинствѣ случаевъ неудобными, потому что къ нимъ нельзя свободно прибѣгать, когда вздумается, когда пожелалъ, или явилась нужда. Въ виду этого является потребность въ такихъ способахъ, которые, будучи

болѣе или менѣе постоянными, не стѣсняли бы заботящихся о Лемби опредѣленными сроками и моментами. Предусмотрительная запасливость сохранила достаточно и такихъ средствъ, которыя у знающей и умѣлой дѣвушки обращаются въ прекрасное орудіе въ сердечныхъ дѣлахъ.

Идущая на гулянку, на праздникъ или на посидѣлки, по мѣстному— бесѣдаh, дѣвушка умывается не съ общаго рукомойника, а въ особой чашкѣ и особой водой, нарочно для этого принесенной съ рѣки. Какая-нибудь знающая старушка—tiedoinikku незамѣтно отъ другихъ проскользнетъ на берегъ, почерпнетъ чашку свѣжей проточной воды и при этомъ шепчетъ: «какъ эта вода бѣжитъ, такъ чтобы и слава бѣжала про такую-то дѣвушку» (kuin tämä vesi juoksov, anda muga i Lembi juoksov). Въ воду при умываніи опускаютъ старинную серебряную монету или серебряныя вещи—кольцо, серьги или брошь, съ тою цѣлью, чтобы и умывающуюся также дорого цѣнили, какъ цѣнно вообще въ корелѣ старое серебро.

Послѣ умыванья оставшаяся вода выливается непремѣнно на какое-нибудь чистое мѣсто, преимущественно около большаго угла на улицѣ, чтобы по этому мѣсту никто не ходилъ. Въ противномъ-же случаѣ вмѣстѣ съ водой «потопчутъ» и Лемби дѣвушки, умывшейся ею (Lembi polgetah). Иногда эту воду выплескиваютъ прямо съ крыши избы надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ внизу находятся двери, ворота или вообще проходятъ люди. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы Лемби—слава дѣвушки—поднялась выше воротъ, поднялась выше молвы тѣхъ людей, которые проходятъ въ нихъ, и оставалась всегда безупречной, безукоризненной, не смотря на пересуды и сплетни досужихъ, завистливыхъ кумушекъ. Свою одежду корельская дѣвушка хранитъ въ особаго рода сундучкѣ—коробейкѣ, по корельски Lipas. Послѣдній также какимъ-то образомъ имѣетъ отношеніе къ капризной Lembi, его нельзя пнуть ногой, сѣсть на него, иначе упадетъ слава дѣвушки.

Но вотъ умывшаяся, причесавшаяся корелка бережно раскрываетъ свою Lipas и аккуратно вынимаетъ оттуда штуку за штукой свои наряды: шерстяныя полосатыя юбки, платье съ коротенькой таліей, свѣтлый платочекъ и цвѣтной передникъ. Одѣвается она всегда въ большомъ углу, подъ образами, ничуть не стѣсняясь присутствіемъ въ избѣ постороннихъ людей, даже постороннихъ, незнакомыхъ мужчинъ: дѣвушка въ этомъ случаѣ не принадлежитъ себѣ, не должна имѣть естественнаго чувства стыдливости, потому что она исполняетъ предписаніе старины, заботится исключительно объ одной Лемби.

Каждая отдѣльная часть наряда не имѣетъ сама по себѣ особаго значенія. Дѣвушка свободно можетъ измѣнять свой костюмъ, варьируя его въ из-

вѣстныхъ предѣлахъ на всевозможные лады, какъ только она съумѣетъ или хватитъ у нея вкуса. Только головной платокъ ея долженъ быть непремѣнно незарубленный, иначе, въ противномъ случаѣ—зарубитъ такая дѣвушка вмѣстѣ съ платкомъ и свою Лемби (Lemben piärmiv) и будетъ на смѣхъ всѣмъ парнямъ и на позоръ добрымъ людямъ.

На гулянья, на праздники, въ особенности въ дальнихъ деревняхъ, дѣвушки обычно идутъ группами, компаніями, чтобы дорогой не такъ было скучно, да чтобы и не заблудиться, не сбиться съ узкой тропинки и, вмѣсто праздника, не попасть на лѣсныя «работы», какъ называютъ кореляки свои подсѣки. Для этого дѣвушки, выйдя изъ дому, предупреждаютъ другихъ, зазѣвавшихся, чтобы онѣ торопились и оканчивали свой нарядъ поскорѣе и шли вмѣстѣ въ одной артели. Но, при этомъ замѣтьте, ни одна изъ нихъ не зайдетъ въ домъ за своей подругой; она лучше пошлетъ въ избу свою сестру-подростка или постучитъ колышкомъ подъ окномъ, а сама не войдетъ: этимъ она легко можетъ передать подругѣ свою Lembi, а послѣднею вещью, какъ извѣстно, дѣвушкѣ пристало дѣлиться.

Уже совсѣмъ одѣвшаяся, снарядившаяся дѣвушка выходитъ изъ избы и слегка сдвигаетъ съ мѣста столъ (можетъ быть, съ тою цѣлью, чтобы и съ собой унести то уваженіе, какое питаютъ корелы къ столу), потомъ, не торопясь, идетъ до дверей, ни разу не оглянувшись назадъ себя, на избу, и ударяетъ рукой по верхней дверной перекладинѣ. Дверь за собой она затворяетъ непремѣнно рукой, а не ногой, пяткой, какъ иногда поскорѣе имѣютъ привычку дѣлать мужики. И все это дѣлается для Лемби.

Послѣдняя примѣта, впрочемъ, соблюдается не одной только дѣвушкой, а всѣми семейными, всѣми членами той избы, гдѣ есть взрослая дѣвица-невѣста.

Но вотъ наша дѣвушка и на праздникѣ... Она стоитъ въ кучкѣ подругъ, съ увѣренностью ожидая счастливыхъ результатовъ своего строгаго исполненія всѣхъ примѣтъ и правилъ народной вѣковой мудрости.

Парни въ нѣкоторомъ разстояніи топчутся около дѣвушекъ. Они спокойно безъ всякой застѣнчивости высматриваютъ для себя по уму «пару»—«пуару», чтобы съ ней отправиться «кижаh». «Кижа» буквально съ корельскаго значитъ—вообще игра; въ условномъ-же смыслѣ подъ этимъ словомъ разумѣются праздничные танцы молодыхъ людей и ихъ сидѣнья рядомъ, на посидѣлкахъ зимою въ домѣ, а потомъ гдѣ-нибудь въ лѣсочкѣ, на полянѣ или даже въ ригѣ, гдѣ обыкновенно молотятъ хлѣбъ. Въ «кижа» приглашаетъ парень дѣвушку не словами, не движеніемъ руки, а только глазомъ, извѣстнымъ образомъ подмигнувъ послѣдней, или, какъ говорятъ кореляки, «vihjasi». Кото-

рая, чѣмъ больше разъ была въ «кижѣ», чѣмъ съ большимъ числомъ парней танцовала и сидѣла съ ними (по одиночкѣ) въ лѣскѣ, та въ корелѣ считается самой почетной, самой счастливой, самой «lembikäs».

Возвращаясь вечеромъ домой обратно, она непремѣнно не преминетъ похвастать передъ своими подругами, что она была сегодня въ «кижа» съ 15 парнями; всѣ они молъ съ такимъ увлеченіемъ танцовали съ ней, такъ ласково сидѣли и не скупились на свои ласки—объятія и поцѣлуи. Но за то горе той, которая останется «некко», т. е. не приглашенной на эти, такъ желательные—«кижатъ», и которой ни разу не удалось посидѣть съ парнемъ въ укромномъ, темномъ уголкѣ риги или въ тощихъ кустахъ сосѣдняго лѣска. Правда, и противъ этого случая (котораго не дай Богъ ни одной корельской дѣвушки) существуетъ особая примѣта, иногда, по увѣренію корелъ, очень хорошо помогающая. Стоитъ только такой неудачницѣ войти въ избу, снять съ себя всю праздничную одежду, перетрясти ее хорошенько и, одѣвъ обратно, снова идти на гулянку; «ну ужъ тогда,—говорятъ старые люди,— хоть уродъ, а ужъ кранется».

Въ повседневной, будничной жизни, какъ я уже выше сказалъ, дѣвушка-корелка почти ничѣмъ не отличается отъ прочихъ членовъ семьи, — замужнихъ женщинъ и мужчинъ.

Она также работаетъ, ломается въ лѣсу и на поляхъ и, повидимому, для нея здѣсь уже нѣтъ возможности что-нибудь сдѣлать, чтобы «поднять» свою Лемби. Но оказывается, что и тутъ есть кой-какія средства, которыя у умѣющей являются прекрасными орудіями. Такъ, когда дѣвушка работаетъ въ лѣсу или въ полѣ съ семейными, она должна всякую очередную свою работу окончить прежде всѣхъ. Коситъ-ли, жнетъ-ли, выжигаетъ-ли подсѣки, она должна свой паекъ, свою часть ухитриться сдѣлать ранѣе всѣхъ, чтобы,— въ противномъ случаѣ, — зазѣвавшись, не прозѣвать жениховъ и не засидѣться въ старыхъ дѣвкахъ.

Изъ-за обѣденнаго стола она также выходитъ всегда первой, хотя бы и на половину съ пустымъ желудкомъ. «Ничего, разсуждаетъ успокоительно въ такихъ случаяхъ дѣвица,—замужемъ досыта наѣмся; а предупреди теперь кто-нибудь меня, и быть мнѣ замужемъ позади всѣхъ».

Затѣмъ, если на столъ во время обѣда подаютъ какое кушанье на сковородѣ, дѣвушка должна сразу же, какъ только въ послѣдней минуетъ надобность, убрать со стола и тотчасъ же вымыть, а не то, примѣчаютъ, можетъ и Лемби ruostuda,—Лемби можетъ «заржавѣть». Въ баню она идетъ всегда первой, пока та еще не загрязнена, и пока въ ней никто еще не мылся, и отъ этого, говорятъ, слава дѣвушки будетъ чище и репутація ея

безупречнѣе. Придя изъ бани домой и расчесывая гребнемъ косу, дѣвушка не должна ни въ какомъ случаѣ бросать куда попало оставшіеся на гребнѣ волосы, не должна также, скручивая ихъ въ комокъ, плевать въ нихъ, слюнить, какъ это дѣлаютъ для удобства замужнія бабы, а, свернувъ ихъ бережно, убрать въ коробочку и хранить до самаго Новаго года, и только ужъ въ этотъ день ей слѣдуетъ сжечь ихъ на крыльцѣ во время звона къ обѣднѣ, и Lembi такой дѣвушки,—увѣряютъ васъ,—не заслюнится, не заплюется ни отъ кого изъ людей.

Таковы въ краткихъ чертахъ главнѣйшіе пріемы и способы, употребляющіеся корельскими дѣвушками, чтобы умилостивить эту таинственную, любовную силу Лемби, капризную, какъ малое дитя, непостоянную, какъ вѣтеръ, и которая иногда изъ-за самыхъ малыхъ пустяковъ, «съ добраго-добра» можетъ «упасть» (sordua). И тогда прощай добрая репутація такой дѣвушки: будь она хоть самая «самолучшая» (kaikisparas), красивая, работящая, скромная, богатой хорошей семьи,—все равно—не будетъ у ней ни поклонниковъ, ни жениховъ, и будетъ она сидѣть сиднемъ, «не кратаясь» въ дѣвушкахъ долгіе годы.

Но предположимъ, что наша дѣвушка точнымъ исполненіемъ всѣхъ перечисленныхъ примѣтъ успѣла снискать благоволеніе и высшее расположеніе Lembi. Она въ чести у всѣхъ, въ любви у молодежи и въ милости у стариковъ. Къ ней пріѣзжаютъ сваты, женихи тѣснятся въ передней части избы, сбивчиво объясняя цѣль своего пріѣзда.

Устраиваютъ свадьбу. Дѣвушку выдаютъ замужъ. Какъ ни тяжела была послѣдней жизнь въ дѣвицахъ, какъ ни трудно доставалось ей на работахъ въ лѣсу или въ полѣ.—однако новая, грядущая жизнь кажется еще болѣе горькою, болѣе безотрадною сравнительно съ прежней и еще менѣе сулитъ радости и счастья. Въ дѣвицахъ у ней, по крайней мѣрѣ, былъ одинъ даръ, одно неоцѣнимое свойство, скрашивавшее хоть отчасти ея трудовую жизнь, это—«бѣлая, вольная волюшка», и ея-то вотъ теперь должна она лишиться, по выходѣ замужъ. «На кого-то я,—бѣдное дитя, причитываетъ невѣста на груди матери,—оставлю свою бѣлую вольную волюшку?.. Оставила бы ее подругамъ—дѣвушкамъ, такъ онѣ растаскаютъ по посидкамъ да по гуляньямъ, исцарапаютъ ее о чужіе углы, изобьютъ о высокіе пороги. Оставила бы ее малымъ дѣвушкамъ, такъ тѣ глупы еще, не поймутъ всей цѣны ея, не съумѣютъ сберечь. Оставлю-ка я ее,—бѣдное дитя, у тебя—у матушки, ты надежнѣе другихъ сохранишь её. Положи ее у окошечка и когда темными осенними вечерами спечалишься или зимнею ночью сгрустнешь по мнѣ, приходи къ нему и полюбуйся на бѣлую волю своего родимаго дитятки».

Дѣвушка, такимъ образомъ, мѣняетъ прежнюю жизнь, вступаетъ въ супружество, оставляетъ навсегда свою бѣлую вольную волюшку и вступаетъ подъ власть темной тяжелой воли мужа.

Н. Лѣсковъ.

Этнографическія замѣтки о Тюркахъ Минусинскаго края.

(Отчетъ о поѣздкѣ 1894 г.).

Весной 1894 г., при моемъ отправленіи въ Сибирь, Академія Наукъ поручила мнѣ заняться въ Минусинскомъ краѣ Енисейской губ. собираніемъ этнографическихъ предметовъ и древностей [1]). Отъ акад. В. В. Радлова я получилъ на этотъ счетъ нѣкоторыя указанія и совѣты. По пріѣздѣ въ Минусинскъ, я воспользовался также опытностью и дѣльными совѣтами завѣдующаго Минусинскимъ музеемъ Н. М. Мартьянова. Помѣстился я въ Усть-Абаканской Инородной управѣ (17 верстъ отъ города), откуда и устраивалъ болѣе или менѣе продолжительныя поѣздки въ степь. Крайнимъ пунктомъ на ЮЗ было с. Усть-Есинское, населенное почти совершенно обрусѣвшими инородцами; на З—улусъ Синявинскій на р. Нинѣ; на СЗ—оз. Шира. Благодаря содѣйствію мѣстныхъ интеллигентныхъ лицъ, изъ которыхъ я долженъ упомянуть г. Бѣликова, улуснаго писаря въ Абаканской Управѣ, г. Тютюбѣева, родомъ дальне-Каргинца, улуснаго писаря въ с. Аскысскомъ и священника С. Дм. Масленникова, мнѣ удалось посѣтить много инородческихъ улусовъ, пріобрѣсть почти полную коллекцію этнографическихъ предметовъ и снять до 100 фотографій типовъ, группъ, сценъ и видовъ мѣстностей, наиболѣе замѣчательныхъ въ этнографическомъ или археологическомъ отношеніяхъ (я имѣлъ стативный аппаратъ 12.16 и камеру «Delta» Крюгинера). Наиболѣе фотографій и этнографическихъ предметовъ добыто среди качинцевъ, какъ племени наиболѣе уцѣлѣвшаго отъ русскаго вліянія.

Я не собираюсь писать полнаго этнографическаго очерка качинцевъ, да это и невозможно при недостаточномъ количествѣ матеріала, собраннаго до

---

[1]) Въ 1893 г. я уже доставилъ Антропологическому Музею Академіи коллекцію древностей, собранную мною вмѣстѣ съ братомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по Красноярскому и Минусинскому округамъ.

настоящаго времени объ этихъ инородцахъ; я предполагаю только внести въ общую сокровищницу то, что мнѣ самому удалось подмѣтить за короткое время пребыванія въ степи и исправить нѣкоторыя неточности, замѣченныя мною въ прежнихъ сообщеніяхъ.

О качинцахъ кромѣ трудовъ и замѣтокъ прежнихъ изслѣдователей, перечисленныхъ Г. Н. Потанинымъ въ предисловіи къ статьѣ гг. Каратанова и Попова «Качинскіе татары Минусинскаго окр.» (т. XX, вып. 6, 1884 г. Изв. И. Р. Геогр. Общ.)—Pallas, Castrén, Radloff (Proben), Титовъ и кн. Костровъ, мы находимъ Радлова же «Ethnograpische Uebersicht», 1883 г. и «Aus Sibirien», 1884 г. [1]); Катанова (Замѣчанія о богатырскихъ поэмахъ тюрковъ Минусинскаго округа, Спб. 1885 г.); Аргунова (Очерки сельскаго хозяйства Минусинскаго края, Казань 1892 г.); статьи сельскихъ учителей въ «Восточномъ Обозрѣніи», «Сибирскомъ Вѣстникѣ», «Енисеѣ» и какъ самое полное—упомянутую статью въ XX т. Изв. Г. Общ. Затѣмъ—изрядное количество миссіонерскихъ статей въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ» и «Енисейскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (см. подробнѣе въ Сибирской Библіографіи Межова и у Н. Ѳ. Катанова — Сборникъ Восточнаго Обозр. за 1887 г.). Но надо замѣтить, что г. Каратановъ жилъ въ с. Аскысскомъ и наблюдалъ исключительно инородцевъ Степной Думы, ихъ онъ только и описываетъ. Хотя качинцы по образу жизни и близко стоятъ къ сагайцамъ, бэльтирамъ и т. д.; но не въ такой степени, чтобы всё, что относится до послѣднихъ, пріурочить исключительно къ первымъ. Итакъ очеркъ г. Каратанова нужно назвать: «Черты внѣшняго быта инородцевъ Степной Думы».

Я буду имѣть въ виду главнымъ образомъ качинцевъ, гдѣ пріидется касаться и прочихъ племенъ, стану отмѣчать; затѣмъ я отброшу какъ неточный и запутанный терминъ «татары», какъ называютъ въ Минусинскомъ краѣ инородцевъ.

Происхожденіе качинцевъ.

Извѣстный по всей Качинской степи сказочникъ Агодъ Тоборовъ (улусъ Тазминскій на р. Бирѣ) разсказывалъ мнѣ подъ монотонные звуки своего кôмса: «Кучумъ, татарскій царь, командовалъ своимъ народомъ—та-

[1]) При знакомствѣ съ инородцами Минусинскаго края лучше руководиться не «Ethnographische Uebersicht», а «Aus Sibirien»—Bd. I, 207 S., такъ какъ здѣсь мы находимъ нѣкоторыя измѣненія сравнительно съ первымъ трудомъ и оригинальныя дополненія самаго автора.

тарами [1]). Народъ живетъ безъ нужды, безъ заботы, подушной не знаетъ. Много лѣтъ, много времени живетъ онъ—горя не знаетъ; вдругъ пришелъ какой-то незнакомый народъ—пятьсотъ два человѣка. Кучумъ спрашиваетъ ихъ: «Вы откуда и что за народъ?» — Мы дальній народъ; ты какой народъ имѣешь?—Кучумъ говоритъ: «Самъ я татаринъ; народъ мой—татары».—Ты самъ, царь, скажи, какой расходъ ты имѣешь, подушную платишь ли?—«А вы сами скажите, какой вы такой народъ, откуда вы пришли и какое вамъ дѣло до моей подушной»?—Мы, пятьсотъ человѣкъ, всѣ—разбойники; имя мнѣ Ермакъ, а отецъ мой—Тимофей. Какъ, добромъ ли мириться будемъ съ тобой, или воеваться будемъ? Слушаешь ли мои совѣты?—Кучумъ боится—вѣдь пятьсотъ человѣкъ и всѣ ѣздятъ въ стременахъ. «Я, говоритъ Кучумъ, не собачьи залаю — подать подушную буду платить государю Романскому».—Ты, говоритъ Ермакъ, свою подпись приложи.—«Я не умѣю—какъ напишу»?—Я тебя научу.—Три дня онъ его училъ; черновой Ермакъ самъ написалъ, а бѣловой Кучумъ переписалъ, что де онъ подчиняется государю.—Иванъ Кольцовъ! говоритъ Ермакъ, приложи и ты сюда свою руку. Теперь ты, Кучумъ, желалъ ли ты въ русское мѣсто подать платить?—«Желалъ...»—Есть ли у тебя конь-богатырь?—«Есть».—Какой шерсти?—«Рыжій», говоритъ.—Имай, говоритъ, его!—Поймалъ Кучумъ коня, серебряную узду надѣлъ.—Сѣдлай!—Осѣдлалъ въ серебряное сѣдло.—Садись, говоритъ Ермакъ Ивану Кольцову, поѣзжай! Двѣ бумаги далъ ему: одну—Кучумову, другую—свою; въ этой бумагѣ написалъ онъ, не проститъ ли царь его, онъ де нашелъ ему много тысячъ черноголовыхъ. Кольцовъ его спрашиваетъ, куда ему ѣхать.—Поѣзжай сперва въ Москву, самолично повидайся съ этими бумагами государю—онъ пересмотритъ. Кольцовъ ушелъ, сѣлъ да поѣхалъ... Простилъ государь Ермака: «Сколько онъ мнѣ народу нашелъ! Пущай бѣгаетъ—не бунтуетъ, принимаю его; пущай благополучно селится»! Кучума потребовали туда самолично, какой де такой царь. Приказалъ оружья его забрать (чӑдмах—лукъ, ӱк—стрѣла, какъ упоминается въ сказкѣ); если же хотятъ козовать (охотиться на козъ), выдавать имъ ружья. Кучумъ не хочетъ идти. Пришелъ оттуда народъ, чтобъ забрать его. Забрали Кучума, увезли въ кандалахъ черезъ Енисей, завязали глаза и утащили въ Москву. «Ты что же, Кучумъ, противишься, чего ширишься?» спрашиваетъ его царь, «вѣдь ты

---

[1]) Привожу разсказъ такъ, какъ мнѣ передалъ его Аголъ въ переводѣ на русскій языкъ; но говорится ли про «татаръ» на языкѣ Качинцевъ, не знаю. По словамъ качинца Ив. Доможакова, въ сказкахъ первымъ княземъ считается «Кан'зӑ-Бих» и послѣднимъ «Оӽан-Бих».

обѣщалъ Ермаку быть подъ моей властью, чего же ты еще разговариваешь»? Кучумъ не зналъ, что сказать и молчалъ. Куда дѣвался Кучумъ—неизвѣстно, а мы и до сихъ поръ платимъ подати!»—такъ закончилъ свой разсказъ сказочникъ.

Мих. Ив. Райковъ [1]) утверждаетъ, что на вопросъ, откуда они, гдѣ жили ихъ предки, качинцы отвѣчаютъ: «съ Тобыла». В. К. Радловъ указываетъ, что качинцы называютъ себя Кас (=Кāш, Кач) и выясняетъ вопросъ объ ихъ происхожденія, именно ихъ предки были подданными Кучума и пришли съ Иртыша на р. Качу; однако остается неяснымъ, далъ-ли этотъ народъ имя рѣкѣ, или самъ получилъ отъ нея названіе. Теперь качинцы, какъ мнѣ пришлось слышать, называютъ себя также Кас; въ книгѣ г. Латкина объ Енисейской губерніи они названы «камлäръ», но достоинство этого труда—извѣстно (я и не привелъ этой книги при перечисленія литературы); «Kamlar»—одинъ изъ 10 родовъ Кизильцевъ, живущихъ въ Ачинскомъ округѣ Енисейской губерніи (Ethnographische Uebersicht, 95).

Административное дѣленіе инородцевъ. Легенды.

Административное дѣленіе инородцевъ таково: «Абаканская Инородная Управа», управленіе коей находится въ селѣ того-же названія и «Аскысская Степная Дума соединенныхъ разнородныхъ племенъ», управленіе послѣдней—въ с. Аскысскомъ. Въ 1-ю категорію входятъ Качинцы, во вторую—12 племенъ (оффиціальныхъ—родовъ) съ 3 главными: Бэльтиры, какъ самое большое, затѣмъ—Сагайцы и Койбалы. Мнѣ сообщили 7 родовъ оффиціальнаго дѣленія Качинцевъ: 1) Шалошинъ 1-й половины [2]), 2) Шалошинъ 2-й половины, 3) Тубинскій (Tuba-nach Radloff), 4) Бирскій (по р. Бирѣ), 5) Тинскій (Tin), 6) Старо-Іюсскій, 7) Бѣло-Іюсскій и сюда-же причисляли еще и 8)—Койбало-Салбинскій; говорятъ, представителей этого послѣдняго рода всего 9 душъ, живущихъ по правой сторонѣ Енисея въ д. Салбинской. Насколько среди качинцевъ сохранились многочисленныя названія племенъ и родовъ, ихъ составившихъ, я не знаю; но надо полагать, эти прежнія названія годъ отъ году теряются. Мнѣ передавали, какъ общеизвѣстныя, 4 названія

---

[1]) М. И. Райковъ, родомъ качинецъ, бывшій учитель въ Усть-Абаканской Управѣ, теперь же вольнослушатель С.-Петербургскаго Университета. Ему я обязанъ многими свѣдѣніями о качинцахъ, за что и приношу ему искреннюю благодарность.

[2]) По словамъ старосты этого рода: г. Райкова, у него числилось за 94 г.—440 душъ мужск. пола и немного болѣе—женскаго.

изъ которыхъ съ тремя связаны легенды: Каска́ или Какса́т, Бюру̇т, Ар и Кыргы̀з. Остатки киргизовъ живутъ еще по р. Коксѣ, такъ — улусъ Арыштаевскій. Въ д. Утинской, по правой стороны Абакана, на Койбальской степи живутъ почти обрусѣвшіе Койбалы. По Кастрену (Reisebericht, S. 322), 3 рода Койбаловъ изъ 13—енисейско-остяцкаго происхожденія; другіе три—самоѣдскаго, но какого остальные семь? Аринцы или Арины, выводимые Кастреномъ [1]) отъ тѣхъ-же такъ называемыхъ енисейскихъ остяковъ, къ его времени будто-бы совершенно ассимилировались съ тюрками и ихъ остатки жили въ одномъ улусѣ именемъ «Ара». Г. Пыпинъ (Исторія русской этнографіи, IV, 406) упрекаетъ Познякова, что имъ въ 1825 г. были отмѣчены на картѣ исчезнувшіе аринцы; но врядъ-ли такая помѣтка была неправильной, ибо еще и теперь, какъ передаютъ, остатки этого племени живутъ въ Бѣлоярскомъ улусѣ, по правой сторонѣ Абакана; но чуть-ли не одно только семейство — Таштандины; таштанды̀ же значитъ на качинскомъ нарѣчіи—оставшійся, отбросокъ.

Легенда о змѣяхъ, истребившихъ родъ аринцевъ, была записана еще историкомъ Миллеромъ (Сибирская Исторія, стр. 40), видѣвшимъ будто-бы послѣдняго человѣка, говорившаго на языкѣ аринскомъ; затѣмъ въ статьѣ г. Попова (Извѣстія, т. XX) та-же легенда приписывается Бѣлоіюсскому роду. Мнѣ пришлось слышать эту легенду въ Райковскомъ улусѣ (лѣвая сторона Абакана) и такъ какъ она разнится отъ редакціи г. Попова, то я и привожу её:

«Къ инородцу изъ рода Ар, стоявшему на берегу Енисея, подошелъ змѣй и просилъ переправить его на другую сторону; инородецъ испугался и убѣжалъ. Подплываетъ къ берегу другой аринецъ и къ нему обращается змѣй съ просьбой; аринецъ струсилъ, но переправилъ змѣя на своей лодкѣ. Змѣй ему сказалъ на прощанье: «За то, что ты меня переправилъ, я тебя съ твоей семьей оставлю въ живыхъ, а остальныхъ аринцевъ прикончу. Иди домой и окружи свою юрту волосянымъ арканомъ, чтобы намъ тебя знать!» Инородецъ такъ и сдѣлалъ. Пришелъ змѣй со своими сподручными и уничтожилъ всѣхъ аринцевъ; остался живъ только переправившій со своей семьей. Ранѣе аринцевъ было много, а теперь ихъ совсѣмъ мало осталось», такъ заканчивается сказаніе.

Относительно Бюру̇т и Какса̀т разсказывается слѣдующая интересная легенда:

---

[1]) Ethnologische Vorlesungen, S. 87 und Reisebericht, S. 344.

«Нѣсколько человѣкъ изъ рода Бюрўт и рода Каксâт были отправлены послами къ царю—отнести подать. Родъ Каксâт считался лѣнивымъ и нерадивымъ, а Бюрўт былъ въ славѣ. Прежде, чѣмъ войти въ царскія жилища, Бюрўт стали раскрашивать свое тѣло охрой, чтобы быть привлекательнѣе; Каксâт-же полѣнились сдѣлать это. Занятые раскраской, Бюрўт заноздали и получили выговоръ; Каксâт-же похвалили. Съ той поры родъ Каксâт находится въ бо́льшей славѣ». Подъ веселую руку теперешніе представители того и другого рода частенько препираются между собою, каждый выхваляя свой родъ [1]).

Собственно-то говоря во всемъ этомъ сплетеніи различныхъ племенъ и родовъ много еще неясностей, распутать которыя въ большинствѣ врядъ-ли уже и представляется возможность; но все же многое выяснено у г. Радлова (Aus Sibirien).

Территорія и населенность.

Мѣстность, занимаемая инородцами и слывущая въ Минусинскомъ краѣ подъ названіемъ степи, возвышенна и холмиста, безлѣсна (однако по окраинамъ она переходитъ въ мѣстности, богатыя лѣсомъ и орошеніемъ и даже таежныя) и во многихъ частяхъ скудно орошена. По словамъ г. Клеменца (Древности Минусинскаго Музея, Томскъ 86 г.), она вся пересѣчена невысокими кряжами, отрогами главныхъ хребтовъ Саяновъ и Алатау; преобладающее направленіе этихъ горъ съ ЮЗ на СВ. Здѣсь напрасно было-бы искать тѣхъ ровныхъ пространствъ съ далекимъ горизонтомъ, съ которыми связывается обычное представленіе о степяхъ. Широкая долина между двухъ кряжей горъ, ложе которой нечувствительно поднимается по направленію къ высокимъ главнымъ хребтамъ—вотъ общій типъ степныхъ мѣстностей Минусинскаго края.

По оффиц. свѣдѣніямъ Памятной книжки Енисейской губерніи за 91 г. территорія, занимаемая инородцами, равна 14283 кв. в., т. е. немного болѣе Варшавской губерніи. Изъ нихъ 7 тысячъ кв. в. принадлежитъ Аскысской Степной Думѣ и 7283 кв. в.—Абаканской Управѣ. Однако эти цифры далеко не точны: такъ инородцы Степной Думы живутъ далеко за предѣлами Енисейской губерніи и занимаютъ площадь, бо́льшую 7 тысячъ кв. в.; граница между тѣми и другими также не опредѣлена съ достаточной

[1]) Легенда записана со словъ М. И Райкова, которому приходилось присутствовать при этихъ препирательствахъ. Его отецъ причисляетъ себя къ роду Бюрўт.

точностью. По этому случаю разсказывают, что несколько лѣтъ назадъ (не менѣе 15—20) землемѣръ Ведерниковъ, присланный изъ Красноярска, проводилъ границу между качинцами и племенами Степной Думы. Инородцы уже ранѣе пришли къ обоюдному соглашенію относительно своихъ владѣній; но землемѣръ постоянно пытался отклониться отъ намѣченной черты, и тогда тѣ, для которыхъ это было не выгодно, угощали его и подносили ему подарки. Близъ улуса Усть-Сайгачи (СЗ) онъ направился вправо, и тогда Качинцы принуждены были ему подарить лучшаго молодого жеребца. Но мало объѣзженная лошадь сбросила съ себя пьянаго сѣдока—и онъ здѣсь же и скончался; послѣ же Ведерникова еще не пытались окончить его работу. Сравнительно недавно другой землемѣръ отдѣлялъ Томскую губернію отъ Енисейской, но такъ какъ ни съ русскими, ни съ инородцами въ рядѣ не сошелся, то, по разсказамъ, на зло часть территоріи, занятой племенами Степной Думы и относящейся къ Минусинскому округу, выдѣлилъ къ Томской губерніи; казачье же село Таштыкъ раздѣлилъ на двѣ части, изъ нихъ лѣвая принадлежитъ Томской губерніи.

Вопросъ о количествѣ инородцевъ является однимъ изъ самыхъ темныхъ. Но, надо думать, инородческимъ старшинамъ и родовымъ старостамъ онъ извѣстенъ съ приблизительною точностью; однако для нихъ, какъ увидимъ въ главѣ о податяхъ, не выгодно дѣлиться своими свѣдѣніями.

По сообщенымъ мнѣ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 92 г., вѣдомство Абаканской Инородческой Управы насчитывало въ 99 населенныхъ пунктахъ 10877 человѣкъ обоего пола, вѣдомство Аскысской Степной Думы въ 60 населенныхъ пунктахъ 15519 человѣкъ обоего пола. Въ Памятной же книжкѣ Енисейской губерніи за 1891 г. численность инородцевъ опредѣлена слѣдующимъ образомъ:

осѣдлыхъ—1911 м. и 1948 ж.

кочующихъ—13030 м. и 12750 ж., слѣдовательно всего до 30 тысячъ, тогда какъ первыя цифры даютъ лишь 26.396. Такая разница можетъ быть объяснена только тѣмъ, что въ послѣднее число не вошли разные бродячіе инородцы, проживающіе на золотыхъ пріискахъ, на звѣриныхъ и другихъ промыслахъ, а также и переселившіеся въ крестьянскія села Минусинскаго и другихъ округовъ.

По словамъ г. Аргунова (Очерки сельскаго хозяйства Минусинскаго края), провѣреннымъ отчасти и мною, болѣе всего живетъ инородцевъ по р. Абакану и его многочисленнымъ притокамъ, именно до 83%; затѣмъ по р. Бѣлому Іюсу—болѣе 11% и наконецъ—по рр. Биджѣ и Коксѣ и по самому Енисею.

Въ 1847 г. Кастренъ опредѣлялъ численность качинцевъ въ 9430 душъ об. п. Такимъ образомъ, принимая оффиц. цифру за 1892 г., находимъ, что населеніе возрастаетъ незначительно. Затѣмъ изъ выше приведенныхъ свѣдѣній вытекаетъ, что качинцы, будучи менѣе по количеству, имѣютъ бо́льшее число населенныхъ пунктовъ, чѣмъ прочія племена вмѣстѣ, что объясняется ихъ почти исключительнымъ занятіемъ — скотоводствомъ, требующимъ болѣе простора.

Внѣшняя характеристика и соматическія измѣренія.

Изъ имѣющихся у меня портретовъ сагайцевъ есть 4, принимаемые на первый взглядъ за великорусскіе типы; однако здѣсь самое важное отличіе— совершенно черный цвѣтъ волосъ, прямыхъ и жесткихъ, и желтый цвѣтъ лица, чего не встрѣтишь у типичнаго великоросса. Не смотря почти на 200 лѣтнее близкое сожительство, сагайцамъ всё же, повидимому, удается отстаивать свою индивидуальность отъ качинцевъ, племени болѣе многочисленнаго и болѣе энергичнаго. Въ концѣ моихъ разъѣздовъ по улусамъ я часто безошибочно отличалъ сагайца отъ качинцевъ.

При опредѣленіи типа, я руководился столько же отличительными чертами лица, сколько и его выраженіемъ. Какъ мнѣ кажется, черты лица сагайца мягче и тоньше, глаза—большіе и вообще лицо его какъ будто болѣе культурно, болѣе привѣтливо. Наоборотъ—типичный качинецъ обладаетъ широкимъ, скуластымъ лицомъ, плоскимъ носомъ, узкими глазами и рѣзкими, какъ бы еще нетронутыми никакой культурой, чертами лица. Между этими двумя противоположностями встрѣчается масса переходовъ. Теперешній казанскій проф. г. Катановъ, насколько я знаю, по матери—качинецъ, а по отцу— сагай; однако обладаетъ типичнѣйшими чертами лица, свойственными качинцу. При ближайшемъ знакомствѣ, вы находите сагайцевъ и бэльтировъ симпатичнѣе и радушнѣе, качинецъ же кажется вамъ человѣкомъ «себѣ на умѣ» Однако эти соображенія могутъ имѣть только нѣкоторое значеніе при болѣе серіозныхъ, далеко еще не законченныхъ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ и еще не начатыхъ—антропологическихъ. Съ своей стороны приведу таблицу измѣреній, по методу, принятому проф. Петри [1]), надъ качинскими черепами, добытыми мною изъ могилъ качинской степи.

[1]) Э. Петри. Антропологія, Спб. 1895 г., т. II, Соматическая антропологія.

№№	Передне-задній діаметръ.	Поперечный діаметръ.	Діаметръ высоты.	Гориз. обхватъ головы.	Сагит. обхватъ головы.	Верт. обхватъ головы.	Высота лба (приблизит.).	Ширина лба (наименьшая).	Длина лица.	Ширина лица (наибольшая).	Глазницы (правыя).		Длина носа.	Ширина нижней челюсти.	3 перв. измѣренія—крумциркулемъ. 3 слѣд.—измѣрит. лентой. Остальн.—скольз. ц. Мѣры въ сантиметрахъ.
											Верт. діам.	Горизонт. діам.			
1	17,7	13	12,9	50	30	32	5,4	9,2	—	11,2	3,6	3,4	3,1	8,7	Черепъ наход. въ Спб. біолог. Муз. проф. Лесгафта.
2	17	13,9	13,4	50	29,5	34,5	6,2	9,3	—	11,6	3,6	3,7	3	10,8	Въ антропролог. Муз. Ак. Наукъ.
3	17,7	13	13	51,5	29,3	32,5	6	9,6	6,9	11,4	3,2	3,8	2	10,1	Въ Музеѣ проф. П. Ф. Лесгафта.
4	16,3	12,9	12,4	47,5	27	32	5,4	8,8	—	10,6	3,6	3,6	2,8	9	Тамъ же.
5	17,1	14	13,4	51	29	34,5	5,3	9,3	7,7	11,3	3,6	4	2,2	10	Тамъ же.
6	17,4	14	13,9	51,5	30	35	6,8	9	7,5	10,3	3,8	3,7	2,9	10,1	Тамъ же.
7	18,1	12,4	12,8	51,5	29,5	33	6,5	9,6	7,1	11	3,4	3,8	2,9	—	Тамъ же.
8	18,1	13,8	12	53	32	34	5,9	10,1	—	11,8	3,6	3,9	2,8	10,5	Въ М. Ак. Н.
9	16,8	13,2	13,3	48	30	34	5,8	9,1	—	10,2	3,1	3,4	—	—	Тамъ же.
	19	14,5	14,9	58	35	39	6,9	10,7	12 отъ переп. до низа н. чел.	11,3	3,9	3,8	?	11,6	М. И. Райковъ, качинецъ 30 лѣтъ.

До свѣдѣнія антрополога, будущаго изслѣдователя качинцевъ, довожу, что въ Красноярскомъ Музеѣ онъ можетъ найти еще 5 череповъ, добытыхъ мною въ 1892 году. Затѣмъ нѣсколькими черепами владѣетъ Минусинскій Музей. Однако, чтобъ сдѣлать выводъ, болѣе или менѣе заслуживающій вниманія, нельзя будетъ ограничиться изслѣдованіемъ этихъ 20—30 череповъ, а необходимо обслѣдовать, по крайней мѣрѣ, 1/10 всѣхъ качинцевъ. По Велькеру, не видавшему, вѣроятно, сибирскихъ тюрковъ (киргизовъ, якутовъ, минусинскихъ инородцевъ, алтайцевъ и т. д.), средній индексъ ширины для тюрковъ вообще данъ—83,3 (Пешель. Народовѣдѣніе). Въ приведенной таблицѣ наибольшій индексъ имѣетъ черепъ № 5, именно—81,8; съ другой стороны—черепъ № 7 обладаетъ наименьшимъ индексомъ ширины—68,5, что требуетъ, однако, болѣе подробнаго обслѣдованія этого черепа.

Занятія инородцевъ. Искусственное орошеніе полей.

Главное занятіе качинцевъ или скорѣе исключительное — скотоводство и всѣ вытекающія изъ него побочныя занятія; но собственно главное занятіе мужчинъ — это бражничанье въ теченіе круглаго года. У качинцевъ, какъ, говорилъ одинъ бѣдный койбалъ Кастрену, круглый годъ водится айракъ и кумысъ и скотъ кишитъ, какъ муравьи вокругъ юртъ [1]). Теперь качинцы живутъ съ меньшей роскошью, что объясняется чумными эпизоотіями 1870—72 г. и 1885—87, затѣмъ погоней молодаго поколѣнія поставить свой домъ на русскую ногу и вообще болѣе высокимъ уровнемъ потребностей, требующихъ и большихъ издержекъ. Однако и теперь встрѣчаются богачи, считающіе въ своихъ табунахъ до 2 тыс. лошадей, до 1000 рогатаго скота и до 6 тыс. овецъ. Богатства увеличиваются почти безо всякой затраты труда со стороны ихъ хозяевъ: стада и табуны круглый годъ пасутся на подножномъ корму по степи и безлѣснымъ вершинамъ, ибо зимы бываютъ въ большинствѣ малоснѣжны. Въ бѣдныхъ семьяхъ качинцевъ найдется до 25 лошадей, до 15 штукъ крупнаго скота и болѣе 100 овецъ и телятъ. Семья, имѣющая такое количество скота, дѣйствительно едва можетъ сводить концы съ концами, разъ она не желаетъ имѣть какихъ либо побочныхъ занятій. Но за разъясненіемъ этого вопроса, какъ и вообще за подробнымъ ознакомленіемъ съ положеніемъ инородческаго скотоводства и полеводства отсылаю читателя къ книгѣ, богатой фактическими данными (Аргуновъ. Очерки сельск. хоз. Минус. края). Приведенныя мной данныя, однако, нѣсколько расходятся съ цифрами г. Аргунова; такъ — и годовой приплодъ овецъ, какъ сообщаютъ, обыкновенно болѣе 50%, именно 70—80%.

Для пастьбы скота нанимаются пастухи. Почти же вся остальная работа по хозяйству лежитъ на плечахъ женщинъ (см. Каратановъ); на ихъ же попеченіи находятся и дѣти. Женщины же приготовляютъ и айранъ; но подъ старость онѣ и сами отнюдь не прочь пображничать, выкурить трубку, особенно, если есть уже въ семьѣ молодая невѣстка. Болѣе или менѣе точныхъ цифровыхъ данныхъ о вывозѣ изъ степи на продажу овечьей шерсти, конскаго волоса, войлоковъ, кожъ, мерлушки, масла и т. д., конечно, не существуетъ.

Хлѣбопашествомъ занимаются главнымъ образомъ инородцы Степной Думы; изъ качинцевъ же преимущественно обрусѣвшіе (такъ жители

[1]) Castrén, p. 306. Землевѣдѣніе Азіи.

д. Толчея). Оффиціальныя цифровыя данныя за 1893 г. о размѣрах полеводства и скотоводства я привожу въ общей таблицѣ въ главѣ о податныхъ налогахъ. Правда, оффиціальныя свѣдѣнія обыкновенно въ 2—3 раза ниже дѣйствительныхъ, но за неимѣніемъ послѣднихъ приходится пользоваться, какими есть. Объ искусственномъ орошеніи степей инородцами болѣе подробно, чѣмъ я могу сказать, сообщаетъ г. Аргуновъ (Очерки сельск. хоз. и описаніе «мочаговъ»— Сибирск. Сборн. прилож. къ «Вост. Обозр.» за 88 г., вып. III). Для устройства «мочаговъ», системы оросительныхъ канавъ, инородцы пользуются часто чудскими бороздами, оставленными первобытными насельниками степей и простирающимися иногда на большія разстоянія. Эта же чудь, этотъ, сравнительно культурный, неизвѣстный народъ и много другихъ, еще болѣе раннихъ и позднѣйшихъ, насельниковъ, оставили массу кургановъ и городищъ, изукрасили надписями и всевозможными изображеніями скалы по берегамъ Енисея, разсыпали по всему Минусинскому краю, въ $2^1/_2$ раза превосходящему по пространству Швейцарію, милліоны костяныхъ, каменныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ [1]), Среди теперешнихъ насельниковъ округа старинныя вещи также находятъ свое примѣненіе. Каменные предметы называются у сибирскихъ крестьянъ «громовыми» стрѣлами, бронзовые—«чудскими» вещами и желѣзные—«татарскими». Среди инородцевъ находимые ими большіе каменные песты и теперь употребляются какъ песты для большихъ ступъ (описаніе ихъ далѣе). Каменные жерновые камни (до $^1/_2$ арш. въ діам.) какъ русскимъ, такъ и обрусѣвшимъ инородцамъ служатъ для перемалыванія соли; инородцамъ же иногда замѣняютъ ихъ современные деревянные жернова, служащіе для раздробленія хлѣбныхъ злаковъ. Бронзовые ножи главнымъ образомъ крестьянками употребляются для соскребанія тѣста съ квашенокъ и «исканія» въ головѣ. Красивыя граненыя булавки (шилья) вы встрѣчаете, какъ копалки для трубокъ. Своебразной формы перстни инородками, такъ любящими всякія украшенія, употребляются иногда и теперь. Желѣзные наконечники стрѣлъ служатъ разными отвертками при ружьяхъ; для музея Академіи Наукъ мною пріобрѣтено 2 наконечника стрѣлъ съ трубчатымъ отверстіемъ на заднемъ концѣ для вставленія древка и съ кольцомъ сбоку для привязыванія шнура; употребляются они для охоты на выдръ и перекованы изъ «татарскихъ» стрѣлъ. Вообще, по отзывамъ крестьянъ и инородцевъ, «татарская» сталь замѣчательно хороша, почему старинные кинжалы и ножи и перековываются часто на современные ножи; ножъ же въ ножнахъ,

---

[1]) Подробно ознакомиться съ археологіей края можно по книгѣ Д. Клеменца Древности Минусинск. Музея. Томскъ, 1886 г.

какъ извѣстно, составляетъ непремѣнную принадлежность каждаго сибиряка. Наконечники желѣзныхъ стрѣлъ встрѣчаются также, какъ подвѣски на шаманскихъ костюмахъ (въ Красноярск. муз. и въ М. Акад. Н.—костюмъ, привезенный мной); интересно бы знать, какое значеніе придаютъ имъ шаманы.

Пищевые продукты качинцевъ.

То, что приводитъ г. Каратановъ относительно пищевыхъ продуктовъ инородцевъ Степной думы, относится и до качинцевъ; но я нигдѣ не слышалъ, чтобъ и падаль также шла въ пищу. Костей отъ стола качинцы также не сохраняютъ, а выбрасываютъ собакамъ.

Я начну описаніе пищевыхъ продуктовъ съ самаго главнаго — молока, имѣющаго очень много производныхъ. Изъ молока получается простокваша— jорт [1]) или узàн-сӱт, сметана — сӱметан, масло—кайàк и творогъ, называемый, какъ по русски. Изъ молока-же выкуривается самый употребительный и любимый напитокъ инородцевъ, арака́. Парнымъ молоко, повидимому рѣдко употребляется (къ чаю-же подаютъ сметану)—поэтому прямо отъ коровъ его сливаютъ въ большую кадку, находящуюся въ юртѣ съ правой стороны, какъ и другія кухонныя принадлежности инородца. Снятое молоко заквашиваютъ прежнимъ айраномъ; такимъ образомъ получается молодой айрàн. Какъ впервые было вызвано броженіе, инородцы не знаютъ; говорятъ, что стариками выдумано. Выкуривать араку̀ обыкновенно начинаютъ съ наступленіемъ весны, такъ какъ въ холодное время года, вслѣдствіе дурного содержанія скота, послѣдній въ большинствѣ перестаетъ давать молоко. Въ большой чугунный котелъ — казàн (³/₄ арш. и болѣе въ діам.), утвержденный на желѣзномъ таганѣ—очèх, громадной деревянной ложкой—хàмыс наливается айрàн. Котелъ накрывается толстымъ деревяннымъ нѣсколько меньшаго діаметра, чѣмъ чаша, колпакомъ (какпак), выдолбленнымъ самымъ примитивнымъ образомъ изъ цѣльнаго куска дерева вмѣстѣ съ верхней дужкой, служащей для сниманія колпака. Послѣдній имѣетъ съ одной стороны трапецоидальное отверстіе съ плотно пригнанной къ нему крышкой; отверстіе служитъ для прибавленія айрана во время его перегонки. Въ круглыя отверстія противоположной стороны крышки вставляются двѣ грубо сдѣланныя дугообразныя деревянныя трубы (трубà—5—6 четв. арш. дл.). Въ деревяшкахъ, предна-

---

[1]) Знакъ j въ словѣ jорт, какъ и въ послѣдующихъ, долженъ произноситься приблизительно, какъ русское дж.

значающихся для приготовленія такихъ трубокъ, въ мѣстѣ сгиба вырѣзывается прямоугольный кусокъ и затѣмъ, при помощи сверла и раскаленнаго желѣзнаго прута продѣлывается круглый каналъ; послѣ этого прямоугольникъ снова забивается. Замазываніемъ щели образуемой котломъ и колпакомъ, при помощи свѣжаго коровьяго помета, перемѣшаннаго съ глиной, а также и всѣхъ другихъ щелей на крышкѣ, достигается въ нѣкоторомъ родѣ полное закупориваніе. Противоположные концы трубокъ опираются на два чугунныхъ кувшина (р à г ә), помѣщенные въ деревянную колоду съ холодной водой, играющей роль холодильника [1]). Подъ котломъ раскладывается огонь, и перегонка идетъ весьма медленно. Выдѣлившіеся изъ айрана пары переходятъ въ кувшины въ видѣ прозрачной кисловатой жидкости—а р а к à, крѣпостію 6—8°. Однако инородцы очень слабы и быстро хмѣлѣютъ, и тогда начинается безсвязная болтовня и пѣсни, причемъ каждый поетъ свою. Иной разъ качинецъ пируетъ у своего пріятеля сутки, а то и болѣе, совершенно забывъ про свою верховую лошадь, привязанную къ изгороди. Наконецъ, его совершенно пьянаго затаскиваютъ на сѣдло—тутъ уже онъ чувствуетъ себя, какъ дома и никогда не выпадетъ; умная лошадь мчитъ своего хозяина къ улусу, по прямому направленію, безъ всякой дороги. Выносливость степныхъ лошадей поразительна: она одинаково хорошо выноситъ подъ открытымъ небомъ и 35° (R.) жары и 35° мороза. При мнѣ къ одному миссіонеру пріѣзжалъ молодой инородецъ, по дѣлу о покупкѣ бычковъ, изъ улуса за 80 вр. и черезъ часъ, не кормя коня, направился обратно, надѣясь къ ночи поспѣть домой. Пьяный инородецъ желаетъ казаться болѣе пьянымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Не зная сначала этого обычая, я однажды съ минуты на минуту ждалъ, что рысью ѣхавшій впереди меня инородецъ, оказавшійся въ послѣдствіи качинскимъ шаманомъ, попадетъ подъ копыта своей лошади.

Однако возвратимся къ аракѣ. Оставшаяся послѣ ея перегонки масса сливается въ холщевый мѣшокъ, подвѣшанный надъ кадушкой; такимъ образомъ въ мѣшкѣ остаются кислыя творожинки—а р ч или б о ј à, а въ кадушку

---

[1]) Въ двухъ мѣстахъ мнѣ пришлось видѣть иного устройства аппаратъ для перегонки араки—по сойотскому (сойоты—южнѣе Минус. окр.) способу: въ котелъ, наполненный айраномъ, ставится высокая кверху съуживающаяся кадушка безъ дна; верхнее отверстіе ея закрывается чугуннымъ-же котломъ, наполняющемся льдомъ или холодной водой. Охлаждающіяся капли араки падаютъ на деревянную лопаточку съ вырѣзанными на ея поверхности бороздками; по черепу лопатки, имѣющему глубокій желобокъ, какъ продолженіе бороздокъ, и выходящему въ боковое отверстіе кадки, арака стекаетъ въ подставленную чашку; для удобства въ желобокъ кладется тоненькая веревочка, спускающаяся въ чашку. Выгоды этого способа: установка аппарата требуетъ менѣе времени и мѣста, арака получается чище и прозрачнѣй, ибо не употребляется коровьей замазки; невыгода—необходимы два чугунныхъ котла.

стекаетъ употребляемая въ кормъ скоту сыворотка—с а р ч с у. Захватывая арчи въ руку и выпуская тонкія струи между пальцевъ, инородки получаютъ б и ч р ò или б ю ч у р ѐ (послѣднимъ именемъ называли въ сагайскомъ улусѣ близъ с. Аскызскаго); его высушиваютъ на солнцѣ на особыхъ деревянныхъ рѣшетахъ (с ы̆), состоящихъ изъ ряда скрѣпленныхъ между собою бичевкой длинныхъ, тоненькихъ и узенькихъ дощечекъ; кисловатое бичрò довольно пріятно на вкусъ. Лепешки, приготовленныя изъ ȧрчи же и прокопчёныя въ дыму, называются к у р ў т. Какъ ȧрч, такъ и бичрò и к у р ў т служатъ приправой къ кушанію (ў г р ѐ — см. далѣе) и послѣднія два заготовляются и на зиму. Инородческій сыръ—б ы ш л á к (кач.) или б ы з ы л ȧ х (сагайскій улусъ) имѣетъ очень пріятный своеобразный вкусъ; для его приготовленія свѣжее прокипяченое молоко подкваниваютъ айраномъ и свернувшуюся массу прессуютъ тонкими плитками въ холстѣ между двухъ досокъ. Лучшимъ лакомствомъ качинцевъ считается ö р б м е—это пѣнки, которыми покрывается прокипяченое молоко въ холодномъ мѣстѣ; имъ угощаютъ самыхъ дорогихъ гостей; для слизыванія пѣнокъ существуютъ даже въ нѣкоторыхъ юртахъ— к ò ч и к: это плотный войлочный кружокъ (до 8—10 см. въ діам.), прошитый нитками (изъ воловьихъ жилъ), насаженный на деревянный стерженекъ въ 1/2 аршина длиною. Опустивъ кòрчик въ горшокъ и вращая стерженекъ между ладонями, набираютъ такимъ образомъ на кружокъ пѣнокъ и слизываютъ ихъ, увѣряя, что съ ложки ѣсть далеко менѣе вкусно [1]. Итакъ изъ молока—с ў т получаются слѣдующіе продукты:

1) сўметѐн, 2) jорт (узан сўт), 3) бышлȧк, 4) öрбме

сўметѐн → кайȧк

jорт → айрȧн → аракȧ, арч

арч → бичрò, курўт, сарг су.

Мясныя кушанія к а ч и н ц е в ъ также довольно разнообразны. Такъ называемое ў г р ѐ (щи, похлебка) состоитъ изъ воды, мяса и жербы (j е р б ȧ — крупно смолотая рожь) или какой-нибудь крупы (ячменной, гречневой); приправой служатъ бичрò, курўт, боjа и борчȧ. М ю н (супъ) состоитъ изъ воды и мяса рубленаго или кусками. Въ ўгрѐ или въ мюн, во время ихъ кипяченія варятъ: 1) к а н—кровь животныхъ съ кусочками сала, налитыя въ кишку;

[1]) У г. Карнова для инородцевъ Степной Думы вѣнкамъ дается совершенно иное назначеніе; можетъ быть такое кушаніе и существуетъ; но въ такомъ случаѣ названіе «бышлáх» для него, вѣроятно, ошибочно.

2) кима, приготовленная какъ колбаса, но изъ баранины и скотскаго мяса; 3) тарткàн ит—желудки жвачныхъ животныхъ; когда послѣднее кушаніе готово, его крошатъ и ѣдятъ съ угрé или мюн. Жареное на вертелѣ мясо называется качинцами с'стѐн ит; на вертелѣ же приготовляется сокàч—кусочки печенки, обернутые въ жиръ съ бараньяго желудка. У качинцевъ и у сагайцевъ приходилось затѣмъ мнѣ встрѣчать мясо сваренное въ сметанѣ; въ сагайскомъ улусѣ близь с. Аскысскаго назвали это кушаніе—ѝт кайтаткѝй юримѐ.

Пищевыхъ веществъ изъ хлѣбныхъ злаковъ и другихъ растеній также мы находимъ большое разнообразіе. Прежде всего талгàн—поджаренныя и крупно смолотыя зерна пшеницы или ячменя; ѣдятъ съ молокомъ, сметаной или масломъ и въ послѣднемъ случаѣ прибавляютъ еще и бичрò. Изъ сушеной ягоды—черемухи, истолченной затѣмъ въ деревянной ступѣ и поджаренной въ маслѣ, получаютъ тонкія лепешки (сообщено въ сагайскомъ улусѣ). Черемуха растетъ въ изобиліи на островахъ по Енисею и Абакану и по многочисленнымъ притокамъ этихъ рѣкъ; инородцы охотно употребляютъ её свѣжею, но, по своей лѣности, предпочитаютъ поскорѣе наломать охапку вѣтокъ вмѣсто того, чтобъ обирать по ягодкѣ. Каша (ботк) приготовляется слѣдующими способами: 1) мука на сметанѣ—боткѝ, 2) мука на молокѣ—сỹтботкы, 3) корни сараны на молокѣ—сип-боткѝ и 4) кандых-боткѝ, сваренная на молокѣ, говорятъ, замѣчательно вкусно. Сарану (Lilium Martagon) въ сагайскомъ улусѣ называли саргàй; качинцы же различаютъ два вида луковицъ сараны: áксип (бѣлая) и сàрахсип (желтая). Сарана и кандых (Erythronium Deus Conis L.) добываются въ тайгѣ, считаются лакомымъ блюдомъ и заготовляются высушенными въ прокъ; кандыхъ набираютъ на нитку, какъ бусы и подвѣшиваютъ къ потолку юрты; кромѣ каши идетъ онъ и въ щи. Очень уважается всѣми инородцами, какъ и сибирскими крестьянами, калбà—черемшà (Allium victorialis), растеніе съ рѣзкимъ запахомъ и съ острымъ чесночнымъ вкусомъ; употребляется сырой и крошится въ щи. Балтыргàн—пучка (Lebanotis sibirica L.) употребляется только свѣжей и въ раннемъ возрастѣ, когда она довольно вкусна. Затѣмъ ѣдятъ сырыми или крошатъ въ похлебки, но не заготовляютъ на зиму, какъ и калбỹ и пучку: полевой лукъ—кубергѐн'[1]) (названіе записано отъ сагайцевъ), полевой чеснокъ—ухсỹн' (саг.), синнѐ (саг.)—чегна или Марьины коренья (употреб. коренья) — Paeonia anomala, чумчòла—маленькія луковички Orithya oxypetala (хлѣбенки—сибирское названіе), слàдка — корни Glycyrrhiza glandulifera (солодковый

---

[1]) Знакъ надъ буквой н' означаетъ носовой звукъ.

корень — сиб.). Чай употребляютъ инородцы, какъ и все сибирское населеніе, прессованный китайскій «кирпичный»; но инородцы часто заготовляютъ на зиму и пьютъ вмѣсто чая м а р т х а̀ л ы-с и г ѐ н (кач. названіе съ коллекціи Минус. Муз.) или а х-б а̀ с о д (въ бэльтирск. ул.) — бѣлоголовникъ (Spiraea Ulmaria L); затѣмъ б а д а̀ н (Saxifraga Crassifolia), у котораго собираютъ только старые почернѣвшіе листья [1]).

Хозяйственныя принадлежности.

Намъ уже извѣстно теперь устройство аппарата для араки, извѣстенъ кòрчик и ха̀мыс; добавлю къ этому, что̀ знаю о нѣкоторыхъ другихъ принадлежностяхъ. Прежде всего надо замѣтить, что качинцы не знаютъ кузнечнаго ремесла, и качинецъ М. И. Райковъ говоритъ, что не слышалъ даже какихъ-либо преданій объ этомъ у качинцевъ. Такимъ образомъ всѣ металлическія издѣлія, встрѣчаемыя у качинцевъ, пріобрѣтены въ г. Минусинскѣ, куда они привозятся изъ Россіи и изъ Абаканскаго желѣзодѣлательнаго завода, и отъ сибирскихъ деревенскихъ кустарей. Послѣдніе приготовляютъ ножи, перстни, трубки съ оловянной обливкой, огнива, серебряныя насѣчки на сѣдлахъ и сбруѣ и т. д. Мнѣ пришлось быть у богатаго качинца Петра Чаркова на р. Уйбатѣ. Его громадный дворъ съ большимъ русскимъ домомъ, со многими юртами и разными надворными постройками, съ многочисленной дворней представляетъ нѣчто въ родѣ княжескаго двора. Здѣсь вы находите учителя изъ поселенцевъ (т. е. уголовныхъ ссыльныхъ)—онъ же письмоводитель и т. д., фельдшера, кузнеца, слесаря и нѣсколькихъ мастеровъ изъ коренныхъ сибирскихъ крестьянъ для болѣе изящныхъ работъ (насѣчки, литья и т. д.). Я не говорю уже о большомъ количествѣ пастуховъ, кожевниковъ, коровницъ и т. д. Насѣчка серебромъ деревяги и ременныхъ принадлежностей къ сѣдлу стоитъ 40—60 руб.

При производствѣ обливныхъ трубокъ, говорятъ, поступаютъ слѣд. образомъ: на деревянной трубкѣ дѣлаютъ ножомъ болѣе или менѣе сложные узоры, но такъ, чтобы всѣ бороздки соединялись между собою; затѣмъ плотно обертываютъ ее смоченной писчей бумагой и льютъ расплавленное олово такъ, чтобы оно могло разойтись по всѣмъ канавкамъ, облегая такимъ образомъ толстый

---

[1]) Къ этому списку добавимъ то, что̀ находимъ у г. Аргунова (стр. 42) и г. Попова (Изв. Геогр. Общ., т. XX) и тогда мы знаемъ все, что̀ извѣстно до сихъ поръ о съѣдобныхъ растеніяхъ у качинцевъ: дикая гречиха; к а р л ы́ к ъ (Fagopyrum tataricum)—его сѣмена; и б е з́ к (его корни)—болотныя травы съ колючими листьями (Cirsium acaule?); лущеные кедровые орѣхи (въ подтаежныхъ мѣстностахъ).

чубукъ трубки сплошнымъ узорчатымъ поясомъ. Для пробы достоинства араки служитъ амздр—клокъ овечьей шерсти, прикрѣпленный къ концу тоненькой палочки въ 1/2 арш. длиною; амздр опускаютъ въ сосудъ и вынувши, обсасываютъ. Встрѣчаются у качинцевъ самодѣльныя ложки (сомнàх) и деревянныя чашечки (чирчè), но у большинства послѣднія—китайской работы.

Саргàс (саг.), служащій для отвѣванія ячменя, сушеной черемухи и т. д., имѣетъ видъ половинки обыкновеннаго сита, до 1 арш. въ діаметрѣ, но дно его сдѣлано изъ тоненькихъ же дощечекъ, скрѣпленныхъ между собой и съ ободомъ ремешками. Разнообразныя формы массивныхъ деревянныхъ ступъ—солдк (1—1 1/4 высотою) я уже не стану описывать; самая обыкновенная имѣетъ форму стеклянной рюмки. Среди фотографій акад. музея есть одна, снятая съ акварели, сдѣланной по моимъ рисункамъ; тамъ изображены сойотскій перегоночный аппаратъ, различныя формы ступъ, пестовъ къ нимъ и саргàсъ. Песты (олгы̀) почти такой же длины, что̀ и ступы—къ концамъ съужены, по срединѣ—съ перехватомъ или имѣютъ большое отверстіе въ утолщенной серединѣ; о каменныхъ пестахъ я уже сказалъ ранѣе [1]). Разные жерновки—тѐрбен приготовляются изъ крѣпкаго дерева (лиственицы, березы); для этого отъ обрубка въ 1/2 арш. толщиной отпиливаютъ два кругляша вершка 3—4 высотой, при чемъ у одного, предназначеннаго быть верхнимъ жерновкомъ, должна быть сдѣлана ручка (3—4 вр. высоты) изъ одного куска съ своимъ туловищемъ. Въ нижній жерновокъ вбивается толстый желѣзный стержень, а въ центрѣ верхняго—отверстіе для него. По всей поверхности соприкасающихся плоскостей вбиваются радіально чугунные кусочки отъ какого-нибудь разбитаго сосуда; затѣмъ для просушки оба закладываются въ сухую муку, чтобъ ихъ «не разодрало». Для выкапыванія кореньевъ служитъ дзѣ, небольшой (врш. 3 дл.) желѣзный наконечникъ, въ формѣ съуживающагося къ низу треугольника, насаженный на кривой рычагъ, согнутый почти подъ прямымъ угломъ. Для выдалбливанія лодокъ, кромѣ топора, служитъ киржàн, желѣзный наконечникъ, къ низу нѣсколько расширяющійся, насаженный на деревянную ручку. Озѣ и киржанъ принадлежатъ и къ орудіямъ прежнихъ обитателей края: археологическій отдѣлъ Минус. музея имѣетъ ихъ среди своихъ коллекцій (описаніе сельско-хоз. орудій см. «Сибирск. Сборн.» ст. Ядринцева—«Начало осѣдлости»). Для перевозки тяжестей на верховомъ конѣ служатъ помѣстительныя кожаныя, заторачиваемыя позади, сѣдла и спускающіяся по

[1]) Въ интересахъ сравнительной этнографіи позволю себѣ указать, что среди рисунковъ къ ст. «The Aïnos by David Mac Ritchie» (plate XVII, 2) въ Internat. Archiv für Ethnographie за 1892 г. находится изображенія саргас и ступы съ пестомъ, тожественныя качинскимъ.

обѣ стороны лошади, сумы-арчмàх. Трутъ, употребляемый при добычѣ огня, называютъ кабд; охотники имѣютъ также на ремнѣ вмѣстѣ съ огнивомъ маленькую деревянную ложечку для горючей сѣры, употребляемой для добычи огня при неблагопріятныхъ условіяхъ погоды. Въ Качинскомъ улусѣ Усть-Бижа называли этотъ приборъ-т р ўт. О другихъ охотничьихъ принадлежностяхъ почти ничего не знаю. Бѣглыя замѣчанія относительно остальныхъ стрѣлъ на выдръ я уже далъ ранѣе. О с ы м ы с х à и б ы р г ы̀ скажу при описаніи музыкальныхъ инструментовъ. Охотники употребляютъ преимущественно самаго примитивнаго устройства кремневое ружье, какъ болѣе якобы надежное и практичнѣе пистоннаго. Въ болѣе давнее время качинцы употребляли лукъ и стрѣлы; въ Красноярскомъ и Минусинскомъ музеяхъ находится по экземпляру этихъ рѣдкостей, пріобрѣтенныхъ отъ старнныхъ семей. Говорятъ, еще одинъ экземпляръ находится въ семьѣ братьевъ Картиныхъ [1]). Лукъ, принадлежащій Красноярскому музею, очень тщательно сдѣланъ; 3 стрѣлы съ стальными наконечниками довольно тонкой работы и 2—съ массивными утолщеніями на концахъ (на бѣлокъ?) оперены; при нихъ колчанъ изъ тонкой кожи, шитый бисеромъ. Съ вопросомъ о рыболовныхъ принадлежностяхъ я также мало знакомъ. Мною добыто только с а с х ы̀, орудіе употребляемое при лученіи рыбы—это деревянная лопаточка, къ низу расширяющаяся, прикрѣпленная лыкомъ (изъ тальника или акаціи—Аргуновъ, стр. 42) къ длинной палкѣ. Затѣмъ инородцы употребляютъ, какъ и сибирскіе крестьяне, «морды» изъ тонкихъ прутьевъ, сѣти и невода; вѣроятно, послѣдніе приготовляются между прочимъ и самими степняками изъ упоминаемыхъ г. Аргуновымъ (стр. 42) дикой конопли (Urtica cannabina) и дикаго льна (Linum perenne).

Въ прежнее время приготовляли инородцы для различныхъ потребностей большіе сундуки и ящики, теперь-же все это замѣняется покупными, привозимыми изъ европейской Россіи. Я добылъ двѣ небольшихъ коробочки х а р а ч à х, но снялъ фотографію съ обширной коллекціи этихъ предметовъ Минусинскаго музея. Послѣдній имѣетъ ящички разныхъ величинъ и формъ съ разнообразными, рѣзанными простымъ ножемъ, орнаментами; маленькія коробочки—выдолбленныя; большіе-же ящики скрѣплены своими отдѣльными частями ремешками. Такіе сундуки мнѣ пришлось встрѣтить только полусгнившими въ старыхъ могилахъ.

По срединѣ юрты воздвигнуто иногда у качинцевъ нѣчто въ родѣ глиняной п е ч и; у качинца Ив. Доможакова такая печка $^1/_2$ арш. высоты и $^3/_4$ арш. длины и ширины; почти въ величину всей верхней поверх-

---

[1]) Кромѣ того у мѣстнаго любителя-археолога Ник. Потр. Кузнецова.

ности печи сдѣлано круглое отверстіе для чугуннаго котла; сбоку съ одной стороны—дыра для подкладыванія дровъ. Затѣмъ я имѣю фотографію качинки, пекущей небольшіе пшеничные хлѣбцы въ устроенной на дворѣ глиняной овальной печкѣ, при чемъ подъ ея находится непосредственно на землѣ. Встрѣчаются еще высокія, похожія на каминъ, глиняныя конусообразно-усѣченныя печи. Внутри юрты съ лѣвой стороны часто приставлены къ стѣнѣ длинныя, высокія и узкія (до 1/4 арш.) кожаные мѣшки, наполненные сѣномъ, ранѣе-же служившіе для храненія имущества; числомъ ихъ даже измѣрялось приданое.

Жилища.

Внутренній и наружный видъ жилищъ описанъ довольно подробно г. Каратановымъ, и это описаніе можно пріурочить и къ качинцамъ. Добавлю только, что войлочныхъ юртъ теперь уже не встрѣчается; берестяныя-же сравнительно рѣдко попадаются, въ виду все большей и большей затруднительности въ добычѣ бересты и меньшей ихъ практичности и долговѣчности по сравненію съ деревянными. У бѣдныхъ качинцевъ кромѣ конусообразныхъ юртъ изъ длинныхъ жердей, обставленныхъ лиственичной корой и разными досками, встрѣчаются еще почти прямоугольныя лиственичныя съ куполообразнымъ верхомъ; такія юрты обставлены съ боковъ цѣльными въ средній ростъ человѣка кусками листвиничной коры. Берестяныя юрты качинцы называютъ—йп, конусообразныя-же лиственичныя—алâчек. Кромѣ 8-и угольныхъ деревянныхъ юртъ приходилось мнѣ еще встрѣчать 6, 10 и 12-и угольныя. Собираясь женить сына, отецъ прежде всего строитъ для него новую юрту на сѣверъ отъ своей; причемъ юрта сына собственно должна быть меньшей величины, но теперь, съ русскимъ вліяніемъ, требуется бо̀льшій просторъ въ помѣщеніи, почему этотъ обычай почти не соблюдается. Лѣтняя резиденція Кирпича Доможакова состоитъ изъ 3 юртъ, причемъ юрта молодого внука, построенная на востокъ отъ прочихъ двухъ, самая обширная и изящная. Во всѣхъ инородческихъ юртахъ свѣтъ проходитъ только черезъ верхнее дымовое отверстіе и черезъ входное. При постройкѣ русскихъ избъ для зимовки на матицѣ подвѣшивается также какъ у сибирскихъ крестьянъ мѣдный крестъ на шнуркѣ, у инородцевъ јâлама, красныя и бѣлыя тряпички.

Свадебный женскій костюмъ. Приданое и калымъ.

Мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть всего свадебнаго обряда съ начала до конца, почему я и ограничиваюсь только нѣкоторыми замѣточками.

У качинцевъ молодой инородецъ, высмотрѣвши себѣ подругу, спрашиваетъ ее наединѣ или черезъ сваху, если онъ застѣнчивъ, согласна-ли дѣвушка идти за него; въ случаѣ согласія, она назначаетъ срокъ, когда она должна быть украдена и даетъ ему на память кольцо, платокъ или какой-либо другой предметъ. Однако похищеніе происходитъ иногда и безъ всякаго предварительнаго уговора. Процессъ похищенія описанъ очень полно г. Каратановымъ, но описаніе дальнѣйшихъ свадебныхъ обрядностей во многомъ не согласно съ обычаями качинцевъ.

Похищенную дѣвушку обыкновенно (а вѣрнѣе—всегда) отвозятъ къ знакомымъ въ какой-нибудь другой улусъ; я повстрѣчалъ одну невѣсту живущей верстахъ въ 12 отъ жениховскаго; здѣсь она живетъ иногда нѣсколько дней до дня свадьбы. При мнѣ за упомянутой дѣвушкой пріѣхала отъ жениха громадная ватага свахъ и поѣзжанъ верхами и на тарантасахъ и нѣкоторые—съ деревянными лагушками араки. Пріѣхавшіе и присутствовавшіе ранѣе въ улусѣ разсѣлись въ помѣстительной юртѣ и возлѣ нея и медленно съ оживленными разговорами начали опустошать $1^1/_2$ ведерный котелъ, въ который была слита вся арака. Затѣмъ были всевозможныя мясныя кушанья и чай съ пшеничными сухарями и сметаной. Все это время невѣста сидѣла въ углу и закрывала свое лицо либо платкомъ, либо рукой; одинъ инородецъ замѣтилъ мнѣ при этомъ: «Ей стыдно!.. Другая—такъ не закрывается—не стыдится». Здѣсь-же присутствовалъ парнишка лѣтъ 13—14, посланный за невѣстой. Про этого замѣстителя жениха мнѣ разсказали, что какъ только свадебный поѣздъ пріѣзжаетъ въ улусъ жениха, парнишку и невѣсту вводятъ въ юрту и даютъ имъ отвѣдать щей изъ ӑрчи, кишковъ, мяса и проч. Затѣмъ льютъ нѣсколько капель этихъ-же щей на платье парнишки и невѣсты, въ знакъ ея плодородія. Разумѣется, этотъ интересный обычай требуетъ провѣрки. Далѣе мнѣ неизвѣстны подробности и объясненіе обычая бросать вареную кобылью лопатку; при этомъ молодые ребята устраиваютъ настоящую свалку, каждый стараясь захватить добычу. По словамъ М. И. Райкова, у качинцевъ родители невѣсты не пируютъ на свадьбѣ, а получивъ калымъ, назначаютъ время мировой мѣсяцевъ черезъ 6 и болѣе; тогда и ѣдутъ молодые на поклонъ къ нимъ. Два—три и даже болѣе послѣдующіе за свадьбой дня качинка—молодая ходитъ съ закрытымъ лицомъ и тщательно скрываетъ свои волосы, переплетенные при окончаніи свадебнаго дня одной свахой и подругами изъ нѣсколькихъ мелкихъ косичекъ въ двѣ мощныхъ красивыхъ косы.

Плясокъ у качинцевъ нѣтъ, но мнѣ пришлось пріѣхать подъ самый конецъ одной свадьбы и увидать нѣчто, похожее на русскій хороводъ (ôни,

такъ называетъ г. Поповъ въ XX т. Изв. Г. О.). Часовъ около 11 уже ночи, при свѣтѣ луны на полянѣ близъ юртъ, парни и дѣвушки, обнявшись другъ друга и составивши такимъ образомъ большой кругъ (причемъ одну половину кольца составляли мужчины, а другую—женщины), покачиваясь изъ стороны въ сторону, но не передвигаясь, какъ въ хороводахъ, пѣли монотонную безконечную пѣсню; при этомъ только изрѣдка чей либо одинокій женскій голосъ, какъ будто желая вырваться на свободу, выдѣлялся надъ общимъ уровнемъ.

Праздничный или свадебный дѣвичій костюмъ отличается отъ обыкновеннаго лишь особой формы высокой, съ воронкообразнымъ широкимъ шелковымъ верхомъ и съ кистью изъ разноцвѣтнаго шелка, шапкой; широкій околъ шапки, волнообразно спускающійся назади, составленъ часто изъ различныхъ шкурокъ рядами—выдры, соболя или бобра; низъ опушенъ черненькимъ барашкомъ. Шелковая затылочная часть подъ околышемъ обильно украшена большими и маленькими перламутровыми пуговицами и моржанами (красными кораллами). Кстати перламутровыя пуговицы-старинныя сравнительно дорого цѣнятся; такъ для одного женскаго платья мнѣ продали такую пуговицу (3—4 см. въ діам.) за 1 руб., тогда какъ новѣйшая (поддѣльная?) стоитъ всего гривенникъ. Шелковая матерія самыхъ разнообразныхъ рисунковъ и красокъ предпочитается также старинная, пріобрѣтаемая отъ сибирскихъ франтихъ, у которыхъ обыкновенно цѣлые сундуки заполнены различнымъ шелковьемъ, доставшимся имъ еще отъ прабабушекъ. Женскій свадебный костюмъ имѣетъ много деталей. Поверхъ шелковой рубахи или платья одѣвается длинная, волочащаяся по полу, крытая шелкомъ, но не мѣховая шуба; низъ ея, края и рукава имѣютъ широкую оторочку изъ выдры или молоденькаго бураго жеребенка. Рукава повыше локтя и лѣвая пола украшены широкой шелковой вышивкой радужныхъ цвѣтовъ; причемъ вышивка полы направляется подъ прямымъ угломъ подмышки. Съ лѣваго боку шубы подвѣшивается на шнуркахъ красивый обыкновенно голубого шелку длинный мѣшечекъ (скорѣе кисетъ), остающійся, повидимому, безо всякаго употребленія. Поверхъ шубы надѣваютъ еще шелковую, вышитую по краямъ радужными шелками безрукавку, называемую сигедэк; она имѣетъ видъ русской поддѣвки. Грудь свахи покрываетъ особое полукруглое большое шелковое украшеніе—бого, красивыми узорами унизанное перламутровыми пуговицами, моржанами и бисеромъ и украшенное по краю бахрамой изъ мелкаго бисера. Голова повязывается платкомъ, поверхъ котораго надѣвается высокая, значительно расширяющаяся кверху, черной лисицы богатая шапка; спереди виденъ только широкій околышъ шапки; небольшой парчевый или шелковый куполообразный съ

большой кистью верхъ шапки скрывается въ широкомъ раструбѣ. Серьги свахи, какъ и богатой женщины, состоятъ изъ 3 большихъ круглыхъ моржановъ (большій, насколько помнится, въ величину крупной вишни, оцѣнивается въ 30 руб.) и изъ промежуточныхъ мелкихъ, скрѣпленныхъ мѣдной проволокой, съ шелковой длинной кисточкой и стариннымъ серебрянымъ рублемъ на концѣ. Уши не выдерживаютъ этой тяжести и у многихъ женщинъ они прорваны; поэтому серьги прикрѣпляются къ тоненькимъ косичкамъ, отходящимъ отъ большихъ косъ по одной съ каждой стороны. У качинокъ мнѣ не приходилось видѣть, какъ сообщаетъ г. Каратановъ, чтобъ на концахъ косъ прикрѣплялись монеты, бусы и т. д. Затѣмъ я не видалъ и не слыхалъ про какіе бы то ни было браслеты какъ качинокъ, такъ и другихъ инородокъ. О свадебномъ женскомъ сѣдлѣ я уже говорилъ ранѣе. Чепракъ, обыкновенно изъ краснаго сукна, украшенъ бусами, мелкими моржанами, различными пуговичками и вышитъ по краю такой же шелковой радужной каймой, какъ и шуба. Описаніе подробностей сѣдла оставлю въ сторонѣ; непонятно, къ чему служитъ широкій ремень съ прикрѣпленными къ нему желѣзными пластинками, какъ и у всѣхъ остальныхъ ременныхъ принадлежностей сѣдла, съ серебряной по нимъ насѣчкой, ремень, огибающій луки сѣдла и перекинутый черезъ самое сидѣнье; причемъ на сидѣньѣ посередкѣ онъ имѣетъ большую круглую желѣзную бляху, также съ серебряной насѣчкой. Когда женщина находится въ сѣдлѣ, всѣ эти украшенія прикрываются ея платьемъ и такимъ образомъ не только не выполняютъ своего назначенія, какъ украшенія, но еще и дѣлаютъ неудобнымъ сидѣніе. Такіе свадебные наряды и сѣдло имѣются далеко не во всѣхъ семьяхъ качинцевъ; еще того менѣе ихъ среди инородцевъ Степной думы, такъ какъ минимальная стоимость ихъ не менѣе 300 руб. Очень богатый костюмъ (за исключеніемъ серегъ) и сѣдельныя принадлежности прислалъ въ подарокъ музею Академіи зимой 1894 г. качинецъ Е. П. Спиринъ. Тогда же музей получилъ второй костюмъ, значительно уступающій первому, отъ Р. Географ. Общ., пріобрѣтенный 10 лѣтъ тому назадъ г. Адріановымъ.

Свадебный костюмъ надѣваютъ иногда и по особо торжественнымъ днямъ (общественныя жертвоприношенія; 9-го мая—день св. Николая, котораго они очень почитаютъ и иногда пріѣзжаютъ къ церковному служенію въ этотъ день изъ отдаленныхъ улусовъ). Богд носятъ иногда и поверхъ будничной шубы.

Молодыя пары среди качинцевъ встрѣчаются обыкновенно въ такомъ родѣ: мужу 17—19 лѣтъ, женѣ—23—25; болѣе раннихъ браковъ и болѣе крайнихъ несоотвѣтствій въ лѣтахъ мужа и жены я не встрѣчалъ. Мо-

жетъ быть заявленіе г. Каратанова, что бываетъ жениху 12 лѣтъ, а невѣста вдвое старше, относится только до рѣдкихъ случаевъ, да и то среди бѣдняковъ, гдѣ лишнія руки въ лицѣ невѣстки очень кстати. Далѣе — ни среди качинцевъ, ни среди инородцевъ Степной думы нѣтъ обычая брака брата съ родной сестрой; затѣмъ у качинцевъ могутъ встрѣчаться браки младшаго брата на вдовѣ умершаго старшаго (главнымъ образомъ въ виду ненужности платить вторично калымъ), но не наоборотъ (см. Каратановъ).

Размѣръ калыма, должно полагать, зависитъ только отъ цѣнности будущаго приданаго и уже на второмъ мѣстѣ — отъ качествъ невѣсты; чаще онъ достигаетъ 200—300 рублей; но какъ про рѣдкіе случаи разсказываютъ, что недавно качинецъ Картинъ взялъ за свою дочь съ Кобелькова— 1,000 руб., а Сипринъ заплатилъ Сукину 1½ тыс. руб., взявъ его дочь какъ вторую жену взамѣнъ прежней—устарѣвшей.

Приданое выдается родителями невѣсты у качинцевъ черезъ болѣе или менѣе долгій промежутокъ времени послѣ свадьбы. Когда родители окончательно убѣдятся, что ихъ дочь можетъ жить счастливо съ своимъ мужемъ, они назначаютъ время полученія приданаго. Такъ при мнѣ въ одной богатой семьѣ подготовлялось празднество, по случаю выдачи приданаго, черезъ 8 лѣтъ послѣ свадьбы. Годъ тому назадъ, когда дочь пріѣхала къ родителямъ съ однимъ изъ своихъ частыхъ визитовъ, старики сказали ей: «Въ будущемъ году въ этотъ же день пріѣзжай за своимъ приданымъ». Принявъ въ соображеніе неторопливость степняковъ (въ Минусинскѣ существуетъ поговорка: «русскій часъ—татарская минута!») и размѣры приданаго, мы не удивимся, что для изготовленія его требуется часто цѣлый годъ.

Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о размѣрахъ приданаго я получилъ отъ одного молодаго качинца, заплатившаго за свою жену 300 руб. калыма и, повидимому, соображавшагося при обозначеніи цифръ полученнымъ имъ за женой приданымъ. Привожу эти свѣдѣнія:

1) Сундуковъ устюжской (бѣдные ирбитской) работы въ среднемъ 6 по 20 руб	120 руб.
2) Отъ 2—3 старинн. персидск. ковровъ по 70 р.	150—200 »
3) Шелковая занавѣсь къ кровати minim.	20 »
4) Посуды фарфоровой и мѣдной »	25 »
5) 10 рубахъ ситцевыхъ (разноцвѣтныхъ женскихъ) .	20 »
6) 2 — 3 шелков. рубахи (12 аршинъ матеріи по 3—4 руб.).	100 »
7) Дѣвичья шапка праздничн., одѣваемая невѣстой. .	10 »

8)	Женская » »		50 »
9)	Шуба шелковая »		70 »
10)	Вогд—нагрудникъ	minim.	50 »
11)	Серьги	до	200 »
12)	Сѣдло съ принадлежностями		100 »
13)	Конь подъ сѣдломъ		25 »
14)	Лошадей (богатый даетъ табунокъ шт. въ 30) въ среднемъ 10 штукъ		100 »
15)	Рогат. скота въ среднемъ 10 шт.		100 »
16)	Овецъ maximum 100 штукъ		100 »

Здѣсь не упомянуты только шубы будничныя лѣтнія и зимнія, перстни, обувь и разный другой хозяйственный скарбъ. Наше приданое, какъ видимъ, достигаетъ 1200 руб., превосходя такимъ образомъ значительно выплаченный за него калымъ.

Довольно подробное описаніе г. Каратанова будничной одежды и обуви относится также и до качинцевъ. Оригинальныя длинныя женскія шубы съ перехватомъ ниже колѣнъ, съ большимъ трудомъ стягиваемымъ при помощи толстыхъ нитокъ изъ воловьихъ жилъ, теперь встрѣчаются уже довольно рѣдко, замѣняясь шитыми на русскій манеръ, хотя и разукрашенными шелками, парчей и проч.

Повидимому, уже начинаютъ выходить изъ употребленія зимніе женскіе тяжелые сапоги съ многорядной довольно толстой подошвой, расширяющейся къ низу, съ низкимъ каблукомъ, сшитые шерстью внутрь изъ козьей или бараньей кожи; бараньи въ саг. улусѣ назвали катных юдэк. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось добыть одну пару, шитую шелками по лицевой сторонѣ, и другую, разукрашенную бронзированнымъ шнуромъ; обладательницы сапогъ утверждали, что они достались имъ по наслѣдству отъ бабушекъ.

Вѣроятно, чаще чѣмъ изъ льна и дикой конопли инородцы употребляютъ для шитья одежды и обуви нитки изъ воловьихъ жилъ; засушенное сухожилье—сйр разбиваютъ молоткомъ на камнѣ; затѣмъ, раздернувъ отдѣльныя волокна, скручиваютъ ихъ на колѣнѣ, получая такимъ образомъ нитки или сученыя жилы—каткѐй сйр. На этотъ счетъ въ качинскомъ улусѣ мнѣ сообщили такую загадку: Отъ одной бѣлой кобылицы сто бѣлыхъ родится.

Роды. Дѣтскій праздникъ.

По всей вѣроятности, въ настоящее время взрослые качинцы всѣ крещены, но вѣнчается ихъ по русскому обычаю не болѣе 2—3%; этотъ %,

вѣроятно, выше въ Степной думѣ, гдѣ много совершенно обрусѣвшихъ. Къ священнику обыкновенно обращаются въ крайнихъ случаяхъ: невѣста, напр., желаетъ выйти замужъ и она совершеннолѣтняя, а родители упорствуютъ; въ этомъ случаѣ священникъ можетъ вѣнчать, разъ родители не представляютъ серіозныхъ возраженій. Я думаю, что качинцы имѣютъ менѣе дѣтей, чѣмъ сибирскіе крестьяне, хотя у г. Аргунова (Очерки сельск. хоз., стр. 27) находимъ (по свѣд. 1890 г.): процентъ дѣтей до 5 лѣтняго возраста—у сельск. населенія Минусинск. края—14,1%, у инородцевъ обоихъ вѣдомствъ въ средн. 15,5%; но онъ объясняетъ эту разницу значительнымъ количествомъ среди сельскаго населенія ссыльнаго элемента, не имѣющаго дѣтей, но сосчитаннаго при переписи. Оставивъ въ сторонѣ гигіеническія условія и минимальный уходъ за дѣтьми, одинаково неблагопріятныя у инородцевъ и у сибиряковъ, мы находимъ у инородцевъ лучшее питаніе—большее обиліе молочныхъ и мясныхъ продуктовъ и несоблюденіе постовъ, когда крестьянскій ребенокъ становится вегетаріанцемъ; но съ другой стороны какъ на очень серіозныя неблагопріятныя условія указываютъ: на несоотвѣтствіе въ лѣтахъ между супругами; мужъ, сначала пылкій, быстро истощается, ко времени же его возмужанія жена уже значительно старѣетъ. Слишкомъ большое употребленіе спиртныхъ напитковъ не можетъ благопріятствовать рожденію здоровыхъ дѣтей, какъ и кормленіе ребенка молокомъ пьяной матери; мнѣ разсказывали случай въ качинскомъ улусѣ, что ребенокъ умеръ черезъ 2 дня послѣ того, какъ пьяная мать накормила его своимъ молокомъ.

Роды у качинцевъ происходятъ обязательно въ юртѣ, и это дѣлается, по возможности, и зимой, когда въ юртѣ далеко не тепло. Какъ и во многихъ русскихъ мѣстностяхъ [1]), женщины-качинки зачастую скрываютъ свои роды, незамѣтно удалившись и призвавши къ себѣ на помощь свекровь и какую-либо пожилую сосѣдку или повитуху; но отнюдь ко времени появленія на свѣтъ младенца не собираются родные и знакомые, какъ утверждаетъ г. Каратановъ; думаю, что это непримѣнимо и къ инородцамъ Степной думы. Такой обычай, дѣйствительно, существуетъ и между прочимъ на Сандвичевыхъ островахъ [2]), качинки и, какъ утверждаютъ, и прочія инородки родятъ полустоя, ухватившись за подвѣшенный къ потолку юрты деревянный брусъ. Какъ разсказываютъ, инородки, живущія среди русскихъ, пробовали родить въ

[1]) Покровскій. Физич. воспит. дѣтей у разныхъ народовъ. Сочиненіе Покровскаго, вышедшее въ 3 вып. въ Москвѣ, вообще заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія по богатству фактическаго матеріала между проч. и относительно сибирскихъ инородцевъ и благодаря множеству параллелей.

[2]) Ibid. Вып. I, 38.

лежачемъ положеніи, но это имъ не удавалось (у прочихъ сибирскихъ тюрковъ—киргизовъ и якутовъ, женщины родятъ также стоя. (Покровскій, вып. I, стр. 52).

Имя ребенку дается черезъ недѣлю послѣ рожденія, когда и устраивается бала-тǒй (дѣтскій праздникъ). Тутъ среди пированія начинаются споры, какъ назвать ребенка; всякій предлагаетъ свое, молодая-же мать (взявши этотъ случай, какъ болѣе типичный) уже давно придумала красивое имячко для своего новорожденнаго и не желаетъ уступать. Случается, что дѣти одинъ за другимъ умираютъ, что называется «не держатся», тогда зачастую даютъ новорожденному некрасивое и даже безобразное имя, предполагая, что онъ или она будетъ долговѣчнѣе (также довольно распространенный обычай).

Привожу наиболѣе употребительныя имена, а также русскія въ качинскомъ произношеніи (по сообщенію М. И. Райкова):

Мужскія:

Албǎн — подать, т. е. кто платитъ подати.
Кр-бас — сѣдая голова.
Млтгǎс — уменьш. отъ млтк (ружье), такъ наз. праздникъ Крещенія Господ., потому, что въ этотъ день русскіе стрѣляютъ изъ ружья.
Карǒл—черный мальчикъ.
Кзлǒя—красный »
Агǒл — бѣлый »
Ворǒл--(борǎ—сивый, такъ имя теперешняго проф. Каз. унив. г. Катанова, родомъ сагайца).
Санјǒл—мальчикъ, умѣющій хорошо считать.
Олак—парнишка.
Сибјек—отъ сиб (сарана).
Томјан—уменьш. отъ Том.
Сорǎк—высокій ростомъ.
Угбек—косматый (о головѣ).
Ахчǎ—деньги.
Сильбей—вѣроятно отъ сильбе, ремень для бросанія камня.
Сагай—сагай (назв. племени).
Койбал—койбалъ (назв. племени).
Јабал-ǒл—худой мальчикъ.
Адǎй—собака.
Арк̂=испражненія (букв. «говно»).
Кǒтен—половые органы (иносказат. эпитетъ).
Лин (уменьш. Линче) ,назв. праздника Ильина дня.
Муклǎй—Николай.
Илексǒндре—Александръ.
Мӳкǒйле—Михаилъ.
Басйлей—Василій.
Тӳмепǒй—Тимофей.
Ле—Илья.

Женскія:

Воргǒ—цвѣтокъ.
Кубǎн — русая (им. пепельный цвѣтъ волосъ).
Сǎрах—сѣрая.
Кзл—красная.
Кара—черная.

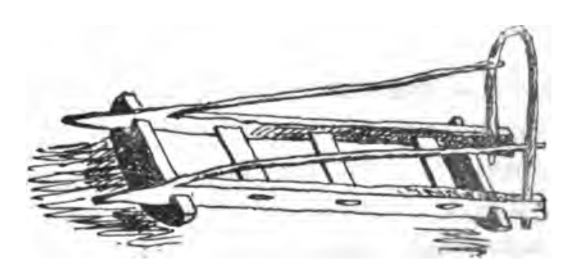
Кара-кс—дѣвочка.
Акбала—бѣлое дитя.
Клнес—отъ сл. клн. (назв. матеріи «манчестеръ»).
Бостай—(трудно опредѣл., что значитъ).
Тòмча—то-же.
Толàй—то-же.
Сòрек—то-же.
Табл—то-же.
Майнай—то-же.
Барчк—скворецъ.
Тан—галка.
Сòлберек—полиц. длинное платье.
Возрак—воскресеніе (день недѣли).
Торгјак—шелкъ (торг).
Нйнји—бисеръ.
Настà—Настасья.
Пàрас—Парасковья.
Мàрпа—Марфа.
Ибдѐи—Евгенія.
Обдò (Обдотья)—Авдотья.
Олòне—Елена.

Когда случится священнику пріѣхать въ улусъ, качинцы охотно тащатъ своихъ дѣтей крестить, ибо церковное крещеніе имѣетъ обрядности, такъ или иначе понятныя имъ; но чаще употребляемое имя—данное при рожденіи.

Надо думать, что при рожденіи «двойни» существуетъ какой-либо обычай у качинцевъ въ виду того, что такіе обычаи существуютъ, когда случаются двойни у домашнихъ животныхъ. Если корова отелится двумя телятами, то существуетъ обычай (не знаю, насколько онъ распространенъ) три раза перекочевывать въ этотъ день—къ вечеру-же возвратиться на прежнее пепелище. Если козлуха принесетъ двухъ козлятъ, то собираются съ улуса молодыя женщины и бѣгаютъ въ перегонки; обогнавшая всѣхъ получаетъ какъ призъ второго козленка. Послѣдній обычай доставляетъ большое удовольствіе всѣмъ собравшимся.

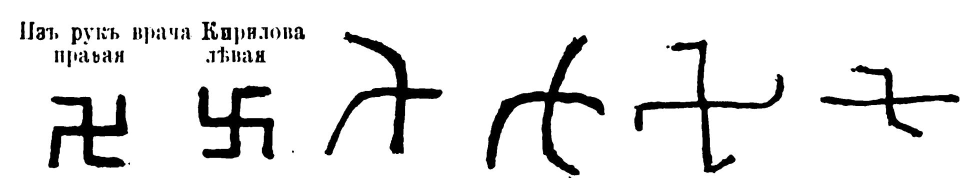
Устройство люльки. Дѣтскія игры.

Устройство качинской бизк (у инородцевъ Степной думы одинаковое устройство) по принципу своему очень напоминаетъ люльки бурятскую и якутскую (Покровскій, вып. II, стр. 200). Бизк состоитъ изъ тонкой доски (до 1 арш. длиной) съ утвержденными на ней боковыми перильцами; но часто доска замѣняется болѣе легкимъ основаніемъ, именно двумя горизонтальными брусьями съ 3—4 широкими тонкими перекладинками. Или еще того лучше и проще: два горизонтально поставленныхъ аршинныхъ куска березины съ отходящими

(Остовъ люльки).

отъ нихъ подъ острымъ угломъ боковыми вѣтвями замѣняютъ и основаніе и перильца; на этихъ брускахъ, какъ и въ предъидущемъ, утверждаются перекладинки. Подъ низъ прибиваются деревянными гвоздями два изъ толстой доски полулунія, что̀ даетъ возможность покачивать зыбку, какъ вольтеровское кресло, но только въ направленіи, поперечномъ ея длинѣ. Высокая спинка люльки состоитъ изъ дугообразно согнутой черемуховой вѣтки, съ выдолбленными въ ней 4 отверстіями, въ которыя и вставляются свободные концы брусьевъ и перилецъ. Съ другаго конца люльки продѣлывается на ремешкахъ небольшая полулунообразная дощечка, откидывающаяся какъ на шалнерахъ; за ея край привязанъ длинный ремешекъ. Такой-же ремешекъ съ мѣднымъ кольцомъ на концѣ прикрѣпленъ и къ верхнему концу спинки; къ брусьямъ привязаны коротенькіе ремешки, по четыре съ каждой стороны, закрѣпленные свободными концами къ длиннымъ косточкамъ отъ какой-то большой птицы. За средину каждой изъ двухъ (съ каждой стороны) косточекъ въ свою очередь привязаны длинные ремешки; спинка зыбки обшивается какой-либо матеріей. На дно зыбки кладется кусокъ бересты; берестяная мочеотводная трубка выходитъ наружу въ отверстіе вышеописанной полулунообразной дощечки. На бересту уже помѣщаютъ цѣлую систему подушечекъ, набитыхъ мягкой сухой травой; по обѣ стороны мочеотводной трубки помѣщаются продолговатыя подушечки для ногъ ребенка, лежащаго всегда на спинкѣ. Подъ верхней головной подушкой подкладывается однимъ краемъ длинный и широкій кусокъ мягкой матеріи, играющій своими свободными краями роль пеленокъ.

Печати на ступняхъ ногъ Шигемуни. Встрѣченные мною орнаменты на люлькѣ въ ул. Усть-Бижа. Карандашный рис. на муз. инструм. «чатга̀н»; нах. въ Музеѣ Академіи Наукъ (267 78а/89).

При всей этой системѣ ремней и пеленокъ ребенокъ однако не настолько стянутъ, какъ при русскомъ пеленаніи. Съ одной стороны инородческая люлька выгодна тѣмъ, что позволяетъ свободно переносить ребенка и не трепать его по рукамъ, съ другой-же постоянное лежаніе въ одномъ положеніи можетъ способствовать сплющиванію черепа со стороны затылка, а можетъ быть и искривленію ногъ, благодаря мочеотводной трубкѣ. Я нигдѣ не могъ пріобрѣсти подержанной люльки и заказалъ двѣ новыхъ (вторую для біологическаго музея проф. Лесгафта); повидимому, у инородцевъ существуютъ на этотъ счетъ

особыя примѣты. Какъ мнѣ кажется, люлька переживаетъ не одно поколѣніе, а болѣе. Въ качинскомъ улусѣ Усть-Бима на основномъ брусѣ люльки мнѣ бросились въ глаза выжженные при помощи, вѣроятно, желѣзной фигуры знаки, весьма похожіе на извѣстную свастику [1]). На мой вопросъ о значеніи этихъ знаковъ, качинка сказала, что это простое украшеніе; болѣе основательно разузнать объ этомъ я не имѣлъ времени — знаю только, что такіе-же знаки встрѣчаются, какъ конское тавро, и называются т а н м а. Длинный продольный ремень люльки имѣетъ на концѣ козью ладыжку и тряпички, которыя, спускаясь надъ головой ребенка, играютъ, повидимому, роль амулета.

Краткія свѣдѣнія о дѣтскихъ играхъ сообщаетъ г. Поповъ (Изв. Г. Общ., 1884 г.). Я добавлю, что на такъ называемый «Могильной степи» между селами Аскысомъ и Усть-Есинскимъ часто попадаются на курганныхъ камняхъ н о в ѣ й ш і я в ы б и в к и, тожественныя съ древними, дѣлаемыя въ досужее время пастухами подростками. Болѣе всего эти современные скульпторы выбиваютъ, конечно, кускомъ булыжника, изображенія человѣка.

Дѣвочки имѣютъ куклы — к ё к л е;; маленькіе-же парнишки очень ловко вырѣзаютъ изъ тополевой коры лошадокъ, лодочки и человѣчковъ; весной изъ тополи, осторожно снимая цѣльную трубку съ молодого ствола, дѣлаютъ свирѣли; изъ гибкихъ черемуховыхъ вѣтокъ — луки и стрѣлы.

Грамотность и школы.

Инородцы охотно отдаютъ дѣтей въ ученье, но незначительное число школъ на громадномъ пространствѣ тормозитъ распространеніе грамотности. Въ Усть-Абаканской инородной управѣ министерская 1 кл. школа (осн. въ концѣ 60-хъ годовъ), имѣетъ обыкновенно до 30 учениковъ (въ томъ числѣ 5 дѣвочекъ); въ с. Аскысскомъ — министерская 2-хъ кл. — до 35 уч.; въ с. Усть-Есинскомъ — ц.-приходск., основ. въ 88 ч. — до 40 учен. Въ прошломъ 1894 г. основаны — ц.-приходск. школа въ ул. на р. Ташебѣ и въ ул. Чаркова на р. Уйбатѣ; на содержаніе послѣдней обязались вносить: 100 руб. инородцы, 20 руб. — почетный попечитель Чарковъ и 60 руб. въ годъ — цер-

[1]) Свастику (крестъ съ загнут. концами), знакъ солнца монголы и буряты называютъ «юндун» или «хáс» (тиб. сл.); платокъ съ такимъ знакомъ вывѣшивается бурятами надъ дверьми юртъ, какъ «знакъ благоденствія». Цитирую изъ ненапечатанной еще статьи «Почитаніе креста (свастики) у ламаитовъ» забайк. с. вр. Кириллова, приславшаго свою рукопись въ Антропол. Общ. при С.-Пет. университетѣ. Свастика встрѣчается также на платкахъ, собранныхъ покойной г. Потаниной въ послѣднюю экспедицію ея мужа (вопросъ разрабатывается г. Стасовымъ).

ковно-прих. попечительство; эти 180 руб. идутъ на жалованіе учителю. Издержки по содержанію общежитія на 15 чел. обязался покрывать золотопромышленникъ Барташевъ, и попъ обѣщалъ давать 15—20 барановъ.

Наши инородцы весьма способны: красноярская учительская семинарія видѣла въ своихъ стѣнахъ цѣлый рядъ ихъ и всѣ они были на лучшемъ счету. Многіе изъ нихъ участвуютъ теперь въ сибирскихъ повременныхъ изданіяхъ, состоя сельскими учителями или священниками. Казанскій-же проф. Катановъ, родомъ сагаецъ, самъ себѣ пробилъ дорогу къ высшему образованію.

Отношеніе къ старшимъ въ родѣ.

О почитаніи старшихъ среди качинцевъ говоритъ г. Поповъ, и я сдѣлаю къ этому дополненія. Мнѣ приходилось видѣть, какъ съѣзжались на предстоявшій свадебный пиръ въ улусѣ жениха гости, прибывавшіе зачастую изъ весьма отдаленныхъ мѣстностей. Вся эта процедура такъ утомительно долго тянется, а мнѣ нужно было торопиться, ибо главной моей задачей было собираніе этнографическихъ коллекцій, что я уѣхалъ въ слѣдующій улусъ, гдѣ и встрѣтилъ невѣсту, о чемъ уже я говорилъ при описаніи свадебныхъ обрядовъ. Гости входили въ юрту съ «лагушками» араки; поставивши ихъ на земляной полъ юрты, они прежде всего направлялись привѣтствовать прибывшаго изъ ближняго улуса 105 лѣтняго маститаго старца, а затѣмъ и прочихъ присутствующихъ по старшинству. Старикъ, служившій на своемъ вѣку нѣсколько разъ по разнымъ выборамъ и бывшій родоначальникомъ (теперь упразднены), сидѣлъ по восточному на бѣломъ войлокѣ съ лѣвой стороны юрты на широкой скамьѣ. Съ особенной почтительностью относились къ нему молодыя женщины: приблизившись, онѣ кланялись ему въ поясъ и цѣловали его въ обѣ щеки, а онъ ихъ въ лобъ, затѣмъ каждая подносила ему чашечку собственной араки. Но у качинцевъ (и у племенъ Степной Думы, какъ упоминаетъ г. Каратановъ) существуетъ также обычай, встрѣчающійся съ большими или меньшими измѣненіями у различныхъ племенъ во всѣхъ частяхъ свѣта, оригинальныхъ отношеній между свекромъ и невѣсткой. Начнемъ съ того, что качинцы вообще имѣютъ обыкновеніе не называть по имени предметовъ, животныхъ, людей чѣмъ-нибудь страшныхъ для нихъ: такъ медвѣдя (а б а) называютъ, обыкновенно т и р-т о н (теплая шуба) или аба (дѣдушка), волка (б ю р или п ю р ь-саг.) у з ӱ н к у з у р ӱ к (длинный хвостъ), многихъ шамановъ также не по имени, а по ихъ эпитетамъ и т. д. Обычай же [1]) очень строго соблюдаемый замужними женщинами, состоитъ въ

---

[1]) Знакомствомъ съ этимъ обычаемъ я обязанъ главнымъ образомъ Мих. Ив. Райкову.

томъ, что онѣ не называютъ по имени отца, старшихъ братьевъ своего мужа и вообще всѣхъ родственниковъ мужскаго пола съ мужниной стороны по восходящей линіи. Замужняя женщина считаетъ въ высшей степени неприличнымъ показаться этимъ родственникамъ съ непокрытой головой или босикомъ; если ей необходимо войти въ юрту котораго нибудь изъ нихъ, то она еще сверхъ платка покрываетъ голову и плечи шалью или шубой; въ юрту входитъ задомъ напередъ и ходитъ только по правой сторонѣ юрты (считая отъ входа); выходитъ изъ нея также взапятки. Женщина не можетъ ни подходить близко къ этимъ родственникамъ, ни заговорить съ ними; тоже и они соблюдаютъ. Она можетъ говорить съ ними, здороваться, цѣловаться и т. д. только черезъ другое лицо. Разсказываютъ, что если не случится никого по близости, то свекоръ, не обращаясь прямо къ невѣсткѣ, отдаетъ свое приказаніе безотносительно, а она уже должна понимать и сдѣлать, что нужно. Если тотъ или другой изъ этихъ родственниковъ нечаянно близко подойдетъ къ замужней женщинѣ, то онъ долженъ взять ее за руку или за рукавъ и сказать: туттм! (держалъ, поймалъ); теперь она можетъ близко подходить къ нему и разговаривать, но имени его всетаки не должна произносить. Всего строже этотъ обычай выполняется по отношенію къ свекру. Если что-нибудь изъ этихъ обычаевъ не исполняется, то родственники по мужу думаютъ, что имъ не оказывается уваженія и что ихъ даже оскорбляютъ. Вѣроятно, ранѣе обычай этотъ еще строже выполнялся: такъ передаютъ, что на р. Іюсѣ одинъ богатый качинецъ 5 лѣтъ не видалъ лица своей невѣстки, объясняя это избѣганіе только тѣмъ, что и его отецъ нѣсколько лѣтъ избѣгалъ видѣть лицо невѣстки жены упомянутаго качинца; такъ же поступала и невѣстка.

Этотъ распространенный обычай еще не нашелъ для себя удовлетворительнаго объясненія, хотя и существуетъ нѣсколько гипотезъ (Леббокъ, Фритчъ, см. также Петри Антропологія, I, стр. 478).

Супружескія отношенія.

Г. Каратановъ (Изв. Г. Общ , т. XX) между прочимъ замѣчаетъ: «Супружеская любовь у инородцевъ едва-ли существуетъ. Мужъ и жена обращаются другъ съ другомъ, какъ чужіе; ласкъ и любезностей нѣтъ въ поминѣ, и чувство ревности имъ неизвѣстно». Пожалуй, и среди русскихъ крестьянъ можно не найти ни ласкъ, ни любезностей между супругами; такъ какъ простой человѣкъ не любитъ кичиться своими чувствами, не показываетъ ихъ всѣмъ и каждому. Правда по отзывамъ М. И. Райкова, качинки далеко менѣе страстны, чѣмъ русскія женщины; но всё же упомянутый авторъ хватилъ че-

резъ край и его замѣчаніе врядъ-ли вѣрно и по отношенію къ прочимъ племенамъ. Я думаю, что супруги у качинцевъ относятся другъ къ другу со взаимнымъ уваженіемъ; одинъ безъ другого не предпринимаетъ болѣе или менѣе серіознаго дѣла; мужъ любитъ, чтобъ жена его наряжалась, и на ея наряды онъ не жалѣетъ большихъ затратъ. Тогда какъ самъ онъ обыкновенно одѣтъ очень просто, у женщинъ заполнены зачастую сундуки разнымъ добромъ, очень ревниво охраняемымъ хозяйками [1]). Мнѣ пришлось однажды зайти въ бѣдную лиственную юрту и здѣсь то, какъ оказалось, и царитъ самое настоящее, на обыденномъ языкѣ, счастье. Въ этой юртѣ живутъ молодые супруги; мужъ состоитъ пастухомъ у богатаго инородца, жена ему помогаетъ и хозяйничаетъ. По стѣнамъ на полкахъ разставлено очень мало посуды; вѣроятно, не много у этихъ супруговъ и скота, но посреди юрты стоялъ перегоночный для араки аппаратъ; на полу лежала цѣлая куча зеленыхъ вѣтвей черемухи, и качинецъ «забавлялся» ягодами. Жена наигрывала на комсѣ и, по моей просьбѣ, аккомпанировала своеобразнымъ горловымъ голосомъ. Когда-же мужъ на мой вопросъ (не знаю почему качинки избѣгаютъ говорить по-русски, хотя-бы и хорошо владѣли языкомъ), сколько лѣтъ ему самому и его женѣ и какъ её зовутъ, далъ мнѣ отвѣтъ, жена высказала неудовольствіе (опять наталкиваемся на повѣріе) и очень мило трепала его за густые волосы и давала ему тумаки; супругъ защищался и хохоталъ во всю глотку!

При мнѣ къ одному священнику приходилъ качинецъ и просилъ поскорѣй повѣнчать его. Съ дѣвкой-то де онъ сговорился и укралъ её, помѣстивъ на время въ сосѣднемъ улусѣ; но отецъ хочетъ её выдать за другого и собирается перекрасть её отъ него. Этотъ примѣръ также говоритъ самъ за себя. Я уже говорилъ, что неравенство въ годахъ нерѣдко бываетъ причиной того, что качинецъ беретъ себѣ другую жену; первая-же его не ревнуетъ, но зато предоставляетъ себѣ полнѣйшую свободу. Однако бываетъ и иначе: разсказываютъ нѣсколько случаевъ самоубійствъ (повѣшеніе), гдѣ играли роль привязанность, любовь (какъ хотите, назовите) или ревность; въ послѣднемъ случаѣ будто-бы жертвой чаще является женщина. Проскуряковъ, путешествовавшій въ 1889 г. по поруч. Вост. Отдѣла. Геогр. Общ. разсказываетъ, что наткнулся однажды въ пещерѣ по В. Іюсу на трупъ молодого качинца, застрѣлившагося (изъ кремневого ружья) по той причинѣ, что его отецъ не позволилъ ему жениться на любимой имъ дѣвушкѣ.

---

[1]) При коллектированіи всего труднѣе было добывать шаманскіе амулеты и женскіе костюмы; послѣдними женщины страшно дорожатъ и если отдаютъ, то обрѣзаютъ верхнюю пуговицу; объясненіе этой примѣты мнѣ неизвѣстно.

Приведу пять маленькихъ пѣсенокъ, какъ нѣсколько характеризующихъ супружескія отношенія; пѣсенки—поэтичны и болѣе имѣли-бы значенія, записанныя на туземномъ языкѣ; я ихъ имѣю въ переводѣ самого пѣвца, уже упомянутаго мною Агола Тоборова.

1) «Черезъ болотистое, грязное мѣсто рысью не поѣду; брюхатую дѣвку за себя не возьму».

2) «Подъ красный камень красная лисица заскакиваетъ, когда человѣкъ заревѣтъ; ко лисѣ красная дѣвка придетъ— когда я закричу. Подъ черный камень черная лисица бѣжитъ, когда ее испужаешь; ко мнѣ придетъ дѣвка съ черной косой—когда я плетью постращаю».

3) (Дѣвичья пѣсня): «Ты хочешь меня выдать за богатаго—онъ худой (джябàл), даромъ что богатый. Пойду, говоритъ, за другого—онъ ходитъ въ сапогахъ, онъ умный, хорошій!»

4. Былъ богатырь Сайзанъ. Онъ помиралъ на Бѣлогорьѣ и сказалъ народу, который былъ около него: «Идите къ женѣ и скажите, чтобы Сайзана поминать пришла»... Идетъ жена и говоритъ: «Ведите меня, гдѣ Сайзанъ померъ—не ведите грязнымъ мѣстомъ, а чистымъ Сайзана поминать. Зачѣмъ, говоритъ, ты, милый, померъ въ топкихъ мѣстахъ, въ густыхъ лѣсахъ? по хребтамъ не могу пройти къ тебѣ—чистаго мѣста нѣтъ!..»

5. (Дѣвки поютъ): «Игреній конь съ бѣлой гривой попалъ ко мнѣ въ руки—догоните меня теперь!..» (такъ говоритъ замужняя баба, полюбившая другого).

Музыкальные инструменты [1]).

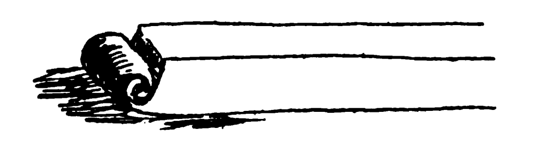
Если судить по тому, что въ каждой качинской юртѣ встрѣчается комса въ иныхъ еще и чатгàн, то должно будетъ признать качинцевъ очень музыкальнымъ народомъ. Оба инструмента встрѣчаются и у прочихъ племенъ, но не знаю, такъ же ли широко они распространены.

Кòмс, напоминающій мандолину, имѣетъ видъ большой деревянной ложки, затянутой сверху кожей; у него—двѣ струны изъ конскаго волоса; обыкновенно одна изъ нихъ бѣлая, другая—черная. Длина кòмса до 80 сант. Строй кòмса—квинта do-sol, по опредѣленію г. Руссовой. Менѣе распространенный чатгàн—очень оригинальный инструментъ, имѣющій себѣ подобіе въ несрав-

[1]) Отдѣльный очеркъ о музыкальныхъ инструментахъ качинцевъ будетъ напечатанъ (съ рисунками) въ «Verhandlungen der Berlin. Gesellsch. für Anthropologie, Ethnol. und Urgeschichte».

ненно болѣе изящномъ японскомъ «Siy-no Koto» (1 saitige Koto) [1]). Это выдолбленный, длинный и узкій, съ тонкими стѣнками, ящичекъ, съ натянутыми на его тыльной сторонѣ семью (по словамъ г. Попова, отъ 5 до 9) изъ тонкой мѣдной проволоки струнами; изъ послѣднихъ только одна цѣльная, остальныя же надставлены не одинаковой длины веревочками изъ конопли или изъ воловьихъ жилъ. Подъ струнами ставятся въ различныхъ мѣстахъ бараньи лодыжки (кàзых), но никогда позвонки (какъ у г. Каратанова); лодыжки ставятъ въ вертикальномъ положеніи, чтобъ струна соприкасалась въ подставкой въ одной точкѣ. Нижнее отверстіе одного изъ привезенныхъ мною чатгановъ задѣлано тонкой дощечкой и внутрь набросаны мелкіе камешки; этотъ инструментъ имѣетъ на концахъ украшенія въ видѣ большихъ завитковъ; второй чатгàн значительно проще, но имѣетъ съ боковъ различныя карандашныя изображенія. Длина чатгана отъ 1 до 1½ метровъ (вычурный чатгàн этногр. Муз. Академіи длиной 147 см., ширина верхней доски—15 см.; къ низу онъ расширенъ—18 см., высота—12 см.).

«Чатгáн».

Чатгàнъ или джятыхàн для хорошаго музыканта представляетъ больше простора для импровизаціи. Уже не разъ упомянутый мною Аголъ такія выдѣлывалъ на немъ пьяниссимо и такъ ловко усиливалъ звуки, разсказывая про богатыря «Хан-Бозрах-àтых-хар-Тыгà» и его сестру «хан-Зàбах», что я дивился столько же его удивительному искусству владѣть своимъ незамысловатымъ инструментомъ, сколько и умѣнью вложить душу въ свой разсказъ и украсить его юморомъ (конечно, о послѣднемъ я могъ судить только по отзывамъ самихъ инородцевъ). Обыкновенно разсказчикъ приглашается къ какому-либо празднеству, и его поэма, начинаясь послѣ заката солнца, продолжается до утренней зари. Пѣніе каждаго куплета оканчивается характернымъ голосовымъ дрожаніемъ, какъ я замѣтилъ, выполняемымъ съ большимъ напряженіемъ [2]). Окончивъ куплетъ подъ аккомпаниментъ комса или чатгана (повидимому, на послѣднемъ инструментѣ играютъ главнымъ образомъ дѣвушки и женщины), сказочникъ передаетъ обыкновенной рѣчью содержаніе спѣтаго и продолжаетъ далѣе. Позволю себѣ привести здѣсь еще маленькую пѣсенку, сообщенную тѣмъ-же Аголомъ. Поетъ пьяный инородецъ:

---

[1]) Берлинскій «Museum für Uölkerhunde» Saal VII, Sckrank 29.

[2]) Мнѣ кажется, не слыхавъ трудно себѣ представить эти оригинальные горловые звуки. Очень много сказокъ знаетъ наизусть и замѣчательно искусно подражаетъ сказочникамъ знатокъ тюркскихъ языковъ акад. Радловъ.

«Синвый конь, поѣшь бѣлой травы! Я самъ—пьянъ, самъ сплю... Бѣлая трава, съѣшь моего коня! Я самъ—пьяный, лягу-отдохну...»

Весьма рѣдко встрѣчается еще сойотской работы извѣстный музыкальный инструментъ, проходящій, вѣроятно, черезъ всѣ азіатскія народности; состоитъ онъ изъ (ромбовиднаго въ поперечникѣ) тонкаго желѣзнаго прута, согнутаго петлей и изъ припаянной къ нему по срединѣ узенькой стальной пластинки, длинной и имѣющей колѣнный изгибъ. Добытый мною желѣзный комсъ, какъ называли мнѣ этотъ инструментъ, имѣетъ всего сантим. семь длины. «Подашь инородцу стаканъ водки и пошлешь его впереди партіи наигрывать—и рабочіе повеселѣе идутъ», разсказывалъ мнѣ про этотъ кóмсъ одинъ золотопромышленникъ, ходившій зимой на розыски золота. Къ музыкальнымъ же инструментамъ нужно отнести быргы̀ и сымысхà, пріобрѣтенные мною отъ охотника-качинца. Первый представляетъ выдолбленную деревянную съ тонкими стѣнками трубку сантиметровъ 50—60 длиной; постепенно расширяясь, быргы̀ имѣетъ при началѣ очень узенькое отверстіе, въ которое, при употребленіи, вставляется берестяная трубочка; нѣсколько берестяныхъ поясковъ вокругъ быргы̀ не позволяютъ ему растрескиваться. Нужно долгое упражненіе, чтобъ, вбирая въ себя воздухъ, издавать пронзительный своеобразный крикъ и подражая такимъ образомъ голосу самки сына (Cervus Elaphus), призывать самца. Сымысхà—это кусочекъ бересты сложенный вдвое; взявъ въ ротъ, охотникъ подражаетъ крику козленка, вызывая самку: длина этой пикульки 3—4 ст.

Управленіе, подати, судъ.

Изъ своей среды качинцы выбираютъ на 3 года родовыхъ старостъ—семь по числу родовъ и на 1 годъ улусныхъ старшинъ; послѣдніе часто на нѣсколько маленькихъ улусовъ—одинъ; затѣмъ—нѣсколько человѣкъ сборщиковъ податей. Въ центральномъ же учрежденіи, Абаканской инородной управѣ, засѣдаетъ голова, выбираемый на 3 года и два «выборныхъ»—также на 3 года; послѣдніе поочередно проживаютъ въ управѣ. При нихъ писмоводитель или писарь и три его помощника (въ Степной Думѣ ихъ зовутъ улусными писарями); но часто на дѣлѣ все это инородческое начальство состоитъ при письмоводителѣ, какъ человѣкѣ наиболѣе познавшемъ тайны канцелярскія.

Изъ приводимой таблицы оффиціальныхъ [1]) свѣдѣній за 1893 годъ

[1]) Я уже говорилъ, что оффиц. свѣдѣнія обыкновенно ниже дѣйствительныхъ; затѣмъ для меня остается неяснымъ, что здѣсь подразумѣвается подъ «кочевыми» инородцами (см. ранѣе численность инородцевъ).

Категоріи плательщиковъ.	Сборовъ. Государственныхъ.		Земскихъ и экономич. капитала.		Содержаніе Управы и Думы.		Экстроординарныхъ.		Натуральныхъ (на деньги).		Засѣваніе земли. Количество десятинъ.		Общая доходность. Отъ промысловъ.		Количество. Лошадей.		Рогатаго скота.		Мелкаго скота.		Состоитъ недоимокъ на отдѣльныхъ плательщикахъ.
	На всю Управу или Думу.	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	—	На окл. душу.	
	Руб.	К.	Рубли.		Рубли.			Коп.	Рубли.					Руб.							
Абаканск. инор. Управа.																					
Кочевые инородцы	64,59	3 к.	2260,65	1,5	2688,5	1,25	—	5 1/2 к.	6865	3,2	611	0,25	—	6,72	33803	16	20837	10	119138	55	—
Аскызская Ст. Дума соедин. разнородн. племенъ.																					
Кочевые инородцы	89,88	3 к.	3145,8	1,5	4929	1,65	—	—	6664,5	2,23	2773	1	—	5,38	20380	7	24319	8	60860	20	—

прежде всего можно познакомиться съ положеніемъ инородческаго скотоводства и хлѣбопашества, о чемъ я обѣщалъ сообщить, говоря ранѣе о занятіяхъ инородцевъ. Затѣмъ по вопросу о сборахъ я сдѣлаю нѣсколько дополненій. Положимъ, что разсчетъ сборовъ произведенъ вѣрно, но вѣдь онъ сдѣланъ по числу ревизскихъ душъ; послѣдняя ревизія была 37 лѣтъ тому назадъ, и съ той поры населеніе хоть немного, но возросло. Подати, какъ утверждаютъ, собираются съ каждаго взрослаго инородца—такимъ образомъ возникаетъ вопросъ, куда идутъ лишнія деньги? Далѣе разсказываютъ о чисто полюбовномъ соглашеніи у качинцевъ: между ними совершенно не замѣчается крайнихъ бѣдняковъ, а исходя изъ этого, отчего не предложить качинцамъ платить не 5 руб. 58½ коп., какъ по нашей таблицѣ, а 9 коп. болѣе. Эти 9 коп. дѣлятъ между собою поровну голова и двое выборныхъ, и у каждаго въ отдѣльности оказывается до 150 руб. въ годъ. Я не знакомъ подробно съ дѣятельностью письмоводителей и писарей, однако, судя по нѣкоторымъ фактамъ, эти личности должны быть причислены къ злымъ духамъ шаманскаго культа и ихъ безпрестанно слѣдуетъ умилостивлять, чтобъ они какънибудь не «напакостили». Письмоводитель подчиненъ засѣдателю и послѣдній окружному исправнику [1]). Старосты, а также—въ болѣе важныхъ случаяхъ выборные и голова являются судьями. Улусъ старосты—это центръ, гдѣ всегда можно встрѣтить много празднаго люда. Бѣдному человѣку выгоднѣй быть старостой, нежели богатому; такой родовой староста, какъ говорятъ, почти всегда станетъ на сторону богатаго; затѣмъ онъ старается для разбора дѣлъ ѣхать къ какому либо богачу или къ одному изъ тяжущихся лицъ, чтобъ не поить и не кормить эту вѣчную орду гостей. Заинтересованныя стороны ѣдутъ къ старостѣ обязательно съ водкой. Старики и начальство, покуривая трубки и угощаясь аракой, не спѣша разбираютъ дѣла. Небогатому человѣку трудно также, какъ разсказываютъ, тягаться и съ шаманомъ: начальство боится ихъ мстительности. Такъ одинъ качинецъ передавалъ мнѣ, что дочь одного вліятельнаго шамана, по смерти своего мужа, сына разсказчика, ушла къ отцу, и послѣдній не возвратилъ этому качинцу половины даннаго за невѣстку калыма, какъ требуется обычаемъ; въ калымъ же дано: 2 бѣгунца да 2 кобылы, баранъ заколотъ на свадьбѣ да 45 руб. деньгами. Староста, боясь

[1]) Въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ въ Минус. окр. былъ исправникомъ нѣкій Барановъ, пользовавшійся безгрѣшными доходами и съ крестьянскаго начальства и съ инородческаго. Одинъ священникъ мнѣ разсказывалъ, что онъ разъ «собственными глазами» видѣлъ, какъ писарь Еф. Сем. Катановъ, сосланный теперь въ Якутск. Обл., получилъ отъ Баранова записку и тотчасъ же вложилъ въ конвертъ 500 руб. и немедленно послалъ. Исправникъ проигрался въ карты въ компаніи золотопромышленниковъ.

шамана, ничего не предпринялъ для разбора дѣла. Однако, говорятъ, женщина, съ которой мужъ дурно обходится, всегда находитъ защиту у судей и, если она принуждена развестись съ нимъ, то мужу можетъ быть предписано возвратить ей приданое, безъ возврата со стороны ея родителей калыма.

Болѣзни и врачебная помощь.

Во время моихъ поѣздокъ по степи, ко мнѣ то и дѣло обращались съ разными болѣзнями и приходилось только жалѣть, что не могъ оказывать никакой помощи. Отъ васъ требуютъ какого-либо радикальнаго средства, а вы видите, что многое зависитъ отъ совершеннаго пренебреженія гигіеническими условіями жизни, которыя нужно измѣнить. Но это послѣднее положеніе не такъ легко втолковать инородцу, ибо здѣсь мы наталкиваемся на своеобразные взгляды на болѣзни и смерть, связанные съ шаманствомъ. У взрослыхъ чаще встрѣчаются лихорадки и какъ слѣдствіе обильнаго дыма въ юртѣ — глазныя болѣзни; послѣднія чаще бываютъ у женщинъ, какъ наиболѣе имѣющихъ дѣло съ дымомъ. Сифилисъ у качинцевъ, какъ говорятъ, совершенная рѣдкость; я думаю, что, будучи болѣе обезпеченнымъ и вообще болѣе стойкимъ и энергичнымъ племенемъ, чѣмъ напр. несчастные обскіе остяки, качинцы счастливо отстаиваютъ свою индивидуальность.

Г. Поповъ (Изв. Геогр. Общ. т. XX) говоритъ о качинскихъ «имотахъ» и о средствахъ [1]) ими употребляемыхъ при нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Я сообщу, что мнѣ извѣстно о лѣкарственныхъ травахъ и приведу ихъ названія, записанныя въ бэльтирскомъ улусѣ Опака Асачакова.

Пюрь-ӧдэ — Волчья трава (Goniolimon speciosum Boiss. Plumbog бываетъ, яко-бы, двухъ родовъ; безъ цвѣтка — для женщинъ и съ цвѣткомъ—для мужчинъ.

Кик-ӧдэ — Козья трава (Coniosolinum Fischeri Win at Grub). Настой на корняхъ какъ одного (см. примѣч. «Бюрго-от») такъ и другого ра-

---

[1]) Желчь ворона и медвѣдя; «конехвостикъ» (?)—какъ противолихорадочное лѣкарство; крапива (urtica cannabina L.), распаренными вѣтвями которой растираютъ при ревматизмахъ больныя мѣста; для послѣдней г. Мартьяновъ даетъ качинск. названіе с а х ч а н - о т. Изъ брошюрки г. Мартьянова (Каталогъ народно-медиц. средствъ Минусинск. музея, Красноярскъ, 93 г.) здѣсь же я позволю себѣ привести, что касается инородцевъ. Т у д а н - о т конехвостникъ (вѣроятно, конехвостикъ г. Попова) Hipparis vulgaris L. Halorageae. Употребл. отъ лихорадки въ видѣ отвара и для окуриванія. Т ы з ы - о т. Aconitum Lycoctonum L. (Ranunculaceae), корни отъ зубной боли (кладутъ на больной зубъ) употр. сагайцами. Б ю р ю - о т., Goni limon speciotum Bois изъ Plumbaginoae, у качинцевъ, но для чего (?); крестьяне же употребляютъ эту траву отъ бѣлей у женщинъ.

стенія употребляется внутрь при изломѣ костей. По разсказамъ, въ давнюю пору охотники подмѣтили, что волкъ и коза, когда ихъ подстрѣлятъ, изломаютъ кости, хватаютъ на бѣгу одну изъ этихъ травъ. Подобное сообщеніе дѣлаетъ г. Поповъ (Изв., т. XX) въ ск. о Баян-кыс.

Кара-бас-тых-од — Черноголовка (sanguisarba officinalis L.)— настой кореньевъ отъ боли въ животѣ.

Ос — осиновая кора, пьютъ отъ лихорадки.

Ах-бас-од — Бѣлоголовникъ употребляется какъ чай (объ этомъ я говорилъ ранѣе и назвалъ его, по коллекціи. Минус. муз., «мархалы-сигѣн»; у г. Попова—«чай-лых-сигань») и, по всей вѣроятности, какъ лѣкарственное растеніе.

Ни врача, ни фельдшеровъ, ни акушерокъ на этомъ громадномъ пространствѣ почти съ 30 тыс. жителей—нѣтъ: кой-какія лѣкарства имѣютъ духовныя особы и даютъ ихъ, буде къ нимъ обращаются; главнымъ медицинскимъ средствомъ у нихъ служитъ—хининъ. Въ послѣднія 15 лѣтъ инородцы Степной Думы два раза, какъ передавалъ мнѣ одинъ миссіонеръ, составляли приговоръ о приглашеніи фельдшера; но «губернія», руководясь какими то неизвѣстными соображеніями, отклонила оба приговора. Но въ прошломъ 1894 году приговоръ качинцевъ о приглашеніи фельдшерицы г-жи Девятовой принятъ былъ и губернскимъ начальствомъ. На средства церковноприходскаго попечительства въ Абаканской инородной управѣ устраивается небольшая больничка; но главной задачей г-жи Девятовой, человѣка хорошо знакомаго съ своимъ дѣломъ и преданнаго ему, будутъ постоянные объѣзды по улусамъ.

Шаманство.

Съ этимъ сложнымъ и важнымъ вопросомъ я знакомъ весьма мало и хотя видѣлъ 3 качинскихъ шамановъ и одну шаманку, но съ ихъ дѣйствіями не имѣлъ времени ознакомиться, почему и ограничусь только нѣкоторыми замѣтками, по разсказам самихъ инородцевъ и главнымъ образомъ М. Ив. Райкова. Въ силу шамановъ вѣрятъ всѣ качинцы за исключеніемъ какого-либо десятка мужчинъ, да и тѣ въ критическіе моменты прибѣгаютъ къ помощи шамановъ. Незадолго до моего пріѣзда въ степь, случилось одному богатому качинцу, родовому старостѣ и человѣку сравнительно развитому, очень серіозно заболѣть. Онъ тотчасъ же послалъ въ г. Минусинскъ за 50 вр. своихъ лошадей за врачемъ. Въ точности исполняя приказанія послѣдняго и принимая какіе то порошки, больной, по отъѣздѣ врача, для вѣрности пригласилъ ша-

мана. Когда же врачъ черезъ нѣсколько дней снова пріѣхалъ, инородецъ уже выздоровѣлъ и заявилъ врачу, что онъ собственно не знаетъ, помогли ли ему порошки или шаманъ.

Кастренъ и г. Поповъ (Изв., т. XX) говорятъ о существованіи у качинцевъ представленія о высшемъ божествѣ, творцѣ міра Кудаѣ; но тутъ же Кастренъ упоминаетъ и о «джиты-кудай» (семь кудаевъ) и о «тогоз-кудай» (девять кудаевъ) [1]. Райковъ же рѣшительно отрицаетъ существованіе представленія у своихъ соплеменниковъ о единомъ высшемъ божествѣ. Во время же общественныхъ жертвоприношеній, вопросъ о которыхъ, кстати сказать, совершенно еще не выясненъ, призываютъ горныхъ духовъ—«хозяевъ» ез'; обращаясь же къ небеснымъ духамъ, зовутъ ихъ јайглар (создатели, творцы); эпитетъ всѣхъ духовъ кӓйракан. Плеская молоко какъ бы по направленію къ духу, качинцы произносятъ: сӧк! но значеніе этого слова, кажется, и самимъ имъ неизвѣстно. Объ общественныхъ празднествахъ можно только сказать, что всѣ они совершаются на горныхъ вершинахъ и вдали отъ могилъ, какъ «мѣста не чистаго»; одни празднества бываютъ общими, и здѣсь присутствуетъ также и шаманъ, другія устраиваются только мущинами (берутъ и мальчиковъ), и шаманъ не приглашается—это праздникъ, называемый г. Поповымъ «принесеніе великой жертвы небу». Общія-съѣзжія празднества, по словамъ качинца Ив. Доможакова, бываютъ обязательно въ іюнѣ, но въ разныхъ мѣстахъ въ разныя числа; вторыя же весной (вѣроятно въ маѣ). Общія празднества, если не во всѣхъ углахъ Качинской степи, то въ большинствѣ, устраиваются въ 3 года одинъ разъ и для нихъ устройства, надо думать, служатъ постоянныя опредѣленныя мѣста, особенно выдающіяся горныя вершины. Такъ г. Поповъ упоминаетъ о дѣйствительно замѣчательно красивой вершинѣ Иртъ или Самохвалъ; въ 30 вр. отъ устья по Абакану находится высокая горная цѣпь Изых; между улусами Чаркова (на р. Уйбатѣ) и Синявинскимъ сфотографирована мною красивая Кӧх-Тах (синяя гора), на которой, какъ сообщили мнѣ въ улусѣ, бываетъ праздникъ Улу-Кюн (великій день) подъ рядъ три года (послѣ чего можетъ быть переходятъ на другую вершину?). Близъ улуса Тазминскаго (на р. Барѣ) указываютъ на гору Танджӓн, называемую по имени самого празднества.

Въ Степной Думѣ въ с. Усть-Есинскомъ отъ любителя-фотографа Д. Р. Долинина я получилъ фотографію многолюднаго (верхами, на телегахъ) съѣзжаго празднества Таг-танджен на горѣ Имчӧх-таглар (женскія груди). Въ качинскомъ улусѣ Ив. Доможакова про общественное празднество Тӓих (по-

[1]) Цитировано изъ «Землевѣдѣнія Азіи Риттора» 1877 г.

клоненіе), на которое съѣзжаются изъ многихъ окрестныхъ улусовъ мущины, женщины и дѣти, разсказывали, что шаманъ камлаетъ тамъ надъ «бурымъ» конемъ, проситъ дождя, здоровья для скота и людей и проч.; затѣмъ коня отпускаютъ, не расплетая у него лентъ изъ гривы. Коня этого въ упряжку уже не запрягаютъ, а ѣздить верхомъ можетъ только хозяинъ, женщины же не должны даже прикасаться къ такому коню, называемом изы̂к. Послѣ этого закалываютъ кураганов ъ, весеннихъ барашковъ, и начинаютъ пить айранчикъ. Про празднество второго рода передавали мнѣ въ ул. Инкежекова на р. Бирѣ: праздникъ Та̂ир бываетъ въ маѣ; участвующіе (мущины и мальчики) предварительно чисто моются и окуриваются душистой травой ирбэн [1]); на гору ѣдутъ верхами. Мѣсто празднества недолжно быть близъ могилъ; собакъ съ собой не берутъ. Кто желаетъ, привозитъ курагана, но непремѣнно бѣлаго; тамъ же дѣлаютъ и столики изъ березоваго дерева и бересты. Но вѣрнѣе, что одинъ столикъ или корытце для жертвеннаго мяса (см. у Попова); въ этомъ именно духѣ мнѣ и говорили въ с. Усть-Есинскомъ (но у инородцевъ Степной думы), называя празднество Таг-та̂ирге (поклоненіе на горѣ, жертвоприношеніе—неопред. накл. глагола), гдѣ бросаются въ костеръ три лучшихъ, жирныхъ куска, какъ пища духамъ, присутствующимъ при празднествѣ.

Для объясненія слова «шаманъ» существуютъ разныя предположенія (такъ см. Пешель. Народовѣдѣніе. стр. 268). Качинцы зовутъ шамана ка̂м, а его дѣйствіе камни̂рга; сибиряки-крестьяне называютъ его шаманщикъ, а за ними и инородцы сами, произнося это слово, какъ я слышалъ, «шама̂нчикъ». М. И. Райковъ думаетъ, что слово «шаманъ» придумано русскими: первые-де поселенцы среди шаманистовъ, не зная туземнаго языка, могли принять невнятное бормотаніе шамана за частое произнесеніе слова «шама, шама»; отсюда-де и могло произойти шаманщикъ или шаманъ [2]). Насколько такое объясненіе заслуживаетъ вниманія, я не могу ничего сказать.

Качинцы вѣрятъ въ существованіе духовъ-«хозяевъ» ез' горъ, рѣкъ, звѣрей, юртъ, огня и пр., духовъ-покровителей семьи зі̂к (изы̂к), въ особыхъ духовъ каждой семьи-тöс; дѣленія духовъ на добрыхъ и злыхъ нѣтъ у качинцевъ, и каждый изъ духовъ можетъ нанести болѣе или менѣе чувствительный вредъ семьѣ, если ему не оказывать почитаній. Умилостивлять духовъ и предотвращать ихъ каверзы могутъ только шаманы посредствомъ жертвоприношеній и различныхъ обрядностей. Семья же должна держать въ

---

[1]) Богородицкая трава—Thymus serpyllum L. Labiatae.

[2]) «Сибирск. Вѣстн., 1894 г. № 118.

исправности и охранять извѣстнаго устройства предметы (амулеты) и даже животныхъ, посвященныхъ шаманомъ духамъ. Я уже говорилъ объ изыкъ, конѣ, посвященіе котораго, насколько я понимаю, именно и дѣлается съ цѣлью гарантировать семью отъ злонамѣренныхъ посягательствъ духовъ зк̊.

Посвященіе простой лошади (жеребца) въ изыка составляетъ, вѣроятно, самостоятельное празднество; такъ въ Минус. музеѣ находится картина художника Станкевича изъ быта качинцевъ (?) подъ названіемъ «Посвященіе изыка»; конь тамъ изображенъ бѣлымъ; картина эта очень цѣнна, если только г. Станкевичъ, какъ не этнографъ, не сдѣлалъ въ ней какихъ либо художественныхъ отклоненій отъ истины (такъ у него неправильно изображена одежда шамана). Въ сагайскомъ Прокопьевск. ул. близъ Аскыса мнѣ передавали, что изыкомъ можетъ быть также и корова «бурой» шерсти и овца (вѣрнѣе баранъ)—бѣлая съ лисыми (цвѣта красной лисицы) щеками, лошадиный же изыкъ бываетъ разной масти; если хозяинъ или хозяйка заболѣетъ, то шаманщикъ можетъ сказать, что необходимо перемѣнить изыка; тогда его закалываютъ и съѣдаютъ и посвящаютъ новаго той же масти; также дѣлаютъ, яко бы, если и состарится изыкъ. Тамъ же сообщали, что при пропажѣ лошадей, призываютъ кама, и послѣдній бросаетъ въ костеръ правую овечью лопатку, обернувъ ее въ солому, и по трещинамъ на ней узнаетъ, гдѣ находится конь, при чемъ добавляетъ: «хорошо, что у тебя есть изыкъ, коня твоего недалеко увели!» На качинскомъ нарѣчіи изык (зк̊) значитъ «укромное мѣсто».

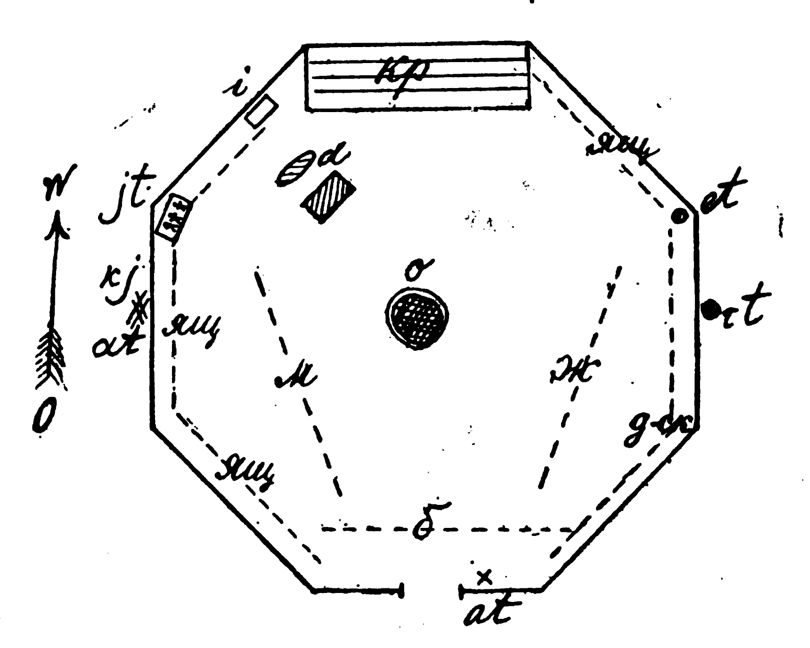
Амулетовъ же, спеціально приготовляемыхъ шаманомъ и посвященныхъ духамъ, я думаю, не менѣе 20, а можетъ быть и болѣе названій. У качинцевъ мнѣ удалось добыть всего 8 разновидностей; Минусинскій музей обладаетъ полною коллекціею, но большинство амулетовъ добыты имъ среди кизильцевъ [1]) см. (Клеменцъ, «Замѣтка о тюсяхъ», Изв. В. Сиб. Опт. Г. О., т. XXIII, 92 г,). Собираніе этихъ предметовъ представляетъ большія затрудненія: мало того, что ихъ въ большинствѣ трудно замѣтить, качинцы съ большой неохотой позволяютъ разсматривать эти предметы и никоимъ образомъ не уступаютъ; ихъ можно добыть только у шамановъ или заказать какой-либо шаманкѣ приготовить новые. Амулеты эти, въ большинствѣ, называются тӧс; въ каждой качинской юртѣ безъ исключенія встрѣчаются т и л ѐ к - т ӧ с и ј а л б а к т ӧ с. 1) Первый приставляется снаружи юрты съ сѣверной стороны (выходъ на востокъ) и представляетъ тонкую палку аршинъ до 1½ длиной съ рогульками на концѣ; къ козьему ремешку, привязанному къ обоимъ кон-

---

[1]) Кизильцы обитаютъ въ Ачинскомъ окр. Енис. губ.

цамъ развалины, прикрѣпленъ кусокъ зеленаго сукна и кусокъ шкурки отъ овечьяго курдюка съ 4 коротками веревочками, свитыми изъ черной и бѣлой овечьей шерсти; послѣднія, по объясненію одной качинки, косы шайтана. Дѣйствуетъ амулетъ и для людей и для скота [1]), кормятъ его кашей. 2) Внутри юрты съ лѣвой стороны (считая отъ входа), неподалеку отъ иконы, подвѣшивается на козьихъ ремешкахъ кусокъ холста (сантим. 40 длины и 20

Схема качинской юрты.

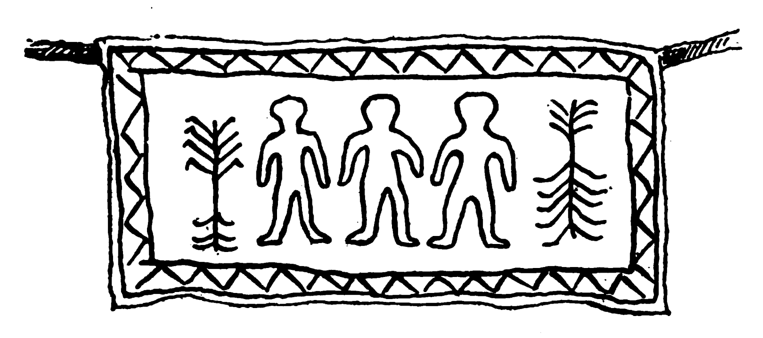
ящ—ящикъ съ имуществомъ; *о*—очагъ; *кр*—постель хозяина; *g-ск*—разный домашній скарбъ; *м*—мужская сторона; *ж*—женская и *б* - мѣсто небогатыхъ и непочетныхъ посѣтителей юрты; *d*—почетное мѣсто и столикъ; *i*—мѣсто иконъ. Амулеты: *tt*—тилек-тӧс; *jt*—джалбак-тӧс; *et*—эвскэй-тӧс; *at*—аба-тӧс; *kj*—кызылджáлама и *at*—ас-тӧс.

шир.)—это и есть jалбак-тӧс. На холстѣ по срединѣ самымъ примитивнымъ образомъ нарисованы красной краской (преимущественно охрой, добываемой въ ближайшихъ горахъ) 3 человѣческихъ фигуры; съ обоихъ боковъ ихъ изображены 2 березы: справа—корнемъ внизъ и слѣва—корнемъ вверхъ. По борту холста намалеванъ на манеръ рамы узоръ. Одинъ экземпляръ этого

---

[1]) Я долженъ сказать, что безъ знанія туземнаго языка и болѣе или менѣе обстоятельнаго изученія шаманства рѣшительно невозможно выдавать предлагаемыя объясненія инородцевъ за достовѣрныя.

амулета сдѣланъ для меня шаманкой и на немъ изображены женскія фигуры, на другихъ же двухъ—мужскія. Надъ головой каждой человѣческой фигуры пришиты кусочки парчи и собольей шкурки, изображающіе будто бы шапки. За правый ремешекъ, пришитый къ верхнему углу амулета, прикрѣпленъ маленькій деревянный обручекъ (бубенъ шамана), такая же колотушечка и кусокъ парчи. Полезенъ этотъ тӧс при грудныхъ болѣзняхъ, колотьи въ боку и проч.; кормитъ его шаманщикъ молокомъ. Одинъ экземпляръ изъ добытыхъ мною настолько забрызганъ молокомъ, что имѣетъ толстую кору и изображенія на холстѣ едва можно разобрать. 3) Съ правой стороны отъ входа по-за ящиками на полу юрты стоитъ эвекэй-тӧс, состоящій, какъ первый амулетъ изъ палки съ рогульками, но всего сант. въ 50 длиною; на рогуль-

«Јалбак-тӧс».

кахъ также козій ремешокъ; но на этомъ послѣднемъ кусокъ козлиной шкурки и также 4 изъ овечьей шерсти косы шайтана; немного ниже на палку повязана желтенькая ленточка (опояска шайтана). Употребляется при дѣтскомъ поносѣ и вообще полезенъ для дѣтей; кормится вареной щучьей головкой. 4) На изгородяхъ (на поскӧтинахъ) или на деревьяхъ подальше отъ юртъ, чтобъ женщины не могли прикасаться (онѣ даже не должны произносить имени этого амулета) привязывается шнурками изъ конскаго волоса ильгэр иліáх—тӧс; состоитъ онъ изъ палки съ рогульками, къ которымъ волосяными шнурками прикрѣплена бѣлая (ак, ах) заячья головка. Палка вмѣстѣ съ заячьей головкой вталкивается въ берестяной мѣшокъ, сшитый волосяными нитками, величина мѣшка сант. до 25 длины и до 20 шир. Отъѣхавши отъ одного улуса съ версту, я увидалъ на изгороди такой тӧс; думая что онъ уже не имѣетъ религіознаго значенія, такъ какъ казался очень старымъ и какъ-бы заброшеннымъ, я положилъ его тотчасъ-же въ тарантасъ; но инородцы увидали съ крыши избы и двое изъ нихъ нагнали меня верхами и потребовали возвратить покражу. 5) Въ юртѣ надъ дверью съ лѣвой стороны привѣшиваютъ на ремнѣ

лапу медвѣдя (аба)—а̀ба-тӧс, посвященный «дверному хозяину», въ сагайскомъ прокопьевскомъ ул. передавали, что если затруднительно достать лапу медвѣдя, то вырѣзають изъ дерева ея подобіе. 6) У шаманки Сӧлберек я пріобрѣлъ амулетъ, названный ею также аба-тӧс, но состоитъ онъ изъ желѣзнаго кольца съ привязанными къ нему ремешкомъ куска медвѣжьей шкурки и длинной ленты изъ синей дабы; подвѣшенъ онъ былъ справа внизу у двери. 7) Снаружи юрты, съ южной стороны, приставляется палка (такой же длины какъ у тилек-тӧс) съ прикрѣпленными къ ея концу, при помощи козьяго ремешка, холщевою и дабовою тряпичками—это будетъ а́с-тӧс; онъ имѣетъ какое-то отношеніе къ изыку. 8) Тамъ-же приставляется подобный-же амулетъ; но къ концу палки прикрѣпляется нитками изъ воловьихъ жилъ красная и бѣлая тряпичка—это кызылjа̀лама. Послѣдніе два амулета, какъ выразилась шаманка, живутъ вмѣстѣ; но встрѣчаются, я думаю, весьма рѣдко. Говорили мнѣ еще про кӯс-тӧс, не добытый мною; это изображеніе какой-то птицы изъ тополевой коры, утыканное перьями; онъ также имѣетъ отношеніе къ изыку, и шаманка замѣтила, между прочимъ, что изык у него черный [1]). Въ юртѣ качинскаго головы видѣлъ я большую березку, сплошь увѣшанную разноцвѣтными тряпичками; но о значеніи этихъ значковъ и названіи ихъ не удалось добиться никакого объясненія. Къ потолку почти во всѣхъ юртахъ прикрѣплены, иной разъ, не одинъ десятокъ грудныхъ птичьихъ костей, главнымъ образомъ отъ тетерева; имѣютъ-ли онѣ какое-либо символическое значеніе, инородцы не могутъ сообщить; отвѣтъ-же, что косточки встрѣчаются только у охотниковъ и подвѣшиваются для красы не удовлетворителенъ, ибо онѣ находятся и не въ охотничьихъ мѣстахъ.

Роль шамановъ у качинцевъ, какъ и у другихъ сибирскихъ шаманистовъ [2]), обусловливается главнымъ образомъ своеобразными взглядами ихъ на болѣзнь и смерть, зависящими не отъ естественныхъ причинъ, а производимыми злѣйшими изъ духовъ—айна̀. Болѣзни происходятъ въ силу того, что айна̀ поселяется въ тѣлѣ больного и производитъ страданія; когда-же айна́ похищаетъ душу (куд) человѣка, то происходитъ смерть. И вотъ призванный къ больному, камъ предварительно ворожитъ по трещинамъ на бараньей лопаткѣ (см. ранѣе). Если болѣзнь не серіозна, то онъ, даже не одѣвая своего спеціальнаго костюма, стегаетъ больного (накрытаго шубой) вѣткой боярышника [3]) и затѣмъ,

---

[1]) По словамъ Клеменца (Изв. В. С. О. Геогр. О., т. XXIII, № 4), «у каждаго тӧс'я свой язык».

[2]) Михайловскій. Шаманство, стр. 26 Труды М. Общ. люб. естеств. антропологіи и этнографіи.

[3]) Боярышникъ играетъ роль въ шаманскихъ воззрѣніяхъ и другихъ народностей.

отворивши дверь, машетъ вѣткой по воздуху, изгоняя такимъ образомъ айну даже и изъ самой юрты. Съ айной, повидимому, вообще не церемонятся и изводятъ его, чѣмъ только можно. Въ серіозныхъ случаяхъ шаманъ начинаетъ съ наступленіемъ ночи свой обрядъ; но иногда шаманъ заявляетъ, что отвѣтъ можетъ быть данъ только по прошествіи ночи, надѣясь во снѣ получить тѣ или иныя указанія. Извѣстно, что снамъ всѣ шаманисты придаютъ большое значеніе. Душа качинскаго кама во время сна вообще путешествуетъ. Если качинецъ спитъ въ юртѣ шаманщика и услышитъ шорохъ бубна (лѣтомъ бубенъ очень сухъ, и резонансъ въ немъ можетъ быть отъ движенія какого-либо насѣкомаго), то думаетъ, что душа спящаго хозяина полетѣла съ бубномъ. Крикъ ворона или филина считается за голоса духовъ, и при появленіи той или другой птицы близъ юрты, что̀ по всей вѣроятности связано и съ путешествіями шаманской души, бросаютъ въ нихъ пепломъ съ очага. Если качинцу, какъ утверждаетъ М. И. Райковъ, приснится какой-либо недавно умершій родственникъ, то онъ думаетъ, что его ждутъ въ загробномъ мірѣ, что онъ скоро умретъ.

Если шаманщикъ узнаетъ во снѣ, что душа больного должна быть взята айной, то онъ можетъ вступить съ послѣднимъ въ переговоры и предложить ему, если онъ не великодушенъ, взять душу у его—шамана—недруга. Иной камъ для выполненія своего обряда приказываетъ привязать близъ юрты какое-нибудь животное — корову, овцу, доставить ему то или другое растеніе или змѣю черную, желтую или сѣрую, — тогда посылаются гонцы; играетъ также при шаманствѣ роль и щука.

Каждый шаманъ имѣетъ своихъ духовъ—служителей; такими помощниками у хорошаго шаманщика могутъ быть даже и духи—хозяева горъ и пр. Именуются всѣ они, къ какой бы категоріи ни принадлежали, тŏс. Шаманскій обрядъ [1]) происходитъ только ночью. Относительно шаманскаго костюма я не могу вполнѣ согласиться съ описаніемъ г. Каратанова (Изв. Г. Общ., т. XX); но въ общемъ его описаніе шаманства относится и до качинцевъ. Одежда шаманщика— это коротенькая, легкая, изъ телячьей или изъ козьей шкурки, шуба съ застежками напереди; но благодаря всевозможнымъ привѣскамъ и цѣлой массѣ длинныхъ лентъ, часто волочащихся по землѣ еще и съ шаркунчиками на концахъ, одежда становится тяжелой. Всѣ эти привѣски прикрѣплены только къ задней части одежды, передъ же остается свобод-

---

[1]) Я уже упоминалъ, что мнѣ не удалось присутствовать при шаманскомъ обрядѣ; только въ ул. Усть-Сайгачи старый шаманщикъ съ характерной и выразительной физіономіей Ваньча Аѣшинъ показалъ мнѣ нѣсколько туровъ своей дикой пляски. Поэтому я и ограничусь лишь нѣкоторыми замѣчаніями.

нымъ; спина близъ ворота ушита ракушками. Ими же изукрашена и шапка, но она, насколько я знаю про качинскихъ шамановъ, дѣлается изъ краснаго сукна на манеръ скуфьи. На ея верхушкѣ прикрѣпляется филиновый хвостъ, а спереди иногда и филинова голова; на лицо шаманщика спускаются разноцвѣтныя ленточки, нашитыя по краю шапки; назади небольшой разрѣзъ и завязки. На широкихъ лентахъ, спускающихся со спины, иногда нашиты изъ черной матеріи вырѣзанныя изображенія человѣчковъ, лошади, птицы. Надо думать, что всякій шаманщикъ включаетъ тѣ или иныя варіаціи при украшеніи костюма. Бубенъ я добылъ какъ разъ отъ сагайцевъ, и онъ кромѣ желѣзнаго прута имѣетъ на внутренней сторонѣ и перекрестный деревянный брусъ, приспособленный для захватыванія рукой; на желѣзномъ же прутѣ понавѣшаны колокольцы, желѣзныя кольца и конусовидныя подвѣски и даже мѣдное колечко (русской работы) съ какой-то евангельской надписью. По внутренней сторонѣ деревянной обичайки болтаются серповидныя желѣзныя пластиночки. Объясненіе рисунковъ на бубнѣ записано только г. Клеменцемъ (Зап. В. С. О. Геогр. Общ. по этнограф., т. II, вып. 2, Ирк. 1890 г.).

Помѣстившись въ юртѣ съ мужской стороны на бѣлый войлокъ, камъ бросаетъ въ костеръ траву ирбэн (см. ранѣе), окуриваетъ ею свои принадлежности и подсушиваетъ надъ огнемъ свой тюрь (бубенъ). Сначала онъ, какъ обыкновенно, разговариваетъ и шутитъ съ присутствующими; затѣмъ прощается и начинаетъ свои дѣйствія. Свистомъ и ударами въ бубенъ шаманщикъ сзываетъ своихъ слушателей и отправляется съ ними къ тому или другому духу, въ то или иное мѣсто и тамъ разными ухищреніями старается достичь цѣли. Въ промежуткахъ между различными путешествіями, камъ считаетъ нужнымъ заручиться расположеніемъ «духа огня» и восхваляетъ также своихъ пособниковъ, перечисляя замѣчательныя качества ихъ. Угощаетъ онъ ихъ также и аракой, причемъ, выпивши изъ поданной ему чашки, остатки выплескиваетъ на огонь и отбрасываетъ чашечку въ сторону; если она падаетъ открыто, нужно еще араки. Есть юмористы шаманщики: такъ передаютъ про нѣкоего Апчайку, который не самъ пьетъ во время обряда, а приказываетъ подавать какому-нибудь старику; подъ утро опьянѣвшій старикъ засыпаетъ, и шаманщикъ, окончивъ свои дѣйствія, насмѣхается: «Ловко онъ съ чертями то нализался!..» Этотъ же Апчайка, когда нѣкіе русскіе увѣряли, что шаманъ не можетъ остановиться, не окончивъ своего обряда, отвѣтилъ имъ: «... Да что—середка воды что ли, что нельзя остановить?!» подразумѣвая быстрое теченіе Абакана, «бросилъ бубенъ, да и все тутъ! Вѣдь нашъ братъ-инородецъ дуракъ—можно хоть два дня подъ рядъ дурачить!..» Этотъ же шаманщикъ давалъ свое представленіе передъ однимъ изъ

архіереевъ, и черезъ полчаса, по знаку послѣдняго, бросилъ бубенъ и получилъ цѣлковый на водку.

Начиная съ Гмелина, Крашенинникова и кончая отзывами проф. Позднѣева, Пешеля и др., все говоритъ за то, что шаманы не что иное, какъ религіозные фокусники, фигляры и проч. Конечно, здѣсь немало шарлатанства, но изо всѣхъ этихъ крайнихъ отзывовъ какъ будто вытекаетъ, что шаманы, будучи развитѣе и не вѣруя въ существованіе духовъ, обманываютъ своихъ соплеменниковъ; на самомъ же дѣлѣ шаманы также суевѣрны и невѣжественны, какъ и прочіе [1]).

Нѣкоторые качинцы передавали, что также не вѣрятъ въ силу шамановъ. Молодой Гр. Ив. Инкежековъ (ул. на р. Барѣ) разсказывалъ мнѣ, какъ онъ поссорился съ молодымъ же шаманомъ Одежкинымъ изъ-за какой то широколицей красавицы и въ отметку—пробрался въ юрту шамана и исполосовалъ ножемъ кожу на его бубнѣ. Шаманщикъ побѣжалъ «наслать болѣзнь», но съ того времени благополучно прошло уже два года. Однако разсказчикъ тотчасъ же приводитъ и другой фактъ, объясненіе которону онъ не можетъ найти. Одинъ молодой качинецъ сдѣлался совершенно ненормальнымъ и нигдѣ не могъ найти себѣ покоя: онъ видѣлъ страшные сны, съ нимъ бывали припадки. Старуха-мать обратилась къ знаменитому каму, и тотъ посовѣтывалъ ея сыну изучать шаманское искусство. Инородецъ послушался; камское занятіе пришлось ему по душѣ, и онъ избавился отъ болѣзней. Старый качинецъ, отецъ помянутаго шаманщика Одежкина, въ положительномъ и серіозномъ тонѣ завѣрялъ, что его сынъ не «морочитъ» людей, какъ многіе думаютъ, а «держитъ одёжу для себя... хвораетъ, а какъ надѣнетъ ее, такъ ему и легче станетъ».

По выводамъ г. Михайловскаго (Шаманство), появленіе массы эффектовъ въ одеждѣ и въ дѣйствіяхъ, встрѣчающееся у всѣхъ шамановъ, есть результатъ скептицизма, подрывавшаго увѣренность шамановъ въ себя самихъ подъ напоромъ новыхъ религіозныхъ ученій и цивилизація. По словамъ качинцевъ, бубновъ будто бы ранѣе не было и еще не въ далекомъ прошломъ хорошіе шаманы ихъ не употребляли. М. Ив. Райкову нѣсколько лѣтъ назадъ приходилось видѣть пользовавшагося славой старика, шаманившаго безъ бубна; онъ не пускался въ дикую-бурную пляску, и у него даже не было сильныхъ вздрагиваній; изгонявшіеся изъ больнаго духи вгонялись въ животныхъ.

[1]) «Передъ ними, говоря словами г. Михайловскаго (Шаманство), раскрывается та же бездна невѣдѣнія, ихъ гнететъ страхъ передъ тѣми же таинственными, неизвѣстными, но могучими силами, что и прочихъ шаманистовъ».

Качинскіе шаманщики, какъ и у другихъ сибирскихъ народностей, въ повседневной жизни ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ инородцевъ (развѣ только, что шаманы носятъ на шеѣ бусы); но живутъ очень не богато, въ маленькихъ и дрянныхъ юртахъ.

Какъ передаютъ, у качинцевъ молодые люди, посвятившіе себя шаманству, не идутъ въ ученіе къ каму, какъ у алтайцевъ напр. (Потанинъ), а уже заранѣе, въ силу своей незаурядной наблюдательности, изучаютъ какъ всю обрядовую сторону камскаго искусства, такъ и напѣвы; затѣмъ понемногу упражняются. Однако это заявленіе требуетъ провѣрки.

Хоронятъ качинцы своихъ шаманщиковъ возможно далѣе отъ жилищъ и отдѣльно отъ прочихъ смертныхъ; по словамъ одного инородца, шаманы не велятъ себя хоронить вмѣстѣ съ другими, чтобъ не лишиться своей силы. Одежду и бубенъ развѣшиваютъ на деревья и, повидимому, въ совершенно отдѣльномъ мѣстѣ отъ могилы; причемъ кожу бубна пробиваютъ. Мнѣ сказывали, что де въ прошломъ году не далеко отъ Абаканской Управы у поскотины на кустѣ висѣла камская одежда. Завѣдующему Минус. Муз. Н. М. Мартьянову нѣсколько лѣтъ тому назадъ попалась такая одежда на одномъ изъ островов по Енисею (подарена г. Мартину для Стокгольмск. Муз.). Но насколько обосновано утвержденіе г. Каратанова, хотя бы и по отношенію къ инородцамъ Степной Думы, о привязываніи умершаго шамана къ лѣсинѣ или о похоронахъ его на высокомъ помостѣ, а не въ землѣ, я не знаю; но думаю, что это нуждается въ серіозной провѣркѣ.

Похоронные обряды надъ простыми смертными описаны г. Каратановымъ и, по моему мнѣнію, ихъ одинаково можно отнести и къ качинцамъ съ нѣкоторыми добавленіями. По утвержденію качинца М. И. Райкова (Спб. В., 94 г. № 110), его сородичи ясныхъ представленій о загробной жизни не имѣютъ; однако г. Поповъ приводитъ и иные факты. Души покойниковъ, по мнѣнію качинцевъ, пріобрѣтаютъ свойства айны и дѣйствуютъ наравнѣ съ этими духами, радуясь смерти какого-нибудь изъ своихъ родственниковъ. На седьмыя сутки послѣ смерти человѣка, айнѝ посылаютъ его душу въ улусъ привести еще какого-нибудь родича; но это ей не удается Къ ночи по дорогѣ отъ могилъ къ улусу, гдѣ должна пройти тѣнь (сӯне) покойника, становятся нѣсколько мужчинъ съ ружьями; какъ только кому-нибудь изъ караульщиковъ померещится въ темнотѣ ожидаемая «тѣнь», они даютъ по этому направленію залпъ и послѣ этого улусъ можетъ быть спокойнымъ. Теперь этотъ обычай продѣлывается только по отношенію къ старымъ людямъ. Въ первое время послѣ похоронъ покойника, его родственники во время трапезы выплескиваютъ черезъ верхнее отверстіе юрты молоко или

вино (для старыхъ), совершенно также какъ это дѣлаетъ шаманъ при жертвоприношеніи духамъ (Райковъ). По словамъ же послѣдняго, онъ еще въ дѣтствѣ разъ видѣлъ, какъ одна старуха, по смерти мужа, зачерпнула полный ковшъ араки и выплеснула въ отверстіе юрты, приговаривая: «Тк, Том!» (Жри, Томъ!). При этомъ и ея пріемы и тонъ показывали, что она угощаетъ тѣнь мужа отнюдь не изъ почтенія, а изъ боязни, чтобъ она не увела ея дѣтей.

Гробъ предварительно покрывается берестой, сверхъ чего накладываются доски, и затѣмъ уже могила забрасывается щебнемъ или землей.

При моихъ поискахъ за черепами, мнѣ не разъ приходилось натыкаться въ могилахъ на обломки деревянныхъ чашекъ или какой-нибудь стеклянной посуды; по словамъ аскысскаго священника, богатые кладутъ съ покойникомъ сѣдло, но предварительно разрубаютъ его на нѣсколько кусковъ. Извѣстно также, что на поминкахъ считаются куски мяса, и даже иногда спеціально для этого бьютъ коня (койлаг'а). Всё это можетъ говорить за существованіе и у качинцевъ воззрѣнія, извѣстнаго у многихъ другихъ народностей, что душа покойника можетъ воспользоваться тѣми или иными предметами, если они принимаютъ иной видъ, чѣмъ на землѣ.

Если умираетъ послѣдній обладатель юрты, то ея остовъ также отвозится вмѣстѣ съ покойникомъ и бросается на могилѣ; но телѣженка (обыкновенно берется самая дрянная) или розвальни бросаются не на могилѣ, а гдѣ-нибудь по дорогѣ. И если они еще пригодны для ѣзды, то ихъ притаскиваютъ обратно въ улусъ черезъ 40 дней.

Кладбища имѣетъ оригинальный видъ: въ большинствѣ еле заброcанныя могилки съ высунувшимися изъ-подъ земли колодинами или ящиками, кусками бересты, а въ старыхъ могилахъ даже и съ обнаруживающейся изъ-подъ гнилушекъ одеждой покойника, ютятся среди громадныхъ древнихъ кургановъ, могучихъ, долговѣчныхъ. Тутъ же валяются остатки недавняго пированія: оглоданныя кости, обломки посуды, куча жженыхъ костей еще недавно рѣзваго бѣгуна. Гдѣ стоитъ крестъ, сдѣланный самымъ примитивнымъ образомъ, а гдѣ торчитъ жердь, украшенная конскимъ черепомъ съ обуглившимся позвоночникомъ и иной разъ съ клочьями хвоста.

Процентъ отпѣваній взрослыхъ по обычаю церкви не выше 3—4.

Миссіонерская дѣятельность.

Общая характористика миссіонерскаго дѣла на Руси достаточно извѣстна всѣмъ [1]), и въ Минусинскомъ краѣ она не отступаетъ отъ общаго правила. Мнѣ

[1]) Не совсѣмъ такъ. Впрочемъ въ одной изъ слѣд. книжекъ мы познакомимъ читателей съ трудами Алтайскаго миссіонера протоіерея В. И. Вербицкаго. *Ред.*

сказывали, что среди качинцевъ всё болѣе распространяется недавно появившаяся легенда, будто одного благочиннаго-протоіерея, рѣзко относившагося къ шаманщикамъ въ нѣскольких улусахъ, на обратномъ пути разнесли лошади и жестоко зашибли. Защитники шаманизма хотятъ этимъ сказать, что камы имѣютъ такое же фактическое право на существованіе, что и миссіонеры. Шаманство и его безотрадныя послѣдствія могутъ исчезать только подъ напоромъ поступательнаго хода просвѣщенія; тѣмъ не логичнѣе тактика свящ. с. Таштыпскаго о. Павла Силина, причисляющаго себя также къ миссіонерамъ: онъ говоритъ инородцамъ, что имѣетъ «бумагу» и на этомъ основаніи разгоняетъ собравшихся на празднество и отбираетъ бубны. Минус. Музей имѣетъ отъ него до десятка этихъ трофеевъ. Собственно миссіонерствъ считается 4: среди качинцевъ 1) съ резиденціею въ Уст.-Абаканской инородной управѣ съ 2300 прихожанъ (и до 2200 женщинъ); 2) съ резид. въ улусѣ Синяванскомъ на р. Нинѣ, образованное въ концѣ 1893 года, съ кол. прихожанъ до 2000 муж. п. Среди инородцевъ Степной Думы—3) съ резид. въ с. Аскысскомъ съ 5 т. муж. пола и приблизительно столько же женскаго; 4) съ резид. въ с. Усть-Есинскомъ, гдѣ священникъ изъ алтайскихъ инородцевъ, съ числомъ душъ, вѣроятно, вдвое меньшимъ Аскысскаго. Исключая послѣдняго, миссіонеры не знаютъ туземнаго языка, а съ такимъ сложнымъ и серіознымъ явленіемъ, какъ шаманство, они всѣ знакомы лишь по наслышкѣ. Миссіонеръ о. Василій Суховскій служитъ въ с. Аскысскомъ 20 лѣтъ.

Въ журналѣ «Миссіонеръ» за 1876 г. между прочимъ находимъ свѣдѣнія о крещеніи инородцевъ въ с. Аскысскомъ преосвящ. Антоніемъ, епископ. Енисейскимъ и Красноярскимъ Окрещено 3003 язычника и изъ нихъ болѣе 600 шамановъ; всѣ мужчины названы Владимірами, а женщины—Маріями. Надо думать, что здѣсь произошла крупная ошибка, благодаря неточнымъ указаніямъ со стороны писаря, представленнаго за свое содѣйствіе къ ордену Владиміра, но теперь сосланнаго въ Якутскую область за чрезмѣрные поборы. Не принимая даже въ разсчетъ того, что шамановъ труднѣе убѣдить креститься, чѣмъ прочихъ инородцевъ, и взявши указанное отношеніе—на каждыхъ 5 инородцевъ одинъ шаманщикъ, находимъ число послѣднихъ въ Минус. краѣ болѣе 5000; но врядъ ли ихъ и сотня наберется.

Отмѣчу также и тотъ фактъ, что случается у иного инородца два христіанскихъ имени, что̀ онъ объясняетъ двукратнымъ крещеніемъ «при двухъ архіереяхъ».

Въ приходѣ Аскысскаго миссіонера приходилось на годъ по обряду церкви до 20—25 браковъ. Въ нынѣшнемъ году послѣдовало разрѣшеніе

Св. Синода о вѣнчаніи браковъ и въ улусахъ; и тотъ же миссіонеръ за апрѣль и май совершилъ до 360 обрядовъ бракосочетанія.

Въ заключеніе я приведу только что присланныя мнѣ (отъ іюля 1895 г.) краткія оффиц. свѣдѣнія о миссіонерскомъ дѣлѣ Абаканской инор. Управы: По росписямъ числится 4500 душъ об. пола.

Количество рожденій: до 150 мальч. и до 160—170 дѣв. въ годъ.

По церковному обряду крестятъ ежегодно въ среднемъ: до 30—однонедѣльнаго возраста, 100—до 3-хъ мѣс. возр., 40—до 6 мѣс. в., 30—до 1 года, 30—40 до 3-хъ лѣтн. возр. и 5—10 свыше 3-хъ лѣтняго до 14 лѣтн. Всего же % 65—70.

Некрещеныхъ дѣтей разнаго возраста по приходу до 80 человѣкъ.

Ежегодная смертность въ приходѣ до 120 человѣкъ.

Отпѣваній по церк. обр. % 25, но значительнѣйшая часть какъ смертности такъ и отпѣваній приходится на долю дѣтей.

Браковъ бываетъ до 70 въ годъ и отъ 10 до 15% по христіанскому обычаю.

Затѣмъ приложены свѣдѣнія о наиболѣе распространенныхъ болѣзняхъ. Главнѣйшими считаются горячка или инфлуенца и всевозможныя разстройства желудка (преимущ. отъ араки); далѣе идутъ по степени распространенности: глазныя болѣзни, сифилисъ и чахотка. Изъ дѣтскихъ приводятся: поносъ, оспа, родимчикъ, рахитизмъ и золотуха.

П. Островскихъ.

По народной технологіи.

О красильномъ искусствѣ у русскихъ Енисейской губ.

Занимаясь собираніемъ свѣдѣній о лѣчарственныхъ травахъ, какими лѣчится населеніе Усусрской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губерніи [1]), мнѣ удалось узнать кое-что о растеніяхъ, имѣющихъ свойства окрашивать холстъ и пряжу. Съ полученными данными, въ виду интереса самого предмета, я и намѣренъ подѣлиться съ читателемъ.

Я попрошу вернуться къ тому періоду, когда, по сказаніямъ живыхъ его свидѣтелей, стариковъ и старухъ, имѣющихъ по 70 слишкомъ лѣтъ, строились курныя избы со вдѣланными въ оконцахъ, вмѣсто стеколъ, пластинками слюды, а крестьянство упомянутой выше волости обходилось въ домашнемъ обиходѣ «самотканщиной» [2]). Ткались сукна, холсты, скатерти, рукотерники (полотенца) и проч. Ткацкія издѣлія этого рода всюду встрѣчаются, на ряду съ покупными, въ настоящее время; на смѣну износившимся являются ежегодно новыя партіи, тщательно приготовляемыя руками крестьянокъ; но въ старину они были, можно сказать, единственными продуктами, которыми удовлетворялись нужды семьи въ отношеніи бѣлья и верхней одежды. Мужики и парни того времени носили собственнаго холста рубахи и шаровары; женщины холщевыя же рубахи, юбки и платки; даже голяшки къ чиркамъ пришивались холщевыя [3]), не говоря уже о скатертяхъ и т. п. вещахъ, приготовлявшихся изъ льняной или посконной пряжи.

Шаровары, кстати сказать, кроившіяся всего до колѣнъ, гдѣ схватывались «подвязками», имѣвшими видъ тесемокъ простыхъ или «браныхъ»

---

[1]) Въ 1890(?) году отъ нея отдѣлилось нѣсколько селъ и деревень, составившихъ самостоятельную волость, именуемую Шарыповской.

[2]) Я слышалъ, м. пр., разсказы про старину отъ усусрской старушки Елены Ананьиной, имѣвшей отъ роду 105 лѣтъ, когда я свелъ знакомство съ нею въ 1889 г.; она уже не могла ходить, все лежала, хотя, надо сказать, за четыре—пять мѣсяцевъ до этого, еще пряла, будучи уже слѣпой; въ слѣдующемъ 1890 г. она умерла на 106 году своей жизни. Въ юности своей, говорила она, жила въ курной избѣ.

[3]) Крестьянская обувь; вмѣстѣ съ кожаными голенищами составляютъ извѣстныя сибирскія бродни.

(узорчатыхъ), обязательно макырились, рѣдко когда «печатались» заѣзжими набойщиками; макырились—чернились—«нарукавники» съ пришитымъ передникомъ, всегда надѣвавшіеся бывало женщинами поверхъ рубахи, когда требовалось управляться по дому, точно также какъ и «кабатуха»—одна глухая, безъ передника, гладкая кофточка съ узкими рукавами; юбки макырились или зеленились и сандалились, какъ и платки головные, представлявшіе изъ себя четыреугольный кусокъ обыкновеннаго или узорчатаго холста. «Попаны», «возуси», «чимбура» (повода) и «перевязи» [1]), какими тогда убирались лошади «свадебныхъ поѣздовъ», ткались и «перебирались» [2]) шерстью или бѣлью [3]), окрашенными марѣной, зеленицей и другими красящими растеніями. Только шерсть, предназначавшаяся для выдѣлки однорядокъ, шабуровъ [4]) и онучь, перерабатывалась, какъ и теперь перерабатывается въ ея естественномъ видѣ.

Въ годовые праздники и въ дни свадебъ будничныя бѣлье и одежда замѣнялись тѣми, кто имѣлъ, конечно достатокъ лучшими, покупными. Надѣвались рубахи льнянаго холста «реоретомъ» убранныя, подобно малороссійской мережкѣ, поверхъ мужиками и парнями «жилеты» съ высокимъ воротомъ и «камзолы» (безрукавки) изъ плису шитые, халаты суконные; женщины и дѣвушки одѣвали «сарафаны» китайчаты или бахтовы [5]), «тѣлогрѣйки», «шугай» съ полукруглымъ воротомъ, «фурмы» шелку перуанаго или гранатураго [6]), «епанчи» [7]); шеи повязывались шелковыми косынками, на голову дѣвушка надѣвала «колпакъ» бѣлевой [8]), женщина «повойникъ» [9]) «безументомъ»,—мишурными цвѣтками,—убранный; на ноги обувались «ва-

---

[1]) Браными попонами покрывались вершнія (верховыя) лошади, на которыхъ впереди поѣзда ѣхали дружко съ полудружьемъ; перевязи—бѣлевыя или шерстяныя покромки, привязывавшіяся отъ дуги къ (?)

[2]) За отсутствіемъ въ то время [illegible] ([illegible] для ногъ у [illegible]), значительно облегчающихъ трудъ тканья, узоры браныхъ предметовъ приходилось «перебирать» передъ бердомъ руками съ помощью «иголокъ» (деревянныя гладко остроженныя палочки); отъ корня «брать»—самыя издѣлія тканья получили названіе «браныхъ». Этимъ терминомъ и теперь обозначаются подобныя вещи.

[3]) Льняная пряжа.

[4]) Верхняя одежда—одна зимняя, другая лѣтняя; сукно для однорядки ткется изъ овечьей (черной всегда) шерсти: утокъ и основа шерстяные; для шабуровъ сукно только протыкается шерстянымъ уткомъ основа же посконна; иногда въ шутку шабуръ называется «черезъ нитку проклятый», вмѣсто протканный.

[5]) Названіе матерій.

[6]) Фурма—родъ юбки.

[7]) Зимняя шубка, китайкой или шелкомъ покрытая.

[8]) Вязался изъ нитокъ бѣли длиной отъ 3/4 до 1 арш.

[9]) Покупныя туфельки, расшитыя по сафьяну, съ высокими каблуками, но безъ задниковъ.

варетки» [1]) и надѣвались чулки «кроены» (сшитые), мареной окрашенные и проч. въ этомъ родѣ [2]). Словомъ, даже праздничный нарядъ сибиряка и сибирячки того времени включалъ въ себѣ тотъ или иной предметъ собственнаго издѣлія, выдающійся, конечно, своимъ ли узоромъ или окраской.

«Крашенье» домашними средствами пряжи и холста въ описываемое время находилось въ тѣсномъ соотношеніи съ домашнимъ ткацкимъ производствомъ, было его одною общераспространенною и характерною частью. Красящими веществами всегда служили одни лишь растенія, списокъ которыхъ, какъ общеупотребительныхъ, и привожу ниже. Здѣсь же предварительно постараюсь изложить самые способы производившагося крашенья, основываясь на свидѣтельствѣ усурянки Н. Ананьиной.

Крашенье.

Мареной. Предварительно готовилось квасило: ржаная мука разводилась въ кадочкѣ теплой водой и заквашивалась дрождями; въ него клались зеленица и немного марены; полумотья шерстяной или бѣлевой пряжи оставлялись въ немъ кваситься двѣ ночи; послѣ этого пряжа споласкивалась, сушилась, пересыпалась толченой мареной и опускалась въ кипящій отваръ одной марены, но не на долго. Этимъ и заканчивалось крашеніе. Полумотья высушивались и употреблялись въ дѣло какъ утокъ, который сучится на цѣвку челнока; мареной окрашивалось также сукно, ткавшееся изъ бѣлой овечьей шерсти для «красныхъ» чулокъ.

Зеленицей. Ею холстъ окрашивался въ зеленый цвѣтъ. Если требовалось желтить, то варилась зеленица вмѣстѣ съ серпухой и жаркими цвѣтками; въ общій отваръ опускался узелокъ съ золой. Пряжа и холстъ квасились въ немъ двое сутокъ.

Макыромъ. Передъ тѣмъ какъ «чернить»—макырить, варилась груздяная вода съ березовымъ дубомъ; въ этомъ отварѣ холстъ или пряжа квасились двѣ-три ночи; потомъ сушились и макались уже въ горячемъ отварѣ макыра, который сначала отдѣльно парился въ горшкѣ въ печи цѣлые сутки и, вылитый въ кадочку, снова кипятился накаленными камнями [3]).

---

[1]) Предметы сибирской старины Усурской волости имѣются въ этнографическомъ отдѣлѣ Минусинскаго Мѣстнаго Музея. См. „Отчетъ по Минусинскому Мѣстному Публичному Музею за 1888 годъ". „Восточн. Обозр.„ №№ 15—16, 1889 г.

[2]) Въ селѣ Ходачинскомъ, Енисейскаго округа, мнѣ передавала Марина Лыткина, 79 лѣтняя старуха, подобное же описаніе старинно-сибирскихъ бѣлья и одежды. Шушуны и тѣлогрѣйки и сейчасъ сохранились у старухъ.

[3]) Зеленились платки и юбки; корешками,—собирали на болотѣ,—чернились юбки, кабатухи, шаровары. М. Лыткина.

Серпухой. Изъ нея готовится отваръ; въ немъ красится холстъ и пряжа; если окраска выходитъ блѣдной, то окрашиваемые предметы держатся въ новомъ отварѣ, пока онъ не остынетъ.

Лиственничимъ дубомъ. Свѣжій или сушеный кладется въ горшокъ съ водой и парится въ печи всего ночь; отваръ выливается въ кадочку и кипятится горячими камнями; въ немъ держатъ пряжу, пока не остынетъ вода.

Сандаломъ. Изъ него готовился отваръ, которымъ обливались холстъ и пряжа, оставлявшіяся мокнуть въ немъ, пока не остынетъ отваръ.

Съ появленіемъ въ продажѣ сперва кубовой краски, значительно позднѣе фуксина [1]), представилась возможность замѣнить ими красящія вещества растительнаго царства, одинъ сборъ которыхъ доставлялъ не мало затрудненій и хлопотъ крестьянкамъ, домашними и другими условіями деревенскаго быта поставленнымъ въ необходимость бывало ходить отыскивать и рвать травы, копать коренья, промывать и сушить, чтобы сдѣлать годными къ дальнѣйшему употребленію. Съ помощью фуксина крашенье пряжи производится проще и потому занимаетъ мало времени [2]). Кубовая окраска холста нѣсколько приглянѣе на видъ черненаго макыромъ, прочнѣе и не такъ марка сравнительно съ желтой и зеленой окраски травами, обходится сравнительно дешево всего на аршинъ 3—5 коп., если даже отдавать кубить «кубелкамъ» [3]). Оттого кубленый холстъ сталъ предпочитаться, самое кубленье мало по малу вытѣснило первобытное крашенье растеніями. Оно примѣняется теперь въ самыхъ простыхъ случаяхъ, когда надо, напримѣръ, выткать опояску или требуется утокъ для тканья половиковъ [4]), а дранья,—старыхъ ситковыхъ рубахъ и проч., нынѣ замѣняющаго окрашенную пряжу, не хватаетъ. Оно пришло къ своему естественному концу и обречено на совершенное забвеніе, какъ многое другое, изготовляемое крестьянскими руками, въ силу вліянія постороннихъ факторовъ, надвигающихся съ запада, измѣняющимъ образомъ дѣйствующихъ на нравы и потребности сибиряковъ. Самое кубленье, занявши господствующее положеніе, когда нибудь уступитъ мѣсто иному красильному производству, основанному на иныхъ началахъ, способныхъ подчинить себѣ кустаря, изъ самостоятельнаго, технически-многосторонне свѣдущаго, произво-

---

[1]) Марина Лыткина говоритъ, что сама была кубелкой и научилась кубленью, будучи дѣвушкой, отъ родственницы, пріѣзжавшей гостить съ верховья р. Енисея, - приблизительно 50 слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Фуксинъ сталъ продаваться не позже 10—15 лѣтъ.

[2]) Золотникъ фуксина, распускаемый въ шкаликѣ водки, выливается въ 1/2 вед. кипятка; красится имъ шерстяная пряжа для чулокъ, опоясокъ, вожжей и бѣлевыя нитки.

[3]) Масторицы, принимающія посторонніе заказы.

[4]) Дорожки, которыми устилаются въ избахъ полы.

дителя сдѣлать, въ лучшемъ случаѣ, пассивнымъ потребителемъ внѣ дома наготовляемыхъ продуктовъ, или перетащать къ себѣ на фабрику и живую силу: превратить въ механическую часть товарнаго производства.

Кубленье [1]).

Наставляется въ зольницѣ щелокъ. Въ мѣдникъ, емкостью съ ведро, кладется двѣ пригоршни чистой березовой золы, горсть сушеной серпухи и ставится передъ огнемъ кипятиться; послѣ чего содержимое мѣдника сливается въ кадочку, имѣющую внутри сѣтку изъ рѣденькаго холста, предназначенную для задержанія золы; такихъ мѣдниковъ кипятится съ одинаковыми пропорціями золы и серпухи по 5 и 6, когда и болѣе, смотря по вмѣстительности зольницы; щелоку дается время отстояться. Если успѣють, то въ тотъ же день, иначе на слѣдующій замѣшиваютъ три колобочка изъ просѣяннаго осиноваго пепла одинаково, если бы то замѣшивалась глина,—на одной тепленькой водѣ, розминая мѣсиво руками; колобочки кладутся на ночь въ печь, гдѣ закаляются ровно камушки. Тогда приступаютъ къ приготовленію краски. На дно чугунки кладется тонкій слой золы, на нее мѣшочекъ изъ рѣденькаго холста съ кубовой краской, сверху надавливается камнемъ, посыпается новымъ слоемъ золы; чугунка доливается теплой водой и ставится въ печь, гдѣ краска парится до утра. На утро «наставляется» кубъ [2]). Щелокъ, постепенно сцѣживаемый черезъ чепикъ, черпается изъ корыта, въ мѣдники, кипятится и сливается въ кубъ [3]); передъ послѣднимъ мѣдникомъ краска растирается, не вынимаясь изъ мѣшечка, въ собственномъ щелокѣ, съ которымъ выливается въ кубъ и тщательно размѣшивается веселкой [4]); туда же опускаются три колобочка размоченныхъ въ щелокѣ и кое-какъ размельченныхъ. Вечеромъ «смотрятъ», готовъ ли кубъ; въ краскѣ мочутъ кусочекъ холста, если возьмется съ двухъ-трехъ разъ — окубится, лучшаго приготовленья и не требуется.

Начинаютъ «ходить» холстъ. Часть стѣны холста (въ 8—10 арш. бываетъ) развертывается въ кубѣ и перебирается пальцами рукъ, не допуская, чтобы онъ потонулъ; а намокнетъ, выбирается на бортъ куба; также поступается съ остальной частью стѣны; первая между тѣмъ складывается

---

[1]) Объясненія Н. А—ной и М. Л—ной тожественны.

[2]) Деревянный чанъ аршина 1½—2 вышины съ узкимъ дномъ и расширеннымъ верхомъ.

[3]) Въ него передъ этимъ вливается „приголовокъ“,—горсть просѣянной ржаной муки, заквашенной въ небольшомъ горшечкѣ дрождями хорошаго качества.

[4]) На ¼ фун. краски чтобы было ведеръ 5 щелока.

тутъ же въ сѣяльницѣ [1]), чтобы собрать стекающую краску; послѣ чего холстъ развѣшивается на солнцѣ, если кубленье производится весной или лѣтомъ, зимой сушится въ избѣ; и когда высохнетъ, ходится и сушится вторично; такъ до трехъ разъ, если желаешь окубить, какъ слѣдуетъ; передъ каждымъ разомъ краска взбалтывается веселкой. Пряжа кубится особо: посконная одинаково съ холстомъ; шерстяная опускается на ночь на дно куба, привязанной къ камешку, чтобы не всплывала; передъ кубленьемъ вынимается; нитки—пришитыми къ холсту.

«Пока три раза походишь, день пройдетъ». Утромъ подогрѣвается кубъ: его щелокъ кипятится, достаточно двухъ мѣдниковъ, да подливается свѣже-согрѣтаго изъ зольницы. «Три раза походишь, до трое подогрѣваешь кубъ; въ остаткахъ чернишь другую партію,—такой холстъ окубится съ двухъ разъ». Четверти фунта считается достаточнымъ окубить 50—60 арш. холста, да столько же очернить на первый рядъ. Для новой партіи, въ томъ же щелокѣ куба, къ которому подливается, по предыдущему, свѣжій, разводится новая порція краски.

Суевѣріе.

Чтобъ обезпечить успѣхъ кубленья, говоритъ Лыткина, обязательно слѣдуетъ въ кубъ налить немного воды, опустить три накаленныхъ камешка и накрыть, чтобы попарился, оставшейся водой хорошенько ополоскать внутри, затѣмъ, опрокинувъ кубъ, окурить богородской травой и, ударяя по немъ голикомъ наговаривать до трехъ разъ:

«Какъ бѣлую березу солнцемъ не печетъ, морозомъ не беретъ, такъ и мой кубъ чтобы не брали ни уроки, ни призоры отъ дѣвицы простоволосой, отъ бабы долговолосой, отъ мужика-колдуна».

Будьте мои слова крѣпки-лѣпки».

Передъ тѣмъ, какъ вливать приголовокъ слѣдуетъ вынуть изъ печи го-

[1]) Деревянная посуда на подобіе корыта, употребляемая женщинами для высѣва въ нее муки.

Примѣчаніе. Посконная и льняная пряжа должна быть заранѣе „золена“: она мочится въ горячей водѣ, пересыпается золой и завернутая въ половики держится на печи отъ двухъ до трехъ сутокъ; льняная впрочемъ меньше: потомъ полощется и выколачивается вальками на рѣкѣ. Сушится или вымораживается.

Шерстяная только полощится въ холодной водѣ и сушится.

Холстъ долженъ быть бѣленымъ, что достигается путемъ частаго полосканья, выколачиванья вальками и просушиванья на солнцѣ.

ловню, оббивъ огонь, зажатой въ щемилѣ держать въ кубѣ, пока не проговоришь три раза:

«Какъ отъ головни отлетаютъ огненныя искры, такъ пусть и отъ моего куба отлетятъ всѣ уроки и призоры отъ дѣвки простоволоски, отъ бабы долговолоски, отъ мужика-колдуна».

Будьте мои слова крѣпки-лѣпки».

Если краска почему либо не льнетъ къ холсту, значитъ кубъ изурочили. Лечатъ наговоромъ отъ урока.

Порча. Стоитъ опустить въ кубъ комочекъ мыла, краска не станетъ браться на холстъ; одно остается вылить ее, кубъ тщательно вымыть, выпарить и налить свѣжаго щелоку и краски.

Красящія растенія.

Грузди. Вода, въ которой ихъ мочатъ передъ посоломъ, употребляется при черненьѣ макыромъ.

Растутъ по дубровамъ.

Зеленица. Даетъ зеленоватую окраску, употребляется при крашеньѣ мареной.

Таежное растеніе.

Жарки-цвѣтки (Trollius asiaticus L.). Вмѣстѣ съ зеленицей служитъ для желтенія. Даетъ блѣдно-желтую окраску.

Растетъ по сырымъ мѣстамъ.

Лиственничный дубъ. Даетъ грязно-коричневую окраску.

Березовый дубъ. Служитъ для черненья макыромъ.

Тальниковый дубъ. Употребляется для дубленія кожъ и овчинъ.

Гнилушки. Остатки истлѣвшей березы употребляются для дымленія нагольныхъ шубъ; средство равносильное дубленію. Чугунка съ горячими углями и кусками гнилушекъ ставится въ кадочку; надъ ней подвѣшивается сшитая шуба, вывернутая мездрой внутрь и хорошенько расправленная, чтобы не было морщинъ, дымокуръ можетъ не хватить и такимъ образомъ испестрить шубу; полы запихиваются въ концы рукавовъ, распяленныхъ на палкѣ, какъ и въ воротъ запихиваются пучки соломы. Дымокуръ поддерживается цѣлый день; къ вечеру шуба одымится, если предусмотрѣны всѣ случайности.

Луковое перо. Служитъ для окраски яицъ.

Макыръ (Polygonum Bistorta L.). Даетъ черную окраску. Корни полощутся и просушиваются.

Растетъ по дубровамъ.

Марена (Galium verum L.). Копается по дубровамъ или собирается готовой, когда боронятся перелоги [1]); корешочки прополаскиваются и сушатся. Цвѣтъ окраски марены почти малиновый. Къ шерсти худо пристаетъ.

Серпуха (Serratula coronata L.). Даетъ блѣдно-зеленую окраску. Растетъ по дубровамъ.

Сандалъ. Окрашиваетъ въ бурый цвѣтъ.

Сѣнная труха. Въ ней красятся яйца.

А. Макаренко.

С. Качинское,
Енис. окр.

---

[1]) Залогъ или залежъ, на которой сѣялся одинъ хлѣбъ.

О красильномъ искусствѣ у латышей.

Два, три года тому назадъ, нынѣшній вице-предсѣдатель Литературнаго Отдѣленія при Митавскомъ Латышскомъ Обществѣ, г. Скрузитъ, былъ командированъ Рижской Латышской Научной Коммиссіей въ разныя области Латышскаго края для изслѣдованія и пріобрѣтенія національныхъ костюмовъ для Музея при Рижскомъ Латышскомъ Обществѣ.

Порученіе это было выполнено съ успѣхомъ. Пріобрѣтенные имъ за счетъ Коммиссіи костюмы были выставлены на особо заказанныхъ для этого манекенахъ въ Латышскомъ Національномъ Музеѣ въ Ригѣ.

Особенно красивые костюмы были встрѣчены г. Скрузитомъ въ Руцавѣ, Бартавѣ и Нійцѣ. Здѣсь, въ югозападномъ углу Курляндіи, омываемомъ съ запада Балтійскимъ моремъ и отдѣленномъ отъ остальнаго края съ востока обширными лѣсами и сѣверозападными склонами балтійскихъ возвышенностей путешественника невольно поражаетъ разнообразіе и пестрота женскихъ костюмовъ.

Особенное разнообразіе замѣчается въ краскѣ матерій, — почти каждая волость имѣетъ свои излюбленные цвѣта.

Красильное искусство уже съ древнихъ временъ было извѣстно Латышамъ. Это подтверждается отчасти названіями красокъ, отчасти народными пѣснями.

Для приготовленія красокъ извѣстныя части опредѣленныхъ растеній высушиваются и превращаются въ порошокъ, который обливается кипяткомъ. Полученный такимъ образомъ экстрактъ подвергается 3-хъ дневному, а иногда и болѣе долгому броженію, иногда вмѣстѣ съ пряжей или матеріей. При этомъ часто прибавляется, въ качествѣ дрожжей, хлѣбъ, крупа и проч.

Г-ну Скрузиту удалось собрать нѣсколько сохранившихся до сихъ поръ и примѣняемыхъ до нынѣ рецептовъ крашенія.

Красный цвѣтъ весьма распространенъ и добывается изъ Origanum vulgare душицы простой (raudas, sarkanes), прибавляя листьевъ яблони Pyrus malus; кромѣ того красная краска добывается изъ корней Galium подмаренника (maranas); красная краска съ оранжевымъ оттѣнкомъ добывается изъ мха (лишая?), растущаго на камняхъ.

Для издѣлій изъ дерева эта краска получается изъ корня завязника

Tormentilla (reteji), а также изъ корня (Alnus glütinosa) обыкнов. ольхи (alksnis).

Желтая краска добывается:

1) Изъ рѣпника (Agrimonia eupatorium)—sſkidadzi (говорятъ, что этотъ цвѣтъ отличается особенною красотою);

2) изъ листьевъ березы berze—(Betula alba);

3) изъ листьевъ яблони—àbeļkuoks (Pyrus malus);

4) изъ плауна (Lycopodium);

5) изъ болиголова—sunu stuobri (Conium maculatum);

6) изъ осоки (Carex praecox);

7) изъ пупавки—pípenes (Anthemis tinctoria);

8) изъ львиной лапы—kazu sàles (Alchemilla vulgaris);

Зеленая краска: добывается изъ скабіозы (Scabiosa succisa), Чортовый обгрызокъ—kazumèles причемъ вынутая изъ красильной жидкости пряжа подвергается извѣстной манипуляціи съ мелкимъ пепломъ въ хорошо согрѣтомъ помѣщеніи.

Этотъ зеленый цвѣтъ имѣетъ довольно сильный желтый оттѣнокъ, какъ вообще зеленыя нитки на старыхъ вышивкахъ показываютъ сильно желто-зеленую краску.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ красильныхъ веществъ мы должны заключить о весьма древнемъ знакомствѣ красильнаго искусства у Латышей.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько безуспѣшныхъ опытовъ нужно было сдѣлать, чтобы, безъ малѣйшихъ познаній въ химіи, наконецъ разузнать, что примѣшивая содержащія крахмалъ вещества (хлѣбъ, крупу etc.), вслѣдствіе броженія происходитъ алкоголь, превращающійся, съ одной стороны—въ уксусную кислоту а съ другой стороны, дающій красящую спиртовую вытяжку.

На весьма давнее прошлое указываетъ также примѣненіе душицы (Origanum vulgare). Латыши называютъ это растеніе «Sarkanēs» или «raudas». Первое названіе происходитъ отъ Лат. «sarkans»—красный, второе также часто употребляемое Латышами для означенія Origanum vulgare, отъ Литовскаго «rauda», означающаго красный цвѣтъ вообще и красную пряжу въ особенности. Это слово сохранилось у Латышей несомнѣнно еще съ тѣхъ временъ, когда Латыши и Литовцы составляли еще одинъ народъ и говорили однимъ языкомъ.

Г. А. Виссендорфъ.

ТАВРЕНЬГА
Вельскаго уѣзда.

Этнографическій очеркъ.

(Окончаніе).

Жилища, одежда и пища.

а) Жилища.

Какъ самыя жилища въ отдѣльности, такъ и расположеніе ихъ въ цѣломъ селеніи въ данной мѣстности, какъ впрочемъ и во всемъ Вельскомъ уѣздѣ, рѣзко отличается отъ жилищъ и селеній прочихъ сосѣднихъ мѣстностей Кадниковскаго и Тотемскаго уѣздовъ. Тамъ строились и строятся до сихъ поръ такъ, какъ и кому взбрело въ голову, не заботясь объ общемъ планѣ селенія. Здѣсь не то. Стоитъ только въѣхать въ Вельскій уѣздъ и сразу же замѣчается, что чья то властная рука руководила всѣми этими постройками и планировкою. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь селенія расположены во 1-хъ всегда около какой нибудь рѣки или рѣчки, и дома разставлены въ два порядка съ широкою улицею по срединѣ, что въ Кадниковскомъ уѣздѣ рѣдко встрѣтить, во 2-хъ строятся дома обязательно одноэтажные, съ подваломъ внизу для мелкаго скота (овецъ, телятъ и т. п.). Правильной планировкою селеній жители Вельскаго уѣзда обязаны Удѣльному вѣдомству, въ прежнее время понуждавшему населеніе къ этому, какъ и къ однообразному типу построекъ. Селенія здѣсь небольшія: наибольшая деревня—Вельцевская—имѣетъ всего 60 дворовъ; расположены они, какъ уже сказано, около рѣкъ и рѣчекъ, да еще около проселочныхъ дорогъ, а по бокамъ селеній тянутся безконечные лѣса.

Дома или вѣрнѣе сказать «хоромы» строятся здѣсь, благодаря изобилію лѣсовъ, большіе: по лицу 5—6 саж, а въ длину со дворомъ до 12 саж. Окна въ домахъ бываютъ всегда о 6-ти стеколъ, хотя и небольшихъ (исключеніемъ служитъ лишь Ширыханово, гдѣ ужасно бѣдная постройка и вмѣсто стеколъ нерѣдко торчатъ тамъ бычачьи пузыри въ крошечныхъ рамкахъ). При входѣ въ ворота хоромъ первое, что бросается въ глаза, это — лѣстница на верхъ, устраиваемая очень круто, въ верху, направо отъ лѣстницы слѣдуетъ дверь въ общую комнату—«большая изба»—изъ общей на лѣво слѣдуетъ дверь въ особую комнату «горницу или «шоношу», такъ сказать по мѣстному, есть если въ домѣ дѣвица невѣста. Въ переднемъ углу большой избы находится полка («нодоконникъ»), гдѣ обыкновенно помѣщаются св. иконы. Вмѣсто стульевъ лавки изъ толстаго теса, на верху, надъ лавками полавошники, на лѣво возлѣ дверей, ведущихъ въ особую комнату помѣщается печка—пекарка, въ большинствѣ случаевъ сбитая изъ глины, а не изъ кирпича, складенная, у печки придѣлываются «сощекъ» (предпечье, а по бокамъ его слѣдуютъ «печушки». [1]) Около печки устраиваются «воронцы», [2]) а затѣмъ „полати» (нары) для спанья

---

[1]) Печушка—небольшое углубленіе въ печи, для просушки чего-либо.
[2]) Воронцы—пазки для кринокъ и проч. утвари.

болѣе престарѣлымъ членамъ семьи, молодые же спятъ прямо на полу, разославши соломенный коверъ (щитъ). Что же касается горницы, то печка устраивается тамъ всегда изъ кирпича и обязательно «лежанка», дабы можно было со временемъ полежать на ней, погрѣться, оттого и называется лежанкой, помѣщается она въ заднемъ углу горницы. Такая горница раздѣляется иногда заборкою, въ которую вдѣлывается небольшой шкафикъ для посуды. Въ задней половинѣ, за заборкою, позволяется спать лишь взрослой дѣвицѣ или парню, смотря потому, кто изъ нихъ есть въ семьѣ, остальные же члены семейства не спятъ тамъ.

Это такъ называемые «передки», предназначаемые для житья лѣтомъ и осенью, для зимы же устраиваются гдѣ-либо съ боку «передка» «зимовки», о которыхъ мы тоже считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. Зимовка ничто иное, какъ простая, низкая изба, гдѣ и полъ настилается прямо на землю; окна въ зимовкѣ бываютъ маленькія, о два стеклышка только. Главная цѣль и достоинство зимовокъ, чтобы было въ нихъ тепло, а потому и устраиваютъ ихъ не болѣе, какъ на 4-хъ саженяхъ въ длину и ширину, съ большою печкою пекаркой посреди избы [1]) Такія зимовки имѣются почти у каждаго крестьянина въ Тавреньгѣ, лишь въ Ширыхановѣ ихъ нѣтъ, такъ какъ тамъ и передки ничто иное, какъ тѣ-же зимовки.

Назади передка устраивается взъѣздъ, по которому возятъ на сарай кормъ для скота, около взъѣзда—клевы (хлѣвы) для зимняго помѣщенія скота, затѣмъ хлѣбный амбаръ и погребъ.—Посреди деревни, хотя бы она стояла на самомъ берегу рѣки или рѣчки, обязательно устраивается колодезь, откуда берутъ воду для скота.

Вся домашняя утварь, какъ и обувь, большею частью дѣлается здѣсь изъ березовой коры (лыка), исключая, конечно, горшковъ, кринокъ, дѣлаемыхъ изъ глины, и квашни, кадулекъ, кадцей—дѣлаемыхъ изъ дерева. Изъ лыка дѣлаются: лукошко для муки, солоники, чашки, пестери для ношенія на плечахъ пищи, зобеньки, корзинки, хлибницы (дорожная корзинка для пищевыхъ продуктовъ), бурешки (буракъ) и т. п. [2]).

Изъ земледѣльческихъ орудій извѣстны здѣсь: соха, борона, коса, серпъ, грабли, вилы для складыванія сѣна въ промины [3]), молотилы (цѣпъ), пѣха, отдавалка [4]), крюкъ навозный и вилы.

Изъ экипажей, употребляемыхъ въ данной мѣстности, упомянемъ слѣдующіе: а) лѣтняя телега для возки навоза, на ней же и выѣзжаютъ куда-либо не далеко, одрецъ для возки сноповъ съ поля, волочни для возки бревенъ. У богатыхъ крестьянъ въ числѣ лѣтнихъ экипажей, имѣются и тарантасы, но, по устройству своему, они ни чѣмъ не отличаются отъ тарантасовъ другихъ мѣстностей, поэтому мы и не будемъ о нихъ говорить. б) Что касается зимнихъ экипажей, то они представляютъ больше разнообразія, нежели лѣтніе; прежде всего упомянемъ здѣсь о пошовнихъ. «Пошовни,»—небольшія сани, внутри обитые лубомъ; ѣздятъ на нихъ или въ гости куда-либо или въ церковь — только; затѣмъ слѣдуютъ розвальни, которыя по устройству сходны съ пошовнями, съ тою лишь разницею, что розвальни обиваются не лубомъ, а сосновой дранью, да еще тѣмъ, что бываютъ пошире, с ъ р о з в а л о м ъ; возятъ на нихъ какую нибудь кладь. — Бревенки,—сани для возки бревенъ, какъ показываетъ и самое названіе; дровни,—сани для возки дровъ или сѣна [5]); водовозки, — для возки воды. Въ заключеніе зимнихъ экипажей упомянемъ еще о подсанкахъ: подсанки—небольшія сани-салазки, употребляемыя тоже при возкѣ бревенъ. Дѣло въ томъ, что на бревёнки кладется конець бревна, а вершина волочится при этомъ такъ по дорогѣ, и если далека перевозка, то отчасти стирается, дѣлается не круглою, во избѣ-

---

[1]) Печки въ зимовкахъ устраиваются почту всегда курные, безъ трубы.

[2]) Образцы этихъ издѣлій а равно и модели строеній—прилагаются. Отправлены въ музей Имп. Академіи Н. Ред.

[3]) Промина—небольшой стожокъ сѣна.

[4]) Отдавалка—длинная палка для подбрасыванія сноповъ при молоченьи.

[5]) Модели экипажей прилагаются. Тоже сданы въ упомятутий музей. Ред.

жаніе-то сего въ послѣднее время и придумали класть и вершину бревна на санки-салазки, отчего и дерево не портится, да и для перевозки легче.

б) Одежда.

Что касается одежды, то вся она большею частью состоитъ изъ домашняго сукна или холста, исключая лишь женской. Женщины въ послѣднее время стали шить свои наряды изъ покупныхъ матерій, причемъ первое мѣсто отводится кумачу. Вотъ главныя изъ одеждъ: Зимою мужчины для дороги имѣютъ овчинный тулупъ, а за неимѣніемъ его, бѣдные обходятся и халатомъ изъ домашняго сукна, называемаго «сукманина»; какъ тотъ, такъ и другой шьется съ большимъ воротникомъ. При «управѣ» около дому носятъ полушубки, которые шьются изъ мѣстныхъ овчинъ и покрываются холстомъ «рядниной». Въ праздники же носятъ «троеклинки»,— родъ сибирки, съ 3-мя складками назади.

Женщины въ зимнее время тоже носятъ такія же шубы, что и у мужчинъ, покрываемыя холстомъ, выкрашеннымъ синею краскою. Но при домашнихъ «управахъ» обходятся «пониткомъ» изъ грубаго холста или длинною кофтой изъ сукманины. Что же касается праздничной одежды въ зимнее время у женщинъ, то одѣваютъ онѣ, идучи куда-либо на празднованіе дня или въ церковь, обязательно «холодникъ», который у богатыхъ шьется изъ покупнаго сукна, а у бѣдныхъ изъ своего издѣлія. Одежда дѣвицъ зимою для выхода куда-либо въ праздники состоитъ изъ пальто, покрытаго у богатыхъ сукномъ, у бѣдныхъ какимъ нибудь казинетомъ; дома же дѣвицы обходятся кофтою изъ кумача, по подолу которую оторачиваютъ бѣлымъ суташемъ или коленкоромъ. Платья почти не носятъ въ Тавреньгѣ, а имѣются болѣе сарафаны, которые бываютъ изъ весьма разнообразной матеріи: изъ кумача, ситца, канауса, штофной матеріи и домашней сукманины.

Лѣтомъ и осенью мужчины носятъ въ будни—«балахонъ» изъ холста (шьется въ видѣ шлафорка) для выхода, а въ праздники сибирки изъ покупнаго или домашняго сукна, или же «подоболоцки» (родъ пиджака) изъ холста, выкрашеннаго кубовою краскою; въ праздники женщины и дѣвицы изъ верхней одежды носятъ въ это время кофты изъ казинету, которыя бываютъ иногда и безъ рукавовъ, какъ напр. «коретейки». Кромѣ кофтъ шьются женщинами и «повятушки», отличающіяся отъ кофты тѣмъ, что не имѣютъ сзади таліи и боровъ (складокъ) и шьются всегда изъ ситца или кумача. Въ будни лѣтомъ дѣвицы обходятся дома однимъ сарафаномъ изъ холста или домашняго сукна, выкрашеннаго полосками въ разные цвѣта: красный, синій, бѣлый и желтый. Рубашки въ будни какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ обязательно изъ домашняго холста, но въ праздники надѣваютъ ситцевыя или кумачныя, хотя не всюду: въ Ширыхановѣ, напр., ситцевыхъ рубашекъ почти не существуетъ. Кромѣ того въ Ширыхановѣ дѣвицы, а равно и молодыя женщины шьютъ себѣ еще «казачки». Казачекъ—это родъ кофты, имѣющей назади три большія складки и «для красы» 3 пуговицы; по подолу обшивается онъ бѣлымъ каленкоромъ, а чаще своимъ полотномъ, но въ узенькую полоску— 1 вершокъ—и немножко повыше этой полоски нашивается еще суташъ въ два ряда. Шьются казачки всегда изъ кумача. Кофта же безрукавка или такъ называемая здѣсь «коротенька» шьется изъ плису, а галуны по ней бываютъ и серебряные; но, надо сказать, вслѣдствіе бѣдности населенія такія коретеньки въ послѣднее время стали въ рѣдкость и въ Ширыхановѣ, хотя ихъ тамъ особенно любили женщины.

Въ заключеніе я долженъ упомянуть здѣсь о «нарукавникахъ», носимыхъ всѣми крестьянами въ Тавреньгѣ. Нарукавники—это нѣчто въ родѣ длиннаго жилета, шьется онъ изъ какого нибудь пеньковаго трека (трико) или верблюжьяго желтаго сукна, своей сукманины и просто полотна, смотря по состоянію и по времени года; его назначеніе—согрѣвать грудь.

Изъ головныхъ уборовъ извѣстны здѣсь слѣдующіе: мужчины носятъ шапки,

которыя шьются изъ овечьихъ шкурокъ или изъ заячьихъ, а также и покупныя, большею частью «сажонки» подъ бобровый видъ. Для дороги или работы въ лѣсу служатъ «долгоушки» изъ шкуръ молодыхъ оленей. Лѣтомъ же всѣ носятъ картузы.— Женскіе головные уборы состоятъ изъ платковъ ситцевыхъ, холщевыхъ, кумачныхъ и гарусныхъ, а также повойниковъ, кокошниковъ и борушекъ. Повойники носятся большею частью молодыми замужними женщинами, а платки—дѣвицами.

в) Пища.

Въ пищѣ здѣсь большое разнообразіе, особенно осенью, когда наростутъ грибы или, выражаясь по мѣстному, губа, да поспѣютъ и мѣстные овощи—картофель, рѣдька и лукъ. Изъ одной рѣдьки тогда дѣлаютъ до 12 кушаній. Понятно, вся эта осенняя пища мало питательна, но и то хорошо, хотя бываетъ ея въ изобиліи. Не то зимою, а особенно весною и лѣтомъ, въ страдную пору, когда еще новый хлѣбъ не поспѣлъ, а старый уже съѣденъ у бѣдняковъ (напр. въ Ширыхановѣ) и купить не на что; говядины почти тоже ни у кого не бываетъ и овощи не поспѣли, а кругомъ работы по самое горло... Какъ смогаетъ бѣднякъ въ то время—лишь удивляться надо...

Зимою скоромный столъ у богатыхъ состоитъ изъ щей съ говядиной, молока кислаго или прѣснаго, картофеля въ корѣ; по праздникамъ прибавляется еще къ этому каша изъ ячменя и какіе нибудь пироги. У бѣдняка же рѣдко скоромныя щи и молоко, а большею частью овсяные, т. е, изъ овсяной крупы, затѣмъ кислое молоко, если оно имѣется, горохъ или грибы. Къ празднику пекутся пироги у всѣхъ. Постный столъ богатые разнообразятъ, кромѣ упомянутыхъ постныхъ щей, еще рыбой треской или сайдой, да соломатомъ на постномъ маслѣ. Рѣдька же, какъ и картофель подается въ постный день у тѣхъ и у другихъ, съ тою лишь разницею, что бѣдняки ѣдятъ ея безъ масла, тертую или изрѣзанную на мелко въ квасу, а богачи прибавляютъ туда ложки 2 еще постнаго масла для «скуса»,

Весною и лѣтомъ пища уже не такъ разнообразна, какъ зимою: богачи ѣдятъ по скоромнымъ днямъ щи, но изъ вяленой говядины, т. е. изъ солонины, высушенной на солнцепекѣ, а за щами слѣдуетъ молоко съ толокномъ и прибавивъ къ этому хлѣбъ, а въ праздники «житные» пироги, весь и столъ богача. Бѣднакъ же и этого не имѣетъ; онъ довольствуется по прежнему щами изъ овсяной крупы, сушеныхъ грибовъ, если они не всѣ еще съѣдены, да хлѣбъ наполовину овсяной—вотъ и все [1]); бываютъ въ праздники и у нихъ пироги, но не житные, а большею частью овсяные. Когда поспѣетъ лукъ (около 20 Іюня), тогда изъ луку дѣлаютъ нѣсколько «похлѣбокъ»: луковая трава съ квасомъ и солью, лукъ вареный и т. п. По постнымъ днямъ ѣдятъ богачи тоже самое, что бѣдняки по скоромнымъ; развѣ еще добавляютъ—сущомъ изъ сушеной трески или ершей, покупаемыхъ заблаговременно, еще зимою, къ сѣнокосному времени. Каша изъ ячной или пшеной крупы варится лишь во время самаго сѣнокоса, да и то далеко не всѣми и не каждый день.

Но если мы обратимся къ осеннему времени, то всѣхъ кушаній, какія бываютъ на крестьянскомъ столѣ (хотя не за разъ, конечно), и не пересчитаешь! Мы уже не будемъ говорить ни о постныхъ или скоромныхъ щахъ, а скажемъ лишь о тѣхъ изъ кушаній, что въ это время приготовляютъ изъ овощей. Возьмемъ, напр., картофель: его ѣдятъ и просто такъ, въ корѣ, ѣдятъ очистивши кору и изрѣзавъ на мелко съ масломъ, ѣдятъ толченый, смѣшавъ съ молокомъ и проч. А также и относительно рѣдьки и лука: ѣдятъ ихъ крошенными въ водѣ, въ квасу, ѣдятъ рѣдьку и тертою, съ масломъ и безъ масла, съ квасомъ и такъ, «голью». Изъ картофеля тертаго дѣлаютъ кашу, куда кладется еще толченое конопляное сѣмя, и смѣсь эта, получающая

---

[1]) Развѣ еще позволитъ себѣ поѣсть «тапушки;« тапушка—это смѣсь овсянаго толокна съ квасомъ.

впрочемъ, названіе каши, ставится въ печь не надолго и когда сверху немножко позажарится,—считается готовою. Изъ картофеля же дѣлается и «селянка», получающая свое названіе потому, что въ смѣсь тертаго картофеля и воды кладется еще нѣсколько штукъ яицъ, тоже для «скуса». Приготовляютъ кашу изъ молока и житной муки, и она носитъ въ этомъ случаѣ не очень лестное названіе—«розмазня». Каша дѣлается изъ всевозможнаго, даже изъ конопляного сѣмени, смѣшаннаго съ мукою, наконецъ, изъ рѣпы, и послѣдняя называется «рипницей». Изъ грибовъ варятъ супы, какъ изъ сырыхъ и просоленыхъ, такъ и изъ сушеныхъ, но искрошенныхъ намелко; послѣднее кушанье называется «губница».

Кромѣ перечисленныхъ кушаній, осенью, во время «дожинокъ», т. е. по окончаніи жатвы, дѣлаютъ еще «соломатъ». Соломатъ—самое лакомое блюдо во всей мѣстности, и дѣлается онъ такимъ образомъ: на водѣ (конечно кипяченой) замѣшивается густо толокно и, посоливши, кладутъ въ эту смѣсь скоромное масло, а затѣмъ и ѣдятъ ложками. Къ масляницѣ варятъ овсяной кисель, который ѣдятъ съ молокомъ и варятъ его въ огромномъ количествѣ, чтобы хватило на всю масленную недѣлю. Дѣлается еще такъ называемая «заварка»; это—смѣсь овсяной муки и кипяченой воды—и только. Къ святкамъ, надо еще сказать, дѣвицами варится брага, которою они и угощаютъ своихъ жениховъ. Брага приготовляется такъ: нальютъ въ горшокъ воды и замѣшаютъ туда овсяной и ржаной муки извѣстное количество, послѣ того горшокъ герметически закупориваютъ и ставятъ его на ночь въ печку. На утро разведутъ эту смѣсь еще водою и, прибавивъ немного хмѣлю, ставятъ горшокъ опять въ печку, только въ жарко топящуюся, дабы смѣсь эта прокипѣла и, когда она скипитъ, даютъ отстоять, а затѣмъ пьютъ ее стаканами и потчуютъ свою молодежь.

Относительно же пироговъ, то ихъ здѣсь тоже большое разнообразіе. Пекутся они изъ тѣста ржаного, овсянаго, житнаго, гороховаго или изъ смѣси разной муки. Начинка ихъ бываетъ рыбой (треской или палтусомъ), грибами, соломатомъ, капустой, рѣпой, лукомъ, картофелемъ и т. п.

Вотъ нѣкоторыя названія пироговъ: житники, приготовляемыя такъ: дѣлается изъ ржаной муки сочень и накладывается на него изъ ячной (житной) муки тѣсто; съ краевъ сочень защипывается, дабы не расползлось тѣсто и — пирогъ готовъ въ печку.

Коровашки,—простые пироги изъ какого нибудь тѣста.

Картофельныя поливахи приготовляются такъ: дѣлается обыкновенный пирогъ—коровашикъ и сверху поливается толченымъ и смѣшаннымъ съ молокомъ картофелемъ. затѣмъ и ставится въ печку. Также приготовляются и гороховыя поливахи. Всѣ пироги съ начинкою носятъ названіе по роду начинки, напр. если начинка состоитъ изъ грибовъ, то «губники», если изъ рѣпы—«рипники», изъ рыбы—трески—«тресковники» и т. д.

Что же касается такихъ печеній, что, только, по нашему мнѣнію, въ этой мѣстности и приготовляется, то слѣдуетъ упомянуть здѣсь о пирогѣ «калиткѣ», «хворосткѣ», «колобкѣ» и «шаньгахъ». Калитка приготовляется изъ «шастаннаго» тѣста [1]) и довольно значительныхъ размѣровъ—фунтовъ до 5-ти, средину же этого пирога наполняютъ соломатомъ. Ѣдятъ его въ какой-либо праздникъ и всею семьею вмѣстѣ. Хворостки—это соченьки изъ житной муки съ масломъ или сметаной. Колобки дѣлаются круглой формы изъ овсяной муки и поденья (оденокъ масла) или сметаны. Шаньги [2]) пекутся изъ житной муки и помазываются сверху масломъ, а если они приготовлены на поминовеніе родителей или вообще кого-либо изъ умершихъ родственниковъ, то помазываются снизу. Шаньги пекутся большею частью въ дни поминокъ или заговѣній.

---

[1]) Смѣсь ржаной, житной и овсяной муки.
[2]) Шаньги—алашки.

Преданія, городища и находки.

Преданій про старину, въ особенности про народъ, извѣстный подъ именемъ Чуди, очень много въ данной мѣстности; можно не преувеличивая сказать, что въ каждой деревнѣ есть свои преданія о Чуди и вамъ укажутъ гдѣ, собственно и жили они, укажутъ также и слѣды ихъ жилья. Изъ этого можно заключить, что Чуди были здѣсь аборигенами края и русское племя уже впослѣдствіи явилось сюда и вытѣснило ихъ далѣе на сѣверъ, въ «Корелу». По всѣмъ преданіямъ Чуди занимались хлѣбопашествомъ и главнымъ образомъ охотой на пушныхъ звѣрей, но рѣдко разбоемъ; вообще этотъ народъ былъ смирный, дружелюбный. Но такъ какъ край этотъ и въ настоящее время еще мало населенный, покрытый густыми, темными лѣсами, а въ то отдаленное время, понятно, былъ совсѣмъ непроходимый, дикій, то забѣгали сюда отъ преслѣдованія властей и жили нерѣдко настоящіе, «заправскіе» разбойники.

Такъ напр., по словамъ крестьянина дер. Зеленой, Черноусова, между деревнями: Лыцнымъ-Боровскимъ (Тавренгской волости) и Олюшиномъ (Морозовской волости) на половинѣ волоку—волокъ этотъ 22 вер.,—въ котловинѣ межъ двухъ большихъ по длинѣ своей горъ, въ прежнее время жили бѣглые солдаты числомъ 40 человѣкъ; занимались они разбоемъ и грабежемъ въ сосѣднихъ деревняхъ и награбленное имущество уносили въ этотъ логъ, который поэтому и въ настоящее время еще называется «разбойнымъ логомъ». Разбойники нерѣдко приносили туда вмѣстѣ съ награбленнымъ имуществомъ и молодыхъ женщинъ, случайно попавшихся имъ въ лѣсу или деревнѣ, но находившихся безъ защиты, и горе было тогда несчастной: ее держали тамъ, въ логу, по 2—3 недѣли и до того замучивали, что еле живую выпускали оттуда, предварительно взявши съ нея клятвенное обѣщаніе не открывать ихъ жилища (впрочемъ, часто завязывали глаза ей, чтобы она и сама не знала куда ее тащатъ) и причины своего отсутствія своему мужу, отцу и т. п., а сваливала бы это на черта, лѣшаго, что онъ де водилъ меня по лѣсу. Не исполнившей этого наказа грозила смерть. Въ этомъ логу, въ горѣ сдѣланъ былъ у нихъ поселокъ,—нора который сверху былъ покрытъ камнями, а дымъ отъ печки былъ проведенъ въ дупло громаднѣйшей осины, дабы онъ разсѣевался въ высотѣ и съ земли не былъ бы виденъ. Поселокъ ихъ никому не былъ извѣстенъ, кромѣ одного крестьянина, по фамиліи Мякшикова, о которомъ будетъ рѣчь впереди. Когда «наши» будутъ преслѣдовать ихъ, то они убѣгутъ въ лѣсъ и совершенно какъ бы исчезнутъ тамъ — никто не могъ ихъ найти; вѣроятно поэтому и называетъ ихъ народъ въ нѣкоторыхъ преданіяхъ, нами слышанныхъ, «волшебниками», приписывая имъ чудодѣйственную силу, способность обращаться въ другое животное и т. п. Но мы будемъ продолжать это преданіе пока только со словъ Черноусова.—Съ жителями деревни Лыцно-Боровской, какъ ближайшими сосѣдями, разбойники жили дружно, особенно друженъ былъ самъ атаманъ ихъ съ крестьяниномъ той деревни Мякшиковымъ, потомки котораго и до сихъ поръ живы. Чрезъ Мякшикова разбойники въ послѣдствіи и приняли смерть. Дѣло, по преданію, вышло вотъ изъ-за чего: самъ-ли атаманъ или кто-либо другой изъ его шайки, разъ укралъ у Мякшикова все толокно изъ лукошка (по другому преданію—закромъ муки) и въ пустое испражнился. Это Мякшикова сильно оскорбило и между ними произошла въ лѣсу ссора. «Ты, говорилъ Мякшиковъ атаману,—послѣ этово не довго и наживешь здись...» Атаманъ похвалился силою, тогда Мякшиковъ вырубилъ двѣ щепки, себѣ изъ осины, а ему изъ березы и говоритъ: «Если ты меня сильнѣе, то изгрызи зубами мою щепку, а я твою изгрызу. Разбойникъ какъ ни грызъ, по осиновой щепки не могъ перегрызть, а Мякшиковъ его березовую изгрызъ всю. Видитъ атаманъ, что Мякшиковъ оказывается сильнѣе его, повѣсилъ свою голову и побрелъ въ свое логовище. Мякшиковъ же, не долго думая, взбунтилъ весь окрестный народъ, вооружилъ ихъ чѣмъ только могъ, и сталъ собираться на бой съ разбойниками, взявши съ собою пѣтуха. Когда пѣтухъ пропоетъ свое «кукореку», (обыкновенно въ полночь), тогда и рѣшено напасть на разбойниковъ, которые въ это время спятъ крѣпкимъ сномъ.

Пѣтухъ пропѣлъ. Двинулись къ логовищу, Мякшиковъ и говоритъ своимъ товарищамъ: «Смотрите на то дерево,—указалъ онъ,—и заприиѣтьте, куда идетъ дымъ? если на насъ, то намъ не побѣдить, а если отъ насъ, то побѣдимъ!» Посмотрѣли и видятъ, что дымъ идетъ отъ нихъ прочь, обрадовались «наши» и бросились къ логовищу. Такъ и случилось: не успѣли разбойники повскакать со своихъ постелей, какъ «наши» уже окружали ихъ со всѣхъ сторонъ; видитъ атаманъ, что пропали, что дѣло ихъ погибшее... Нѣкоторые изъ разбойниковъ хотѣли было защищаться и бѣжать въ лѣса, но атаманъ запретилъ имъ... «Видно, говоритъ, намъ пришло время погибать!..» «Эхъ, братъ! обратился онъ затѣмъ къ Мякшикову,—не изъ-за чево ты розсердился на меня»... и, выстрѣливъ въ себя изъ пистолета, тутъ же и повалился на землю. Наши всѣхъ разбойниковъ прибили, а ружья ихъ раздѣлили между собою. Ружья были у разбойниковъ большія, «фузеи» и въ недавнее еще, сравнительно, время можно было ихъ видѣть въ Тавреньгѣ, такъ какъ они хранились долго у многихъ крестьянъ.

Другое преданіе говоритъ, что тутъ жили волшебники, волшебство которыхъ заключалось въ томъ, что ихъ ничѣмъ не могли взять, побѣдить, такъ какъ они изъ своего логовища пускали въ «нашихъ» огонь. Бывало, какъ только наши подойдутъ къ логу, такъ оттуда цѣлыя головни съ огнемъ и полетятъ на нихъ, и нѣтъ возможности подойти близко къ логу. Взять ихъ нашимъ удалось лишь тогда, когда нашелся колдунъ Мякшиковъ, равный ихнему, и началъ пускать встрѣчныя головешки обратно въ ихъ логовище. Увидя это, главный волшебникъ самъ сдался нашимъ и, чтобы его долго не тиранили, а убили-бы сразу, самъ даже научилъ нашихъ, какъ это сдѣлать, а именно—ударить по головѣ осью изъ-подъ телѣги, что наши и исполнили.

Еще есть преданіе о томъ-же, записанное нами со словъ крестьянина деревни Лыщно-Боровской Ивана Григорьева. Будемъ передавать его словами: «Въ старину, дѣйствительно, жилъ тутъ (въ «разбойномъ логу») народъ, разбойники, и знались они съ нашимъ мужикомъ Мякшиковымъ, которой малолѣткомъ ищо бывъ взятъ разбойниками и довго у нихъ живъ, ему дали прозвище «Вайдановичъ», и онъ всю ихную подноготную узнавъ и сбѣжавъ. Послѣ этого живъ дома, а когды у ево пошутили разбойники въ дому (объ этомъ мы уже говорили), тогда Мякшиковъ собравъ всю волость и похотѣвъ отомстить. Прежъ всево онъ похотѣвъ узнать: дѣйствуетъ-ли ево заговоръ, который онъ выучивъ тамъ, живши съ разбойниками, вотъ онъ взявъ пѣтуха и «заговоривъ» ево и велѣвъ всѣмъ стрилеть въ ево, но какъ не стрилять, а пѣтухъ только скокочутъ — нечево ему не дѣлаесё. «Ну, робята, говоритъ Мякшиковъ, — мы побѣдимъ ихъ, а насъ не убьютъ!» Вотъ онъ заговоривъ всю свою артиль, въ полночь и пошли въ логъ. Приходятъ, а тамъ всѣ спятъ за-мертво. Вотъ Мякшиковъ снявъ у атамана сапогъ съ лѣвой ноги и ударивъ имъ атаману прямо по носу, у того такъ и хлынула кровь изъ носа; всѣ разбойники перетрусились, пустились въ бѣгство, которые разбѣжались, а другихъ наши убили, и атамана убили. Станъ у разбойниковъ былъ каменной въ горѣ.. Послѣ ихъ находили прежде мѣшочки серебра, а одинъ мужикъ изъ Олюшина, по прозвищу «Сѣкиръ», такъ тотъ и много будто-бы нашелъ этово серебра»...

Логъ этотъ пишущій эти строки лично видѣлъ, но, къ сожалѣнію, никакихъ слѣдовъ о пребываніи тамъ людей въ настоящее время не оказалось. Отлогіе скаты съ горъ тянутся на нѣсколько верстъ, но круто спускаются и соединяются въ одно мѣсто саженъ по 10-ти съ той и другой стороны—только.

Въ шести верстахъ отъ деревни Зеленой, на такъ называемомъ «Шестаковѣ» починкѣ, въ прежнее время жили Чуди, которые занимались хлѣбопашествомъ и охотой, слѣды ихъ пашни и до сихъ поръ замѣтны, не смотря на то, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была пахота, выросъ уже громадныхъ размѣровъ сосновый лѣсъ. Тутъ-же находится колодецъ, въ который, по преданію, Чуди зарыли все свое богатство и сверху завалили каменными плитами. Дно колодца, если вѣрить зеленовцамъ, и до сихъ поръ дѣйствительно представляетъ собою каменную плиту.

Близъ деревни Якушевской, Тавренгскаго Общества, на правомъ берегу рѣки Вели, есть городокъ; нынѣ все то мѣсто называется «городовое поле», которое и распахивается крестьянами той деревни. Приблизительный планъ этого «городка» прилагается здѣсь.

Преданіе, связанное съ этимъ городкомъ и записанное нами со словъ крестьянина деревни Якушевской Антона Сидоровскаго, говоритъ слѣдующее: Тутъ жилъ нѣкогда народъ Чудь и не платилъ этотъ народъ никому никакой дани. Когда-же стали дѣлать перепись и приводить людей къ закону, то народъ этотъ, не устоявшій противъ нашей силы, побросавъ свои богатства въ заливъ рѣки, сдѣлалъ себѣ громадный плотъ и уплылъ далѣе внизъ по рѣкѣ Вели. Занимался этотъ народъ земледѣліемъ, охотою, ремеслами и торгомъ. Была у нихъ мельница тутъ, остатки мельничныхъ принадлежностей находили еще на памяти Сидоровскаго, кромѣ мельницы они имѣли еще и кузницу, гдѣ выдѣлывали очень искусные замки и топорики; въ послѣдствіи наши мужики часто таковые находили тутъ, и не давно еще—лѣтъ 30 назадъ—найдено было замокъ и топоръ. Замокъ былъ взятъ мѣстнымъ священникомъ отцомъ Осипомъ Кирилловымъ (теперь уже умершимъ) и посланъ былъ имъ куда-то, а топорикъ пріобрѣтенъ пишущимъ эти строки. Сплавы желѣза и песку до сихъ поръ находятся въ этомъ полѣ во множествѣ, что пишущій эти строки лично видѣлъ. Былъ у Чуди и колодезь, изъ котораго они брали воду и возили въ свой городокъ, такъ какъ онъ хотя находился надъ самою рѣкою, но спускъ въ нее у самаго городка былъ такой крутой и обрывистой, что дѣйствительно жителямъ ничего не оставалось дѣлать къ полученію воды ближе, какъ черезъ кузницу проложить дорогу къ рѣкѣ, гдѣ они устроили, какъ сказано, и мельницу и колодезь.

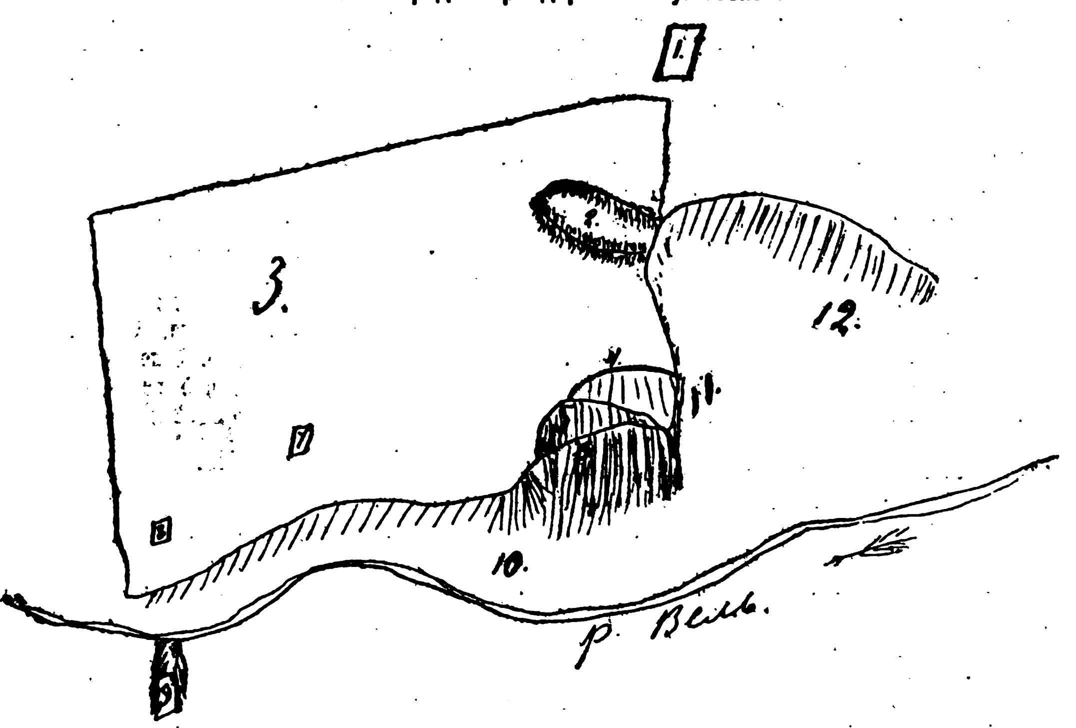
По другимъ преданіямъ, Чудь сбѣжали оттого, что, какъ были «нехристи», то ихъ хотѣли наши въ свою вѣру привести, а они не пожелали,—сдѣлали себѣ плотъ да и уплыли внизъ по рѣкѣ Вели, а имущество свое зарыли противъ самой городовой стѣны на другомъ—лѣвомъ—берегу рѣки Вели, въ саженяхъ 10-ти отъ воды, подъ большую сосну. О таковомъ кладѣ были гдѣ-то «описи», но въ настоящее время утеряны, да и сосенъ тѣхъ уже нѣтъ; сохранилась только одна, но и та стоитъ саженъ на 30 выше по теченію рѣки, противъ указываемаго преданіемъ мѣста съ «кладомъ».

Городокъ этотъ находится на правомъ берегу рѣки Вели и на крутой, какъ сказано, горѣ, видъ съ которой очень живописенъ; очевидно, обитатели его имѣли изящный вкусъ. Стоитъ только взглянуть на эту, вѣроятно, нѣкогда бывшую тутъ гавань, гдѣ могли помѣщаться сотни судовъ, чтобы убѣдиться, что выборъ мѣста для торга былъ сдѣланъ удачно, даже очень удачно. Принимая во вниманіе, что у населявшаго тутъ народа была устроена и кузница, и мельница,— нельзя не придти къ тому заключенію, что или Чудь—народъ былъ развитой, культурный, (что весьма сомнительно) или это были не они, а какіе нибудь бѣглые новгородцы, скрывшіеся «въ лѣса» отъ гнѣва Іоанна Грознаго. Въ самомъ дѣлѣ, преданіе еще говоритъ, что городокъ этотъ былъ въ то время центромъ пушной торговли съ Чудью, которые проплывали туда съ верховья рѣки Вели на своихъ «корабляхъ» изъ сосѣднихъ мѣстностей Олонецкой губерніи, и случалось, что ихъ корабли (лодки, вѣроятно) разбивало даже бурею; такъ напримѣръ, по преданію, слышанному нами отъ Соболева въ селѣ Пономаревскомъ, разъ чудской корабль разбило близъ деревни Фофанихи, отчего то мѣсто, гдѣ онъ утонулъ (теперь пожня) и до сихъ поръ называется «корабельнымъ». Разъ это такъ, то очень вѣроятно, что жили тутъ никто иной, какъ бѣглые новгородцы, искони любившіе поторговать», особенно покупать и вымѣнивать у разныхъ инородцевъ пушные товары. Не мудрено, что наши «власти» и узнали въ послѣдствіи объ ихъ мѣстопребываніи и быть можетъ хотѣли обложить ихъ извѣстною данью за право торговли, а они не пожелали платить и уплыли дальше, на новое жительство куда-либо. Все это было въ порядкѣ вещей въ то время, но только какъ согласовать съ этимъ слово «нехристь», какимъ именуетъ ихъ преданіе?

Народное преданіе, записанное нами со словъ крестьянина деревни Коняшевской

Андрея Софронова, говоритъ, что вблизи этой деревни, на устьѣ рѣчки Большой Томанги, въ «досюдное» время жила партія бѣглыхъ солдатъ, сбѣжавшихъ со службы. У нихъ устроена была тутъ истопка, гдѣ они жили очень долго и куда въ послѣдствіи дѣвались—преданіе умалчиваетъ... Очевидно въ прежнее время бѣгство со службы было заурядньмъ явленіемъ.

Планъ городка при деревни Якушевской.

1. Деревня.—2. Городовой валъ, длиною 90 саж., высотою 1—$1^1/_2$ саж.—3. Поле, назыв. «Городовое».—4. Городовая стѣна, длиною 30 саж., высотою $1^1/_2$ арш.—5. Выступъ горы, по скату надъ рѣкою саженъ 12—15.—6. Тоже, сажени на 2 пониже.—7. Мѣсто кузницы.—8. Колодезь.—9. Мельничный валъ.—10. Пожня «Подгородище».—11. «Поганное» болото.—12. «Чистое» болото.

Расположеніе всего городка:

Городовой валъ находится отъ деревни въ 60 саженяхъ; отъ вала до городовой стѣны (№ 4) 60 саж., отъ стѣны до кузницы (№ 7) около 70 саж., отъ кузницы до колодца (№ 8) 30 саж., отъ колодца до рѣки 20 саж.

Близъ деревни Ермаковской, по словамъ крестьянина Федора Бубнова, тоже въ прежнее время жили люди, но то были по преданію Чудь. Жили они противъ Чирьякова плёса р. Вотчицы, а на рѣкѣ этой была устроена у нихъ мельница, слань которой и до сихъ поръ замѣтна. Тамъ, гдѣ прежде жили Чуди, въ настоящее время распахана полянка, при распашкѣ которой находили топоры, отличающіеся отъ нынѣшней формы тѣмъ, что остріе ихъ было узкое, а сами были длинные.

При распашкѣ пустоши «Теврихи» крестьянами дер. Малой Горы, находили кирпичи и камни, а также замѣтны были борозды отъ древней пашни. Преданіе, по словамъ крестьянина той деревни Мирона Алексѣева, говоритъ, что тутъ жили Чудь, у которыхъ были устроены жилища въ горѣ, около которой и въ настоящее время находятся груды обломковъ кирпича и камня, каковыя груды и называются по мѣстному «каменцы»; около каменцъ была громадная яма, какъ бы колодезь, но завалена теперь землею. За рѣчкой Самсонихой и въ настоящее время есть яма «страшонная»,

по словамъ вышеупомянутаго крестьянина, но кѣмъ она вырыта была и для какой надобности—старики ничего не говорятъ.

Около деревни Лыцно-Завельской, въ полѣ, по преданію, есть кладъ, зарытый разбойниками. Кладъ этотъ находится подъ большимъ камнемъ и состоитъ онъ изъ 12-ти фузей (ружей), наполненныхъ червонцами. Камень этотъ увезенъ однимъ крестьяниномъ подъ закладъ гумна, но клада подъ нимъ не оказалось. Однако, крестьянинъ Верещагинъ, живущій въ той-же деревнѣ, года 4—5 назадъ, распахивая землю, нашелъ мѣшочекъ съ мѣдными монетами, каковыя и передалъ будто бы мѣстному исправнику для обмѣна въ казначействѣ на новыя монеты [1]). Замѣчательно, что деньги находились въ холщевомъ мѣшечкѣ, обвитомъ берестою, и мѣшочекъ этотъ совершенно сгнилъ, а береста была цѣла, и деньги въ ней еще могли храниться невредимо много вѣковъ. Должно быть, поэтому, извѣстно было и въ прежнее время противогнилостное свойство бересты. (Сообщеніе волостнаго старшины Вострокнутова).

Близъ дер. Семеновской въ прежнее время жили Чуди, такъ не въ давнее еще время, говоритъ крестьянинъ той деревни Василій Андреевскій, при распашкѣ Ромахина поля находили обломки кирпича отъ ихъ печекъ.

Въ с. Пономаревскомъ, а равно и въ дер. Зеленой есть такое преданіе, что первыми колонизаторами здѣшняго края были нѣкіе Шестаковъ и Распопа. Откуда они пришли сюда—преданіе умалчиваетъ, но Шестаковъ жилъ близъ дер. Зеленой, а Распопа—близъ села Пономаревскаго. Владѣнія ихъ были обширны, что видно по названію ихъ именемъ живыхъ урочищъ, раскинутыхъ чуть не по всей Тавреньгѣ.

Жилище Распопы было укрѣплено на громадныхъ, въ два мужскихъ обхвата, столбахъ, одинъ изъ каковыхъ столбовъ еще на памяти стариковъ былъ вытащенъ изъ земли изъ-за того, что тутъ по какимъ-то «описямъ» долженъ быть кладъ; но клада съ деньгами не оказалось, а нашли только пустой мѣшочекъ, тоже, что и въ дер. Лыцно-Завельской, обвитый берестою, которая вполнѣ уцѣлѣла. Крестьяне очевидцы этого утверждаютъ, что тутъ было колдовство какое-нибудь положено. Куда дѣлись Шестаковъ и Распопа—преданіе умалчиваетъ, только говоритъ, что Распопа всѣ свои владѣнія продалъ нѣкоему Лушкову, фамилія послѣдняго существуетъ и по настоящее время.

Послѣ долгаго времени появился въ Тавреньгѣ нѣкто Потаковъ и тоже завладѣлъ многими лучшими землями и производилъ вновь расчистку сѣнокосовъ и распашку земли на многіе десятки верстъ, но вскорѣ случилось крѣпостное право и положило конецъ его захватамъ или, выражаясь по ученому, «свободной заимкѣ», а также и личной перекочевкѣ его съ мѣста на мѣсто. Крѣпостное право ему было такъ «не любо», что онъ даже заплакалъ при этомъ извѣстіи, такъ какъ онъ не любилъ жить по долгу на одномъ мѣстѣ и сюда явился уже на 8-е мѣсто въ теченіи своей жизни; крѣпостное же право, какъ извѣстно, положило конецъ подобному бродяжничеству.

Въ 2-хъ верстахъ отъ села Пономаревскаго прежде жили Чудь и устроенъ былъ у нихъ городокъ, гдѣ они и торговали; были даже ярмарки. Мѣсто это въ настоящее время частью распахано, а частью заросло лѣсомъ; были тутъ прежде и колодцы, но теперь засыпались землею.

Въ «Пропалой» били [2]) есть каменная гора, которая была будто бы сдѣлана искусственно Чудью, гдѣ они жили и все свое имущество подъ нею хранили. Крестьянами ближайшихъ деревень были дѣлаемы нѣсколько разъ попытки разыскать этотъ кладъ, но кончились безуспѣшно, такъ какъ камни оказались такихъ громадныхъ размѣровъ, что поднять или хотя бы сдвинуть съ мѣста не хватало силы у искателей клада. Биль эта находится въ 15-ти верстахъ отъ дер. Великополя.

---

[1]) Крестьянинъ Иванъ Бабай, той же деревни, лѣтъ 50 тому назадъ тоже разъ нашелъ кувшинъ серебра въ небольшой горушкѣ, называемой „объѣзжая".

[2]) Биль—большой еловый лѣсъ.

По сообщенію крестьянина дер. Великополя Алексѣя Ерасимовскаго, кладъ этотъ находится за Гремучимъ ручьемъ возлѣ рѣчки Сяженьгу и состоитъ онъ изъ разныхъ дорогихъ сокровищъ отъ ограбленныхъ разбойниками гдѣ-то трехъ церквей. Около же самой деревни Великополя прежде находили сошники отъ сохъ, и, по преданію, тутъ прежде жили Чуди, которые и занимались хлѣбопашествомъ; слѣды ихъ пашни, а равно и каменцы—слѣды изъ жилья—замѣтны еще и теперь. Чудь жила ранѣе разбойниковъ: объ исчезновеніи ея преданіе говоритъ слѣдующее: Когда православная вѣра стала распространяться съ Вологды и здѣсь, то Чуди, не желая перемѣнить вѣру своихъ предковъ, наметали (сбили) себѣ нужное количество плотовъ и уплыли внизъ по р. Вели къ Архангельску. Преданіе также говоритъ, что здѣсь нѣкогда былъ винный заводъ, на которомъ курилъ вино мѣстный крестьянинъ этой же—Великополя—деревни. Заводъ былъ устроенъ на ключу, не далеко отъ деревни, еще въ недавнее верия нашли на томъ мѣстѣ желѣзный обручъ съ чана.

Возлѣ деревни Зубакинской, по сообщенію крестьянина той деревни Авакума Второва, есть тоже городище, какъ и при дер. Якушевской и тоже надъ самою р. Велью, между ручьями Фетюфиномъ и Плишкиномъ. На этомъ городищѣ есть не большая, но чрезвычайно крутая горушка—холмъ, на ней или около него и жили въ прежнее время Чуди.

Около деревни Пуминова, по сообщенію крестьянина той деревни Никифора Андреевскаго, тоже въ «досюдное» время жили Чуди и былъ у нихъ устроенъ свой поселокъ, каменцы отъ котораго и до сихъ поръ сохранились. Поселокъ этотъ находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь распахано поле подъ названіемъ Большое, и Чудью зарытъ тутъ, по преданію, кладъ, отчего часть этого поля и по настоящее время носитъ названіе «кладовѣчьё». Каменцы расположены между собою въ видѣ правильнаго полукруга.

Противъ дер. Дьяковской (Нижней-Подюгѣ), на правомъ берегу р. Подюги, прежде тоже жила Чудь и была у нихъ выстроена цѣлая деревня, носившая названіе «Лобановой горки»; слѣды этой деревни, а именно обломки кирпича и каменцы замѣтны и по настоящее время. На лѣвомъ берегу Подюги, возлѣ ту же деревню Дьяковскую тоже жилъ какой то народъ, но преданіе не говоритъ, что то были Чуди; тутъ были и колодцы выкопаны у этого народа. Въ настоящее время мѣсто это находится подъ пашней, поле, которое поэтому и называется «колодецьнымъ».

Посреди рѣки Подюги, въ 5-ти верстахъ отъ деревни Велико-Николаевской (въ Верхней-Подюгѣ), считая внизъ по теченію, есть такъ называемый «Богатой мысъ», гдѣ, по преданію, въ древнія времена утонуло судно, нагруженное мѣдною посудою, почему и самый мысъ образовался и названъ былъ въ послѣдствіи «Богатымъ».

Въ 2½ верстахъ отъ деревни Велико-Николаевской (въ Верхней-Подюгѣ), на лѣвомъ берегу р. Подюги есть городище, имѣющее форму неправильнаго квадрата, какъ видно изъ прилагаемаго наброска. Городище это находится на проселочной дорогѣ, ведущей съ Верхней на Нижнюю-Подюгу, отъ рѣки онъ отстоитъ въ 40 саженяхъ, высота городища или «городка» къ рѣкѣ, считая по покатости 100 шаговъ или 30 саж., а отвѣсомъ приблизительно саженъ 10—12-ть, а вокругъ всего городища 436 шаговъ или 145 саж. По направленію къ р. Подюгѣ есть выступъ сажени па двѣ пониже вершины городища, возлѣ его—небольшой продолговатый логъ. Вся земля, занимаемая городищемъ, густо покрыта камнями, въ особенности по краямъ его, гдѣ камня навалено въ 4—5 рядовъ сверхъ земли, какъ будто прежде была тутъ стѣна или валъ, въпослѣдствіи разсыпавшійся. Преданіе, записанное нами и со словъ крестьянина дер. Велико-Николаевской Ксенофонта Порозина, говоритъ слѣдующее: тутъ прежде жилъ какой то народъ, и былъ устроенъ у нихъ городъ весь изъ камня, но какимъ то другимъ народомъ жители этого городка были убиты и самый городъ былъ разрушенъ. Другое преданіе говоритъ, что камень этотъ выпалъ изъ тучи. Но такъ или иначе, а вся эта гора состоитъ изъ камней, земли почти сосовершенно нѣтъ, да и камни все «посильные» людямъ и какъ будто уложены ру-

каии. Такъ, напр., разсказываетъ Порозинъ, что изъ ихъ деревни одинъ мужичекъ рылся въ этомъ городкѣ, выкопалъ яму около 2-хъ саж. глубины, но и тамъ все такой же камень находилъ, какъ и на поверхности. Замѣчательно, что по за городищу камня почти совсѣмъ нѣтъ.

Въ 5-ти верстахъ отъ этого городища, вверхъ по теченію рѣчки Кварзанги, какъ говоритъ преданіе, дѣйствительно жили Чуди. Изъ жизни ихъ извѣстно лишь одно, что въ одинъ годъ они страшно голодали и дѣло дошло до того, что «нашимъ» нельзя стало оставлять дома однихъ женщинъ или дѣтей—силой отбивали у нихъ короваи хлѣба, отчего то мѣсто, гдѣ они жили и до сихъ поръ называется «коровашикъ».

Кладовъ въ Верхней-Подюгѣ, по преданію, три: 1-й на Майдановой пожнѣ, зарытъ въ небольшой горушкѣ; 2-й на Поточной горѣ подъ камнемъ, на которомъ было изображено конское копыто. Камень этотъ будто бы взятъ уже однимъ крестьяниномъ подъ закладъ гумна, но кладу подъ нимъ не замѣчено. 3-й кладъ находится въ мѣстности, называемой «гарь» и тоже зарытъ подъ каменьемъ въ горушкѣ. Были дѣлаемы мѣстными крестьянами попытки къ отысканію этого послѣдняго клада, но безуспѣшно, такъ какъ вся горушка состоитъ изъ камней-плитъ, поднять которыя или хотя бы сдвинуть съ мѣста крестьяне были не въ состояніи.

Близъ деревень: Русинова и Грибановой-Горы (въ Ширыхановѣ) въ мѣстности, называемой «Костыли» и у ручья Пурново, по преданію, въ прежнее время жилъ какой-то народъ; одни называютъ его Чудью, другіе—староверами. Были у нихъ погреба и колодцы, въ одномъ изъ послѣднихъ даже зарыта ими серебряная столовая посуда, была у нихъ и часовня, только по своей вѣрѣ. Говорятъ, что слѣды ихъ строеній (кирпичи, камни, ямы) и до сихъ поръ замѣтны. Сбѣжалъ отсюда этотъ народъ оттого, какъ говорилъ пишущему сіи строки крестьянинъ дер. Руснова Терентій Челпановъ, что начали ихъ принуждать силою перейти въ нашу православную вѣру, а они этого не хотѣли и скрылись «въ лѣса». Разсказываютъ далѣе, что одна дѣвица не успѣла убѣжать, такъ бросилась въ колодецъ и утонула, а другая—дома закололась ножемъ.

Тотъ же Челпановъ говоритъ, что около этихъ деревень жили еще 40 разбойниковъ, жилищъ у нихъ не было устроено, а жили прямо на землѣ, на мысу среди Кунева болота и занимались грабежемъ окрестныхъ селеній на далекое разстояніе. Дѣло доходило до того, что отъ ихъ разбоя и грабежа просто стономъ стоналъ народъ; идя на работу ужъ ничего не оставляй въ дому—все покрадутъ, а женщинъ насиловали. Между тѣмъ поймать, прибить ихъ было чрезвычайно трудно, такъ какъ подойти къ нимъ топкимъ и вязучимъ болотомъ—дѣло не легкое, да они же были и крайне осторожны: оставляли всегда около своего мыса человѣка на караулѣ, который залѣзалъ на высокую сосну, откуда, обыкновенно незамѣтнымъ образомъ, и давалъ знать своимъ товарищамъ въ случаѣ ихъ подхода къ болоту, когда на немъ есть и «наши», и тѣ, конечно разбѣгались по лѣсамъ. Но наконецъ, нашелся и изъ нашихъ одинъ «способной», который перехитрилъ разбойниковъ, это былъ нѣкій пономаревичъ (сынъ пономаря) съ Мехреньги, Олонецкой губ., который собралъ партію народу, вооружилъ кого и чѣмъ могъ и отправился изгонять эту «разбойную» шайку. Придя къ Куневу болоту, пономаревичъ велѣлъ своей артели переобуть лапти, надѣть пятками впередъ, а носками назадъ и такъ шествовать къ разбойному мысу. Это имъ было сдѣлано для того, чтобы разбѣжавшіеся на разбой и грабежъ разбойники не пугались ихъ слѣдовъ, а скоплялись бы къ своимъ жилищамъ или, вѣрнѣе сказать, въ излюбленное мѣсто для ночлега, что «наши» были-де да ушли. Подойдя къ мысу, пономаревичъ замѣтилъ на соснѣ человѣка и приказалъ заколоть, караульный скочилъ съ дерева и хотѣлъ было убѣжать, но Васька Соболевъ догналъ его и прикололъ. Послѣ этого пономаревичъ всѣхъ товарищей своихъ разсадилъ по тайнымъ мѣстамъ. Разбойники скоплялись не въ одно время: соберется 5—6 человѣкъ къ болоту и замѣтя слѣды нашихъ и по нимъ видятъ, что тѣ прошли обратно, къ тому же не получая съ сосны никакого сигнала, вполнѣ увѣренные въ безопасности своей, подойдутъ къ мысу, а пономаревичъ со своей артелью тутъ какъ

тутъ—не успѣютъ тѣ и въ себя придти отъ неожиданности, какъ ихъ всѣхъ и прикотютъ наши. Такимъ образомъ вся разбойничья шайка въ одну ночь была прибита пономаревичемъ,—ни одинъ человѣкъ не спасся.

Противъ деревни Хмѣлеванской (въ Ширыхановѣ), за рѣкой Подюгой, тоже въ прежнее время, по словамъ крестьянина Михайла Боровикова, жили Чуди или другой какой-либо народъ. Народъ этотъ жилъ мирно, но куда они исчезли—преданіе умалчиваетъ. Тамъ же, около рѣчки Тавреньги, въ одной верстѣ отъ проселочной дороги есть три замѣчательныя ямы: глубиною они будутъ саженъ 10—12, а въ окружности по поверхности земли около 8-ми саж., дно-же имѣютъ узкое, но воды въ нихъ нѣтъ. Что это за ямы?—неизвѣстно, говорятъ, что будто бы когда-то онѣ образовались сами-собой—сдѣлался проваль земли... Ужъ не землетрясеніе-ли бывало?...

Близъ дер. Вельцевской или по просту «Вельцы», какъ зовется она тамъ, на ширыхановскомъ волоку есть гора «Калитка», на которой прежде жили Чуди, былъ у нихъ тамъ городокъ, а самая гора служила имъ крѣпостью. Вся гора можно съ увѣренностью сказать, искусственно сдѣлана, насыпная, а не естественно образовавшаяся. Вся мѣстность вокругъ городка называется «городовымъ боромъ», урочища около городка или крѣпости, такъ сказать называются «Пырьевская» (пожня), «Узмица», «Городской ручей», «Бродъ». Городокъ этотъ на лѣвомъ берегу р. Подюги, въ 40—50 саж. отъ послѣдней, и имѣетъ видъ какъ бы крѣпостнаго вала или сторожеваго поста, какъ видно изъ приложеннаго здѣсь рисунка. Длиною стѣна или валъ имѣетъ 265 шаговъ или около 90 саж., высотою по отвѣсу 8 саж., къ рѣкѣ, въ концѣ горы имѣется небольшая площадь, около 100 квадр. саженъ, въ остальныхъ же мѣстахъ гора совершенно овальная, и все это заросло большимъ сосновымъ лѣсомъ. Вокругъ городка—низина, какъ бы земля была взята на эту гору или крѣпость, немножко подалѣе въ саженяхъ 10-ти опять идетъ возвышеніе и тянется оно гребнемъ около 1 версты все по дорогѣ въ Ширыханово; видомъ то возвышеніе похоже на берегъ вокругъ какого нибудь озера или болота. Очень можетъ быть, что въ прежнія, древнія времена тутъ было топкое, болотистое мѣсто, среди-то его, ради неприступности, и была устроена Чудью эта крѣпость съ городкомъ.

Кромѣ того въ этой деревнѣ существуетъ еще преданіе, какъ говорилъ пишущему эти строки крестьянинъ той деревнѣ Евдокимъ Жуковъ, что въ 4-хъ верстахъ отъ деревни, въ мѣстности, называемой «Стрѣлицы», тоже въ прежнее время жили Чуди и занимались они хлѣбопашествомъ и охотой за пушными звѣрями. Лѣтъ 30 — 40 тому назадъ найдена была на соснѣ повѣшенною ихъ соха, устройствомъ своимъ нѣсколько разнящаяся съ теперешнею; слѣды же бороздъ ихъ пашни замѣтны и до сихъ поръ; есть ямы, какъ бы то были прежде колодцы. Не подалеку отъ этого мѣста, на горѣ Ятѣ, говоритъ преданіе, зарытъ въ землю Чудями кладъ, но изъ чего онъ состоитъ—преданіе умалчиваетъ. Были дѣлаемы попытки со стороны крестьянъ дер. Вельцевской къ отысканію этого клада, даже не однажды рылись въ землѣ, но ничего не могли найти. Куда скрылась Чудь и по какому случаю—неизвѣстно.

На разстояніи одной версты отъ деревни Давыдовской (Хмельники) была въ прежнее время еще очень большая деревня, какъ говорилъ намъ крестьянинъ Рудаковъ, называвшаяся «Великой Дворъ» и была первою въ волости по числу дворовъ, но жители этой деревни «сбѣжали». Вотъ какъ это случилось: когда вышелъ законъ брать «подымный» сборъ, то жители этой деревни до того испугались этого налога, что, не долго думая, собрались, уложили на возы все свое имущество и уѣхали неизвѣстно куда, а для того, чтобы ихъ сосѣди, жители другихъ деревень, вскорѣ не узнали объ ихъ бѣгствѣ, для того они, уѣзжая, затопили печки, дабы всѣ видѣли дымъ изъ трубъ и не подозрѣвали бы, да оставили и пѣтуховъ, чтобъ слышно было ихъ пѣніе. Когда узнали сосѣди, то дѣйствительно оставлены были только одни пѣтухи, остальное все увезено. Какой тутъ народъ жилъ, нашъ-ли, чудской-ли—преданіе умалчиваетъ. Послѣ, чрезъ много лѣтъ уже, будто бы старики видали внука сбѣжавшихъ въ Москвѣ, да и въ Петербургѣ будто-бы есть до сихъ поръ купцы Тыри-

гины, которые якобы происходятъ отъ сбѣжавшихъ отсюда, крестьянъ бывшей деревни Великаго Двора. Въ этой же деревнѣ Давыдовской есть поле, носящее до сихъ поръ названіе «Тыригино» [1]), данное по фамиліи сбѣжавшаго крестьянина, какъ впервые распахавшаго это поле.

Но Чудь все-же жила здѣсь, говоритъ Рудаковъ, и занимались они кромѣ хлѣбопашества и охоты еще и рыбною ловлей; такъ напр. и до сихъ поръ около дер. Тончиковской въ рѣкѣ Вели существуетъ поперекъ рѣки ихъ каменная стѣна—«заѣзокъ», въ которой они ставили морды (верши) и ванды. Противъ этой каменной стѣны, въ 100 саженяхъ отъ р. Вели, есть курганъ, называемый «Пупцикъ», въ окружности онъ имѣетъ у подножія 90 саж., подъемъ на него—45 шаговъ или около 15 саж., на верху площадь въ длину 7 саж. По преданію подъ этимъ «пупцикомъ» зарытъ кладъ Чудью. Курганъ этотъ былъ нѣсколько разрытъ окружнымъ надзирателемъ вельскаго удѣльнаго имѣнія г. М., но ничего не найдено. Около этого же мѣста былъ у Чуди колодецъ, въ который они опустили разную посуду и другую домашнюю утварь, изъ серебра сдѣланную, но колодецъ этотъ въ настоящее время затянуло землею. (Сообщ. крестьяниномъ Ѳедоромъ Лискичемъ).

О каменномъ станѣ въ «Пропалой» били (см. стр. 75), по словамъ Ѳедора Лискича есть еще слѣдующее преданіе: Стана этого никто изъ нашихъ крестьянъ не зналъ, такъ какъ находится далеко отъ деревень въ сузёмѣ [2]), куда никто и за охотой не ходилъ. Но вотъ, разъ, къ нищему Евилу на Вагѣ подходитъ какой-то старичекъ и говоритъ ему, что «въ такой-то билѣ, столько-то верстъ отъ деревни, около такой-то рѣчки, пойди и найдешь каменный станъ, тутъ жили разбойники и все свое награбленное имущество зарыли подъ этимъ станомъ, одного серебра пивной котелъ зарытъ»... Нищенькій этотъ приходитъ въ Хмельники и разсказываетъ то одному, то другому крестьянину объ этомъ; обрадовались мужички, собралась цѣлая артель и пошли искать этотъ станъ. И что же? какъ говорилъ нищенькій, въ томъ мѣстѣ дѣйствительно и нашли каменный станъ, но сколько ни рыли землю, сколько не отваливали каменья, однако, клада не сыскали, — «не дался въ руки», заключилъ Лискичъ.

Въ Кулижномъ полѣ дер. Тончиковской есть тоже небольшой холмъ и тоже называется «пупцикъ», въ срединѣ котораго, по преданію, говорилъ намъ крестьянинъ той деревни Григорій Мауринъ,—есть кладъ серебра, зарытый Чудью, которые около деревни этой долго жили. Далѣе говоритъ преданіе, Чуди скрылися въ лѣса и на вѣкъ покинули свое убѣжище въ здѣшнемъ мѣстѣ изъ-за того, что съ нихъ стали требовать какую-то дань, они не пожелали платить и разбѣжались всѣ по дикимъ лѣсамъ.

Около дер. Заручевной (Тавренгскаго острова), по словамъ крестьянина Степана Пестерева, тоже въ прежнее время жили Чуди и занимались они хлѣбопашествомъ и охотой. Слѣды ихъ пашни—борозды—и до сихъ поръ еще замѣтны въ мѣстѣ, называемомъ «Федѣево», что въ поскотинѣ. Убѣжали они отсюда тоже изъ-за дани, которую стали требовать съ нихъ; но какая то была дань и кто требовалъ?—преданіе умалчиваетъ. Послѣ того одинъ крестьянинъ дер. Першенской нашелъ топоръ (сѣкира). Эта сѣкира или вѣрнѣе—обломокъ ея пріобрѣтенъ мною.

Около дер. Слобочкова, по словамъ крестьянина Ѳедора Кожевникова, въ прежнее время тоже жили Чуди и занимались они хлѣбопашествомъ и охотою. Слѣды ихъ пашни—борозды—и до сихъ поръ замѣтны, хотя тутъ выросъ уже довольно крупный лѣсъ; замѣтны также ямы, каменцы и т. п. Жили они на двухъ горушкахъ, называемыхъ одна «Лисьей», другая—«Подострожной».

Около деревень Фофанихи и Харитоновской тоже жили Чуди, но это пре-

---

[1]) Въ этомъ полѣ, по преданію, тоже есть кладъ.

[2]) Сузёмъ—дикій, непроходимый лѣсъ.

даніе мы буквально передадимъ здѣсь тѣми словами, какъ разсказывалъ крестьянинъ той (Фофанихи) деревни Илья Хайдуковъ, слывущій самъ потомкомъ Чуди: «Около нашей деревни дѣйствительно жила Чудь, за Шурханихой (полянка) и была у нихъ фабрика, только чево они дѣлали не знаю, около фабрики былъ роднячокъ (колодецъ), яма эта и нонѣ знать. Чуди погибли, вотъ какъ было дѣло: выкопали ямы глубокія, наставили столбовъ, навалили сверху каменья, залѣзли туды, столбы подрубили, ихъ всѣхъ и задавило... Насъ и теперь ищо зовутъ Чудами и я хотѣлъ было перемѣнить фамиль свою, будто не русская, да попъ не далъ, говоритъ: все равно фамиль, только молись Богу»...

Близъ дер. Копчевской, въ мѣстности, называемой «Заотводневской мостъ» тоже жили Чуди, занимавшіеся, какъ и всюду, хлѣбопашествомъ и охотою, борозды ихъ пашни, а равно и каменцы отъ жилья замѣтны и теперь. «Но куды они дѣкнулись [1]), говоритъ крестьянинъ той деревни Иванъ Симановскій,—тово неизвѣстно». Подъ рощею на Боровой (пожня) въ горушкѣ Чудью былъ зарытъ кладъ и многіе крестьяне искали его, но кладъ «не дался въ руки».

Близъ деревни Кузнецова, въ острову, въ мѣстности называ. «Сѣнной боръ» въ прежнее время, по преданію, тоже жилъ какой-то народъ, занимавшійся хлѣбопашествомъ, потому что слѣды пашни и до сихъ поръ замѣтны, хотя все это мѣсто заросло уже громадныхъ размѣровъ лѣсомъ. (Сообщ. старшины Вострокнутова).

Возлѣ деревни Боровскую въ полѣ есть чудской городокъ, имѣющій форму насыпи, вала, тянущагося по край поля къ р. Тавреньгѣ. Длиною эта насыпь, переходящая чрезъ проселочную дорогу, около 50 саж., высотою около 1 саж. Форма насыпи прилагается. Въ этомъ полѣ, по словамъ крестьянина Алексѣя Поздѣева, есть рвы и каменцы отъ жилищъ Чуди, но куда этотъ народъ скрылся—преданіе умалчиваетъ.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о церковныхъ древностяхъ въ данной мѣстности и о связанныхъ съ ними преданіяхъ народа.

Такъ напр., въ Николаевской-Вельцевской церкви есть замѣчательная въ своемъ родѣ свѣчка: она имѣетъ въ длину 1½ арш., толщиною въ діаметрѣ 6 вершк.—это цѣлое бревно. Исторія этой свѣчки связана съ явленіемъ иконы св. Николая Чудотворца, находящейся въ той-же церкви. Преданіе говоритъ такъ: Нѣкая благочестивая жена дер. Вельцевской, разъ придя въ свой хмельникъ съ цѣлію очистить его отъ сорной травы, вдругъ увидала тамъ эту икону, стоявшею у колышка съ хмелемъ и передъ иконою свѣтится именно упомянутая свѣчка. Женщина вышла изъ хмельника и пошла по деревнѣ разсказывать своимъ сосѣдямъ о такомъ чудѣ. Тѣ, въ свою очередь, придя туда, подивились этому, унесли икону кому-то въ домъ и тотчасъ-же приступили къ постройкѣ часовни на мѣстѣ явленія иконы и свѣчки; въ послѣдствіи-же сдѣлали и церковь. Свѣчка эта сдѣлана вся изъ чистаго бѣлаго воска, но ея теперь не засвѣчиваютъ, а лишь на нее прилѣпляютъ маленькія свѣчки и она какъ-бы подсвѣчникомъ служитъ въ этой церкви. Кромѣ того въ той-же церкви есть замѣчательные своею древностію деревянные подсвѣчники, холщевые ризы и вѣнцы, какъ говорилъ мнѣ священникъ Верхо-Пелюбрской Афанасьевской церкви о. Р. Лумбовскій.

Такая-же свѣчка, только нѣсколько потоньше, есть въ часовнѣ при дер. Давыдовской (въ Хмельникахъ), эта свѣчка замѣчательна еще тѣмъ, что по преданію она подарена Чудью. Дѣло было такъ: часовня никогда не запиралась прежде, какъ она, впрочемъ, не запирается и теперь, и кто хочетъ помолиться Богу, приходитъ во всякое время дня и ночи безпрепятственно, помолится и оставитъ тутъ, обыкновенно въ блюдѣ, денегъ на свѣчки. Вотъ разъ и случилось такъ, что Чуди соблазнились и захотѣли ограбить эту часовню, для этого забрались они среди ночи туда и начали было убирать деньги и другіе цѣнные предметы, но Богъ накинулъ на нихъ такую слѣ-

[1]) Дѣкнуться—скрыться..

поту, что какъ они ни старались найти двери и выйти никакъ не могли. Тогда Чуди раскаялись и помолились нашему Богу и оставили всѣ деньги и вещи на прежнемъ мѣстѣ и Богъ смилосердился—далъ имъ прежнее зрѣніе и они вышли изъ часовни благополучно. Въ благодарность за это Чуди и подарили эту свѣчку, которая теперь и стоитъ у явленной иконы св. Георгія Побѣдоносца. Свѣчка эта вся расписана разными цвѣтами: желтой, голубой и пунцовой красками, рисунки подобны этому G и S, что по народному называется «курочкамъ».

Были въ этой часовнѣ холщевыя ризы, окрашенныя кубовою краскою, съ бѣлыми крестиками, но увезены были въ мѣстную Хмельницко-Преображенскую церковь. (Сообщеніе крестьянина Рудакова).

Въ старой Верхо-Подюжской Афанасьевской церкви есть слѣдующія древности:

1) Икона Божіей Матери, изображенной сидящею, сложа руки на крестъ: передъ Ней стоитъ на столѣ чаша, а въ чашѣ орудія пытки: гвозди, бичи, тросп, рукавица и копіе, съ подписью названія каждаго изъ сихъ предметовъ. Немного поодаль—сосудъ съ миромъ женъ мироносицъ, терновый вѣнецъ; позади—на башнѣ стоитъ пѣтухъ; на углахъ, въ верху иконы изображены человѣческія лица, означающія солнце и луну. Затѣмъ, нѣсколько поодаль — крестъ Господень, на немъ надпись [1]).

Въ тотъ же кіотъ, рядомъ съ этою иконою вставлена еще другая, тоже древней живописи: «Пр. Іоаннъ спаситель лестницы»; наверху—Іисусъ Христосъ, сидящій въ облакахъ.

2) Другая древняя икона изображаетъ Іисуса Христа, сидящаго въ коронѣ, по правую сторону Его стоитъ Богоматерь въ вѣнцѣ, по лѣвую—Іоаннъ Предтеча, стоящій и благословляющій. Надписи надъ главами Ихъ.

3) Деревянный, неокрашенный крестъ, самой простой и грубой работы, длиною $1^1/_4$ аршина, на которомъ слѣдующая надпись [2]), сдѣланная смолою: Ѻстися жертвенникъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа во храмѣ святители Афанасія и Кирилла, патріарховъ Александрійскихъ, при державѣ Благочестивѣйшія и самодержавнѣйшія Великой Государыни Императрицы нашей Екатерины Алексѣевны всея Россіи и при наслѣдникѣ ея Благовѣрномъ Государѣ цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, по благословенію преосвященнѣйшаго Іосафа, Епископа Архангелогородскаго и Холмогорскаго въ лѣто отъ рождества Христова тысяча семьсотъ шестьдесятъ пятаго года, генваря седмаго на десять дня, на память премудраго и Богоносцаго Антонія Великаго. Надпись съ права: ІНС, съ лѣва: ХС, въ подножіи: Н И К Я.

4) Въ церковной кладовой (амбарѣ) есть древніе деревянные вѣнцы, сдѣланные изъ лубка рябины и оклеенные бумагою, на которой изображены лики святыхъ.

Сверху крестики на вѣнцахъ разбиты и утеряны.

Кромѣ этихъ древностей есть еще много другихъ, находящихся въ этомъ амбарѣ вмѣстѣ съ разнымъ хламомъ, но всѣхъ ихъ не было возможности осмотрѣть. Были, какъ разсказывалъ намъ мѣстный псаломщикъ, прослужившій здѣсь около 40 лѣтъ, и ризы холщевыя, но куда-то въ послѣднее время утрачены.

Набросокъ съ этой церкви прилагается.

Въ деревнѣ Зеленой есть тоже очень древняя явленная икона. Объ явленіи этой иконы преданіе говоритъ слѣдующее. Одинъ крестьянинъ, идя въ лѣсу, вдругъ замѣтилъ эту икону висящею на высокой березѣ, на самой вершинѣ ея, хотя крестьянинъ сейчасъ-же полѣзъ туда, чтобы взять ее и унести, но икона не давалась въ руки и онъ на этотъ разъ ушелъ «простой». Придя домой, крестьянинъ тотъ разска-

[1]) Къ сожалѣнію, орфографію не могли соблюсти, по неимѣнію свободнаго времени.

[2]) Приведенныя авторомъ надписи опущены, по явно-невѣрной передачѣ. *Ред.*

залъ объ этомъ чудѣ своимъ сосѣдямъ, которые, вмѣстѣ съ нимъ, на-завтра и пошли смотрѣть и, увидя, не мало дивились сему чуду и стали молиться, чтобы икона спустилась съ березы или далась-бы въ руки, обѣщаясь въ тоже время построить часовню. Послѣ этого нашедшій икону крестьянинъ опять полѣзъ на березу и на этотъ разъ икона «далась въ руки». Крестьяне тутъ-же прибили на столбъ эту икону и сдѣлали сверху небольшую крышицу, а впослѣдствіи, когда на то мѣсто переселилась теперешняя деревня Зеленая, сдѣлали часовню и, наконецъ, церковь. — Нѣсколько разъ икону эту увозилъ одинъ священникъ въ село Пономаревское въ приходскую церковь, но икона всегда невидимо уходила опять на свое прежнее мѣсто, въ деревню Зеленую. Когда, бывало, повезетъ священникъ эту икону, то всѣ жители деревни на колѣняхъ и со слезами на глазахъ просили его не трогать ихъ святыни, но священникъ не слушалъ ихъ, оттого въ послѣдствіи жилъ очень несчастно и весь его родъ «рѣшился» т. е. вымеръ.

Въ Ширыхановско-Покровской церкви есть древняя икона Покрова Пресвятой Богородицы, которая въ народѣ слыветъ за чудотворную, а потому ежегодно 1-го Октября туда стекается масса народу-богомольцевъ. Каждый богомолецъ считаетъ своимъ долгомъ, по отслуженіи молебна въ церкви, придти къ озеру «Пачко» и бросить въ него какую нибудь монетку, такъ какъ и озеро это почему-то считается святымъ и водою его умываются страдающіе глазными болѣзнями. Икона-же эта явилась такъ: она плыла сверху рѣки Подюги и въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится церковь, остановилась; видѣвшіе это чудо тотчасъ-же приступили къ постройкѣ часовни, а затѣмъ уже и церкви.

А. Шустиковъ.

ОТДѢЛЪ II.

О говорѣ жителей Левочской волости, Боровичскаго уѣзда.

Левочская волость расположена на границѣ Боровичскаго и Устюженскаго уѣздовъ. Говоръ жителей ея совершенно сходенъ съ говоромъ большинства обитателей обоихъ вышеупомянутыхъ уѣздовъ.

Отмѣтимъ особенности его.

Главная особенность этого выговора состоитъ въ томъ, что въ немъ замѣтно очень твердое произношеніе звука *о*: здорово, Новгородъ, говорю; причемъ гласныя: *е* и *а* въ особенности послѣ шипящихъ часто слышатся какъ *о*: нщ*о*, ч*о*во, р*о*бяты, дюж*о*, далеч*о*, *О*лёна, скаж*о*тъ, батюшк*о*, ст*о*канъ, к*о*рета, р*о*бота. Иногда переходятъ въ *о* и другія гласныя, какъ *ы* и *у*, напр.; добр*ой*, стар*ой*, *л*огъ. Въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ поднарѣчій, иногда употребляется *а* вмѣсто *о*: к*а*рапъ, м*а*нахъ, пар*а*ходъ, с*а*лдатъ. Звукъ *о*, когда на него не падаетъ удареніе, слышится какъ бы *у*: *у*горотъ, *у*гурецъ, *у*кунусь, св*у*ю; но въ словѣ «откуль» *у* слышится явственно. Въ словахъ: тольк*и* и стольк*и* вм. *о* употребляется *и*. Въ словѣ *ёнъ* вм. *о* произносится *ё*.

Въ словахъ: вс*и*, ч*и*мъ, *й*нсь, витъ (вѣдь) произносится *и* вм. *ѣ*; въ прочихъ же случаяхъ, когда обыкновенно пишутъ *ѣ*—употребляется *ѣ*, напр. хлѣбъ, сѣно, лѣсъ и т. п. Въ словахъ: опосл*я*, окром*я* и ест*я* вм. *ѣ* и *е* слышится звукъ *я*. Въ словѣ—поцѣлуй слышится *ё*—поц*ё*луй. Звукъ *е* довольно часто произносится какъ ё: н*ё*бо, ко*ё*, осер*ё*дъ, Олёха, Олёна, жёна, лёнъ, кр*ё*сной и т. п. Вмѣсто *е* слышится *и*: т*и*бя, с*и*бя, б*и*сперечь, б*и*спокойство, н*и*дѣля, подруж*и*нька; наоборотъ вмѣсто *и* слышится *е*; соб*е*рать, пом*е*рать. Вмѣсто *э* произносится *е*: етотъ. Вм. *я* слышится *е*, когда на него не падаетъ удареніе, напр.: *е*йцо, севодн*е*, *е*чмень, нашелсе (твёрдо какъ э—нашелсэ), *Е*нварь, пам*е*ть.

Вмѣсто *у* произносится иногда *ы*: б*ы*тто. Вмѣсто *и* произносится *ы*: кр*ы*нка, кр*ы*чать, кр*ы*лосъ, кр*ы*лошане. Вмѣсто *ю* произносится *у*; суды, дальн*у*ю.

Вмѣсто *л* и *м* употребляется *н*: а*н*баръ, *н*ебель, г*н*ила. Вмѣсто *д* употребляется *г* и *р*, напр.; *г*ля, сва*р*ьба. Вм. *г* употребляется *в*: ко*в*да, то*в*да. Вм. *в* употребляются: *р*, *с*, *г*: наск*р*ось, *с*кусной, *г*(ъ) рѣки. Вмѣсто *н* употребляется *ль*: пѣсе*ль*никъ. Вм. *кв* и *хв* произносится *ф*: Ти*ф*ина, *ф*атера. *С* въ соединеніи съ *ш* произносится какъ два *ш*: ра*шш*аталась. Вм *к* произносится *х*: *х*то, хрещёной, *х*ресьяне, *хв* угороду; наоборотъ вм. *х* употребляется *к* въ словѣ *к*лѣвъ. Шипящія часто замѣняютъ одна другую: *ж*, *ч*, *щ*, выговариваются какъ *ш*: мо*ш*но, тол*ш*ина, коне*ш*но, *ш*то, серде*ш*ной, дѣвви*ш*никъ, ру*ш*никъ. Вмѣсто *щ* употребляется иногда *х* и *шо*: слу*х*ать, *шо*елка. Встрѣчаются удвоенія звуковъ, напр.: вм. *бм* произносится два *м*, вм. *бв* два *вв*, вм. *дн* два *н*: о*мм*анулъ, о*вв*енчалсе(э), ла*нн*о, ви*нн*о, ро*нн*ой. Вмѣсто суффикса *ист* употребляется *мян*: ду*шм*яной, послу*хм*яной.

Замѣчается выпаденіе гласныхъ и согласныхъ звуковъ, напр., въ началѣ словъ:

ерой, озлѣ, надобьё, менныпикъ, здумать, здрастуй, ебро; въ срединѣ словъ: межу, сичасъ, въ серцахъ, крёсной, щасьё, сонцё, довольсво, обнаковенно, убивсво, подыми, новыйми, ежли, празникъ, вить, дѣушки, глыбко; въ концѣ слова, напр.: проти, захо*ти* вм. захотѣлъ. Нарощеніе гласныхъ и согласныхъ: ба*й*на, кофе*й*, *е*вонъ, посте*л*я, колоко*ло* (*в* перешло въ *о*), и*д*равъ, *о*кромя, *о*после, терп*л*ѣнье, ест*е* (и естя), обиж*д*ают*це*, мол*ы*нья, рай и дуга крадуга), привиж*д*еніе.

Въ спряженіяхъ глаголовъ замѣчаются слѣдующія особенности: въ неопредѣленномъ наклоненіи дѣйствительнаго и средняго залоговъ вм. *ть* употребляется *ти*: сѣс*ти*—проѣха*ти*, усмотрѣ*ти*; въ возвратномъ залогѣ вм. *ся* въ неопред. накл. послѣ *т* употребляется *тцы* и *тце*: сѣдитцы, обижда*тце*. Въ един. числѣ настоящаго времени дѣйств. залога замѣчается стяженіе гласныхъ: «знашь, зна*тъ*, дума*тъ*»—и сокращенныя формы: *вишь* вм. видишь, *хошь* вм. хочешь. Въ 1 лицѣ множ. числа будущаго времени изъявител. накл. прибавляется *те*: пойдемъ—*те*; во 2-мъ лицѣ един. несов. вида и будущаго сов. вида вм. *те* употребляется часто *тя*: гледи*тя*, смотри*тя*, пойде*тя*. Въ повел. накл. отъ глаголовъ поднимать и повынуть (и вынять) употребляется: по*ды*ми, по*вый*ми. Въ возвратномъ залогѣ вм. *ся* употребляется *се* и *сы*: помѣнялис*е*, образовалис*е*, нашел*сы*. Употребляется давнопрошедшее время отъ глаголовъ средняго залога: пришел*тце*—уже прежде пришелъ. Дѣепричастіе прошедшаго времени дѣйст. и ср. зал. употребляется съ окончаніями: *вши*, *вше* и *я* (заим. отъ дѣепр. наст. врем.) посѣдѣ*вше*, посидѣ*вши*, подумав*ше*, поси*дя*.

При склоненіи существительныхъ встрѣчаются слѣдующія особенности: въ дат. и предл. падежахъ вмѣсто *ѣ* употребляется *ы* и *и*: на во*ды*, на рѣ*ки*, рѣки, на гор*ы*, *из* воды. Твор. множ. числа употребляется съ окончаніемъ дат. падежа: за сапог*амъ*, за пя*тью* нач*амъ*.

Въ прилагательныхъ вмѣсто *ый* и *ій* употребляется окончаніе *ой*, напр. добр*ой*, хорош*ой*, дальн*ой*, глубок*ой*. Въ родит. падежѣ ед. числа вмѣсто *аго* и *ого* слышится *ово*: добр*ово*; вм. *яго*—*ево*, *ева*: син*ева*, син*ево*. Въ имен. п. множ. числа вм. окончаній: *ые*, *ыя*, *іе* и *ія* употребляются окончанія *ыи* и *іи*: добр*ыи*, син*іи*. Въ творительномъ един., въ родительномъ, дательномъ и предложномъ множественнаго числъ употребляются окончанія мѣстоименныя, напр. подъ ворон*ыимъ* конемъ, добр*ыихъ*, добр*ыимъ*, о добр*ыихъ* людяхъ.

Сравнительная степень отъ качественныхъ прилагательныхъ выражается въ полной формѣ съ окончаніемъ *ѣя*: добр*ѣя*, бѣл*ѣя*—и сокращенной: добр*ѣ*, бѣл*ѣ*; причемъ *ѣ* нѣсколько растягивается. Слѣдуетъ замѣтить, что въ народныхъ пѣсняхъ, причитаніяхъ и др. поэтическихъ народныхъ произведеніяхъ употребляется чаще полная форма, а въ разговорной рѣчи сокращенная. Превосходная степень часто замѣняется сравнительной съ прибавленіемъ слова всѣхъ: «она *басче всихъ* наряжена», «она *выше всихъ* посажена». Сложная форма полож. степени прилагательныхъ, нарѣчій иногда (для выраженія обилія качествъ) выражается прилагательныхъ, поставленнымъ въ творительномъ падежѣ съ окончаніемъ *имъ* — безразлично для твердыхъ и мягкихъ окончаній—и положительною степенью прил. и нар. съ суфиксами: охонекъ, ёхонекъ, ошенекъ, охонько, ёхонько, ошенько напр. бѣл*имъ* бѣлё*хонекъ*, красн*имъ* краснё*хонекъ*, сух*имъ* сухо*хонекъ*, бѣл*имъ* бѣлё*хонько*, красн*имъ*—краснё*хонько*.

При склоненіи личныхъ мѣстоименій въ род. и винит. пад. един. числа употребляются полныя и сокращенныя формы: т и б я и т я, меня и м н я. Въ винит. пад. женскій родъ мѣстоимѣнія ё н ъ имѣетъ вм. её формы і ё, і ю; въ соединеніи съ предлогами *н* отъ мѣст. ёнъ никогда не употребляется; за и м ъ, за е г о, подъ и м ъ, х ъ е м у. Вопросительное к о т о р ы й замѣняется славянскимъ к о й, к а я, к о е. Всѣ мѣст., оканчивающіяся въ род. падежѣ на г о, смягчаются въ в о, напр.: м*ово*, все*во*, ко*ева*, самово. Мѣст. указательное т о т ъ склоняется какъ прилагательное въ растяжимой формѣ: ты*имъ* и т ѣ м ъ, ты*ихъ* и т ѣ х ъ.

Числительное количественное два имѣетъ род. падежъ двёхъ. Вмѣсто двѣсти употребляется иногда: два—ста; вм. трижды упот. трою.

Числительныя порядковыя склоняются какъ прилагательныя съ полнымъ окончаніемъ: пятой, пятово. шестово, осьмова.

Кромѣ вышеуказанныхъ особенностей въ говорѣ жителей Левочской волости встрѣчаются слѣдующія отмѣнныя слова и выраженія:

Ажно (Новг. ижно)—даже, такъ что.
Васни—пустые разговоры, сплётни.
Ваять—говорить.
Веремя—тяжесть, ноша преим. сѣна.
Вестолочь—неразумный человѣкъ.
Виспеpечь—безпрестанно.
Буракъ—цилиндрической формы коробка изъ бересты, въ которую кладется соль.
Взаболь—вправду, на самомъ дѣлѣ.
Давень и давечь (чу) недавно.
Досель—сельной:—до сихъ поръ, давній.
Доспѣшка—торопливость.
Досужной—не имѣющій дѣла.
Дрочить—гладить; ласкать.
Дяницы (Новг. дельницы) вязанки, перчатки съ однимъ пальцемъ.
Евонъ—вотъ гдѣ.
Есте и естя—есть.
Еретикъ—ругательное слово.
Жжанутце—стараться дѣлать изо всѣхъ силъ.
Жито—ячмень.
Задышка—одышка.
За обчё—вмѣстѣ.
Замашка—привычка.
Зимусь—пр. зимою.
Знамо—извѣстно.
Зобать—ѣсть.
Зоблитце—заботиться.
Зыкнуть—пригрозить; навзыкать—натравить.
Изношье—ноша.
Имать—ловить.
Каметка—дверь во дворъ, въ огородъ.
Кажинной—каждый.
Кой—который.
Косарь—большой ножъ для рѣзанья хлѣба.
Крыльца—заплечья около лопатокъ.
Крынка—глиняной горшокъ для молока.
Ладилъ—хотѣлъ; жилъ въ мирѣ.
Латка—продолговатая глиняная посуда съ небольшими заворотами.
Льститце—ласкаться.
Межугалокъ—промежутокъ, прогалина въ лѣсу.
Моль—мелкая рыбка.
Макушка—житный хлѣбъ.
Нà—кось—видите, что дѣлаетъ.
Науськать—натравить.
Не въ сутерпъ—не въ могоτу, не вытерпѣть.
Ненять—не въ состояніи.
Неколи—нѣкогда.
Не само—не очень.
Обутка—обувь.
Окрута—нарядная одежда; приданое.
Окрутники—ряженые.
Ономедни—на этихъ дняхъ.
Опризорить—испортить худымъ глазомъ.
Осередь—среди.
Откуль—откуда.
Отселя—отсюда.
Откутать—отворить.
Оногдась—недавно.
Особливо—особенно.
Очепъ—жердь для качанія зыбки (люльки); брусъ у колодезя.
Повойникъ—головной уборъ замужнихъ женщинъ.
Пожня—лугъ.
Понасертки—сердясь, со злости.
Почать—начать.
Послухманой—послушный.
Пригунуть—замолкнуть отъ страха.
Приздынуть—поднять.
Пріузь—цѣпъ.
Пропастина—падаль.
Прòголоть—почти голодъ.
Пялитце—лѣзть.
Порозной—порожній, пустой.
Прогалина—голое мѣсто въ лѣсу, плѣшина въ полѣ.
Ражой—здоровый, видный.
Разбередить—повредить руку.
Розной—дырявый.
Рушникъ—полотенце.
Снафида—ругательное слово—неряха, дура.
Стравить—испортить.
Сукрестъ-накрестъ—крестообразно.
Сулить—обѣщать.

Столопъ—столбъ.
Стягъ—колъ.
Столарь—столяръ.
Сяжеть—можетъ; «пока сила сяжеть»—пока могу.
Суразный—ладный, толковый, видный.
Стоснуть—испытать тоску.
Такъ и сѣло—такъ и сдѣлалось.
Таратайка—двухколесный экипажъ.
Толокно—овсяная мука.
Топерича, топеречка—теперь.
Тутыньку—тутъ.
Тулитце—таиться.
Тишитце—надсмѣхаться.
Упакать—угодить, приноровляться.
Ухватка—манеры.
Уйма—много, масса.
Хаять—отзываться о комъ-либо худо, хулить.
Шадровитой—имѣющій на лицѣ знаки осны.
Шибко—скоро; Шибаетъ—качаетъ
Шикнуть—уколоть, укусить.
Церьква—церковь.
Этта—здѣсь.

Въ заключеніе приведу четыре свадебныя пѣсни, записанныя тѣмъ говоромъ, какой употребляется въ Левочской волости.

№ 1.

Не въ логу-ли кони спущены,
Шелковымиъ путомъ спутаны.
Не ѣдятъ да вороны кони,
Не ѣдятъ да муравой травы,
Не пьютъ да ключевой воды...
Подъѣзжали кони вороны
Хъ Овдотьиному терему:
Овдотья да услышала.
Она проситъ коримльцу—батюшку:
«Ты, кормилецъ родной батюшко,
Засѣки пути дороженьки!»
— «Моё мило, моё дитетко!
Какъ у ихъ кони ретивыи
Не подержатъ стѣны каменны».

Записана со словъ крест. дер. Звягина, Левочской волости, Елисаветы Богдановой.

№ 2.

Вдоль по улицы по широкой
Тутъ гуляетъ доброй молодецъ,
Енъ загуливалъ во высокой терёмъ
Хо души, младой дѣвицы,
Хо Варвары Васильевны...[1])
—«Ты, душа, млада дѣвица,
Што Варвара Васильевна!»
—«Ты, проѣзжёй доброй молодецъ,
Иванъ Ѳедорычъ,
Не жжимай моихъ бѣлыхъ рукъ,
Не сломай золота перстня!
Што не ты мнѣ золоты персни купилъ,
Што не ты мнѣ золотыи подарилъ;
Мнѣ купила родна матушка,
Подарилъ кормилецъ—батюшко».

№ 3.

Когда не даютъ гостинцевъ за пѣсни, дѣвицы поютъ:

У Василья хъ поѣздѣ
Всё дураки,
У Иваныча хъ поѣздѣ
Всё простаки.
Ены лѣсомъ ѣхали
Лыка драли, (2 раза)
Лапти плели.
Оны гъ ворота въѣжжали—
Обушивали;
Оны на дворъ-то въѣжжали,
Обувалися;

[1]) Въ этомъ мѣстѣ пропущено, что молодецъ воспользовался отсутствіемъ родителей молодой дѣвушки, влѣзъ въ окно ея дома и сталъ сжимать руки дѣвицы.

Оны въ теремъ-то восходили
Прямъ хъ печи лицомъ,
На печномъ-то столбѣ
Котъ со хвостомъ;
Оны думали
Што дѣдъ съ пестомъ.

№ 4.

У насъ дружинька хорошинькой,
У насъ дружинька пригожинькой.
Ужъ ёнъ знаетъ, чимъ дѣвицѣ подарить;
Ужъ ёнъ знаетъ, чимъ пожаловати:
Изъ рубля двёмъ полтинамъ,
Изъ полтины волотой гривной.

[Всѣ четыре пѣсни записаны со словъ Елизаветы Богдановой, крестьянки деревни Заягина, Левочской волости].

Замѣчаніе о говорѣ жителей Боровичскаго уѣзда.

Точно также, т. е. какъ обыватели Левочской вол.—говорятъ жители и всего Боровичскаго уѣзда. Только обитатели деревень, расположенныхъ около самаго города Боровичъ и по Сопинскому тракту, говорятъ нѣсколько отлично отъ этого говора.

Различіе это состоитъ, во 1-хъ, въ томъ, что въ говорѣ ихъ звукъ е, обозначаемый въ литературѣ буквою *ѣ*, всегда замѣняется звукомъ *і*, напр.: *сіно*, *хлі*бъ, *і*дать, м*і*сто, л*і*съ, пр*іі*халъ и т. п. Исключеніе изъ этого правила представляютъ тѣ случаи, когда въ словѣ встрѣчаются два *ѣ* или *е* и *ѣ*. Тогда одно изъ нихъ замѣняется звукомъ і, а другое—quod libet произносится какъ е, напр.: во хлѣв*і*, н*и*вѣста, н*и*деля.

Другая особенность этого поднарѣчья состоитъ въ томъ, что въ немъ звука ё нѣтъ; онъ замѣняется звукомъ е: ид*е*, пье, кл*е*нъ, м*е*дъ, бер*е*за, хорош*е* (зап. въ селѣ Бѣлавинѣ). 3. 3-е лицо наст. врем. ед. ч. безъ мѣстоим. оконч. напр. «Окунь*е* и писарь*е* такъ и клю*е*». «Онъ водку пь*е*». Въ дер. Новоселицахъ говорятъ буд*ета*.

По ту и по другую стороны Сопинскаго тракта говорятъ также, какъ и въ Левочской волости.

Михаилъ А. Синозерскій.

Село Левоча. 20 Іюля
1895 года.

Простонародныя слова, употребляемыя въ уѣздахъ Новгородской губерніи: Новгородскомъ, Крестецкомъ, Старорусскомъ, Кирилловскомъ и Боровичскомъ:

Произношеніе словъ.	Ихъ значеніе.	Уѣзды, въ которыхъ употр.
1. Слю́тно	скучно	Крестецк.
2. Слю́тить	соскучить	Крестецк.
3. Отошно	потомъ	Новгор.
4. Галя.	[ласкательное].	Крестецк.
5. Шишко́	чертъ	Крестецк. Старор. Новгор.
6. Ло́нись	въ прошломъ году	Крестецк.
7. Лоньша́къ.	прошлогодній [напр. телёнокъ]	Крестецк.
8. Досу́ль [досульное время].	давно, прежде	Крестецк. Новгор.
9. Стокашша [ст.—пѣсенъ]	мастерица	Новгород.
10. Му́скоротно	Неловко, неудобно [Въ Илью какъ то мус.—работать]	Новгор.
11. [Экой] ке́рда	[экой] разъ (случай)	Крестецк.
12. Кас[т]ь [казь]	погань, мерзость	Крест. Старор.
13. Особѣ	отдѣльно	
14. Застань	очень много	
15. Бахорить	говорить	
16. Баско	красиво	
17. Обли́ванникъ	[ругательное]	
18. Простыня́	человѣкъ простой	
19. Выть	Сила [у него лошадиная в.—]	
20. Поша́ва.	эпидемія	
21. Оклеять	поправиться, выздоровѣть	Новгородскій уѣздъ.
22. Карбатй	колотушки кулаками	
23. Ку́рва	[ругательное]	
24. Подсурыкивать	подзадоривать	
25. Подсалаживать		
26. Стерва	1) падаль 2) [ругательное]	
27. Взабыль	дѣйствительно	
28. Санапалъ ж. р. санапалка	бойкій человѣкъ.	

Произношенье словъ.	Ихъ значенье.	Уѣзды въ которыхъ употр.
29. Ошшаўла	мастеръ на разговоры	Крестецк.
30. Охабачивàть	Быстро, ловко работать	Крест.
31. Сиута—подхалюза	старающійся угодить нашимъ и вашимъ.	Новгор.
32. Загибаться.	важничать	Среди мастеровыхъ Новг.
33. Сгнѝдиться	обидѣться	?
34. Пáсикельки	Бѣлое, жидкое вещество, остающееся подъ рѣшетомъ, черезъ которое пропускаютъ овсяную муку для приготовленія овсянаго киселя.	Крест.
35. Опáнка	двѣ мѣры (зерна)	Новгород. (Тёсово).
36. Занáчить	утаить припрятать	Новг. (Тёс).
37. Пестрошка	корзинка	Кирилл.
38. Шкрабать	производить лёгкій шумъ [напр. мыть ш.—]	
39. Шишкаться.	мѣшкать, дѣлать что либо съ ненужной медленностію.	
40. Курéнь.	Сборъ въ крест. обществѣ съ чужихъ (безземельныхъ) за пользованье мірскими дровами, водою и т. под.	} Новогородскій уѣздъ.
41. Не дойдетъ	не могу сдѣлать	
42. Жѝвучи	въ былое время	} Крестецк. уѣздъ.
43. Турлюкъ	бумажный мѣшекъ	
44. Барканъ	морковь	Новгор.
45. Журавѝна	клюква	Новгор. Крестецк.
46. Сўльчина	сырое, прѣсное тѣсто	Крест.
47. Мурà	вода съ хлѣбомъ	Крест. Новгор.
48. Гўльба	картофель	Старор.
49 Праться	полоскать бѣлье	Старор.
50. Гомонить	коротко разговаривать	Старор.
51 Упакъ	сапогъ	Кирил.
52. Скѝпа (скипа во весь каравай).	ломоть	Кирил.
53. Хилкáть	скрипѣть	Кирил.
54. Жѝгалка (ж.—доканалась)	свѣча	Кирил.
55. Влѝцы	} черные грибы	Старор.
56. Обабки		Крестец.
57. Колунъ	топоръ для колотья дровъ	Крестец. Новгор.

Произношенье словъ.	Ихъ значенье.	Уѣзды въ которыхъ употр.
58. Стравйть	сломать, испортить	Новгор.
59. Пелѣвня	сарай для пѣловъ	Боровск.
60. Пуня	сарай для сѣна	Старор.
61. Пѣлы	остатки ржи, овса	

К. Лафровъ.

Особенности говора Кадниковскаго уѣзда Вологодской губ.

Приступая къ описанію особенностей мѣстнаго говора въ сѣверо-западномъ краѣ Вологодской губерніи, нужно сказать, что этотъ говоръ не одинаковъ по всему пространству уѣзда. Въ однѣхъ волостяхъ замѣчаются извѣстныя особенности говора, въ другихъ—иныя. Въ Троичинѣ, напр. (на сѣверѣ уѣзда), преобладаетъ звукъ «ц» вмѣсто «ч», чего въ южныхъ волостяхъ незамѣтно. Въ центральныхъ рѣзко выдѣляется мягкое «к» въ окончаніяхъ: «ка», «ко», «ку» и пр. и звукъ «уо» вм. «о», чего въ свою очередь нѣтъ въ указанной Троичинѣ. И лексиконъ народныхъ словъ также не одинаковъ по всему уѣзду.

Слова, употребляемыя въ одной мѣстности, иногда совершенно неизвѣстны въ другой. Кремлевскія: «сохутить», «тюрба» и пр. непонятны для жителя среднихъ и южныхъ волостей.

Примѣчаніе. При изложеніи правилъ фонетики и морфологіи, я буду приводить примѣры съ удержаніемъ того выговора, который наблюдалъ въ Кремлевской волости [1]) и который отличается бо́льшею оригинальностью.

Фонетика.

I. Замѣна гласныхъ.

а) Повсемѣстно замѣчается въ произношеніи звукъ «и» вмѣсто «ѣ» въ тѣхъ случаяхъ, когда «ѣ» находится передъ мягкими гласными: 1) «и», 2) «е», 3) «я», 4) «ю» и 5) «ѣ» или передъ мягкою согласною съ звукомъ «ь». Въ противномъ случаѣ, т. е. передъ гласными: «а», «о», «у» и передъ согласною съ твердымъ полугласнымъ «ъ», всегда слышится «ѣ»=е.

Примѣры:

1) вйникъ вм. вѣникъ, наслйдникъ, сусйди вм. сосѣди, дитйна вм. дѣтина (здоровый, крѣпкій юноша).

---

[1]) Кремлевская волость, въ составъ которой входятъ три прихода: Кремлевскій-Богородскій, Глубоковскій-Спасскій и Глубоковскій-Ильинскій, находится въ сѣверной части Кадниковскаго уѣзда и примыкаетъ съ запада къ Каргопольскому уѣзду Олонецкой губ., съ сѣвера къ лѣсамъ Архангельской губ. Отъ своего уѣзднаго города она удалена на 180 верстъ.

2) сиёръ вм. сѣверъ, витеръ, ризень (отъ слова «рѣжу», ломоть хлѣба), йдетъ («и»—мягкое, іотированное) вм. ѣдетъ, сиели вм. сѣяли.

3) сиау, вйау вм сѣялъ, вѣялъ; хлибця вм. хлѣбца.

4) сию, вию, къ винцю вм. къ вѣнцу.

5) въ лисѣ—въ лисѣ, вийстѣ, къ невистѣ, въ телигѣ, винцѣть вм. вѣнчать.

6) тинь или стинь—тѣнь, ись—ѣсть, пить—пѣть, пиньё—пѣніе, здись. «Ко пинью церковному»,—встрѣчается выраженіе въ свадебныхъ причитаніяхъ.

Но говорится: бѣда, ѣхау, дѣло, сѣдло, лѣсомъ, мѣсто, ѣду, рѣжу, сусѣдъ и пр.

Иногда звукъ «и» слышится на мѣстѣ простаго «е». Напр.: килья, миуче вм. мельче, на Онигѣ (но-Онега) и пр.

β) Звукъ «е» употребляется вмѣсто «я» и «а», при тѣхъ-же условіяхъ, что указаны подъ α) напр.: урёдникъ вм. урядникъ, ейцё вм. яйцо, въ јенѣ (но: яма, въ яму), въ шлепѣ (шляпа), кнезь, грезь, зеть, опеть, сцёсьё вм. счастье, сцесливой вм. счастливый, јецьмёнь—ячмень и т. д.

γ) Нерѣдко вмѣсто чистыхъ звуковъ «е» и «о» слышится «ё». Крёсъ вм. кресть (но на крестѣ), јйдётъ вм. ѣдетъ, дёржитъ, витёръ, сивёръ; ейцё, лицё, ёнъ, мѣстоименіе «онъ». Въ деревнѣ Тундрихѣ Кремлевской вол. можно слышать: «картёха» вм. «картоха» или картофель.

δ) При сильномъ оканьи «о» иногда рѣзко звучитъ тамъ, гдѣ должно быть «а». Таковы напр. слова: тороканъ, торѐука, корета, колоши, стоканъ, зоря; Олёкса вм. Алекса (неполное имя «Александръ»), Охонька вм. Афонька.

Въ нѣкоторыхъ-же словахъ постоянно слышится «а» на мѣстѣ «о»; таковы: манастырь, саудатъ, манахъ, Апалонъ (Аполлонъ) и др.

Иногда «о» слышится вмѣсто «е». Напр.: робята, топерь, топеречи, золѣзо вм. желѣзо, ещо или ешчо вм. еще, одва вм. едва.

ε) Послѣ звука «ц» всегда слѣдуетъ мягкая гласная, т. е., вмѣсто «а» звучитъ «я», вм. чистаго «е»—іотированное—«је», вм. «о»—«ё», вм. «у»—«ю», вм. «ы»—«и», вм. твердаго полугласнаго «ъ»—мягкій «ь». Напр. оуця вм. овца, цадъ (чадъ), птиця, цёркава («це»—мягкое) цей? (чей?), соуцё вм. солнце, крыльцё, цюю (чую, слышу), цюжой, цйплята, цыпленокъ, цигана, рубець, конець, отець и т. д. Въ противоположность этому, звукъ «щ» или «сч» всегда произносится твердо, т. е. гласная, составляющая съ нимъ слогъ, не іотируется: «щенка», «щасьё» (счастье), «ещо» «щолокъ»=«шчолокъ»,

ζ) Въ центральныхъ волостяхъ уѣзда, напр. въ Петряевской, Шапшенской, Васьяновской, Устрѣцкой и др. звукъ «к» съ гласною въ окончаніяхъ словъ звучитъ мягко. Вмѣсто: «ка, кая, ко, кое, ку, кую». слышится: «кя, кяя, кё, кёё, кю, кюю». Руцькя, биленькяя, тольке, въ рицькю (но—рѣка), тоненькюю, ноцькю и т. д.

η) Въ тѣхъ-же волостяхъ и нѣкоторыхъ другихъ вмѣсто открытаго «о» звучитъ смѣшанный звукъ, похожій на «уо». Напр., куорова, туолько, пуомню, куони, дуома.

II. Замѣна согласныхъ.

a) Почти по всему уѣзду замѣчается въ произношеніи звукъ «ц» вмѣсто «ч». Вм. «чай» произносятъ «цяй» или «цей» (род. п. «цяю» или «цею»): цасы, цево, цашка, цядъ, цядно, целовѣкъ, цюю (пов. н. цюй-ко) и пр.

b) Иногда наоборотъ «ц» замѣняется звукомъ «ч». Напр., черква, чарь, Троича, мисячь (мѣсяцъ), придчеть (Ембская вол.).

c) Нерѣдко можно слышать звукъ «ф» на мѣстѣ «х» и «хв» и наоборотъ— «х» и «хв» на мѣстѣ «ф». Произносятъ: уфать (ухватъ), уфатить или фатить (схватить, взять), фось (хвостъ), фастать (хвастать); хвамиль или хамиль вм. фамилъ, хворсить вм. форсить (щеголять), Хроу вм. Фролъ; отсюда—«Хролоуденъ».

d) Во всемъ уѣздѣ можно наблюдать звукъ «у» вмѣсто «л» и въ большинствѣ

волостей—«у» вмѣсто «в», когда «л» и «в» слѣдуютъ за гласной, При этомъ звукъ «у» не имѣетъ на себѣ ни малѣйшаго ударенія и произносится очень слабо, какъ «й». Напр., тороўка, виўка, доўго, сидѣўка (сидѣлка); постоянно—въ окончаніяхъ глаголовъ въ формѣ прошедш. времени на «лъ»: ходиў, сидѣў, шиў, вязаў и т. д. дѣўка, лаўка, оўця, ўкусно (вкусно) и пр.

Морфологія.

Въ склоненіи именъ существительныхъ встрѣчаются слѣдующія особенности:

Именит. пад. множ. числа нѣкоторыхъ именъ на «ь» имѣетъ окончаніе «ьё». Напр. каменьё, пеньё, кореньё, ременьё, гвозьё и пр.

Род. п. каменья, пенья.
Дат. п. каменьямъ, пеньямъ.
Вин. п. каменьё, пеньё.
Твор. п. каменьёмъ, пеньёмъ.
Мѣстн. п. о каменьѣ, пеньѣ.

Но: день, конь, князь и др. имѣютъ множественное число, какъ въ литературномъ языкѣ.

Родит. пад. множеств. числа встрѣчается на «отъ»: ноко́тъ (отъ слова—ноготь), лапо́тъ (лапоть) и др.

Имена прилагательныя въ именит. пад. имѣютъ окончаніе «ой» вм. «ый» и «ей» вм. «ій»: до́брой, здоро́вой; хоро́шей, си́ней и т. д. Въ нѣкоторыхъ именахъ «ой» употребляется вм. «ій», напр. крѣпкой, здѣшной, дома́шной.

Родит. пад. единств. ч. именъ прилагательныхъ кончается на «ово» и «ёво» въ мужскомъ родѣ, на «ые» или «ыё» и «іе» въ женскомъ. Напр., доброво, си́нёво, добрые, хорошіе, синіе; кра́сново, красные и т. д.

Сравнительная степень нарѣчій оканчивается на «яя» (рѣдко—«яе») или «ие» [1]). Говорятъ: сильняя или сильние, порацяя или порацие (отъ слова—пора́то), порняя или порние (положител.—порно́й) и пр.

Употребляются мѣстоименія: «кой»? (который? какой?), «э́кой» (такой), «колько́й»? (который по числу?).

И. кой? коя? кое?
Р. коево? коіе? коево? и т. д.
Множ. ч. И. кои? Р. коихъ? и т. д.
И. экой, экая и эка, экоё и эко.
Р. эково, экіе, эково и т. д.

Множ. ч. И. экіе и эки. Р. экихъ, Д. экимъ и т. д.

Напр., обычныя выраженія: «кой чертъ!» «коя бо́лѣсь»?! «кои жо́ўви»!? (бранныя слова); «ко́ево дни» или «коево́дни», «эку бѣду»! «до́ эки поры», «о́ эку пору», «эки жо́ўви»! И въ связной рѣчи указанныя мѣстоименія употребляются очень часто.

Личное мѣстоименіе «онъ» или, по мѣстному выраженію, «ёнъ» форму родит. пад. женск. р. имѣетъ «иѐ», гдѣ оба звука произносятся весьма мягко, напримѣръ «у juję».

Творит. и мѣстн. падежи указательнаго мѣстоименія «этотъ» имѣютъ форму «э̀тѣмъ». Напр., этѣмъ батого́мъ, въ этѣмъ углу, за̀ этѣмъ домомъ и пр. (Кремлевской вол.).

---

[1]) Форма на «ие», вѣроятно, объясняется законами фонетики, такъ какъ «ие» здѣсь замѣняетъ „ѣе“, гдѣ вмѣсто „ѣ“ произносится „и“ (См. I, а).

Нарѣчія мѣста и нарѣчіе «вчера» большею частію употребляются съ присловьемъ «ка». Напр., здйсе-ка, тýто-ка, тáмо-ка, вчерáсе-ка (Кремл. вол.). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Митюковская вол.) эти нарѣчія произносятся съ удареніемъ на присловьи: туто-кá, здисе-кá, этта-кá (здѣсь, въ этомъ мѣстѣ).

Употребляются нарѣчія: «дучй», или «дуцй», т. е. дорогою, во время пути (образовалось, по всей вѣроятности, изъ дѣепричастія «идучи»), «сѐночи» или «сѐноци»=сея ночи, въ эту ночь (Кремл. вол.).

Въ спряженіи глаголовъ замѣчаются слѣдующія особенности.

Въ формахъ, оканчивающихся на «ся», т. е. въ неопред. накл. возвр. зал., въ 3-мъ лицѣ единств. и множ. чиселъ настоящаго времени того же залога, окончаніе «ся» измѣняется въ «це», при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Троичинѣ, «е» звучитъ, какъ іотированное; въ иныхъ волостяхъ «ся» измѣняется въ «цо». Носйтце вм. носиться, нóситце вм. носится, нóсятце вм. носятся; бранйтце, бранѐтце вм. бранятся, дерýтце, дратьце; дѣлаетцо, носитцо и т. д. Окончаніе формы 2-го лица настоящаго времени возвратн. зал. «шься» измѣняется въ «се». Ругáесе, смѐсе, дерѐсе, (смѣешься) и пр.

Глаголъ «даю» употребляется въ формѣ «даваю». 2 лице—«даваёшь, 3 л.—«даваётъ». Будущее время измѣняется такъ:

1 л. дамъ, 2 л. дасй, 3 л. дасъ;
Множ. ч. 1 л. даёмъ, 2 л. дапте̇, 3 л. даютъ.

Областныя слова и выраженія.

Значительная часть подмѣченныхъ мною словъ уже находится въ Толковомъ Словарѣ В. И. Даля, но тамъ они имѣютъ весьма различныя значенія, собранныя съ разныхъ краевъ Россіи. Въ настоящемъ же случаѣ, по самому существу дѣла, областныя слова будутъ поясняться тѣми только значеніями, съ которыми они употребляются въ Кадниковскомъ уѣздѣ. Этотъ сборникъ словъ далеко не обладаетъ вполнѣ тѣмъ обильнымъ запасомъ, какой хранится въ народной рѣчи.

А.

Амйнъ будь!—выраженіе 1) для означенія отреченія или полнѣйшаго несогласія съ мыслію другаго лица и 2) для означенія нежеланія или устраненія какого-либо бѣдствія. Существуетъ глаголъ «заамйнить», который прямо указываетъ на силу выраженія «аминъ будь»! въ понятіяхъ народа. «Зааминиться» значитъ: вполнѣ оградить себя отъ бѣды произнесеніемъ словъ: «аминъ будь»! или, что̀ тоже, «открещиваться».

Ашлыкъ, край или обшлагъ кармана.

Б.

Бабка,—1) Названіе «костыгъ», которыми играютъ маленькіе ребята и 2) названіе большой копны сѣна, состоящей изъ двухъ-трехъ возовъ, въ противоположность собственно копнѣ, которая состоитъ изъ небольшой груды сѣна (Успенско-Подольская вол. при Кубенскомъ озерѣ).

Бабýшка, всякая вообще игрушка и особенно гармоника.

Багýла, высокая толстостебельная трава съ бѣлымъ пахучимъ цвѣткомъ.

Бáеть, говорить. Бажóной, бѣдный, несчастный.

Баско, красиво, изящно.

Батькё, названіе дяди (Устрѣцкая вол.).

Батогъ, палка.

Бáты, два соединенныя корыта, употребляемыя на рѣкѣ вмѣсто лодки.

Бахи́лы, большіе сапоги.

Бачеру́га, хозяйка, стряпуха, «большу́ха».

Безокличный, непослушный, настойчивый.

Берёзникъ, березовый лѣсъ.

Божáтъ, крестный отецъ.

Бо̀лозе, благо, хорошо, благо что, хорошо что. «Кути́, бо̀лозе деньги есь», «бо̀лозе богатъ», «бо̀лозе уменъ»...

Болтъ или бо́утъ, толстый желѣзный стержень, который соединяетъ переднюю ось тарантаса съ лежащею на ней доскою.

Бо̀ркать, царапать, звенѣть.

Борку́нъ, бубень, «шаркунѐцъ».

Борови́къ, красный грибъ, растущій въ березовыхъ рощахъ.

Босови́къ, самая мелкая кожаная обувь, надѣваемая на босую ногу, въ родѣ галоши.

Ботаться, качаться, шататься, ходить безъ дѣла.

Браты́ня, мѣдная (иногда глиняная) чаша съ небольшою вогнутою частью на краю для разливанія жидкостей.

Бревѐнникъ, крупный, строевой лѣсъ.

Брунь, овсяный колосъ, кисть овсяныхъ зеренъ на одномъ стеблѣ.

Брунáстый, обильный зернами.

Большой баринъ или баринъ большая голова,—лицо, имѣющее роль въ свадебныхъ обрядахъ. Имъ бываетъ ближайшій изъ старшихъ родственниковъ жениха, преимущественно дядя.

Бу́ни, грязное бѣлье, одежда. У Даля,—«бу́ня», спѣсивый человѣкъ.

Букъ, ушатъ, въ которомъ кипятятъ камнями воду и моютъ (бучатъ) бѣлье.

Бу́ркасъ, буракъ. Иначе называется «ту́язъ», «туры́жка».

Бу́чень, быкъ.

Бывáть и быватъ, можетъ быть, авось.

В.

Валёжникъ, лѣсъ, обрубленый и валяющійся въ дачѣ, годный для дровъ.

Взаболь, на самомъ дѣлѣ, дѣйствительно; серьезно.

Вземличину, (поклонъ) до земли.

Вздрись, весьма полно, «по обрѣзъ» чашки или какого-нибудь сосуда.

Вёрстáть, ровнять, обрѣзывать.

Вёрстáкъ, деревянный столъ, на которомъ столяръ или плотникъ скоблитъ и обрѣзываетъ куски дерева и приготовляетъ разныя деревянныя вещи.

Висо̀къ, вымытая тряпка, иногда замѣняетъ полотенце.

Вобщинá, какое-нибудь общее дѣло или предпріятіе.

Водя́жной, пропитавшійся водою, водянистый.

Во̀згорь, болѣзнь у лошадей.

Волокá, деревянный треугольникъ для сохи.

Волоково̀е окно, окно безъ косяковъ, почти совершенно квадратное.

Воло̀жной, жирный, обильный масломъ.

Во̀лоть, стебель.

Воронѐцъ, полка въ избѣ надъ окнами.

Вы́водъ, плата со стороны жениха за невѣсту. Выводъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ восходитъ до 25 рублей и болѣе. У Даля—отдача въ замужъ, выдача денегъ артельщику.

Вымогать, выносить, выдерживать. У Даля—вынуждать, заставлять сдѣлать что-либо.

Выскорь, дерево, вывороченное изъ земли съ корнемъ.

Выть, время между однимъ принятіемъ пищи и другимъ и самое принятіе пищи

Вышка, чердакъ.

Въ объяў, на яву, въ дѣйствительности.

Вѣсёнъ или висёнъ, тяжеловѣсенъ.

Вѣшало, жердь, укрѣпленная на козлахъ. для вѣшанія льна въ снопахъ.

Вязиво или вёзиво, поясъ или перевязка снопа.

Вязъ, ивовыя вицы, соединяющія копылья въ дровняхъ.

Г.

Галанка, брюква.

Галить, смѣяться (архангельское—бросать).

Гальной, смѣшной, забавный.

Гаркать, кричать, звать.

Гнетёцъ, толстая и довольно длинная палка, привязываемая къ телѣгѣ, на которой возятъ снопы или сѣно. Гнетецъ сверху укрѣпляетъ возъ.

Гнусъ, докучливыя насѣкомыя, напр. оводъ, комаръ, муха.

Говитанъ, шнурокъ для креста на шею.

Говоря, рѣчь, выговоръ.

Гокать, шумѣть, стучать.

Гожей, удобный, пригодный.

Гоны, часть полосы на пашнѣ. Пахотная полоса обыкновенно раздѣляется поперегъ на двѣ или на три гоны. Гоны дѣлятся вдоль на «лехи», отдѣляемыя одна отъ другой бороздами.

Полоса.

лехи.

гоны гоны гоны

Гороховище, мѣсто, засѣянное горохомъ. У Даля—гороховое жнитво.

Гоўчу, говорю.

Д.

Даровица, подарокъ невѣсты жениховой роднѣ, платокъ или полотенце. У Даля—притча, случай, бѣда (псков.).

Дары, всѣ вообще свадебные подарки отъ невѣсты.

Двоедёръ, береза, съ которой дважды снято бересто.

Двойной, вдвоемъ, двое.

Досюдъ, давно, до сей поры; досюдошной, давнишній.

Дольникъ, сарафанъ, женская одежда. У Даля—длинная полоса.

Дошлой, толковый смышленый.

Дороднё, порядочно, хорошо.

Думкой, мнительный.

Дымолочное окно, прорубъ въ наружной стѣнѣ подъ потолкомъ для выхода дыма въ черной избѣ.

Ды́володокъ, деревянная дымовая труба, сколоченная изъ досокъ въ вертикальномъ положеніи.

Ж

Живность, срокъ жизни. Говорятъ: «въ свою живность». У Даля—продовольствіе, все, идущее на прокормъ и содержаніе.

Живо̀ловка, кольцо (Троич.).

Жира, хорошая, обезпеченная жизнь. У Даля—довольство, богатство. «Не житье, а жира»,

Жолви, по мѣстному произношенію жо̀ўви, бранное слово; чирей, вередъ или нарывъ (Петрявск. вол.). «Жо̀ўви въ руки!» «Жо̀ўви въ ротъ!» У Даля: «желвь», опухоль, нарывъ, желѣза.

Жомъ, скупой человѣкъ, скаредъ.

Жича, шерстяныя нитки изъ овечьей шерсти.

Жу̀чу, журю, выговариваю.

З.

Зааминить, значитъ: произнесеніемъ словъ «аминь будь» оградить себя отъ какого-нибудь непріятнаго обстоятельства, «откреститься». У Даля значитъ: завершить, закончить.

Заборка, переборка, маленькая комнатка въ избѣ съ однимъ окномъ, отдѣляемая стѣною изъ досокъ. Иначе она называется «шо̀мыша».

Заводить, начинать.

Званья нѣтъ, слишкомъ мало или вовсе нѣтъ чего-либо.

За́города, огородъ съ овощами (Азлецк. вол.), «гряды» или «капу̀стникъ» (Троичина).

Заживной, крѣпкій, здоровый.

Зала̀живать, запирать.

Замо̀ина, мѣсто размываемое водой.

За̀прягъ, концы оглобель, къ которымъ прикрѣпляется дуга при помощи гужей. У Даля запрягъ обозначаетъ: оглобли, дуги и гужи въ упряжи. Приводимый имъ примѣръ («онъ сбилъ его съ ногъ запрягомъ») скорѣе понятенъ при первомъ значеніи слова «запрягъ».

Запу̀ка, примѣта, которая указываетъ на какое-нибудь будущее обстоятельство; всякій мелкій обрядъ, имѣющій какое-нибудь значеніе или утратившій его.

За́стороны, боковыя части внутренности русской печи.

Зубить и зубоска̀лить, смѣяться надъ кѣмъ-либо. Зубить значитъ и вырѣзывать или обтачивать зубцы, напр. серпа, пилы и т. п.

Засѣкъ, часть гумна у боковыхъ стѣнъ, куда складываются снопы; «сусѣкъ» или закромъ въ амбарѣ.

За́стить, затѣнять, закрывать свѣтъ на что-либо.

Заста̀ть, загнать скотъ во дворъ или хлѣвъ.

Засопа, крупа.

Заро̀къ, норовъ.

Заро́дъ, длинный и узкій видъ стога сѣна.

Запатрать, запачкать. замарать.

Заво́зно, обильно привозомъ чего-либо. «У мельника нынѣ завозно».

Заво́ръ, часть огорода, пересѣкающая дорогу. Онъ устраивается изъ жердей въ го-

ризонтальномъ положеніи, которыя легко могутъ быть разобраны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Давыдовск. вол.) заворомъ называется отводъ (ворота въ огородѣ).

Зàвсё или зàусё, всегда.

Зазнаваться, гордиться.

Зазóрной, стыдливый, постыдный.

Закликать, остановить, прикрикнуть.

И.

Извàдка, норовъ, дурная привычка.

Извàра, ушатъ (Аслецк., Устрѣцк. вол.).

Изгреби, вычески отъ льна, когда его чешутъ щеткой, «очёски».

Излóбокъ, холмъ, пригородъ.

Изрóдной, видный, здоровый, «матёрый».

Изростъ, выростъ, время совершеннолѣтія. (Дѣвка-та на изростѣ).

Изурóчить, испортить, искажать. По вѣрованію народа, знахарь посредствомъ наговоровъ можетъ «испортить» человѣка, причинивъ ему какую-нибудь болѣзнь.

Имàть, брать, ловить. «Имай сахаръ-отъ», говоритъ хозяинъ при угощеніи гостя чаемъ.

Инóредь, другой, иной разъ (Кремл. вол.).

Испóдъ, низъ, обратная сторона. «Въ исподѣ», внизу, подъ чѣмъ-либо.

Испóдка, женская рубаха.

Исподволь, постепенно, мало-по-малу.

Истокàпельный, точь въ точь, буквально сходный, «какъ капли крови».

Истокóнной, idem.

К.

Кабы́ть, къ томуже, при томъ, тѣмъ болѣе что; какъ разъ, весьма удобно.

Канýнъ, 1) день предъидущій празднику; 2) сусло, приготовляемое на праздникъ и приносимое въ буракахъ въ церковь для освященія. У Даля «канунъ», между прочимъ, значитъ—«туесъ (буракъ) съ пивомъ, приносимый въ церковь для освященія къ празднику (Вологод.)». Но пиво не приносится въ церковь, а буракъ не называется кануномъ. «Отвѣдай кануну-то», говорятъ, угощая сусломъ.

Кáдочка, ручка у молотила.

Кадулька, кадь, мѣра больше ведра, но меньше ушата.

Капнáя (вода), дождевая, набѣжавшая съ крыши, «острѣшнáя».

Кáтка, воротъ рубахи. «И катка полà» (открыта). «Застегнй катку-ту!»—

Квàшеникъ, пирогъ изъ ячменной муки на толстой ржаной коркѣ.

Кидкóй, торопливый, горячій.

Кйка, сборникъ, женскій головной уборъ.

Кляпина, сильно согнутое дерево.

Клочье, волосы на головѣ (Троиц.).

Кожýриться, дѣлать натуги, натужиться, напрячься. У Даля: морщиться.

Кокóра, дерево, вывороченное съ корнями, или только нижняя часть ствола съ обрубленными корнями; бревно съ толстымъ корнемъ для барки.

Колесница, колея.

Коленйкъ, связанная изъ кольевъ рѣшетка, которая кладется на дровни.

Колькóй, которой по счету, сколькій.

Кóлобъ, круглый маленькій пирогъ, приготовленный изъ «рахты» и толокна. Рахта—это остатки, послѣ топленія, масла.

Колосяга, колосъ послѣ молотьбы, безъ зеренъ.

Колосникй, жерди въ овинѣ, на которыя складываются снопы для просушки.

Кóмель, 1) толстый низъ срубленнаго дерева, противуположный вершинѣ; 2) низъ снопа,—часть противуположная колосьямъ.

Конекъ, холка у лошадей.

Копотнóй, ретивый бойкій.

Кóпоть, дымъ, пыль.

Коповáтый, вялый, неторопливый.

Копы́лъ, деревянный брусокъ (столбикъ) въ дровняхъ. Копылья вставляются въ полозья одинъ противъ другого и соединяются другъ съ другомъ посредствомъ ивовыхъ «вязовъ».

Коргá, ругательное слово; большею частію «старая корга».

Корóватикъ, болотный грибъ, «козлякъ».

Коротáшка, короткая мужская одежда, до пояса, въ родѣ жилета.

Косúца, високъ.

Кошáўка, кожаная сума, «кисá».

Кóшное мѣсто, гдѣ можно косить.

Кошýля, овчинный кафтанъ съ крашениннымъ верхомъ.

Край, 1) избытокъ, множество; «хлѣба у него край»; 2) бѣда, несчастье; «экой край!=«эку бѣду!»

Крáсоту красить. Такъ называется одинъ свадебный обрядъ, въ которомъ выражается разставаніе невѣсты съ аттрибутами дѣвической жизни, съ «дúвьей крáсотой». Наканунѣ или въ самый свадебный день подруги невѣсты кладутъ на блюдо принадлежащіе ей: шляпку (если есть), бусы, ленты, зеркало, «румяна» (фуксинъ) и подобныя вещи, которыя всѣ вмѣстѣ называются «крáсотой», и выходятъ на улицу, если есть рѣка, то на рѣку. Впереди процессіи одна изъ подругъ несетъ блюдо съ дивьей красотой. Невѣста идетъ въ срединѣ съ покрытою головою. Подлѣ нея—причитальница печальнымъ напѣвомъ поетъ причитанія, въ которыхъ отъ лица невѣсты выражаетъ глубокую скорбь при разлукѣ съ дѣвической жизнью.

Кремлёвое дерево, крѣпкое, здоровое строевое дерево. Кремлёвый=кремнёвый (?), отъ слова «кремень», самый твердый камень.

Крестóвой, тотъ, съ кѣмъ помѣнялись крестами.

Крестозьёмъ (—взьемъ), торжественное поднятіе и водруженіе креста на церкви или часовнѣ.

Крóсна, ткацкій станокъ довольно сложнаго устройства.

Кры́ситься, поджимать уши (о лошадяхъ), скалить зубы со злости. Кужливый, кудрявый, курчавый.

Кузло, кузнечное дѣло, ковка.—Кýзовъ, большая драночная корзина, которую носятъ на плечѣ при помощи толстой палки.

Кýкорки, плечныя лопатки, поверхность тѣла за плечами.

Кулúга, полянка. безлѣсное мѣсто; часть пахатной земли, недокошенный остатокъ травы; мѣсто обильное ягодами.

Кумелькомъ, кубаремъ. Кумохá, лихорадка, такое болѣзненное состояніе, во время котораго человѣкъ впадаетъ въ бредъ, видитъ лица и предметы, которыхъ нѣтъ вблизи. Потому, говорятъ, эта болѣзнь и называется кумохою.

Кýндышъ, сарафанъ (Троич.).

Купорбсница, женщина больная сифилисомъ; и самая болѣзнь.

Кýрица, деревянный длинный крюкъ въ крышѣ, который поддерживаетъ «острѣхá» (крайнія бревна крыши, выдолбленныя внутри). Куриц бываетъ нѣсколько съ обѣихъ сторонъ крыши. Домъ обыкновенно покрывается на два ската. Исключеніе составляютъ южныя волости, въ которыхъ крыша домовъ имѣетъ четыре или три ската и не имѣетъ деревянныхъ курицъ.

Курья́, заливъ въ рѣкѣ.

Кýть, задняя часть избы у печки, уголъ у дверей, куда сметаютъ соръ.

Л.

Ла̀жу, приготовляю, приготовляюсь; думаю, намѣреваюсь. «Лажу идти».

Лёжень, бревно, положенное въ основу чего-либо.

Лепеть, лоскутъ, обрывокъ, часть чего-нибудь. Говорятъ напр. о землѣ: «лепеть полосы, лепеть пожни» и пр.

Леха́, см. гоны.

Лешйть, проводить борозду между лехами для стока воды.

Лйхо, 1) хочется спать («мнѣ-ка лихо»); не хочется что-либо дѣлать («лихо вставать, лихо работать»); 2) есть позывъ къ рвотѣ (Никольск. вол.).

Лонйсь, въ прошломъ году.

Лонско́й, прошлогодній.

Ло́паны, одежда (Сямженск. вол.).

Ло́поты, тряпки, изорванная одежда (Зубовск. вол.).

Лохма̀той, мохнатый, обросшій волосами.

Лубодѐръ, береза, съ которой сняли бересто.

Лубе́шка, корзина, «зобѐнька» (Троич.).

Лучевйкъ, косарь, которымъ преимущественно щеплютъ лучину.

Людно, много народу, тѣсно.

Лю́цьки, порядкомъ, стройно, не спѣша.

Лы́ва, большая лужа, заливное мѣсто на берегу рѣки.

Лыта́ть, избѣгать дѣла, «ло́дырничать».

Лы́ча, ударъ, пощечина.

Лупйть, снимать шелуху, шелушить.

Лядйна, низкое, сырое мѣсто, поросшее кустарникомъ.

Ля̀мки, тесемки (ситцевыя или холстинныя полоски), которыя поддерживаютъ сарафанъ на плечахъ.

М.

Мала́вить=«блазнить», пугаетъ нечистая сила, является въ какомъ-нибудь видѣ.

Маланья̀, молнія.

Малёнка, опредѣленная мѣра, четверикъ.

Малесённый, маленькій.

Манйть, медлить; поманѝ, погоди, пожди.

Мато́мъ (кричитъ, работаетъ, пьетъ и т. п.), весьма сильно, изъ всей силы. Дурны́мъ или благи́мъ ма̀томъ (кричитъ, реветъ), съ сильной болью.

Матёрой, крѣпкой полной комплекціи, здоровый, сильный.

Ма́тица, толстый брусъ или бревно посрединѣ потолка.

Мая̀та (мае́та), хлопоты, безпокойство.

Ма̀еться, сильно трудиться, изнуриться, страдать болѣзнію.

Машко̀й, 1) человѣкъ слишкомъ развязный, энергичный; 2) порывистая, горячая лошадь.

Мегля̀да, мнѣ кажется, я думаю.

Мекйльница, сѣновалъ (Кумзерск. вол.).

Мендо́вое дерево, слабое, дряблое дерево; въ противоположность — «кремлѐвое дерево».

Мень, налимъ,—рыба (Кремл. вол.).

Мйрникъ, большая деревянная кадка.

Мйчкнуться, упасть съ высоты, шлепнуться.

Могу̀тной, мужественный, сильный.

Молодые, н вобрачные.

Молодйца или моло̀дка, молодая жена.

Мушѝтъ (на умѣ мушитъ), тошнитъ, есть позывъ къ рвотѣ.
Мѣлъ, дрожжи.
Мѣть, цѣль.

Н.

Наборо̀шникъ, бусы.
На́взничь, на спину.
Наво́и, приборъ въ кроснахъ (ткацкій станокъ) для навивки холста.
Наве́ртышъ, буравчикъ.
На̀волокъ, берегъ рѣки на пожнѣ, заливаемый иногда водою.
Наготѐво, совершенно, окончательно.
Надѝя, вм. надежда.
Назе́мъ, навозъ, скотскій калъ.
Налисто́вникъ, ячный круглый пирогъ на капустномъ листѣ.
Напро̀къ, на будущій годъ.
Наро́комъ или въ наро́къ, нарочно, намѣренно.
Наро̀че, порядочно, довольно много.
На растопа́шку, на роспашку, распахнувшись.
Наса́дка, трехведерная пивная бочка (Трoич.).
Наспѝчникъ, полотенце, повѣшенное на гвоздь или деревянную «спицу» въ стѣнѣ, какъ-бы на показъ.
Наставить (самоваръ), поставить, приготовить.
Насту́пчивый, не довольствующійся своимъ, домогающійся чужаго.
Наторѣть, вполнѣ ознакомиться съ дѣломъ.
Начу́ть (прош. начулъ), услышать, подслушать.
Нащѐпъ, брусъ въ дровняхъ параллельный полозу, соединяемый съ нимъ посредствомъ копыльевъ.
Немотчѝ, невозможно, нельзя.
Неновадно, скучно, не весело.
Нерѣзко̀й, нетолковый, тихій, непроворный.
Ново́й, другой, иной.
Носо̀къ, тоже, что насадка (Петрявск. вол.).
Нутро̀, внутренность.
Ну́траной, внутренній.

О.

Обихо́дный, чистоплотный.
Образоваться, получить благословеніе образомъ.
Оболо̀чка, одежда.
Оболока́ться, одѣваться, надѣвать верхнюю одежду.
Обрать, узда.
Обрата̀ть, обуздать, надѣть узду на лошадь.
Обре́дёнъ, хорошо одѣтъ, въ лучшихъ одеждахъ.
Обряжать, убирать, приводить въ порядокъ.
Обряжаться со скотиной, давать кормъ скоту.
Обрусну́ть, оборвать зерна, ягоды, листья и т. п., но оборвать не въ отдѣльности каждое зерно или каждый листъ, а всѣ вмѣстѣ на какомъ-либо стеблѣ или вѣткѣ, такъ что все оборванное (обру́снутое) остается въ горсти. См. брунь.
Овы́день, однодневно, въ одинъ день (сдѣлать что-либо).
Огнестѝ, перетянуть.
Одѝнова, однажды, одинъ разъ.
Однàко, одинаково, равно («все однако»). Въ смыслѣ «тѣмъ не менѣе, все таки» не употребляется.

Одрецъ, телѣга для возки сноповъ, тоже «одѐръ».

Окольница, рама, стекло (стрекло).

Оновдàсь, на дняхъ, недавно (ономеднись).

Ономедни=оновдась.

Опако, безъ толку, на вѣтеръ (Аксеньтьев. в.).

Опáчесать, вычесать ленъ, выдѣлить «пачеси».

Опинаться, останавливаться, отдыхать. («Онъ бѣжаў и единышъ не опнуўсе»).

Опихáть, толочь зерна въ ступѣ для отдѣленія шелухи.

Оподвязать, одѣть платокъ.

Опояска, кушакъ.

Опроститься, разрѣшиться отъ бремени.

Опрйшь и опришно, кромѣ, за исключеніемъ.

Опру́жить, опрокинуть на бокъ, вывалить («сани опружило въ ухабѣ»); повернуть вверхъ дномъ («опружь блюдо-то»).

Ору́дье, какое-нибудь дѣло, нужда, надобность. («Есть орудье»; «съ орудьемъ»=по нуждѣ, за дѣломъ).

Остѐбенье, остѐбка, воротъ.

Острѣшнàя (вода), «капнáя», дождевая.

Острѣшнйкъ, бревно на краю крыши, выдолбленое внутри для стока воды.

Островъ, большой участокъ лѣса, тянущійся на нѣсколько верстъ.

Отзырь или о̀тзычь, эхо, «о̀тзывъ».

Охлупонь, верхнее бревно на крышѣ.

Очепъ, жердь, на которой виситъ колыбель.

Ошу́рокъ (ошурки), остатокъ чего-либо; шелуха картофеля; очистки отъ ягодъ и т. п.

П.

Пазуха, 1) мѣсто подъ одеждой на груди, 2) часть овина, сторона, бокъ.

Пàкнуть, пропасть, умереть. (Лошадь пакнула).

Пàлица, палка, которою колотятъ бѣлье,—«валёкъ».

Папу́ша, большая связка чего-либо.

Пасмо, небольшая связка нитокъ, пучекъ чесаннаго льна.

Па[illegible]лйкъ, достойный сожалѣнія, бѣдный.

Пахать, мести полъ, сметать соръ. Значитъ и—пахать (обработывать) землю.

Пáхтанье, вода, которая получается при сбиваніи сметаны въ масло,—имѣетъ видъ молока.

Полѐва, отброски послѣ вѣянія овса.

Пѐндусъ, болотное мѣсто на покосѣ.

Пеннйкъ, мѣсто, бывшее подъ подсѣкой и запущенное; вообще,—гдѣ много пеньевъ.

Пѐнзель, коротенькая кофточка (Рубежск. вол.).

Перевйчка, еловая или ивовая вица въ огородѣ, которою связываются колья.

Перебѣгъ, «черезсѣдельникъ», кожаный ремень, привязываемый къ оглоблямъ.

Пересѣлся (надсѣлся), сильно утомился подъ тяжелой ношей, взялъ трудъ не по силамъ.

Перѐчить, противорѣчить.

Пестерь, 1) сумка или ящикъ, сплетенный изъ лыкъ, который, какъ ранецъ, носится на спинѣ; 2) большая корзина изъ «драновъ», т. е. тоненькихъ полосокъ дерева; 3) верхняя часть овина, гдѣ садятъ снопы (Подольскій приходъ).

Пѐтрина, небольшая яма, образовавшаяся въ лѣсу, напр. подъ деревомъ между корнями, или на пожнѣ, въ дожди наполняемая водою.

Печѐль (печаль), забота, усердіе, прилежаніе; но не: грусть, горе и т. п.

Печѐльной, заботливый, прилежный.

Печурка, углубленіе въ русской печи съ внѣшней стороны.
Пилйкъ (пиличѐкъ), берестяный ковшичекъ, употребляемый на покосѣ.
Повадно, нескучно, весело.
Повȯдье, погода, состояніе атмосферы.
Повы́токъ, участокъ надѣльной земли на семью.
Погонялка, кнутъ, плетка.
Позаȯчь, не въ лицо, не лично (говорить что-либо), противоположное «всочь», которое значитъ—(говорить) въ глаза, лично.
Подъ (потъ), земляной полъ въ гумнѣ, нижняя часть (дно) печи.
Подъ святые, святой уголъ, «передній (перѐдной) уголъ», гдѣ находится «божница».
Полȧвочники, полки надъ лавками, «воронцы́».
Полйца, полка въ кухнѣ или въ сѣняхъ; передняя часть овина, имѣющая видъ полки.
Поливȧха, пирогъ съ наливкой изъ гороховой муки.
Пȯлой, открытый, незатворенный.
Полȯть, выдѣлять зерно отъ шелухи, стрясая его въ особой большой берестяной коробкѣ, которая называется «полȯтухой».
Понитокъ, шерстяной или холстинный кафтанъ.
Порȧто и поратъ—больно (въ смыслѣ физической боли и въ смыслѣ усиленія—очень, весьма).
Порнȯй, сильный, могучій.
Посадъ, рядъ сноповъ, снятыхъ съ овина и расположенныхъ на гумнѣ для молотьбы.
Посйдни, нѣсколько дней назадъ.
Почитай, должно быть, вѣроятно, приблизительно.
Поцѣпка, цѣпочка, небольшая цѣпь.
Прѐлица или преслица, прялка.
Приборы, чайныя чашки и стаканы.
Пригожій, красивый.
Пріѐмцы, вилка.
При̇молотъ, такое или иное количество зеренъ, получаемое отъ молотьбы.
Пристать и опристать, устать, утомиться.
Прихехѐня, любовникъ.
Провȯрной и провȯрой, быстрый, рѣзвый.
Проглȧсица, звучность, сила голоса.
Прожу̇чить, проучить, наказать.
Проймина, иначе «закȯлина», часть стога или «зорȯда» между двумя «стожорами» (большія жерди).
Прȯстень, веретено съ нитками (напряла два простня).
Прȯтышъ, сломанная игла, игла безъ ушей.
Пря, распря, ссора (Вальгск. вол.).

Р.

Радошный столъ, брачный столъ въ домѣ жениха послѣ вѣнчанья.
Рȧжей, довольно порядочный (въ качественномъ и количественномъ отношеніи): ражей голосъ, ражая лошадь, ражая зобенька, ражей мѣшокъ (большой); неражая погода, неражȧ стала (не совсѣмъ здорова).
Раздуванъ, сарафанъ.
Рахмальный, вялый, неповоротливый.
Рáхта, оденки, грязный остатокъ послѣ топленія масла.
Ременница, кнутъ, «погонялка».
Рйзень (рѣзень), ломоть хлѣба.

Роблю, работаю.
Рѡсинка, крошка хлѣба.
Рожѡной (ласкательное слово).
Рѡсвеной, рослый.
Рукомойка, умывальникъ.
Рукотерникъ, полотенце.
Ручёнка, деревянное небольшое ведерышко съ маленькимъ отверстіемъ на плотно придѣланной крышкѣ, въ которую вдѣлана маленькая дужка для ношенія ручёнки.

С.

Сашмура, головной уборъ женщинъ, вышедшій уже изъ употребленія и замѣненный сборникомъ.
Сбѡрникъ, женскій головной уборъ, который носятъ молодыя женщины въ продолженіе 2—3 лѣтъ послѣ замужества.
Свѣжина, говядина, мясо.
Сгодить, попасть во что-нибудь («угодить») и уронить.
Сгодье, лечебное средство, лекарство.
Снадобье, «сгодье», лекарство.
Середа, часть избы передъ печью.
Синюшка, «василекъ», цвѣтокъ, растущій во ржи.
Складничекъ, перочинный ножикъ.
Скипа, большой кусокъ хлѣба или пирога.
Скрута, дѣвичій нарядъ.
Слѣги, поперечныя бревна подъ крышей.
Слудъ, первый, молодой ледокъ на лужахъ или рѣкѣ.
Сѡбинка (ласкательное слово); небольшая «кулига» гороху, посѣяннаго для дѣтей.
Соломатникъ, пирогъ съ соломатомъ, т. е. съ толокномъ въ маслѣ.
Ссѡрица, ссоричная мука, составленная на половину изъ ячной и овсяной.
Сохутить, скрыть, спрятать.
Сряжаться, собираться въ путь, приготовляться.
Ставецъ, деревянное блюдо.
Стамикъ, кринка для разливанія молока, «ладка».
Станъ, 1) небольшое пристанище для спанья въ лѣсу или на покосѣ; 2) нижняя и средняя часть женской рубахи, сшитая изъ грубаго холста.
Статья, случай, стеченіе обстоятельствъ.
Стожаръ, большая жердь въ зородѣ или стогѣ сѣна.
Стягъ, толстая жердь.
Столѣшница и столѣтница, верхняя доска у стола.
Ступица, средняя часть колеса (въ видѣ цилиндра), въ которую вставляются «спицы».
Ступью, шагомъ.
Судачить, осуждать, не хвалить.
Суды, посуда (блюда, чашки, тарелки...).
Сукманина, шерстяная ткань (изъ овечьей шерсти).
Суша, засохшее дерево на корнѣ.
Сутыки, передній уголъ подъ божницей.
Сѣникъ (синикъ), клѣть, кладовая въ домѣ.
Сѣяльница (сѣельница), небольшое мелкое корыто съ узкимъ концемъ. Надъ ней просѣвается мука въ рѣшетѣ.
Сусѣкъ, закромъ въ амбарѣ.
Сухмѐнь, сухое мѣсто въ лѣсу или на пожнѣ.

Т.

Тавлйнка, табакерка.

Та̀ра, деревянная кадка для масла, дегтя и т. п., ёмкостью около 3-хъ ушатовъ.

Тепля̀къ, каша въ «постныхъ щахъ» (крупянка), замѣшанная толокномъ.

Тепу̀сь, тружусь изъ всѣхъ силъ, стараюсь съ особеннымъ усердіемъ. («Тепѐтце, бажо̀ной»!=несчастный! онъ трудится изо всѣхъ силъ. «Тепись да тепись,—дотепѐсе»=трудись,—получишь свое; трудись, и достигнешь цѣли). Неопр. накл. тепшись.

Тожно̀, тогда, потомъ, послѣ (нарѣчіе).

Токо̀тъ, теперь, сейчасъ.

Топнйкъ, большой горшокъ съ маленькимъ отверстіемъ съ боку, которое называется «рыло» или «рыльце». Въ немъ, между прочимъ, «топятъ» скоромное масло.

Топйть, грѣть (коровье) масло, сало, воскъ и т. д.

То̀шно, скучно, тяжело (внутреннею тяжестью), грустно.

Точу̀, каплю, разливаю.

Трать вм. терѣть (Троич.).

Трепа̀ть, чистить ленъ, выбивать изъ него «костйку», внѣшнюю кору.

Трунъ, плохая тряпка; тру̀ньё, «вискй», оборванная одежда, тряпки.

Трясунйца, лихорадка.

Ту̀мзъ, буракъ (Рубежск. вол.).

Турӹшка, буракъ (Верхнераменской вол., деревни пограничныя съ Новгородской губ.).

Тю̀рба, буракъ (Кремлевск. вол.).

Тю̀кано дѣло! рѣшенное дѣло, конецъ!

Тынъ, заборъ.

Ты̀сеча (ласкательное слово).

Тяжеу̀ко̀, «балахонъ», мужская и женская верхняя одежда, сшитая изъ толстаго холста.

У.

Угодить, бросить и попасть во что-либо.

Угу̀зой, застѣнчивый, не разговорчивый, чуждающійся разговора (Усп.-Подольской вол.).

Ужо̀ и ужо̀-ко, погодя, послѣ; ужо! погоди!

Уповодъ, неопредѣленный промежутокъ времени,—въ предѣлахъ одного или нѣсколькихъ часовъ.

Ура̀зъ, язва на тѣлѣ, образовавшаяся отъ удара или ушиба.

Уру̀чно, ловко, удобно.

Урѣзокъ, ломоть хлѣба, «ризень».

Утиральникъ, полотенце или тряпка, замѣняющая его.

Утолока, торная дорога.

Ухайда̀кать, скоро прожить деньги, потерять что-либо безвозвратно.

Учу̀ть, услышать.

Утб̀ры, нижняя часть сторонъ (боковъ) ведра или кадки, въ которой укрѣпляется дно.

Ф.

Фа̀та или фа̀тка, головной платокъ.

X.

Харчить, хрипить (говорятъ и о животныхъ).

Хвостаникъ, банный вѣникъ.

Ходовый, смѣлый, бывалый, энергичный; хорошо умѣющій (Мужикъ отъ ходовой,—сдѣлаетъ дѣло.

Ходунъ, большая кадка («мирникъ»), въ которой приходитъ въ броженіе («ходитъ») пиво.

Холодникъ, женское лѣтнее пальто изъ сукна.

Хруна, струпъ, короста.

Хрястать, стучать очень сильно, бить жердью или другимъ тяжелымъ предметомъ.

Хрянки! и хрянки хряноватые! (ругательное слово).

Ч.

Чанъ и тчанъ, кадка самыхъ большихъ размѣровъ.

Черевня, поносъ.

Челобитье, поклонъ, привѣтствіе.

Чечуля (цецюля и цицюля), кусокъ хлѣба или пирога.

Черпуга, маленькая, полуведерная бадья, сдѣланная изъ лыкъ, съ длинною деревянною рукояткою. Употребляется для черпанія воды изъ колодца.

Чивкать (цикать), чиликать, щебетать.

Чивой, брезгливый, разборчивый.

Чищенье, очищенное мѣсто для скота или для сѣнокоса.

Чупасъ, широкое корыто съ двумя досками по бокамъ, придѣланными въ горизонтальномъ положеніи въ родѣ крыльевъ. Чупасъ замѣняетъ собою лодку на маленькихъ рѣчкахъ и озерахъ.

Чурка, толстая палка, полѣно.

Ш.

Шавиться, сниться, видѣть сонъ (прош. вр, шавелось).

Шамить, сорить; шамъ, соръ.

Шаньга, олашка.

Шаугачь, мѣшокъ.

Шаста, сухіе волосные наросты на деревьяхъ (преимущественно на еляхъ) въ видѣ шерсти. Они не рѣдко образуютъ рядъ сѣдыхъ бородъ.

Шаркунецъ, бубень, «боркунъ».

Шибать, бросать, кидать.

Шомыша, особое отдѣленіе въ избѣ съ однимъ окномъ передъ печью, тоже что «заборка», забранная досками часть избы.

Студ. Спб. дух. Акад. *Шайтановъ*.

Замѣтки объ одномъ изъ говоровъ Костромской губерніи.

Лѣтомъ 1895 г. было сдѣлано мной нѣсколько наблюденій надъ говоромъ заштатнаго города Костромской губерніи, Нерехтинскаго уѣзда, Плёса, села Спасскаго (3 версты отъ Плёса) и лежащихъ близъ нихъ деревень: Церьковнова (2 версты отъ Плёса), Пруцкова (3 вер.), Скородумки (4 вер.), Малыхъ Пеньковъ (12 вер.), Лавашихи (3 вер.), Погоста (4 вер.) и Понкова (5 вер.). Все это—мѣста праваго берега Волги. Впрочемъ, мнѣ пришлось бывать и на лѣвомъ ея берегу въ лежащихъ противъ Плёса деревняхъ (Черемисловѣ, Медвѣдковѣ, Сѣрковой Слободѣ и Сторожевѣ).

Во всей этой мѣстности крестьяне почти исключительно занимаются хлѣбопашествомъ; единственный отхожій промыселъ—извозъ; крестьяне возятъ зимою товары въ сосѣдніе города Кинешму, Нерехту и Иваново-Вознесенскъ. На фабрикахъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ служатъ въ видѣ исключеній [1]. Такія условія жизни могли, конечно, способствовать сохраненію въ чистотѣ многихъ чертъ стараго мѣстнаго говора.

Производя наблюденія, я не натолкнулся ни на одну звуковую черту, которая была бы присуща говору одной какой-нибудь изъ указанныхъ деревень и совсѣмъ не существовала бы въ другой. Это, кажется, происходитъ оттого, что жители разныхъ деревень находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ вслѣдствіе незначительности разстояній между деревнями. При этомъ Плёсъ является центромъ для всѣхъ перечисленныхъ выше селеній; нѣкоторыя деревни приписаны къ городскимъ приходамъ; каждую субботу, (а въ страдную пору каждое воскресенье) приходитъ въ городъ на базаръ много народу изъ окрестныхъ деревень; въ Плёсѣ нѣсколько кабаковъ и трактировъ, которыхъ вовсе нѣтъ въ окрестныхъ деревняхъ. Вотъ отчего сношенія между городомъ и деревнями до того часты, что каждый деревенскій житель указанной мѣстности знаетъ едвали не всѣхъ горожанъ и крестьянъ сосѣднихъ селеній.

Фонетическія особенности говора.

Гласные.

Разсматриваемый говоръ о к а ю щ і й и н е ц о к а ю щ і й. Звукъ *о* произносится не слишкомъ узко и рѣзко для уха, но довольно отчетливо: ж*о*нá; д*о*жжá б*о*гáтой. Изрѣдка произносится ниже и ближе къ *у*, напр., обычно въ словѣ: У л и к с é й.

Звукъ *е* въ слогахъ неударяемыхъ въ серединѣ, началѣ и въ концѣ словъ передъ твердыми звуками п о с т о я н н о переходитъ въ *о*, при чемъ предшествующей согласный обыкновенно остается мягкимъ: будётъ; смелёмъ; ѣдёшь [2]); сёстрá; сёлò; Стёпáнъ: тáкж*о*; ж*о*нá; поставитё; перейдитё; ничовó; *jо*мý; колёсó и др. Изрѣдка предшествующій со-

---

[1]) Изъ деревни Лявашихи, напр., ушли на фабрику двое; изъ Скородумки, Церьковнова, Прудкова—ни одного.

[2]) Шипящіе въ этомъ говорѣ тверды, см. ниже.

гласный отвердѣваетъ. Я замѣтилъ это только въ словахъ: *до*ржать; *со*водня; *со*воднишній.—Передъ *j* или мягкимъ согласнымъ неударяемое *е* переходитъ въ *о* въ очень рѣдкихъ случаяхъ: сёрёда; зимнёй. Обыкновенно же передъ мягкими согласными *е* (равно какъ и *ѣ*) сохраняются: на р*ѣ*кѣ; сл*е*тѣло. Сохранившееся неударяемое *е* звучитъ иногда очень близко къ *и*: б*и*р*и*тё; ид*и*тё; Ул*и*ксей.—Иногда и *е* изъ древняго *ѣ* передъ твердой согласной въ словахъ неударяемыхъ переходитъ въ *о*: пёску, смётана, двёнадцать, свётлд, побёгла, рёка.

Мнѣ приходилось слышать ё вм. ударяемаго *е* литературнаго языка въ словахъ нёбо (=небосклонъ); всёй.—Также встрѣчается здѣсь ё вм. *е* литературнаго благодаря перемѣщенію ударенія на это *е*: четвёро, краш*о*ная, идитё, стоитё.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наоборотъ, имѣемъ *е* вм. литературнаго ё вслѣдствіе того, что въ описываемомъ говорѣ еще замѣтна мягкость слѣдующаго за этимъ *е* согласнаго, которая утрачена въ говорѣ литературномъ: пл*е*сьскій, м*е*рьзкій; зад*е*рьживать; д*е*рьгать, (ср. встрѣчающееся рядомъ доржать). Звукъ *е* въ словѣ Пл*е*съ (хотя рядомъ встрѣчается и Плёсъ) можетъ быть можно сопоставить съ правильнымъ *е* въ мѣстн. Пл*е*сѣ и прилаг. Пл*е*сьскій.—Звукъ *а* въ прид*а*рживать можетъ быть явился изъ *о* въ доржать (ср. х*о*дишь-пох*а*живашь; в*о*дить-прив*а*живать и т. д.)

Старое *о* сохраняется чисто почти постоянно: *О*гафья, *О*вдотья, *О*лёна, роздѣлывашь, рощёты, розливаётъ (хотя рядомъ существуютъ формы въ родѣ р*а*згуляться). Звукъ ѣ (гдѣ онъ не перешелъ въ о см. выше) звучитъ едвали не тожественно съ *е*, весьма смягчая предшествующую согласную: лéсу, нéтъ, лево.—Только въ трехъ словахъ я замѣтилъ переходъ *ѣ* въ *и*: поjи́сь; с*и*вёра; сус*и*дъ.—*Ѣ* не переходитъ въ *ё* въ словѣ: гнѣзда изъ гнѣ, — недолёживатца съ *е*, а не ё (недолеживатца = недолѣживается см. лит. прилежный) *е* вм. я (литературнаго) слышится въ словѣ: оп*е*ть (при обратномъ переходѣ *е*ицы). Наконецъ отмѣтимъ стяженія гласныхъ въ словахъ: мому̀, мов*о*, свому̀.

Согласные.

Шипящіе произносятся твердо, напр.: *жа*ть, чи*жэльшэ*, боль*шу*щій.

Двойное *ш* и двойное *ж*, какого бы происхожденія ни были, произносятся всегда твердо, но не слишкомъ рѣзко для уха, привыкшаго къ мягкому произношенію этихъ звуковъ, напр., до*жжа*; до*жжы*чекъ; ѣ*жжу*; е*шшо*; учили*шша*; про*шшай*; свяшшэнникъ; ташшыть; вешшъ и т. п. Только 2 раза мнѣ слышалось вм. *шш шч*: рошчеты и прошченія.

Неорганическое смягченіе гортанныхъ я замѣтилъ въ словахъ: то̀л*кё*, ско̀ль*кё*.

Особенное смягченіе зубного наблюдалось въ словѣ: *ч*ижолой; *ч*ижельше. (Иногда здѣсь слышалось нѣчто среднее между *т* и *ч*).

Въ нѣкоторыхъ словахъ слышалась мягкость согласныхъ, уже утратившаяся въ литературномъ говорѣ: 1) при второмъ полногласіи старая мягкость плавнаго *р*: ме*рь*зкій, заде*рь*живать (но, какъ видѣли, д*о*ржать), ве*рь*хъ, Це*рь*ковново, де*рь*гать, 2) при суффиксѣ (ь)*ск* (довольно часто): Спас(ьс)ко сёло, рус(ьс)ка печка, плес(ьс)кой, москов(ь)ской, 3) при суффиксѣ (ь)*ств*, кажется, только въ словѣ: крестьян(ь)ствомъ; 4) при суффиксѣ *ьн* слышалась мягкость предыдущей согласной лишь въ словѣ: молос(ь)ный (=молочный). Въ одномъ словѣ *м* замѣнилось черезъ *в*: вного; вножество (такое произношеніе приходилось слышать постоянно).

Въ словахъ: некогда и когда *г* замѣнилось черезъ *в*: нековда, ко*в*да.

Въ словѣ для вм. *д* произносятъ *г*: *г*ля.

Вмѣсто: моло*ч*ный въ Плесѣ постоянно говорятъ моло*с*ный.

Вмѣсто слова крестить въ Плесѣ слышится: кстить съ выпаденіемъ плавнаго *р*; также: окститься (=перекреститься).

Слово маленькій произносится маненькій; иногда даже какъ будто маэнькій съ выпаденіемъ *н*. Постоянно съ русской звуковой окраской слышалось слово успеніе: усп*л*енье.

г звучитъ какъ латинск. *h* въ словѣ: бо*h*атой (какъ и въ литерат.).

Опущеніе конечныхъ согласныхъ замѣчено было въ словахъ: изъ гнѣз*в* (=изъ гнѣз*дв*: пого*св* (=пого*стъ*); девять вер*сг* (=вер*стг*); во (=во*тг*).

Вставка *т* между звуками *с* и *р* имѣла мѣсто въ словахъ: с*т*рамъ и с*т*рокъ.

Вмѣсто: Ки*н*ишма слышалось Ки*м*ишна съ перестановкой звуковъ *м* и *н*.

Слово любопытно произносится: люпопытно съ п вм. *б*.

Особенности въ спряженіи и склоненіи.

Во второмъ и третьемъ лицѣ ед. ч. и въ первомъ и второмъ лицѣ мн. ч. наст. вр. глаголовъ, имѣющихъ передъ окончаніями *j* (напр. получа*ю*; зѣва*ю*), это *j* постоянно опускается. Только три раза удалось мнѣ слышать упомянутыя формы съ *j*: получаё̈тъ, работаё̈мъ, зѣваё̈шъ. Въ виду ихъ исключительности можетъ быть можно даже говорить о заимствованіи ихъ изъ говора литературнаго. Постоянными формами являются формы въ родѣ бываэ̆шь съ э̆ до того краткимъ, что у нѣкоторыхъ лицъ сочетаніе *аэ* звучитъ какъ дифтонгъ. Рядомъ съ этою формою встрѣчаются формы въ родѣ: покосни*ча*тъ, гдѣ э уже пропало. Кажется, употребленіе той или другой формы зависитъ отъ постановки ударенія. Если удареніе на самомъ дифтонгѣ, то э не выпадаетъ, напр., погнив*а́*эшь, розлив*а́*эшь, зн*а́*эшь, быв*а́*этъ, таск*а́*этъ, выним*а́*этъ, опас*а́*эмся и др. Если же удареніе—не на дифтонгѣ, то э пропадаетъ, напр., пок*о́*сни*ча*шъ; выка*ча*тъ, недол*е́*живатца, отв*а́*ливамся, пош*у́*чивашь, проскл*а́*дыв*а*шь, сдѣл*а*тъ, обдѣл*а*тъ, ураб*о́*тамса, дѣлатца. Исключенія я слышалъ только два раза: *жа́луэ*мса и зн*а*шъ. Въ указанномъ дифтонгѣ у нѣкоторыхъ лицъ *э* произносится чрезвычайно кратко, такъ что съ перваго раза слышишь нѣчто въ родѣ *j*: зн*ай*шь; иногда же столь открыто, что слышится очень краткое *а*: бываа́тъ.

Вмѣсто *ся* въ формахъ перваго лица мн. ч. наст. вр., въ прош. вр. и въ неопред. накл. слышится всегда *са*, напр., жалуэм*са*, отваливам*са*, тратили*са*, берекчи*са* и др.

Третье лицо стр. зал. наст. вр. оканчивается на тцӑ: приходитцӑ, несетцӑ. За Волгой, въ Сторожевѣ, слышалось мнѣ тцы: оставитцы. Третье лицо ед. ч. наст. вр. глагола быть звучитъ съ *и* на концѣ: ест*и* (вм. этого *и* иногда слышался звукъ *е*: ест*е*).

Формы неопр. накл.: лехчи̊, сѣчи̊ и сѣкчи̊, берекчи̊са.

Интересна форма могите вм. можете.

Дат. п. мн. ч. постоянно замѣняется творительный, при чемъ обратной замѣны не наблюдается: серпа*мъ* жать, итти парусам*в*, съ конфетам*в*, гулять лѣсамъ, считать десяткамъ.

Интересны примѣры склоненія на ъ: брат*овья*, мѣст*овв*, муж*евей*.

Изъ особенностей въ склоненіи на *ь* я замѣтилъ новообразованія въ формахъ: дочер*ѣ* (дат. п); лошад*ѣ* (д. п.); Казан*ѣ* (мѣст. п.) и старыя формы въ склоненіи слова лошадь: лошàдемъ (дат. п. мн. ч.); лаш*а́*дехъ (мѣстн. п. мн. ч.).

Имен. п. мн. ч. прилагательныхъ оканчивается всегда на *ой*: мал*ой*, хорош*ой*, стар*ой*, богат*ой*, глубок*ой*, и др.

Имен. п. мн. ч. прил. оканчивается обыкновенно на *е*: глубокі*е* колодцы; толсты*е* лѣса. Имен. и вин. п. мн. мѣстоименій звучитъ съ *е* (=ѣ): сво*ѣ* люди; въ мо*ѣ* года; чьѣ вы сами то будете? моѣ братовья; и рядомъ онѣ (для муж. и ж. р.); мѣстн. своѣхъ, дат. своѣмъ. Можетъ, быть, здѣсь слѣдуетъ упомянуть о формахъ нечленныхъ прилагательныхъ, весьма часто употребляемыхъ въ описываемой мѣстности: изрядну куфарку наняли; котор*ы* города; хорош*о* жито скоро молотить будутъ; этта—Спаск*о* сёло и т. п.

О членѣ.

Кромѣ несомнѣнныхъ формъ члена *тв* (домо-тъ) для им. п. ед. ч. м. р. *та* для им.

ж. р. и *те* (=тѣ) для им. п. мн. ч. въ говорѣ разсматриваемой мѣстности слышатся постоянно частицы *ту* и *то*. Такъ какъ употребленіе той или другой частицы зависитъ отъ падежа слова, то и эти частицы я рѣшился причислить къ формамъ члена. О склоненіи и употребленіи члена можно составить нѣкоторое понятіе изъ слѣдующихъ примѣровъ: а) им. п. м. р.: большюй*о—тѣ* домъ, много народу погубилъ онъ у насъ коросин*о-тѣ*, у меня муж*о-тѣ* помёръ; нынче дёшевъ лён*о-тѣ* очень былъ; наш*о-тѣ* лёнъ побило; Петербург*о-тѣ*; мал*о-тѣ* этотъ самоваръ вамъ будётъ; б) им. п. ед. ч. ж. р. трава-*та*; в) им. п. ед. ч. ср. р.: поле-*то*; не выходитъ време-*то*; бревно-*то*; бьютъ масло-*то* на мельницѣ; г) им. ч. им. п.: дѣти-*тѣ*, лѣса-*тѣ*; д) дат. п. м. р.: по закону-*ту* такъ выходитъ, къ колодцу ту; е) род. п. склоненія на *ъ*: Сольну-*ту*, съ пароходу-*ту*; ж) мѣстн. п основ. на ъ: на верху-*ту*; з) вин. п. ж. р.: на осень-*ту*; штрафовка (=страховка); солому-*ту*; всю зиму-*ту*; и) род. п. мн. ч.: по рѣкѣ-*то* ужъ очень много мельницъ-*ту*; мужиковъ-*ту*; прудовъ-*ту*; нѣтъ лишковъ-*то*, господинъ; полосъ семь хорошихъ-*ту*; к) тв. п. ед. ч. м. р.: бережкомъ-*ту*; лёномъ-*ту*; л) дат. п. мн. ч. мужикамъ-*ту*; полосамъ-*ту*. Нужно замѣтить, что *о* (какъ было указано выше) произносится иногда довольно низко и близко къ *у*, а потому нужно большое вниманіе, чтобы отличать форму *ту* отъ формы *то*.

Нѣсколько особенностей въ удареніи и синтаксисѣ.

Удареніе вообще говоря общепринятое а разница замѣчена была только въ слѣдующихъ случаяхъ: а) удареніе во втор. лицѣ ед. ч. наст. вр. иногда переносится на конецъ слова: ходитѐ, беритѐ, стоитѐ, придитѐ, пойдитѐ, но въ четырехъ—сложныхъ формахъ, такого перехода по видимому не бываетъ: поставите; перейдетё и др. б) также въ отдѣльныхъ словахъ замѣчено удареніе на новомъ мѣстѣ, чѣмъ въ говорѣ литературномъ: слуху́ нѣтъ; мало́ остаётца; четве́ро; крашо́ная мельница, тенёлъ витерокъ; в) тоже—въ формахъ: лоша̀демъ, лоша̀дехъ.

Изъ синтактическихъ особенностей можно отмѣтить:

1) Постоянное употребленіе многократнаго вида, гдѣ мы ставимъ совершенный: обѣдали? не ѣ д а л ъ; нынче пахали? не п а х и в а л ъ; вы въ Плёсѣ сейчасъ были? не б ы в а л ъ и т. п.

2) Вм. о ч е н ь или в е с ь м а для усиленія употребляется с и л ь н о, с и л ь н о много.

3) Вм. о к о л о при числительныхъ говорятъ обыкновенно п о д ъ: п о д ъ десятокъ, п о д ъ двѣсти штукъ (ср. литер.: п о д ъ 50 л ѣ т ъ).

Изъ мѣстныхъ словъ я замѣтилъ слѣдующія, не вошедшія въ словарь Даля: 1) Постоянно въ смыслѣ н ѣ т ъ (=не находится здѣсь) употребляется слово н е ч у т ь: хозяинъ дома? не чуть; къ нёму гости пришли: а ёво не чуть и под. Тутъ, кстати замѣтить, что народъ этой мѣстности постоянно употребляетъ частицу ч у: я, чу, ты придешь, и под. 2) Вм. к р а с и в о употребляется л и ц е в а т о. 3) Вм. г у л я т ь всегда говорятъ р а з г у л я т ь с я.

Нѣкоторыя слова, заимствованныя народомъ изъ литературнаго языка, употребляются въ странномъ смыслѣ и неправильной формѣ: 1) В ъ б а н к р у т ъ п о д а в а л ъ =объявилъ себя несостоятельнымъ; 2) Ужъ вся п р о к л а м а ц і я у ней не такая выйдетъ (=весь ея нарядъ, вся внѣшность); 3) Слово протуваръ=тротуаръ, 4) с т р а х о в к а звучитъ ш т р а ф о в к а.

Студ. Пет. Унив. *Николай Каринскій.*

Особенности въ говорѣ населенія, расположеннаго по рѣкѣ Письмѣ, Костромской губерніи Буйскаго уѣзда.

Населеніе, живущее по рѣкѣ Письмѣ, представляетъ въ діалектическомъ отношеніи особенный интересъ, потому главнымъ образомъ, что, въ слѣдствіе почти совершеннаго отсутствія въ этой мѣстности отхожихъ промысловъ, оно должно до сихъ поръ пользоваться въ значительной степени тѣмъ самымъ говоромъ, съ какимъ въ давнопрошедшее время пришли и поселились здѣсь его предки. Если же прибавить къ этому то обстоятельство, что ни въ близкомъ, ни въ болѣе или менѣе отдаленномъ сосѣдствѣ съ этою мѣстностію нѣтъ никакихъ инородцевъ, нарѣчіе которыхъ могло-бы неблагопріятнымъ образомъ отозваться на чистотѣ первоначальнаго говора поселенцевъ, то ясно, что діалектическія особенности населенія, въ вопросѣ объ его происхожденіи, должны имѣть не маловажное значеніе.

По характеру своему это говоръ окающій, но не цокающій, и, не смотря на довольно близкое сосѣдство съ вологодскою, цокающею, губерніею, сохранилъзвукъ *ч* въ полной цѣлости и сохранности. Характеристическою особенностію говора, какъ и всякаго окающаго вообще, является сохраненіе древняго ороографическаго *о* и преобладаніе твердыхъ звуковъ надъ мягкими,—какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ. Нужно однакоже замѣтить, что это преобладаніе въ общемъ является довольно умѣреннымъ и въ особыя излишества не переходитъ, такъ что, напр., замѣна ороографическаго *а* звукомъ *о* наблюдается только какъ исключеніе, и при томъ исключеніе довольно рѣдкое; самое-же *о* звучитъ открыто и ясно.

Въ произношеніи гласныхъ звуковъ замѣчаются, въ частности, слѣдующія особенности:

а переходитъ иногда въ *е*. Такъ, прилагательныя, оканчивающіяся на жаный, измѣняютъ свое окончаніе въ женый: вм. кож*а*ный говорятъ коженой, вм. рж*а*ной—орж*е*ной. Точно также говорится: завтр*е*, завтр*е*шній, къ завтр*е*му, ч*е*сы вм. часы, Кост*е*нтинъ вмѣсто Конст*а*нтинъ, *е*ртачиться вмѣсто *а*ртачиться, давеч*е* вмѣсто давеч*а*.

Болѣе часто *а* замѣняется *о*. Такъ, это всегда наблюдается въ началѣ собственныхъ именъ: говорится, напр., *О*лександра, *О*ндрій, *О*ксинья, *О*кулина, *О*нтонъ, *О*рина, *О*вдотья, *О*гафья, *О*лексій и др. Затѣмъ, таже самая замѣна происходитъ и на концѣ именъ существительныхъ мужескаго рода на шка: вмѣсто дѣдушк*а* говорится дѣдушк*о*, батюшк*о*, Иванушк*о*, дядюшк*о*, братишк*о*. Частица ка, поставляемая послѣ глаголовъ, всегда произносится какъ ко: поговоримъ-к*о*, поѣдемъ-к*о* и др. Падежное окончаніе аго именъ прилагательныхъ также всегда выговаривается какъ ова и такимъ образомъ содержитъ въ себѣ какъ измѣненіе *а* въ *о*, такъ и наоборотъ: произносятъ хорош*о*ва вмѣсто хорош*а*го, мил*ова* вмѣсто мил*аго* и т. под.; тоже самое и въ окончаніи ого: злов*а* вмѣсто злог*о*, прямов*а* вмѣсто прям·*го* и т. д. Предлогъ раз соединяющійся съ другими словами, всегда превращается въ роз: р*о*зговоръ, р*о*збирать, р*о*счетъ, р*о*спахать, р*о*зсѣять, р*о*звозить, р*о*зумѣть, р*о*зсудокъ. Тоже и въ приставкѣ раз, прибавляемой для усиленія прилагательныхъ и нарѣчій: хорошій-р*о*с-хорошій, холодно-р*о*с-холодно и т. под. Неокончательная форма неопредѣленнаго наклоненія нѣкоторыхъ глаголовъ также имѣетъ *о* вмѣсто *а*, хотя нужно

замѣтить, что въ этой формѣ глаголы употребляются вообще много рѣже, чѣмъ въ окончательной: напр., замороживать вмѣсто замораживать, заработывать вмѣсто зарабатывать, подзадоривать, унавоживать, успокоивать, устроивать, удвоивать и др. Наконецъ, иногда наблюдается подобная же замѣна звуковъ и въ корнѣ, но большею частію такихъ словъ, которыя имѣютъ не русское происхожденіе: такъ, говорятъ тонцоръ вмѣсто танцоръ, олтарь вмѣсто алтарь, зоря, оладья, оболоко, вм. облако онбаръ вм. анбаръ, торелка, окоянный, пороходъ, корета, робота, роботникъ, кошоваръ вмѣсто кашеваръ.

а переходитъ въ *ы* въ словахъ: куды вмѣсто куда туды, вмѣсто туда, сюды вм. сюда.

а замѣняется *я* въ бранной формѣ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ (которыя въ ласкательной формѣ оканчиваются на *я*), напримѣръ: Колькя вмѣсто Колька, Ванькя, Танькя, Варькя и др. (ласкательное Коля, Ваня, Таня и др.); но—Степка, Пашка, Машка, Сашка, потому что ласкательныя,—Степа, Паша, Маша, Саша. Тоже наблюдается и въ словѣ дочкя вмѣсто дочка, вмѣсто пища—пишшая.

Вмѣсто Герасимъ говорится Гарасимъ, вмѣсто керосинъ—карасинъ.

е чаще всего переходитъ въ *ё*. Такъ, *ё* слышится на концѣ слова послѣ ударенія; напр., въ существительныхъ: счастьё, ненастьё, коленьё, полё, морё, подпольё, воскресеньё, здоровiё и многихъ другихъ.; въ прилагательныхъ: доброё, бѣлоё, черноё, спротскоё, заднiё, скоромноё и др; у глаголовъ,—во 2 лицѣ мн. ч., изъявит. накл. будущаго времени и 2 л. множ. ч. повелит. накл.: встрѣтитё, увидитё, узнаитё вм. узнаете, прощайтё, приходитё, смотритё и т. под. Точно также и на удареніе въ концѣ слова,—во 2 лицѣ множ. числа наст. врем. изъявит. наклоненія: вм. хотите говорится, напр. хотитё, боитёсь вм. боитесь, коситё вм. ко́сите, деритёсь вм. дере́тесь, лежитё вм. лежите и т. д. Въ срединѣ же и началѣ слова, на удареніи и послѣ ударенія, *е* переходитъ въ *ё*, можно сказать, очень рѣдко: никогда не говорится, напр., дёрзкій, вётхій, дёржа́ть, лётко́ и т. д.; исключеніе составляютъ: ёрша, Ёгоръ, лёвъ, нёбо (верхняя полость рта; атмосферное же — небо), полёньщикъ, горёвать, синёватый, и падежныя окончанія съ звукомъ *е*,—ёй, всёй, твоёй, моёй и т под. Чаще слышится *ё* въ срединѣ слова передъ удареніемъ, напр., въ усѣченныхъ прилагательныхъ: частёнъ, ясёвъ, прибыточёнъ и др.; затѣмъ въ падежныхъ и глагольныхъ окончаніяхъ, имѣющихъ звукъ *е*: нянёкъ, денёгъ, оружьёмъ, смотрителёмъ, смотрителёмъ, затёмъ, гоголёмъ, родителёвъ, деревьёвъ, братьёвъ, деревнёй, синёй, синёму, въ третьёмъ, съ синёй, на утренёй, раннёму, о весеннёмъ, принимаётъ, уѣдётъ, будётъ, читаётъ, дѣлаёмъ, ругаётся, кушаёшь, проѣдёшь, знаёмъ, и т. д.; только мѣстоименіе *онъ* не подчиняется этому послѣднему правилу, потому что всегда говорится: ему, его, её, а не ёму, ёго, ёё.

Иногда *е* замѣняется *и*, хотя очень рѣзко; напр., говорится: диверь вм. деверь, килья вм. келья, либедь, двирь, пригризилось, штиль вм. щель; въ мѣстоименныхъ формахъ: сибя вм. себя, миня вм. меня, тибя вм. тебя; въ приставкѣ *пре*, присоединяемой для усиленія къ именамъ прилагательнымъ и нарѣчіямъ: страшный пристрашный, бѣлый при-бѣлый, тепло при-тепло и т. под.; въ окончаніи 2 л. множ. числа изъяв. накл. наст. времени: желаите вм. желаете, будитё вм. будете, дѣлаитё, пишитé, бываитé, ошибаитёсь и т. д. Это же измѣненіе замѣчается иногда и въ ласкательномъ окончаніи *енька* собственныхъ именъ: говорятъ, напр., Сашинька, Машинька, Васинька и др. (но также и Сашенька, Васенька, Машенька и др.). Наконецъ, *е* переходитъ въ *и* въ словѣ *еще*, хотя и не постоянно, потому что наравнѣ съ формой ишшо употребляется и ешшо.

Часто также вмѣсто *е* произносится *о*. Такъ, послѣ *ц* эта замѣна совершается, кажется, постоянно: вм. лицемѣръ говорится лицомѣръ, вм. веретенце — веретенцо, толоконцо, см. толоконце, нолотенцо, и т. д. Послѣ *р*,—въ словахъ: робята, робеночокъ вм. ребята, ребеночокъ; послѣ *ч*,—въ окончаній *чекъ*: телёночокъ вм. теленочекъ, жеребеночекъ и т. под. Тоже замѣна звуковъ происходитъ часто и послѣ *ж*, какъ, въ частицѣ *же* всегда слышится *о*: говорятъ-жо тебѣ, дай-жо мнѣ; подобно этому, и въ другихъ случаяхъ *о* послѣ *ж* произносится особенно рѣзко и открыто:

напр., гождо вм. гоже, дюжо́ вм. дюже, ужо, мeжовой вм. межевой, ложокъ вм. ложекъ, можокъ вм. ножекъ, жовать вм. жевать, жолтый и т. д. (но жена, жемчугъ, женихъ: положено и др.). Съ такою же рѣзкостью звучитъ *о* вмѣсто *е* и *ѣ*: говорится, напр., шолуха вм. шелуха, чашокъ вм. чашекъ, машотъ вм. машетъ, напишомъ вм. напишемъ, пошолъ, пашотъ вм. пашетъ; нашо вашо, вм. наше, ваше; кашоваръ вм. кашеваръ. Наконецъ, говорится *Олёна* вм. *Елена*, отсоль вм. отсель.

Окончанія *ые* и *іе* именъ прилагательныхъ въ имен. и винит. падежъ множ. числа всегда выговариваются какъ *ыя* и *ія*; напримѣръ: сѣрыя кафтаны, умныя мужики, лѣтнія дни и т. д.

и переходитъ въ *а* въ словахъ: *или*, *и*нтересъ, которыя произносятся какъ *али*, *а*нтересъ.

Довольно часто *и* замѣняется въ произношеніи звукомъ *е*: говорится, напр. истенной вм. истинный,—«вотъ же истенной Христосъ»; — квартера вм. квартира, ресовать вм. рисовать, мундеръ вм. мундиръ, некто́ вм. никто («некто не хочетъ»), некакой вм. никакой' Володимеръ вм. Владиміръ, Елесей вм. Елисей, депломатъ вм. дипломатъ. Мѣстоименныхъ формъ,—мои, твои, свои, моихъ, твоихъ, своихъ, — въ произношеніи совсѣмъ нѣтъ: всегда говорятъ,—мое, твое, свое, моехъ, твоехъ, своехъ (мое дома̀, твоехъ лошадей и т. д.).

и произносится затѣмъ часто какъ *ы*. Такъ, прежде всего, послѣ шипящихъ звуковъ *ы* всегда слышится очень рѣзко и грубо: говорятъ, напр., не цигарка, а цыгарка; цыпленокъ, жыветъ вм. живетъ, жыръ вм. жиръ, кожы вм. кожи. шырокій вм. широкій, шыло вм. шило, нашыхъ вм. нашихъ шыпитъ и т. под. Точно также *и* замѣняется звукомъ *ы* весьма часто, хотя и не всегда, послѣ *р*: говорится напр., крыкъ вм. крикъ, скрыпка вм. скрипка, грыбы вм. грибы, брыла вм. брила стрычь вм. стричь, крылосъ вм. крилосъ, капрызный вм. капризный, псалтырь вм. псалтирь (но курица, старикъ, варилъ и др.).

Въ собственныхъ именахъ муж. р. встрѣчаются окончанія какъ *ій*, такъ и *ей*: если говорятъ,—Тимоѳій, Матвій, Олексій, Ондрій и др. то, съ другой стороны, произносится: Елесей, Василей, Григорей, Енадей; очевидно, когда удареніе стоитъ на послѣднемъ слогѣ, тогда слышится *ій*; когда же на этомъ слогѣ ударенія нѣтъ, произносится *ей*. Такое же правило и въ существительныхъ нарицательныхъ: вм. лакей говорится, напр. лакій, вм. водолей—водолій.

і произносится какъ *ё* въ прилагательныхъ окончаніяхъ *енькій* и *ній*: вмѣсто маленькій говорятъ, напр:, маленькёй, вм. хорошенькій—хорошенькёй, вм. утренній—утреннёй, вм. вечерній—вечернёй, и т. д.

Въ другихъ же прилагательныхъ: оканчивающихся на *ій*, *і* замѣняется *о*: говорится, напр., хорошой вм. хорошій, тонкой вм. тонкій' экой вм. экій, и т. под.

о переходитъ въ *а*, сравнительно, въ очень немногихъ словахъ, которыя притомъ же большею частію имѣютъ происхожденіе иностранное. Такъ, говорится: камандовать вм. командовать, карапь вм. корабль, ладанъ вм. ладонъ, палаумный и паларотый вм. полоумный и полоротый, Никалай, жаваронокъ, лажиться вм. ложиться, кампанья вм. компанія, начевать вм. почевать, писталетъ, тварогъ вм. творогъ, гараздо вм. гораздо, гарячій вм. горячій, манахъ, манастырь, дьяканъ, салдатъ. Частица *то*, собственно мѣст. *тъ*, *та*, *то* въ концѣ именъ согласуется съ именемъ, въ именахъ ж. р. ед. ч. им. п. будетъ *та*: каша-*та*, деревня-*та*, рѣка-*та*, змѣя-*та*, телѣга-*та*, нитка-*та*, пряха-*та*, и др.

О произносится, затѣмъ, какъ *ё* въ падежныхъ окончаніяхъ *ой*, *омъ*, *ому* тѣхъ именъ прилагательныхъ, которыя въ именительномъ пад. произносятся съ окончаніемъ *ёй*; поэтому говорится, напр., о миленькёй вм. о миленькой, о миленькёмъ вм. о миленькомъ, миленькёму вм. миленькому, и. т. д. Также въ нарѣчіяхъ на е н ь к о конечное *о* переходитъ въ *ё*: тепле́нькё вм. тепленько, холодне́нькё вм. холодненько и др. Эта же замѣна звуковъ происходитъ и въ падежномъ окончаніи *ой* тѣхъ именъ существительныхъ, которыя въ имен. пад. измѣняютъ въ произношеніи конечное *а* въ *я*: гово-

рять, напр., Ванькёй вм. Ванькой, Колькёй вм. Колькой, Варькёй вм. Варькой, дочкёй вм. дочкой, и т. д. Вмѣсто только и сколько говорится толькё, сколькё; вм. бездонный—бездённый.

Вмѣсто просфора и просфорня говорятъ: посвира, посвирёна.

Иногда также *о* переходитъ въ *у*: вм. Козьма говорится Кузьма, вм. докторъ—доктуръ, вм. сомнѣніе и сомнѣваться—сумлѣнье и сумлѣваться. Мѣстоимѣніе *тъ*, *а*, (то) въ концѣ слова согласуется съ именемъ, въ вин. ж. ед. будетъ *ту*: спину-*ту*, бабу-*ту*, шубу-*ту*, поляну-*ту*, и т. д. Въ нѣкоторыхъ же словахъ слышится какъ *о*, такъ и *у*: говорится, напр., опять и упять, окунусь и укунусь, топерь и туперь вм. теперь.

Если же мѣстоимѣніе *тъ, та, то* слѣдуетъ за существительными, взятыми во множ. ч., то весьма часто оно измѣняется въ *тѣ*: бабы-*тѣ*, ворота-*тѣ*, льны-*тѣ*, сѣни-*тѣ*, снопы-*тѣ*, овцы-*тѣ* и др.

о прибавляется въ началѣ нѣкоторыхъ словъ: говорятъ, напр., оржено́й вм. ржаной, овторникъ вм. вторникъ, огумно вм. гумно, ошшанникъ вм. ишанникъ, окромѣ вм. кромѣ, огорѣлыши вм. горѣлыши (горѣлки). Отмѣтимъ случаи полногласія: говорится, напр., оболоко и оболочко вм. облако и облачко, Володимеръ вм. Владиміръ, оболокаться вм. облекаться, болого вм. благо (союза),—«молчи ко, болого тебя не спрашиваютъ». Бѣглое *о*:— вихорь вм. вихрь.

Гласный *о* проявляется въ окончаніяхъ именъ вм. *ъ* передъ членомъ-*тъ* напр., само-тъ вм. самъ-то, хлѣбо-тъ вм. хлѣбтъ, рукаво-тъ вм. рукавъ-тъ, кафтано-тъ, столо-тъ.

у измѣняется въ *ю* въ падежныхъ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ на енькій, измѣняющихъ, какъ выше было замѣчено, свое конечное *ій* въ *ёй*, и въ падежномъ же окончаніи бранной формы собственныхъ именъ, если у нихъ конечное *а* измѣняется въ *я*; поэтому говорится, напр., маленькюю вм. маленькую, Ванькю вм. Ваньку, Танькю вм. Таньку, и др.; также произносятъ: чайкю вм. чайку, сахарькю вм. сахарьку, дочкю вм. дочку.

Вмѣсто будто говорятъ обыкновенно быдто.

Твердый знакъ (ъ) переходитъ иногда въ *а* или *о*. Такъ, напр., вмѣсто указательнаго вотъ произносится вота, вм. тутъ—тута, вм. Александръ—Олександро.

ы измѣняется въ *о* у именъ прилагательныхъ въ окончаніи *ый*, которое всегда произносится какъ *ой*: вм. добрый говорится доброй, вм. теплый—теплой, вм. ясный—ясной, и т. д. Кромѣ того говорятъ: бароня вм. барыня, барошня вм. барышня, государоня вм. государыня, нонче вм. нынче, сударoня вм. сударыня.

Мягкій знакъ (ь), стоящій на концѣ слова, въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣняется въ *я*: вм. теперь говорится теперя, вм. здѣсь—здѣся, вм. парь (зват. п. отъ парень)—паря. Поэтому и частица *ся* возвратныхъ и взаимныхъ глаголовъ произносится обыкновенно въ растяженной, а не сокращенной формѣ: боюся вм. боюсь, деруся, моюся, дерётёся вм. дерётесь, встрѣтитёся вм. встрѣтитесь, увидитёся вм. увидитёсь, держися вм. держись, прощайтеся вм. прощайтесь, и т. под.

Въ существительныхъ окончаніяхъ нька и енька *ъ* иногда опускается: часто говорятъ, напр., маменка вм. маменька, тятинка вм. тятенька. Также вмѣсто Кузьма говорятъ Кузма, вм. возьми—возми.

Любопытною особенностію говора служитъ весьма употребительная въ немъ замѣна ороографическаго *ѣ* звукомъ *и*, представляющая несомнѣнное сходство съ южными говорами. Такъ, напр., всегда произносится: здись, писня, линь, ричь, сить, тинь, систь, ротозій, исть вм. ѣсть, митить, повисить, виникъ, мисяцъ, сиия, сини, вирить, вмистѣ, свичка, стрилять, минять, одіяло, недиля, бездилье, рукодилье, обидня, ричка, говить, гриться, и т. под. Однако же эта замѣна звуковъ происходитъ отнюдь не во всѣхъ словахъ, имѣющихъ *ѣ*, и постояннаго закона этихъ измѣненій, повидимому, нельзя указать. Можно только сказать, что *ѣ* сохраняется на концѣ словъ всегда: на столѣ, въ рукѣ, тебѣ, всѣ, двѣ, послѣ, гдѣ, и т. д.; также говорятъ: хлѣбъ,

бѣлый, лѣто, рѣна, дѣло, рѣка, дѣти, сѣно, снѣга, и мн. др. Относительно же глаголовъ можно, кажется, замѣтить то общее правило, что у оканчивающихся на *ѣть* *ѣ* не измѣняется въ *и* въ окончаніи прош. вр. *ѣлъ*: такъ, если говорятъ околію, уміешь, говіемъ, сміютъ и т. д., то, съ другой стороны, произносится уже околѣлъ, умѣлъ, говѣлъ, смѣлъ, и т. под.

Вмѣсто цѣловать говорятъ цоловать, вм. цѣлковый—цолковый.

Вмѣсто стемнѣлось, темнѣется, темнѣетъ и т. д. говорятъ: стемнялось, темняется, темняетъ и пр.

Звука *э* въ произношеніи, можно сказать, совершенно не существуетъ, и орѳографическое *э* всегда произносится какъ обыкновенное *е*: етотъ или ефтотъ, вм. этотъ, ето или ефто вм. это, ехъ или екъ вм. эхъ, поетому, и т. д.

Вм. сюртукъ говорится сертукъ.

Я произносится какъ *а* въ частицѣ *ся* возвратныхъ и взаимныхъ глаголовъ: напр., утопилс*а* вм. утопился, объѣлс*а* вм. объѣлся, дралс*а* вм. дрался, дѣяаесс*а* вм. дѣлаешься, дерёсс*а* вм. дерешься, драцц*а* вм. драться, и т. д. Вм. маляръ говорятъ малеръ.

Я измѣняется въ *е* въ началѣ и срединѣ словъ, когда не имѣетъ на себѣ ударенія: говорятъ, напр., едро вм. ядро, езыкъ вм. языкъ (но ядрышко, яма, ясно), петьдесятъ, петнадцать, заецъ, маеться вм. маяться, лаеть вм. лаять, объевлять, гледѣть, костеной, земленой, евляться вм. являться, взела вм. взяла, петно вм. пятно, везать вм. вязать, месной, светой вм. святой, петакъ вм. пятакъ, серебреный, нечаенный, отчаенный, тегло вм. тягло, и т. д. (но объявка, оглядывать, взяться, отвязывать, пятка, мясо, тяглый, и др.).

я переходитъ въ *ё* въ окончаніи *яго* родит. пад. тѣхъ именъ прилагательныхъ, которыя въ именит. пад. оканчиваются на *ній* и, какъ замѣчено выше, измѣняютъ это *ній* въ *ней*: говорятъ, напр., вм. ранняго—раннёва, вм. вечерняго—вечернёва, и т. д. Подобнымъ образомъ родит. пад. жен. р. отъ мѣстоименія *онъ* произносится не ея, а её: «это дѣло не её, а мое». Точно также у существительныхъ средн. рода на *мя* конечное *я* измѣняется въ *ё*: вм. имя говорятъ имё, вм. время—времё, вм. сѣмя—сѣмё, вм. темя—темё.

й выпускается въ словѣ пойду, которое произносится какъ,—поду, подёшь, подётъ, и. т. д. Вм. поймать говорятъ пымать; *йъ* или *jъ* обращается въ j*о* (ё) передъ членомъ *тъ*: j*отъ* (ётъ): худоё-*тъ*, доброё-*тъ*,—сарайе-тъ, и т. д.

Вм знаемо говорятъ знамо: «знамо дѣло пойду»!

Иногда начальная гласная совсѣмъ исчезаетъ въ произношеніи: говорятъ, напр., менины и мянины вм. *и*мянины, налой вм. *а*налой, Лисафета вм. *Е*лизавета, кушерка вм. *а*кушерка.

Въ произношеніи согласныхъ звуковъ также существуютъ многія измѣненія сравнительно съ ихъ орѳографіей. Главнѣйшія особенности ихъ произношенія слѣдующія:

б произносится обыкновенно очень твердо, такъ что измѣняется въ соотвѣтствующее себѣ *п*: говорится, напр., стол*п*ъ вм. стол*б*ъ, гро*п*ъ вм. гро*б*ъ, коро*п*ъ вм. коро*б*ъ, о*п*гибать вм. о*б*гибать, гри*п*ки вм. гри*б*ки, о*п*жимать вм. о*б*жимать, о*п*чёлся вм. о*б*чёлся, о*п*шаривать вм. о*б*шаривать, о*п*щество вм. о*б*щество, о*п*судить вм о*б*судить, о*п*тирать вм. о*б*тирать и т. д.

б передъ *м*. обыкновенно ассимилируется ему: говорится, напр., о*м*манывать вм. о*б*манывать, о*м*макнуть вм. о*б*макнуть, о*м*мирать вм. о*б*мирать, и т. д.

Въ словѣ бабушка срединное *б* выпускается и говорится баушка. Зато предлогъ *объ* произносится въ полной его формѣ, т. е сохраняетъ *б* даже и передъ звуками согласными: говорятъ, напр., о*б*ъ насъ вм. *о* насъ, о*б*ъ тебѣ вм *о* тебѣ, о*б*ъ деревнѣ, и т. под.

Вм. *б*умага (писчая) произносятъ *г*умага.

в измѣняется обыкновенно въ соотвѣтствующее твердое *ф*: произносится, напр., чер*ф*ь вм. червь, сапог*ф*ъ вм. сапоговъ, *ф*пирать вм. *в*пирать, ло*ф*кой вм. ловкій, голо*ф*ка, *ф*торой вм. *в*торой, ко*ф*шикъ вм. ковшикъ, о*ф*чина вм. о*в*чина, о*ф*ца вм. о*в*ца, со*ф*сѣмь вм совсѣмь, о*ф*са вм. о*в*са, Лиса*ф*ета вм. Елизавета, и т. д.

Въ прош дѣепричастіи, оканчивающемся на *вши*, *в* переходитъ обыкновенно въ *м*: говорятъ, напр, не пи*м*ши вм не пи*в*ши, не ѣ*м*ши вм. не ѣ*в*ши, увида*м*ши вм. увида*в*ши и проч.

Вм. ск*в*озь и ск*в*озной говорятъ ск*р*озь и ск*р*озной, вм *с*вобода—*сл*обода, вм. *в*кусъ и *в*кусный—*с*кусъ и скусной, вм. вредъ и повредить—*б*редъ и побредить.

Мягкое *г*, какъ *h*, совершенно не существуетъ въ произношеніи: даже слово Господь выговаривается какъ *G*осподь; а Богъ произносится какъ Бо*х*ъ, въ косвенныхъ падежахъ имѣя уже *g*: Бо*g*а, Бо*g*у, и т. д. Въ слѣдствіе этого всегда говорится бо*g*атый, *g*орохъ, *g*рабли и т под., и никогда не произносится: бо*h*атый, *h*орохъ, *h*рабли, и пр. Твердость въ произношеніи *г* вообще такъ велика, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ *г* звучитъ прямо какъ *к*. Такъ, вмѣсто сне*г*ъ говорится обыкновенно снѣ*к*ъ, вм. побѣ*г*ъ—побѣ*к*ъ, вм. сапо*г*ъ - сапо*к*ъ, вм. уле*г*ся—уле*к*ся, вм. бере*г*чи (мѣстная форма беречь)—бере*к*чи, вм. стере*г*чи—стере*к*чи, вм. ля*г*те—ля*к*те, и т. д.

Мягкое же произношеніе *г* всегда обращаетъ его въ *х*, а не въ *h*. Обыкновенно это бываетъ тогда, когда *г* стоитъ передъ *к*: такъ, слышится ле*х*кой вм. ле*г*кій, мя*х*кой вм. мя*г*кій и др. Подобное же происходитъ иногда и передъ *ч*: напр., можно вм. легче говорятъ ле*х*че, вм. мя*г*чить—мя*х*чить; но этотъ случай, собственно говоря, подвести можно также подъ предыдущее правило, потому что въ корнѣ словъ легче и мягче стоитъ *к*: лег*к*ій, мяг*к*ій

Въ прилагательныхъ окончаніяхъ род. и вин. пп. ед ч. *аго*, *ого* и *яго* *г* всегда произносится какъ *в*: говорится, напр., хороше*в*а вм. хороша*г*о, прямо*в*а вм. прямо*г*о, раннё*в*а вм. рання*г*о, и т д. Тоже самое и въ падежномъ мѣстоименномъ окончаніи *его*: вм. е*г*о говорится е*в*о, вм че*г*о и ниче*г*о—че*в*о и ниче*в*о, вм мое*г*о и твое*г*о—мое*в*о и твое*в*о, и пр.

Вм. Ев*г*еній говорятъ Ев*д*еній, вм. ан*г*елъ—ан*д*елъ.

Наконецъ *г* измѣняется въ *л* въ словахъ ко*г*да и то*г*да, которыя, на ряду съ обыкновенною формою, произносятся какъ ко*л*да и то*л*да.

д переходитъ въ произношеніи въ соотвѣтственное себѣ твердое *т*: напр, говорится су*т*ьба вм су*д*ьба, по*т*бивать вм. по*д*бивать, по*т*пирать вм. по*д*пирать, ло*т*ка вм. ло*д*ка, посѣ*т*ки вм. посѣ*д*ки, по*тт*ирать вм. по*д*тирать, по*т*шивать, вм. по*д*шивать, по*т*садить вм. по*д*садить, и т. под.

Передъ *ч* и *ц* происходитъ ассимиляція *д*: вм. по*д*чевать и по*д*чищать говорится, напр., по*ч*чевать и по*ч*чищать, вм. коло*д*цы и моло*д*цы—коло*ц*цы и моло*ц*цы, и пр.

Вм. сва*д*ьба и уса*д*ьба говорятъ сва*р*ьба и уса*р*ьба.

Предлогъ для измѣняетъ *д* въ *г* и выговаривается какъ гля. При этомъ, изъ сочетанія для чего образуется сокращенная форма глячо и употребляется въ смыслѣ самостоятельнаго вопросительнаго нарѣчія: глячо не ѣдешь? глячо не хочешь? и т. д.

Вм. ноз*д*ря говорится нозря (но з*д*равствуй, поз*д*равляю и др.).

ж переходитъ въ произношеніи чаще всего въ *ш*: напр., говорятъ *ш*банъ вм. *ж*банъ, *ш*ги вм. *ж*ги, бума*ш*ка вм. бума*ж*ка, подо*ш*ди вм. подо*ж*ди, у*ш*ь вм. у*ж*ъ (уже), дро*ш*ь вм. дро*ж*ь, и др.

ж переходитъ въ *з* въ словахъ: *з*елѣзо вм. *ж*елѣзо, рого*з*а вм. рого*ж*а, *з*осткой вм. *ж*есткій.

з, стоящее передъ *ж*, ассимилируется ему: вм. по*з*же говорятъ, напр., по*ж*же, вм. во*з*жи—во*жж*и, вм. съѣ*з*жаться—съѣ*жж*аться, вм. и*з*жога—и*жж*ога, вм. ви*з*жить—ви*жж*ить и т. д.

Болѣе же обыкновенно *з* измѣняется въ *с*: произносится, напр., моро*с*ъ вм. моро*з*ъ, дове*с*ъ вм. дове*з*ъ, во*с*ъ вм. во*з*ъ, ро*сс*матривать вм. ра*зс*матривать, мо*с*ти вм. мо*з*ги, и др.

к переходитъ въ *х*, когда стоитъ передъ *т*: вм. *кто* говорится, напр., *хто*, вм. *локти*—*лохти*, вм. *тракт* и *трактиръ*—*трахтъ* и *трахтиръ*, вм. *докторъ*—*дохтуръ*, и под. Точно также *к* измѣняется въ *х* и въ предлогѣ *кв*, когда онъ стоитъ передъ звуками *п*, *т*, *к*, *ч* и *ц*: говорятъ, напр., *хв* попу, *хв* тятѣ, *хв* кузнецу, *хв* четвергу, *хв* царю.

Вм. *крахмалъ* говорится *трахмалъ*.

Вм. картофе*ль* произносятъ картофе*й*, вм. хо*л*ера—хо*р*ела, вм. шкату*л*ка—шкату*н*ка.

м произносится какъ *н* предъ согласными губными *б* и *п*: такъ, ту*м*ба выговаривается какъ ту*н*ба, ла*м*па и ла*м*пада—какъ ла*н*па и ла*н*пада, ко*м*панія—какъ ка*н*панья, и др.

Вм. Де*м*ьянъ говорятъ Девъянъ.

н измѣняется въ *м* въ собственныхъ именахъ, начинающихся съ слога *ни*: говорятъ, напр., *М*икалай вм. *Н*иколай, *М*икита, *М*икифоръ, *М*иканоръ вм. *Н*иконоръ и др.

н переходитъ въ *ль* въ сочетаніи *нни*: напр., вм. сѣ*н*ница говорится сѣ*ль*ница, вм. мяки*н*ница—мякиль*н*ица, вм. око*н*ница—око*ль*ница, вм. брате*н*никъ—брате*ль*никъ. Точно также вм. со*м*нѣніе и со*м*нѣваться говорятъ су*м*лѣнье и су*м*лѣваться.

п измѣняется въ *м* въ словахъ *п*тица и *п*чела, которыя произносятся какъ *м*тица и *м*чела.

Вм. са*п*оги говорятъ са*б*оги, вм. *п*ока—*д*ока.

р переходитъ въ *л* въ словахъ: про*л*убь вм. про*р*убь, *л*ево*л*ьверъ вм. *р*евольверъ.

с передъ согласными *б* и *д* смягчается настолько сильно, что совершенно переходитъ въ произношеніи въ *з*: вм. *с*бирать слышится, напр., *з*бирать, вм. *с*бивать—*з*бивать, вм. *с*дѣлать—*з*дѣлать, вм. *с*давать—*з*давать, и др.

Въ частицѣ *ся* возвратныхъ и взаимныхъ глаголовъ, когда ей предшествуетъ *т*, *с*, такъ-же какъ и *т*, измѣняется въ *ц*: поэтому говорится дѣлае*цца* вм. дѣлае*тся*, дере*цца* вм. дере*тся*, сади*цца* вм. сади*тся*, и под. Въ неопредѣленномъ же наклоненіи, вдобавокъ къ этому измѣненію звуковъ, выпускается также и мягкій знакъ (ь): дѣла*цца* вм. дѣла*ться*, дра*цца* вм. дра*ться*, труди*цца* вм. труди*ться*, и т. д.

Въ сочетаніи *сч* происходитъ иногда измѣненіе *с* въ *ш*, а чаще *сч* въ *щ*. Поэтому если, съ одной стороны, говорится *ш*чистилъ вм. *с*чистилъ, то, съ другой, произносятъ *щ*итаю вм. *сч*итаю, *щ*асьё вм. *сч*астье, *щ*ётъ вм. *сч*етъ, и т. д.

Вмѣсто *с*ейчасъ говорится *ч*ичасъ, вм. *с*колько и *с*колькій—кольќё и колькёй.

т измѣняется въ *ч*, когда стоитъ передъ этой согласной: вм. о*тч*его говорится, напр., о*ч*чево, вм. во*тч*ина—во*ч*чина, и др.

Вм. *Т*итъ говорятъ *К*итъ, вм. *т*етрадка—*п*етрадка, вм. *тя*желый—*ч*ежолой.

т измѣняется въ *д* въ словѣ **т а к ъ** (и производныхъ отъ него) и когда *т* стоитъ передъ *д*: говорится, напр., я-*д*акъ не хочу вм. я-*т*акъ не хочу, *э*дакой вм. *э*такій; о*д*давать, о*д*двигать, о*д*дѣлывать вм. о*т*давать, о*т*двигать, о*т*дѣлывать, и др.

т выпускается: въ существительныхъ окончаніяхъ **с т ь е** и **с т ь**,—напр., щасье вм. счас*т*ье, ненасье вм. ненас*т*ье, страсъ вм. страс*т*ь, кось вм. кос*т*ь; и въ прилагательныхъ окончаніяхъ **с т л и в ы й** и **с т н ы й**,—напр., щасливый вм. счас*т*ливый, посной вм. пос*т*ный, ненасной вм. ненас*т*ный и др.

Наоборотъ, между повелит. накл., оканчивающимся на гласную, и частицею **к а** обыкновенно вставляется *т*: скажи-*т*-ко, приведи-*т*-ко и т. под.

Вм. шка*ф*ъ говорится шка*п*ъ, вм. Сте*ф*анъ—Сте*п*анъ, Сте*п*анида.

х произносится иногда какъ *к*,—напр., говорятъ: *к*араво́дъ вм. *х*ороводъ, *к*лѣвъ вм. *х*лѣвъ, *к*арактеръ вм. *х*арактеръ, пазу*к*а вм. пазу*х*а, пас*к*а вм. пас*х*а, *к*олмогорка вм. *х*олмогорка, *к*оронить вм. *х*оронить.

Вм. пани*х*ида говорятъ пана*ф*ида.

ч произносится обыкновенно очень мягко, какъ будто за нимъ слѣдуютъ мягкіе гласные: *чя*съ вм. *ча*съ, *чю*до вм. *чу*до; *чи*стый, а не *чы*стый; Ивановичъ, а не Ива-

нычѐ, и др. Въ словахъ ночлегъ и молочный это смягченіе идетъ такъ далеко что обращаетъ *ч* въ *с*: на*с*легъ, моло*с*ной. Но за то слово чанъ выговаривается, какъ *тч*анъ.

ч передъ *н* произносится иногда какъ *ш*,— напр. солне*ш*ной вм. солнечный, серде*ш*ной вм. сердечный, гре*ш*невый вм. гречневый, и под. Но,—вѣчный, сочный, восточный, точно и др.

Въ неопред. накл. вмѣсто окончанія чь употребляется обыкновенно особая, удлиненная форма на гчи и кчи: говорятъ, напр., *жогчи* вм. жечь, мо*гчи* вм. мочь, *легчи* вм. лечь, *бѣгчи* вм. бѣчь, бере*гчи* вм. беречь, стере*гчи* вм. стеречь, *пекчи* вм. печь, и т. под.

ч передъ *т* измѣняется въ *ш*: вм. что говорятъ *ш*то, вм. почти—по*ш*ти, вм. почтенный—по*ш*тенный, и др.

Во 2 лицѣ ед. ч. изъяв. накл. наст. вр. возвратныхъ и взаимныхъ глаголовъ *ш* измѣняется въ *с*: напр., годи*с*са вм. годи*ш*ься, сбирае*с*са вм. сбирае*ш*ься, шевели*с*са вм. шевеля*ш*ься, валяе*с*са вм. валяе*ш*ься, и т. под.

Въ сравнительной степени нарѣчій *ш* переходитъ обыкновенно въ *ч*: вм., напр., луч*ш*е говорится лучче, вм. мень*ш*е—меньче, вм. рань*ш*е—раньче, и др.

Звука *щ*,—тамъ, гдѣ онъ долженъ бы быть орѳографически, въ произношеніи почти совсѣмъ не существуетъ: онъ употребляется только, какъ уже выше показано было, вмѣсто орѳографическаго *сч*; въ остальныхъ же случаяхъ замѣняется обыкновенно другими звуками. Вм. книжнаго, церк. слав. *щ* слышно вездѣ русское *ч*: вм. помо*щ*ь говорится помочь (Богъ нàпомочь), вм. об*щ*ій—опчой, вм. об*щ*ество—опчесво, вм. немо*щ*ь—немочь.

Чаще всего *щ* измѣняется въ *шш*: вмѣсто, напр., *щ*ека говорится *шш*ока, вм. *щ*ука—*шш*ука, вмѣсто свя*щ*енникъ—свя*шш*енникъ, вм. сла*щ*е—сла*шш*е, вм. говоря*щ*ій—говоря*шш*ой, вм. дѣлаю*щ*ій—дѣлаю*шш*ой, и т. под.

Рѣже *щ* переходитъ въ *ш* простое, неудвоенное: это бываетъ, кажется, только тогда, когда передъ *щ* стоитъ *л* или *н*; такъ, говорится камень*ш*икъ вм. камень*щ*икъ, поденьшикъ вм. поденьщикъ, тол*ш*ина вм. тол*щ*ина, тол*ш*е вм. тол*щ*е, исполь*ш*икъ вм. исполь*щ*икъ, и др.

Вм. *щи* говорится *шти*.

Помимо измѣненій однихъ согласныхъ въ другія бываетъ иногда прибавленіе звуковъ тамъ, гдѣ ихъ не имѣетъ литературный языкъ: такъ, вм. покаяться говорится *с*покаяться, вм. покой—*с*покой, вм. острый *в*острой, вм. благословеніе—благослов*л*енье, вм. заговѣнье—загов*л*ѣнье, вм. милостивый—милост*л*ивой, *в*оспа вм. оспа, вчера*сь* вм. вчера, пока*мъ* вм. пока.

Затѣмъ, достойны вниманія, кромѣ звуковыхъ измѣненій, и нѣкоторыя этимологическія и синтактическія данныя, представляющія собою мѣстныя особенности народнаго говора. Такъ, встрѣчается иногда замѣна одного рода именъ существительныхъ другимъ: вм. напр, этотъ путь говорится эта путь («сбился съ праведной пути»), вм. вредъ говорится бредà,—«никакой бреды не будетъ», жнитвò—жнѝва (женскій родъ вм. ср.) и вм. яблоко—яблокъ (муж. р. вм. средн.).

Затѣмъ, вмѣсто множественнаго числа именъ существительныхъ употребляется иногда единственное число словъ, имѣющихъ собирательное значеніе: напр., говорятъ тычьё вм. тычины, ли̇́стьё вм. листья, клòчьё вм. клочья, кòльё вм. колья, стýльё вм. стулья, сватовьё вм. сватовья. Точно также и въ другихъ случаяхъ встрѣчается единственное ч. вм. множественнаго: напр., говорятъ—пѣть по нотѣ вм. по нотамъ, огурецъ дешовъ вм. огурцы дешевы, качель вм. качели.

Существительныя средняго рода, съ основою на согласную (н): время, сѣмя, имя, темя, племя и др., имѣютъ гласное склоненіе во всемъ единственномъ числѣ: суффиксъ *ен* здѣсь совершенно отсутствуетъ, такъ что род. пад. будетъ—

время («пришелъ безо время»), дат.—сѣмю, вм.—темя, твор.—имёмъ, предл.—о племѣ; множественное же число правильное: имена, сѣмена и т. д.

Нѣкоторыя имена существительныя муж. р. въ родительномъ пад. ед. ч. имѣютъ окончаніе *у* вм. *а*: напр., говорятъ—ѣду изъ городу; съ базару, съ потолку, изъ уголку, изъ лѣсу, изъ саду, изо лбу, безъ году, изъ самовару. Слово день имѣетъ въ род. ед. дни, а не вм. дня: съ того дни, со вчерашняго дни, два дни, ни одного дни.

Въ дательномъ пад. ед. ч. нѣкоторыя изъ именъ существительныхъ жен. р. оканчавыются на *е* (*ѣ*) вм *и*; напр., говорятъ къ дочере вм. къ дочери, къ матере, къ лошаде, къ пече вм. къ печи. Личное же мѣстоименіе второго лица имѣетъ въ дат. ед. сокращенную форму *тѣ*: «вотъ *тѣ* крестъ!» «Какъ *тѣ* не такъ!» и т. под. (преимущественно въ восклицаніяхъ). Сокращенная-же форма этого мѣстоименія употребляется и въ винительномъ пад. ед. ч.: «ѣдятъ *тя* мухи съ комарами!» «домъ-то у *тя* розвалился», и др.

Въ творительномъ пад. ед. ч. имена женскаго рода обыкновенно оканчиваются не на *ою*, а на *ой*: шелъ съ женой, косилъ косой, крестомъ да молитвой, избой, и т. д. Слово церковь въ предл. пад. имѣетъ не церкви, а церкови: былъ въ церкови.

Въ именит. пад. множ. ч. слово крендель будетъ не кренделя, а крендéлья; существительныя же муж. р., оканчивающіяся на анинъ, имѣютъ множественное число не на *ане*, а на *ана*: напр., крестьяна, міряна, прихожа́на, поѣзжана, дворяна, мѣщана, горожана, селяна, и др.; также—баре и баря.

Въ род. пад. множ. числа иногда употребляется окончаніе *овъ* тамъ, гдѣ совсѣмъ не должно быть окончанія, напр.,—солдатовъ вм. солдатъ («пришелъ изъ солдатовъ»), избовъ вм. избъ («высыпали изъ избовъ»), пивовъ, дѣловъ, сѣновъ, и др. Съ другой стороны, окончанія *овъ* и *евъ* употребляются тамъ, гдѣ бы должно быть *ей*: напр., родителевъ вм. родителей, крендéльевъ вм. кренделей, кирпичовъ вм. кирпичей, полевъ вм. полей; наоборотъ, вм. братьевъ говорятъ братовей. Слово день имѣетъ въ род. множ. дёнъ вм. дней: сколько дёнъ, пять дёнъ.

Вмѣсто творительнаго пад. во множеств. числѣ всегда употребляется дательный,—какъ въ существительныхъ именахъ, такъ и въ прилагательныхъ: за дремучимъ лѣсамъ, лѣсъ рубятъ топорамъ, пашутъ сохамъ, съ краснымъ дѣвушкамъ, и т. д. Изрѣдка также встрѣчается и обратное употребленіе, т. е. творительнаго пад. вм. дат.,—наприм. говорятъ: «идти-было дать овса лошадьми, да и ѣхать»; «сходить къ добрыми людьми».

Глаголъ вынуть сохраняетъ свое древній видъ: вынять, вынялъ, вынятый и т. д. вм. вынулъ, вынутый. Глаголъ же имать съ предл. переходитъ въ классъ (-ова-ть, ую): такъ вм. нанимать говорится наймовать, вм. занимать—займовать, наймую, за́ймую; обойму́, вм. обниму. Точно также и во 2 лицѣ изъяв. п. наст. вр. отъ глагола хотѣть употребляется сокращенное хошь вм. хочешь: «хошь-ли каши-то?» «Какъ хошь, такъ и дѣлай».

Глаголы впрягать и запрягать въ изъявительномъ накл. прош. вр. произносятся какъ впрёгъ и запрёгъ вм. впрягъ и запрягъ, а прошедшее страдательное отъ глаголовъ накласть и покласть будетъ—накладено и покладено вм. наложено и положено; точно также и въ дѣйств. залогѣ: наклалъ и поклалъ вм. наложилъ и положилъ.

Повелит. наклон. отъ глагола ѣхать и производныхъ отъ него имѣетъ форму, совсѣмъ не употребительную въ книжной рѣчи: ѣдь, уѣдь, поѣдь, ѣдьте, уѣдьте и т. д. (выговариваются: ѣть, уѣть, ѣтьте и пр.) вм. уѣзжай, поѣзжай, заѣзжайте и под. Точно также, вм. не трогай и не трогайте говорятъ не трожь и не трожьте, положь и положьте вм. положи и положите,

отложь и отложьте и под.; вм. смотри и смотрите говорится смотряй и смотряйте, вм. пойди и пойдите—подь и подьте; вм. испей—испивай.

Въ прошедшемъ причастіи страд. зал. иногда употребляется окончаніе *ный* вм. *тый*: напр., прокленёной вм. проклятый, гнё*ной* вм. гну*тый*, колоно*й* вм. коло*тый* и др. Дѣепричастіе прош. вр. отъ глагола ѣсть произносятъ какъ ѣтьши, поѣтьши вм. ѣвши, поѣвши: «мы еще сегодня не ѣтьши».

Изъ особеностей синтактическихъ заслуживаетъ вниманія, напр., случающееся иногда употребленіе родительнаго пад. вм. винительнаго въ существ. муж. р.: нашелъ боровика, увидалъ бѣлаго гриба, наступилъ на рыжика, посадилъ подсолнечника, и др. Также вм. творит. падежа употребляютъ предлогъ изъ съ родительнымъ: напр., хорошъ изъ себя вм. собою, красивъ изъ лица вм. лицомъ и под. Вм. курить трубку говорятъ курить въ трубку. Слово разъ послѣ первыхъ четырехъ количественныхъ числительныхъ употребляется въ родит. пад. вмѣсто именительнаго: два разъ вм. два раза, три разъ, четыре разъ. Точно также родит. п. мн. числа ставится вм. именит. при глаголѣ есть: есть дураковъ, есть у насъ умныхъ людей, есть дровъ и т. д.

Вмѣсто предлога за часто употребляется по: напр., пошелъ по лошадь, по коровъ, по мужиковъ, по народъ, по грибы; поѣхалъ по гостей, по попа и т. под.

Вмѣсто двухъ отрицаній иногда употребляется одно: напр., говорятъ—никто ему велѣлъ вм. *не* велѣлъ, ништо ему сдѣлается вм. *не* сдѣлается, никакой ему рожонъ приключится и др.

Нарѣчныя числительныя при существительныхъ, имѣющихъ одно только множественное число, употребляются также во множественной формѣ, напр.—двои ворота вм. двое воротъ, трои двери, двои грабли, четверы сутки, трои сани, двѣнадцатеры сутки, и под.

Наконецъ, въ языкѣ народномъ существуетъ не мало словъ, выраженій и формъ мѣстныхъ, не употребительныхъ въ книжной рѣчи. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

Адъ безде́нный,—бранное выраженіе, приближающееся по смыслу къ словамъ: ненасытный, обжора («ахъ онъ адъ безде́нный! все слопалъ!»).

Адъ тя остани́,—поговорка, смыслъ которой не ясенъ («ахъ, адъ тя остани! Что ты надѣлалъ то?»).

Баять,—говорить: «посидѣли, побаяли маленько, да и по домамъ».

Битви́на,—гибкая древесная лоза, употребляющаяся для связыванія кольевъ въ изгороди.

Божья воля,—молнія («погорѣли отъ Божьей воли»).

Быстрѐцъ,—рѣка въ мѣстѣ мелкаго и быстраго теченія.

Виту́шки,—крендели изъ черной муки, домашняго приготовленія.

Витюги́,—дикіе голуби.

Во́имя,—названіе церкви или иконы въ честь святого или праздника («какъ этой церкви воимя-то?—Михайла Архангела»).

Во́локъ,—орудіе, которымъ вымолоченное зерно стаскивается (сволакивается) съ ладони въ одну кучу.

Во́тра,—мелкая и мягкая ржаная солома, идущая въ кормъ скоту.

Выжаравливать,—поднимать зданіе, замѣняя нижніе вѣнцы бревенъ новыми.

Выписывать,—описывать («ты ужь ему все выпиши, какъ мы живемъ»).

Вя́тель,—снарядъ для ловли рыбы, сплетенный изъ ивовыхъ вѣтвей

Гара̀здъ-ый,—ловкій, искусный («на всякое дѣло гараздъ парень-то!»).

Гарнушка,—небольшое внутреннее помѣщеніе на наружной сторонѣ печки; въ немъ хранятся спички, сушатся портянки, вязанки и пр.

Гасникъ,—шнурокъ для завязыванія портокъ.

Гожо́,—хорошо («гожо больно ужь пиво-то у тебя!»)

Голо́вль,—особаго рода рыба.

Го́лчить,—разговаривать, говорить («голчили-голчили, насилу разстались!»).

Грàмота, грамотка,—писчая бумага («нѣтъ-ли у тебя грамотки маленько, письмецо бы Иванку написать?»).

Грóхотъ,—кузовъ, которымъ носятъ сѣно скотинѣ.

Гулъ,—звонъ («гулъ-то у этой косы неважный»).

Дёрнуть,—дѣлать крупу на домашнихъ, ручныхъ жерновахъ.

Деревённый,—деревенскій («это быкъ-отъ нашъ,—деревённый»).

Дюжò,—хорошо, сильно («дюжо паря и загуляли мы вчерась!»).

Евóный,—его, принадлежащій ему («евоная дочка»).

Елòха,—ольха (дерево).

Ейный,—принадлежащій ей («ейная изба-то»).

Жáмкать,—медленно жевать («ужь она жамкала-жамкала!»).

Жаровѝха,—клюква (ягода).

Завóзня,—сарай около дому, гдѣ хранятся сани, телѣги, збруя и пр.

Зажóра,—весеннее скопленіе снѣга и воды въ рѣчкахъ и оврагахъ.

Замèтъ,—снѣжный сугробъ.

Запорỳчить,—сосватать парня или дѣвицу, сговорить.

Засудѝть,—осудить («въ острогъ засудили на четыре мѣсяца»).

Заувéя,—снѣжная переметь («вишь, какая заувéя на улицѣ-то!»).

Зѣнки,—глаза (бранное): «что зѣнки-то пялишь?»

Играть пѣсни,—пѣть пѣсни.

Игрища,—посидѣлки, бесѣдки, гдѣ только веселятся, но не работаютъ;—напр., святочныя бесѣды.

Инъ,—частица, обозначающая приблизительно: если такъ, то.. («я инъ послѣ пообѣдаю»).

Инный,—иной, другой («въ инныхъ мѣстахъ ничего не уродилось,—голая земля»).

Ихній,—принадлежащій имъ.

Кéлья,—церковная сторожка.

Кѝта,—гороховина, гороховая трава.

Кичѝга,—орудіе, служащее для околачиванія льна.

Клѝпы,—руки, въ бранномъ смыслѣ («Что клипы-то растопырила?»).

Курà,—мелкая снѣжная пéреметь.

Кобылка,—рядъ яровыхъ сноповъ, поставленный на полосѣ.

Колѝ, колѝнъ,—если такъ, то... («Ты колинъ посиди здѣсь, пока я хожу»).

Комòлый,—безрогій.

Копы́лъ,—пряха.

Корѝха,—корь (болѣзнь).

Коротенькія,—особаго рода деревенскіе танцы.

Косýля,—орудіе, которымъ орутъ землю.

Кóчетъ,—пѣтухъ.

Кỳжель,—льняной пучекъ на пряхѣ.

Лàва,—пѣшеходные мостки черезъ рѣку.

Лемèхъ,—желѣзная часть косули, рѣжущая землю.

Лизýнъ,—нѣчто вродѣ «домового»; живетъ въ подпольѣ избы.

Лѝтки,—могарычи, угощеніе при заключеніи какой-нибудь сдѣлки.

Лóпать,—бранный переводъ слова «ѣсть» («Что еще не лопаешь? али сытъ?»).

Лѣтось,—въ прошедшемъ годѣ.

Лядвея,—верхняя мягкая часть задней ноги у животныхъ.

Мáтица,—поперечное, основное бревно потолка.

Мéко, мéщечко,—секретъ, важное сообщеніе («Подь сюда, я тебѣ скажу одно меко»).

Молвить,—сказать («А я ему и молвила: мотри паря, не прогадай!»).

Мосóлъ,—кость.

Мостъ,—сѣни.

Му́слять,—жевать, ѣсть слишкомъ медленно («Все еще не можешь промуслять!»).

Муто̀вка,—кухонная принадлежность, употребляющаяся для «разсучиванія» жидкихъ кушаній; дѣлается изъ сосновой вершинки и по виду походитъ на пароходный винтъ.

Мя̀конькій,—ржаной прѣсный хлѣбъ.

Нальни или нально̀,—такъ сильно, что... («Усталъ, нальни ноги подкашиваются»).

Настаѝвать—навивать въ возъ сѣно или солому.

Настига̀ть,—достигать, догонять.

Нешто̀-вѣ̀дь,—да, разумѣется («Въ городъ что-ли ѣдешь, тетка? — Нешто вѣдь, родимый»).

Нишну́ть,—замолчать, успокоиться (уговариваютъ дѣтей: «ну, нишни, не плачь!»).

Обѝчка,—мука, остающаяся на мельничной утвари и поступающая въ пользу мельника.

Облаѐдъ,—бранное, обжора («Экой облаѣдъ: все прижралъ!»).

Охво̀стье,—нечистое зерно, остающееся послѣ провѣиванія.

Объувѣ̀чить,—изувѣчить, испортить.

Объѣ̀дь,—количество ѣдоковъ въ семьѣ («Объѣдь-то у насъ больно не велика!»).

Огля̀дкино,—чужая лѣсная дача; лѣсъ рубить на оглядкинѣ,—воровать лѣсъ.

Около̀токъ,—мокрый свертокъ, въ который складывается зимою бѣлье, когда его везутъ мыть на рѣку.

Око̀рчево,—передняя часть зимнихъ саней («Сядь въ окорчево-то,—теплѣе»).

Омутно́й,—бранный эпитетъ («Ахъ ты омутная экая!»).

Отва̀жный,—разговорчивый, веселый («Экой, матушка, парень! ужь больно отваженъ!»).

Отвѣ̀дать,—попробовать («Отвѣдай пивка-то!»).

Полоу́мный,—глупый, сумасшедшій.

Па̀сьмо,—извѣстное количество намотанныхъ на мотовило нитокъ.

Пахта́,—квасъ съ толокномъ (кушаніе).

Персленѐкъ,—оловянное колечко, надѣвающееся на веретено при пряденіи.

По́шовни,—сани, обитыя лубкомъ.

Писка́рь,—названіе одной маленькой рыбки.

Подземѐльное,—поземельный налогъ.

Подкра̀ивать,—очищать льняное сѣмя, провѣивая чрезъ рѣшето, отъ сору.

Полуско́бокъ,—верхняя теплая одежда: полушубокъ съ борами, покрытый матеріей.

Портомо́й,—то мѣсто рѣки, гдѣ полощутъ бѣлье.

По́ршни,—низкая берестяная обувь, въ которой ходятъ по двору.

Поцѣ̀пка,—цѣпочка.

Почѐтникъ, почѐтница,—ухаживатель, поклонница, любовникъ.

Почму́, почмешь и т. д.,—начну, начнешь и пр. («какъ почму тя бить!»).

Пощипа̀ться,—подраться («наши мужики пощипались вчера здорово»).

Пра̀вило,—обѣдня («Чу, къ правилу ужь звонятъ»).

Приголовокъ,—распаренный хмѣль, опускаемый въ пиво, чтобы оно забродило.

Приста̀вить,—представить («живымъ манеромъ приставлю, не безпокойтесь»).

Приходъ,—село съ церковію («куда Богъ несетъ?—да вотъ къ приходу иду»).

Пріѐмцы,—вилки.

Пріодѣлять,—опредѣлять («къ как му-бы ни на есть мастерству пріодѣлить парня»).

Пріопнуться,—на минутку, мимоходомъ вздремнуть.

Прытко,—скоро (для обозначенія скорости движенія).

Растамарить,—ослабить, привести въ дремотное состояніе.

Роспуски,—широкія зимнія сани безъ задней спинки.

Ростится,—курица громко кричитъ.

Ростучая,—беспричинная, повидимому, дѣтская болѣзнь (говорятъ: это дитя ростетъ).

Рѣзка,—мелко изрѣзанная солома, идущая въ кормъ скоту.

Сговорёнка,—сосватанная невѣста.

Сибирка,—верхняя одежда, скроенная на подобіе домашняго сюртука.

Сиверъ,—холодный вѣтеръ.

Солотина,—грязное и топкое мѣсто.

Сорога,—названіе одной небольшой рыбы.

Стелька,—толстый, скатанный изъ овечьей шерсти картонъ; употребляется для подмётокъ къ валенымъ сапогамъ.

Стельникъ,—нѣчто вродѣ войлока, связаннаго изъ ржаной соломы.

Сулой,—овсяное молоко.

Сумерничать,—спать (зимою) во время сумерекъ.

Суслонъ,—небольшая копна ржаныхъ сноповъ въ полѣ.

Сусѣкъ,—закромъ.

Тальянка,—гармоника итальянскаго строя.

Тамоди,—тамъ.

Тропить,—насмѣшливое,—идти («Вишь, потропила!»).

Трухнуть,—ѣхать мелкою рысью.

Тынъ,—садовая изгородь изъ тонкихъ тычинъ, поставленныхъ стойкомъ.

Удоробокъ и урево,—уродъ, неловкій человѣкъ (бранное).

Уполовникъ,—большая ложка, которою кушанія кладутся изъ горшковъ въ блюда.

Утварь, не для той утвари,—не для того, не для той цѣли.

Хошь,—союзъ: «хошь ты пойдешь, хошь не пойдешь,—мнѣ все равно».

Цѣловальникъ,—кабатчикъ.

Чепанъ,—особаго рода верхняя одежда.

Чистополье,—открытое широкое мѣсто («какъ выѣдешь на чистополье, и госкроенной родъ будетъ видать)».

Шмелька,—названіе недавно появившейся мужской одежды, — ситцевой, на манеръ какой-то куртки.

Щеть,—особаго рода гребень изъ щетины; имъ очесываютъ ленъ.

Этта,—здѣсь.

Студ. Пет. Дух. Ак. *Ѳ. Покровскій.*

Говоръ южной части Томскаго округа, Томской губерніи.

Мои наблюденія лѣтомъ 1895 года [1]) надъ говоромъ ограничиваются тою частью Томскаго округа, которая лежитъ къ югу отъ Томска между рѣками Обью, Томью и Инею (волости Ояшинская, Кайлинская и часть волостей Уртамской и Тутальской).

Прежде слѣдуетъ сказать о населеніи этой мѣстности. Населеніе—Сибиряки, «природные», какъ они себя называютъ. Переселенцевъ, «Россійскихъ», какъ зовутъ ихъ Сибиряки, я встрѣтилъ въ этой мѣстности только въ трехъ—четырехъ деревняхъ. Малороссы, Черниговскіе и Полтавскіе (Глызино), которые недавно поселились и теперь еще прибываютъ, совершенно не общаются съ Сибиряками. Въ другой деревнѣ (Кайлы) есть Рязанскіе переселенцы; тѣ тоже поселились недавно. Есть деревни, гдѣ поселились Вятскіе, (Камень, Умревинское поселье). Въ остальныхъ деревняхъ, почти во всѣхъ есть одна или нѣсколько семей, дѣды или даже отцы которыхъ переселились изъ Россіи, главнымъ образомъ изъ губерній Пермской, Оренбургской, Вятской, Тобольской, также Калужской, Воронежской, Пензенской и Тамбовской. (Въ одной деревнѣ, гдѣ были Пермскія семьи, я слышалъ: Восиле́й, Восиле́й, ты туто?). Въ Уртамской волости среди населенія много Поляковъ, оставшихся здѣсь жить послѣ прощенія, и масса ссыльныхъ, постоянно прибывающихъ. Сколько мнѣ кажется, оказать вліянія на говоръ они еще не успѣли.

Говоръ этой мѣстности слѣдуетъ отмѣтить, какъ акающій:

Абрани Госпади, истрава, хварый, паѣхать, пашаница, сабачева гора.

(Сравнивая говоръ стараго поколѣнія и молодого, сразу замѣтно, что старики и старухи, гораздо болѣе акаютъ, чѣмъ молодежь).

и приближается къ *е*: Бейскъ, брѣтье.

о въ началѣ словъ произносится, какъ *и* (особенно послѣ *не*): не’*и*тпѣваютъ, не’*и*тнимаютъ, не’*и*бъявляютъ, *и*днадомны, *и*тобрать, *и*ставаться, *и*тбиваться, *и*хтябрь, *и*брабатывать, *и*цанить, *и*гурцы, *и*тдахнуть, *и*злѣ (вм. возлѣ), *и*страва, *и*зерки.

а и *я* часто употребляются равнозначно: зад*а*рживаютъ, зад*я*рживаютъ, съ зад*а́*—съ зад*я́*.

у влечетъ иногда обращеніе сосѣдняго звука также въ *у*: мужуки (также не б*у*луди).

я въ суффиксахъ замѣнено *и*: желѣзн*и*къ, известн*и*къ, березн*и*къ, сосн*и*къ, размѣн*и*ть.

е иногда усиливается въ *о* и въ *а*: д*о*ржитъ, т*а*перь, зад*а*рживаютъ, подд*а*ржаться, д*а*ржи.

ц и *ч* часто произносятся, какъ *с*: оте*с*ъ (род. пад. оть*с*а), ов*с*инникова, малосный—молочный.

в употребительно въ началѣ словъ передъ *о*, *у*: *в*оспа, *в*окунь, *в*онъ, *в*утромъ.

щ произносится какъ *ш* (*чт*=*шш*): ешшо, ямшыкъ, паровшыкъ, уташшыть.

л—мягкое: мольчать, мольчо́къ.

Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить полногласіе въ такихъ словахъ, какъ: морокъ, солодкій.

Также Калу*ц*кій, Вороне*ц*кій (вм. Калу*жс*кій, Вороне*жс*кій).

Особенности въ склоненіи и спряженіи разсмотрю особо.

---

[1]) Во время геологическихъ развѣдокъ въ качествѣ помощника геолога Г. Г. Петца въ экспедиціи проф. А. А. Иностранцева. *Ред.*

Имя существительное.

Мѣстный падежъ существительныхъ, оканчивающихся на ь имѣетъ окончаніе ѣ вм. и. На лошадѣ, по путѣ, по Обѣ (пабѣ), къ Томѣ, въ грязѣ, въ глубѣ, къ дверѣ, въ степѣ.

Отмѣчаю слышанныя мной интересныя формы: излѣ рѣку (дер. Поросъ, крестьянинъ изъ Остяковъ, въ круглымъ домѐ, (дер. Изылы) отъ назёмъ, мѣсти. пад. въ назьму и въ назьмѣ; полъ дни вм. полъ дня; мн. число. знакомства́, старосто́въ; повсюду Колыванъ (вм. Колывань), изъ Колывану.

Въ высшей степени интересно склоненіе слова конь,

	Ед. число.	Мн. число.
Им.	ко́нь	ко́ни
Род.	ко́ня	ко́нихъ (ко́нивъ)
Дат.	ко́ню	ко́нямъ
Вин.	ко́ня	ко́ній (но по ко́нихъ)
Твор.	ко́нимъ	ко́ними
Пр.	на ко́ни	ко́нихъ

Удареніе всюду остается на первомъ слогѣ.

Привожу интересные суффиксы именъ существительныхъ: дѣвчёшка, бабёшка, мельничёшка, ребенчишка, женёнушка, грабёлка, сотчиха.

Имя прилагательное и мѣстоимѣніе.

Въ склоненіи им. прил. слѣдуетъ отмѣтить употребленіе краткихъ окончаній крута балта, круты лога, крутяща гора, польска́ дорога, но жена ро́дная. Томскъ и Омскъ склоняются какъ прилаг. членныя.

Родит. пад. на ова: ни еднова нѣтъ, изъ Томскова, изъ Омскова.

Вин. пад. ж. рода: подъ таё крышу, самоё.

Мѣсти. пад. въ круглымъ, на етимъ, въ Томскимъ (и въ Томскомъ).

Склоненіе онъ: н въ началѣ не представляется: у его, въ ихъ; особенности: ед. ч. тв. пад. ёмъ приказано, мѣсти. пад. на имъ (также на ёмъ); мн. ч. твор. пад. съ имя̀-же, за имя̀. Вм. что употребляется чо (чё), ничё (также сёднишній).

Изъ окончаній часты: ущій, и особенно—ящій: матерущій, матерящій, крутящій, лѣнивящій.

Глаголъ: Въ спряженіи вм. аешь, аетъ, аемъ употребляются ашь, атъ, амъ (ѣетъ, ѣтъ): желатъ, кидатъ, знатъ, знашь, умѣтъ, вспотѣшь, таскатся, итбиватся..

Интересно употребленіе ся: скочился вм—скочилъ, продадутся вм. продадутъ [1]).

Отмѣчаю формы: покосю, приносю, спросю, шутю, также іись (вм. ѣсть); пов. накл. подь, робь, ляжь; 3-е лицо ед. числа: лягетъ, хотитъ «не хотите, какъ хочете».

Приведу нѣкоторыя слова, характерныя по особенностямъ говора: лили (вм. или), лили—лили, кады, тады, сюды, нѣтъ куда (некуда), пошто, излѣ, таперь, взадь, назадь, ешшо, никады, скорѣ! скорѣ! тихоньку! Пабѣ (по Обѣ), набь (на Обь), но за о́бѣ, (за обѣихъ), мольчать.

Въ заключеніе приведу слова, употребительныя въ этой мѣстности.

Азямъ—армякъ, киргизскаго издѣлія
Баганы—доска, которую привязываютъ лошадямъ на ноги, какъ путы.
Баской, басенькій, баситься—красивый, хорошенькій, охорашиваться.
Боецъ—пороги.

---

1) Какъ продадутся мужики, такъ и взадъ пріѣдутъ (окончатъ продажу).

Вершній, вершить—верховой, осѣдлывать.
Выведривать—о погодѣ.
Варнакъ—ругат. слово.
Времянка—дорога, временно проведенная по линіи строющейся жел. дороги.
Годнища—душа, за которую взимается подушная подать.
Грива—высокое мѣсто, долъ, хребетъ.
Диковать на чемъ—дивоватся чему.
Дивно—порядочно, довольно.
До увиданья—до свиданья.
Едный—одинъ
Желѣзянъ (Карганская, Каинскій округъ) желѣзная дорога (всюду чугунка).
Засядки, засяжать—нагрузка, нагружать.
Засѣка—огороженное мѣсто у деревни для скота, принадлежащее одному владѣльцу.
Заѣздокъ — перегородка въ рѣкѣ для рыбы.
Заховать—спрятать.
Зябликъ—поле, вспаханное осенью и простоявшее зиму.
Имкій—легко ловящійся.
Круглый (домъ)—квадратный.
Коноплё—конопля.
Каменка—печь въ банѣ для пара, сложенная изъ камней.
Кастрюкъ—осетёръ до 15—20 фунтовъ (чалбышъ—осетеръ отъ 18 — 20 до 30 ф., а осетромъ зовутъ осетра вѣсомъ около пуда и больше).
Ланись, ланской годъ — прошлый годъ.
Лѣтовка—коса.
Леха—полоса земли.
Назёмъ—навозъ.
Нно-о всюду вм. да. (Да совершенно не говорятъ).
Отголка—эхо.
Пара́, паровóй—пара, парный.
Паровщикъ — содержатель земскихъ лошадей и лодокъ.
Портмонетъ—портмоне, кошелекъ.
Польскій (польска дорога)—полевой.
Пчеловать—водить пчелъ.
Подпизокъ —жердь, подвязываемая у телѣги между передней и задней осями.
Поскóтина—заборъ, огораживающій выгонъ; также выгонъ, заключенный въ поскотинѣ.
Простыть—простудиться.
Пристать—устать.
Поглянуться—понравиться.
Падунъ — болото или оврагъ съ водой, впадающіе въ рѣку.
Пучка—дудка, растеніе (Angelica).
Плишка—птица трясогузочка.
Полой—долина.
Палы̀—весеннее спаливанье травъ.
Перстятки—перчатки.
Петрунька, Петрованъ отъ Петра.
Робить—работать.
Рѣчникъ—галешникъ.
Рыбалка—рыбная ловля.
Ревѣть—звать.
Снимокъ—сметана.
Снарядный—нарядный.
Семой—седьмой.
Сквозница—корова, дающая молоко круглый годъ.
Сарынь—дѣти.
Сосить—оставлять сосать.
Стрежъ—быстрина.
Сарапулька—прозваніе медвѣдя.
Сиверъ—сѣверный вѣтеръ.
Табунить—ходить, сбираться табуномъ.
Трунда—тундра, зыбкое мѣсто.
Трясогузка—таратайка.
Уродство—родство.
Фартъ, фартитъ — счастье, счастливится.
Хлѣбозоръ—зарница.
Чаевать—пить чай.
Шишковать—бить кедровыя шишки.
Шурупы—винты.
Черапать—царапать.
Шаньга—бѣлый хлѣбъ на маслѣ.
Шебарчитъ—журчитъ.

Студ. С.-Пет. Унив. *В. Ламанскій.*

Сказанія и сказки.

VI. Невѣрная жена.

(Его-же).

Жилъ-былъ купецъ и овдовѣвъ, оставсе у его сынъ въ полномъ возрастѣ. Онъ сказавъ сыну своему, що «жонись ты, сынъ мой, а мнѣ ужъ не вгоды»... У меня, гыть, всѣ невѣсты сняты на патритѣ... Приноситъ сыну своему патреты невѣстъ и говоритъ: «ну, сынъ мой, выбирай которую надоть»! Сказавъ сынъ отцю: «батюшко, въ твоихъ патретахъ нѣтъ невѣсты мнѣ». Ну, гыть, выбирай самъ невѣсту; отвицявъ отецъ. Сынъ говоритъ: «стану выбирать невѣсту по Божьему повелѣнью, какую мнѣ Богъ благословитъ». Заутра сынъ отпираетъ лафку и говоритъ: «которая первая придетъ въ лафку возврастная дѣвиця, то и невѣста моя». Какъ отперъ купецъ лафку и приходитъ воз(в)растная дѣвиця торговать (покупать); вотъ и говоритъ (ей) купеческой сынъ: «пойдемъ за меня въ замужество»! Она отвицѣетъ ему: «господинъ купецъ! я низка передъ вами».—«Какихъ ты родовъ»?—«У меня мать бобылочка»! «Въ какой улицѣ твоя фатера»? спрашиваетъ купеческой сынъ.—«Въ такой-то улицѣ», отвицяетъ, подъ такимъ-то номеромъ. «Хорошо, я буду сватат̂се къ вамъ». Вотъ запираетъ онъ лафку и приходитъ сватат̂се, а вдова бобылочка и гаворитъ (ему): «господинъ купецъ! у насъ денегъ нѣтъ свадьбу сурядить». Онъ имъ денегъ далъ множество на свадьбу и сказалъ вдовѣ: «мнѣ безчостно ѣхать въ килью жонитсё, занимай ты у каково нибудь купця фатеру, будто вы изъ другой земли пріѣхали, а денегъ мало будетъ—пиши письмо, я ищо дамъ». Вотъ онъ и взявъ ее взамужество.

Къ нимъ въ городъ прислали изъ другово города полковника, ему и были избраны двѣ фатеры у этово купця, фатеровать. Полковникъ и посылаетъ письмо съ деньщикомъ, желаетъ въ гости купеческую жону къ сибѣ. Приняла купеческая жона письмо это, прочитала и говоритъ: «не пойду въ гости къ нему, не желаю и видѣть». Приходя деньщикъ и сказавъ полковнику, що не хочетъ идти въ гости (купеческая жона). Полковникъ осерчалъ на ее.

Вотъ потомъ купецъ балъ завелъ, посылаетъ своево прислужника къ полковнику звать въ гости. Полковникъ сказавъ: «нейду я къ вамъ для купеческой жоны». Сказавъ полковнику прислужникъ, що не для ее, а для купця иди, такъ мнѣ хозѣинъ сказавъ. Полковникъ пошовъ въ гости къ купцю. Послѣ тово опѣть полковникъ писавъ съ деньщикомъ письмо и звалъ въ гости купеческую жону. Она подумала умомъ: «въ первой разъ звалъ не пошла, осерчавъ полковникъ, ну и пойду, развѣ»? Вотъ она и пришла въ гости къ полковнику, подноситъ ей полковникъ чашу напитковъ, она сказала ему: «не хочу пить». «Ты не ради себя пей, а ради меня хоть выпей»! Она и выпила. Вотъ онъ потомъ и влюбивсе въ ее, а она въ ево...

Этово полковника перемѣстили опѣть въ другой городъ, онъ и сказавъ купеческой жонѣ: «пойдемъ со мной»! Она удумула ѣхать съ нимъ. Вотъ сказала хозѣину, що отправлюсе въ экой-то городъ (куда именно перемѣщали полковника), я маленькая была ищо, меня мать овичала (завѣщала?) сходить Богу молитьсе». А купецъ ей сказавъ: «на што пѣшо̂й идти, занимай пару коней и бери денегъ колько (сколько) требуетсё». «Мнѣ, гыть, не надо пара коней, я пѣшо̂й пойду». Заправилась напе-

редъ полковника въ дорогу, потому що настигётъ, такъ посадитъ въ карету. Господь создавъ тучу и убило ее громомъ, и наѣзжаетъ на это тѣло полковникъ и привозитъ къ купцю въ домъ: «господинъ купецъ, гытъ, убило твою жону громомъ». И какъ тогды купецъ туживъ, плакавъ и жалѣвъ своия жоны!.. Снесли мертвое тѣло въ церкву, приходитъ купецъ къ священнику: «батюшко, гытъ, пусти меня въ церкву на ночь, стану я псавтырь читать надъ мертвымъ тѣломъ». Священникъ ево пустивъ въ церкву псавтырь читать. Вотъ онъ читаетъ и плачётъ, жалієтъ своия жоны. Вдругъ изъ алтаря выходитъ старичокъ и говоритъ купцю: «купецъ, жаль жоны?» «Жаль», гытъ. Старичокъ выноситъ три листа бумаги да три свици. «Зажги свицю, гытъ, прочитай листъ; ту погаси, другую зажги и другой прочитай листъ; ту погаси и третью зажги, прочитай и третій листъ,—воскресишь свою жону»!.. Произвелъ все это купецъ и воскресивъ свою жону. Заутра отложили (отперли) церкву,—ожилась ево жона. Ну, и учувъ полковникъ, що ожилась купеческая жона, только слухъ у ее отбило. Опѣть зоветъ ее полковникъ ѣхать съ собой, она и ладитъ ѣхать—забыла наказанье Божье. Вотъ она и говоритъ служанкѣ своей: «я пойду на рицьку съ платьемъ мыть и пробуду довго тамъ, ты провѣдай меня», а сама склалась да и уѣхала съ полковникомъ въ другой городъ. Пришовъ хозѣинъ изъ лафки и спросивъ: «гдѣ жона моя»? Сказала (ему) служанка, що «ушла на рицьку да заказала мнѣ, що не буду довго,—провѣдай меня, а вотъ я и забыла ее». Пришли на рицьку, только и знамя оставила—платье одно. Купецъ съ горя все имѣнье продавъ и пошовъ къ царю на лицё: «Ваше царское величество, гытъ, я иду въ солдаты охотой». И принявъ ево въ солдаты царь. А тотъ полковникъ подавъ заявленіе царю, що надо смѣнить деньщиковъ. Царь назначивъ деньщиковъ новыхъ, этово солдата-охотника, тамъ и другихъ хорошихъ назначивъ къ нему (полковнику). Вотъ полковникъ и говоритъ своей наложницѣ, що «придутъ новые деньщики, угости ты ихъ на первой разъ». Приходятъ къ полковнику новые деньщики, увидала наложница новыхъ деньщиковъ и опознала (признала) мужа своево купця, ну и самоваръ составила, по стакану водки подала, а сама себя изобидила: ободрала рожу. Приходитъ полковникъ, она смутитсе ему стала на деньщиковъ: «пришли деньщики, ты велѣвъ ихъ угостить, я угостила ихъ, самоваръ составила, водки подала, ну, вотъ этотъ (указываетъ на мужа, надо ево избыть,—пояснилъ разсказщикъ) меня изобидивъ, оцарапавъ рожу». Дѣло по дѣламъ пошло, ево назначили сквозь строй прогнать, онъ и говоритъ своему товарищу: «мнѣ не вымогчи, рѣшатъ меня, такъ пожалуста я тибѣ скажу. постарайся для Бога, ты можешь меня воскресить, я скажу тибѣ: ты возьми у меня въ сундукѣ три свици и три листа и прочитай надъ моимъ мертвымъ тѣломъ, произведи всѣ три свици, а сначала меня выкопай изъ ямы да въ угомонное (въ тихое) мѣсто снеси ты тѣло мое». Вотъ ево прогнали сквозь строй и убили до смерти, закопали ево тѣло въ землю и поставили троихъ часовыхъ, денныхъ и ноцьныхъ для тово, що онъ ее, наложницу, воскресивъ, такъ надо, щобы и самъ не воскресъ. И приходитъ къ могилѣ тотъ деньщикъ и называетъ: «братья мои, часовые! доброй души былъ этотъ деньщикъ, пойдемте-тко въ трактиль, да помянемъ ево за упокой»! «Мы рады бы съ тобой идти въ трактиль, отвицѣютъ часовые, да у насъ денегъ нѣтъ помянуть за упокой»!—«Пойдемте со мной, я денегъ дамъ». Увелъ часовыхъ въ трактиль и напоивъ такъ, що онѣ свалились. Вотъ этотъ деньщикъ нанявъ такихъ людей, щобы достать солдата изъ земли да въ угомонное мѣсто отнести. Вотъ достали и отнесли, онъ и началъ читать эти три листа и три свици произжохъ, прочитавъ и воскресивъ ево. «Благодарю, землякъ, сказавъ воскресшой, денегъ у меня много, хоть всѣ бери»!..

Въ то время у царя дочь померла, приходитъ солдатъ-охотникъ къ царю: «ваше царское величество, гытъ, я воскрешу твою дочь!» А царь сказавъ ему: «кабы могъ воскресить мою дочь, то будешь ты царемъ, а моя дочь—царица». «Гдѣ твоя дочь находится?»—«Въ залѣ!» Вотъ ево допустили къ мертвому тѣлу, онъ зажогъ свицю—прочитавъ листъ, прочитавъ и всѣ листы и прижогъ свици—воскресивъ царскую дочь. Царь и произвелъ ево въ цари, на свое царство посадивъ. Вотъ и пошовъ новой царь

по силѣ (войско) своей, по полковникамъ. У которово-бы полковника и не ладно, да ладно все, приходитъ въ тотъ полкъ, гдѣ ево жона наложницей находитсе. У этово полковника що и ладно, да не ладно все. Сказавъ новой царь полковнику: «снимай ополеты съ себя!» Сказавъ ищо царь тому деньщику, которой ево воскресивъ: «снимай мундиръ свой и накладывай ополеты полковника, а солдатской мундиръ отдай ему. Призываетъ наложницю полковника, приказываетъ царь: «растрелять ее!»...

VII. Какъ понамарь отдалъ свою понамарицу замужъ.

(Его-же).

Умеръ купецъ, осталася вдова съ сыномъ-малолѣткомъ; вотъ она и стала ево пріучеть къ торговлѣ. Сынъ хорошо ужъ сталъ заниматсё торговать, она и завирила ему одному стоять въ лафкѣ. Вотъ онъ торгуетъ одинъ, приходятъ дѣвки къ ему на торгъ, онъ и даетъ имъ все въ долгъ, и много ужъ товару изнуривъ безъ денегъ. А рядомъ была лафка дѣди ево; дѣдя и видитъ этотъ торгъ у племянника, какъ онъ товаръ изнуряетъ и сказываетъ братовѣ жонѣ, що дѣвкамъ онъ безъ денегъ товаръ отпущаетъ. Приходитъ купчиха вдова въ лафку, а у ево товаровъ многое множество утрачено, а денегъ нѣтъ; она и не завирила ему больше одному торговать.

Отправлѣетсё дѣдя за море торговать, вдова и говоритъ ему: «возьми, дѣдя, сына моево съ собой!» — «Не надо мнѣ твой сынъ, онъ роспутново поведенья!» сказавъ дѣдя. Опѣть снова говоритъ: «возьми, дѣдя, я дамъ тибѣ 100 рублевъ». «Вотъ, що,— сказавъ дѣдя,—сто рублевъ какія деньги, давай ста три и пущай онъ учитьсе, навыкаетъ торговать»! Она дала 300 рублевъ, вотъ онѣ и отправились за море торговать. Прибыли они за море и говоритъ купеческой сынъ: «Дѣдя! дай мнѣ сто рублевъ, схожу въ городъ товару закупать». Дѣдя даетъ ему 100 рублевъ. Идетъ онъ по городу, и (видитъ) стоитъ подомарь въ лафкѣ съ вертушкой. «Эй, землякъ! иди сюда, вернёмъ!» кричитъ ему подомарь. На это купеческой сынъ сказавъ: «О много-ли?»—«О стѣ рублевъ!» отвицѣетъ подомарь. Вотъ онѣ и вернули; купеческой сынъ и провернулъ 100 рублевъ подомарю. Подомарь и говоритъ: «пойдемъ ко мнѣ въ домъ, угощу я тебя и подомарици покажу». Подомарь приходитъ къ своему дому; заперта подомариця за семимъ дверьми и семимъ замками у ево, отлажаетъ замки, отворяетъ двери и (войдя) хвастаетъ своей подомарицѣ: «я у этово земляка вывернувъ сто рублевъ, угостить ево надоть». Вотъ подомариця составила самоваръ, на купеческово сына посмотря, що красавецъ, и онъ на ее посмотря (видитъ), що красавиця. Подомарь для тово и держитъ ее подъ замками, що бы не озарились чужіе люди. Угостивъ подомарь купеческово сына и сказавъ: «ну, ступай-же топерь вонъ!» и самъ пошовъ въ лафку на вертушку.

Заутра опѣть купеческой сынъ говоритъ дѣдѣ: «дѣдя, дай ищо сто рублевъ денегъ!» — «А що скоро издержавъ?» спрашиваетъ его дѣдя.—«Закупивъ, гытъ, товаровъ. не хватило 100 рублевъ». Дѣдя далъ ему 100 рублевъ. Вотъ онъ идетъ по городу, а подомарь, опѣть увидявъ его, крицитъ: «эй, землякъ! иди сюда, вернёмъ!»—«О много ли вернемъ?»—«О стѣ рублевъ!» Вернули, купеческой сынъ опѣть провернувъ подомарю 100 рублевъ. Подомарь на радостѣхъ опѣть зоветъ ево въ гости, угостить надо таково человѣка. Пришли, отпираетъ подомарь семеры двери и крицитъ: «подомарицЯ дома?»—«Гдѣ-жо, гытъ, отвицѣетъ та,—какъ не дома, когда запираешь семеры двери?» «Я опѣть сто рублевъ вывернувъ у этого земляка», хвастаетъ подомарь. Ну, вотъ купеческово сына угощаютъ; угостили, подомарь и сказавъ: «ну, ступай-жо топерь вонъ!» и самъ пошовъ въ лафку на вертушку. А купеческой сынъ заутра опѣть къ дѣдѣ: «дѣдя, дай ищо 100 рублевъ!» «Да дано тибѣ дваста, гытъ дѣдя, що скоро издержавъ?»—«Да закупивъ товару много, а денегъ не хватило».—«На, гытъ, ищо сто рублевъ, а больше не проси, не дамъ!» Вотъ идетъ купеческой сынъ по городу, а по-

домарь опѣть крицитъ: «иди, землякъ, вернемъ!» Опѣть вернули, купеческой сынъ и послидніе провернувъ. Подомарь опѣть сталъ звать въ гости купеческово сына, также угостивъ и выславъ вонъ изъ дому. Купеческому сыну дѣлать больше нечево, денегъ нѣтъ и дѣдя отказавъ, вотъ онъ и пошовъ вокругъ подомарева дому, а тамъ, за дворомъ стоитъ килья, посмотривъ, а подомарицья сидитъ въ этой кильѣ, онъ и зашовъ; глядитъ на ее: «а що жо, гытъ, я тебя какъ видавъ?»—«Да и я тебя какъ видала? отвицѣетъ подомарицья вотъ они тутъ и признали другъ-дружку. «Пойдемъ-жо; гытъ, со мной», сказала она. Вотъ она отпираетъ запань въ землю, опустилисё въ эту запань, потомъ подынулисё въ тѣ-жо залы, гдѣ она раньше угощала ево. Онъ говоритъ ей: «Какжо, у меня больше денегъ нѣтъ вертеть съ подомаремъ?» Она ему только сказала: «ночуй у меня».—«А подомарь-то придетъ?»—«Не придетъ, гытъ». Ну, онъ и ночевалъ у ее. Она заутра даетъ ему 100 рублевъ денегъ да перстятки (перчатки) на руки да и говоритъ: «ну, пойди къ подомарю на вертушку, а какъ подомарь вернетъ, ты въ это время брось руки на вертушку и скрици: «стой, подомарь, не ладно вернувъ!» Онъ провернётъ тибѣ 100 рублевъ да и опознаетъ твои перчатки, поведетъ тебя на свидѣтельство къ сибѣ; онъ станетъ отпирать семеры двери, а ты бѣжи проворнѣе къ этой кильѣ и брось перчатки»...

Вотъ идетъ купеческой сынъ по городу, а подомарь стоитъ въ лафкѣ на вертушкѣ и крицитъ: «эй, землякъ! иди сюда, вернёмъ!»—«О много-ли?» «О стѣ рублевъ!» Подомарь вернувъ, а купеческой сынъ скричавъ: «стой, подомарь, не ладно!» и бросивъ руки свои въ перстяткахъ на вертушку; подомарь и провернувъ 100 рублевъ, провернувъ да и опознавъ перстятки: «Ты, братецъ, укравъ у меня перстятки, пойдемъ, гытъ, на свидѣтельство домой». Вотъ онѣ и приходятъ; подомарь отпираетъ семеры двери, а купеческой сынъ приотшативсе да ищо бросивъ въ эту килью перстятки. Отворивъ подомарь семеры двери, да и крицитъ: «подомарицья дома?»—«А гдѣ-жо твоя подомарицья, какъ не дома?» отвицѣетъ та.—«Вотъ онъ укравъ у насъ перстятки, я видѣвъ на рукахъ у ево были, пойди-ко, подомарицья, посмотри на комодѣ есть-ли, нѣтъ-ли перстятки»? Подомарицья приноситъ ему перстятки и называетъ: «Охъ, ты глупой подомарь! да разѣ столько перстятокъ, що твои, а у людей разѣ нѣтъ?» Подомарь опѣть прогнавъ купеческово сына, а самъ пошовъ въ лафку на вертушку. Купеческой сынъ приходя (sic.) въ эту килью къ бабушкѣ, а подомарицья тутъ. «Ну, пойдемъ-жо, гытъ подомарицья, въ ту-жо комнату, гдѣ вечоръ ночевали!» Вотъ онѣ и отправились, онъ тамъ опѣть почевалъ. Заутра она даетъ ему тресту [1]), «пойди-жо, гытъ, къ подомарю на вертушку, какъ онъ вернетъ,—ты трестой ищо махни на вертушку, да опѣть скрици: «стой, подомарь, не ладно»; онъ опѣть провернетъ тибѣ 100 рублевъ».—Идетъ купеческой сынъ по городу, подомарь опѣть крицитъ изъ лавки: «иди, землякъ, вернемъ!». Подомарь вернувъ, а купеческой сынъ трестой махнувъ: «стой, гытъ, подомарь, не ладно!» Вотъ подомарь опѣть провернувъ 100 р. да и опознавъ тресту, що ево; опѣть и повелъ на свидѣтельство домой. Вотъ онъ отпираетъ семеры двери, а купеческой сынъ пріотшативсе да и бросивъ эту тресту въ килью. Отперъ подомарь всѣ двери да и крицитъ: «Подомарицья дома?»—«А гдѣ-жо, какъ не дома твоя подомарицья? отвицѣетъ та.—«Вотъ онъ у меня, гытъ, тресту укравъ, я опознаю, сходи-ко въ зало, стоитъ-ли тамъ треста, гдѣ поставлена?» Подомарицья приноситъ тресту да и говоритъ: «охъ, ты глупой подомарь, да разѣ столько трестовъ, що у тебя у одново? ты ее купивъ да хваставъ, що осталисё ощо [2]) двѣ тресты»... Опѣть вышли вонъ, подомарь пошовъ въ лафку на вертушку, а купеческой сынъ въ килью, а подомарицья ужъ ждетъ ево. Ну, опѣть ушли онѣ въ тѣ-жо комнаты, купеческой сынъ опѣть ночевавъ съ подомарицей. Заутра подомарицья даетъ ему подрясникъ подомаревъ и наказываетъ: «какъ подомарь вернетъ, ты опѣть скрици: стой, подомарь, не ладно! да полой подрясника ищо махни о вертушку, опѣть деньги твои будутъ»...

---

[1]) Треста—трость.
[2]) Ощо—еще.

Вотъ идетъ купеческой сынъ по городу, а подомарь крицитъ: «эй, землякъ, зайди, вернёмъ!» Опѣть онѣ вернули о стѣ рублевъ; лишь только вернувъ подомарь, а купеческой сынъ и скрицявъ: «стой, подомарь, не ладно!» и махнувъ полой подрясника,—вывернувъ 100 рублевъ. Подомарь опѣть опознавъ подрясникъ, що ево и повелъ купеческово сына на свидѣтельство домой. Вотъ отпираетъ семеры двери, а купеческой сынъ опѣть бросивъ въ килью подрясникъ. Отперъ подомарь двери и крицитъ: «Подомарицяǃ посмотри-ко скоряя дома-ли, нѣтъ-ли мой подрясникъ?» Подомариця принесла ему подрясникъ. Подомарь посмотря говоритъ: «Ну, я съ нимъ больше вертить не стану, онъ волшебникъ какой-то, всѣ деньги у меня вывертитъ!..»

Вотъ опѣть подомарь пошовъ въ лафку на вертушку, а купеческой сынъ въ килью, а подомариця ужъ ждетъ ево. Вотъ онѣ ушли въ тѣ-жо комнаты, подомариця и говоритъ: «Онъ съ тобой больше вертить не станетъ, волшебникомъ обзываетъ; ты пойди-жо къ ему въ лафку да и скажи, що вотъ, подомарь, у насъ съ тобой топерь дѣло знакомое, ты жонй меня! Онъ тогды поперебираетъ невѣстъ да и скажетъ: эка, пáре, да гдѣ-жо мнѣ невѣсту взеть тибѣ? А ты и скажи: а вотъ, подомарь, за дворомъ-то у тебя килья есть, я видѣвъ тутъ дѣвка хорошая есть, сватай-ко ее, не отдадутъ-ли за меня? Онъ скажетъ опѣть тибѣ, що нѣтъ тутъ дѣвки, а ты скажи що есть, видѣвъ я; онъ на то скажетъ: ужо, я спрошу у подомарици, есть-ли, нѣтъ»?

Вотъ купеческой сынъ, какъ было сказано, такъ и сдѣлавъ. Подомарь приходитъ изъ лафки домой и спрашиваетъ у подомарицы: «мнѣ сто рублевъ денегъ даетъ этотъ землякъ, съ которымъ вертили на вертушкѣ, кабы, гытъ, меня женивъ, а посылаетъ свататсе въ килью этамтѣ[1]), во дворѣ-то... Що-жо, подомариця, я не видавъ тутъ дѣвки? Я хочу спросить у тебя: есть-ли нѣтъ дѣвка?» А подомариця и говоритъ ему: «а много-ли у тебя подомарицю-то видали люди? такъ столько и ты видавъ дѣвку!» Вотъ подомарь и пошовъ свататсе въ эту килью и спрашиваетъ онъ у бабушки: «есть-ли нѣтъ у тя дѣвка? Я у тебя, гытъ, не видавъ?» Бабушка ему отвицѣетъ: «а много-ли у тебя подомарицю видали?—столько и ты видавъ мою невѣсту!» Вотъ подомарь и высватавъ у килейници невѣсту, пошовъ къ священнику на уговорку—когды винцѣть? Заплативъ впередъ и за винцѣнье, условивсе, що отъ винця столы производить у попа. Потомъ сходивъ за женихомъ и пошли въ эту килью по невѣсту и выводитъ бабушка невѣсту за столъ, а подомарь глядитъ на эту невѣсту да думаетъ: «какъ моя подомариця, и ростомъ, и лицёмъ, и окляжемъ». Вотъ изъ кильи и въ церкву пошли, п-винцѣлисё, потомъ къ попу, столы производить. Ну, и що было доброво, и питья, и кушанья, и напитковъ разныхъ! но подомарь не можетъ не пить, не исть: «совсѣмъ моя подомариця», думаетъ. Столы произвели, молодыхъ свели къ бабушкѣ въ килью. Приходитъ подомарь домой, отпираетъ семеры двери у себя и крицитъ зыцьно[2]): «подомариця дома-ли?» Слышишъ: «А гдѣ-жо, какъ не дома?» Вотъ онъ и ставъ разсказывать подомарицѣ про все: «вотъ що, подомариця, меня изъ ума выбивать стало, будто я тебя отдалъ взамужъ; совсѣмъ ты: и ростомъ, и лицёмъ, и волосомъ—вся тыǃ Я не могъ не пить, не могъ не исть, а що было добреньково за столами-тѣ!.. Ну, слава Богу, хоть ты дома... Нынь и исть стану, и пить стану; неси напитковъ и закусковъ,—сердцё на мистѣ нынь»... Вотъ онъ напивсе и наѣвсе, легъ спать и заснувъ самымъ крѣпкимъ сномъ, пьяной, а у молодыхъ ужъ запасъ сдѣланъ, корабль купленъ, изъ лафки товары сгрузили въ корабль, а она и деньги всѣ взяла съ собой. Вотъ онѣ и отправилисъ всѣ на кораб(ль), входъ ево пустили, поплыли на свою сторону. Подомарь проснувсе и крицитъ свою подомарицю: «дома-ли подомариця?»—ответа нѣтъ. Вотъ онъ тутъ и догодавсе, що отдавъ взамужъ свою подомарицю; пришовъ въ лафку свою — ничево нѣтъ, обрала подомариця все, и деньги, и товаръ. Подомарь не могъ стерпить этово горя, зелья хлебнувъ—и умеръ...

---

[1]) Этамтѣ—тамъ-то.
[2]) Зыцьно или зычно—сильно, громко.

VIII. Маленькой дитинушка, зелененькой.

(Записана со словъ кр-на Астафія Матушкина изъ д. Горы въ Ширхановѣ).

Было во славномъ во городѣ въ Кіевѣ, у князя было у Владиміра, у ево заводилось пированьицё, токо цестёнъ-поцестенъ пиръ-отъ радоцёнъ (радостенъ), и всё на пиру напивалисё, и всё на пиру наѣдалисё, и всё на пиру порасхвасталисё. Глупой-ётъ похваставъ доброй женой, разумной похваставъ златой казной; и сидитъ тутъ маленькой дитинушка, зелененькой, онъ похваставъ да добрымъ конёмъ. Тутъ и говоритъ князь Владиміръ: «ежели у тебя такой конь, то наложу на тебя службу: и съизди ты во далецѣ - далеци, во чистыя во полюшка, въ угоморьицэ [1]) зеленыи, привези ты мнѣ таково человѣка, що бы онъ зналъ думу царскую, думу государскую». Вотъ и пошли всѣ по домамъ съ пиру веселово, и дитинушка пошовъ домой и повисивъ свою буйную голову ниже могучихъ плець. Отець и мать ево встрицяли и такія рици ему говорили: «што-же наше цядо милое, дитя любимое, всѣ идутъ съ пиру веселые, а ты идешь не веселъ, свою голову повисивъ? Онъ и говоритъ имъ таковы слова: какъ-жо мнѣ батюшко и матушка веселитцё, накинувъ на меня князь службу не легкую — тяжолую: приказавъ мнѣ съиздить во далёцѣ-далёци, во полюшка во чистыя, во луга зеленые и надти таково человѣка, штобы знавъ думу царскую, думу государскую».

Обсѣдлавъ, обуздавъ своево добра коня и поѣхавъ маленькой дитинушка, зелененькой. Вотъ онъ сутки идетъ [2]), другія идетъ и третій идетъ—конь притомивсе и самъ йисть захотѣвъ, и наѣхалъ онъ на рать силу великую и силу побитую, и столько силы побито, што цорному ворону въ сутки не облитить, а доброму молодцу на конѣ не объѣхать. И издивъ онъ въ этой силѣ и нашовъ живово целовѣка, у жива целовѣка онъ и спрашиваетъ: «кто эту силу билъ и губивъ?»—«Это Иванъ русской богатырь!»—«За што онъ ее билъ и губивъ?»—«А за то онъ билъ и губивъ, што надоть (ему) у нашово короля женитцё, насильно взеть взамужество доць, она доброй волей нейдетъ за нево и отець не отдаетъ; вотъ за то за самое онъ силу и бьетъ». Вотъ и поѣхавъ дитинушка отъ той силы проць, и сутки ѣхавъ, и другія ѣхавъ, и третiё ѣхавъ, и наѣхавъ на рать силу великую, силу побитую; цорному ворону эту силу не облитити, доброму молодцу на конѣ въ сутки не объѣхати,—столько набито силы!

Вотъ онъ нашовъ опѣть жива целовѣка и спрашиваетъ жива целовѣка: «кто эту силу билъ и губивъ?» Въ отвѣтъ сказавъ живъ целовѣкъ, што эту силу билъ и губивъ Иванъ русской богатырь».—За што онъ ее билъ и губивъ?—«А за то онъ бьетъ и губитъ, што надо у нашево короля неволей взеть прекрасную королевну взамужество, она доброй волей за ево нейдетъ и отець не отдаетъ».

Вотъ опѣть маленькой дитинушка, зелененькой йдетъ сутки, другія и третiё, и наѣзжаетъ онъ на рать силу великую, силу побитую, и увидѣвъ въ цистомъ полѣ стоитъ бѣлополотнянной шатёръ, у этово шатра стоитъ столбъ, а у этово столба виситъ золотое кольцо, къ этому кольцу привязанъ доброй конь и розослана бѣлая повсть [3]) и надавано бѣлоярыя пшеници. Маленькой дитинушка, зелененькой слезавъ съ добра коня и припущавъ къ одиному корму, и отбивъ ево конь Ивана русково богатыря коня отъ тово корму, и маленьково дитинушку конь зоблётъ бѣлоярую пшеницу, а Ивана русково богатыря конь ходитъ по зеленымъ лужкамъ и щиплетъ травку зеленую. Заходивъ дитинушка во бѣлъ шатеръ, во бѣломъ шатрѣ Иванъ русской богатырь спитъ своимъ богатырскимъ сномъ, и увидявъ маленькой дитинушка зелененькой бочку бѣло-

---

[1]) Угоморьицо=заливныя луга.
[2]) Это слово понимать надо «ѣдетъ».
[3]) Повсть—скатанный изъ шерсти коверъ.

дубову со пьяныиъ питьёмъ, съ зеленымъ виномъ и на этой бочкѣ опружена [1]) цяша золоцёная, и на этой цяшѣ надпись надписана: «эта цяша полтора ведра»; онъ первую цяшу нацѣживалъ, на похмельицё выкушивалъ, и другую цяшу нацѣживалъ, на здравьицё выкушивалъ, и третію цяшу нацѣживалъ—на безумьицё выкушивалъ, и вышло питья пол-пята ведра. И сталъ дитинушка пьянымъ хмелёнъ, и росколовъ онъ бочку бѣлодубову со пьянымъ питьёмъ, съ зеленымъ виномъ, и расшибъ онъ цяшу золоцёную, и прибивъ онъ пригубивъ столы бѣлодубовы со ѣствами со сахарними и со напитками пьяными, и росколовъ онъ икону Спасову, притушивъ свици воску ярово, самъ спать повалився.

Тутъ пробуждавсе Иванъ русской богатырь, самъ себѣ удивлѣетцё: што это такое за безъумьицё наѣхало? припуствиъ своево коня къ моему корму, расколовъ у меня бочку бѣлодубову со пьянымъ виномъ, расшибъ цяшу золоцёную, пригубивъ столы бѣлодубовы съ ѣдою сахарнею и напитками пьяными, приколовъ всѣ иконы Спасовы и притушивъ свици воску ярово, и зазнявъ [2]) онъ саблю вострую и ладитъ ему отсикци ево буйну голову, самъ да пораздумавсе: «сонново убить все одно, што мертвово, всяко отъ моихъ рукъ не уйдётъ»!..

И проснувсё тутъ маленькой дитинушка зелененькой и сѣвъ на постелюшку: «Ахъ, Иванъ русской богатырь! я топерь у тебя въ гостяхъ,—напой меня»... Тотъ на отвѣтъ ему сказалъ: «не стоишь ты меня, што я тебя стану поить». «Какъ-жо не стою, по крайной мирѣ я у тебя гость»!—Да ты таковъ гость, што въ цистомъ полѣ кость; ты нечево богатырь не стоишь»... А онъ ему сказавъ въ отвѣтъ таковы слова: «а ты въ своемъ шатрѣ богатырь, а въ цистомъ полѣ пёсъ»! И видитъ Иванъ, што невидимая бѣда наѣхала на бѣлъ-шатёръ, и бралъ онъ цяшу и церпалъ воды и подноситъ ему напитьсе. Вотъ онѣ тутъ попили, поили, и пошли два богатыря въ цистое поле другъ у дружки силы пробовать.

И маленькій дитинушка зелененькій поѣхавъ ступью бредуцею, Иванъ русской богатырь во всю прыть лошадиную, и разъѣхались онѣ на одну версту, и съѣхались въ одно мѣсто и другъ дружку ударили, а больно не ранили, и разъѣхались онѣ на двѣ версты, и съѣхались опѣть въ одно мѣсто, другъ дружку ударили, а больно не ранили. Третій разъ онѣ разъѣхались на три версты, съѣхались въ одно мѣсто, и маленькой дитинушка зелененькій вышибъ русскову богатыря изъ сѣдла вонъ и ево конь приступивъ Ивана русскова богатыря на доспѣшной ожерёлокъ. Вотъ и говоритъ маленькой дитинушка зелененькой таковы слова: «подсоби Богъ заколоть Ивана русскова богатыря тупымъ концомъ (копья), а вострымъ и начинать нецево, и спрашивалъ у ево: цево ты хоцёшь: смерти, али живота»?—«Ахъ, ты, говоритъ, маленькой дитинушка! у насъ съ тобой прежде брани не было и впредь больше не будетъ». И слезавъ маленькой дитинушка, зелененькой со своево добра коня и бравъ за бѣлыя руки Ивана русскова богатыря, становилъ на свои рѣзвы ноги, цѣловалъ во уста во сахарнія, и назвались онѣ тутъ братьями, и маленькой дитинушка зелененькой большимъ братомъ, а Иванъ русской богатырь мѣньшимъ братомъ, и пріѣжаютъ онѣ во бѣлъ шатеръ полотняной, и стали тутъ и пить, и ѣисть, и веселитцё.

Вотъ и поѣхавъ Иванъ русской богатырь къ королю жонитцё и пригласивъ съ собою брата маленьково дитинушку зелененьково въ поѣздъ, и встрѣтивъ ихъ король, какъ добрыхъ людей, и тутъ онѣ у ево пировали цѣлыя сутки. Вотъ Иванъ русской богатырь и жонивсе у этово короля, а маленькой дитинушка зелененькой и спрашиваетъ короля: не знаетъ-ли онъ таково целовѣка, штобы знавъ думу царскую, думу государскую? Король нашовъ таково целовѣка изъ-подъ знамени, изъ-подъ красново, и этотъ целовѣкъ знаетъ думу царскую.

Маленькій дитинушка зелененькой бравъ этово целовѣка съ собой и привозитъ

---

[1]) Опружена—опрокинута, повернута вверхъ дномъ.
[2]) Зазнявъ—поднялъ, замахнулся.

ко князю Владиміру. «Ну, говорить Владиміръ,—ты мнѣ службу выслуживъ и дружбу удруживъ, и бери ты у меня за эту дружбу и городовъ и пригородковъ и разныхъ губеренъ»!.. Онъ не обзавидовавъ не цему, не городамъ, не пригородкамъ, не разнымъ губерніямъ. Была у князя Владиміра прекрасная доць, королевна, вотъ онъ и говоритъ Владиміру: «отдай ты ее взамужество за меня, а подъ-послѣдъ смерти сдай ты мнѣ свое мѣсто»!..

Тутъ князь Владиміръ подписавсё, што отдаю за ево доць, и подъ послѣдъ смерти сдавъ свое королевство зятю...

IX. Илья Муромецъ.

(Его-же).

Изъ-за лѣсу, лѣсу было темново, изъ-за темново дремуцево, не туця-ли тамъ затуцилась, не туманъ-ли затуманивсё. Поднимаетцё тамъ злодій Кàлинъ царь на Кіевъ градъ,, за нимъ было сорокъ царей царевицей, сорокъ королей королевицей, и за каждымъ царемъ царевицёмъ и за каждымъ королемъ королевицёмъ было силы за ними по сорока тысяцей; за самимъ злодіемъ Кàлиномъ царемъ было силы три тьмы и три тысеци. Подошли онѣ подъ Кіевъ градъ и обстали кругомъ Кіева, и злодій Кàлинъ царь въ первой день ходивъ до вецера, перву ноць до бѣлà свѣтà и выкликàвъ сибѣ такова целовѣка, што-бы знавъ говорить по русски и товмацить по татарски. И другой день ходивъ до вецера, и другую ноць ходивъ до бѣлà свѣтà и выкликàвъ таково целовѣка, што-бы знавъ говорить по русски и товмацить по татарски. И третій день ходивъ до вецера, третью ноць ходивъ до бѣлà свѣтà и выкликàвъ таково целовѣка, што-бы знавъ говорить по русски и товмацить по татарски. И нашовсё такой целовѣкъ, што знаетъ говорить по русски и товмацить по татарски, и онъ ему наказъ наказывалъ: «пойди-жо ты во Кіевъ градъ, иди прямо ко князю Владиміру во свѣтлую свитлицу и во столовую горницу, и гдѣ-ка опоциваетъ князь Владиміръ, и не снимай съ себя шапки соболиныя и не крести своево бѣла лица, и говори ты съ нимъ таковы слова не съ упадкою: «ахъ, ты князь Владиміръ! мы къ тибѣ пришли не въ гость гостить, ты отдай намъ Кіевъ градъ безъ бою, безъ драки и безъ большово кроволитія»...

Повисивъ князь Владиміръ свою буйну голову ниже могуцихъ плецъ. У ево была жона Апрàксія, у ево она и спрашивала: «што-жо ты, мой возлюбленной мужъ, повисивъ свою буйну голову ниже своихъ могуцихъ плецъ?» [1]).—«Да, говоритъ, жона моя Апрàксія! какъ мнѣ своя голова не повисить: проситъ злодій Кàлинъ царь Кіевъ градъ отдать безъ бою, безъ драки, безъ большово кроволитія?..» Говорила тутъ ему жона ево Апрàксія: «есть у насъ въ глубокомъ погребу сильной могуцёй богатырь Илья Муромецъ, возьми ты тарелки золоцёныя, на эти тарелки насыпли злата и серебра и драгоцѣнново каменья; набери съ собой куницъ и лисицъ и драгоцѣнныхъ соболей, и принеси ты ему покорность и говори таковы слова: Ты прими отъ меня сильной могуцёй богатырь, Илья Муромецъ, богатой подарокъ и выйди ты на бѣлъ свѣтъ изъ глубоково погреба и постой ты за церкви соборныи, за души младенцескія, за вѣру христіянскую!..» Тутъ выходилъ Илья Муромецъ изъ глубоково погреба и крицявъ онъ своимъ богатырскимъ голосомъ, свиставъ молодецкимъ пòсвистомъ своево доброво коня;

---

[1]) Желая быть точнымъ, мы удерживаемъ буквально мѣстный выговоръ, по которому мужчины въ Ширяхановѣ придерживаются болѣе или менѣе вологодскаго говора, а женщины—олонецкаго, съ преобладающимъ звукомъ „ц", напр. слово „чт" мужчины всегда выразятъ „што", а женщины „цто". Но и у мужчинъ больше слышится „ц", нежели „ч", и кромѣ того вмѣсто твердаго знака, часто употребляется мягкій „ь", вмѣсто „а"—„я".

и бѣжитъ ево доброй конь настущивой, не потерявъ онъ войлоцька косящатово, не потерявъ онъ сидѣлышка черкасково, не потерявъ онъ и копья довгомѣрново, не потерявъ онъ и палоцки воинскія, богатырскія... Садивсе Илья Муромець на своево доброво коня, поѣзжавъ во зеленыя луга и гдѣ-ка живъ тамъ злодій Калинъ царь. Ѣхавъ-поѣхавъ и самъ сибѣ пораздумавсе: «што-жо я поѣхавъ на рать силу великую, силу не побитую, а не у ково не попросивъ благословенья?»

Въ цистомъ полѣ живетъ у ево дадюшка Самсонъ Колывановиць, пріѣзжаетъ онъ къ этому дядюшкѣ и дядюшка обрадѣвъ своему племяннику и спрашивалъ ево: «куда-жо ты, мой племяницёкъ, поѣхавъ?» — «Есть, говоритъ, дядюшка, нашовъ на Кіевъ градъ Калинъ царь, за нимъ 40 царей, царевицей, 40 королей, королевицей, за каждымъ царемъ, царевицёмъ, за каждымъ королемъ королевицёмъ силы по сороку тысацей, за самимъ злодіемъ Калиномъ царемъ силы три тьмы и три тысеци, и лажу я постоеть за церквы сборніё, за души младенскія и за вѣру христіянскую. Говоритъ ему тутъ Самсонъ Колывановиць: «ну, племяницёкъ, ты съязди позавтракай, а меня оставлей пообѣдать»; и даетъ ему тугой лукъ и стрѣлку каленую, и говоритъ, наказъ наказываетъ: «если обовладіетъ тебя сила поганая и возьмутъ тебя во полонъ, ты натегивай тугой лукъ и накладывай стрѣлу каленую и стрѣлѣ приговаривай: «полети-жо ты, каленая стрѣла, не пади-жо ты не на воду, не на землю, пади ты Самсону Колывановичу на бѣлъ шатеръ полотняной и сшиби маковку волоцёную!»

Пріѣзжаетъ Илья Муромець во чистое полюшко въ силу великую, силу непобитую; куды пройдетъ—тутъ улиця, куды на добромъ конѣ поворотитцё—тутъ площадь, и видитъ тутъ злодій Кàлинъ царь, што съ этимъ богатыремъ нечево не подѣлать. Приказываетъ (Кàлинъ царь) своей силѣ копать перекопи глубокія и ставить копья вострыя; и вскочивъ ево доброй конь, Ильи Муромця, черезъ одну перекопь, изколовсё весь, и взели тутъ Илью Муромця во полонъ... Натегивалъ Илья Муромець тугой лукъ, накладывалъ стрѣлу каленую и стрѣлѣ приговаривавъ: «полети стрѣла каленая, не пади ты не на воду, не на землю, а пади моему дядюшкѣ Самсону Колывановичу на бѣлъ шатеръ полотняной и сшиби ты съ бѣла шатра маковку золоцёную»...

И догодавсе тутъ ево дядюшка Самсонъ Колывановиць, што племяницёкъ во полонъ взятъ, Илья Муромець. Вотъ онъ (Самсонъ Колывановичъ) осѣдлавъ, обуздавъ своево доброво коня и поѣхавъ въ цистое поле ко злодію Кàлину царю и сталъ онъ поѣзживать, своево племяничка выруцивать. Куды проидетъ—улиця, куды поворотитсё—площадь; столько стало валитсе нецисти поганыё. Вотъ онъ приломавъ свое копье довгомѣрное, изломавъ свою палоцьку воинскую, богатырскую,—воевать больше стало нецѣмъ; и схвати онъ тутъ татарина: «ахъ, говоритъ, какое мнѣ попало побоищо [1]), гнетцё—не ломитцё, по суставамъ не сорветцё»... И прибилъ онъ тутъ у злодія Кàлина царя всю силу, и злодія Кàлина царя взявъ въ полонъ, и съ живово кожу снели, и выручивъ своево племяничка Илью Муромця.

А. Шустиковъ.

Отъ Ред. Мы напечатали эти сказки буквально, какъ онѣ записаны у нашего почтеннаго члена-сотрудника, хотя не сомнѣваемся, что выговоръ разказчиковъ строго не выдержанъ. VIII-я и особенно IX-я явно не успѣли принять настоящей формы сказокъ и еще недавно были настоящими былинами. Слѣдовало-бы хорошенько поискать, нѣтъ-ли гдѣ въ Шарухановѣ и въ другихъ захолустьяхъ Вельскаго у. и теперь еще настоящихъ былинъ и побывальщинъ? Можетъ быть онѣ не только сказываются, но и поются сказителями.

---

[1]) Побоищо—орудіе, въ данномъ случаѣ человѣкъ служилъ орудіемъ Самсону Колывановичу.

Космическія легенды Балтійскихъ народовъ.

Въ этотъ сборникъ войдетъ, по возможности, полное собраніе космическихъ легендъ народовъ, живущихъ на побережьяхъ Балтійскаго моря. Можетъ быть, сравнительное изданіе космическихъ легендъ сѣверныхъ германскихъ, финнскихъ (Суоми и эстонскихъ) и литовско-латышскихъ народовъ прольетъ какой-нибудь новый свѣтъ на древнѣйшія культурныя отношенія ихъ. Не предрѣшая этого вопроса, я укажу только на то, что напр. легенда о копаніи рѣки птицами извѣстна у эстовъ, латышей и, кажется, скандинавовъ.

Отсутствіе какихъ-нибудь буквъ около заглавія источника указываетъ на латышское происхожденіе легенды; буквы: фин. — на финнское, эст. — эстонское, лит.—литовское и др.-сѣв.—древне-сѣверное (altnordisch), лат.—латышское.

Волкъ.

(Лат.).

(Par vilku. Rigas. Rakstu Krājums. III, стр. 111—112).

Разсказываютъ, что чортъ сотворилъ волка и вмѣсто спиннаго хребта вставилъ ему заборный колъ. Когда все было готово, онъ попытался оживить свое животное, но это не удалось ему. Тогда чортъ отправился къ Богу просить жизни для своего созданія. Богъ сначала не давалъ ему жизни, и желалъ, чтобы чортъ разсказалъ ему, какое назначеніе будетъ имѣть его созданіе. Чортъ отвѣтилъ, что онъ назначилъ ему должность овечьяго пастуха. Тогда Богъ далъ чорту жизни для его созданія и постановилъ, чтобы каждая хозяйка, къ которой оно пойдетъ въ овцепасы, оставляла, при печеніи хлѣба, въ видѣ жалованія ему, хлѣбецъ изъ наскребанной муки (aƀra-skaša kukulitis). Чортъ, добывши жизни для своего созданія, отдалъ его тотчасъ же въ овцепасы какой-то дурной (nikna) хозяйкѣ. Новый пастухъ отлично исполнялъ свою должность. Однако хозяйка вовсе не всякій разъ, когда пекла хлѣбъ, оставляла хлѣбецъ и для него, такъ что бѣднягѣ приходилось чуть не съ голоду помирать. Овцепасъ пошелъ къ Богу жаловаться на хозяйку. Богъ позволилъ ему всякій разъ, когда хозяйка не дастъ ему установленнаго хлѣбца, брать самому по одной овцѣ,— но при этомъ онъ велѣлъ ему ударять овцой три раза по землѣ, приговаривая: «полужарено, полуварено» (puscepts, pusvarīts), и потомъ съѣдать вмѣсто хлѣбца. Пастухъ былъ въ восхищеніи отъ этого рѣшенія. Когда хозяйка опять пекла хлѣбъ и опять отказывала ему въ его долѣ, онъ всякій разъ бралъ лучшую овцу. Хозяйка, видя, что стадо овецъ все уменьшается, начала присматривать за пастухомъ и увидѣла, какъ онъ справляетъ свое дѣло. Когда же она спросила, для чего онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ: потому что хозяйка отказываетъ ему въ его жалованьи. Тогда хозяйка обѣщалась впредь этого не дѣлать: пусть онъ только не трогаетъ овецъ. Пастухъ обѣщалъ не трогать больше ни одной овцы, если хозяйка сдержитъ свое обѣщаніе. Но она была обманщицей. Когда ей пришлось печь хлѣбъ, она опятъ не спекла ему наскребаннаго хлѣбца, ~~но раскалила~~ до бѣла камень величиною въ хлѣбъ. Пришелъ домой пастухъ, и хозяйка подозвала его къ окну получать свое жалованіе. Сильно проголодавшійся пастухъ поспѣшилъ къ окну и слѣдилъ за ней жадными глазами. Хозяйка взяла на лопату (uz lizes) горячій камень и закричала волку: «открой ротъ пошире! я брошу въ него хлѣбецъ!» Пастухъ тотчасъ раскрылъ ротъ до ушей, а

хозяйка въ самое горло бросила ему раскаленный камень. Пастухъ чуть не сбѣсился (palicis kā traks) отъ ужасной боли, убѣжалъ въ лѣсъ и назадъ уже не возвращался. Но за то, что хозяйка такъ одурачила его, онъ рѣшилъ болѣе не дѣлаться пастухомъ, а лучше бродить по лѣсу и жить кражей овецъ. Камень, брошенный ему въ пасть хозяйкой, былъ такъ горячъ, что опалилъ ему морду, обжегъ ротъ и выжегъ (izgrauzdējis) горло;—п о э т о м у у в о л к а д о с и х ъ п о р ъ ч е р н а я м о р д а, к р а с н ы й р о т ъ и б о л ь ш о е г о р л о. Камень оставался въ горлѣ очень долго, вслѣдствіе чего жаръ, выходя наружу, опалилъ сѣрую шерсть, росшую на подбородкѣ (или затылкѣ) (pakakle); на этомъ мѣстѣ выросла бѣлая шерсть. В о т ъ п о ч е м у у э т о г о п р е ж н я г о п а с т у х а б ѣ л ы й п о д б о р о д о к ъ.

Когда это созданіе чорта уже не исполняло должности овцепаса, его уже не хотѣли называть пастухомъ, а, какъ называть, не знали; поэтому, нѣкоторое время онъ былъ совсѣмъ безъ имени. Однажды этотъ безъименный схватилъ такую большую овцу, что не могъ ее нести, а потому тащилъ по землѣ. Пастушенокъ, увидѣвши это, закричалъ дома: «онъ влекъ (vilka) овцу въ лѣсъ! Онъ увлекъ (ëvilka) овцу въ лѣсъ!»

Отъ этого слова: «влекъ» (vilka) ему и дали имя: «волкъ» (vilks). (Эта же сказка, безъ вставки словъ: «полужарено, полуварено» о происхожденія имени волка, записана г. Каулиномъ на одномъ изъ лифляндскихъ говоровъ и напечатана въ Ielgavas... Raksta Krājums II, стр. 123—124. Какихъ-нибудь варіантовъ, кромѣ указанныхъ выше, эта сказка не представляетъ. Причиной, по которой чортъ создалъ волка, является скука и желаніе развлечься).

В о л к ъ.

(Лат.).

(Vilks. Mūsu taut. pasak. I, № 6, стр. 13—14).

Въ древнія времена волкъ служилъ въ пастухахъ. Однажды ему захотѣлось ѣсть и онъ пошелъ къ хозяйкѣ съ просьбой покормить его. Но хозяйка была скупой и дурной женщиной: она схватила хлѣбную лопатку (maizes lāpsta) и бросила ее волку въ пасть.

Волкъ сейчасъ же бросился къ Богу и спросилъ, что ему теперь дѣлать.

Богъ ему отвѣтилъ:

— «Если хозяйка такъ обидѣла тебя, то иди къ пастуху и бери безъ просьбы то, что я дамъ тебѣ».

Волкъ сказалъ:

— «Сырое мясо; его и ѣсть нельзя».

Богъ отвѣтилъ:

— «Возьми его три раза въ ротъ и скажи: «и жарено, и варено!» (Te cepts, te vārits!»).

В о л к ъ и д о с и х ъ п о р ъ е щ е, о б ы к н о в е н н о, и с п о л н я е т ъ э т о.

В о л к ъ.

(Лат.).

(Zvēru kēniņš-lauva. Latv. Taut. pasak I, № 162, стр. 171).

Лошадь паслась подъ горой и громко и сердито говорила сама съ собой:

— «Нѣтъ, я больше уже не стану терпѣть этого! Если Яковъ и завтра навалитъ мнѣ такой тяжелый возъ, я пойду просить милости къ нашему царю—льву».

Но только бурка (bērais) сказалъ эти слова, какъ изъ кустовъ вышелъ левъ и сказалъ:

— «Я слышалъ твою воркотню. Теперь я хочу видѣть, дѣйствительно ли ты такая слабая. Я брожу уже три недѣли и съѣдаю всѣхъ слабыхъ, а сильныхъ и смѣлыхъ хвалю. Я самъ силенъ, и желаю, чтобы и мои подданные были сильными».

Левъ беретъ камень и выжимаетъ изъ него сокъ (воду—ūdeni). Видя это, лошадь желаетъ спастись отъ царя и ударяетъ камень такъ, что изъ него искры сыплятся.

— «Ты моя настоящая подданная!» говоритъ съ удовольствіемъ левъ и собирается уходить. Но лошадь не хочетъ отпустить его сразу и говоритъ:

— «Почтенный царь! У меня еще есть кое-что на сердцѣ. Вчера, здѣсь же на пастбищѣ, волкъ зарѣзалъ моего сына, веселаго жеребеночка»!

Услышавши это, левъ обѣщалъ проучить волка. Какъ разъ недалеко отсюда, на краю болота, волкъ въ это время грѣлся на солнечномъ припекѣ.

Левъ закричалъ ему:

— «Чего ты тамъ валяешься. Иди лучше сюда: я тебѣ покажу, какъ по ту сторону горы бродитъ славный кусочекъ»!

Волкъ вытягиваетъ шею, но ничего не видитъ, потому что передъ ними горка.

— «Ну, если такъ не можешь видѣть, такъ поди—я подниму тебя»!

Левъ схватилъ волка за середину спины и держалъ такъ крѣпко, что весь хребетъ у него затрещалъ и самъ волкъ потерялъ сознаніе.

— «Ахъ ты, слабышъ! Отъ одного вида лошади теряешь сознаніе (nogībst)!» со смѣхомъ сказалъ левъ, бросилъ волка и ушелъ прочь.

Съ этого времени у волка спинной хребетъ не сгибается.

(По варіантамъ этой сказки дѣло кончается смертью волка).

Волкъ.

(Лат.).

(Stiprajam taisniba, gudrajam padoms. Latv. taut. pasak I, № 153, стр. 166).

Старичекъ (veets virinš—Богъ) встрѣтилъ въ лѣсу матерого волка. Волкъ очень проголодался и заоралъ (uzbļāvis) на старичка:

— «Готовься къ смерти! Сегодня утромъ ты не далъ мнѣ выспаться въ можжевельникѣ. У меня до сихъ поръ еще голова болитъ отъ твоихъ трубъ (notavas aurēšanas)».

— «Милый широкохвостъ (kuplasti)! Вѣдь я только высморкался!»

— «Какъ бы тамъ ни было, смерть тебѣ!»

— «Да, кто сильнѣе, тотъ всегда правъ!» проворчалъ человѣкъ и принялся упрашивать волка позволить ему передъ смертью смѣрять у его хвоста погребальную свѣчу (mirstamo sveci). Волкъ позволилъ. Тогда человѣкъ, для примѣрки свѣчи, срѣзалъ славную мѣрочку, настоящую дубинку, и, схвативши волка за хвостъ, принялся колотить его, приговаривая:

— «Гдѣ сила, тамъ право, гдѣ умъ, тамъ совѣтъ!»

Наконецъ хвостъ оторвался и старикъ, со смѣхомъ, забросилъ полуизбитаго волка въ кусты. Волкъ скоро оправился и началъ выть. На его вой сбѣжалась такая тьма волковъ, что человѣкъ еле-еле успѣлъ взобраться на вершину сосны. Волки долго думали, что́ дѣлать. Наконецъ рѣшили лѣзть одинъ другому на спину и такъ подняться до самой вершины сосны. Это очень понравилось побитому волку. Онъ тотчасъ же сталъ подъ сосной и велѣлъ другимъ лѣзть ему на спину. Скоро куча волковъ поднялась до самой вершины сосны. Уже взбирался послѣдній волкъ, собираясь схватить человѣка. Но онъ прошепталъ ему на ухо:

— «Слушай-ка, братецъ! Вмѣсто того, чтобы другіе съѣли мое мясо, ѣшь ты лучше одинъ на верху. Я буду держаться за вѣтку, а ты откусывай себѣ. Но прежде, чѣмъ начнешь, позволь мнѣ другой рукой смѣрить у твоего хвоста погребальную (смертную) свѣчу».

Волкъ позволилъ. Тогда человѣкъ вынулъ ножъ, отхватилъ волчій хвостъ и бросилъ его на землю, крича:

— «Голобокій! Вотъ твой хвостъ!»

Голобокій — избитый волкъ — поспѣшно бросился за хвостомъ, думая что это

его хвостъ; а вся куча волковъ, свалившись со спины голобокаго, хлопнулась о землю и поломала себѣ шеи, а потомъ, какъ бабочки, разлетѣлись прочь (aizgājuši, kà taurini projam).

С ъ этого времени у всѣхъ волковъ спина не гнется.

Волкъ.

(Лат.).

(Kā vilki cēlušēs Jelgavas... Rakstu Krājums III, № 25)

Мальчикъ долженъ былъ пасти на опушкѣ овецъ своей матери. Сначала у него было огромнѣйшее стадо, но со временемъ овцы стали пропадать, такъ что въ концѣ концовъ у него осталась одна единственная овечка. Да и она пропала однажды. Пастушенокъ уже не рѣшался идти домой къ матери. Онъ принялся искать своихъ пропавшихъ овецъ. Онъ исходилъ, обыскалъ всѣ уголки (visar malinas) и наконецъ въ одномъ большомъ дремучимъ лѣсу нашелъ не только своихъ овецъ, но еще большое стадо чужихъ. Ихъ пасъ какой-то черный баринъ (jaunskungs).

— «Ну, я пришелъ за своими овцами», сказалъ черному барину нашъ пастушенокъ

— «Что-же, что пришелъ? я ихъ не отдамъ тебѣ», отвѣтилъ ему баринъ.

— «Отдай, отдай! Я безъ овецъ не могу показаться на глаза своей матери!»

— «Если ты сдѣлаешь три работы, то я отдамъ тебѣ не только твоихъ, но и всѣхъ овецъ, которыхъ ты видишь, здѣсь если же не сдѣлаешь, то не получишь ни одной».

(Мальчикъ, съ помощью сѣдаго старичка, Бога, исполняетъ всѣ три работы: выкапываетъ въ одну ночь озеро длиною и шириною въ версту, на другую ночь наполняетъ его водой, въ третью населяетъ его рыбой и водяными животными. Послѣ этого:

Черный господинъ приходитъ, осматриваетъ работу и отдаетъ мальчику всѣхъ овецъ. Пастушенокъ съ великой радостью гонитъ свое стадо домой. Но его собственныя овцы бѣгутъ прямо по дорогѣ, а чужія то съ одной стороны дороги убѣгаютъ въ лѣсъ то съ другой (skrej drīz vēnā pusē celam meža ēkšā, dāz otrā pusē), а по дорогѣ идти не хотятъ.

— «Не слѣдовало мнѣ вовсе и брать-то этихъ овецъ: пусть бы онъ самъ гналъ ихъ домой», сердился пастушенокъ.

Только онъ сказалъ это, какъ на помощь является черный господинъ. Теперь овцы идутъ по самой дорогѣ. Вотъ они вышли изъ лѣса и были уже почти у самаго домика матери. Тогда черный господинъ ударилъ въ ладоши и воскликнулъ: «тишъ! волки, въ лѣсъ!» Чужія овцы въ одно мгновеніе превратились въ волковъ, схватили овечекъ пастуха за горло и исчезли въ лѣсу.

Хоть пастухъ и искалъ повсюду своихъ овецъ, онъ не нашелъ ихъ. Точно также онъ не могъ уже найти и выкопаннаго озера. Только въ зимніе вечера онъ слышалъ въ лѣсу волчій вой.

Разговоръ деревьевъ. Превращеніе человѣка въ медвѣдя.

(Лат.).

(Stef. Ulanowska. Lotysze Inflant polskich. I, 91).

Прежде всѣ деревья разговаривали и упрашивали людей не рубить ихъ. Одинъ крестьянинъ пошелъ въ лѣсъ и хотѣлъ срубить липу, а та взмолилась ему: «не руби меня; я сдѣлаю тебя, чѣмъ хочешь!» Крестьянинъ говоритъ: «хорошо, сдѣлай же меня бариномъ!» Она его сдѣлала бариномъ.

Но черезъ нѣсколько времени ему уже надоѣло быть бариномъ; онъ опять отправился въ лѣсъ и собирался срубить липу. Она снова стала умолять его, говоря: «я сдѣлаю тебя, чѣмъ ты желаешь!» Крестьянинъ сказалъ: «сдѣлай меня королемъ!» Она его сдѣлала королемъ, но, спустя короткое время, ему уже и этого было мало.

Онъ отправился въ лѣсъ и опять хотѣлъ срубить липу. Та стала его умолять,

говоря: «сдѣлаю тебя, чѣмъ хочешь!» Крестьянинъ говоритъ: «сдѣлай меня Богомъ!» Липа отвѣчаетъ: «стань на четвереньки, тогда сдѣлаю!»

Крестьянинъ сталъ на четвереньки и въ одно мгновеніе обросъ шерстью и сдѣлался медвѣдемъ.

Послѣ этого (Zaś) Господь Богъ сдѣлалъ такъ, что деревья не могутъ уже говорить.

(О разговорѣ деревьевъ ср. у Трейланда. «Латышскія народныя сказки». М. 1887. Стр. 43, № 39).

Медвѣдь.

(Лат.).

(Par lāci. Rigas... Rākstu Krājums. III, стр. 110).

Старые люди говорятъ, что у медвѣдя сила девяти человѣкъ, а ума мало, но въ то же время разсказываютъ, что медвѣдь произошелъ изъ человѣка. Это случилось такимъ образомъ:

У одного богатаго хозяина былъ очень большой пчельникъ; но въ пору меда почти всякую ночь къ нему забирался воръ, который ломалъ ульи и вынималъ медъ. Хоть хозяинъ и подстерегалъ его каждую ночь, но это нисколько не помогало; всякій разъ, какъ разъ въ то время, когда являлся воръ, на хозяина находилъ сонъ. Не будучи въ силахъ самъ охранить свой пчельникъ, хозяинъ отправился къ колдуну (pē burоja) просить содѣйствія. Колдунъ взялся вмѣсто хозяина отогнать вора.

На другое утро владѣлецъ пчельника пошелъ осмотрѣть его и нашелъ около ульевъ странные слѣды звѣря, совершенно походившіе на человѣческіе: это были слѣды медвѣдя. Черезъ нѣсколько дней распространилось извѣстіе, что у сосѣдей пропала хозяйка и что съ того времени около того дома, гдѣ она пропала, блуждаетъ самка страннаго звѣря, но собаки всякій разъ, какъ она появится, гонятъ ее обратно въ лѣсъ.

Пропавшая хозяйка каждую ночь ходила вокругъ сосѣдняго дома, надѣвши на спину вывороченную шубу, ломая ульи и выдаивая коровъ. Она дѣлала это до тѣхъ поръ, пока колдунъ не обратилъ ее въ медвѣдицу. Отъ этой медвѣдицы произошли всѣ медвѣди.

А ума у медвѣдя мало оттого, что онъ произошелъ отъ женщины; почему же у него сила девяти человѣкъ, я не знаю; можетъ быть, кто другой знаетъ.

Медвѣдь.

(Лат.).

(Kā lācis cēlēs. Jelgavas. Rakstu krājums III, стр. 33—35).

Жилъ одинъ хозяинъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ богатъ, но онъ не былъ и бѣденъ: такъ, середка на половинѣ. Богъ далъ ему отличный урожай, такъ что онъ набилъ всѣ амбары; только дровъ у него не было, чтобы высушить хлѣбъ передъ молотьбой. Коли отправиться въ лѣсъ рубить дрова, выращенныя Богомъ, такъ лѣсникъ (mežsargs) отниметъ топоръ, а господинъ сгонитъ со двора,—купить же дровъ у хозяина нѣтъ денегъ.

Правда, въ саду есть старая, большая береза, которой можно было бы высушить овина два, но хозяйка не велитъ ее рубить. Тогда хозяинъ надумалъ срубить ее потихоньку такъ, чтобы хозяйка не видѣла. Однажды утромъ—еще на разсвѣтѣ, когда хозяйка спала, онъ отправился съ топоромъ въ садъ и приготовился рубить березу. Онъ уже собирался нанести первый ударъ, какъ береза начала упрашивать:

— «Милый хозяинъ, не руби меня! Что тебѣ за польза отъ меня будетъ?»

— «Особенной-то, конечно, не будетъ, а все-таки на пару овиновъ дровъ-то хватитъ!» отвѣчаетъ хозяинъ, опуская топоръ.

— «Все-таки не руби!» снова говоритъ береза: «иди домой (eij ĕkšā=иди внутрь),—тамъ передъ тобой будутъ деньги: можешь, сколько угодно, купить дровъ»!

Хозяинъ пошелъ домой и, дѣйствительно, цѣлый уголъ денегъ. Онъ отправился сейчасъ же къ господину, купилъ дровъ и велѣлъ привезти ихъ къ себѣ. Всѣ дивятся: онъ еще не вымолотилъ ни одного зерна, а у него ужъ такъ много денегъ! Но хозяинъ дѣлаетъ видъ, что ничего не слышитъ, и живетъ себѣ богато.

Такъ пышно и богато хозяинъ жилъ до тѣхъ поръ, пока ему это не надоѣло. Тогда онъ снова взялъ топоръ и опять отправился въ садъ рубить березу. Старая береза опять принялась умолять его:

— «Не руби меня! Какая тебѣ польза будетъ отъ меня»?

— «Какая отъ тебя будетъ польза?» отвѣчаетъ хозяинъ: «а все-таки мнѣ хочется тебя срубить. Вотъ только, если ты меня сдѣлаешь господиномъ, я оставлю тебя расти».

— «Хорошо, не руби: будешь господиномъ», отвѣчаетъ старая береза: «но для этого тебѣ надо подождать, пока умретъ теперешній!»

Хозяинъ опять ушелъ прочь. Черезъ нѣсколько времени пришло извѣстіе, что господинъ умеръ и не оставилъ ни одного наслѣдника. Тогда собралась вся волость для выбора господина изъ своей среды.

Хозяинъ, какъ пришпоренный (kā nagla), на сходку. Всѣ сошлись и стали судить: «кого мы выберемъ»?

— «Ну, коли ужъ выбирать, такъ выбирать такого, у кого больше всѣхъ денегъ,—тогда хоть магарычъ будетъ»!

Всѣ единогласно выбрали господиномъ хозяина березы. Опять онъ зажилъ нѣкоторое время господиномъ, но скоро и это наскучило ему. Онъ сговорился съ женой и опять пошелъ рубить березу. Взмолилась старая береза:

— «Не руби меня! Велика-ли отъ меня польза будетъ»?

— «Если я стану царемъ (ja es palĕku par keizaru), тогда ты можешь расти», отвѣчаетъ теперешній господинъ: «а иначе я срублю тебя»!

— «Станешь, станешь,—но только тебѣ придется подождать, пока этого царя убьютъ на войнѣ»!

Черезъ нѣсколько времени началась война, на которой и убили царя. Созвали всѣхъ господъ для выбора изъ ихъ среды новаго царя. И, какъ на диво, царемъ выбрали нашего прежняго хозяина, а теперь господина.

Нѣкоторое время новый царь, кажется, былъ доволенъ своей судьбой, но на долго-ли удовлетворишь такого ненасытнаго (nezanki). Теперь ужъ онъ хочетъ стать самимъ Богомъ,—хватаетъ топоръ и опять къ старой березѣ:

— «Если ты меня сдѣлаешь Богомъ, то я все еще не срублю тебя»!

Старая береза немножко подумала и тогда отвѣтила:

— «Попробуемъ это сдѣлать. Вели запречь четырехъ черныхъ коней и поѣзжай съ женой и дѣтьми на три мили въ сторону моря къ высокой горѣ, поросшей соснами. Тамъ ты съ женой полѣзьте наверхъ,—тогда вы сдѣлаетесь богами»!

Царь сейчасъ же вернулся домой и слово въ слово исполнилъ повелѣніе старой березы. Подъѣхавши къ сосновой горѣ, онъ велѣлъ остановить лошадей и оба они (онъ и его жена) выскочили изъ экипажа. Но, только что ступивши на землю, они стали на четвереньки, обратились въ медвѣдей и бросились каждый со своей стороны въ лѣсъ.

Кучеръ повернулъ лошадей и поѣхалъ съ дѣтьми домой. Дѣти стали управлять царствомъ вмѣсто отца.

Змѣя.

(Лат.).

(Czyńska. Stef. Ulanowska. Lotysze Inflant Polskich. I, 89).

Есть змѣя, у которой позолоченная головка. Когда Ной плавалъ въ ковчегѣ,

то дьяволъ перегрызъ въ днѣ дырку, и имъ пришлось бы утонуть; но та добрая змѣя, замѣтивши, что набирается вода, заткнула дыру своей головой и тѣмъ всѣхъ спасла. Въ награду за это Господь Богъ позолотилъ ей головку. (Подобныя же сказанія существуютъ у Мордвы и Черемисъ).

Ласточка.
(Лат.).

(Latv. Taut pasák. I, № 166. Kápēc cilveki bezdeligu milé un čūsku ēnist).

Въ томъ ковчегѣ, гдѣ во время потопа нашли себѣ убѣжище люди, животныя (домашнія) и звѣри, неожиданно оказалась маленькая дырочка. Всѣ вмѣстѣ соображали, какъ бы заткнуть дыру. Тогда является змѣя и говоритъ:

-- «Если послѣ потопа вы дадите мнѣ въ пищу то мясо, въ которомъ самая вкусная кровь, то я заткну эту дыру своимъ тѣломъ».

Ладно. Послѣ потопа комаръ принялся разыскивать животное, у котораго самая вкусная кровь. Пробовалъ цѣлый день и—нашелъ, что у человѣка всего вкуснѣе.

Когда онъ возвратился назадъ, онъ встрѣтился съ ласточкой. Ласточка спросила его:

— «Ну, у кого самая вкусная кровь?»

— «Всего слаще у человѣка!»

— «Что-же, ты такъ и скажешь?»

— «Да!» отвѣтилъ комаръ и собрался летѣть дальше. Но ласточка, жалѣя человѣка, вырвала у комара полъ хобота, чтобы онъ не могъ сказать у кого самая вкусная кровь.

Комаръ принялся было разсказывать, но могъ только выговорить: «дзинь! дзинь!» Всѣ дивятся, что это за рѣчь! Тутъ случилась ласточка и сказала:

— «Я понимаю, что онъ хочетъ сказать!»

— «Ну, что-же?» съ любопытствомъ спросилъ ласточку.

— «Онъ хочетъ сказать, что самая вкусная кровь у лягушки!»

Услышавши это, змѣя разсердилась и схватила ласточку; но ей не удалось схватить ее крѣпко: она вырвала только середину хвоста у ласточки.

Съ этого времени люди любятъ ласточку и принимаютъ ее подъ свою кровлю, а змѣю ненавидятъ и убиваютъ.

Ласточка.
(Лат.).

(Ielgavas... Rākstu Krājums II, стр. 7).

Въ древнія времена Богу однажды понадобилось огня, но у него не было его. У чорта же, Божьяго сосѣда, было огня, какъ «у чорта мякины» (ka velnam pelu). Поэтому Богу пришло въ голову украсть у черта немножко огня, но, такъ какъ самому ему было невозможно сдѣлать это, то онъ на мѣсто себя послалъ ласточку. Сдумано — сдѣлано. Ласточка, незамѣтно для чорта, пробралась къ нему и смотрѣла, какъ онъ добываетъ огонь. Увидѣвши все, она закричала: «камень-сталь—вдосталь огня!» (Akmens-tērauds-uguns dēzgan)—и сейчасъ же прочь надъ его головой. Увидѣвши, что ласточкѣ теперь все извѣстно, чортъ хотѣлъ ее убить, и бросилъ вслѣдъ ей горящую головню, но, къ счастію, одинъ конецъ головни отшибъ ей только хвостъ, другой же легонько задѣлъ за затылокъ.

Еще до сихъ поръ можно видѣть, что это нагая истина (plika patēsiba).

Посмотри только на ласточку—и ты тотчасъ увидишь, что у нея на хвостѣ есть рубецъ, а на затылкѣ знакъ отъ удара.

Ласточка добываетъ огонь.
(Лат.).

(Bezdeliga. Rīgas... Rākstu Krājums. III, 109—110.)

Послѣ потопа у человѣка не было огня, такъ какъ во время потопа онъ повсюду погасъ. Но ласточка принесла его человѣку, укравши его въ кухнѣ у чорта.

Чортъ засталъ ласточку на мѣстѣ преступленія и хотѣлъ поймать ее, но, такъ какъ ему это не удавалось, то онъ позвалъ на помощь другихъ чертей, а самъ съ горящей головнею сталъ въ дверяхъ кухни. Но ласточка все таки не бросила своей головни, но вмѣстѣ съ нею стрѣлой пронеслась надъ головою чорта вонъ изъ кухни. Но чортъ держалъ надъ собою головню и ею обжогъ ласточкѣ затылокъ, такъ что у ласточки до сихъ поръ черный затылокъ, въ знакъ того, что ее опалилъ чортъ.

За всѣ эти благодѣянія (избавленіе отъ змѣи и добычу огня) ласточка попросила у человѣка только мѣста подъ стрѣхой, да и этого просила не даромъ, но богато отплатила ему тѣмъ, что увеселяетъ человѣка милымъ пѣніемъ и ловитъ мухъ.

Ласточка и змѣя.

(Лат.).

(Bezdeliga. Rigas. Rākstu Krājums III, 109).

Ной, строя передъ потопомъ свой ковчегъ, забылъ вбить гвоздь въ одно отверстіе и вслѣдствіе этого ковчегъ остался въ этомъ мѣстѣ дырявымъ. Когда же въ ковчегѣ собралось по роду всѣхъ обитателей земли и начался потопъ, тогда вода стала вливаться черезъ это отверстіе въ ковчегъ и, если бы не явился во время спаситель, ковчегъ утонулъ бы. Но спаситель явился, и это была змѣя. Змѣя заткнула своимъ хвостомъ отверстіе и такимъ образомъ задерживала воду до тѣхъ поръ, пока не пришелъ Ной и не заколотилъ дыру.

Богъ въ награду за такое благодѣяніе позволилъ змѣѣ выбрать въ пищу себѣ любого обитателя земли. Но, такъ какъ сама змѣя не знала, чье мясо всѣхъ вкуснѣе, то Богъ велѣлъ комару испробовать это. Комаръ попробовалъ мясо всѣхъ животныхъ и нашелъ, что всѣхъ вкуснѣе мясо человѣка. Всѣ животныя были собраны передъ Богомъ, чтобы слышать своими ушами, какой приговоръ дастъ комаръ.

Всѣ дрожали, какъ осиновый листъ, только змѣя заранѣе облизывалась на вкусное жаркое, да ласточка держалась поближе къ комару, чтобы какъ-нибудь спутать его рѣчь, если онъ захочетъ возвѣстить горе ей или ея друзьямъ, и такимъ образомъ выручить изъ бѣды себя и своихъ пріятелей. Когда всѣ сошлись, и настала тишина, комару было приказано говорить. Комаръ сейчасъ же воскликнулъ: «у человѣка самое вкусное мясо!» Къ счастію, у комара запутался языкъ, такъ что его не понялъ никто, кромѣ ласточки и человѣка, которые и сами хорошо говорятъ. Змѣя закричала: «у кого? у кого?» Комаръ раскрылъ ротъ, желая повторить, но въ туже минуту ласточка, взглянувши въ ротъ комару, сказала: «братецъ, какая у тебя заноза на языкѣ! Подожди, я вытащу ее: тогда тебѣ легче будетъ говорить!» Комаръ высунулъ языкъ, а ласточка приготовилась вынимать занозу. На самомъ дѣлѣ, у комара не было никакой занозы: ласточка солгала, чтобы имѣть возможность вырвать у комара языкъ и сдѣлать его такимъ образомъ нѣмымъ. Чтобы еще лучше исполнить задуманное, она сказала комару: «заноза въ самой серединѣ языка,—хорошенько вытяни языкъ, чтобы мнѣ было удобнѣе!» Комаръ высунулъ языкъ, какъ только могъ, а ласточка схватила его и вырвала съ корнемъ. Комаръ сталъ нѣмымъ и уже не могъ говорить, а все только кричалъ: «Вай! вай! вай!» и такъ дальше. Какъ змѣя, ни спрашивала: «у кого? у кого?», но комаръ не могъ ей дать отвѣта. Тогда ласточка сказала змѣѣ: «У лягушки, у лягушки, у лягушки самое вкусное мясо!» (Vardei, vardei, vardei visgardaka gaļa [1]).

Такимъ образомъ, лягушка была назначена въ пищу змѣѣ, а человѣкъ хитростью ласточки былъ спасенъ отъ нея.

---

[1]) Игра словъ: комаръ кричитъ: «vaj, vaj, vaj!», а ласточка объясняетъ это черезъ «vardei, vardei, vardei!»

Лось (или олень).

(Лат.).

(Brēdis. Rīgas... Rākstu Krājums. V, № 236).

Я запрягъ пестраго оленя	Es ajzjudzu raibu brēdi
Въ зеленыя санки изъ мѣди;	Zaļās vaŗa kamanās;
Я завозжалъ его шелковыми вожжами,	Ajzgrožoju zida grožus,
Чтобы онъ не могъ разорвать ихъ.	Laj nevar saraustit.
Но онъ порвалъ шелковыя вожжи,	Saraustija zida grožus,
Самъ убѣжалъ въ сосновый лѣсъ.	Ēskrēn pats eglajā.
Онъ такъ сказалъ, убѣгая:	Tā sacija ēskrēdams:
— «Никто меня не догонитъ»!	«Nevēns mani nepanaks!»
— «Догонятъ тебя свинцовая пуля	— «Panaks tevi svina lode,
И два стальныя перышка» (стрѣлы? А. П.)	Div' terauda pederites»!

Лось.

(Лат.).

(Kapec brēžam balta pavedere. Rīgas... Rākstu Krājums III, 108).

Жилъ въ старыя времена одинъ лѣнивый человѣкъ, который очень мало заботился о своихъ дѣлахъ, но за то вѣчно нылъ на свою нужду. Однажды, когда онъ опять заканючилъ о своемъ недостаткѣ, къ нему подошелъ старичекъ и промолвилъ:

— «Трудись самъ, тогда и Богъ тебѣ поможетъ и дастъ тебѣ всего, что нужно»!

Лѣнтяй отправился въ лѣсъ, разставилъ силки (uztajsija spostu) и сталъ поджидать добычи. На слѣдующій день онъ пошелъ посмотрѣть на свое дѣло и видитъ, что въ сѣти попался большой лось. Человѣкъ немедленно убилъ его и началъ обдирать. Когда онъ уже ободралъ подбрюшину, къ нему явился тотъ же самый старичекъ, который вчера далъ ему совѣтъ трудиться самому, и сказалъ:

— «Ну, вотъ, не говорилъ-ли я тебѣ: трудись самъ, и Богъ тебѣ дастъ»!

А охотникъ отвѣчаетъ на это:

— «Развѣ мнѣ Богъ далъ? Я самъ добылъ»!

Тогда старичекъ ударилъ своимъ посохомъ по ребрамъ лося—и вдругъ лось вскочилъ на ноги и со всѣхъ четырехъ ногъ пустился обратно въ лѣсъ.

Увидѣвши это, охотникъ страшно испугался и, чувствуя свою вину, закричалъ:

— «Богъ далъ! Богъ далъ»!

Но это уже не помогло, и лось назадъ не пришелъ.

Съ этого времени у лося бѣлая подбрюшина въ знакъ того, на сколько въ древнія времена успѣлъ ободрать его тотъ охотникъ.

Предвидѣніе своей смерти.

(Лат.).

(Stef. Ulanowska, Lotysze Infl. polskich I, 85).

Прежде человѣкъ зналъ, когда умереть, и, приближаясь къ смерти, уже ни о чемъ не заботился. Однажды работникъ городилъ заборъ изъ соломы. Его спрашиваютъ, для чего онъ дѣлаетъ такую непрочную изгородь? А онъ отвѣчаетъ: «вѣдь я черезъ три дня умру,—такъ мнѣ и не нужно на дольше».

Наконецъ Господь Богъ разгнѣвался на то, что люди становятся передъ смертью такими небрежными, и сдѣлалъ такъ, что никто не знаетъ, когда умретъ.

(Таже сказка на Крейзбургскомъ діалектѣ записана г. Аллунаномъ и помѣщена въ Ielgavas... Rākstu Krājums II, стр. 122—123).

Выпь.

(Лат.).

(Upis. Latv. Taut. Pasak. IV, № 64).

У одной матери была лѣнивая дочь. Однажды мать послала свою дочь въ хлѣвъ задать корму двумъ коровамъ, но дочь дала только одной, а другой—нѣтъ. Другая корова замычала. Мать спросила:

— «Кто тутъ мычитъ»?

— «Никто не мычитъ,—тутъ выпь стонетъ», отвѣчала дочь.

Выпь, сидѣвшая здѣсь же, услышала, что выдумываетъ дочь; она разсказала матери, что ея дочь позаботилась только объ одной коровѣ.

Дочь въ гнѣвѣ схватила палочку и бросила въ бокъ выпи. Выпь отъ боли застонала.

— «Вай! Вай»!—и до сихъ поръ все стонетъ.

Воронята.

(Лат.).

(Kraukla bērni. Latv. taut. Pasakas. III, № 63).

Когда были сотворены птицы, воронъ чѣмъ-то прогнѣвалъ Творца. Творецъ въ наказаніе за это присудилъ ему слѣдующее.

Всѣ птицы будутъ выводить своихъ птенцовъ лѣтомъ, а воронъ долженъ будетъ выводить ихъ зимой. Когда его птенцамъ будетъ недѣля, то утромъ въ великую пятницу передъ восходомъ солнца воронъ долженъ принести столько морской воды, чтобы его птенцы могли напиться. Но, если случится, что море насквозь замерзло (viscaur aizsalusi), и ворону не удастся добыть воды, то его дѣти должны остаться **галками**.

Листья.

(Лат.).

(Musu tautas dzësmas... Aronu Matisa. Rigâ. 1888. № 1046).

Вотъ пріѣхалъ мужъ въ бронѣ	(Tej atjāja brunōts vīrs
На каменномъ конѣ;	Akmenotu kumelinu;
Онъ принесъ деревьямъ листья,	Tas atnesa kokëm lapas,
Землѣ зеленую траву.	Zemitej zaļu zāli).

Куница и бѣлка.

(Лат.).

(Musu tautas dzësmas... Aronu Matisa. Rigâ. 1888. № 1757).

Куница продала лѣсъ,	(Caune mežu pārdevusi,
Безъ вѣдома бѣлки;	Vāverej nezinot.
И до сихъ поръ дѣти куницы	Ir šodën caunes bērni
Враждуютъ съ бѣлками.	Ar vāveres ënaidā).

Бабья работа.

(Лат.).

(Stef. Ulanowska. Lotysze Inflant Polskich. I, 94).

Отчего бабьей работѣ никогда не бываетъ конца? Онѣ сами виноваты въ этомъ. Когда Господь Богъ шелъ и спрашивалъ дороги, то баба отвѣчала ему: «а мнѣ времени нѣтъ»... Господь Богъ пошелъ дальше и спросилъ о дорогѣ мужика, который

въ это время пахалъ въ полѣ; тотъ сейчасъ оставилъ коня и соху и пошелъ показать дорогу. Поэтому теперь бабьей работѣ нѣтъ никогда конца и у бабы нѣтъ никогда времени, а мужикъ сдѣлаетъ свое дѣло, а потомъ у него довольно свободнаго времени.

Величина колосьевъ.

(Лат.).

(Stef. Ulanowska. Lotysze Iaflant Polskich. I, 93).

Прежде колосья были длинные и начинались отъ самой земли. Господь Богъ ходилъ по міру и собиралъ милостыню. Вотъ онъ пришелъ въ одну избу, гдѣ баба пекла блины (тѣсто на дрождяхъ), и сталъ просить ее, чтобы она сжалилась надъ нимъ. Но баба, когда въ эту минуту ея дитя напакостило, подтерла его блиномъ и отвѣчала: «лучше я ему з...у подотру, чѣмъ тебѣ дамъ»! Господь Богъ пошелъ дальше и рѣшилъ совершенно уничтожить колосья, чтобы люди не имѣли хлѣба. Но въ это время прибѣжала собака, потомъ прибѣжалъ котъ—и стали они упрашивать Бога не дѣлать этого, потому что и они будутъ голодны. Господь Богъ позволилъ имъ мордами схватить колосъ 'и, сколько собакѣ и коту удалось достать его, столько его и осталось. И мы теперь пользуемся той частью, которую Господь Богъ оставилъ для собаки и кота.

(Вар. у Трейланда «Лат. нар. сказ.», стр. 43—44, № 40).

Ракъ.

(Лат.).

(Wieżs. Stef. Ulanowska. Lotysze Inflant Polskich I, 89).

Когда Господь Богъ велѣлъ звѣрямъ копать рѣки, то они всѣ явились по его приказанію. Явился и ракъ, но Господь Богъ, желая подшутить надъ нимъ, сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его, и сказалъ:—«а куда же дѣвался ракъ, что его не видно на работѣ»?.. Ракъ ужасно разсердился:—«что же это»? спросилъ онъ: «въ заду у тебя что-ли глаза, что ты не видишь меня»?

За дерзость Господь Богъ сдѣлалъ такъ, что у самого рака теперь глаза въ заду.

(Литовскіе варіанты указаны мною въ «Живой Старинѣ». 1894 г. Вып. II. стр. 253 и. 256).

Конь и волъ.

(Лат.).

(Stef. Ulanowska. Lotysze Inflant polskich. I, 89).

Господь Богъ не могъ перейти черезъ рѣку и сталъ просить коня перенести его на другую сторону, но конь отвѣтилъ: «я за это время, по крайней мѣрѣ, наѣмся до сыта».—«За это пасись всю свою жизнь безъ отдыха: пусть тебѣ докучаетъ муха!» сказалъ ему Господь Богъ и обратился къ волу. Волъ отвѣтилъ: «хорошо!», далъ ему сѣсть на свой хребетъ и перенесъ на другую сторону. Поэтому теперь, напасшись, волъ отдыхаетъ, а коню нѣтъ времени для отдыха, потому что на пастбищѣ его мучитъ муха, а, когда онъ напасется, его берутъ на работу.

Муха.

(Лат.).

(Stef. Ulanowska. Lotysze Inflant Polskich I, 89).

Прежде у мухи была поросшая волосами шкурка, но медвѣдь пригласилъ ее въ баню и тамъ, паря ее, содралъ съ нея всю шкуру; поэтому она должна теперь летать голой.

Чайка.

(Лат.).

(Stef. Ulanowska Lotysze Inflant Pólskich, I, 88).

Если ворона не высидитъ яицъ до Великаго четверга, то изъ ея птенцовъ выходятъ чайки, которыя не умѣютъ каркать и гораздо меньшей величины.

Гагара.

(Лат.).

(Nurinia. Stef. Ulanowska. Lotysze. Inflant Polskich. I, 87).'

Гагара была нѣкогда дѣвушкой. Эта дѣвушка вышла замужъ и послѣ свадьбы узнала, что ея мужъ—ея родной братъ; раньше она не знала этого, потому что ея братъ въ дѣтствѣ оставилъ родныхъ. Отъ горя она превратилась въ птицу и въ качествѣ молодой (jako panna młoda) сохранила на головѣ прекрасный, яркій вѣночекъ. Она летаетъ по озерамъ и жалобно гогочетъ: «я ни мужу жена, я ни брату сестра, я ни матери сноха,—стала я птицей и летаю надъ водой» (Ni eś wiejram siwa, ni eś brolam mosa, ni eś motiaj wadakła! Eś pałyku par putnu i skreju pa jiŭdini)!

Кукушка.

(Лат.).

(Dzaguzia. Stef. Ulanowska. Lotysze Inflant polskich. I, 86).

Кукушка возникла изъ человѣка сироты. Было двое сиротъ: братъ и сестра. Мать ихъ умерла, а отецъ взялъ другую жену. Та другая жена, та мачеха, была вѣдьмой и терпѣть не могла дѣвочки; она вѣчно твердила своему мужу: «убери ее куда-нибудь, чтобы мнѣ больше не видѣть ея». Но отецъ ничего не хотѣлъ дѣлать. Тогда она сама взяла и зарѣзала дѣвочку, спекла ее и подала на столъ. Она ѣла сама, и отецъ ѣлъ; не ѣлъ только братъ, потому что онъ зналъ, что это его сестра. Потомъ онъ собралъ оставшіяся косточки, отнесъ ихъ въ кусты и тамъ сложилъ. Туда прилетѣла птичка cirś (не чирокъ-ли)? А. П. сѣла на косточки и высидѣла кукушку. Тогда кукушка прилетѣла въ отцовскій садъ, сѣла на деревѣ и принялась кричать:

— «Ку-ку! Мачиха меня зарѣзала и спекла. Ку-ку! Отецъ меня съѣлъ! Ку-ку! Братъ мой косточки вынесъ! Ку-ку! Чирокъ (?) меня высидѣлъ, ку-ку!»

Каня.

(Лат.).

(Lejta-putnys. Stef. Ulanowska. Lotysze Inflant polskich. I, 86).

Когда всѣ птицы копали рѣки, одна только каня не хотѣла идти на работу; она увѣряла, что ей достаточно той воды, которая будетъ на листьяхъ и на камняхъ. Господь Богъ разгнѣвался и запретилъ ей пить изъ рѣки; потому-то она и кричитъ теперь: «dziert', dziert'» (пить! пить!). Вѣдь для того, чтобы напиться, ей нужно ждать, пока съ неба упадетъ дождь.

(Варіантъ у Трейланда. «Латышскія народныя сказки». М. 1887. Стр. 41 и прим. 2 на стр. 41).

Дятелъ.

(Лат.).

(Dzienć. Stef. Ulanowska. Lotysze Inflant polskich. I, 86).

Прежде Господь Богъ ходилъ съ дьяволомъ по свѣту и они назывались кумами. У каждаго было по полю, которое дьяволъ оралъ конями, а Богъ дятломъ. Дьяволъ въ одинъ день запахивалъ много, а Господь Богъ мало, но за то ночью онъ бралъ

коней дьявола и всегда заканчивалъ свою работу во время. Наконецъ дьяволъ предложилъ ему:

— «Кумъ, помѣняемся! Возьми у меня коня, а мнѣ дай своего дятла!»

Вѣдь онъ думалъ, что дятла кормить легче гораздо, чѣмъ коня, а работу дѣлать такъ же. Они помѣнялись. Дьяволъ запрягъ дятла въ соху и тутъ только увидѣлъ, что онъ и сдвинуть-то сохи не можетъ! Тогда онъ страшно разгнѣвался, билъ его, билъ со злости и перешибъ ему голову.

Потому-то дятелъ теперь такой пестрый и имѣетъ красную голову.

Заяцъ.

(Лат.).

(Odi un zakis. Latv. taut. pasak. I, № 163, стр. 171).

Однажды Богъ разсердился на комаровъ. Онъ набилъ этими безстыдниками цѣлый мѣшокъ и велѣлъ зайцу утопить его въ рѣкѣ. Но любопытный зайченокъ-долгоушка (garausitis) на берегу рѣки немножко открылъ мѣшокъ, желая заглянуть, что тамъ такое. Въ туже минуту одинъ комаръ: джинксъ! мимо заячьей морды и скрылся въ ольхѣ. Ахъ, чтобъ тебя! Заяцъ поскорѣе повернулся, бросилъ мѣшокъ и погнался за комаромъ. Пока онъ гонялся за нимъ, другіе комары цѣлымъ роемъ взвились изъ мѣшка и закружились отъ радости на одномъ мѣстѣ. Приходится зайченку отвѣчать Богу за свое любопытство. Въ тоскѣ бѣдняга усѣлся на кочкѣ и принялся думать да гадать, что отвѣчать Богу. Но отъ великой сердечной боли и головокруженія зайченокъ совсѣмъ потерялъ голову и принялся, какъ и всѣ легкомысленные (vēglprātini), бѣгать и ломаться. Наконецъ, онъ побѣжалъ топиться въ рѣкѣ. Тутъ какъ разъ случился ракъ: хвать! и прохватилъ озорнику (lempišam) губу. Отъ страха и боли заяцъ выскочилъ изъ рѣки и побѣжалъ—побѣжалъ, пока не попалъ въ лѣсъ и не заблудился въ немъ.

А губа у него и до сихъ поръ еще разрѣзана.

Аистъ.

(Лат.).

I.

(Stārks, svētelis, gandris. Latv. taut. teik. un pasak. V, № 69).

Аистъ (jeb svētelis—или аистъ, т. е. святой—уменьш. отъ svēts—святой), будто-бы, происходитъ отъ человѣка. Случилось это такъ:

Въ древнія времена чортъ напустилъ на землю ужасныхъ, гибельныхъ мошекъ, комаровъ и (всякихъ) гадовъ. Богъ пожелалъ избавить людей отъ всей этой нечисти (пресмыкающихся—rāpulēm): онъ собралъ всѣхъ комаровъ, оводовъ, мошекъ, слѣпней, мухъ, лягушекъ и змѣй въ одинъ большой мѣшокъ, завязалъ его и отдалъ его одному человѣку, чтобы тотъ утопилъ его въ рѣкѣ, но при этомъ не смѣлъ смотрѣть, что въ мѣшкѣ. Послушается человѣкъ! Еще не обмакнулъ онъ, какъ слѣдуетъ, въ водѣ мѣшка,—а ужъ немножко ослабилъ завязку и смотритъ, что тамъ такое въ мѣшкѣ. Но въ тоже мгновеніе комары, мошки и гады вонъ изъ мѣшка. Онъ ловитъ, мучится, но ужъ гдѣ тутъ поймать. А Богъ за такое непослушаніе вымазалъ человѣку смолой ноги до самыхъ бедеръ и пустилъ бродить по свѣту аистомъ, чтобы онъ собиралъ гадовъ, лягушекъ и насѣкомыхъ (шмелей, dundurus), которыхъ самъ же и выпустилъ. Надъ этимъ-то аистъ и трудится до сихъ поръ, собирая лягушекъ и змѣй; а, когда онъ соберетъ ихъ всѣхъ, онъ опять станетъ человѣкомъ.

II.

(Zubura. Stef. Ulanowska. Lotysze Inflant polskich. I, 85—86).

Аистъ возникъ изъ дѣвицы; поэтому его и не стрѣляютъ, и не ѣдятъ. Одной дѣвицѣ Богъ далъ бочку, полную гадовъ, и велѣлъ ей выбросить ее въ озеро, но въ

бочку не заглядывать. По своему любопытству, она заглянула, а гады въ это время убѣжали и расползлись по землѣ. Въ наказаніе за это она стала аистомъ и должна собирать ихъ; черныя же перья въ крыльяхъ и хвостъ остались на память о юбкѣ, которую она носила дѣвицей.

Свинья.

(Лат.).

(Cyũka. Stef. Ulanowska. Lotysze Jnflant polskich. I, 85).

Свинья сначала была жидовкой. Когда Господь Іисусъ ходилъ по землѣ, жиды позвали его и показали ему въ хлѣвикѣ два перевернутыя корыта, гдѣ подъ однимъ они скрыли жидовку съ дѣтьми, подъ другимъ свинью съ поросятами.

«Если ты такой мудрый», сказали они: «то отгадай, что подъ этимъ корытомъ и что подъ тѣмъ?»

Господь Іисусъ отвѣчалъ: «вотъ подъ этимъ корытомъ свинья съ поросятами, а подъ тѣмъ жидовка съ жиденятами».

Они начали смѣяться, что онъ не отгадалъ. Поднимаютъ корыто, а подъ нимъ, дѣйствительно, изъ жидовки стала свинья съ поросятами; поднимаютъ другое, а тамъ изъ свиньи сдѣлалась жидовка съ жиденятами.

Потому-то они и не ѣдятъ теперь свинины.

Медвѣдь.

(Лат.).

(Ločs. Stef. Ulanowska. Lotysze Inflant polskich I, 85).

Медвѣдь возникъ изъ мельника. Мельникъ купался однажды—и увидѣлъ, что идетъ старикъ съ сѣдой бородой,—а былъ это Господь Богъ (Онъ тогда еще ходилъ по землѣ). Вотъ и думаетъ мельникъ: надо попугать этого старика. Взялъ два кожуха: одинъ надѣлъ на руки, другой на ноги, шерстью вверхъ; выскочилъ на дорогу и принялся рычать. Господь Богъ сказалъ: «Будь-же медвѣдемъ, если ты умѣешь такъ хорошо рычать».

Потомъ хотѣли съ него снять эти кожухи, сдирали даже ножемъ, но ему было страшно больно, такъ что его оставили въ покоѣ, и онъ такъ и остался медвѣдемъ.

Кротъ.

(Лат.).

(Kūrms. Stef. Ulanowska. Lotysze Inflant polskich. I, 85).

Однажды Господь Богъ велѣлъ всѣмъ людямъ придти къ нему, чтобы дѣлать дороги; но одинъ человѣкъ отвѣтилъ, что ему дорога не нужна, потому что онъ и такъ сможетъ пройти. Господь Богъ превратилъ его въ крота и запретилъ ему ходить по дорогамъ, поэтому всякій разъ, перейдя дорогу, кротъ издыхаетъ.

(Та-же сказка, но съ упоминаніемъ о животныхъ, а не о людяхъ, у Трейланда. «Латышскія народныя сказки». М. 1887, стр. 39—40).

Мѣсяцъ.

(Лат.).

(Księżyc. Stef. Ulanowska Intysze Laflant polskich. I, 84).

Мѣсяцъ свѣтилъ полнымъ свѣтомъ. Дѣвушки несли воду. Одна изъ нихъ говоритъ: «ахъ, какой прекрасный этотъ мѣсяцъ, какой круглый!» А другая на это: «чего тутъ хорошаго? Мой з..ъ еще красивѣе и круглѣе!» Въ наказаніе за это она стоитъ теперь на мѣсяцѣ съ ведрами и коромысломъ, и должна будетъ стоять до самаго суднаго дня.

Какъ домашнія животныя пришли къ человѣку
(Лат.).

(Kà māju lopi nākuši pē cilvekēm. Musu taut. pasak. I, № 3).

Въ древнѣйшія времена всѣ домашнія животныя жили вмѣстѣ и въ дружбѣ. Въ лѣсу у нихъ былъ домикъ, сдѣланный изъ мха. Однако имъ не долго пришлось жить въ мирѣ: скоро въ ихъ домикъ повадился ходить волкъ и сталъ зариться на жирнаго поросенка. Однажды, когда поросенокъ грѣлся въ домикѣ у огня, волкъ схватилъ его и потащилъ прочь. Но поросенокъ, опомнившись отъ перваго ужаса, неистово завизжалъ: «гдѣ мужи, гдѣ мужи!» (Kur vīri! Kur vīri!) Сейчасъ же прибѣжалъ быкъ и своими острыми рогами прижалъ волка къ стѣнѣ, а баранъ такъ ему надавалъ по спинѣ, что косой еле уплелся со стыдомъ. Желая отомстить, безсовѣстный волкъ сталъ насылать на шею животнымъ разныхъ звѣрей, но животныя, дѣйствуя единодушно, каждый разъ умѣли отдѣлаться. Видя это, волкъ отправился къ Сиверкѣ (Zēmelis) самому страшному сыну матери-вѣтра (vēja mātes dēla), съ просьбой помочь ему выжить животныхъ изъ домика. Сиверко, который такія дѣла любитъ, пошелъ въ лѣсъ и задулъ такъ ужасно, что вода замерзла, и съ неба на землю повалилъ хлопьями (въ изобиліи, aumaļam) снѣгъ. Быкъ, будучи не въ состояніи вытерпѣть ужасный вѣтеръ и холодъ, тоже полѣзъ въ домикъ, но нечаянно онъ зацѣпился рогами и домикъ разрушился. Тогда животныя, видя, что иначе имъ не спастись отъ гибели, пошли жить къ людямъ, гдѣ и остались до сихъ поръ. А Сиверкѣ такъ понравилось съ того времени страшно подувать, что онъ сталъ каждый годъ со свистомъ и стономъ отпускать въ большомъ лѣсу свой вѣтеръ на свободу. Тогда и самъ волкъ, исхолодавшій и измученный, опрометью бросается изъ лѣса, будучи не въ силахъ вынести холодный вѣтеръ Сиверки.

(*Примѣч.* Когда дѣтямъ показываютъ молодыхъ животныхъ и тѣ спрашиваютъ: «откуда они взялись?» тогда мать отвѣчаетъ: «изъ лѣсу прибѣжали!»)

Ежъ и заяцъ.
(Лат.).

Ezis un zakis. Latv. taut. teik. un pasak. V, № 59 I).

Однажды ежъ со своимъ братомъ, другимъ ежомъ, задумалъ подшутить надъ зайцемъ.

На опушкѣ лѣса былъ глубокій ровъ; и вотъ оба ежа стали на концахъ этого рва: одинъ на одномъ концѣ, другой—на другомъ. Тотъ ежъ, который былъ съ этой стороны, обратился къ зайцу со слѣдующими словами:

— «Слушай-ка, заяцъ! Вотъ ты вѣчно величаешь себя великимъ бѣгуномъ, а мнѣ вотъ пришла охота обогнать тебя».

— «Ну, ну! Этому-то ужъ я не повѣрю. Коли обгонишь, можешь вырвать мои усы».

— «Ну, вѣрь, не вѣрь, а заключимъ такое условіе: если ты меня обгонишь, ты можешь вырвать изъ моей шубы десять иглъ, а, если я, то я вырву изъ твоихъ усовъ десять волосковъ. Идетъ»?

— «Понятно. Жаль мнѣ только твоей шубы»!

— «Ну, а мнѣ твоихъ усовъ. Но только ты, заяцъ, больше меня: поэтому, ты бѣги по краю рва, а я побѣгу по дну».

Ладно. Заяцъ понесся впередъ стрѣлой (вихремъ, kà vēzuļis) и ни разу даже въ жару не оглянулся, бѣжитъ-ли ежъ или нѣтъ. Прибѣжалъ онъ на другой конецъ рва, а ежъ уже здѣсь:

— «Видишь? Что-же ты какъ долго. Я ужъ чуть не замерзъ, поджидая тебя».

— «Нѣтъ, нѣтъ, ежикъ! Это просто неудача. Побѣжимъ-ка еще назадъ»!

— «Что-жь? Побѣжимъ».

Опять заяцъ понесся стрѣлой; но и на другомъ концѣ ежъ уже поджидаетъ:

— «Слушай-ка! Что-же ты меня морозишь? Давай-ка сюда свои усы»!

— «Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, ежикъ! Побѣжимъ хоть еще разикъ: тогда ужъ будь, что будетъ».

Ладно. Понесся заяцъ. А ежъ уже поджидаетъ на другой сторонѣ.

— «Послушай-ка! Давай свои усы! Больше уже не стану спускать тебѣ»!

Нечего дѣлать: приходится отдать усы. Ежъ вырвалъ у зайца десять волосковъ изъ усовъ и пять изъ нихъ воткнулъ въ губу своему брату, пять оставилъ для себя.

Съ этихъ-то поръ, говорятъ, у всѣхъ ежей такіе усики на губахъ.

Салака и ершъ.

(Лат.).

(Salaka un Kīsis. Latv. taut. teik. un pasak. V, № 59 II).

Однажды въ Буртнецкомъ озерѣ (Burtnēku ezerā) салака уговорилась съ ершомъ плыть въ перегонки отъ Коштели (no Košķeles) до Большой Буртнецкой корчмы (idz Burtnēku Lēlajam krogam). Условіе было такое: тотъ, кто окажется проворнѣе, останется жить въ озерѣ, а другому придется выбираться изъ него. Ладно. Но ершъ— хитрецъ. Онъ видѣлъ, что правдой онъ не добьется своей цѣли: поэтому онъ вцѣпился въ хвостъ салакѣ, и она его, знай, тащитъ. Уже (только) на концѣ пути проворная салака обернулась, что бы взглянуть, далеко ли еще ершъ. Но вотъ такъ штука: ершъ надменно кричитъ за ея спиной:

— «Гдѣ ты такъ долго пропадала? Я ужъ совсѣмъ заждался»!

Салака, устыдившись и огорчившись, должна была уйти изъ озера.

Съ этого-то времени въ Буртнецкомъ озерѣ уже нѣтъ салаки.

Лисица.

(Лат.).

(Lapsa. Latv. taut. teik, un pasak. V, № 75).

Лисица научилась всѣмъ премудростямъ,—только не умѣла летать по воздуху. Тогда она явилась къ аисту съ просьбой обучить ее и этому. Аистъ взялъ лисицу за шиворотъ и поднялъ на воздухъ. На высотѣ лисицѣ пришло на умъ:

— «Довольно будетъ! Теперь я и сама буду умѣть!» Пусть молъ онъ отпуститъ ее на волю. Аистъ отпустилъ и лисица упала съ ревомъ на землю, прямо на пень. Она хоть и кричала пню: «бѣги же, поганый!», но тотъ и вниманія не обратилъ (nemaz nejauš). И упала-то она такъ неудачно, что (долго) лежала съ откинутымъ хвостомъ (ar atšautu asti). Съ этого времени ни одной лисицѣ не приходило въ голову пускаться по воздуху; но за то всѣ еще до сихъ поръ бродятъ съ откинутыми хвостами.

Соловей и Сова.

(Лат.).

(Lakstigala un lēlis. Musu tautas pasakas. I, № 1).

Однажды соловей и сова поспорили изъ-за голоса. Сова сказала: «у меня гораздо пріятнѣе голосъ, чѣмъ у тебя». Соловей отвѣтилъ: «нѣтъ, у меня голосъ пріятнѣе». Такъ они и спорили съ утра до вечера, пока соловью ни пришла въ голову хорошая мысль и онъ ни сказалъ совѣ: «Можешь-ли ты пріятно пѣть, объ этомъ спорить не станемъ, но я тебѣ предложу вотъ что: кто изъ насъ завтра раньше поднимется, того и верхъ, пусть у того и будетъ лучшій голосъ». Сова сказала: «Ладно, я согласна».

Сова уже пошла спать, а соловей все еще не идетъ. Онъ пѣлъ, переливался и звенѣлъ (dzēdaja, pogoja, trekškinaja) до полуночи. Въ полночь немного подремалъ

и опять запѣлъ. Онъ пѣлъ, пока не пришелъ пахать поле оратай, и пропѣлъ ему (apdzēdajato); пѣлъ, пока не вышли на пастбище пастухи, и имъ пропѣлъ.

Сова проснулась только утромъ и видя, что уже поздно, въ гнѣвѣ могла пропѣть только: «трррр».

(Къ этой сказкѣ, найденной въ бумагахъ покойнаго Крогзена, имъ же была приложена слѣдующая пѣсенка:

Lēlis nida lakstigalu	Сова завидовала соловью,
Lēlu karu saceldams,	Чувствуя къ нему великую вражду;
Lēlis teica savu balsi,	Унижая соловья,
Lakstigalu nēvadams.	Сова хвалила свой голосъ.

Происхожденіе медвѣдей.

(Фин.).

(Karhujen alku. Suom. kansans. I, № 275).

Былъ одинъ богатый дворъ, въ которомъ совершалась большая свадьба. Пришелъ сюда одинъ старикъ-нищій (kerjun-ukko) и просилъ дать ему поѣсть, дать ему пищи изъ дома, гдѣ совершалась свадьба (häätalosta). Ему ничего не дали и отвѣтили: «нѣтъ у насъ пищи для негодяевъ (halvoille ihmisille) и нищихъ».

Старикъ (или Богъ, ukko) разгнѣвался на это, пошелъ въ баню и началъ такъ чары (teki konstia). Потомъ онъ сказалъ мальчику: «пойди, посмотри, что дѣлаютъ въ избѣ поѣзжане (Hochzeitsleute, hääväki))». Мальчикъ пошелъ взглянуть, вернулся въ баню и сказалъ этому старику, что «поѣзжане пляшутъ вдоль стѣны». Старикъ же повторялъ: «хорошо идетъ, хорошо идетъ, многаго стоитъ дѣлать шкуру!»

Затѣмъ онъ сказалъ мальчику во второй разъ: «пойди, посмотри, что теперь дѣлаютъ въ избѣ поѣзжане?» Мальчикъ пошелъ взглянуть, а они уже на четверенькахъ подошли къ дверямъ. Мальчикъ вернулся въ баню и сказалъ старику, что «поѣзжане на четверенькахъ подходятъ къ дверямъ». Старикъ же повторялъ: «хорошо выходитъ, хорошо выходитъ, многаго стоитъ сдѣлать шкуру!»

Потомъ онъ сказалъ мальчику въ третій разъ: «пойди-ка, посмотри, что теперь дѣлаютъ въ избѣ поѣзжане»! Мальчикъ пошелъ взглянуть, а они уже убѣжали въ лѣсъ. Мальчикъ вернулся въ баню и сказалъ старику: «поѣзжане уже ушли въ лѣсъ»; а старику досталось имѣніе и все добро.

Всѣ поѣзжане (hääväki) убѣжали въ образѣ медвѣдей въ лѣсъ, и изъ женскаго пола вышли (суть, ovat) медвѣди съ кольцомъ на шеѣ. Отсюда ведутъ свое происхожденіе всѣ медвѣди, и ихъ достаточно на вѣчныя времена.

Медвѣдь, лягушка и человѣкъ.

(Фин.).

(Karhu sammakko ja ihminen. Suom. Kansans. I, № 274).

Были три брата. И одинъ пошелъ въ лѣсъ, и изъ него вышелъ (сдѣлался, tuli) медвѣдь. А второй пошелъ въ озеро, и изъ него вышла лягушка. А третій остался дома, и этотъ сдѣлался (tuli) человѣкомъ.

Эстонскіе волки.

(Фин.).

(Viron sudet. Suomol. Kansans I, № 276).

Пошелъ лѣтомъ мужикъ въ лѣсъ пахать на пустоши (halmetta).

Онъ увидѣлъ волка, бродящаго за заборомъ (vahtavan aidan) около пустоши (takana halmeen vieressä); волкъ плакалъ горькими слезами. Мужикъ сжалился надъ нимъ и при помощи заклятій превратилъ этого волка въ человѣка. Потомъ онъ спросилъ его: «чѣмъ ты былъ»? А волкъ сказалъ, что «я былъ заклятъ», что онъ

одинъ изъ тѣхъ эстонскихъ волковъ, въ которыхъ были нѣкогда превращены всѣ поѣзжане (Hohzeitstleute, hääväki).

Затѣмъ онъ разсказалъ, что «Спаситель и Петръ странствовали, крестя и проповѣдуя, и пришли въ одинъ домъ, гдѣ праздновали свадьбу; они просили пищи и крова, но имъ ничего не дали, а Спаситель проклялъ ихъ:—«во имя этого (tähän nimeen) да не выйдете вы впередъ изъ заклятія»! Онъ захлопнулъ двери (pani oven kiinni) и вышелъ.

Потомъ онъ велѣлъ своему спутнику пойти взглянуть, что они тамъ дѣлаютъ; тотъ же сказалъ, что «они пляшутъ вдоль стѣны»! Немного времени спустя, онъ опять сказалъ: «пойди, взгляни, что они тамъ дѣлаютъ!» Онъ же отвѣтилъ: «они воютъ, словно волки!» Еще не много спустя, Спаситель снова посылаетъ Петра: «пойди, взгляни теперь, что они тамъ дѣлаютъ?»

А они были уже волками и всѣ (koko väki), въ видѣ волковъ, бросились въ лѣсъ».

Извѣстенъ еще разсказъ, что гдѣ-то и какъ-то одинъ лѣсникъ (или охотникъ, metsämies) добылъ такого волка, у котораго жена была съ поясомъ и съ мѣднымъ ожерельемъ (oli saanut semmoisen, jolla oli ollut vaimon vyöllinen ja vaskisolki). И было ихъ тамъ много, что въ этихъ мѣстахъ (niissä maissa) до сихъ поръ существуетъ поговорка: «словно волкъ эстонскій».

(Вар.: женщина въ серебрянномъ украшеніи. Поговорка примѣняется, когда кто-нибудь извѣстенъ своей порочностью).

Волкодлаки.

(Фин).

(Ihmissudet Suom. Kansans. I, № 277).

Одинъ человѣкъ отбилъ у другого невѣсту. Тотъ гнѣвался на это и говорилъ, что не можетъ придумать, какъ бы ему отомстить за это. Какъ бы то ни было (mitäs ollakaan), тотъ собрался съиграть свадьбу. Когда собрались свадебные гости, сюда пришелъ какой-то (entinenkin) парень (sulho) съ товарищемъ по пути.

— «Что мнѣ сдѣлать въ отместку имъ?»—спросилъ онъ у товарища.

— «Заставь ихъ плакать и выть!»—сказалъ товарищъ.

— «Ну, взгляни извнѣ (aukosta) внутрь!»—сказалъ онъ снова товарищу.

— «Поѣзжане (Hochzeitsleute) только что принимаются за ѣду!»—сказалъ товарищъ.

Тотъ началъ пѣсню (laulaa laulusen) и спросилъ у товарища:

— «Что они теперь дѣлаютъ?»

— «Они смотрятъ другъ на друга (yhteen katsovat)», говоритъ товарищъ.

Тотъ снова запѣлъ пѣсню и спросилъ: «что они теперь дѣлаютъ?»

— «Они облизываютъ свои руки»,—говоритъ товарищъ.

Тотъ опять запѣлъ пѣсню:—«ну, что они тамъ подѣлываютъ?»

— «Пляшутъ вдоль стѣны», говоритъ товарищъ.

Онъ продолжаетъ пѣть: «а что они подѣлываютъ теперь?»

— «Они взвыли (ulvovat ollitavat)», говоритъ товарищъ.

— «Ну, раскрой двери!»—сказалъ пѣвецъ товарищу. Едва тотъ открылъ двери, какъ всѣ свадебники бросились изъ дверей въ лѣсъ. «Ударь ихъ по заду вѣникомъ, чтобы былъ хвостъ!» сказалъ затѣмъ пѣвецъ (или: «брось имъ въ задъ вѣникъ!»).

Когда второй ударилъ вѣникомъ, поѣзжане обратились въ волковъ, а вѣники въ ихъ хвосты.

Такъ возникъ волкъ, хотя сначала это были полу-люди, такъ какъ они умѣли говорить, какъ умѣютъ люди (niin että taisivat puhuakin, että ihmiset ymmärsi). (Далѣе расказывается, какъ подъ кожей у одного изъ такихъ волковъ были найдены кремень и щепки—tuluksia ja tuppeluksia).

Бѣлка, кукушка и лягушка.

(Фин.).

(Orava, käki ja sammako. Suomolais. kansans. I, № 279).

Бѣлка, кукушка и лягушка возникли изъ трехъ царскихъ дочерей. Одна царская дочь сказала: какъ бы изъ нея вышло такое, къ чему прислушивались бы всѣ люди. Вторая сказала: что бы такое вышло изъ нея, чтобы за нею гонялись всѣ молодые люди. Третья изъ нихъ сказала: что бы изъ нея вышло такое, чтобы на нее дивились всѣ люди.

Изъ старшей вышла кукушка, къ которой прислушиваются всѣ люди. Изъ средней вышла бѣлка, за которой, какъ извѣстно, гоняются всѣ молодые люди. Изъ младшей вышла лягушка, на которую всѣ дивуются.

Кошка.

(Фин.).

(Kissan köyryinen selkä. Suomolais. kansans. I, № 280).

Когда Юмала создалъ человѣка, онъ показалъ его чорту. Чортъ захотѣлъ создать что-нибудь еще болѣе необыкновенное и создалъ мышь. Онъ сейчасъ-же показалъ Юмалѣ свою работу и сказалъ: «я сдѣлалъ прыгуна (kipparin)»! А Юмала сказалъ: «я сдѣлаю драчуна (kopparin)»! Тогда Юмала создалъ кошку и бросилъ ее вслѣдъ за мышью. Чортъ же схватилъ крѣпко кошку за голову и за хвостъ и согнулъ ее (vääntää naverti). Съ этого времени у кошки такъ и осталась согнутая спина.

Кошка.

(Фин.).

(Kissan pöydällä kököttäminen. Suomol. Kansans. I, № 281).

Однажды въ мѣстѣ, гдѣ была свадьба, появилось страшилище (kummitus). Оно вошло въ кругъ танцующихъ (tanjssijain tanssin), бросило на землю мышь и сказало:— «видѣли-ли вы когда-нибудь раньше такого ловкача?» Невѣста сѣла за столъ (huomentuoppipöydän), схватила со стола полотно [1]) (ленъ) (liinan), бросила его на землю и сказала:—«видѣлъ-ли ты когда-нибудь раньше такого хватуна (kaapparia)?» Тогда скатерть обратилась въ кошку и стала ловить мышь. Такъ какъ кошка возникла изъ столовой скатерти, то она охотно сидитъ (пребываетъ, asustaa) на столѣ и съ этого времени убиваетъ мышей.

Лошадь.

(Фин.).

(Hevonen. Suomol. Kansans. I, № 282).

Чортъ пробовалъ, не можетъ-ли и онъ сотворить какое-нибудь созданіе. Для этого онъ взялъ молотилку (sai luvan-Dreschtenne) и создалъ лошадь, но не могъ дать ей дыханія. Онъ раскачивалъ (heilutteli) ее и говорилъ: «славная была бы вещь, если бы Господь далъ душу!» Тогда Юмала далъ ей душу. И вслѣдствіе этой причины она стала служить и помогать людямъ, такъ какъ Юмала далъ ей дыханіе, хотя сначала ее создалъ чортъ.

Свинья.

(Фин.).

(Sian lersa kärsä. Soumol. Kansans. I, № 286).

Когда Юмала сотворилъ свинью, ему случилось со всей поспѣшностью отправиться на пожаръ. Свинья была уже почти совсѣмъ готова: оставалось только докончить.

---

[1]) Т. е. скатерть—pöytäliina (столовый ленъ), какъ далѣе.

Оставалось только сдѣлать ровно столько, чтобы у свиньи была круглая морда (mikä onsian lіereä kärsässä, keskеn), когда онъ отправился на пожаръ. Отсюда вышла поговорка: «у свиньи продолговатая морда потому, что она нѣкогда осталась неконченной» Такъ что неизвѣстно, какой бы она была, если бы была окончена.

Хозяйка Илмолы.

(Фин.).

(Ilmolan emäntä. Suom. Kansans. I, № 292).

Одинъ мальчикъ-нищій пришелъ въ домъ и попросилъ у хозяйки: «сдѣлай мнѣ булку (kakkara)!» Она сдѣлала булку и поставила ее печься въ пасть печи (uunin-kielelle); (булка) взошла высоко. Хозяйка убрала ее и не дала. Мальчикъ - нищій бранилъ ее за это: «почему же ты не дала, разъ обѣщала?» Хозяйка сказала: «ну, я сдѣлаю другую — поменьше».

Она сдѣлала другую (булку) и также поставила ее въ печь печься, но и та также выросла въ большую (булку), и хозяйка убрала ее въ свою кладовую (kassaansa). Мальчикъ сказалъ: «ну, горе (тебѣ), что ты обманула меня и не дала мнѣ (ja et annakaan)». Хозяйка сказала: «ну, теперь эта будетъ тебѣ: будь, что будетъ, изъ этой третьей!»

(Она) сдѣлала третью булку и поставила ее печься въ устье печи, но она обратилась въ ласточку и пустилась летѣть. Она вылетѣла черезъ дымовую дыру на дворъ, хозяйка же хлѣбной ложкой перебила ей хвостъ на двое, и поэтому хвостъ у ласточки раздвоенъ.

И затѣмъ она сѣла на заборный колъ, и запѣла: «хозяйка Илмолы разсѣкла мое платье (hameeni), Іисусъ знаетъ это хорошо (kyllä hywä Ieesus tietää)» (т. е. «да будетъ это вѣдомо Іисусу!»).

Свекровь и невѣстка.

(Фин.).

(Anoppi ja miniä. Suomolais. Kansans. I, № 291).

Одна невѣстка явилась во дворъ, гдѣ была очень злая свекровь.

Сначала эта невѣстка въ залогъ (pantiin) (должна была) ткать полотно. Но эта свекровь вѣчно разрѣзаетъ на двое (ея) полотно, чтобы было очень тяжело ткать; она же сразу соткала все и сдѣлала его готовымъ.

Затѣмъ свекровь послала невѣстку мыть въ избѣ стѣны. Когда она мыла, то свекровь царапала (стѣну) топоромъ, чтобы она вышла совсѣмъ шероховатой, но, несмотря на это, невѣстка сдѣлала стѣну гладкой.

Затѣмъ она послала ее истопить баню. Свекровь же пошла и погасила (дрова), наливши въ печь воды (vettä). Она пошла сказать своей невѣсткѣ: «въ банѣ печь погасла». Та пошла опять и во второй разъ затопила въ банѣ печь. Свекровь же снова налила туда воды (vettä) и пошла сказать: «въ банѣ печь погасла». Невѣстка пошла затопить ее въ третій разъ. Съ такой мукой она все-таки истопила баню и отправилась мыться.

Затѣмъ, вернувшись послѣ мытья въ избу, невѣстка сказала: «я вынесла три трудности: соткала узловатое полотно, вымыла шероховатую стѣну и истопила мокрую баню». Затѣмъ она снова сказала: «пики!» на языкѣ ласточки (pääskysen kielellä) и пустилась въ видѣ ласточки летать по землѣ. Мужъ схватился за край ея рубашки, и поэтому хвостъ ласточки еще до сихъ поръ раздвоенъ.

Ласточка.

(Фин.).

(Miksi ei pääskyä näy talvella? Suomolais Kansans. I № 290).

Ласточка оставалась здѣсь прежде и на зиму. Другія ласточки являлись весною, и эта ласточка вмѣстѣ прилетѣла въ уголъ (nurkalle), и здѣсь они бранились и бол-

тали. И онѣ постановили такой приговоръ, чтобы пусть та, которая начнетъ здѣсь лѣниться, отправляется въ пылающую печь. Съ этихъ поръ ласточки здѣсь не видно зимою.

Ласточка и летучая мышь.
(Фин.).

(Iouhipääsky ja yökkö. Suomolais. Kansans. I, № 289).

Когда сынъ Божій создалъ ласточку, у которой была черная спинка, красный затылокъ и длинныя ножницы (sakset) на хвостѣ, то онъ далъ ей способность летать, и она пѣла и щебетала. Чортъ сказалъ, что и онъ можетъ сдѣлать что-нибудь подобное. Онъ принялся за выдѣлку ласточки, и вышло изъ нея слѣдующее: стали у нея уши длинныя, какъ у крысы, и хвостъ, какъ у... (päästäjäisellä), и были у нея крылья съ кожаными перепонками, и онъ не перемѣнилъ на ногахъ, которыя были теперь крыльями (kuin siipien), сбоку когтей, съ передней и задней стороны, что позволяло ей двигаться взадъ и впередъ. Затѣмъ онъ далъ ей способность летать. Когда онъ совсѣмъ изготовилъ ее, самъ онъ не могъ ей дать только дыханія, и просилъ у сына Божія дыханія для этого существа. Когда онъ далъ ему дыханія, оно бросилось (lähti) летѣть купаться въ тинѣ (rääpeltemään). А затѣмъ онъ проклялъ его: «ты не сможешь выдержать солнечнаго свѣта и (будешь летать) только ночью». И съ этого времени оно не можетъ летать при солнцѣ.

Дневныя и ночныя птицы.
(Фин.).

(Päiwälinnut ja yölinnut. Suomolais. Kansans. I, № 288).

Чортъ и Божій сынъ дѣлали птицъ. Когда сдѣлалъ птицъ сынъ Божій, онѣ сейчасъ же могли летѣть (lähtivät heti lehtoon). Чортъ тоже сдѣлалъ птицу, сшилъ изъ кожи крылья и (придѣлалъ) ей когти. Но такъ какъ чертова птица не летѣла, то чортъ просилъ: «вели моей птицѣ летѣть». Сынъ Божій отвѣтилъ: «пусть твоя птица летаетъ тогда, когда моя птица покоится». И отсюда произошли летучія мыши(?) (yöropponen).

Летучая мышь.

(Iösiivikko Suomol. Kansans. I, № 287).

Большой водяной комаръ (vesi-itikka) поднимается изъ подъ корней съ болота въ то время, когда дерево выворачивается съ корнемъ. Затѣмъ этотъ большой комаръ превращается въ большую, черную, ширококрылую бабочку, а изъ этой затѣмъ выходить летучая мышь. Вотъ почему зимой нигдѣ нельзя увидѣть такой летучей мыши.

А. Погодинъ.

(Продолженіе будетъ).

Духовные стихи.

За здравіе.

Господу помолимъ,
Христа милости попросимъ
За Васильево здоровье,
За весь домъ благодатной,
За вси души хрестіянски.
Спаси, Господи! помилуй,
Самъ Ісусъ Христосъ небёсной,
Мать Пречистая Царица,
Богородица Мать Божья,
Воскрисенье Христово,
Вознесенье Святоё,
Живначальная Тройца,
И со Духомъ со Святымъ,
Свято Нило Сталобенской,
Свѣтъ Варламей Новгородской,
Миколай Чудотворицъ,
Христіянской заступникъ,
Заступай рабовъ, помилуй
Отъ всей скорби, отъ боли
И отъ нужной печали,
Зла лихова чиловѣка,
Отъ невѣрново языка,
При пути и при дорожки,
При чужой дальнóй сторонки,
При ночлегахъ, при спокояхъ,
При святой Бóжей молитвы
И при соборной Божіи церквы!
Родительское благословенье,
Наше нищецко молинье
Стань вамъ Господи на помочь,
Святымъ анделомъ на радось,
Тілесамъ добра здоровья,
Душамъ вѣчное спасенье,
Да на многоё лѣто!

За упокой.

Помяни, Господи:
Всихъ сродцовъ, вашихъ родителей
И отцовъ вашихъ и матирей,
Батюшёкъ кресныихъ
И матирей кресныихъ,
Братьей вашихъ и сестрицъ
И младыихъ младенчиковъ—
Всево роду и поколѣнія!
Упиши ихъ, Господи,
Во грамоты церковныи,
За пристоломъ Господніимъ!
Доведи ихъ, Господи,
До Царства небёснова,
До раю до свѣтлова!
Сотвори имъ, Господи,
Вѣчную паметь.

Записано со словъ слѣпой крестьянки Крестецкаго уѣзда, Лажинской волости, деревни Жарухи, Матрены Матвѣевой.

Сообщилъ М. А. Синозерскій.

Духовный стихъ о св. Алексѣ, человѣкѣ Божьемъ.

Во славномъ городѣ во Рымѣ
При томъ царѣ, при Онуфрѣ,
Тамъ жилъ себѣ славенъ Афимьянъ,
Князь Афимьяней, у иего-же отъ роду дѣтища не бывало.
Великой же славенъ Ефимьянъ князь
Ходилъ во соборну Божью церкву,
Молилсы Богу со слезамъ.
«Свѣтъ Присвята Мать Божья, Богородица!..
Владыко, Христосъ Богъ, Царь небесной!
Ты создай намъ дѣтище единое,
И прими же Ефимьяновы поклоны,
При младости князю на погляженье,
При старыхъ лѣтъ на сбереженье,
При смертной кончины на спомпнъ души»!
Услышалъ Господь его моленье,
Принялъ Ефимьяновы поклоны,
Создалъ Богъ дѣтище единова.
Великой славенъ Ефимьянъ
По Рыму по городу прохождае
И священниковъ въ домъ себѣ призыва.
И священники къ князю въ домъ приходили
И чесну молитву въ доми прочитали,
И младенцу име нарекали,
Нарекли ему имя Олексія,
Олексіёмъ, Божьимъ человѣкомъ,
Во крещеную во вѣру окрестили,
Златой кресъ на ево возложили.
И жилъ Олексій Божей человѣкъ до семи лѣтъ.
Великой славенъ Ефимьянъ
Отдавалъ сына во ученье.
Ему и грамота скоро здаласе,
Онъ скоро читать-писать научилсы,
И еванделье книгу прочитае.
Жилъ Олексѣй, Божей человѣкъ,
До семнадцати лѣтъ до возрбста;
Потомъ Великой Ефимьянъ
Здумалъ младова женити,
Прибралъ ему младую князину.
До Божей церквы приводили,
Подъ злаченымъ вѣнцомъ предстояли,
И единъ чуденъ кресъ цѣловали,
Златымъ перснямъ обручали,
Весь судъ Божей законъ приннмали.
Потомъ пошелъ Олексѣй вонъ съ Божьей церквы
Въ свои бѣлы каменны полаты.
Ну, отецъ съ матерью стрѣчаютъ,
Ево хлѣбомъ солью благословля(ютъ).
Саждали Олексѣя за трапезу
Со младой обручной князиной—
Ему хлѣба-соли воскушати,
Медвяное питье роспивати.
Потомъ вси князья-бояра воскушаю,
И медвяное питье роспиваю,
Одинъ Олексѣй Божей человѣкъ
Хлѣба соли не воскушае,
Медвяное пйтье не роспивае;
Уливаетцы горькіимъ слезамъ,
На Спаса образа взирае.
Стоючи, князь передъ имъ-же прослезилсе.
—«Свѣтъ мое любезно чадо!
Чево ради хлѣба-соли не воскушашь?
Аль я тя младова женилъ же,
Аль моя князина не по мыслу,
Обручная князина не по ндраву?
Аль йиство питье сахарно не по обычью?»
Ну, зашло до второва ночи часу
И выходилъ Олексѣй изъ за трапезы,
Помолилсе онъ Богу со слезамъ,
Ниско поклонилсэ всимъ князьямъ и боярамъ,
У родителя благословенья попросивши.
Повели на ложню шелкову
Со своей младой обручной князиной.
Ложилсе Олексѣй опочивати
Со младой своей обручной князиной на ложню шелковую.
Зашло же до шестова ночи часу;
Ставалъ Олексѣй съ наложни шелковой,
Распоясывалъ шелковъ поесъ,
Скидывалъ подвѣнешное платье съ сибя,
Снималъ златой обручальной персень со правой руки.

— «Свѣтъ, моя любезная князина!
Востань ото сна пробудиси,
Прими мой же шелковъ поесъ
И подвѣнешное платье,
И зла́той обручальной персень—
Положь во скрытно мѣсто!
Пусти меня на богомолье со младости лѣтъ,
Со молодыхъ лѣтъ Богу помолитце!
И сама же ты Господу Богу молисе,
Надъ собой чесь наблюдай же—
Будетъ милось Божья передъ тобою».
Князина уливалась горькіимъ слезамъ.
Олексѣй на слезы не взирае,
Со каменной палаты выступае
На свой на бѣлой дворъ;
И помолилсе онъ Богу со слезамъ—
На вси на четыре стороны.
Съ отцомъ съ матерью позаочно распростилсе.
Олексій къ синему морю прихождае,
И скричалъ господъ корабельшиковъ:
— «Господа корабельшики примите Олексѣя на кора́бли,
Перенесите за синее море,
Ко славному городу Фадесту [1]),
Къ ядинъ святой соборну церковъ!»
Саждалсы Олексѣй на корабли,
На морі погода сильна выступала,
Карапъ за синее море переноситъ.
Олексѣй со корабля выступатъ,
Къ соборной церкви прихожда;
Становилсе по правой руки паперти,
Молилсе онъ Богу со слезамъ,
Земные поклоны выкладае,
Небесную силу прославляе...[2])
И явилась Мать Пресвета Богородица;
Ему гласомъ возгласила:
— «Полно тебѣ, Олексѣй-Божій человѣкъ,
Полно тебѣ Господу Богу молитце:
Замолилъ свою душу во святось;
Ступай навѣдай своихъ родителей, отца съ матерью!
Создамъ я теби бороду сѣдую по поесъ,
Русыи кудри желты по плеча,—
ебя отецъ съ матерью не признаютъ».
Олексій Богу помолилсе,
Со своей кельей распростилсе.
Выходилъ Олексѣй на синее море.
— «Господа корабельшики! примите Олексѣя на карапъ,
Перенесите во славной городъ въ Остафей!»
Сажалсе Олексѣй на корабли;
На синемъ морѣ погода воставала,
Карапъ переноситъ за синее море
Во Рымское царство.
Олексѣй выходилъ со корабля,
Въ самую чесную обѣдню приходилъ во соборну церкву;
Становилсе при паперти при лѣвой руки
Напротивъ нищыя братіи.
Великой князь Ефимьяній
Выходилъ въ соборну церковъ;
Подавалъ по нищей братіи злато и серебро,
Олексѣя поминае. Олексѣй скричалъ:
— «Батюшко, князь Ефимьяней!
Подай милостыню не гля меня старца,
А гля Олексѣя Божья человѣка!»
Потомъ великой князь къ ему назадъ приходилъ,
Доспрашивалъ етова старца:
— «Почему же ты знаешь Олексѣя Божья человѣка?»
— «По томъ знаю Олексѣя Божья человѣка,
Што въ одной кельи мы опочивали,
Мы въ одной соборной церкви Богу молились».
— «Какъ же посланники прохождали
(Говоритъ князь Ефимьянъ)
По городамъ и по границамъ,
По пустынямъ и по пещерамъ посланники походили—
Нигдѣ Олексѣя не находили».
Потомъ великій Ефимьянъ князь
Бралъ за правую руку старца,
Приводилъ къ себи въ каменну полату,
Напоилъ и накормилъ его-же.
— «Свѣтъ мое, любезный старецъ!
Какую-жъ тебѣ милостыню дати:
Злата или серебра?»
— «Не надо мнѣ ни злата, ни серебра—

---

[1]) Фадестъ—Эдесъ.
[2]) Здѣсь пропущено, что Алексѣй, Божій человѣкъ, жилъ нѣсколько лѣтъ въ кельѣ при храмѣ.

Сострой мні-ка на бѣломъ двори келью;
Буду же я Богу молитце
За ваши за старые лѣта и тутъ же и за себя».
Великъ князь Ефимьяней очень тому дѣлу радъ былъ...
Приставилъ ему вѣрную слугу,
А вѣрная слуга йиство-питье съѣдала,
Тарелки, блюда обмывала,
На уголъ же кельи выливала.
Олексѣй на евто не взирае;
Небесную силу прославляе.
Приходитъ предъ послѣднимъ времемъ,
Приказавши слугу, говорилъ слуги:
— «Принеси чернило и перо и лисъ бумаги,—
Не приходи ко мни трои сутки,
Черезъ трои сутки меня навѣдай!»
Потомъ же онъ свое прохожденье списалъ
На рукописанье своей бумаги;
Взялъ въ правую два перста и переставилсе.
Пошелъ демьянъ—ладанъ по всему граду,
По рымскому царству.
Потомъ узнали священсво и патріархъ,
Стали искать святово старца во рымскомъ царствѣ.
Потомъ схватилсе великой князь Ефимьяней
Любезнаго старца своево,
Посылаетъ вѣрную слугу:
— «Вѣрная слуга! Поди, сходи, навѣдай старца:
Не переставивши-ль старецъ у насъ!»
Онъ, сходивши, старца навѣдалъ
И преставивши увидалъ.
Приходилъ къ князю Ефимьяну и говори:
— «Переставивши у насъ старецъ—
У ево въ правой руки бумага».
Священсво и патріархи приходили,
Молебенъ служили со слезамъ,
Обращали ево, штобъ бумага здаласе.
Нехто не могъ взять бумаги отъ ево съ руки
Окромѣ своево родителя, великово князя Офимьяна [1]).
Наложилъ онъ правую руку на ево рукописанье—
Здалось ему рукописанье.
Прочитали рукописанье и узнали Олексѣя,
Што есть Олексѣй Божей человѣкъ.
Ну, ево жена, схвативши, пошла въ сундуки.
Посмотрѣла евоно подвѣнешное платье и шелковъ поесъ.
Шелковъ поесъ распустивше и златой персень распаявше...
Тогда же схвативше и узнавше Олексѣя Божья человѣка—[2])
—«Свѣтъ, мое любезное чадо, Олексѣй Божей человѣкъ!
Чего-жъ тогда же не признался,
Покуда въ живности себя былъ».

Записанъ со словъ слѣпца—крестьянина села Бѣлаго, Боровичскаго уѣзда, Ивана Өедорова.

Сообщилъ М. А. Синозерскій.

---

[1]) По житію рукописанье «здалосе» не родителю Алексѣя, Божьяго человѣка, а епископу.
[2]) Пропускъ—Евоиміанъ говоритъ.

Малорусскія сказки и байки изъ Галичины [1]).

1. Про вовка.

Якъ ще Ісусъ Христосъ по свѣтѣ ходивъ, прыйшовъ до него вовкъ и каже: Господи! позволь менѣ хочь покушати людского мяса, бо я якъ жїю, то еще нѣколи не ѣвъ. А Господь каже: О нехай тобѣ не захочуеть-ся людского мяса, бо людске мясо дуже гôрке! Но коли вовкъ зачавъ просити, позволивъ ему Господь але пôдъ такою умовою, щобы не зачѣпавъ нѣ старого, нѣ малого, но тôлько въ середнôмъ вѣцѣ. Заразъ того самого дня пôйшовъ вовкъ до лѣса, сѣвъ надъ дорогою тай чатуе. А тогды того самого дня бувъ въ селѣ за лѣсомъ праздникъ, и люде изъ сусѣдного села йшли на той праздникъ, черезъ лѣсъ. Сидитъ вовкъ сидитъ, ажь тутъ йде невеличкій хлопчина, тай вовкъ питае его. А що ты за оденъ? А — каже хлопчина—я ще за штыри (4), за пять лѣтъ то буду парубокъ. Вовкъ: Но то йди собѣ зъ Богомъ, я на кого иншого чекаю. Не за-довго йде дѣдъ, но вовкъ видитъ зъ далека, що то нетакій якъ ему Богъ позволивъ, але таки питае: А що ты за оденъ? Дѣдъ каже: Та я е старый дѣдъ. Вовкъ: Но то йди собѣ зъ Богомъ, я на кого иншого чекаю. Якъ но дѣдъ вôдôйшовъ, находитъ человѣкъ середнёго вѣку, а вовкъ видитъ, що то такый, якого Господь позволивъ ему зѣсты и ще зъ далека «острытъ зубы». Якъ чоловѣкъ дôйшовъ до вовка, вовкъ спинивъ его и каже: А що ты за оденъ человѣче? Таже видишь—каже чоловѣкъ—же я анѣ е хлопець, анѣ дѣдъ, но е середного вѣку. Вовкъ: Ага то-то тебе позволивъ менѣ Богъ зѣсты. Чоловѣкъ: Но то нехай уже буде и такъ, але позволь менѣ ще передъ свею смертію пойти въ корчѣ, тамъ е криниця, умитися. Вовкъ: Но то йди та ты вже вôдъ мене не втѣчешь. Пôйшовъ чоловѣкъ въ корчѣ, вирѣзавъ замашисту палку, взявъ пôдъ полу, приходитъ до вовка, и проситъ, щобы ще ему позволивъ хвостомъ втертися. Вовкъ позволивъ. Чоловѣкъ зôгнувъ ся до хвоста буцѣмъ втератися, взявъ хвостъ, обкрутивъ довкола, руки добувъ зъ пôдъ поли палюгу, якъ зачне вовка бити и такъ его збивъ, що ледво ще трошки вовкъ дихавъ и такъ збитого покинувъ, а самъ пôйшовъ, куди мавъ йти. Вовкъ вôдсапнувъши и очунявщи троха, полѣзъ глядѣти за Христомъ, а здибавши въ однôмъ селѣ подякувавъ за тое, що его Господь остерѣгавъ и сказавъ: доки буду живъ, не хочу бôльше кушати, бо волѣв бымъ покушати трутизни, якъ людского мяса, таке оно гôрке.

---

[1]) Сохраняемъ правописаніе подлинника: кулишовка очень многими въ Галичинѣ и Буковинѣ не любима. Для лингвистики она также неудовлетворительна и вообще едва ли не нужна лишь для показу, что малорусское нарѣчіе очень далеко отъ русскаго литературнаго языка (московскаго или россійскаго—у Поляковъ). Если бъ и мы, великоруссы, приняли кулишовку т. е. фонетическое правописаніе и стали писать по вологодски, по костромски, по рязански и т. д., то и мы подъ конецъ перестали бы вовсе понимать другъ друга, особенно, если, слѣдуя примѣру малорусскихъ писателей (преимущественно галицкихъ) стали бы въ каждомъ уѣздѣ ковать свои слова и придумывать новые термины.— Въ исполненіе современныхъ требованій этнографическихъ нужно бы было напечатать имена сообщившихъ и записавшихъ эти галицкія сказки и байки, но очень старыя и къ несчастью все еще современныя этнографическія условія русской Галичины не позволяютъ редакціи исполнить это требованіе этнографической науки: дѣло мало выиграетъ, а напечатаніе именъ нашихъ сотрудниковъ галичанъ навлекло бы имъ только непріятности отъ... начальства очень по этой части бдительнаго и многочисленнаго. *Ред.*

2. Сказка про старого шевця.

Вувъ собѣ бѣдный швець, а чого бѣдный? бо не здужавъ робнти. Вôнъ якъ бувъ молодшій, то не дуже зле мавъ ся, бо не лѣнувавъ ся робити, але если ему що зôстало зъ видатковъ пропавъ, и про те не могъ собѣ на старость гроша зложити. Тожь вôнъ на старôсть бѣдувавъ гôрко. Одного разу сѣвъ вôнъ собѣ тай ѣсть щось-тамъ, що ему дала господиня за те, що вонъ колись ей направивъ чобота. Ѣсть вôнъ таки здаетъ ся молоко, тай капнуло зъ ложки на стôлъ, а же то було лѣто тожь заразъ поприлѣтали мухи и хотѣли ще они собѣ при нему наѣсти ся. Але не довго они жирували, бо якъ но швець зовидѣвъ, заразъ ихъ всѣхъ положивъ трупомъ. Коли вже побивъ швець мухи, взявъ зъ цѣкавости и порахувавъ, кôлько ихъ е. Всѣхъ було 12. Ага подумавъ собѣ: то я ще моцирый (сильный), коли я однимъ замахомъ дванайцять душъ забивъ. И съ тою думкою пôйшовъ до маляра, щобы ему намалювавъ таблицю зъ такымъ написомъ, що вôнъ забивъ за однымъ замахомъ 12 душъ. Маляръ намалювавъ, а же они були собѣ приятелѣ и не разъ ходили на «забâвку» до коршмы, не взявъ вôдъ него жаднои заплати. Швець взявъ ту таблицю, причепивъ до плечый и пôйшовъ въ лѣсъ, тамъ въ лѣсѣ лѣгъ собѣ ниць и заснувъ. Спитъ вôнъ ажь тутъ бѣжить—не при хатѣ споминаючи—чортъ, тай зôбачивши чоловѣка, спинивъ-ся и дивитъ-ся, що то е написано на таблицѣ, и якъ перечитавъ, що той чоловѣкъ забивъ 12 душъ, дуже утѣшивъ-ся, сѣвъ собѣ тай чекае, коли той чоловѣкъ пробудиться, бо боявъ-ся его будити. Якъ швець пробудивъ-ся, чортъ питае: То вы забили наразъ 12 душъ? Швець: Забивъ. Чортъ: но то ходѣть за мною, намъ теперъ такого чоловѣка треба. Швець пôйшовъ и пôйшовъ за чортомъ ажь до пекла, але въ пекло не йшовъ, но замешкавъ въ хатинѣ коло пекла. Отъ добре шевцеви, бо добре даютъ ѣсти и всѣ его слухаютъ и боятся. Але одного разу не стало въ пеклѣ дровъ и казали ему чорти, щобы и вонъ йшовъ по дрова.

Вонъ не-надумовавъ-ся довго, но пôйшовъ, прыйшовши до лѣса, чорти взяли оденъ одну, другый другу сосну, вирвавъ зъ корѣнемъ тай понесли. Но швець такъ не робитъ, бо не здужае, але того не каже, но ходитъ по лѣсѣ и дере по липахъ лика. Отъ и другій разъ прыйшли чорти по дрова тай питаютъ шевця: на-що ты дирешь ти лика? Швець: А та я якъ обведу той цѣлый лѣсъ ликами, то за однымъ разомъ цѣлый лѣсъ заберу, божь мислишь, буду такъ, якъ ты, по однôй соснѣ носивъ. Чорты кажуть: Отъ лѣпше зробишь, йди назадъ до свеи хати, а мы возьмемъ ще по одной соснѣ, бо бôльше намъ не треба. Швець радый покинувъ лика и пôйшовъ до хатини. Отъ сидѣвъ вôнъ такъ кôлька день спокойно, але одного разу зновъ кажутъ йти по воду зъ шкôраними мѣшками. Вôнъ, взявши порожнѣ мѣшки, нѣсъ ихъ трохи, але були тяжки, каже до одного дѣдька (чорта): Возьми ти мѣшки тай неси, що я буду таке легеньке нѣсъ. Чортъ взявъ. Прыйшли до ставку чорти, понабирали повни мѣшки води, такъ що ледво понесли, а швець взявъ собѣ городникъ (рыскаль) и мотику тай дзёбае, а чорти, прыйшовши другій разъ по воду, питаютъ, що вôнъ робитъ, а вôнъ каже: Я якъ продзёбаю рôвчикъ, то всю воду спущу на разъ. Гей змилуйся — просятъ чорты — не роби того бо ты намъ цѣле пекло погасишь, то ми якъ потôмъ розложимо такій великій огонь, и кажутъ: йди ми, тобѣ заплатымо, кôлько схочешь и абысь собѣ йшовъ до дому. Прыйшовъ швець, дали ему чорти повный мѣшокъ грошей и казали ему йти зъ грошми до дому, но швець хтѣвъ, щобы ему що чорти занесли, и сказавъ: якъ не занесутъ, то вôнъ цѣле пекло затопитъ, чорти пристали вôдôслати ему грошѣ. И таки заразъ взявъ оденъ чортъ той мѣшокъ грошей и несе за шевцемъ, а йшли они черезъ лѣсъ, тамъ була яблоня, тожь вони стали ти яблока рвати, чортъ пригнувъ вершокъ тай каже до шевця: потремайно, я поставлю мѣшокъ, то будемъ рвати, швець взявъ за вершокъ тай тримае, але якъ но чортъ пустивъ, яблоня випростила-ся, а же швець добре тримавъ-ся, тожь и шевця за собою понесла и вôдкинула на другій бôкъ, на кôль-

жонайцять сяженѣвъ, а швець якъ падавъ, впавъ саме на спящого зайця и такъ его щôлно (крѣпко) вхопивъ, що вôнъ не мôгъ видертися, и швець взявъ того зайця и несе до чорта тай каже: Дивися, я якъ завидѣвъ зайця, то безъ яблоню перескочивъ, а таки его злапавъ. Чортъ повѣривъ тому, нарвали яблокъ и йдутъ дальше. Идутъ, тай вже чортъ не хоче нести и каже: теперъ або бери собѣ грошѣ и йди до дому, а якъ не то, будемъ пробоватися. Швець злякавъся трохи, але якъ-бы на его щасте лежавъ камѣнь, а вонъ и каже: Якъ ты возмешь того камѣня пôдъ пахву и такъ потиснешь, щобы ажь юшка потекла, то я самъ грошѣ занесу до дому, а якъ не то, ты мусишь занести. Чортъ взявъ камѣнь пôдъ пахву, душитъ, душитъ, не тече юшка, тай каже: а но ты потисни, що-бы ажь юшка потекла. Швець взявъ камень пôдъ пахву, — а мавъ вôнъ за пазухою невôздушаный сыръ — тай якъ потисне, такъ и юшка заразъ потекла. Тогды чортъ вже не спиравъ-ся, но занѣсъ шевцевы грошѣ, де швець хотѣвъ.

Також якъ розказують, то додають:

Той щвець ще доси жїе и зновъ мае зъ чимъ ходити на «забавку» зъ маляремъ. Навѣть менѣ одного разу, якимъ ся зъ нимъ здибавъ, купивъ кôлька «гальбôвъ» пива. (Бо у насъ Богу дяковати мало може зо 4 пютъ горѣлку).

Разказувавъ парубокъ зъ сусѣдь села.

3. Сказка за одного польского ксендза и органистого.

Въ одномъ селѣ бувъ богатый польскій ксёндзъ, органистый-же бувъ бѣдный, а мавъ цѣлу купу дѣтей и не мавъ ихъ чимъ годувати, а въ ксёндза було въ кучѣ два вепрѣ, отже вôнъ хтѣвъ ихъ кôнче достати и видумавъ таку штуку: казавъ ковалеви зробити два цвяхи, и якъ коваль зробивъ, вôнъ взявъ и въ нôчи пôйшовъ до кучѣ, де ти вепрѣ були и позабивавъ имъ обомъ въ уха по одному цвяхови, а самъ забравъ-ся и пôшовъ до дому. Вепрѣ зачали дуже квичати и дертыся по стѣнахъ такъ що ажь побудили всѣхъ. Ксёндзъ іакъ прыйшовъ и подививъ-ся, казавъ прикликати органистого и порадити ся, що тутъ зъ ними зробити, бо оны певне показилися. Органистый іакъ прыйшовъ и подививъ ся, потакнувъ также, що показили ся. Ксёндзъ: Щожь зъ ными зробити? Орг.: Но та треба побити. Ксёндзъ: То возьмѣть и побийте ихъ, и органистый забравъ тай побивъ и сказавъ ксёндзови такъ: Я возьму голови поодрубую, а ми теперь однаково не маемо, що давати дѣтямъ ѣсти, то они и таке зѣдять. Ксёндзъ сказавъ: Возьмѣть ихъ и де хочете подѣйте. Взявъ орг., зъ своею жѣнкою висунули пôдъ лѣсокъ, що не далеко стоявъ, осмалили, розôбрали, насолили и посклададали въ дѣжку, Отъ вже маютъ мясо, но ще не маютъ хлѣба, але незадолго трафилася способôность и того придбати. А то такъ було: мудра ксёндзова ключниця догадалась, що въ томъ дѣлѣ зъ веприками мусѣла бути іакась штука, бо гдежь-бы могли веприки такъ раптомъ и разомъ заслабнути и сказала ксёндзови, щобы вôнъ выѣхавъ будьто въ гостину на кôлька день, а ею щобы замкнувъ въ шафѣ, то она конче пôдслухая и вислѣдитъ, и щобы сказавъ органистови, аби бувъ тутъ въ тôмъ покою и щобы пильнувавъ господарства. Ксёндзъ текъ зробивъ, ключныця набрала ѣдла до шафи на кôлька день, влѣзла до шафи и ею ксёндзъ замкнувъ, зобравъ-ся собѣ и поѣхавъ, а органистова наказавъ, щобы бувъ завше въ тôмъ покою, щобы пропалювавъ и щобы доглядавъ всёго, бо ключницѣ нема въ дому, она пôйшла собѣ також до своихъ своякôвъ. Якъ-но ксёндзъ поѣхавъ, прыйшла и жѣнка органистаго попорала, позамѣтала, пропалила и якъ все поробила, сѣла собѣ тай нагадала ти веприки, тай питае органистаго якъ ты зробивъ, що вони такъ якъ-бы показилися? А орган. каже: Такъ я казавимъ ковалеви зробити два цвяхи, и я ти цвяхи позабивавъ имъ въ уха и видишь, якъ-бы не тое, мусѣлибисьмо зъ голоду погинути. А ключниця въ шафѣ якъ те почула тай гримае въ дверѣ и крычитъ: Чекай, я тобѣ простелю дорогу!

Органистый остовпѣвъ зô страху, но и не надумовавъ-ся довго, прыступивъ до шафи и хтѣвъ вôдчинити (вôдомкнути), но завидѣвъ, що шафа була зачиняна (замкнена) тожь, вôнъ вôдсуновъ шафу вôдъ стѣни, вôдорвавъ одну дошку и задушивъ ключницю, а щобы на него не було пôдозрѣнія, впхавъ ей въ ротъ каваловъ кобаси, будьто она задавилася, прибивъ дошку на свое мѣстце и присунувъ шафу знову до стѣни. Ажь щось за два дни приѣхавъ ксёндзъ, вôдомкнувъ шафу и ажь злякавъ-ся, зовидѣвши задавляну бабу, приклинавъ органистого, сказавъ: що хочь дамъ тобѣ, але возьми осьту бабу, бо она задавилася, занеси де и закопай. Органистый взявъ бабу на плечи и занѣсъ въ свои сутки (якъ сходить-ся два будинки, а межи будинками есть еще мѣстце, то те мѣстце називають сутки). Потôмъ заплативъ ему ксёндзъ грôшми и давъ ему пшеницѣ и гороху. О вже менѣ добре, подумавъ собѣ органистый: вже маю и грошѣ и пшеницю на булки и мясо и горохъ, но ще не маю капусти до гороху, мушу я и того еще дôстати. А було то въ осени, саме якъ ще не рубани капусти були. Одного вечера занѣсъ орган. бабу въ богачеву капусту, посадивъ ею, давъ въ руку нôжь и сидить вона такъ, але смеркомъ прыйшовъ господаръ подивитися до капусти, чи хто не рубае, дивитъ ся: сидить хтось и рубае капусту; вôнъ тыхцемъ пôдôйшовъ зъ-за плечый, якъ якъ тарахне бабу біякомъ, котрый при собѣ мавъ, тай баба но мелькъ тай перекинулася, тогды вôнъ приглядаетъ ся, хто то такый и якъ пôзнавъ, що то кс. ключниця, дуже злякавъ ся и побѣгъ хутенько до органистого, якъ-же до бѣдного а доброго чоловѣка, радити ся, що зъ тымъ зробити, бо вôнъ кс. ключницю въ капустѣ забивъ. Орган. его порадивъ, що если вôнъ ему дасть десять кôпъ капусти, то вôнъ все те покрие. Господаръ давъ ему не тôлько капусти, но и жита й всякого доброго. Тогды органистый взявъ бабу и знову занѣсъ въ свои сутки, бо хтѣвъ ще ксёндза настрахати, що ему и удалося. А то такимъ способомъ: Той кс. любивъ ѣздити верхомъ на «спацеръ», тожь одного разу закликавъ органистого, щобы ему осѣдлавъ кобылу, бô вонъ хоче поѣхати на спацеръ. Органистый осѣдлавъ кобилу, привѣвъ передъ ганокъ, ксёндзъ всѣвъ тай помаленьку поѣхавъ. А бувъ въ ксёндза лошакъ одъ тей кобили, тожь орган. принѣсъ бабу, висадивъ на лошака, привязавъ добре, щобъ не упала, давъ въ руку палку и такъ пустивъ лошака зô стайнѣ. Лошакъ звикъ за кобилою бѣгати, тожь и тенерь побѣгъ, ксёндзъ якъ оглянувъ ся и зовидѣвъ, що ключниця за нимъ ѣде, завернувъ кобилу до дому, прыѣхавши переляканный до фôртки, скочивъ и чимъ борше втѣкъ до покою и навѣтъ носа не показуе на двôръ. Тымчасомъ орган. взявъ сѣдло зъ кобили, положивъ на свое мѣстце, а зъ лошака бабу, и спрятавъ ее знову, а въ ночи занѣсъ на цвинтаръ и закопавъ. Кличе ксёндзъ органистого и радитъ ся, що съ тымъ зробити, що баба ходить. А орган. каже: Та она вамъ була вѣрна и добра, тожь ви повинни за ню поминки справити. Ксёндзъ: То добре радите, бо она таки вартъ, щобъ за ню поминки справити. И розписавъ по ксёндзахъ, щобъ зъѣздили-ся, бо того и того дня хочу поминки справляти. И були гучни поминки.

И еще додають: А и я тамъ бувъ, ѣвъ и пивъ, и сухо въ горлѣ було, и нарештѣ взяли мене и набили мною гармату и вистрѣлили, и я прилетѣвъ и вамъ то розказую.

4. Сказка про чарôвныка.

Въ селѣ, не знаю якъ звалось, жило двое бѣдныхъ людей, чоловѣкъ и жѣнка и мали сына, отже же були бѣдни, то якъ наставъ голодъ, дуже тяжко приходило имъ вижививити ся. Хлопцеви було около десяти лѣтъ. И якъ вже имъ ажь занадто голодъ докучивъ, порадили ся межи собою и урадили, що-бы продати хлопця, а за ти грошѣ купити живности, бо уже приходитъ зъ голоду умерти. Найблизшого іармарку взявъ чоловѣкъ хлопця и веде до мѣста продавати. Идутъ здибають. Ѣде якыйсь панъ, а то бувъ чарôвныкъ, и ставъ тай питае того чоловѣка: Чоловѣче, де ви ведете того хлопця? Но чоловѣкъ, боячи ся пана, не сказавъ, що вôнъ веде его продавати, но каже:

Прошу пана, веду можебы кто взявъ на службу. Добре—каже панъ—менѣ теперъ треба такого хлопця, дайте его до мене, а за рôкъ приходьте по заплату. Взявъ хлопця на бричку (вôзокъ), тай поѣхавъ, а чоловѣкъ вернувъ ся тай прыйшовъ до дому, а жѣнка заразъ и питае чи шматъ (богато) грошей взявъ за хлопця, а чоловѣкъ каже: же ѣхавъ якійсь панъ тай взявъ хлопця на службу и казавъ за рôкъ приходити по заплату, а я и забувъ спитати ся, де вôнъ сидитъ (мешка). Жѣнка зачала сварити на него, чого вôнъ такый дурный, що и хлопця и грошей не ма. Але вже все пропало. Отъ якось они перекапарѣли рôкъ, тай вже якъ прыйшовъ той день, въ котрой вôнъ тому рôкъ давъ панови хлопця на службу, йде по заплату, йде и не знае, куды йти, йде тою самою дорогою, куди той панъ поѣхавъ и дôйшовъ ажъ до лѣса, тамъ здибае якуюсь старушку, а вона и питае: А де вы йдете! Чоловѣкъ: Йду по заплату до пана, нынѣ рôкъ якъ взявъ якійсь панъ мого сына, але я не знаю, де той панъ сидитъ. Старушка: Я знаю де вôнъ сидитъ, бо я тамъ була,—и розказуе—якъ будете йти безъ (черезъ) лѣсъ, то буде двѣ дороги, ви йдѣть на праву, тамъ буде фôльварокъ, а въ томъ фôльварку е вашъ сынъ, и вôнъ теперь е голубомъ, то абисьте добре уважали, бо тамъ е шматъ голубôвъ—якъ ви на него подивитеся, то вôнъ рухне крыломъ. И такъ еще разъ напôмнувши пôйшла. Иде чоловѣкъ дальше е двѣ дороги, вôнъ пôйшовъ на праву и зайшовъ на фôльварокъ, а тамъ той самъ панъ е, що въ него взявъ хлопця, тай питае: А що ви скажете, ви певно прыйшли по хлопця? Ходѣтъ и пôзнавайте. Прывѣвъ его до шопи, на шопѣ сидѣло кôльканайцять голубѣвъ, тай каже панъ: но добре пôзнавайте, бо якъ не пôзнайете, то пропавъ вашъ сынъ. Чоловѣкъ дивить ся по голубахъ, тай оденъ рухнувъ крыломъ, вôнъ показавъ на того голуба, що то его сынъ. Панъ: злѣзай! голубъ злетѣвъ зъ стрѣхи и зробивъ ся хлопцемъ. Панъ: Нати (маете) 50 реньскихъ, а хлопця зоставте ще на рôкъ. Чоловѣкъ взявъ грошѣ, а сынъ зôставъ еще служити. Отъ вже имъ лѣпше жиеть ся, вже маютъ за що живиости купити, тожь они тѣшать ся и дякують Богу. Часъ не стоитъ на мѣстци: вже минае другій рôкъ, якъ хлопецъ въ службѣ и вже треба йти зновъ по грошѣ. Той разъ вже чоловѣкъ, знаючи, куди йти, пойшôвъ, и въ тôмъ самѣмъ мѣстци здибае ту саму старушку, а она зновъ питае: Де ви йдете? Чоловѣкъ: Йду по сына. Старушка: Вашъ сынъ теперъ е псомъ, а же тамъ е три пси, то абисьте добре уважали, бо якъ будете пôзнавати, то вôнъ мордою мругне. Чоловѣкъ, прыйшовши до фôльварку, бачитъ, якъ три однековихъ пси гонять, а панъ ходитъ по подвѣрю и, завидѣвши чоловѣка, закликавъ пси до себе и казавъ пôзнавати, бо оденъ изъ нихъ е его сынъ, но добре пôзнавайте, бо якъ нѣ, то пропавъ сынъ. Чоловѣкъ дивиться то на того, то на того, але оденъ мордою мругнувъ, и вôнъ показавъ на того пса, що то его сынъ. Панъ: Вилѣзай зъ собачой шкôри. И заразъ зробивъ ся зъ пса такъ-вже теньгый хлопчакъ. Панъ: Нате сто реньскихъ, а свого сына зôставте ще на оденъ рôкъ служити. Чоловѣкъ взявъ грошѣ, подяковавъ, и пôйшовъ до дому. Той третый рôкъ ще лекше имъ було. Перше якъ були голодни, то здавало ся имъ, що оденъ день такъ якъ рôкъ довгій, а теперъ то вже рôкъ бувъ, якъ-бы оденъ день. Отъ вже минувъ третый рôкъ, и чоловѣкъ йде по сына. Идучи зновъ здибае ту саму старушку, а вона ему каже: Вашъ сынъ е теперь конемъ и якъ будете пôзнавати, то вôнъ вухомъ стрыгне. Чоловѣкъ, прыйшовъши до фôльварку, дивится, а тамъ такыхъ тры теньгихъ коней гонять, а панъ но щось сказавъ, тай они заразъ коло него упинилися. Панъ: Пôзнавай котро твôй сынъ! И коли чоловѣкъ зовидѣвъ, же оденъ кôнь вухомъ стрыгнувъ, показавъ, що то той е его сынъ. Панъ: Вылѣзай зъ кôньской шкôры! Тай заразъ передъ ними ставъ вже теньгый парубокъ. Панъ: теперъ вже вамъ нѣцъ не буду платывъ, но вже вамъ вôддамъ вашого сына. А до сына сказавъ: памятай, абысь на передъ мене не ѣхавъ! Чоловѣкъ взявъ сына и пôйшли до дому.

Мати дуже утѣшила ся, коли зовидѣла сына, що вôнъ вже такій великій и дужій, що вже буде кому помагати заробляти на хлѣбъ и що вже имъ лѣпше буде. Якось не задовго бувъ въ мѣстѣ сусѣднôмъ ярмарокъ. Сынъ каже: Ходѣмъ, тату, на ярмарокъ. Чоловѣкъ: Невидавись йти—и додавъ—зъ ярмарку нѣколи грошей не прине-

сешь, но хиба занесешь, въ насъ, Богу дяковати, е ще все, не потребуемо нѣчого куповати. Но сынъ таки наперъ-ся, щобы нôнче йти. Чоловѣкъ: Коли такъ наперсясь, то йдѣмъ, и пôйшли, идутъ, тай сынъ каже: Такъ, тату, я зроблю ся псомъ, а тутъ буде ѣхавъ панъ и тогди, якъ буде ѣхавъ, вибѣжитъ зъ корчѣвъ заець, и я его злапаю, а панъ схоче, щобы ви ему мене продали, то ви мене продайте, але инакше нѣ, якъ за 50 реньскихъ, бо якъ нѣ, то я пропавъ. И пôйшовъ въ лѣсъ, видеръ зъ якогось дерева лика, виперезавъ ся тай зробивъ ся псомъ. Ѣде панъ, ажь тутъ зъ корчѣвъ вибѣгъ заець, песъ скочивъ и въ кôлькохъ крокахъ здôгнавъ и злапавъ зайця и принѣсъ до чоловѣка. Панъ, зовидѣвши такого спритного пса, якый бы ему не разъ придався до полювання (ловôвъ), зачавъ торгувати и коли чоловѣкъ не хтѣвъ инакше продати, якъ за 50 реньскыхъ, давъ грошѣ, взявъ пса на фѣру тай поѣхавъ, ѣде, ажь тутъ зъ корчѣвъ вибѣгъ зновъ заець, панъ закимъ пустивъ пса, заець побѣгъ въ корчѣ, песь собѣ въ корчѣ тай тамъ перервавъ лико и ставъ ся зновъ чоловѣкъ, здоганяе батька тай каже: втѣкаймо до дому, бо якъ панъ вернетъ ся и здожене, то видере грошѣ. Чоловѣкъ завернувъ ся назадъ и пойшли хутко до дому. Отъ перебули двѣ недѣли и зновъ наспѣвъ ярмарокъ. Сынъ каже: Тату, ходѣмъ на ярмарокъ. Чоловѣкъ не хтѣвъ ити, но коли сынъ наперся, пôйшли. Коли йшли, сынъ каже: я теперъ зроблю ся воломъ, а ви мене продайте жидамъ, але таньше не продайте, якъ за сотку, и абисьте не пили могоричу, бо якъ нѣ, то я пропавъ. Пôйшли въ лѣсъ, видеръ сынъ зновъ зъ якогось дерева лика, вперезавъ ся и ставъ воломъ. Веде чоловѣкъ вола въ мѣсто, жиди обступили и торгують, той дае тôлько, а той бôльше, а на рештѣ згодили рѣзники и дали сто реньскихъ, а же той вôлъ бувъ дуже теньгый и еще больше вартъ бувъ, тожь жиди хтѣли ще чоловѣка впоити и кликали на могоричь, чоловѣкъ не хтѣвъ ити, но, взявши грошѣ, пôйшовъ хутенько до дому. Жиди взяли вола и попровадили рѣзати. Але тамъ було бôльше волôвъ, и его поставили межи ними. Вôнъ-коли жиди вôдôйшли на бокъ—перервавъ лико и зновъ ставъ чоловѣкомъ. Коли жиди прыйшли и зовидѣли що вола не ма, наробили крику, но и крикъ не помôгъ и вôлъ пропавъ, а сынъ пôйшовъ спокойно до дому. Третого ярмарку, якъ сынъ казавъ до батька, щобы йшовъ на ярмарокъ, вже охотно йшовъ, а сынъ каже зновъ: я теперъ зроблюся конемъ, але якъ будете продавати, то инакше нѣ, якъ за тысячу реньскыхъ и то безъ обрутини (уздечки, трензельки). Пôйшовъ въ лѣсъ, видеръ лика, вперезавъ ся и ставъ конемъ, тай каже: всѣдайте тату на мене. Ай коли я боюся,—каже батько, але таки всѣвъ. Сынъ (кôнь) каже: я буду скакавъ. Ой не скачи! проситъ чоловѣкъ. Сынъ зновъ каже, щобы не боявъ ся, бо якъ не буду скакавъ, то нѣхто не схоче тôлько грошей дати, а я хочь буду скакавъ, то вамъ нѣцъ ся не стане, и вже до мѣста доѣжджавъ, скачучи; якъ но въѣхавъ въ мѣсто, заразъ обступили купцѣ и торгували, ажь тутъ ѣде якїйсь панъ генералъ въ мѣсто и кричитъ, щобы нѣхто того коня неваживъ ся куповати. Тай тогды шепче конь до батька. Ой не продайте мене ему, бо я пропаду, бодай за менше продайте, але кому иншому, але и якъ вже будете ему продавати, щобы не продалисте зъ уздочкою, бо то той самый, що я въ него бувъ, а вôнъ менѣ казавъ, щобы я напередъ него не ѣхавъ, то значитъ: щобы я бôльше чародѣйства не вживавъ, якъ вôнъ, а теперъ я его розказъ переступивъ, а вôнъ мене мусить купити. Прыѣжджае панъ генералъ, тай дае тысячу реньскыхъ, але каже, щобы ему давъ коня зъ уздечкою, но чоловѣкъ не хтѣвъ дати, давъ панъ другу тысячу за уздочку, а коли чоловѣкъ не хтѣвъ дати, панъ прикликавъ судъ, и присудили, щобы вôддавъ коня зъ уздечкою, а чоловѣкъ радъ не радъ мусѣвъ вôддати зо всѣмъ, чоловѣкъ сумный пôйшовъ до дому, а панъ, взявши коня, поѣхавъ заразъ до коваля, щобы зробивъ подкови для коня, а щобы важили по пôвтора цетнара. Коваль казавъ заразъ челядникамъ, щобы робили, а пана просивъ до кузнѣ. Панъ прыйшовъ, сѣвъ тай все поглядае безъ вôконце, чи кôнь стоитъ.

Ковалева дѣвчина, зовидѣвши такого коня, прыйшла близше и зачала приглядатися на коня, якъ также на красне сѣдло. А кôнь каже до неи: Дѣвчино, попусти менѣ гурта. Дѣвчина злякалася, бо нѣколи не чула, щобы звѣря говорило, но кôнь другїй разъ повторивъ свою просьбу и сказавъ щобы не боялася. Тогды дѣвчина приступила

до коня и попустила гурта. А кôнь въ тôй хвили зробивъ-ся голубомъ тай въ гору, а панъ якъ завидѣвъ тай хутко вибѣгъ на двôръ, зробивъся кобцемъ тай пустивъся за голубомъ и вже мало не злапавъ, но голубъ, зовидѣвъши, що не втѣче и що дѣвчипа йде до хати, зробивъся перстенемъ и впавъ передъ дѣвчину. Дѣвчина хутко вхопила и побѣгла до хати и тѣшиться, що знайшла такого файного (красного) перстеня. А кобець знову зробивъся паномъ, прыйшовъ до хаты и сказавъ, що вôнъ хоче того перстеня, що дѣвчина знайшла купити. А перстень шепче до дѣвчини, щобы не продавала, то вôнъ ей ще бôльше дасть, нѣжь бы той панъ давъ, и каже: плачь, а якбы панъ кôнче хтѣвъ купити, то, якъ будешь ему мене давати, пусти, буцѣмъ зъ жалю, на землю. Панъ купивъ, и якъ дѣвчина перстень давала, пустила на землю; перстень розсипавъся горохомъ, панъ въ тôй хвѣли зробивъся куркою и зачавъ горохъ збирати, а горохъ зробивъся яструбомъ и забивъ курку. Такій то бувъ конецъ того чарôвника.

Ту казку разказувавъ Матвѣй Шостакъ.

5. Пѣвничокъ и курочка.

(Б а й к а).

Бувъ собѣ пѣвничокъ и курочка. Одного разу йшли они собѣ дорогою тай курочка заслабла, а пѣвничокъ побѣгъ заразъ до мора тай каже: Море, море, дай води. А море питае: Кому води? Пѣвникъ: Курѣ води, кура лежитъ коло дороги, задерла ноги, анѣ не дихне. Море: Бѣжи до липи, нехай дасть листъ, то я дамъ води. Прибѣгъ пѣвничокъ до липи тай каже: Липо, липо, дай листъ. Кому листъ? Морѣ листъ, море дасть кому води? Курѣ води, кура лежить коло дороги, задерла ноги, анѣ не дихне. Бѣжи до дѣвокъ, нехъ дадутъ вѣнки. Дѣвки, дѣвки, дайте вѣнки. Кому вѣнки? Липѣ вѣнки, липа дасть листъ. Кому листъ? Морѣ листъ, море дасть води. Кому води? Курѣ води, кура лежитъ коло дороги, задерла ноги, анѣ не дихне. Бѣжи до свинный, нехъ дадутъ щôтки. Свинѣ, свинѣ, дайте щôтки. Кому щôтки? Дѣвкамъ щôтки, дôвки дадутъ вѣнки. Кому вѣнки? Липѣ вѣнки, липа дасть листъ. Кому листъ? Морѣ листъ, море дасть води. Кому води? Курѣ води, кура лежитъ коло дороги, задерла ноги, анѣ не дихне. Бѣжи до мелника, нехъ дасть отрубъ? Кому отрубъ? Свинямъ отрубъ, свинѣ дадутъ щôтки. Кому щôтки? Дѣвкамъ щôтки, дѣвки дадутъ вѣнки. Кому вѣнки? Липѣ вѣнки, липа дасть листъ. Кому листъ? Морѣ листъ, море дастъ води. Кому води? Курѣ води, кура лежитъ коло дороги, задерла ноги, анѣ не дихне. Бѣжи до ситара, нехай дасть сита. Ситаре, ситаре, дайте сита. Кому сита? Мелникови сита, мелникъ дасть отрубъ? Свинямъ отрубъ, свинѣ дадутъ щôтки... и т. д. Бѣжи до кобили, нехай дасть хвоста. Кобило, кобило, дай хвоста. Кому хвоста? Ситареви хвоста, ситаръ дасть сита.. и т. д. Бѣжи до косарôвъ, нехъ дадутъ трави. Косарѣ, косарѣ, дайте трави. Кому трави? Кобилѣ трави, кобила дасть хвоста. Кому хвоста? Ситареви хвоста, ситаръ дасть сита. Кому сита? Мелникови сита, мелникъ дасть отрубъ. Кому отрубъ? Свинямъ отрубъ, свинѣ дадутъ щôтки. Кому щôтки? Дѣвкамъ щôтки, дѣвки дадутъ вѣнки. Кому вѣнки? Липѣ вѣнки, липа дасть листъ. Кому листъ? Морѣ листъ, море дасть води. Кому води? Курѣ води, кура лежитъ коло дороги, задерла ноги, анѣ не дихне. Бѣжи до колоди, нехъ дасть лопатокъ. Колодо, колодо дай лопатокъ. Кому лопатокъ? Косарамъ лопатокъ, косарѣ дадутъ трави. Кому трави? Кобилѣ трави, кобила дастъ хвоста. Кому хвоста? Ситареви хвоста, ситаръ дасть сита. Кому сита? Мелникови сита, мелникъ дасть отрубъ. Кому отрубъ? Свинямъ отрубъ, свинѣ дадутъ щôтки. Кому щôтки? Дѣвкамъ щôтки, дѣвки дадутъ вѣнки. Кому вѣнки? Липѣ вѣнки, липа дасть листъ. Кому листъ? Морѣ листъ, море дасть води. Кому води? Курѣ води, кура лежитъ коло дороги, задерла ноги, анѣ недихне. И коли вже всюди обôйшовъ приходитъ на те мѣстце, де курка лежала, тай вже курку робаки зѣли.

Д. П.

6. О трехъ братяхъ.

Були собѣ тры братя, два з нихъ були розумнѣ, а третий дурный, и его звали попеленникомъ. Мали они еще отца, матеръ и одну сестру. Коло ихъ хаты бувъ недалеко красный садъ: а до того саду дуже часто прыходивъ дикъ, (кабанъ) и рывъ по садѣ, черезъ що той садъ дуже псувавъ.

Одного разу прыйшовъ до свого отца най-старшой сынъ, и каже: Отче! дайтено вы менѣ ручницю, а я пôйду до саду вартувати того дика, бо вôнъ уже геть нашъ садъ зôпсувавъ.

Отець, небогато надумуючися, давъ своему най-старшому сынови ручницю, и вôнъ пôйшовъ до саду вартувати дика. Вартуе вôнъ цѣлый день, вартуе другôй, третый, а дика нема, тай нема. Вже ему ся наскучило тôлько того дика вартувати, прыйшовъ вôнъ до хаты и каже до св го середущого брата: я тôлько того дика вартувавъ, що вже менѣ ся наскучило йди вже теперъ и ти вартувати. И пôйшовъ отже на другôй день той братъ середущôй дика вартувати.

Вартуе вôнъ день, другôй и третôй, а дика якъ нема, такъ нема, що вже ему ся наскучило тôлько вартувати.

Ажъ одного разу прыходить до-него отець съ тамтыми двома его братьми и каже такъ до нихъ: «дивѣть ся, мои любѣ сыни, яка то страшна шкода того великого саду, яку той дикъ тутка наробивъ. Вартуйте, мои любѣ сыни, а котрый з васъ убье того дика тому по моей смерти сей садъ запишу».

Сыни якъ тѣи слова вôдъ отця почули то дуже ся тымъ утѣшили и постановили собѣ такъ, щобы того дика доконче котрый зъ нихъ убивъ.

Але щожъ колы щось двѣ недѣлѣ оба чатували и не могли того дика довартувати.

Одного разу прыходить до нихъ той дурный ихъ братъ попеленникъ и каже: «ой буду я вже того дика вартувати. А тѣи два братя якъ то почули та въ смѣхъ и кажуть: мы не то що дурный попеленникъ та не можемо дика дособотити, а вôнъ дуракъ хотѣвъ бы того дика спрятати. А той дурный каже: нехай я буду дурный, но я уже буду вôдъ теперь вартувати. Овва! що за газда буде вартувати: вôдновѣли прочѣ два братя.

Отжежь таки на другôй день пôйшовъ той попеленникъ вартувати того дика. Але щожь, вôнъ заразъ лягъ въ тѣни дерева и уснувъ. А братя его узрѣвши зачали еще гôрше зъ него ся насмѣвати, и каже оденъ до другого: а дивисямо, якъ той вартуе спячи дика.

А вôнъ, бачите, лягъ у садѣ и выспавъся въ день, а въ ночи зачавъ вартувати дика, бо дикъ, бачите, не прыходивъ въ день до саду (тѣи два вартували лыше въ день), а тôлько въ ночи.

Вартувавъ вôнъ такъ не довго, и таки заразъ въ ночи дикъ прыходить просто до саду и зачинае робити шкоду. Тогды попеленникъ взявъ стрѣльбу, закрався зъ боку и стрѣливъ просто въ дика и такъ его зъранивъ, що той вже ся рушити не мôгъ.

Але най-старшôй его братъ бувъ саме въ той часъ на подвѣрю и зачувъ що той въ садѣ выстрѣливъ тай побѣгъ туда чимъ скорше и узрѣвъ що попеленникъ забивъ дика. Ацо вôнъ боявся, щобы той его братъ попеленникъ не дôставъ въ заслугу по отцевой смерти той садъ, то убивъ свого брата попеленника и занѣсъ его далеко въ рôвъ и закопавъ тамъ его. Потôмъ вернувъ ся до дому и каже такъ до свого отця: дивѣть ся, тату, я ручницю знайшовъ у садѣ, тай дикъ прыйшовъ, я его забивъ, а попеленника нема нѣгде. Отець выйшовъ дивити ся на того забитого дика въ садѣ; выйшовъ и свого сина шукати, скрôзь зъшукали, але попеленника якъ нема такъ нема, вропавъ навѣки и незнавъ отець що той его забивъ.

Ажъ одного разу иде его сестра понадъ берегъ одного потока дивиться, а въ корчи стремить якась паличка Она тую паличку вытегла съ корча, а то сопѣлочка.

Взяла она тую сопѣлочку и несе до дому, але на дорозѣ взяла она до губъ и зачала нѣ бы то грати. А сопѣлочка якъ не зачне грати, сама въ той способъ грае: грай, сестрычко, грай, за мене не забувай, мене братъ убывъ за того дика, що въ саду рывъ, тай у рôвъ закотивъ. Тогды она ся перестрашила, але таки сесю сопѣлочку прынесла до дому и каже до свого отця: Отче! я знайшла въ корчи надъ берегомъ сопѣлочку, а она сама лышъ до губъ прытули якось такъ грае страшно, гейбы очарована; а ну берѣтъ, подуйте до ней, будете чути. Отецъ взявъ до рукъ тую сопѣлочку, зачавъ дути, а сопѣлочка такъ зачинае грати: грай, отчику, грай, за мене не забувай, мене братъ убивъ за того дика, що въ саду рывъ, тай у рôвъ закотивъ.

Отець-ся дуже тогды зъдывовавъ, прыкликавъ свою жену тай каже: а ну, жôнко, подуй до сей сопѣлочки, якъ она чудно грае. Жена его подула, и сопѣлочка знавъ такъ само грае: грай, маточко, грай, за мене не забувай, мене братъ убивъ за того дика, що въ саду рывъ, тай у рôвъ закотивъ. Тогды всѣ ся дивовали, а отець сказавъ закликати свого найстаршого сына и давъ ему тую сопѣлочку и каже: а ну, сыну, подуй до тои сопѣлочки, якъ она страшно грае. Тогды вôнъ подувъ, а сопѣлочка отъ якъ грае: грай, вороже, грай, за мене не забувай, ты мене убивъ за того дика, що въ саду рывъ, тай у рôвъ зокотивъ. Тогды ся отець довѣдавъ, що то забивъ дика попеленникъ, а попеленника забивъ сей его сынъ, и казавъ теперъ своей донцѣ повести ихъ усѣхъ тамъ, где тую сопѣлочку знайшла.

И пôйшли тамъ на тое мѣстце, где була тая сопѣлочка и отъ знайшли убитого тамъ попеленника. Теперъ отець казавъ сего лукавця свого сына застрѣлити и тамъ побôчь попеленника пôховати. А обѣщаный садъ дôставъ середущôй его сынъ.

Рожновъ. 1887. А. П..люкъ

7 Морозъ старый и молодый.

Було то въ зимѣ. Одного разу зôстрѣтився морозъ молодый зо старымъ тай каже до старого: прошу послухати, що буду вамъ казати. Старый каже: просимо! Молодой каже: Отъ тамъ на дорозѣ ѣхавъ панъ въ каретѣ, а я якъ ся до него прычепивъ тай пана заморозивъ.

А старый морозъ каже: е, то не штука заморозити пана, але заморозь ты мужика.

Морозъ молодый смѣеся тай каже: эй перепрашаю щось те стари а дурни. Колы я заморозивъ пана, що панъ ѣхавъ въ каретѣ завитый въ шубахъ и волкахъ, а мужикъ що голякъ не мае на собѣ нѣчо, тôлько дрантивый сѣракъ. То дуже легко мужика заморозити. Овъ! каже старый морозъ: а ну попробуй, онде йде мужикъ дорогою до лѣса, чи ты егоуморозишъ.

Морозъ молодый взявся якъ скорше до сего мужика. Мужикъ иде дорогою, а морозъ молодый тисне. Мужикъ ногами тропае, бѣжить, въ руки хохае, прыбѣгъ до лѣса, розклавъ троха ватры, скинувъ зъ себе дрантиву сѣрачину, нагрѣвся, вылѣзъ на дерево, нарубавъ на санчата гиле, завязавъ и хоче ѣхати. Бере сѣрачинну, хоче въберати, а морозъ залѣзъ до сѣрачини и тамъ сидить. Мужикъ взявъ добрый букъ, повѣсивъ сѣракъ на дерево и якъ зачне прати мороза, доки зъ вôдтамъ не выскочивъ.

Вереся знову морозъ до мужика, але мужикъ въ руки хохае, тропае, шоруе, крычить бѣжить, ажь прыбѣгъ до дому, увôйшовъ до хати, нагрѣвся троха и таки ся не давъ заморозити морозови.

Тогды молодый морозъ узрѣвъ, що то бѣда тяжко мужика заморозити, утѣкъ добре вôдъ мужика, набитый, що зо стиду навѣтъ неймовъ старому оповѣстити, якъ ся стало.

Рожновъ. 10 руск. Августа. С. Б.

8. Вôйтъ пастухôвъ.

Въ однôмъ селѣ пасли пастухи на толоцѣ худобу. Зôбрали ся отже всѣ до купи до забавы и рада въ раду таке урадили межи собою, щобы выбрати зъ межи нихъ вôйта присяжного и т. д.

Якъ урадили, такъ и зробили. Выбрали спомежи себе вôйта присяжного и цѣлу раду громадску.

Атожъ сеся рада зъ вôйтомъ зачала радити надъ тымъ, якôй бы въ своей громадѣ завести порядокъ. И отъ рада въ раду, урадили таке, щобы одного зъ помежи нихъ повѣсити.

А бувъ то вдовынъ сынъ, котрый бувъ несмѣливый и до нѣчого не мѣшавъся.

Отожъ рада громадска за тое урадила его повѣсити.

Отожъ якъ урадили, такъ и зробили. Прыгнули вершокъ березы, прывязали того бѣдного хлопця и пустили вершокъ березы до горы и такъ повѣсили его.

Потôмъ заразъ пôйшла вѣсть по старôй громадѣ, що на толоцѣ утворылася молода громада, котра за таке а таке повѣсила хлопця. Отожъ старша громада зачала радити, щобы то робити зъ молодою громадою.

И закликали молоду громаду до канцелярий на протоколъ, защо они того вдовыного сына повѣсили. И такъ кождый розказувавъ свое, той тое, а той иное. Тожъ старый вôйтъ казавъ усю тую молоду громаду замкнути до арешту, доки буде для нихъ высшôй судъ. Отожъ засадили молоду цѣлу громаду до крыминалу и такъ сидятъ они тамъ кôлька день.

Ажь трафилося ось таке.—Якiсь чоловѣкъ ѣхавъ дорогою до того самого села черезъ поле, що стара громада арештувала молоду.

Але зновъ другôй якысь чоловѣкъ сему ѣздцеви не знакомый гôсть упросивъ ся у него, щобы его троха пôдвôзъ (взявъ на фѣру его). Отожъ ѣздець ся змилосердивъ надъ тымъ чоловѣкомъ тай каже, сѣдайте от-тамъ на фѣру.

Той сѣвъ и такъ ѣдуть они дальше, ажь ихъ прысѣла нôчь у лѣсѣ не далеко села. Отожъ якъ той, що ся упросивъ на фѣру, узрѣвъ, що вже нôчъ, злѣзае зъ фѣры, вôдоймае быки вôдъ фѣрмана тай гонить фѣрмана (газду биковъ и воза) батогомъ вôдъ себе. И заразъ ся зачали сварыти межи собою. Оденъ каже: вôддай, напасте, быки, а другôй каже: маршъ, то мои быки.

Але сей, що ся упросивъ на фѣру, не знавъ, що то недалеко села, отожъ хтось ихъ крыкъ зачувъ тай давъ знати до староп громады, се що така а та сварка есть у лѣсѣ. И заразъ полѣция ихъ знайшла, и прывели ихъ съ фѣрою до канцелярiи до протоколу.

Теперъ зачався протоколъ и питають ихъ, защо ся они сварять. Питають ся одного, а сей каже: той менѣ вôдобравъ мои власни волы, а той другôй каже: ой нѣ, вôнъ бреше, то мои волы. И такъ нѣхто не знавъ, вôдки тѣи подорожнѣ и котрого зъ нихъ есть фѣра и волы. И зачали они радити, що тутъ имъ робити съ сыми подорожными. Радили они дуже довго надъ тымъ, що съ тими подорожными робити, якъ бы ихъ розсудити, чiи мають бути волы и фѣра, але не могли ничо урадити. Але старый вôйтъ собѣ прыгадавъ за того молодого вôйта, що сидить въ арештѣ съ громадою тай каже до своихъ радныхъ. Ой треба закликати того молодого вôйта, що сидить въ арештѣ, може бы вôнъ тую справу розвязавъ. Колы вôнъ знавъ, защо хлопця вѣшати, то буде и сю справу знати выяснити, а тогды буде ему и его громадѣ кара дарована.

Отожъ выпустили молодого вôйта зъ арешту, прывели до канцелярии, зôзказали ему усю тую справу тай кажутъ: розправь сихъ двохъ людей въ добрôй згодѣ, а выпустимо тебе и твою громаду зъ арешту. Тогды сей молодый вôйтъ смѣе ся тай каже: гей ты старый та дурный вôйте, ты сему справу не знаешъ зробити. Я самъ заразъ сему зроблю справу.

Теперъ молодый вôйтъ сказавъ выпрягчи волы зъ воза и завести ихъ межи чужи волы, где ихъ було богато. А вôзъ сказавъ такожъ до одного газды завести, где було богато возôвъ. Теперъ вôнъ узявъ вôдъ сего воза люшню та поставивъ до другого, а тутъ давъ вôдъ таитого. Вôдтакъ узявъ колесо, положивъ до другого воза, а тутъ давъ инше вôдтакъ драбини геть цѣлкомъ той вôзъ розôбравъ и вôдъ него рѣчи пôвставлявъ до другихъ возôвъ, а тутъ давъ цѣлкомъ инши вôдъ тамътыхъ возôвъ. И теперь сказавъ до одного зътихъ, що ся сварыли надъ волами и возомъ, щоби ишовъ собѣ привести волы спомежи стада. Той пôйшовъ дивиться, роззерае по товарѣ и хапъ одного вола за роги чужого, а потѣмъ другого таки якось трафивъ, ще до сего воза належавъ и прыводить, а громада каже отъ! отъ! оденъ вôлъ вôдъ воза, а другôй ни. Теперъ сказавъ вôйтъ най иде складати вôзъ. Пôйшовъ вôнъ складати, узявъ одно чуже, одно сяке, друге таке, а вôйтъ теперь каже: дивѣться, що то не его власность, бо якбы була его, то вôнъ бы бувъ вôзъ порядно посклaдавъ и вола добзго бувъ бы не взявъ чужого.

Теперъ сказавъ вôнъ тому другому складати вôзъ. Сей усе свое пасоване познаходивъ, склавъ вôзъ такъ, якъ мавъ бути, пôйшовъ, прывѣвъ собѣ свого другого вола, запрягъ волы до воза и вôдъѣхавъ заразъ собѣ, а сего крутаря, каже до старого вôйта, тжеба такъ повѣсити, якъ мы того вдовыного сына.

Рожновъ дня 3 русского сентября 1889.
С. Г. (столяръ).

9) Два слуги.

Два селяне Никифоръ и Стефанъ зôйшли ся одного разу гдесь тамъ на улицы и каже оденъ до другого. Отъ, Стефане, каже Никифоръ, ксѐндзъ зъ N. потребуе двохъ слугъ, пôйдѣмъ и станьмо тамъ на службу. Ой треба йти кабы лише до завтра, але Никифоре! якъ будемо ставати на службу, то такъ годѣмъ-ся зъ ксѐндзомъ, щобымъ були оба коло одной коровы.

И отъ скоро тôлько на другôй день то Никифоръ пôйшовъ до Стефана и зъ вôдтамъ оба пôйшли и стали у ксѐндза на службу, и то такъ, якъ оба хотѣли до одной коровы. И таки заразъ Стефанъ пôйшовъ корову пасти, а Никифоръ зôстався чистити гнôй спôдъ коровы.

Тай и добру службу собѣ вышукали. Стефанъ корову якъ пôгнавъ на пашу, то корова цѣлый день до вечера ничо не пасе, лыше бѣгае и бѣгае зъ мѣстця на мѣстце. То побѣжить у жито, то зъ жита заверне гѣта у кукурудзи, бѣгае куды тôлько бачить, где ся добре зеленѣе, а Стефанъ лише бѣгае за коровою, якъ теля, та все еѣ завертае.

А нашъ Никифоръ такожъ у бѣдѣ; що выкине гною разъ лопатою, то ксѐндзъ все его садить кулакомъ въ потылицю.

Надôйшовъ вечеръ. Стефанъ якось ледво дôгнавъ корову до дому, а Никифоръ его пытае: а якъ тобѣ, Стефане, съ коровою? Ой дуже добре, каже Стефанъ. Корова така тиха, така спокôйна, що тôлько на одномъ мѣстци пасеся, що тôлько лишь бы сидѣти, а я дуже баную, щомъ собѣ зъ дому не взявъ столець.

А тобѣ, якъ коло чищеня? пытае Стефанъ. Ой дуже добре, вôдповѣдае Никифоръ, скоро лише выкину одну лопату гною, такъ заразъ дôстаю вôдъ ксѐндза одну булку. Вже мя ксѐндзъ такъ булками обгодувавъ, що ходити не можу.

Колыжъ такъ, то помѣняемося завтра службами, каже Стефанъ. Я останусь чистити спôдъ коровы, а ты, Никифоре, пôйдешъ пасти корову але щобысь собѣ взявъ столецъ зъ дому, бо не будешъ мати нащо сѣсти на пасовиску, якъ корова буде ся пасти. Най буде и такъ, каже Никифоръ. И на другôй день пôйшовъ Никифоръ съ коровою

и взявъ собѣ до сидженя величезний столець, а Стефанъ зôстався чистити спôдъ коровы.

Ой бѣда! Никифоръ замѣсть, щобы мавъ на столець сѣдати, а вôнъ цѣлый день бѣгае за коровою и мусить зъ собою тащити столець, бо щожъ не кине где его въ рôвъ, бо треба назадъ до дому его прынести.

А Стефанъ, щобы ѣсти, за кождою лопатою гною, булку, а то вôнъ що выкине разъ гною лопатою, то все ксёндзъ поза-ушъ садить кулакомъ тай каже: та ты хотѣвъ легкои службы.

Ажъ надôйшовъ вечеръ, Никифоръ прыгонить корову тай каже до Стефана: Лихо бы тебе взяло, менѣ ажъ плече спухло вôдъ стôльця цѣлый день бѣгати за коровою зо стôльцемъ.

Ой лихо бы тебе взяло, каже Стефанъ, уже не можу ходити вôдъ кулакôвъ—а булокъ нема, голоденъ якъ песъ.

Але чекай, каже Никифоръ до Стефана, навчимо мы сего ксёндза. Я видѣвъ у ксёндза пôдъ головою на лôжку скрынку съ грошимы треба, еѣ заразъ украсти, доки нема дома ксёндза, але треба замѣсть скрынки тамъ вложити пôдъ голову ковбокъ (кавалокъ дерева), а ксёндзъ все буде смотрыти тайже гадати, що то стоить его скрынка съ грошим. Ходѣмъ, каже оденъ до другого.

И пôйшли оба, закрали ся такъ, що нихто не видѣвъ, украли тоту скрынку съ грошим, а тамъ пôдъ голову дали ковбокъ и утекли съ грошим, що бы ихъ сховати въ лѣсѣ.

Идутъ они, идутъ, ажъ Стефанъ щось ся обзерае, чи хто не бѣжить а Никифоръ тымъ часомъ зъ грошим гдесь утекъ и въ лѣсѣ сховавъ ся. Стефанъ ся обôздрѣвъ за Никифоромъ, а того нема. Що тутъ робити, гадае Стефанъ тай пôйшовъ геть далеко въ противну сторону и зачавъ крычати: А ну! люде, кому треба що купити, ходѣтъ сюда до мого склепу, у мене все добре и дуже дешево! дешево!

А Никифоръ зъ далеку той голосъ зачувъ тай гадае собѣ: пôйду туда до того склепу, теперъ маю гроши, то собѣ всего накуплю, що ся тôлько сподобае.

И пôйшовъ Никифоръ на той голосъ просто съ своими грошим, щобы що въ склепѣ купити. Прыходить туда, а Стефанъ зъ за корча Никифора хапъ за полу тай каже: дѣлѣмся грошим, тутъ въ сѣмъ склепѣ нема ничо.

11 русск. Августа 1889 г. С. Б.

10) Подорожный.

До одного газды, котрый звався Васыль, упросився одного разу якôсь подорожный на нôчь. Васыль его прыйнявъ нанôчь, постелявъ ему тай каже: лягайте оттамъ на лôжко, пане газдо.

Подорожный лягъ на лôжко спати, а жена Васыля роздула огонь, а Васыль каже: прыставляй тамъ жôнко до огню борщь, картофлѣ, гусака и еще що тамъ маешъ.

А подорожный еще тогды не спавъ и то ту бесѣду Василя чувъ усю, що вôнъ говоривъ до жôнки.

И такъ неба вотъ уже вечеря готова, и каже жôнка до Васыля. Васылю! мы теперъ маемо борщъ картофлѣ, то намъ бôльше на вечеру нѣчого не треба а гусакъ най стоить на завтра, бо вôнъ навѣтъ еще не доварёный. Васыль сказавъ жôнцѣ: най буде и такъ!

Отжежъ поставила Василиха вечеру, и сѣли они обое вечеряти. Подорожный и теперъ не спавъ, але слухавъ, що ся дѣе.

Повечерявши, обое лягли спати. Якъ уже поснули, тогды сей подорожный вставъ зъ лôжка и борше въ пѣчь до горшка, въ кôтромъ варывся гусакъ, вытягъ гусака зъ горшка, а въ горщокъ поставивъ старый дуже драньтывий постовъ (ходакъ

въ котрыхъ звычайно ходять гуцули) и сховавъ гусака до торбы и положився назадъ спати до свого лôжка. И такъ уже переночували, рано подмивалися и т. д., а подорожный каже до Васыля. Пане газдо, послухайте, що буду вамъ за загадку казати. А господарь каже: «прошу! прошу!» а подорожный каже: вôдгадайте мени, що то есть: Тамъ де давно сидѣвъ панъ Гусятыньскій, то тамъ теперъ сидить панъ Постоловскій, а панъ Гусятыньскій перенѣсъ ся до торбыновскій (то значить до торбы). А може вамъ пане газдо буде що треба до пана Гусятыньского, то абысьте знали, що тамъ нема пана Гусятыньского, тамъ теперъ сидить панъ Постоловскій, а панъ Гусятыньскій перенѣсъ ся до торбыновскій.

Газда и газдина розвязували тую загадку, але однакожъ не могли еѣ розвязати.

И заразъ подорожный не очекувавъ таки, що бы газда борше не пôйшовъ до пана Гусятыньского, подяковавъ за нôчлѣгъ тай пôйшовъ.

Лыше подорожный пôйшовъ, а Василь каже: жôнко! шукай ко того гусака, заразъ будемо снѣдати, гараздъ що тôй пôйшовъ. И крутить ся щось тамъ Василь, а жôнка борше до печи, до горщка, тай борше постовъ лапъ тай бохъ (гепъ) на миску тай глипъ а се чудо; а теперъ ся она дозмыслила, що тôй подорожный имъ за загадку казавъ, тай борше каже до Василя (а Василь не видить, що тутъ ся дѣе): Василю! я вже вôдгадала тоту загадку, що тôй подорожный казавъ. Добре тôй подорожный намъ казавъ въ загадцѣ, що панъ Гусятыньскій перенѣсъ ся до торбôновскій, а тамъ де бувъ панъ Гусятыньскій, тамъ теперъ сидить панъ Постоловскій, а диви но, чижъ не такъ (тай показуе Василеви постовъ на мисцѣ), бо вôнъ зъ горщка гусака вытягъ, а въ горщокъ поставивъ постôвъ. Теперъ ѣжмо. Ну! ну! каже Василь, зато що ты таки загадки умѣешъ вôдгадувати, то крôши вже того постола (гусака), бо то вже давно часъ снѣдати. А! табо то еще не довареный! Та де тамъ, каже Василь, яди! вже ажь згорѣвъ, такôй чорный.

16 августа русск. 887, Я. Б.

11. Стрѣлецъ тай бѣда.

Одного разу пôйшовъ стрѣлецъ на полëване до лѣса. Полюючи цѣлый день, немѣя ничого застрѣлити, отожь въ лѣсѣ захопила его нôчь. Щожъ тутъ робити, до дому треба ити цѣлу нôчь, хыба бы треба где въ лѣсѣ шукати собѣ спочинку.

Идучи вôнъ дорогою въ лѣсѣ, здыбуе его якась жôнка, а то була бѣда и пытае его: куда ты, чоловѣче, блукаешъ въ ночи по лѣсѣ? Та я (каже стрѣлецъ) ходивъ цѣлый день на полëване, а тутъ и нôчь мене захопила, а я немаю где тутъ переночувати, а до дому йти далеко.

А гдежь ты, стрѣльче, будешъ ночувати, пытаеся его бѣда? Та я самъ не знаю, гдебы тутъ переночувати. То ходи зо мною (каже бѣда), я тебе заведу на нôчлѣгъ.

И пôйшовъ стрѣлецъ съ бѣдою шукати нôчного спочинку. Идутъ они лѣсомъ, ажь прыходять до лѣсничой буды. Отъ тутъ, каже бѣда, будемъ ночувати обое, бо я также не маю где переночувати. И лягли они обое спати и переночували тую нôчь, а рано повставали, и стрѣлецъ хоче йти до дому, а бѣда такожь за нимъ. Прыйшовъ до дому, и бѣда такожъ прыйшла зъ нимъ.

И куда тôлько стрѣлецъ пôйшовъ вôдъ сей ночи, то и бѣда всюда за нимъ.

Стрѣлецъ узрѣвъ, що бѣда его уже на добре вчепилася и добре его уже прытискае, и гадае вôнъ собѣ, щобы тутъ зъ бѣдою робити. Ой, каже, мушу я тебе ся пôзбути. Знайшовъ вôнъ добрый шнуръ тай иде бѣду вѣшати на дуба. Прыйшовъ до дуба тай гадае, якбы тутъ на дуба бѣду высадити, а она така тяжка. Е! каже, колы бѣда всюда ходить за мною, то она пôйде и на дуба, тай зачавъ на дуба лѣзти и дивить ся по задъ себе, чи бѣда лѣзе за-нимъ. Дивиться, а бѣда такъ гôрко ва нимъ ся

драпае на дуба. И вылѣзли обое на дуба, а стрѣлець тогды бѣду хапъ за шию, звязавъ бѣдѣ руки и ноги и повѣсивъ на дуба.

Теперъ вôнъ гадавъ, що бѣда буде ся у него просити, а бѣда съ того тѣшить ся и зачала ся зъ радости нѣбы гойдати.

Стрѣлець лыше хоче зъ дуба зълазити, а бѣда угрызла шнуръ и тай на долину за стрѣльцемъ ся спускае.

Ой, думае вôнъ собѣ, що тутъ робити зъ бѣдою. Ой каже пôйду та стану где пры желѣзной дорозѣ, а якъ туда буде ѣхати желѣзниця, то бѣда съ цѣкавости буде ся тому прыглядати и може стане на штабу желѣзну, а желѣзниця борзо надъѣде и бѣду розѣтре.

Пôйшовъ вôнъ отже на желѣзну дорогу, тай и бѣда зъ нимъ. Дивить вôнъ ся, чи бѣда буде стояти на желѣзнôй штабѣ, а бѣда узрѣла стрѣльця на штабѣ желѣзнôй та каже до него: «стрѣльче, не ставай тамъ, бо може желѣзниця надъѣхати и тебе задушити». Стрѣлець ся дуже зачудовавъ та гадае собѣ: не дурна бѣда така, якъ я собѣ думавъ. Бѣда на бѣду ся уже надивила, що и глянути не хоче, мабуть бѣда бѣды не любить.

И щожъ зъ бѣдою буду робити, думае вôнъ собѣ, хыба утоплю бѣду. И пôйшовъ до рѣки купати и йде де най глубше, мыслючи, що бѣда ся утопить, а глянувши позадъ-себе, сказавъ: Ее! тай бѣда умѣе плывати, узрѣвши, що бѣда такъ зручно плывае.

Теперъ знову гадае вôнъ собѣ, що тутъ зъ бѣдою робити. Хиба, каже, трибá йти зъ бѣдою въ поле працювати, бо бѣда чоловѣка не годуе, а еще морыть голодомъ тай холодомъ.

И пôйшовъ стрѣлець въ поле працювати.

Взявъ вôнъ ся до працѣ, тай и бѣда еще не довго була около него. Але якъ узрѣла, що стрѣлець взявся щиро до працѣ, то взяла его бѣда помалу опускати.

А якъ теперъ стрѣлець узрѣвъ, що его бѣда помалу опускае, то взявся еще гôрше до праци и за кôлька мѣсяцѣвъ узрѣвъ стрѣлець, що бѣда его цѣлкомъ опустила. Вôдъ теперъ не йшовъ стрѣлець на полѣване, але щиро въ поли працювавъ, бо пôзнавъ, якъ найлутше бѣди ся позбути, если она чоловѣка учепить.

Рожнôвъ дня 26 руского мая 1887. А. С.

ОТДѢЛЪ IV.

Критика и Библіографія.

Замѣтка по поводу изданія «Жмудскихъ пѣсенъ изъ Полангена» («Жив. Стар.» 1893 г. стр. 519—531).

Казалось-бы, что народныя пѣсни, по которымъ читатель долженъ получить, между прочимъ, точное представленіе о живомъ языкѣ извѣстной мѣстности, должны быть записываемы съ соблюденіемъ всѣхъ фонетическихъ и морфологическихъ особенностей даннаго говора. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о 24 жемайтскихъ пѣсняхъ, записанныхъ г. Меч. Довойна-Сильвестровичемъ и напечатанныхъ въ «Живой Старинѣ» за 1893 г. Въ нихъ, вмѣсто яснаго представленія о языкѣ окрестностей Полангена, мы находимъ бо̀льшею частью такіе факты языка, которые должны привести насъ въ полное недоумѣніе. Дѣло въ томъ, что, судя по этимъ пѣснямъ, Пляцида Эллингъ, уроженка мѣст. Кретингена, но проживающая въ Полангенѣ, т. е. въ какихъ нибудь десяти верстахъ отъ Кретингена, одинъ и тотъ же литовскій дифтонгъ ie произноситъ, какъ ie (viena), какъ ei (deina, veina), какъ yi (vyina, dyina) и какъ ie (atlipdama=atliepdama, išmigoje=išmiegojo). Она же, Эллингъ, дифтонгъ uo произноситъ, повидимому, еще своеобразнѣе: какъ uo (duona), какъ ou (doubele), какъ u (užulina=ąžuolýno, šukuj=šukuója), какъ uv (alpuluv=alpuliuója), какъ ov iššokovkai=iššukuóki), какъ ui (užuilina=ąžuolýno) и какъ uiv (nebjoukuivsi=nebejuokuosi). Дифтонгъ au въ ея устахъ, судя по пѣснямъ г. Сильвестровича, звучитъ то, какъ av (solavksma=sulauksime), то какъ, auv (jauvnas=jaunas). Слово du въ одной и той же ея пѣснѣ встрѣчается въ трехъ формахъ du, do, dou (п. 17: du šonkauliu, do danteliu, dou svaru). Другая женщина, Уршуля Аужилене, образуетъ futurum dualis съ оконч. sva (idiksva=įdiegsiva), sav (isidiksav=įsidiegsiva, aplaistisav=aplaistysiva) и sau (aplaistisau).

Послѣ всего этого спрашивается: можно-ли отнестись съ полнымъ довѣріемъ ко всѣмъ этимъ начертаніямъ словъ и къ вытекающему отсюда выводу о звуковыхъ особенностяхъ Полангенскаго говора? Что касается до меня, то я, по крайней мѣрѣ, позволяю себѣ относиться ко всѣмъ этимъ даннымъ совершенно скептически, и вотъ почему:

Прежде всего, бросается въ глаза тотъ фактъ, что нѣкоторыя слова въ пѣсняхъ этихъ двухъ женщинъ получили подъ перомъ г. Сильвестровича такое начертаніе, какого не произнести ни одному простолюдину этнографической Литвы. Къ этого рода начертаніямъ слѣдуетъ отнести, по меньшей мѣрѣ, такія слова, какъ ongsti (п. 1.=anksti), jauvnas, nebjoukuivsi. Во-вторыхъ, многія

данныя языка, представляемыя указанными пѣснями, своей необычайностью, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ просто невѣроятностью сами внушаютъ къ себѣ недовѣріе. Въ самомъ дѣлѣ, если языкъ Пляциды Эллингъ представляетъ изъ себя не безтолковый наборъ изъ всевозможныхъ говоровъ литовскаго языка словъ, а Полангенское или Кретингенское, хотя-бы нечистое, нарѣчіе живого жемайтскаго языка, то фонетическія данныя, по которымъ, напр., слово d u въ одной и той же пѣснѣ произносится какъ du, do, dou, а слово viena одною и тою же женщиною произносится какъ viena, veina, vyina, или тотъ фактъ, что древне-литовскому дифтонгу uo соотвѣтствуютъ въ ея, Пляциды Эллингъ, языкѣ семь различныхъ звуковъ (uo, ou, u, ov, uv, ui, uiv),—никоимъ образомъ не могутъ считаться вѣроятными, по крайней мѣрѣ факты эти нельзя объяснить никакими аналогіями, какъ равно и всѣмъ тѣмъ, что въ настоящее время добыто сравнительнымъ языкознаніемъ.

Теперь является другой вопросъ: откуда же, въ такомъ случаѣ, взялись эти странныя начертанія звуковъ жемайтскаго говора въ пѣсняхъ, записанныхъ г. Сильвестровичемъ? На этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, возможенъ только одинъ отвѣтъ: пѣсни эти записаны неточно, не вполнѣ такъ, какъ онѣ были пропѣты или продиктованы Пляцидою Эллингъ и Уршулею Аужилене. Въ подтвержденіе того, что здѣсь могла сыграть значительную роль неумѣлая передача звуковъ языка, я сошлюсь на факты, представляемые тѣми письмами, которыя пишутся изъ Литвы жемайтскими или литовскими простолюдинами. А факты эти, между прочимъ, вотъ что говорятъ. Одинъ крестьянинъ (Владиславовскаго уѣзда, Сувалкской губ.), говорящій чистымъ діалектомъ, фонетическія особенности своего говора передаетъ въ своихъ письмахъ слѣдующими начертаніями словъ: Mielas broliuk... mano melas Joneli... jav išvaževu (=jau išvažiavo)... da ne atsaki (=atsakė)=...jau apsiruašem (=apsiruošėme)... parvažuok... tevas jau išveže (=tėvas jau išvežė) i miesta (=į miestą)... je ne parvažiosi (=parvažiuosi)... Изъ этихъ начертаній можно было бы заключить, что крестьянинъ этотъ произноситъ лит. uo какъ ua, uo, o, лит. ie какъ ie, e, а лит. ė въ конечномъ неударяемомъ слогѣ то какъ i, то какъ e. Однако такое заключеніе было-бы совершенно ошибочно: шаткость въ написаніи словъ въ данномъ случаѣ доказываетъ только одно, именно неумѣніе автора писемъ точно изобразить на письмѣ звуки своего родного языка. Прилагая этотъ выводъ къ пѣснямъ, собраннымъ г. Сильвестровичемъ, мы, за неимѣніемъ другихъ объясненій, такъ или иначе должны предположить, что, записывая эти пѣсни, г. Сильвестровичъ,—вслѣдствіе-ли нежелательной въ подобныхъ случаяхъ спѣшности работы, или, быть можетъ, по той причинѣ, которая обусловливаетъ колебаніе въ начертаніи словъ въ письмахъ малограмотнаго крестьянина,—въ большинствѣ случаевъ могъ дать очень мало указаній относительно особенностей Полангенскаго говора.

Въ виду сказаннаго, остается признать, что не совсѣмъ былъ правъ и переводчикъ этихъ пѣсенъ, г. А. Погодинъ, утверждая, что «пѣсни эти интересны, главнымъ образомъ, какъ образчики говора» (стр. 529). По нашему крайнему разумѣнію, пѣсни эти, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ напечатаны въ «Живой Старинѣ», могутъ быть интересны во всѣхъ отношеніяхъ, но только не какъ образчикъ одного изъ жемайтскихъ говоровъ.

Кстати ужъ позвольте прибавить нѣсколько словъ и къ тѣмъ примѣчаніямъ, которыми снабдилъ эти пѣсни г. Погодинъ.

Г-нъ А. Погодинъ говоритъ, что въ пѣсняхъ Уршули Аужилене «genit. plur. то сохраняетъ назализацію, то нѣтъ» (стр. 531). Къ этому примѣчанію можно было бы прибавить, что пѣсни этой женщины, какъ ни плохо записаны, показываютъ, что носовой звукъ и genit. singul. os (отъ ā—основъ) сохраняются въ падежныхъ окончаніяхъ Полангенскаго говора, какъ и у большинства другихъ жемайтовъ, только тамъ, гдѣ на эти окончанія падаетъ удареніе. Такимъ образомъ въ пѣсняхъ

названной Аужилене должны быть вполнѣ объяснимы формы: anon, ton, kon, viskon (=viską, или по аналогіи съ kon)—accus. sing., anun, tun, наряду съ žolėliu, — genit. plur., gerõs madõs, jõs — genit. singul. По этой же причинѣ вполнѣ понятны формы deivun, arkliun (=dievũ, arkliũ)—genit. plur. («Жив. Стар.» 1894 г., стр. 118) и не совсѣмъ понятна, наряду съ ними, форма ronkun, (=rańkų, тамъ же).

Въ 17-ой пѣснѣ формы smerte и galvioj г. А. Погодинъ совершенно напрасно считаетъ мѣстными падежами (отъ smertis и galva). Smerte въ данномъ случаѣ — genit. singul. (см. Dajnes Довконта, п. 18), а galvioj вмѣстѣ съ žemyn составляетъ одно чловo žemyngalviui и представляетъ изъ себя такое же нарѣчіе, какъ и paskui, ilgainiui, veltui (по происх. locat.sing.).

О самомъ переводѣ пѣсенъ мнѣ хотѣлось бы сказать лишь одно, а именно, что конецъ 5-ой и часть 17-ой пѣсенъ потому, должно быть, и не переведены г. А. Погодинымъ, что пѣсни эти крайне не хорошо записаны г. Сильвестровичемъ. Проявленная здѣсь неточность въ записываніи на народномъ языкѣ этнографическаго матеріала только лишній разъ доказываетъ, что и при передачѣ фонетическихъ особенностей говора могли быть крупные недосмотры, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что записывать особенности языка вообще—дѣло нелегкое [1]).

Ив. Яблонскій.

Труды Тибетской экспедиціи 1889—1890 гг. подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова Д. Чл. И. Р. Г. Общ., снаряженной на средства, Высочайше дарованныя И. Р. Г. Общ. Ч. I. Изд. И. Р. Г. Общ. СПБ. Типографія М. Стасюлевича. 1895. 4° XIV+342 стр. съ картою Восточнаго Туркестана и сѣверной окраины Тибетскаго и съ 40 фототипіями.

Этотъ прекрасно изданный почтенный трудъ начальника экспедиціи М. В. Пѣвцова, преемника неутомимаго и даровитаго путешественника нашего покойнаго Пржевальскаго, тѣсно примыкаетъ къ тѣмъ экспедиціямъ и изданіямъ нашего Географическаго Общества, которыя такъ много сдѣлали для землевѣдѣнія Средней Азіи и такъ справедливо прославили русскихъ ученыхъ въ исторіи географической науки.

Настоящая (первая) часть трудовъ Тибетской экспедиціи 1889—90 гг. состоитъ изъ предисловія и X главъ, первая посвящена историко-географическому очерку В. Туркестана; слѣдующія три главы (II—IV) описанію путешествія отъ Пржевальска черезъ Яркендъ, Хотанъ до Ніи, гдѣ экспедиція прозимовала; V-я—этнографиче-

[1]) Прим. переводч. Совершенно соглашаясь съ уважаемымъ рецензентомъ въ томъ, что пѣсни, записанныя г. Сильвестровичемъ, не даютъ образчика мѣстнаго говора, я думаю, однако, что, въ общемъ, г. Сильвестровичъ записывалъ вѣрно. Я могу такъ думать на основаніи обширнаго рукописнаго матеріала, бывшаго у меня въ рукахъ и собраннаго именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ и я (именно въ окрестностяхъ города Россіенъ). Конечно, записи сдѣланы г. Сильвестровичемъ ненаучно, но, съ моей точки зрѣнія, отсутствіе опредѣленной системы дѣлаетъ ихъ наиболѣе цѣнными. Въ индивидуальномъ произношеніи каждый звукъ подвергается множеству колебаній (ср. u o и u a Сувалкскаго крестьянина); поэтому, хоть, можетъ быть, г. Сильвестровичъ и далъ слишкомъ много воли своему слуху, но тѣмъ не менѣе основаніе для записи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ существовало и заключалось въ обычной для неграмотнаго человѣка неясности произношенія. Это-то обиліе корреспондентовъ для всякаго звука, имѣющаго въ литовскомъ языкѣ свою исторію, и дѣлаетъ, по моему мнѣнію, интересными изданныя мною пѣсни. Но, съ другой стороны, приходится согласиться, что пѣсни записаны довольно небрежно: переводъ ихъ представлялъ большія трудности.

А. Погодинъ.

Помѣщаю это примѣчаніе, но не могу согласиться на счетъ будто бы обычной для неграмотныхъ людей неясности произношенія родной ихъ рѣчи. Кто же тогда ясно произноситъ родные звуки отечественнаго языка? И до грамоты всѣ значитъ народы произносили свою рѣчь не ясно? *Ред.*

скому очерку Кашгаріи; VI-ая—очерку Ніинскаго оазиса и экскурсій изъ него по окрестной странѣ и на Тибетское нагорье; остальныя три главы посвящены весеннимъ, лѣтнимъ и частью осеннимъ работамъ экспедиціи въ 1890 г., состоявшимъ въ изслѣдованіи юговосточной окраины Кашгарской котловины, Кунъ-луня и прилежащей къ нему на югѣ полосы Тибетскаго нагорья отъ верховьевъ р. Керіи-Дарьи до меридіана озера Лобъ-нора, затѣмъ идетъ описаніе поѣздки къ озеру Лобъ-нору и интересныя подробности объ озерѣ и о Лобъ-норской впадинѣ, наконецъ описаніе возвратнаго путешествія въ Россію отъ Лобъ-нора вверхъ по Яркендъ-Дарьѣ, съ подробностями о природѣ ея долины и о бытѣ ея обитателей, до Курли, съ очеркомъ курлинскаго оазиса и его жителей, къ г. Карашару съ его оазисомъ и его жителями дунганями, чанту (тибетцами) и монголами, затѣмъ къ Токсуну (черезъ пустыню), съ подробностями о любопытной Асской солончаковой впадинѣ, днѣ высохшаго озера, лежащей на 50 метровъ или 164 фута ниже уровня океана, въ 60 верстъ длины и до 30-ти въ ширину. Далѣе идетъ описаніе пути отъ Токсуна черезъ сѣдловину Тянь-шаня къ гор. Урумчи съ описаніемъ города и прилежащаго оазиса, съ любопытными замѣчаніями объ отношеніи Дунганъ къ Китайцамъ и о горныхъ богатствахъ прилежащаго Тянь-шаня: изобиліи каменнаго угля и мѣдной руды, объ источникахъ нефти (въ 2 дняхъ пути на югозападъ отъ Урумчи). Послѣдняя глава: «Отъ Урумчи до Зайсанскаго поста». Отъ Урумчи въ Россію, т. е. въ Зайсанскій постъ, пограничное мѣстечко Семипалатинской области, есть двѣ дороги. Одна идетъ черезъ Манасъ, Шихо и Дурбульджинъ. Она уже была пройдена по частямъ нашими путешественниками гг. Матусовскимъ, Тихменевымъ, Галкинымъ и братьями Грумъ-Гржимайло. М. В. Пѣвцовъ рѣшилъ избрать другой путь «мимо показываемаго на картахъ большого озера Аяръ-Нора, не посѣщеннаго еще никѣмъ изъ европейцевъ». Этотъ путь, пролегающій по совершенно неизслѣдованнымъ мѣстностямъ Чжунгаріи, представлялъ, говоритъ М. В. Пѣвцовъ, гораздо болѣе интереса, чѣмъ первая дорога. Эта вторая дорога «отдѣляется отъ большой манасской дороги въ селеніи Хутубеѣ и чрезъ оазисъ Са-цзанъ-цза ведетъ на р. Манасъ, далѣе направляется внизъ по этой рѣкѣ, минуетъ образуемыя ею озера, отъ которыхъ черезъ горы Джаиръ выходитъ на большую чугучакскую дорогу близъ станціи Саргулсунъ».

Эта дорога отъ Урумчи, оставленнаго экспедиціею 5-го дек. 1890 г., до русской границы, т. е. до Зайсанскаго поста, достигнутаго нашими путешественниками 3-го янв. 1891 г. и описана въ X-й послѣдней главѣ съ живыми подробностями о немногочисленныхъ китайскихъ фермахъ въ оазисѣ Хутубеѣ, объ обширномъ гугенскомъ лѣсѣ (около 160 верстъ въ длину, до 60 верстъ въ ширину,—состоитъ изъ ильма, частью тополя, джиды, зарослей разнообразныхъ кустарниковъ и камыша), о рѣкѣ Манасѣ, о прилегающихъ оазисахъ съ немногими китайскими фермами, объ обширной солончаковой впадинѣ (въ 60 верстъ въ длину и 30 в. въ ширину), о малыхъ и двухъ большихъ озерахъ Соготѣ (до 18 в. въ окружности) и прѣсномъ Телли-норѣ (до 70 в. въ окружности), принимающемъ въ себя съ югоз. р. Манасъ, о долинѣ р. Орху и о переходѣ черезъ горы хребта Тарбогатая.

Таково богатое содержаніе перваго тома [1]) трудовъ послѣдней нашей Тибетской экспедиціи, состоявшей изъ начальника экспедиціи М. В. Пѣвцова, его сотрудниковъ, двухъ прежнихъ сотрудниковъ Пржевальскаго, В. И. Роборовскаго и П. К. Козлова и третьяго, присоединеннаго къ нимъ, по желанію Географическаго Общества, геолога К. И. Богдановича. Сверхъ того въ составъ экспедиціи вошли: переводчикъ, препараторъ, 12 нижнихъ чиновъ конвоя, два проводника и нѣсколько погонщиковъ

[1]) Къ описанію путешествія прибавлены приложенія (стр. 387—423). 1. Астрон. наблюденія для опредѣленія географ. полож. мѣстъ. 2. Магнитныя наблюденія. 3. Барометрическія наблюденія высотъ. 4. Метеоролог. набл. 5. Опредѣленія скорости распространенія звука на высотѣ около 13.880 ф. надъ уровнемъ моря и давленіи въ 456,8 mm. Наконецъ приведенъ алфав. указатель географ. названій и именъ личныхъ.

изъ киргизъ, а животныя экспедиціи состояли изъ 88 верблюдовъ, 22 лошадей, 100 овецъ для пищи и 3-хъ сторожевыхъ собакъ.

Результаты этой экспедиціи въ маршрутной глазомѣрной съемкѣ (посредствомъ легкой мензулы и кипрегеля) въ масштабѣ 5 в. въ дюймѣ около 5500 верстъ. Сверхъ того въ боковыхъ экскурсіяхъ Роборовскаго, Козлова и Богдановича сдѣланы были подобныя же съемки. Такимъ образомъ членами экспедиціи сдѣлано маршрутной глазомѣрной съемки около 10.250 в. и измѣрено ртутнымъ барометромъ, гипсотермометромъ и анероидомъ 335 высотъ. Сверхъ того были еще сдѣланы астрономическія и магнитныя наблюденія и составлены большія коллекціи: геологическая, зоологическая [1]) и ботаническая [2]).

Сверхъ важныхъ математико и физико-географическихъ свѣдѣній этотъ томъ трудовъ тибетской экспедиціи содержитъ не мало любопытныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній о туземномъ населеніи В. Туркестана или Кашгаріи, сѣверной окраины Тибета и Чжунгаріи, о дунганяхъ и китайцахъ, о русской торговлѣ съ Кашгаріей и пр.

Населеніе Кашгаріи состоитъ приблизительно изъ 2 милл. д., причемъ 1.800.000 осѣдлаго и 200.000 кочеваго и пастушескаго.

«Осѣдлые туземцы Кашгаріи, живущіе въ оазисахъ и занимающіеся земледѣліемъ, въ этнологическомъ отношеніи представляютъ помѣсь арійцевъ иранской вѣтви съ тюрко-монголами. Объ этомъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ ихъ тѣлесные признаки, присущіе обоимъ смѣшавшимся расамъ, а отчасти и самый языкъ, въ составѣ котораго много заключается древне-персидскихъ словъ.

«Ростъ Кашгарцевъ въ общемъ не выше средняго, грудь слегка впалая, а спина выпуклая; корпусъ у нихъ сухощавый, поджарый, верхнія и нижнія конечности тонкія, почему общій видъ тѣла малъ. Лицо продолговатое, къ подбородку съуженное, затылокъ плоскій, скулы выдающіяся; уши оттопыренныя, носъ у корня широкій, а на концѣ слегка заостренный. Ротъ умѣренный, глаза прямые, каріе или темно-каріе, брови дугообразныя. Волосы на головѣ и бородѣ черные, средней густоты, но значительно гуще, чѣмъ у Киргизъ. Цвѣтъ кожи свѣтло-смуглый, но у субъектовъ, не принадлежащихъ къ рабочему классу, отличается бо̀льшей бѣлизной. Выраженіе лица спокойное, задумчивое, какъ бы испытующее, причемъ у женщинъ на немъ замѣтно болѣе оживленія, чѣмъ у мужчинъ.

«Таковы въ общихъ чертахъ тѣлесные признаки типа, который можетъ считаться преобладающимъ въ средѣ осѣдлаго населенія Кашгаріи. Само собой разумѣется, что въ этомъ населеніи должно встрѣчаться не мало и уклоненій отъ него, вполнѣ естественныхъ у метисовъ. Такъ въ яркендскомъ и отчасти въ карганыкскомъ округахъ приходилось неоднократно замѣчать туземцевъ, подходящихъ по тѣлеснымъ признакамъ весьма близко къ чистокровнымъ таджикамъ, т. е. высокаго роста, съ густой, окладистой бородой, густыми дугообразными бровями, съ горбиной на носу и узкимъ межбровьемъ. Точно также въ южной Кашгаріи, въ хотанскомъ и керійскомъ округахъ, встрѣчались изрѣдка туземцы средняго роста, съ правильными европейскими чертами лица, русой бородой и сѣрыми глазами, представлявшіе по наружности рѣзкій контрастъ съ остальной массой населенія страны» (стр. 143).

Къ осѣдлому населенію Кашгаріи принадлежатъ и дунгане; ихъ считается тамъ около 6 тыс. человѣкъ, «переселившихся въ эту страну изъ внутренняго Китая въ текущемъ столѣтіи и проживающихъ въ оазисахъ Акъ-Суйской области. Дунгане, по всей вѣроятности, тюркскаго происхожденія, но издавна усвоили языкъ, одежду и обычаи китайцевъ, отъ которыхъ отличаются лишь нѣсколько наружностью и своимъ магоме-

---

[1]) 60 видовъ млекопитающихъ (200 экз. шкуръ съ черепами), 220 видовъ птицъ (около 1200 экз.), 11 видовъ рыбъ (до 100 экз.), 20 вид. земноводныхъ и пресмыкающихся (до 80 экз.) и около 200 видовъ насѣкомыхъ, почти исключительно жесткокрылыхъ.

[2]) Гербарій экспедиціи заключаетъ въ себѣ до 700 видовъ растеній.

танскимъ вѣроисповѣданіемъ. Не смотря однако на долговременное общеніе съ китайцами, они питаютъ къ нимъ непримиримую ненависть» (стр. 143).

Къ осѣдлымъ же жителямъ Кашгаріи принадлежатъ и цыгане—ихъ будетъ до 300 семействъ, 270 живетъ въ Кашгарскомъ оазисѣ, а остальныя 30 въ Яркендскомъ. «Они занимаются преимущественно плетеніемъ корзинъ и отчасти барышничествомъ».

Кочевое населеніе Кашгаріи состоитъ изъ однихъ киргизъ, живущихъ на южномъ склонѣ главнаго хребта Тянь-шанской системы—Кокшала съ его отрогомъ Каратэке и на окраинномъ хребтѣ Памирскаго нагорья Сара-колъ. «Эти кочевники, называемые кара-киргизами, отличаются нѣсколько наружностью, языкомъ и бытомъ отъ своихъ сѣверныхъ сородичей, кочующихъ въ сибирскихъ степяхъ».

«Внутренній склонъ Кунъ-Луня въ южной и югозападной частяхъ Кашгаріи занимаютъ туземцы, отличающіеся отъ обитателей оазисовъ только своимъ полуосѣдлымъ, пастушескимъ образомъ жизни. Въ югозап. части того же окраиннаго хребта, именно въ горахъ Киліонъ-тага и Топа-тага, живутъ еще около 350 чел. Таджиковъ, вышедшихъ въ концѣ прошлаго столѣтія изъ Вахана и называемыхъ поэтому кашгарцами ваханлыками. Они ведутъ также полуосѣдлый пастушескій образъ жизни, говорятъ на древне(?)-персидскомъ нарѣчіи и, не смотря на принадлежность къ сектѣ шіитовъ, уживаются въ ладу со своими сосѣдями суннитами, пасущими стада въ тѣхъ же горахъ.

«Кашгарскій народъ не именуетъ себя никакимъ общимъ названіемъ. Осѣдлые туземцы Кашгаріи различаются только прозвищами по мѣстамъ жительства. Такъ напр. говорятъ: кашгаръ-лыкъ, яркендъ-лыкъ и пр., т. е. кашгарецъ, яркендецъ, хотанецъ... Для всего же народа—у туземцевъ нѣтъ никакого общаго названія».

М. В. Пѣвцовъ, въ отличіе отъ покойнаго Пржевальскаго, страстно любившаго «равнодушную» и даже враждебную человѣку природу и избѣгавшаго многолюдства, вездѣ охотно останавливается на изученіи и наблюденіяхъ мѣстнаго населенія, съ любовію при всякомъ удобномъ случаѣ собираетъ свѣдѣнія этнографическія и культурныя. Домашній и общественный бытъ кашгарцевъ описанъ имъ довольно подробно и весьма интересно. (См. стр. 144—191). Объ отношеніяхъ кашгарцевъ къ китайцамъ и ихъ управленію онъ говоритъ: «Туземцы горько сѣтуютъ на китайцевъ за ихъ темные поборы, высокомѣріе, презрительное къ нимъ отношеніе и постыдныя вымогательства мелкихъ китайскихъ чиновниковъ, позволяющихъ себѣ во время командировокъ не только кормиться на счетъ населенія, жестоко обращаться съ нимъ, присваивать его цѣнныя вещи, но и отбирать отъ него женъ и дочерей себѣ въ наложницы... Богачи (баи) вполнѣ довольны своимъ привелигированнымъ положеніемъ и хвалятъ китайскій режимъ, но народъ ропщетъ на него и съ сожалѣніемъ вспоминаетъ Якубъ-бека. По признанію самихъ туземцевъ, онъ былъ жестокъ и чрезмѣрно ревнивъ въ охраненіи мусульманскихъ традицій, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливъ и снисходителенъ къ бѣднымъ. При немъ баи платили большіе налоги, на счетъ которыхъ преимущественно содержались войска, покупалось оружіе и выплачивалось жалованье иностраннымъ офицерамъ (турецкимъ и сипаямъ изъ магометанъ). Бѣдныхъ же онъ строго воспрещалъ обременять налогами, а потому большинство населенія при немъ жило гораздо привольнѣе, чѣмъ теперь. Такъ отзывается кашгарскій народъ о своемъ бадаулетѣ, безвременно погибшемъ отъ ковъ вѣроломныхъ китайцевъ». Кашгарцы разсказываютъ, что Якубъ-бекъ былъ отравленъ мальчикомъ-чубукчи, подававшимъ кальянъ и подкупленнымъ яко бы китайцами.

Нашъ авторъ впрочемъ прибавляетъ, что эти отзывы кашгарцевъ о китайскомъ правленіи не лишены по всей вѣроятности преувеличеній и что есть основаніе полагать, что, хотя въ этихъ отзывахъ есть «значительная доля справедливости», все же оно не такъ тягостно для кашгарскаго населенія, какъ описываютъ его туземцы иностранцамъ» (стр. 191).

О нравственномъ характерѣ кашгарцевъ, чуждыхъ мусульманскаго фанатизма, нашъ авторъ отзывается вообще очень благопріятно: они честны, гостепріимны, услужливы; попадаются правда черты отрицательныя: лицемѣріе, корыстолюбіе, раболѣпіе.

Но хорошія стороны преобладаютъ, а послѣднія объясняются долговременнымъ гнетомъ. «Не только возмутительныя злодѣянія, но даже самыя обыкновенныя у насъ въ Европѣ преступленія, какъ напр. воровство, въ Кашгаріи случаются, говоря относительно, несравненно рѣже, чѣмъ въ любомъ изъ европейскихъ государствъ, исключая развѣ скандинавскія. Домá въ этой странѣ не имѣютъ ни запоровъ, ни замковъ; хлѣбъ почти всю зиму хранится въ ямахъ на поляхъ, и никто не опасается воровъ; на базарахъ нерѣдко можно видѣть открытыя лавки, покинутыя отлучившимися на время хозяевами, и товаръ въ нихъ остается въ цѣлости.

Приведенные факты несомнѣнно свидѣтельствуютъ о нравственной чистотѣ обитателей Кашгаріи, стоящихъ въ моральномъ отношеніи, пожалуй значительно выше многихъ цивилизованныхъ народовъ нашей части свѣта».

«Кашгарцы магометане-сунниты, но почти вовсе не проникнутые религіознымъ фанатизмомъ. Къ иновѣрцамъ, въ особенности къ христіанамъ, они никогда не относятся враждебно, а къ намъ, русскимъ, питаютъ даже нѣкоторую симпатію, благодаря доброй славѣ, распространяемой о насъ повсюду въ Кашгаріи нашими подданными—ферганскими сартами, торгующими въ этой странѣ» (стр. 161—162).

Нашихъ сартовъ-торговцевъ постоянно проживаетъ много въ Кашгаріи: по словамъ автора, въ Яркендѣ ихъ до 100, въ Хотанѣ до 80 человѣкъ. Вотъ еще любопытное замѣчаніе автора о торговлѣ нашей съ В. Туркестаномъ.

«Внѣшнюю торговлю Кашгарія ведетъ въ настоящее время главнымъ образомъ съ Россіею и отчасти съ Индіей; торговые же обороты ея съ внутреннимъ Китаемъ очень незначительны. Между тѣмъ русская торговля съ Кашгаріей съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяется. Эту торговлю ведутъ преимущественно наши ферганскіе сарты, называемые въ Кашгаріи андижанами, и отчасти семирѣченскіе сарты и татары. Большинство нашихъ торговцевъ проживаетъ постоянно въ городахъ Кашгаріи, отлучаясь изъ нихъ лишь на короткое время въ Фергану и Вѣрный за товаромъ. Главнымъ предметомъ сбыта служатъ мануфактуры нашихъ фабрикъ: ситцы, тикъ, кумачъ и другія хлопчато-бумажныя ткани; затѣмъ желѣзо разныхъ видовъ, металлическія издѣлія, въ особенности чугунные котлы, а также мыло, стеариновыя свѣчи, сахаръ, зажигательныя спички, зеркальца, бусы и многія другія мелочи. Изъ Кашгаріи же къ намъ вывозятся преимущественно дешевыя хлопчато-бумажныя ткани для туземцевъ Туркестанскаго края, потомъ бараньи мѣха, овчины, овечья шерсть, войлоки, ковры, сырыя кожи и козій пухъ.

«Конкуренція внутренняго Китая и Индіи для нашей торговли съ Кашгаріей нисколько не опасна. Доставка въ эту страну товаровъ изъ весьма удаленнаго отъ нея внутренняго Китая, при отсутствіи хорошихъ путей сообщенія и недостаткѣ перевозныхъ средствъ, обходится очень дорого. Такую высокую провозную плату могутъ выдержать только весьма цѣнные товары, имѣющіе очень ограниченный сбытъ. Даже китайскій чай, истребляемый въ большомъ количествѣ въ Кашгаріи, встрѣчаетъ себѣ сильнаго соперника въ контрабандномъ чаѣ, провозимомъ нынѣ окольными путями изъ Бенгаліи. О доставленіи же изъ внутренняго Китая желѣза и тяжеловѣсныхъ металлическихъ издѣлій не можетъ быть и рѣчи, такъ кахъ цѣны на эти предметы китайцамъ пришлось бы возвысить вдвое противъ нашихъ. Поэтому китайскіе купцы ограничиваются сбытомъ въ Кашгаріи чая, фарфоровой посуды, шелковыхъ и хлопчато-бумажныхъ тканей на весьма скромныя суммы.

«Транспортированіе кладей изъ Индіи и Кашмира черезъ Каракорумъ и Кунъ-лунь по весьма трудному горному пути обходится также очень дорого, а потому оттуда привозятся въ Кашгарію почти исключительно одни дорогіе предметы, какъ то: кашмирская кисея, индійскій чай, лекарственныя вещества и очень немного англійскихъ ситцевъ и металлическихъ вещей (ножей, бритвъ, иголокъ, наперстковъ и др.). По той же причинѣ и изъ Кашгаріи въ Кашмиръ и Индію вывозятся лишь наиболѣе цѣнные предметы: козій пухъ, нашá, хотанскіе ковры и небольшое количество войлоковъ. И такъ, заключаетъ авторъ, намъ нѣтъ основаній опасаться торговыхъ сопер-

никовъ ни со стороны внутренняго Китая, ни со стороны Индіи и сомнѣваться въ дальнѣйшемъ преуспѣяніи нашей торговли съ Кашгаріей».

Что касается до Джунгаріи или, по правописанію нашего автора, Чжунгаріи, другой сосѣдней съ Россіею восточною китайскою провинціею, то заслуживають вниманія слѣд. слова автора объ ея населеніи: «Во всемъ Урумчійскомъ оазисѣ вмѣстѣ съ туземнымъ городомъ считается около 15.000 жителей, въ томъ числѣ 13.000 дунганъ и 2.000 китайцевъ и чанту. Послѣдніе живутъ не въ ладу съ дунганами и отзываются весьма неодобрительно объ ихъ нравственныхъ качествахъ. По единогласнымъ отзывамъ чанту,—дунгане вѣроломны, злопамятны, корыстолюбивы и отъявленные воры. Почти тоже самое передавали мнѣ о дунганахъ и наши торговцы, проживающіе въ Урумчи. Конечно эти отзывы нельзя признать безпристрастными, но все таки въ нихъ заключается, по всей вѣроятности, не малая доля справедливости. При этомъ, какъ мѣстные чанту, такъ и наши торговцы увѣряли меня, что китайцы въ настоящее время опасаются дунганъ и не осмѣливаются относиться къ нимъ съ такою же строгостью и презрительностью, какъ прежде, до возстанія. Дунгане съ своей стороны сознаютъ опасенія китайцевъ и становятся въ отношеніи къ нимъ все смѣлѣе и смѣлѣе. Число дунганъ въ Чжунгаріи съ каждымъ годомъ значительно увеличивается прибылью эмигрантовъ изъ внутренняго Китая, а китайцевъ въ эту страну переселяется оттуда несравненно меньше; они опасаются повторенія инсурекціи, во время которой большая часть китайскаго населенія Чжунгаріи была истреблена возставшими. Китайское правительство, повидимому, нисколько не препятствуетъ переселенію дунганъ изъ внутренняго Китая въ Чжунгарію. Что́ оно имѣетъ въ виду въ этомъ случаѣ — трудно понять. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что съ переселеніемъ въ эту страну изъ внутренняго Китая большой массы дунганъ, ненавидящихъ китайцевъ, упроченіе владычества богдыхана въ Чжунгаріи, отрѣзанной отъ сердца имперіи широкой пустыней Гоби,—будетъ гораздо затруднительнѣе, чѣмъ въ настоящее время». (Стр. 358).

Закончимъ нашъ обзоръ прекраснаго труда М. В. Пѣвцова слѣд. изъ него извлеченіемъ. Оно знакомитъ насъ съ высшей степени любопытнымъ фактомъ, живо рисующимъ непреодолимое стремленіе русскаго народа къ дальнѣйшей колонизаціи Азіи. «Во время стоянки въ низовьѣ Яркендъ-дарьи и потомъ при слѣдованіи экспедиціи вверхъ по этой рѣкѣ я собралъ отъ туземцевъ нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи въ Лобнорской впадинѣ нашихъ старовѣровъ [1]). Въ 1858 г., по долинѣ Яркендъ-дарьи, какъ разсказывали мнѣ туземцы, проѣхалъ изъ Курли русскій человѣкъ, по имени Иванъ, отличавшійся высокимъ ростомъ, атлетическимъ сложеніемъ и необыкновенной силой. Его сопровождалъ переводчикъ изъ киргизъ, объяснявшійся довольно свободно съ туземцами. Путники посѣтили селеніе Абдалъ близь устья Яркендъ-дарьи, побывали на рѣчкѣ Джаханъ—саѣ, осматривая мѣста и, объѣхавъ вокругъ озера Кара̀—боёнъ возвратились въ селеніе Чигеликъ, изъ котораго направились обратно вверхъ по рѣкѣ въ Курлю. Въ слѣдующемъ году Иванъ прибылъ на Яркендъ-дарью уже съ 8 русскими семействами въ сопровожденіи того же киргиза. Съ ними шелъ большой караванъ изъ нѣсколькихъ десятковъ лошадей, нагруженныхъ разнымъ имуществомъ. Всѣ взрослые мужчины и женщины имѣли ружья; на пути мужчины иногда охотились, а женщины слѣдовали все время съ караваномъ. Съ туземцами путники обходились дружелюбно, никого не обижали, покупали у нихъ на серебро рыбу и овецъ, расплачиваясь всегда аккуратно. Приступая къ ѣдѣ, они, по подлинному выраженію туземцевъ, «дѣлали правой рукой вотъ такъ» (туземцы при этомъ крестились). Если кто изъ туземцевъ прикасался къ ихъ посудѣ, то они её потомъ мыли, и не давали изъ своей утвари никому изъ нихъ ни ѣсть, ни пить. На вопросы туземцевъ, изъ какой они страны ѣдутъ?—пришельцы всѣмъ говорили, что слѣдуютъ изъ страны Кемчикъ (лѣвый притокъ верхняго Енисея или Улу-кема?), населенной народомъ одной съ ними вѣры.

---

[1]) О пребываніи ихъ на Лобъ-норѣ упоминаетъ Н. М. Пржевальскій въ своей брошюрѣ: «Изъ Кульджи за Тянь-Шань на озеро Лобъ-норъ». Спб. 1878 г.

Спустившись по Яркендъ-дарьѣ до селенія Чигелика, пришельцы направились оттуда на юго-западъ и поселились въ мѣстности, занимаемой нынѣ селеніемъ Лобъ. Тамъ они построили себѣ землянки и жили въ нихъ два года, занимаясь хлѣбопашествомъ, рыбной ловлей и охотой, съ туземцами сосѣднихъ селеній они никогда не ссорились и во всѣхъ сношеніяхъ съ ними отличались миролюбіемъ и добросовѣстностью.

На второй годъ пребыванія старовѣровъ въ указанной мѣстности къ нимъ былъ командированъ китайскими властями чиновникъ изъ Турфана, уговорившій ихъ возвратиться на родину. Въ слѣдующемъ году поселенцы, уложивъ свой скарбъ на немногихъ оставшихся у нихъ лошадей, направились обратно вверхъ по Яркендъ-дарьѣ и, достигнувъ Курли, жили тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ ушли на сѣверъ. (Стр. 313—314).

В. Л.

Богдановичъ А. Е. Пережитки древняго міросозерцанія у Бѣлоруссовъ. Гродна. Губернская типографія. 1895.

«Первоначально настоящій очеркъ, говоритъ авторъ, былъ помѣщенъ въ Научномъ Обозрѣніи за 1894 г.; здѣсь онъ является въ значительно дополненномъ видѣ. Этнографическіе матеріалы, вошедшіе въ него, собраны, главнымъ образомъ, въ центральной Бѣлоруссіи въ уѣздахъ: Борисовскомъ, Игуменскомъ, Минскомъ, Слуцкомъ и Новогрудскомъ Минской губ., Сѣнновскомъ и Оршанскомъ—Могилевской и Лепельскомъ—Витебск. губ. Приводимые здѣсь пережитки древняго міросозерцанія (sic) и быта, въ большинствѣ случаевъ, общіе всей этой мѣстности».

«Для выясненія и освященія нашихъ матеріаловъ мы пользовались, главнымъ образомъ, слѣдующими сочиненіями: Спенсеръ Основан. Соціологіи, Тэйлоръ: Первобытн. культура, Бокль Истор. цивилизаціи въ Англіи и статьею Л. Мечникова: Культурное значеніе демонизма (Дѣло, 1879)».

Автору нашему дѣлаетъ честь, что онъ читалъ эти сочиненія, но мы бы пожелали ему, какъ при чтеніи этихъ, такъ и всѣхъ другихъ книгъ и авторовъ, поменьше вѣры и довѣрія, побольше сомнѣнія и разборчивости, такъ какъ безъ скепсиса, анализа и критики нѣтъ и не можетъ быть разумнаго знанія. Ни статья Мечникова, ни извѣстная, въ свое время надѣлавшая шуму и теперь почти забытая, книга Бокля никоимъ случаемъ не могутъ быть причисляемы къ пособіямъ по бѣлорусской этнографіи. Книга Тэйлора можетъ тутъ служить пособіемъ только въ извѣстномъ отношеніи, такъ какъ рѣшительно нельзя искать и видѣть во всѣхъ или даже въ большинствѣ современныхъ бѣлорусскихъ суевѣрій остатки или, какъ угодно называть, «пережитки» какого-то первобытнаго міросозерцанія. Что касается Спенсеровскихъ началъ общественной и религіозной эволюціи, то онѣ далеко не такъ непререкаемы и непогрѣшимы, какъ это представляется нашему автору. Человѣкъ и его духъ съ такъ называемымъ историческимъ развитіемъ человѣчества вовсе не такъ легко постигаются и опредѣляются, какъ оно представляется поклонникамъ Спенсера и можетъ еще ему самому, если уже въ немъ не запали сомнѣнія въ универсальности и несокрушимости его формулъ.

Мы не станемъ отговаривать автора, чтобы въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ по этнографіи бѣлорусской онъ воздерживался отъ систематическаго изложенія собранныхъ имъ данныхъ, но мы бы желали, чтобы при такомъ изложеніи и освѣщеніи онъ постоянно обращался къ себѣ съ вопросомъ, не подгоняю ли я и не гну ли я факты подъ вычитанныя мною положенія и законы, которые еще требуютъ провѣрки.

Такъ первая глава названа «Пережитки фетишизма». Почему фетишизмъ у Бѣлоруссовъ? а потому что, по словамъ начитаннаго автора, «фетишизмъ—начальная ступень въ процессѣ осмысливанія человѣкомъ внѣшняго міра. Это періодъ совершенно младенческаго состоянія человѣческаго ума. Для правильнаго пониманія этого

періода необходимо принять то неоспоримое положеніе (см. Спенсеръ. Основ. социол. т. I, стр. 110), что первобытныя идеи естественны, и, при тѣхъ условіяхъ, когда онѣ имѣютъ мѣсто,—разумны» и пр. и пр. и пр. (стр. 13—14).

Занявъ еще страничку слишкомъ такого рода введеніемъ или освѣщеніемъ, авторъ переходитъ къ изложенію слѣдовъ бѣлорусскаго фетишизма по слѣдующимъ рубрикамъ: почитаніе огня, воды, земли, почитаніе камней, горъ и пр. Тутъ есть любопытные факты, но встрѣчаются и подобныя же соображенія или освѣщенія. У Бѣлоруссовъ, справедливо замѣчаетъ авторъ, нѣтъ значительныхъ горъ, но у нихъ остались слѣды горнаго фетишизма, ибо «нѣтъ сомнѣнія, прибавляетъ довѣрчивый авторъ, что и славянскіе народы въ тѣ отдаленныя времена, когда они обитали на своей прародинѣ, гдѣ-то около горнаго хребта Гинду-Кушъ, относительно горъ раздѣляли первобытныя воззрѣнія родственныхъ племенъ, которыя и теперь являются въ недоступныхъ долинахъ и горныхъ трущобахъ Гималая чуть ли не горопоклонниками,— во всякомъ случаѣ питаютъ суевѣрный страхъ къ горамъ. Послѣ того, какъ славяне, оставивъ свою первобытную родину, населили русскую равнину, эти вѣрованія, не находя для себя достаточной пищи на новомъ мѣстѣ, должны были мало по малу ослабѣвать, сглаживаться. Однако слѣды ихъ, хотя и слабые, сохранились въ Бѣлоруссіи и доселѣ».

Такъ считая за неоспоримую истину старую гипотезу, многими учеными теперь бросаемую и прибавивъ еще къ ней собственный домыслъ о славянскихъ народахъ, пребывавшихъ на своей прародинѣ, гдѣ-то около Гинду-Куша, авторъ прежде всего указываетъ на извѣстное повѣрье о лысой горѣ, какъ о сборищѣ вѣдьмъ... Далѣе авторъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ, но постоянно съ такимъ освѣщеніемъ, которое больше вредитъ, чѣмъ помогаетъ дѣлу [1]).

Въ книжкѣ этой вообще много собрано любопытныхъ данныхъ, но почтенный авторъ слишкомъ иногда спѣшитъ ихъ объясненіями. Вѣря въ непреложность избранныхъ имъ руководителей, онъ ни на минуту не останавливается надъ вопросомъ: да одинъ ли источникъ всѣхъ приводимыхъ имъ суевѣрій и примѣтъ? ему не приходитъ на мысль, что многія изъ нихъ, какъ и разные способы и пріемы народнаго лѣченья перешли къ бѣлоруссамъ путемъ книжнымъ и сравнительно въ недавнее время, а не возникли, по закону спенсеровой эволюціи, да еще въ тѣ отдаленныя времена, когда, по его мнѣнію, славянскіе народы жили въ своей прародинѣ гдѣ то у Инду-Куша или, какъ остроумно догадывается г. Флоринскій, гдѣ-то въ Томской губерніи, всячески въ предѣлахъ учебнаго Томскаго округа.

Если иначе достойный полнаго уваженія авторъ, покинувъ скользкій путь излюбленныхъ имъ освѣщеній, поменьше станетъ разъяснять происхожденіе разныхъ собираемыхъ имъ этнографическихъ данныхъ, то, при своей наблюдательности, любви къ дѣлу и знанію народа, онъ несомнѣнно принесетъ большую пользу русской этнографіи.

Мы имѣемъ право ожидать отъ автора много хорошаго. Приведемъ слѣд. прекрасныя строки, дышущія любовью къ народу и знаніемъ его положенія, написанныя съ умомъ и талантомъ.

«Среди бѣлоруссовъ почти не сохранилось историческихъ сказаній, такъ какъ этотъ народъ нѣсколько вѣковъ не жилъ исторической жизнью. Отсюда понятно, что въ немъ заглохло и національное самосознаніе. Только въ послѣднее время оно начинаетъ про-

[1]) Да если бы и Азія была прародиною Арійцевъ, то о славянскихъ народахъ какъ древнихъ обитателяхъ средней Азіи не можетъ быть рѣчи, такъ какъ несомнѣнно еще въ Европѣ славянство (будущее, составляло одно племя съ Балтійскимъ (Пруссско-Жмудско-Ятвяжско-Литовскимъ и Латышскимъ), а около 2000 л. назадъ славянскій языкъ распадался лишь на говоры, по своимъ особенностямъ вѣроятно не болѣе отличные, чѣмъ нынѣшніе говоры внутри нарѣчій великорусскаго, малорусскаго и т. д. Какіе же могли быть славянскіе народы гдѣ то около Гинду-Куша? Лѣтъ за тысячу до Р. Х. будущее славянство вѣрно жило уже въ Европѣ, буде она на его прародина.

буждаться: подъ живительнымъ вліяніемъ школы и церкви въ бѣлоруссахъ возрождается сознаніе о своей принадлежности къ великому русскому племени. Но даже и теперь есть немало бѣлоруссовъ, которые подъ словомъ «русскіе» разумѣютъ старовѣровъ, издавна живущихъ въ Западномъ краѣ. А если вы къ такимъ бѣлоруссамъ обратитесь съ вопросомъ—кто они такіе въ смыслѣ національности, то очень многіе вамъ только и могутъ сказать, что они «тутэйшіе», т. е. здѣшніе, или что они мужики, словно бы это ихъ національное отличіе или словно бы только однимъ бѣлоруссамъ и свойственно быть мужиками. И къ вашему заявленію, что они русскіе или бѣлоруссы, они отнесутся довольно скептически: называй, дескать, какъ хочешь... Только въ отношеніи трудолюбія бѣлоруссъ не уступитъ ни великоруссу, ни малоруссу, а по выносливости превосходитъ того и другого. Но этого, конечно, мало,—и справедливость требуетъ поставить бѣлорусса по типу душевнаго развитія ниже его братьевъ изъ великой русской семьи.

Чѣмъ объяснить такую сравнительно значительную отсталость?

Различія между естественными условіями страны, въ которыхъ живутъ эти народы, хотя и наложили, конечно, нѣкоторый особенный отпечатокъ на духовный міръ своихъ обитателей, но эти различія не на столько велики, чтобы посредствомъ ихъ было возможно объяснить такую довольно значительную разницу. Объясненія нужно искать, по нашему мнѣнію, въ особенностяхъ историческихъ условій существованія бѣлоруссовъ. Прежде всего, Бѣлоруссія издавна лишилась своей интеллигенціи, этого свѣточа въ духовной жизни народа, его путеводительницы и насадительницы новыхъ идей въ массахъ. Она, какъ извѣстно, усвоила чужой языкъ и нравы, а потому стала вдвойнѣ непонятной народу: новыя идеи сами по себѣ, въ силу своей новизны, трудно усвоиваются, а выраженныя на чужомъ языкѣ становятся еще болѣе недоступны. Но это еще полъ-горя: при благопріятныхъ обстоятельствахъ народъ могъ выдвинуть изъ своей среды новыхъ носителей сокровищъ своего духа,—новую интеллигенцію, можетъ быть еще болѣе естественную, какъ вышедшую непосредственно изъ нѣдръ народа, Но бѣда въ томъ, что онъ былъ поставленъ въ такія условія, при которыхъ это было рѣшительно невозможно. Бѣлоруссія была весьма часто ареной опустошительныхъ войнъ, разорявшихъ народъ, и тѣмъ обусловившихъ его отсталость и невѣжество, и развивавшихъ грубость нравовъ; а что всего важнѣе—она до такой степени была закрѣпощена помѣщикамъ, обязанности въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ были такъ отяготительны, что на выполненіе ихъ расходовались всѣ силы народа, такъ что у него не оставалось ни времени на размышленіе и обдумываніе, ни средствъ на обученіе, а безъ этого немыслимо умственное развитіе.

Еще слишкомъ живы воспоминанія объ этомъ печальномъ времени и живы свидѣтели, перенесшіе на своихъ плечахъ всѣ его тягости. Въ любой деревнѣ вамъ сообщатъ массу невѣроятнѣйшихъ разсказовъ о безсмысленнѣйшей жестокости или самихъ помѣщиковъ, или ихъ управляющихъ, экономовъ, войтовъ, тіуновъ и прочихъ «подпанковъ». Вамъ разскажутъ, что даже и тогда, когда число дней «панщины» было опредѣлено закономъ, крестьяне, однако, отбывали «пригонъ» въ такое время и въ такомъ размѣрѣ, какъ это вздумается помѣщику, хотя такой произволъ приносилъ существенный вредъ крестьянскому хозяйству. Но гдѣ было искать управы? Кому жаловаться? Пану на пана? А другой инстанціи крестьянинъ не зналъ.

Бывали помѣщики, у которыхъ каждую субботу половину пригонщиковъ жестоко сѣкли розгами: однихъ за огрѣхи при пахотѣ, другихъ за высокія «гривы» при косьбѣ; тѣхъ за то, что высоко жали, а тѣхъ, что малые снопы вязали, чтобы сжать установленное число копенъ и т. д. Надо было напрягать всѣ силы, пускать въ ходъ всю внимательность и изобрѣтательность, чтобы избѣжать наказанія. Но и это далеко не всегда помогало.

Ведя такую изнурительную жизнь, чѣмъ питался народъ? Вѣдь отъ качества пищи много зависитъ качество мысли. «Мы только теперь узнали, что такое голодъ», говорили намъ иронически крестьяне:—«а за панами мы голоду не знали, потому что

всегда голодали. Бывало только скотину бережешь, а сами каждую весну ѣли травы да коренья. А когда молотили панскій хлѣбъ, то невѣянныя зерна, тайкомъ, горстями въ ротъ сыпали да ѣли». Повѣрить можно. И теперь еще въ центральной Бѣлоруссіи крестьяне настолько сохранили привычку къ хлѣбу съ мякиной, что только такой хлѣбъ, пушной или «полóвый», и считаютъ настоящимъ хлѣбомъ, а къ «чистяку» относятся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, находя, что онъ не питателенъ, что онъ какъ слюна: нѣтъ съ него никакого «посилку».

В. Л.

«Иллюстрированная библіотека Крестнаго Календаря». Сказки Русскаго народа. Текстъ подъ редакціей В. А. Гатцука. Рисунки художниковъ Н. А. Богатова, Г. Дорэ и др. Москва 1894 г.

6 выпусковъ, по 32 страницы каждый. Въ нихъ помѣщено 52 сказки (отъ 3 до 15 на выпускъ) съ 65 рисунками (отъ 8 до 15 на выпускъ).

Рисунки несомнѣнно талантливаго Н. А. Богатова большею частью оригинально задуманы и хорошо выполнены. Въ нихъ нерѣдко весьма удачно соединена извѣстная реальность фигуръ и пейзажа съ фантастикой, нисколько не дисгармонирующія между собой, что, вообще говоря, очень рѣдко удается. Жаль только, что рисунки г. Богатова разбавлены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ не подходящими къ нимъ по духу и не особенно удачными рисунками Г. Дорэ.

Можно съ радостью привѣтствовать появленіе рисунковъ г. Богатова, потому что у насъ по иллюстраціи народныхъ сказокъ сдѣлано весьма и весьма мало. Если и попадаются изрѣдка хорошіе рисунки въ русскихъ изданіяхъ сказокъ, то они большею частью (и нерѣдко весьма некстати) заимствованы изъ иностранныхъ изданій (чего, къ сожалѣнію, не избѣгло и настоящее изданіе), а своего творчества въ этомъ направленіи у насъ почти вовсе не замѣчается.

Наилучшими рисунками г. Богатова слѣдуетъ признать:

Морозко (стр. 1), Какъ Лиса рыбкой у мужика поживилась (стр. 116), и Василиса Премудрая (стр. 181, 183, 187, 192). Хороши также и слѣдующіе рисунки: Золотой хлѣбъ (стр. 17), Горшеня (стр. 23), Хитрая наука (стр. 27), Пѣтухъ и жерновки (стр. 45), Деревянный орелъ (стр. 51), Аленькій цвѣточекъ (стр. 79), Сестрица Аленушка и братецъ Иванушка (стр. 87), Какъ Лиса Волку за бычка отплатила (стр. 119), Почему Пѣтухъ отъ хозяина ушелъ (стр. 129), Про то, какъ Лиса Пѣтуху обиды выместила (стр. 133).

Обложка книжекъ также недурна, и изображенный на ней русскій орнаментъ съ птицей Сириномъ—очень у мѣста.

Цѣна каждаго выпуска—весьма умѣренная для такого иллюстрированнаго изданія (25 коп.).

В. Семеновъ.

Н. Я. Никифоровскій. Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности (Этнографическія данныя). Съ географическимъ видомъ Витебской губерніи и четырьмя чертежами въ текстѣ. Витебскъ, 1895 г., VIII, 552, CLII стр. Цѣна 3 рубля.

Составитель настоящаго сборника не новичокъ въ дѣлѣ собиранія и изученія этнографическаго матеріала. Изъ его автобіографіи [1]) мы узнаемъ, что еще живя въ

---

[1]) См. А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи, т. IV, стр. 157 и 158.

родительскомъ домѣ, въ одномъ изъ уголковъ Витебскаго уѣзда, онъ постоянно сталкивался съ примѣрами суевѣрія окружающей его среды. Всѣ эти разсказы о чертяхъ и ожившихъ на время покойникахъ вполнѣ воспринимались дѣтскимъ умомъ, и вѣра эта была поколеблена лишь позже, во время пребыванія въ семинаріи, когда у будущаго этнографа явилась мысль записывать народныя суевѣрія. По окончаніи курса семинаріи за все время почти 30-лѣтняго учительства (и въ настоящее время уважаемый этнографъ еще состоитъ учителемъ приготовительнаго класса Витебской гимназіи) Н. Я. Никифоровскій не измѣнилъ своимъ этнографическимъ наклонностямъ и захотѣлъ и сумѣлъ свой нелегкій учительскій трудъ соединить съ изученіемъ родныхъ мѣстъ съ бытовой стороны. Не надѣясь въ скоромъ времени обнародовать свой накопившійся и постоянно пополняемый матеріалъ, Н. Я. Никифоровскій, послѣ знакомства въ началѣ 70-хъ годовъ съ другимъ безкорыстнымъ труженикомъ русской этнографіи П. В. Шейномъ, не разъ предоставлялъ ему въ пользованіе собранныя имъ данныя, которыя и появлялись на страницахъ сборниковъ г. Шейна.

Поводомъ къ составленію настоящаго труда г. Никифоровскому послужило то обстоятельство, что «текущее житье-бытье простолюдина Витебской Бѣлоруссіи, разсматриваемое въ связи съ предметами такъ называемой обиходности, какъ-то спѣшно видоизмѣняется: одни предметы заново вошли въ обиходность, другіе утратили прежнюю обыденность и встрѣчаются все рѣже и рѣже, третьи, за очевидною непригодностью, вышли изъ употребленія и не попадаются болѣе, даже какъ «завалящіе».

Вся смѣна эта произошла на глазахъ г. Никифоровскаго, и «за 33 приблизительно года передъ симъ текущая обиходность далеко не была такою». Возстановить эту ушедшую въ даль обиходность и ставитъ себѣ задачей авторъ «Очерковъ». Описаніе свое онъ ограничиваетъ двумя смежными десятилѣтіями, предшествующимъ 19 февраля 1861 года и послѣдующимъ за этимъ днемъ: «въ первомъ изъ нихъ (говоря словами г. Никифоровскаго) можно прочесть «послѣднее слово» крѣпостническаго строя; во второмъ же, близкомъ къ прерванному строю, обновленная жизнь пока - что не очень далеко отходила отъ прежней». При составленіи «Очерковъ» авторъ и не имѣлъ въ виду всей Витебской Бѣлоруссіи на всемъ ея пространствѣ: имъ оставленъ безъ вниманія бытъ крестьянъ въ такъ называемыхъ Инфляндскихъ уѣздахъ (то-есть: Двинскій, Рѣжицкій, Люцинскій и западная часть Дриссенскаго), а также въ сѣверныхъ окраинахъ Велижскаго, Невельскаго и Себежскаго уѣздовъ, потому что крестьянская жизнь въ этихъ послѣднихъ всегда была ближе къ жизни сосѣднихъ великоруссовъ Смоленской и Псковской губерніи. Свѣдѣнія, сообщаемыя г. Никифоровскимъ, касаются трехъ главнѣйшихъ сторонъ крестьянскаго быта: пищи, одежды и жилья. Сообразно съ этимъ и вся книга дѣлится на части подъ заглавіями: А) Ѣжа, ѣдиво, поядуха, прорва, жратва, момна; Б) одѣцця, обуцця и приборы; В) жилле, сялиба и будовля. Дополненіемъ къ послѣдней части служитъ часть Г подъ несовсѣмъ опредѣленнымъ заглавіемъ: Тамъ-сямъ, вокругъ да около. Въ общемъ должно признать собранный здѣсь матеріалъ весьма богатымъ, разнообразнымъ и крайне любопытнымъ Быть можетъ мѣстные этнографы найдутъ въ книгѣ г. Никифоровскаго пробѣлы и неточности, но и самъ авторъ, выставляя въ послѣсловіи недостатки своего труда, далекъ отъ мысли считать его вполнѣ совершеннымъ. Намъ же кажется болѣе умѣстнымъ и справедливымъ обратить вниманіе на положительныя стороны «Очерковъ» г. Никифоровскаго и, отнесясь сочувственно къ его замыслу, признать выполненіе удачнымъ и видѣть въ книгѣ г. Никифоровскаго весьма цѣнное пополненіе литературы по бѣлорусской этнографіи и пока еще въ своемъ родѣ единственное.

Н. Т—овъ.

Weigand G. Die Aromunen ethnographisch-philologisch-historische Untersuchungen über d Volk d. sogenannten Makedo-Romanen oder Zinzaren B. I. Land u. Leute. Mit einem Titelbilde, 8 Tafeln u. einer Karte. Lpzg. 1895. XII+334 Ss. in 8°. B. II. Volksliteratur d. Aromunen herausgegeben mit Unterstützung d. kön. sachs. Ges. d. Wiss. Lpzg. 1894. XVI+383 Ss.

Этотъ посвященный Аромынамъ трудъ приноситъ большую честь и его ученому автору и германской наукѣ. Черезъ два-три года долженъ послѣдовать и третій томъ—этимологическій словарь аромынскаго языка. Четвертый томъ будетъ посвященъ грамматикѣ, а пятый—сравнительнымъ изслѣдованіямъ обнародованнаго матеріала. Судя по двумъ вышедшимъ томамъ и по другимъ работамъ г. Вейганда [1]), можно смѣло ожидать отъ этого замѣчательнаго ученаго очень важныхъ новыхъ указаній и соображеній какъ по въ высшей степени занимательному и далеко еще не вполнѣ рѣшенному и выясненному этнологическому вопросу о румынской народности на сѣверъ отъ Дуная, такъ вообще и по исторіи взаимныхъ отношеній въ средніе вѣка и въ новое время народностей болгарской, сербо-хорватской, греческой и албанской къ валахамъ и аромынамъ.

Первый томъ этого замѣчательнаго труда состоитъ изъ дневника втораго путешествія г. Вейганда (съ 30 апрѣля 1889—24 мая 1890) по Турціи и Греціи по мѣстностямъ, населеннымъ такъ называемыми Куцовлахами, Цинцарами или, какъ они сами себя называютъ, Аромынами. Эти путевыя замѣтки и наблюденія по Македоніи, средней Албаніи, Эпиру, Ѳессаліи и собственной Греціи (стр. 1—252) составляютъ значительнѣйшую часть 1 тома. Въ остальной его части авторъ представляетъ рядъ итоговъ и общихъ заключеній относительно аромынъ. Здѣсь говоритъ авторъ объ общемъ или преобладающемъ ихъ типѣ, объ обычныхъ ихъ жестахъ, объ ихъ одеждѣ, о расположеніи ихъ деревень, объ ихъ жилищахъ, объ ихъ народныхъ названіяхъ и племенахъ, о приблизительномъ и наиболѣе вѣроятномъ числѣ душъ аромынскаго населенія и объ его территоріальномъ распространеніи, о причинахъ убыванія и вымиранія аромынъ. Наконецъ прилагается нѣсколько замѣчаній къ приложенной къ книгѣ и составленной авторомъ этнографической картѣ Аромынъ; тутъ мы находимъ нѣсколько любопытныхъ поправокъ топографическаго и физико-географическаго характера къ прежнимъ картамъ этихъ еще мало изслѣдованныхъ краевъ и наконецъ нѣсколько очень важныхъ этнографическихъ замѣтокъ о границахъ греческаго и болгарскаго, о границахъ болгарскаго и албанскаго населенія въ Македоніи.

Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ этого путешествія и изслѣдованія Вейганда нужно назвать первое наиболѣе точное опредѣленіе численности аромынскаго населенія. До сихъ поръ одни (преимущественно Румыны королевства и австро-венгерскіе) страшно преувеличивали, а другіе слишкомъ ужь уменьшали число Аромынъ. Такъ Болинтиняну насчитывалъ ихъ до 1.200,000 д., а Бѣгавъ (1887) даже до 3.134,450 д.

[1]) Ему принадлежатъ слѣд. еще труды: 1) Die Sprache der Olympo-Walachen. Nebst einer Einleitung über Land u. Leute v. G. Weigand. Lpzg. 1888. VIII+142 Ss. in 8°. 2) Vlacho-Meglen. Eine ethnographisch-philologische Untersuchung v. G. Weigand. Lpzg. 1892. XXXVI+78 Ss. in 8°. mit 4 Lichtdruckbildern u. einem Reiseplan. Въ 1894 г. Вейгандъ предпринялъ изданіе ежегодныхъ отчетовъ румынскаго семинарія при Лейпцигскомъ университетѣ: Erster Jahresbericht des. Institute für Rumänische Sprache (Rumanisches Seminar). Herausgegeben auf Kosten d. kngl. Rumänisch-Kultusministeriums v. d. Leiter d. Instit. Dr. Gust. Weigand. Lpzg. 1894. XII+157 Ss. in 8°. Здѣсь помѣщены двѣ работы слушателей г. Вейганда, г. Дахзельта—обработка одной части рукописи Димоніу, важнаго аромынскаго памятника, найденнаго Вейгандомъ въ Охридѣ, и Курта Шладебаха—этюдъ объ арумынской балладѣ о мостѣ на Артѣ и ея отношеніяхъ къ подобнымъ ей пѣснямъ у другихъ народностей. Наконецъ здѣсь же изданы самимъ Вейгандомъ нѣкоторые тексты на истрійско-румынскомъ нарѣчіи, очень мало досслѣ извѣстномъ.

(включая въ это число Румынъ въ Сербіи и Болгаріи), другіе же—до 70,000 и даже до 24,000 д. включая сюда Румынъ, говорящихъ по валашски и албански или по валашски и гречески.

Главное ядро сплошнаго аромынскаго населенія, по Вейганду, находится на пространствѣ отъ горы Смолика на сѣверѣ въ юго-восточномъ направленіи черезъ гору Василицу къ горному кряжу Метцовскому, оттуда въ греческой территоріи по теченію Саламвріи и Аспропотама. Здѣсь, отчасти на турецкой, отчасти на греческой территоріи живетъ 48,210 Аромынъ.

Далѣе—отъ Смолики на сѣверовостокъ начинается сперва греческое, а потомъ у Костурскаго озера (Касторія) и болгарское населеніе. Но и въ этихъ греческой и болгарской (по языку и народности) земляхъ находятся чисто аромынскія населенія или совершенно одиночныя или мелкими группами. Сверхъ того во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ мѣстечкахъ и городахъ вьются меньшія или большія колоніи аромынскія. Здѣсь ихъ насчитываетъ Вейгандъ до 62,405 д.

На сѣверо-западъ отъ своего ядра Аромыны живутъ въ Албаніи на горѣ Грамосъ, на горѣ Морава на сѣверовостокъ отъ Корчи, на горѣ Камна, водораздѣлѣ р.р. Шкумпи и Деволъ, на орошаемой р. Семани равнинѣ Мусакье, на западъ отъ Берата до Адріатическаго моря. Сверхъ того есть въ Албаніи поселенія смѣшанныя—такъ на западъ отъ горы Грамосъ въ албанскихъ мѣстностяхъ Колоніи и (на зап. отъ нея) Дангли съ горами Радони были нѣкогда чисто-аромынскія деревни, преимущественно населенныя такъ называемыми Фаршеріотами (отъ села Фрашери); живутъ аромыны вмѣстѣ съ албанцами въ Костреци, Куртеси, въ Мусксполѣ, въ Корчѣ, въ Эльбассанѣ, въ Бератѣ и нѣк. др., гдѣ впрочемъ они быстро албанятся. Всего въ Албаніи Аромынъ будетъ—16,850 д.

На западъ отъ своего центра живутъ Аромыны разбросанно въ Эпирѣ. Здѣсь у нихъ нѣтъ деревень. Многіе изъ аромынскихъ пастуховъ живутъ зимою въ Кампосѣ между Артою и Превезою, лѣтомъ же переселяются на Сиракo, Метцово и въ окрестныя деревни. Не многіе же изъ здѣшнихъ аромынъ перекочевываютъ съ своими стадами то на горы Сулійскія, то за Арту на Чумерку. Аромынъ въ Эпирѣ—до 2,000 д.

На югъ отъ ядра живутъ Аромыны въ Греческомъ королевствѣ въ Акарнаніи, Этоліи, Віотіи, тамъ и сямъ въ Мореѣ; всего—4,625 д.

На востокъ отъ ядра, въ турецкой и греческой Ѳессаліи, преимущественно въ первой, въ Воло и особенно въ Алимеріи (1 ч. разст. на востокъ отъ Воло), въ Велестино (преимущественно зимой) въ Алмиро или Кирцини (тоже преим. зимой) въ Трикалѣ (всего болѣе), въ Кардицѣ, въ Тырнавѣ... Здѣсь населеніе смѣшанное, чисто же аромынское (такъ называемые Олимпскіе Валахи) въ Влахо-Ливадонъ.

Кокиноплò (по указ. Барта Reise durch die europ. Türkei), Фтери...
Всего теперь въ Ѳессаліи, гдѣ въ средніе вѣка ихъ было такъ много.—15,430 д.
Такимъ образомъ чисто-аромынскихъ населеній (154) . . . . . 98,130 д.
А смѣшанныхъ съ грек., болг. и алб. и пр. (76) . . . . 51,390 »

Итого. . . 149,520 д.

Изъ 154 чисто-аромынскихъ мѣстностей Вейгандъ не посѣтилъ только 49, именно на Аспропотамѣ, но съ населеніемъ ихъ познакомился на ихъ зимнихъ стоянкахъ въ Ѳессаліи. За то Вейгандъ побывалъ въ такихъ захолустьяхъ аромынскихъ, гдѣ никто изъ ученыхъ доселѣ не бывалъ. «Если не смотря на все доброе желанье я не могъ, говорить Вейгандъ, насчитать свыше 150,000 аромынъ, говорящихъ на родномъ своемъ языкѣ, то можно убѣдиться, что всѣ высшія показанія основаны на преувеличеніи. Возможно, что я не указалъ нѣкоторыхъ деревень близь Тираны и въ долинѣ Арсена, такъ какъ я получилъ противурѣчивыя показанія объ ихъ жителяхъ. Во всякомъ случаѣ ихъ число, равно и тѣхъ, кого я упустилъ изъ виду, незначительно. Меня даже пожалуй

могутъ упрекнуть за то, что я включилъ въ мой расчетъ жителей Шатисты, Сереса, Нигриты, Солуня, Θивъ и другихъ мѣстъ, гдѣ младшее поколѣніе по румынски уже не говоритъ. Но я думалъ, что оно будетъ законною поправкою того, что я упустилъ. Слѣдуетъ еще прибавить число аромынъ, живущихъ въ Болгаріи и Сербіи. Въ первой, по Ирѣчку (Das Fürst. Bulgarien. Wien. 1891. S. 151 ff.), Куцо-Влаховъ или Аромынъ по переписи 1881 г. считается 2300 д. Если присоединить сюда бывающихъ лѣтомъ на Родопѣ Влахахъ и живущихъ тамъ и сямъ въ Болгаріи турецкихъ подданныхъ изъ Куцо-Влаховъ, то Аромынъ въ Болгаріи не наберется все-жъ таки и 5000 д. Въ Сербіи же они живутъ лѣтомъ на горахъ: Суха-Планина при Нишѣ (134 сем. съ 33,000 овецъ и 18,000 лошадей) по указанію Миличевича (тамъ-же, Ирѣчекъ S. 122). Прибавивъ къ нимъ аромынскія семьи въ Нишѣ, Вранѣ, Бѣлградѣ и др., maximum Аромынъ можетъ быть около 5000. И такъ, въ Сербіи и Болгаріи вмѣстѣ, Аромынъ или Цинцаръ можетъ быть около 10,000, никакъ не свыше. Такъ какъ число Дако-Румынъ въ Болгаріи (по Ирѣчку) до 60,000, а въ Сербіи отъ 150 до 180,000 д., то мы придемъ къ замѣчательному выводу, что число Дако-Румынъ на югъ отъ Дуная (безъ Добруджи) значительно больше всѣхъ Аромынъ, именно 240,000 д. первыхъ и maximum 160,000 д. вторыхъ. Само собой, прибавляетъ Вейгандъ, 14,000 Мегленитовъ въ расчетъ не принимаются, какъ отдѣльныхъ въ племенномъ отношеніи (stammverschieden)».—(Ss. 295—296).

Относительно этихъ Мегленитовъ или Могленцевъ въ своемъ трудѣ «Vlacho-Meglen» г. В—ъ высказалъ убѣжденіе, что Валахи Могленскіе имѣютъ свой особый типъ, отличный отъ Цинцарскаго и Болгарскаго, что въ одеждѣ они болѣе схожи съ живущими на западъ отъ Караджова Болгарами, чѣмъ съ Болгарами на равнинѣ Вардарской, что въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, суевѣріяхъ они отличаются отъ Цинцаръ и сходны съ окружающими ихъ Болгарами. «Особенно нужно отмѣтить, что Цинцары всего менѣе земледѣльцы; я встрѣчалъ въ видѣ исключенія только въ Музакье́ (край въ Албаніи между Бератомъ и Адріатическимъ моремъ) и въ Маньянѣ у Миссалонги такихъ, которые при овцеводствѣ занимались немного и земледѣліемъ. Цинцары - купцы, ремесленники, кераджіи (извощики), ханджіи (трактирщики) или содержатели хановъ (постоялыхъ дворовъ) и пастухи, которые при случаѣ обращаются въ разбойниковъ. Напротивъ того Могленскій Валахъ живетъ земледѣліемъ и шелководствомъ, а въ Нонте занимается и гончарнымъ дѣломъ.

Цинцаръ чувствуетъ себя выше окрестныхъ Могленцевъ. Онъ предпріимчивъ, живъ, интеллигентенъ. Могленецъ равнодушенъ, лишенъ энергіи, тупъ. Цинцаръ любитъ необузданную свободу на своихъ горахъ, Могленецъ жилъ или живетъ еще въ полной зависимости отъ помѣщика въ чифтликѣ; довольно различій, чтобы смѣшать эти два племени.

«Что касается до прошлаго Мегленцевъ, то ихъ, какъ и Цинцаръ, надо возводить къ тѣмъ Влахамъ, которые въ средніе вѣка занимали «Μεγαλοβλαχία» въ западной Θессаліи съ горами, о коихъ говорятъ Никита, Анна Комнина, испанскій Еврей Тудела (sic! т. е. Веніаминъ Тудельскій, и, прибавимъ, открытый, изданный и прекрасно коментированный Проф. Васильевскимъ, византійскій бояринъ Кекавменъ). Если мы оглянемся на другія валашскія племена, то мы услышимъ, что въ к. XII в. Болгары поднялись подъ предводительствомъ Валаховъ и разбили Грековъ при Сересѣ, послѣ чего является болгаро-валашское царство. Исторія этого періода еще мало разслѣдована, одно кажется вѣрнымъ, что Валахи не были многочисленны. Большая часть изъ нихъ безслѣдно исчезла между Славянами, другіе могли удалиться въ горы послѣ страшнаго погрома на Коссовомъ полѣ. Если я этихъ Могленцевъ связываю съ тѣми Болгаро-Влахами и вижу въ первыхъ какъ бы послѣдній остатокъ вторыхъ, то, я думаю, можно безошибочно въ прямое тому доказательство указать на одинъ типъ, ибо все остальное, что намекаетъ на славянское вліяніе, могло быть принято въ позднѣйшее время. Многіе изъ нихъ могли соединиться съ своими соплеменниками на Пиндѣ и въ Албаніи. Извѣстные опорные пункты нахожу я въ самыхъ сѣверныхъ деревняхъ Цинцарскихъ:

въ верхней и нижней Вялѣ, на сѣверозападъ отъ Охридскаго озера и въ Маловиштѣ, на сѣверовостокъ отъ озера Пресбинскаго. Такъ здѣсь употребительны нѣкоторыя слова, напр. me kulku, ntsepŭ, прочимъ Цинцарамъ неизвѣстныя; также gi вм. ji изъ vi, наконецъ сочлененіе omul указываютъ также на какой то иной, не цинцарскій элементъ. Если эти слѣды не встрѣчаются въ Крушевѣ, Монастырѣ, Тырновѣ, Мегаровѣ, лежащихъ очень на сѣверъ (въ Македоніи), то оно происходитъ оттого, что эти поселенія были основаны, лишь въ прошломъ столѣтіи, Валахами изъ Мусkoполя, Граммости, Линотопи и т. д. Дальнѣйшіе слѣды этихъ Валаховъ находятся въ Сербіи, гдѣ встрѣчается имя Старовлахъ. Въ одной деревнѣ близь Куманова прежде говорили по валашски.

Значительнѣйшій остатокъ тѣхъ Болгаро-Валаховъ состоитъ именно изъ нашихъ Могленцевъ, искавшихъ и нашедшихъ себѣ убѣжище въ горахъ Караджовскихъ. Быть можетъ они и защищались въ «Корунѣ» за ея каменными валами. Вѣроятно также, что вся масса живущихъ тутъ Валаховъ собралась здѣсь постепенно. Деревни расположенныя полнымъ особнякомъ на западномъ склонѣ должны быть древнѣйшими, за ними слѣдовали деревни на восточномъ (у автора по ошибкѣ опять повторено: auf der Westseite). Хорошая почва и мягкій климатъ помогли имъ отказаться отъ кочевой жизни. Память о прошломъ исчезла. Самое гордое имя «Aromuni»-Romani, сохраненное Дакійцами и Цинцарами, утратилось у Могленцевъ и у Истрійцевъ, славянскія слова Влахъ и влашки обозначаютъ народъ и языкъ.

Отличіе ихъ типа отъ цинцарскаго произведено славянскимъ, быть можетъ даже чисто болгарскимъ элементомъ (т. е. тюркскимъ), который имъ пріобщился еще въ древнѣйшее время, когда они поселились въ Мизіи. (Кто они? Цинцары? такъ выходитъ по буквальному смыслу). Глядя на этихъ узко-глазыхъ, желто-смуглыхъ парней, на этихъ женщинъ съ выдающимися скулами и жесткими волосами, я не могъ удержаться отъ мысли, что въ ихъ жилахъ должна течь иная, а не кавказская, кровь. Языкъ ихъ указываетъ лишь на общность языка, а не на общность происхожденія. Первое положеніе не уничтожаетъ слѣдующаго. Сверхъ того не всѣ они, даже не половина, имѣютъ одинъ типъ. Но прежде чѣмъ приступить къ древнѣйшей исторіи Румынъ съ помощью языка, должны быть рѣшены нѣкоторые другіе вопросы. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Дакійскіе Румыны и Македонскіе Румыны имѣютъ общее начало, и только историческій изслѣдователь съ предвзятыми взглядами можетъ не обращать на это вниманія. Конечно можно предложить вопросъ: не нашли ли можетъ быть Цинцары романскій элементъ въ Албаніи, на Пиндѣ или въ Македоніи и его тамъ себѣ усвоили? Быть можетъ Фаршеріоты и составляютъ этотъ древнѣйшій романскій элементъ? Какъ вошли въ Македоно-румынское нарѣчіе нѣкоторыя не ново-греческія слова (talár—сосудъ, pǫrpódz—чулки, apoksilú—жесткій, agno—(ἄγνος, —гиря)? Быть можетъ онѣ сохранены Фаршеріотами отъ древнѣйшаго времени? [1]).

«Надо подвергнуть изслѣдованію славянскіе, равно какъ и общіе албанскому и румынскому языку элементы. Только тогда будетъ возможно съ положительнымъ основаніемъ приступить къ вопросу о происхожденіи Румынъ». (Vlacho-Meglen. Ss. 53—56).

Мы привели все это мѣсто о могленскихъ Влахахъ дабы показать, что г. Вейгандъ, представившій прекрасныя работы по языку, народной поэзіи, по современной этнографіи Аромынъ, еще замѣтно слабъ въ историко-географическихъ свѣдѣніяхъ о романскомъ населеніи Византійской имперіи, Болгаріи, Сербіи, и еще въ этомъ отношеніи не подготовился къ историко-этнографическимъ изслѣдованіямъ.

Самый распорядокъ и отчасти именованіе важнѣйшихъ византійскихъ источниковъ о румынахъ или влахахъ въ Θессаліи обличаетъ тогдашнее по крайности (1892 г.)

[1]) Слишкомъ поспѣшное заключеніе на основаніи четырехъ словъ, б. м. еще недавно исчезнувшихъ изъ новогреческаго языка, а можетъ и теперь гдѣ нибудь живущихъ у Грековъ.

очень не ясное знакомство съ источниками. Никита Хонскій († ок. 1210—1215 г.) поставленъ раньше Анны Комнины († 1148 г.), а Веньяминъ Тудельскій († 1171 г.) названъ der spanische Iude Tudela, т. е. названіе города (въ Испаніи, въ пров. Наваррѣ) г. Вейгандъ принялъ очевидно за личное имя еврейскаго путешественника. Изъ незнакомства г. В. съ Веньяминомъ Тудельскимъ можно заключать и о незнакомствѣ его съ трудами одного изъ крупнѣйшихъ византинистовъ нашего столѣтія Тафелемъ (De Thessalonica eiusque agro. Berol. 1839.—De Via militari Romanorum Egnatia. Tubingae. 1842).

Эти изслѣдованія Тафеля важнѣйшее пособіе по исторической географіи Албаніи, Македоніи, Өессаліи, а также для исторіи Влаховъ въ этихъ странахъ. Тюркскій типъ Влаховъ Могленскихъ объясняется проще поселеніемъ плѣнныхъ Печенѣговъ въ Могленѣ въ 1091 г. при Императорѣ Алексѣѣ Комникѣ, какъ и было указано К. Ирѣчкомъ. (Арх. Ягича XVI, 1. Стр. 97). Умолчаніе о Кекавменѣ обличаетъ незнакомство Вейганда и съ изслѣдованіемъ В. Г. Васильевскаго, и съ изслѣдованіемъ Томашека. Затѣмъ высказанное Вейгандомъ предположеніе о появленіи Влаховъ въ Могленѣ якобы вслѣдствіе битвъ Болгаръ подъ предводительствомъ Валаховъ съ Греками подъ Сересомъ, а потомъ вслѣдствіе удаленія послѣ Коссовской битвы этихъ немногочисленныхъ Валаховъ въ горы Карачовскія,—это предположеніе такъ натянуто и неправдоподобно, что оно опять таки всего лучше объясняется малымъ знакомствомъ Вейганда съ исторіею имперіи, Болгаръ и Сербовъ. Въ Архивѣ Ягича почтенный чешскій ученый К. Ирѣчекъ высказалъ по этому поводу нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній въ своей прекрасной статьѣ.

Что же касается филологической и этнографической части труда г. Вейганда, то онѣ составляютъ большую его заслугу. Выше мы привели общее число населенія аромынскаго, которое полагаетъ г. В. наиболѣе вѣроятнымъ и близкимъ къ истинѣ. Это одинъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ труда г. В. Онъ разсѣялъ фантастическій и невинный самообманъ патріотовъ Румынскихъ, толковавшихъ еще недавно о Македоніи, какъ входящей въ сферу румынской политики. Еще недавно (27 ноября 1893 г.) одинъ изъ вліятельнѣйшихъ государственныхъ людей Румыніи Д. Стурдза въ своей парламентской рѣчи высказалъ самоувѣренно, что на Балканскомъ полуостровѣ находится милліонъ Румынъ, значитъ предполагалъ, что Цинцаръ или Аромынъ не менѣе, даже свыше полъ милліона [1]).

Но еще важнѣе другой результатъ внимательныхъ и добросовѣстныхъ наблюденій надъ Аромынами въ Македоніи, Өессаліи и пр. Несмотря на всѣ пожертвованія и энергическія старанія Румынъ королевства о заведеніи народныхъ румынскихъ школъ между Цинцарами (хотя въ самой Румыніи на 5.406,209 жителей считается 4.719,363 ж. совершенно безграмотныхъ), народность румынская среди Цинцаръ, по глубокому убѣжденію Вейганда, пропадаетъ, не имѣетъ будущаго.

«Большинство приверженцевъ національнаго движенія, говоритъ Вейгандъ, находится на сѣверѣ. Охрида и Пляса — единственныя мѣстности, гдѣ всѣ жители настроены національно, большинство ихъ находится въ Гопешѣ, Маловиштѣ; приблизительно въ равновѣсіи обѣ партіи—народная и антинародная—въ Авделѣ, Периводи, Вовусѣ. Во всѣхъ же другихъ мѣстностяхъ, а именно въ Монастырѣ, Невескѣ, Крушевѣ, Мегаровѣ, Тырновѣ националы составляютъ меньшинство, а въ большихъ центрахъ, каковы Бератъ, Метцово, Влахо-Ливадонъ, Серресъ, Лаиста, далѣе во всѣхъ мѣстностяхъ на греческой почвѣ ни о какой національной партіи не можетъ быть и рѣчи. Вообще постоянно заводятся новыя школы—какъ я узнаю изъ писемъ,—въ Метцовѣ, Бератѣ, Влахо-Ливадонѣ, Ресиѣ, Флоринѣ, Мусколлѣ и даже въ Армиро въ Өессаліи, т. е. на греческой почвѣ, гдѣ зимой бываетъ малочисленное аромынское населеніе,—но все это не можетъ имѣть никакого успѣха, если наберутъ 20—30 ребятъ бѣднѣйшаго класса и дадутъ имъ учителя. За малыми исключеніями дѣло обстоитъ повсюду такъ: пастухи, кераджіи и бѣднѣйшіе ремесленники посылаютъ своихъ

[1]) Brote, E. Die rumän Frage in Siebenbürgen u. Ungarn. S. 354—5.

дѣтей въ румынскія школы или въ интернатъ въ Монастырь и Янину, гдѣ ихъ содержатъ на счетъ государственной (рум. правительства), дабы потомъ дать имъ учительскія мѣста; но люди состоятельные, давшіе и продолжающіе давать тысячи, даже милліоны на греческое образованіе и греческія школы, относятся не только равнодушно къ національному движенію, но даже явно враждебно. Это раздѣленіе породило гнусныя явленія: оклеветаніе передъ турецкими властями, нанесеніе всякаго рода матеріальныхъ убытковъ, драки, нападенія изъ-за угла, убійства, и нѣтъ никакой надежды, что положеніе улучшится.

«Съ того времени, какъ Аромыны боролись за великогреческую идею, они были носителями эллинизма, учителя и врачи изъ Аромынъ распространяли въ аромынскихъ, болгарскихъ и албанскихъ мѣстностяхъ греческій духъ и благодаря своему единовѣрію имѣли вездѣ успѣхъ. Но въ новѣйшее время болгарская народность отъ нихъ отшатнулась, и то немногое, что теперь въ южной Македоніи настроено по гречески, несмотря на всѣ усилія грековъ, непремѣнно отъ нихъ отпадетъ. Страхъ, чтобы не отпали отъ нихъ Аромыны и Албанцы, побуждаетъ греческое правительство и Силлогосъ (общество греч. пропаганды въ Константинополѣ) къ отчаяннымъ усиліямъ помѣшать этому отпаденію. Друзья Грековъ говорятъ: «живя на Пиндѣ, съ одной стороны въ Эпирѣ, съ другой въ Ѳессаліи, что мы подѣлаемъ съ языкомъ румынскимъ, не пригоднымъ въ нашихъ дѣлахъ, или къ чему послужитъ намъ наше собственное аромынское нарѣчіе? Оно хорошо для пастуховъ и кераджіевъ, но не для культуры, для которой въ немъ нѣтъ и словъ. Мы не можемъ ограничиться нашими горами, мы должны слѣдовательно учиться по гречески, съ греческимъ языкомъ мы обойдемся на всемъ Левантѣ. Языкъ древній, высокопочтенный, его литература глубоко уважается всею Европой.»

«На этихъ основаніяхъ въ Загорѣ и въ другихъ общинахъ Пинда греческія школы содержатся на счетъ общинъ безъ всякой поддержки Силлогоса; онъ же направляетъ всю свою силу на болѣе угрожаемый сѣверъ. Тамошнее аромынское населеніе добываетъ себѣ средства къ жизни на сербской, болгарской территоріи или въ Румыніи. Оно не нуждается въ греческомъ языкѣ и давно было готово примкнуть къ національному движенію. Эта національная партія говоритъ въ свою очередь: «Зачѣмъ нашимъ дѣтямъ терять цѣлые, дорогіе годы надъ греческимъ языкомъ? Книжный греческій языкъ слишкомъ труденъ, мы взрослые, умѣя говорить по гречески, не понимаемъ этого книжнаго языка. Мы—Аромыны. Мы не желаемъ забывать своего роднаго языка, мы любимъ нашу рѣчь такъ-же, какъ любимъ наши деревни, наши горы. Мы происходимъ отъ Римлянъ, имѣемъ свою древнюю исторію; мы такъ-же можемъ гордиться своими предками, какъ и Греки. Къ чему мы станемъ отказываться отъ нашего языка?»

«Если съ практической точки зрѣнія надо отдать справедливость греческой партіи, то съ точки зрѣнія идеальной заслуживаютъ вниманія доводы партіи національной, и если румынское правительство поддерживаетъ послѣднюю—не дѣлай оно этого, все бы это движеніе пропало,—то конечно оно имѣетъ въ виду только идеальныя цѣли, оно желаетъ остановить денаціонализацію своихъ соплеменниковъ, поддержать въ нихъ чувство общности съ большимъ племенемъ и развить въ немъ національную образованность. Но достигнутые результаты конечно не стоятъ въ прямомъ отношеніи къ принесеннымъ жертвамъ. Я показалъ, какъ малочисленно и разбросано аромынское населеніе и доказалъ на основаніи моихъ собственныхъ наблюденій и извѣстнаго патріота Бурады, какая незначительная часть настроена національно. Со времени пробужденія національнаго движенія, процессъ эллинизаціи на греческой почвѣ только усилился, ибо гдѣ прежде ничего не имѣли противъ аромынской рѣчи, теперь избѣгаютъ ее намѣренно.

«Къ несчастью для національной партіи, въ ней появился расколъ, распространяться о немъ неумѣстно. Одно вѣрно, что при обособленности Аромынъ и при ихъ раскиданности среди чужихъ большихъ народностей, они не могутъ долго продержаться, даже если бы удалось распространить у нихъ у всѣхъ національное направленіе. Ибо сами румынскія школы, служа повидимому направленію національному, явятся наконецъ

только факторомъ, ускоряющимъ разложеніе; такъ какъ подростающее поколѣніе усвоиваетъ себѣ въ нихъ языкъ румынскій, который притупляетъ въ нихъ чувство языка къ родной аромынской рѣчи, безъ того сильно подвергнутой вліянію греческаго, болгарскаго, турецкаго и албанскаго языковъ и только ведетъ ее къ скорѣйшему упадку. Уже теперь замѣтно это вліяніе, а въ будущемъ оно еще увеличится. Соціальныя, культурныя и даже политическія отношенія несомнѣнно приведутъ къ тому, что Аромыны, какъ и многіе другіе народы до нихъ, потонутъ въ другихъ большихъ народностяхъ балканскаго полуострова. Можно объ этомъ жалѣть, но нельзя помѣшать; оно именно, какъ сказалъ д-ръ Атанасъ, «та дурная звѣзда, подъ которою родились Аромыны».

Дѣйствительно тутъ подтверждается давно высказанное глубокое замѣчаніе, что не только народъ имѣетъ вліяніе на языкъ, но и языкъ въ свою очередь имѣетъ сильное вліяніе на народъ. Сверхъ того впервые г. Вейгандомъ такъ основательно обслѣдованное и такъ вѣрно имъ указанное современное положеніе и несомнѣнное будущее аромынской (цинцарской) народности и рѣчи бросаетъ яркій свѣтъ на нынѣшнее положеніе и на вѣроятное будущее всѣхъ относительно малыхъ народностей среди большихъ и организованныхъ народовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ превосходное объясненіе исторіи южныхъ Славянъ — Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ, которые въ VI, VII в. по Р. Х. поселились въ нынѣшнихъ своихъ земляхъ среди не густаго, но болѣе или менѣе сплошнаго населенія отчасти кельтскаго (Скордиски), преимущественно ѳракійскаго и иллирскаго племени, но за исключеніемъ части древнихъ Иллировъ (Албанцевъ), вполнѣ покореннаго Римлянами, утратившаго свои народныя рѣчи и принявшаго рѣчь латинскую, романскую. Византійскіе писатели, грамоты византійскія, немногія болгарскія и многочисленныя сербскія и хорватскія, нынѣшнія и старинныя, многочисленныя мѣстныя и личныя имена, немалое количество словъ латинскихъ въ южныхъ славянскихъ языкахъ, наконецъ народные типы этихъ южныхъ славянъ, нѣкоторыя ихъ повѣрья и обычаи являются намъ драгоцѣнными свидѣтельствами, какъ много они въ себя приняли стихій романскихъ, вмѣстѣ съ другою стихіею, тюркскою (Гунны, Авары, Болгары, Печенѣги, Половцы, Турки). Этотъ процессъ поглощенія Хорватами, Сербами, Славянами—Болгарами—ѳракійцевъ, иллировъ, кельтовъ олатиненныхъ начался по крайней мѣрѣ тысячу лѣтъ назадъ и совершался безостановочно до нашего времени [1]).

Къ этому важному историко-этнологическому явленію, совершенно не похожему на отношенія германскаго элемента къ романскому, который понынѣ, какъ напр. въ Тиролѣ продолжаетъ съ успѣхомъ напирать на элементъ германскій, мы воротимся въ другой разъ и въ другомъ мѣстѣ, а теперь выскажемъ вновь глубокую благодарность г. Вейганду за его прекрасную филологическую и этнографическую работу, послѣдствія которой быть можетъ недостаточно ясно представлялись ея ученому автору, кажется, именно отъ того, что онъ мало еще вникалъ въ исторію южныхъ славянъ и Византіи.

В. Л.

---

[1]) Мы этимъ не хотимъ сказать, что старые Валахи Далмаціи, Босніи, Герцеговины, Старой Сербіи, Сербскаго королевства, Болгарскаго княжества и пр. были всѣ одного нарѣчія и вообще одной разновидности съ Цинцарами.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Погребальные обычаи Обдорскихъ Остяковъ.

Значительная часть Обдорскихъ Остяковъ крещена. Но крещеніе не оказываетъ большого вліянія на этихъ дикарей, которые наряду съ оставшимися въ язычествѣ свято чтутъ своихъ древнихъ боговъ, обращаются къ своимъ шаманамъ и соблюдаютъ религіозные обряды предковъ. Изъ всѣхъ этихъ обрядовъ наиболѣе живучи—похоронные. Крещеный или некрещеный безразлично хоронится по мѣстному языческому обряду. Даже если надъ Остякомъ совершено отпѣваніе священникомъ, то и тогда родственники покойнаго, по совершеніи обрядовъ православной церкви, производятъ все то, что требуетъ языческій остяцкій обычай. Поэтому такъ рѣдки у мѣстнаго православнаго духовенства случаи похоронныхъ требъ. Да и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ похороны бываютъ по двумъ обрядамъ: православному и языческому. Только самое ничтожное меньшинство Остяковъ можетъ быть названо православными въ томъ смыслѣ, что они не только крестятся, но и хоронятся по православному обряду. Большинство-же ограничивается только однимъ крещеніемъ. Причина такого различнаго отношенія къ обоимъ изъ этихъ обрядовъ кроется въ своеобразномъ взглядѣ Остяковъ на крещеніе и на погребеніе.

На крещеніе Остяки смотрятъ какъ на своего рода принесеніе жертвы «Русскому Богу» (Русь Тóрымъ). Крещеніе поэтому обусловливается всегда какимъ-нибудь случаемъ, при которомъ Остякъ далъ обѣтъ креститься самому или крестить одного изъ своихъ дѣтей. Приведу случай, со словъ одного Обдорскаго миссіонера. Приходитъ къ нему Остякъ и проситъ окрестить ребенка.—«А ты самъ-то крещеный?«—«Нѣтъ,— отвѣчаетъ Остякъ.—«А жена твоя крещеная?»—«Нѣтъ, мы всѣ некрещеные, у меня и дѣти остальные некрещены, только вотъ этого одного думаю окрестить».—«Что-жъ такъ?»—«Да, видишь-ли, батька, пошелъ я недавно на охоту. Ходилъ, ходилъ—ничего промыслить не могъ. Я и давай молиться вашему Николѣ-Богу: Никола-Богъ, пошли ты мнѣ хорошаго звѣря, ужъ я тебя уважу—крещу своего младшаго сына. Ну и дѣйствительно—помогъ Никола, послалъ добычу. Такъ вотъ я теперь и пришелъ къ тебѣ, батька, крести моего сынишку, надо же обѣтъ исполнить».—«Нѣтъ, братъ, отвѣчаетъ ему миссіонеръ, у насъ этакъ не полагается. У насъ, вѣдь, мало того, чтобы крестить, а надо еще и о томъ позаботиться, чтобы ребенка научить, какъ вѣровать и молиться, а тутъ этого нельзя: чему-же ты будешь учить сына, когда ты и самъ-то некрещеный. Это у васъ можно вашимъ шайтанамъ жертвы приносить, а у насъ иначе. Ты долженъ самъ креститься съ женой, а потомъ я и

дѣтей окрещу». Задумался Остякъ.—«Нѣтъ, говоритъ,—самъ я не крещусь, потому—не къ чему».—«Ну, какъ хочешь!»—«Однако, батька, какъ ты полагаешь, вѣдь Никола-то пожалуй на меня осердится за то, что я не исполнилъ обѣта; ну, да я ему буду каждый годъ въ кружку рубль денегъ класть!»—«Это, братъ, напрасно, Богу твои деньги не нужны, не откупишься»,—отвѣтилъ миссіонеръ и сталъ ему объяснять всю необходимость крещенія. Остякъ, однако, остался при своемъ.

Такимъ образомъ Остяки вообще не придаютъ почти никакого значенія крещенію, потому-что оно не соотвѣтствуетъ никакому изъ ихъ языческихъ обрядовъ и потому является для нихъ непонятнымъ. Что касается до погребенія, то тутъ дѣло другое; необходимость погребенія съ совершеніемъ извѣстнаго рода обрядовъ вытекаетъ изъ вѣры Остяковъ въ загробную жизнь, въ которой покойникъ будетъ нуждаться въ извѣстномъ матеріальномъ комфортѣ; слѣдовательно необходимо снарядить покойнаго такъ, чтобъ онъ и на томъ свѣтѣ не зналъ нужды. Затѣмъ покойный можетъ вернуться съ того свѣта, а этого Остяки очень боятся; въ виду чего необходимо посредствомъ разнаго рода заклинаній устранить возможность нежелательныхъ визитовъ покойнаго къ своимъ живымъ родственникамъ. Наконецъ самая смерть является, по мнѣнію Остяковъ, слѣдствіемъ гнѣва боговъ, и нужно узнать: за какой грѣхъ и за оскорбленіе какого бога постигла человѣка смерть. Такимъ образомъ погребальные обряды Остяковъ съ ихъ точки зрѣнія имѣютъ безусловно практическое, значеніе, и ихъ необходимо соблюсти.

Понятно отсюда, какой интересъ имѣютъ эти обряды для уясненія религіозныхъ взглядовъ Остяковъ.

Какъ только умретъ Остякъ, всѣ выходятъ изъ дому, кромѣ одной или двухъ старухъ. Покойнаго накрываютъ чѣмъ нибудь, имущество его выносятъ на улицу, чтобы никто изъ входящихъ въ домъ, не могъ видѣть ни того, ни другого. Старухи, оставшіяся при покойномъ, перевязываютъ ему голову на-глухо платкомъ или тряпкой, иногда зашиваютъ мѣшкомъ. Поверхъ платка къ глазамъ пришиваютъ серебряныя монеты. Покойнаго не обмываютъ.

Гробомъ бо̀льшею частью служитъ лодка, которая раскалывается на двое: въ одну половину кладутъ покойнаго, а другая служитъ крышкой. Въ гробъ кладутъ съ покойникомъ оленью постель (шкуру), подъ голову мѣшокъ съ пимами (сапоги изъ оленьей шкуры мѣхомъ наружу). Въ гробъ же кладутъ часть имущества покойнаго, а именно: чашку, чайникъ, одежду, топоръ, ножъ. Если умерла женщина, то кладутъ мѣшокъ съ иглами, наперсткомъ, также и инструменты для выдѣлки мѣховъ, хотя-бы ихъ и не было у покойницы. Пищи въ гробъ не кладутъ.

Покойника кладутъ одѣтаго, надѣваютъ шапку поверхъ платка, руки кладутъ по швамъ. Когда покойника уже положили въ гробъ, то одна изъ старухъ обводитъ по его краямъ бѣличьимъ хвостомъ — 5 разъ для мужчинъ и 4 раза для женщинъ—и послѣ каждаго раза она дуетъ въ дверь «чтобы покойникъ не воротился».

Затѣмъ гробъ закрываютъ доской—цѣльной или соединенной,—часто половиной лодки и перевязываютъ веревками. Гробъ кладутъ на топоръ поперекъ того конца, гдѣ голова покойнаго.

Послѣ этого къ гробу подходитъ шаманъ или старуха, замѣняющая въ данномъ случаѣ шамана, беретъ за веревки и слегка приподнимаетъ гробъ. При этомъ шаманъ про себя спрашиваетъ, отчего умеръ покойный и перечисляетъ всевозможные грѣхи. Когда шаманъ попадетъ на тотъ грѣхъ, отъ котораго послѣдовала смерть, то гробъ «самъ собою опускается и плотно прилегаетъ къ полу, такъ-что никакими усиліями нельзя его отодрать». Разсказываютъ, что, если стараются его оторвать отъ полу, то рвутся крѣпкія плетеныя изъ оленьихъ ремней веревки, которыми обвязанъ гробъ; но гроба все-таки не поднять. Я лично такихъ случаевъ не видалъ.

Вопросы шаманъ предлагаетъ про себя, отвѣтъ-же объявляетъ вслухъ. Былъ случай, что старуха умерла за оскорбленіе Полуйскаго шайтана. Не всегда однако

такіе грѣхи влекутъ за собою смерть: можно и откупиться. Такъ одинъ Остякъ умилостивилъ оскорбленное божество тѣмъ, что пожертвовалъ ему халатъ, повѣсивъ его на священное дерево. Часто бываетъ, что другой шаманъ провѣряетъ перваго — при чемъ эта повѣрка даетъ всегда самые блестящіе результаты: показанія шамановъ сходятся всегда. Иногда бываетъ и такъ, что первый ничего не находитъ и не натыкается на грѣхъ.

Относительно грѣховъ нужно замѣтить, что таковыми вообще считаются только такіе проступки, которые нарушаютъ права боговъ. Проступки-же противъ людей грѣхами не считаются. Такъ что Остякъ-убійца или воръ грѣшникомъ не считается. Само собою, что это не избавляетъ его отъ отвѣтственности и отъ осужденія общественымъ мнѣніемъ. Fas рѣзко отдѣлено отъ jus. Грѣхами считаются напр.: лжеприсяга (Остяки присягаютъ на медвѣжьей лапѣ; нарушившій клятву подвергается опасности быть растерзаннымъ медвѣдемъ), кража съ мертваго, кража у шайтана (Остяки оставляютъ приношеніи на особыхъ мѣстахъ, посвященныхъ тому или другому божеству, вѣшаютъ напр. тесёмки на вѣтвяхъ священныхъ деревьевъ или кладутъ пищу для [1]) шайтана, неисполненіе обѣта даннаго божеству. Отъ грѣха можно откупаться жертвоприношеніями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ числу грѣховъ относятся и нѣкоторые проступки противъ половой нравственности: супружеская невѣрность и особенно кровосмѣшеніе и скотоложство. Такимъ образомъ остяцкій богъ не вмѣшивается въ людскія дѣла и предоставляетъ имъ жить, какъ они хотятъ. Божества требуютъ только, чтобы люди исполняли свои обязанности относительно его непосредственно: люди должны приносить ему жертвы, не должны ложно клясться его именемъ. Посредниками между богами и людьми являются шаманы. Если Остякъ согрѣшилъ, то боги его всегда могутъ простить за извѣстное жертвоприношеніе: не въ интересахъ бога быть злопамятнымъ и жестокосердымъ, такъ какъ отъ этого хуже придется самому богу—онъ не получитъ ничего отъ грѣшника. При крещеніи эти взгляды переносятся и на христіанскаго Бога. Бываетъ въ томъ краю и обратное: православное населеніе усваиваетъ себѣ чисто остяцкіе взгляды, а иногда даже обращаются къ шаманамъ (очень рѣдко впрочемъ). Наблюдаютъ за неприкосновенностью своихъ правъ главнымъ образомъ второстепенныя божества: (куллъ) рѣчные, озерные, горные духи. Эти господа особенно требовательны. Что-же касается главнаго бога – То́рымъ, то, по мнѣнію многихъ Остяковъ, это божество никакихъ своекорыстныхъ претензій не имѣетъ, это божество недосягаемое, ни въ чемъ не нуждающееся, общее для всѣхъ народовъ, временъ и мѣстъ. Зато, кажется оно не имѣетъ и вліянія на судьбу людей, не наказываетъ и т. п. Впрочемъ изъ нѣкоторыхъ обрядовъ о коихъ ниже, видно, что и это божество не такъ недоступно и безкорыстно.

Замѣчу здѣсь, что отвѣты Остяковъ по этому вопросу бывали часто противорѣчивы, такъ что вообще я не могъ себѣ составить яснаго понятія о природѣ Торым'а. По взглядамъ однихъ Остяковъ, Торымъ былъ безличнымъ существомъ, какъ у деистовъ, по мнѣнію другихъ—просто первымъ богомъ среди другихъ второстепенныхъ. Первое воззрѣніе, повидимому, преобладаетъ; но при изученіи погребальныхъ обрядовъ видно, что Торыму приписываются нѣкоторыя чисто личныя свойства.

Вѣроятно въ похоронныхъ обрядахъ отразилось болѣе древнее политеистическое воззрѣніе, которое потомъ стало вытѣсняться другими взглядами, подходящими къ монотеизму и даже, какъ это ни странно,—къ деизму.

Послѣ исканія грѣховъ, гробъ выносятъ изъ дому. Выносить гробъ можетъ всякій: мужчина и женщина, родственникъ и посторонній. Время похоронъ не опредѣлено, чаще всего на другой день послѣ смерти. Для могилы выбирается всегда возвы-

---

[1]) Шайтанами зовутъ Остяцкихъ и Самоѣдскихъ боговъ мѣстные русскіе. У самихъ Остяковъ такого слова (татарскаго) нѣтъ. Главнаго бога Остяки зовутъ То́рымъ; второстепеныхъ: куллъ.

щенное мѣсто—холмъ. Могилы каждаго рода помѣщаются на одномъ кладбищѣ. Каждый родъ [1]) имѣетъ свое кладбище. Если умретъ чужеродецъ, то его хоронятъ гдѣ попало. Кладутъ гробъ всегда ногами на Сѣверъ, потому что именно на Сѣверѣ находится «патламъ» (тьма, мракъ), загробное царство. О жизни въ этомъ патламѣ Остяки имѣютъ весьма смутныя понятія (что конечно очень естественно). Достовѣрно только, что патламъ находится на Сѣверѣ, что тамъ темно, что тамъ нужно добывать себѣ пищу и что туда идутъ безразлично и праведники, и грѣшники. Остяки кладутъ, какъ я сказалъ, покойнаго ногами на Сѣверъ, чтобъ ему легче было найти дорогу, идя по прямой линіи, какъ всталъ. Очевидно, они предполагаютъ, что покойникъ можетъ и заблудиться и между прочимъ бродить около жилища своихъ родныхъ; а этого Остяки «бѣда не терпятъ».

На могилѣ опять повторяется церемонія исканія грѣховъ.

Могилы не копаютъ, а ставятъ гробъ прямо на землю. Надъ нимъ устраиваютъ досчатый амбарчикъ и въ него (въ пространство между гробомъ и крышей амбара) втискиваютъ оставшееся имущество—одежду. При этомъ обрываютъ завязки у ягушекъ (верхняя зимняя одежда въ родѣ шубы—съ двойнымъ мѣхомъ внутрь и снаружи, какъ у дохи). Мѣхъ ягушки распарываютъ на двое. Внутрь амбара кладутъ и такія вещи, которыя боятся дождя. Прочія вещи: котлы, горшки, лукъ, колокольчики кладутся возлѣ амбарчика на землѣ. При этомъ всѣ вещи насѣкаются или пробиваются, чтобы сдѣлать ихъ негодными къ употребленію (чтобы не расхищали русскіе или зыряне—Остяки не похитятъ, потому грѣхъ). Амбарчики не болѣе аршина вышиной. Узнать остяцкое кладбище легко по этимъ амбарчикамъ и по множеству пробитыхъ заржавѣвшихъ котловъ, которые тамъ и сямъ торчатъ изо мха и подъ кустами. Я иногда пользовался этими котлами при собираніи грибовъ, когда корзина была полна, такъ-что больше некуда было класть. А хорошіе березовики и подосиновики попадаются на остяцкихъ кладбищахъ! Съ обоихъ концовъ амбарчика вколачиваются столбики, къ которымъ укрѣпляется сверху шестъ, служащій связью. На шестѣ привязываются колокольчики по числу покойниковъ. Если у покойнаго были олени, то тутъ-же бросаютъ и сломанную нарту и шестъ оленій. Если послѣ покойнаго остаются вдова или вдовецъ, то на гробъ кладутъ п о л о в и н у пóлога и половину покрышки чума. Почему половина? Не намекъ-ли это на существовавшее раньше единобрачіе (хотя о немъ не слыхать и нѣтъ вообще никакихъ данныхъ, чтобы оно раньше было).

Послѣ похоронъ устраиваютъ тутъ-же поминки. Нарѣжутъ сырого мяса и рыбы, и раздѣлятъ на три равныя части: одну часть богу Торымъ, другую поставятъ къ водѣ водяному духу (йинг кулль), а третью часть—покойнику. Здѣсь такимъ образомъ Торымъ является какъ божество не чуждое нѣкоторыхъ человѣческихъ потребностей наряду съ прочими второстепенными божествами въ родѣ йингъ кулля. Стало-быть Торымъ просто primus inter pares. Хотя, опять повторю, изъ распросовъ, Торымъ обрисовывался чаще всего какъ богъ совершенно чуждый всего земного – близко подходящій къ монотеистическому пониманію. Пища постоитъ около четверти часа—этого времени считается достаточнымъ для насыщенія боговъ и покойника. Такъ-какъ они, очевидно ѣдятъ въ приглядку, то этого времени конечно вполнѣ достаточно. Затѣмъ эти приношенія ѣдятъ родственники покойнаго и вообще участвующіе на поминкахъ. При этомъ—старики и старухи, ѣдятъ отъ покойника, молодые мущины отъ Торыма, а молодыя женщины ѣдятъ отъ водяного (йинг кулль). Поѣдятъ сырого, потомъ варятъ и тоже дѣлятъ на части, какъ и сырое. Выпиваютъ и водки. Затѣмъ пьютъ чай. Чай богамъ не ставятъ, а только покойнику нальютъ одну чашку и поставятъ съ прикуской. Это по всей вѣроятности объясняется тѣмъ, что въ настоящее время религіозныя воззрѣнія Остяковъ прогрессировали по направленію къ монотеизму. Чай вошелъ въ употребленіе у нихъ сравнительно недавно, и они порѣшили, что современные, болѣе

---

[1]) Этимъ словомъ я перевожу остяцкое названіе абрась. Мѣстное русское населеніе называетъ группу Остяковъ одной фамиліи обыкновенно «ватагой» или нерѣдко «артелью».

идеальные боги могутъ обходиться и безъ этого напитка. Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ относительно водки, какъ продукта тоже сравнительно недавняго, хотя конечно болѣе древняго для Остяковъ, чѣмъ чай. Къ сожалѣнію, не могу теперь припомнить въ точности, подносятъ-ли водку богамъ или нѣтъ на поминкахъ. Вѣрнѣе, что подносятъ, тѣмъ болѣе, что въ другихъ случаяхъ несомнѣнно подносятъ и даже не только своимъ богамъ, но и христіанскому. Я какъ-то видѣлъ слѣдующую сценку: на травѣ около церкви сидѣло нѣсколько Остяковъ и пили. Одна старуха взяла бутылку, подошла къ церкви и стала кланяться и креститься, время отъ времени отливая изъ бутылки на землю. Поминки повторяются черезъ каждый мѣсяцъ (лунный), по мущинѣ въ продолженіе 5-ти мѣс., а по женщинѣ—4-хъ.

Послѣ похоронъ имени покойнаго называть нельзя. Если у кого-либо изъ живыхъ родственниковъ тоже имя, то перемѣняютъ, хотя-бы онъ былъ крещёный.

На память о покойномъ дѣлаютъ куклу. Ее дѣлаютъ женщины до выноса гроба изъ дому изъ прутьевъ, вмѣсто головы берётся пуговица. Величина куклы не болѣе четверти аршина. Ее одѣваютъ по сезону—лѣтомъ легко, зимой въ мѣховой нарядъ: ягушку. Ягушку для куклы шьютъ совершенно такую же, какъ и настоящую, только въ миньятюрѣ; вышиваютъ еще цвѣтнымъ сукномъ. Каждое утро куклу одѣваютъ, даютъ ей воды умываться, отлипъ [1]) утираться; даютъ ей чашку чая, пищи. Это продолжается 5 лѣтъ (Остяцкій годъ=нашему полугоду), если покойникъ мущина и 4 года, если женщина; значитъ $2^1/_2$ и 2 года по нашему календарю. По истеченіи этого срока куклу бросаютъ подъ амбарчикъ, гдѣ тѣло покойнаго.

Трауръ состоитъ въ томъ, что родственники покойнаго снимаютъ съ себя пояса и подвязки пимовъ. Если умеръ мужчина, то срокъ траура: 5 мѣсяцевъ безъ подвязокъ и 5 дней безъ поясовъ, если—женщина, то 4 мѣсяца безъ подвязокъ и 4 дня безъ поясовъ. Объясняютъ Остяки этотъ обычай тѣмъ, что тогда покойный чувствуетъ себя легче, свободнѣе.

Во время траура, а особенно въ первые дни нельзя смѣяться и громко говорить. Поэтому при ворожбѣ на похоронахъ (исканіе грѣховъ) шаманы никогда не употребляютъ своего бубна (пеньзяръ). Всякій шумъ при похоронахъ запрещается остяцкимъ обычаемъ. Нѣтъ у нихъ и причитаній, даже вопросы покойному относительно его грѣховъ дѣлаются про себя.

Изъ изложеннаго ясно видно, что остяцкая религія безусловно признаетъ существованіе загробнаго міра. Но далеко не всѣ Остяки въ него вѣруютъ. Часто встрѣчаются между ними раціоналисты, которые говорятъ, что не знаютъ, что съ ними будетъ послѣ смерти. Г. Русляковъ (сотрудникъ мой по составленію словаря и грамматики остяцкаго языка), видѣлъ даже такого Остяка, который съ увѣренностью говорилъ, что съ его смертью все кончится и никакой загробной жизни не будетъ. И такихъ конечно не одинъ человѣкъ.

Вообще при изученіи религіозныхъ и другихъ понятій даннаго племени слѣдуетъ всегда различать современныя понятія отъ тѣхъ, которыя только отражаются въ обрядахъ и отражаются только въ видѣ пережитковъ.

Изслѣдованія обрядовъ и обычаевъ строго говоря можетъ имѣть только историческое значеніе; такъ, изъ погребальныхъ обрядовъ Остяковъ мы несомнѣнно убѣждаемся, что когда-то вѣра въ загробный міръ была фактомъ всенароднаго убѣжденія. Но такъ-ли это теперь—сказать нельзя. Для рѣшенія этого вопроса единственный методъ—статистическое изслѣдованіе, если таковое возможно и удобно. Но такъ какъ подобное изслѣдованіе (поголовный опросъ) очень затруднительно, а въ такихъ щекотливыхъ вопросахъ, какъ религіозныя, даже крайне неудобны и непозволительны, (съ какой-бы точки зрѣнія ни смотрѣть) то единственное, что остается—это отзывы мѣстныхъ уроженцевъ, систематически изъ году въ годъ ведущихъ наблюденія этно-

[1]) Отлипъ—тонкія древесныя стружки, которыя замѣняютъ Остякамъ полотенца для утиранья рукъ и лица.

графическаго характера. Конечно трудно найти въ глухой окраинѣ людей, преданныхъ наукѣ, но при извѣстномъ желаніи—можно. Относительно Обдорска я могу сказать, что тамъ есть три-четыре человѣка, интересующихся вопросами мѣстной этнографіи и готовыхъ собирать матерьялы. Эти лица много помогли мнѣ при изученіи остяцкихъ обычаевъ и языка, въ частности-же свѣдѣніями о погребальныхъ обычаяхъ я обязанъ главнымъ образомъ Обдорскому рыбопромышленнику Алексѣю Никитычу Чупрову.

В. Бартеневъ.

Народонаселеніе Австро-Венгріи.

Къ настоящему году въ двойственной монархіи находилось 43.680,000 жителей. По народностямъ они раздѣляются на Нѣмцевъ—10.960,000, Чехославянъ (т. е. Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ)—7.777,000, Мадьяръ—7.507,000, Сербо-Хорватовъ—4.879,000, Поляковъ—3.900,000, Русскихъ—3.668,000, Румынъ—2.940,000, Словѣнцевъ—1.325,000 и Итальянцевъ—729,000.

Въ нѣмецко-славянской половинѣ двойной монархіи (собственно Австріи или Цислейтаніи)—24.580,000 жителей.

Въ Цислейтаніи—Нѣмцевъ—8.840,000, Чехославянъ—5.720,000, Поляковъ—3.900,000 (съ галицкими евреями), Русскихъ—3.278,700, Словѣнцевъ—1.230,000, Итальянцевъ—708,000, Сербо-Хорватовъ (въ Истріи и Далмаціи)—679,000, Румынъ (въ Истріи и Буковинѣ)—218,000 и Мадьяръ (въ Буковинѣ)—8,000.

Въ мадьярско-славянско-румынской половинѣ двойной монархіи, т. е. въ Венгерскомъ королевствѣ или Транслейтаніи—19.003,300 жителей.

Въ Транслейтаніи—Мадьяръ—7.499,000, Сербохорватовъ—4.100,000, Румынъ—2.722,000, Нѣмцевъ—2.120,000, Словаковъ—2.057,000, Русскихъ—389,300, Словѣнцевъ—95,000, Итальянцевъ—21,000.

Евреевъ (по вѣроисповѣданію, по народности или языку, они приписываются обыкновенно къ господствующей и привеллигированной въ краѣ народности: къ Нѣмцамъ, къ Полякамъ, къ Мадьярамъ) въ Австро-Венгріи—1.920,000. Въ Цислейтаніи (Австріи) Евреевъ—1.176,000, изъ нихъ до 700,000 въ Галиціи приписано къ Полякамъ, а остальные $1/2$ милліона въ другихъ цислейтанскихъ земляхъ къ Нѣмцамъ; въ Транслейтаніи Евреевъ—723,000. Если отнять отъ цислейтанскихъ Нѣмцевъ до $1/2$ милліона Евреевъ, то получимъ Нѣмцевъ въ Цислейтаніи—8.330,000, а въ Транслейтаніи Мадьяръ—6.776,000. Такимъ образомъ, прибавляетъ одинъ славянскій журналъ, выходитъ, что 8.400,000 съ небольшимъ господствуетъ въ Цислейтаніи надъ 16.916,000 не Нѣмцевъ, изъ коихъ—14.807,700 Славянъ. Въ Венгріи—7.499,000 или по отчисленіи отъ Мадьяръ Евреевъ 6.776,000 Мадьяръ господствуетъ надъ 8.545.000 не-Мадьяръ, изъ коихъ 6.641,000 Славянъ.

Приведя эти цыфры, одинъ славянскій журналъ въ заключеніе замѣтилъ: въ итогѣ-же, въ Австро-Венгріи $16^1/_2$ милл. Нѣмцевъ и Мадьяръ господствуютъ надъ 27 милл. слишкомъ не-Нѣмцевъ и не-Мадьяръ, изъ коихъ $21^1/_2$ милл. однихъ Славянъ.

Прибавимъ, что эту печальную этнографическую загадку не мудрено разгадать: Нѣмцы въ Австро-Венгріи хотя и не говорятъ однимъ нарѣчіемъ и принадлежатъ къ разнымъ племенамъ (Stämme), дорожатъ и пишутъ однимъ языкомъ и имѣютъ богатую литературу и образованность, постепенно обогащаемую 50-ти милліоннымъ нѣмецкимъ народомъ, а Мадьяры въ теченіи двухъ сотъ слишкомъ лѣтъ боролись съ Вѣною, возставали противъ Габсбурговъ, соединялись противъ нихъ съ Турками, Фран-

ціею и теперь при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ заявляютъ, что они никакого австрійскаго патріотизма не признаютъ и никогда признавать не будутъ. Между тѣмъ какъ $21^{1}/_{2}$ милліоновъ австро-венгерскихъ Славянъ распадаются на вѣчно враждующихъ между собой: Поляковъ и Русскихъ, Сербовъ и Хорватовъ, на Чеховъ и Словаковъ, на Словѣнцевъ; всѣ эти народности говорятъ и пишутъ, каждая на своемъ языкѣ, имѣютъ свои литературы (нѣкоторыя даже по двѣ, если не по три: Русскіе въ Галиціи) и не только не согласно съ Мадьярами, но едва-ли не болѣе Нѣмцевъ, эти наиболѣе «униженные и оскорбленные» изъ всѣхъ народовъ Австро-Венгріи ежечасно громко заявляютъ о своемъ горячемъ австрійскомъ патріотизмѣ, о своей преданности Австріи и объ ея великой необходимости, для Славянъ въ особенности. И такъ—ларчикъ просто открывался... Печально, но извѣстныя явленія приводятъ неизбѣжно къ извѣстнымъ результатамъ. Безъ перемѣны первыхъ не измѣнятся послѣдніе.

Летучій огненный змѣй.

Отъ Ред. Двѣ странныя замѣтки, сдѣланныя грамотнымъ человѣкомъ въ первой четверти XIX в. и сообщенныя намъ въ янв. 1896 г. проф. М. И. Соколовымъ, въ бытность его въ Петербургѣ, напомнили мнѣ о сообщенныхъ мнѣ нѣсколько лѣтъ назадъ кандидатомъ Историко-Филологическаго Фак. нашего Университета г. Никольскимъ выпискахъ изъ бумагъ Синодскаго Арх. XVIII в. Въ одной изъ нихъ есть тоже рѣчь о летучемъ огненномъ змѣѣ, сходномъ съ тѣмъ непріязненнымъ летучимъ зміемъ, что̀ леталъ къ женѣ муромскаго князя Петра и что̀ былъ убитъ князь Петромъ, ему, какъ сказано въ акаѳистѣ, «дана бысть отъ Бога благодать убити летящаго свирѣпаго змія». (Мур. лег. о кн. Петрѣ и Февр.) или съ тѣмъ, что̀ леталъ къ царицѣ Милицѣ, женѣ князя Лазаря, и что̀ былъ убитъ Змаj деспотомъ Вукомъ (В. Караджичъ Пjесме II, № 43). О молодомъ человѣкѣ-змѣѣ, умирающемъ, когда сожгли его рубашку см. Сербск. пѣсню «Змиjа-младожења» (В. Кар. II, № 12) и женщинѣ-змѣѣ, исчезающей, когда мужъ увидалъ ее во время ея превращенія въ змѣю вспомн. Мелюзину.

[Запись 1816 г. въ Рукоп. Импер. Публ. Библ. F. I, № 171 (Толст.)—л. 579].

Плыша судны по рѣкѣ Волгѣ, а въ которомъ мѣстѣ, о томъ мнѣ было не извѣстно, и летѣлъ змей великъ зело и несъ во рту человѣка черезъ Волгу со всѣмъ одѣяниемъ, и обутъ въ катахъ и каты краснымъ сукномъ обшиты. И слышно было отъ оного несчаснаго человѣка только ихъ ихъ ихаитъ. И прелетѣлъ Волгу и палъ съ человѣкомъ въ займище въ болота. А видомъ оной змей огнемъ ночью; и оныя видѣвшыи людие стали сказывать въ селениихъ оное видѣние, и имъ сказали, что отъ насъ не вдалекѣ въ такой та деревнѣ человѣкъ пропалъ съ вечера с-ыгрища.

Коломенскаго уѣзда селца Уварова есть пустошъ, называемая Каширязива, на рубежѣ подлѣ Резова. Приѣхали мы начевать съ лашедьми на Грезьвище въ осень, числомъ болѣе 20 челов. или 30 будетъ; была часть и дѣвицъ чесныхъ, и по обычаю малолѣтнаго возраста играша, кто чему горазлъ: кто въ дутку, а кто пѣсьни, и мало было, ктобы не игралъ, кромѣ дѣвицъ; а дѣвицы станъ особливой имѣша о себѣ. И два часа прошло или болше бесчиннаго играния, и внезапу [на высотѣ]

осьвятилось, яко на четьверьть поприща, и случьшыяся на оном мѣстѣ лошади вдругъ бросились бѣгообразно и страшно. Мыжъ, я самъ възглянулъ кверху, и видно всѣмъ и мнѣ зъмей огненъ въ бѣломъ огнѣ и извиваяся надъ самымъ нашымъ станомъ, яко будетъ высоты двѣ или три колокольни, длиною три аршына онъ и много болѣ, да узнать точно зъ земли нельзя, потому что высоко. И стаялъ надъ нами четверть часа, и всѣ въ то время исусову молитву творили. А галовою стаялъ на востокъ влѣво, и тако исьчезе.

Сообщилъ М. И. Соколовъ.

Летучій змѣй въ 1745 г. въ Бѣлгородѣ.

1746 г. августа 10 дня. Синодальное дѣло подъ заглавіемъ: «По доношенію Преосвященнаго Антонія митрополита Бѣлоградскаго о произшедшихъ (произнесенныхъ) бѣлоградскимъ купцомъ Ѳедоромъ Щедровымъ къ волшебству склонныхъ словахъ».

Изъ дѣла видно, что: «Главного магистрата канцеляристъ Никита Ивановъ доношеніемъ объявилъ: декабря 12 дня 1745 году Бѣлгородской купецъ Алексѣй Перемышлевъ, пришедъ въ главной магистратъ, просилъ ево, чтобы отдать на почту писанное отъ него въ Бѣлгородъ бѣлогородского магистрата къ президенту Осипу Морозову письмо, которое было запечатано, только не подписано и для достовѣрности, нѣтъ ли чего противнаго, оное онъ, распечатавъ, осмотрѣлъ, и въ томъ явилось—некоторые употребленныя бѣлогородскимъ купцомъ Ѳедоромъ Щедровымъ о помянутомъ президентѣ Морозовѣ непотребные и пасквильные слова, которые объявилъ при томъ своемъ доношеніи».

А въ томъ письмѣ написано:

1745 года декабря 4 дня пришедъ на квартеру нашу Бѣлогородской купецъ Ѳедоръ Евстичѣевъ Щедровъ говорили слова, якобы живетъ змѣй и лѣтаетъ тогожъ Бѣлогородскаго президента Осипа Силиванова сына Морозова съ женою ево блудно, и носитъ къ ней тотъ змѣй лѣтаючи немалое богатство деньги, злата и сребро и жемчугъ, отъ чего оной Морозовъ обогателъ, и оборачивается оная нечистая сила человѣкомъ оной женѣ, а какъ прилѣтаетъ, то онаго Морозова обмертвитъ, а притомъ свидѣтели были ундеръ-офицеры Никита Алексѣевъ, Павелъ Сетюковъ, Панкратей Роговцовъ да той же квартеры хозяинъ второй гильдіи купецъ Аѳонасей Ивановъ сынъ Серебрековъ и жена ево Анна Григорьева дочь, подъ тѣмъ письмомъ подписано тако: вмѣсто вышеписаннаго вахмистра Никиты Алексѣева по ево прошенію роспиcуюсь вахмистръ Дмитрій Леслій». Въ доношеніи митр. Бѣлгородскаго написано, что «къ рѣшенію того дѣла какъ указовъ, такъ и изъ церковныхъ правилъ и изъ соборного Уложенья приличествующихъ точныхъ статей не имѣется и рѣшенія учинить нѣпочему, о чемъ вашему святѣйшеству изъ того дѣла учиненной экстрактъ во обстоятельствѣ съ приложеніемъ мнѣнія въ разсмотрѣніе сообщаю». Въ экстрактѣ написано: «А въ книжкѣ печатной повелѣніемъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра Перваго Императора Самодержца Всероссійскаго и благословеніемъ всего освященного собора между патріаршествомъ, имянуемой о пришествіи антихристовомъ, какова печатана въ Москвѣ въ прошломъ 1730 году ноября 12 дня: въ главѣ четвѣртой о рожденіи Антихристовѣ о различныхъ мнѣніяхъ напечатано: иніи глаголютъ, яко родится имать отъ дѣвицы дѣйствомъ діавольскимъ: якоже Христосъ Спаситель нашъ рожденъ есть отъ Пречистыя Дѣвы Маріи дѣйствомъ Святаго Духа. Сіе мнѣніе ложно есть: кое бо причастіе свѣту ко тьмѣ, кое пріобщеніе Веліару со Христомъ; кто во облацѣхъ уравнитца Господеви, уподобитца Господевѣ в сынѣхъ Божіихъ; и

мощно ли тако дѣйствовати діаволу, якоже Духъ Святый дѣйствуетъ; како можетъ быти равное дѣйствіе Создателя и созданія; иніи глаголютъ, яко родитися имать отъ жены, съ діяволомъ смѣшение имущія; но и сие мнение некрѣпко есть, како бо можетъ діяволъ, безплотенъ сый, съ женою имѣти истинное естественное смѣшеніе; какоже можетъ влияти сѣмя человѣческое къ рожденію, самъ не имѣя сѣмене, безплотенъ сый, обаче можетъ діяволъ первѣе преобразитися въ жену и смѣшеніе имѣти съ человѣкомъ и отъ него сѣмя веземъ, можетъ потомъ преобразитися въ человѣка и сообщитися женѣ и вліяти сѣмя, взятое прежде отъ человѣка, и сицевымъ образомъ демонъ можетъ родити человѣка, а не самъ отъ себѣ своею силою, и аще бы сицевое случилося рожденіе, тогда рожденный человѣкъ былъ бы истиннымъ человѣкомъ, не сыномъ діяволскимъ по естеству, но сыномъ оного, отъ него же взятца сѣмя еже къ рожденію, якоже ащебы кто орлее яицо подложилъ гнездящейся на яйцахъ кокоши, тогда произшедшее изъ яйца орляго не было-бы птенцемъ кокошимъ, но орлимъ. И по вышеупомянутому экстракту вашему святѣйшеству мнениемъ своимъ предлагаемъ по приличности въ показанной книжицѣ выписанныхъ статей означенное дѣло состоитъ немаловажное и къ понятию вѣры крайне сумнительное, ... оное дѣло къ волшебству не касается, но болѣе касается до гражданскаго суда и розыскное, не соизволитъ ли ваше святѣйшество такое дѣло и при немъ оного купца Щедрова отослать въ гражданской судъ къ розыску: а болѣе буди въ воли и въ разсужденіи вашего святѣйшества.»

Сообщ. г. *Никольскимъ*.

Какому святому и когда должно молиться.

Изъ рукописнаго сборника XVIII в.

Аще кто идетъ на войну—помяни крестъ и копіе, и спасетъ тебя отъ непріятеля.

Аще кто идетъ въ путь—помяни Николая Чудотворца.

Аще начинаешь домъ строить—помяни трехъ святителей, и будетъ благополучное житіе.

Аще нападетъ на тебя звѣрь—помяни Георгія побѣдоносца, и спасетъ тебя.

Аще кто идетъ въ огородъ садить—помяни Евангелиста Луку, и будетъ урожай всего.

Аще кто идетъ спать—помяни Ангела хранителя, и спасетъ отъ ночного духа.

Аще кто идетъ скоту давать пить или ѣсть—проси Божія благословенія.

Аще самъ начинаешь ѣсть—огради себя крестнымъ знаменіемъ.

Аще входишь въ новый домъ—помяни небесныхъ силъ, и долговѣчное житіе получишь.

Аще кто идетъ косить—помяни преподобнаго Савватія, и поможетъ тебѣ.

Аще кто идетъ сѣять поля—Іоакима и Анну помяни, и урожай будетъ всему.

Аще кто идетъ въ лѣсъ—помяни царя Соломона, и поможетъ тебѣ.

А. Баловъ.

Куретница.

Изъ Вятской епархіи мая 15 дня 1739 года доношеніемъ объявлено: 1) во оной де епархіи отъ города Хлынова верстахъ в четырехъ при болотѣ имѣется источникъ называемой нижной потокъ, к'коему де мѣсту издавна іюня на 29 число приходятъ многой народъ, ис коего де посыланными в'прошломъ 1738 году поиманы

при томъ мѣсте мужеска шеснатцать, женска восемь члкъ, и в'вятскомъ дховномъ приказѣ женскъ полъ допросами показали: во оному де мѣсту приходя они, по скаскѣ мужеска полу, и молились и в тое воду бросали платы холщевые, дньги, з'головы нитки, которыми волосы привязывають, и тое воду пили и обливались и сказывали де имъ мужескій полъ, что тутъ Бгъ есть и молились они якобы Бгу, почему тѣ люди для наказанія отосланы в'вятскую правинціальную канцелярію. 2) въ economъ же городѣ Хлынове в'женскую богадѣльню для нѣкоего суевѣрія много ношено было куръ рускихъ, индѣекъ жареныхъ и вареныхъ отъ посадскихъ женъ, которыя де допросомъ показали, якобы в днь рождества прстыя Бдцы надлежитъ имъ по обѣщаніямъ, при рожденіи младенцовъ, *куретнице* приносить и употреблять толко одними женами, а мужескому полу и дѣвкамъ грѣхъ, и не годится имъ есть, и оставшіяся кости относятъ в'воду, а перья и черепа также зарываютъ в'землю, а протчія показали: что бросаютъ и в'воду, якобы за стыя кости и перья и черепа почитали, и при томъ де своемъ суевѣріи крѣпко отвечали, что то приношеніе и употребленіе куретницъ токмо женскому полу из давныхъ лѣтъ. За которое ихъ суевѣріе учинено имъ всѣмъ в'архіерейскомъ духовномъ приказѣ наказаніе плетми, и о неразглашеніи впредь того суевѣрія взяты подписки. А оной богадѣлни старостиха, яко наиглавнѣйшая тому разглашенію ходатайца отъ многихъ лѣтъ, по учиненіи наказанія, послана в'городъ Слободской скована к'содержанію в'богадѣльнѣжъ под началъ.

И тогоже мая 28 дня, по опредѣленію Стѣйшаго Правительствующаго Синода, велѣно о показанныхъ воономъ доношеніи суевѣріяхъ преосщенному Веніамину епскпу вятскому изслѣдовать со всякимъ испытнымъ домогателствомъ, кромѣ показанной в'томъ доношеніи старостихи, онымъ суевѣріямъ кто заводчики, и в'каковую силу оныя были имянно, и отъ коликихъ лѣтъ тѣ суевѣріи происходятъ, и та старостиха отъ кого имянно тому суевѣрію научелася, и то слѣдствіе со учиненнымъ экстрактомъ для разсмотрѣнія прислать в'стѣйшій синодъ и о томъ к'его преосщенству указъ посланъ, а в бывшій тогда кабинетъ для извѣстія сообщено.

И на вышепомянутомъ сообщеніи іюля 11 дня 1739 года по резолюціи кабинета Ея Императорскаго Величества велѣно: за показанныя суевѣріи приличившимся втомъ людемъ учинить наказаніе, по разсужденію Стѣйшаго правительствующаго Синода, дабы впредь того чинить не дерзали, и объявленное болото и источникъ, гдѣ они такое суевѣріе дѣлали, засыпать, то такія суевѣріи сами собою пресѣкутся, а вдаль оного дѣла для отягощенія тамошнихъ людей слѣдствіемъ непроизводить.

И тогоже іюля 25 дня, по опредѣленію Стѣйшаго Синода, велѣно: помянутое мѣсто, гдѣ суевѣріе чинено было, вмѣсто сугубаго наказанія засыпать или самимъ тѣмъ, какъ мужеска такъ и женска пола, людемъ, которыя въ показанныхъ по дѣлу обоихъ суевѣріяхъ оказались или нанявъ, считая на ихъ коштъ, с расположеніемъ по ихъ пожиткамъ, токмо с тѣхъ, коимъ за то суевѣріе никакого наказанія, за ихъ укрывателствомъ, неучинено, в'тотъ наемной платежъ взыскивать противъ наказанныхъ сугубо, чтобъ одни мъ пред другими, то есть наказаннымъ предъ ненаказанными в томъ излишней тягости быть неимѣло, но всѣ понесли тотъ штрафъ уравнительно, и о томъ достодолжное исполненіе учинить отъ вятской воеводской канцеляріи, а дабы оное непреступно было исполнено, настоять епархіальному архіерею преосщенному Веніамину епскпу вятскому; и что учинено будетъ, о томъ какъ его преосщенству, такъ и означенной канцеляріи в стѣйшій синодъ репортовать, и о томъ к' его преосщенству и въ онуюю канцелярію послать указы, и посланы, коихъ о полученіи какъ изъ вятской провинціалной, такъ и из дховного вятскаго архіерейскаго приказу репартовано.

А что по тѣмъ Указамъ учинено, о томъ стѣйшему Синоду нерепортовано.

Сообщ. г. *Никольскимъ.*

Радунскій приходъ Лидскаго уѣзда Виленской губ.

Нѣкто г. Жальтисъ сообщаетъ въ литовскую газету «Vienyb. Liet. 1894 № 37» нѣсколько свѣдѣній, не лишенныхъ этнографическаго интереса, о Радунцахъ въ Лидскомъ уѣздѣ Виленской губерніи. Радунскій приходъ, говоритъ онъ, состоитъ изъ 8,600 прихожанъ литовцевъ католиковъ, крестьянъ и шляхты. Крестьяне говорятъ по литовски, шляхтичи, хотя говорятъ по польски, называютъ же себя литовцами. Нѣкоторые литовцы обрусѣли, говорятъ особымъ жаргономъ полурусскимъ, полупольскимъ или какъ тамъ называютъ по простому, т. е. по мужицки. Литовцы говорятъ по литовски только дома, внѣ дома говорятъ или по польски или по простому. Радунцы люди очень темные, такъ какъ не имѣютъ на своемъ родномъ языкѣ никакихъ наставленій, а о существованіи книгъ на литовскомъ языкѣ, они и не слыхивали. Они живутъ въ большихъ деревняхъ отъ 50 до 70 дворовъ. Ихъ избы безъ трубъ, грязны, ибо живутъ почти вмѣстѣ со скотомъ. Въ рѣдкомъ домѣ есть стѣна, отдѣляющая жилище людей отъ хлѣва. Зимою въ избахъ подъ кроватями и скамейками помѣщаются овцы и свиньи. Хлѣва, конюшня и сарай построены врядъ съ избою такъ, чтобы хозяину можно было видѣть изъ избы скотъ въ хлѣвахъ. Такое устройство литовскихъ домовъ у древнихъ литовцевъ описываетъ Довконтъ въ своей книгѣ «Budas» Бытъ. Но въ настоящее время такое устройство домовъ давно исчезло у прусскихъ литовцевъ и въ Сувалкской губерніи, вслѣдствіе вліянія культуры, развѣ изрѣдка можно еще встрѣтить подобное устройство домовъ въ Жемойтіи въ Ковенской губ. Странно что здѣсь мужчины оказались болѣе консервативными, нежели женщины относительно народной одежды. Женщины любятъ одѣваться въ ситцевыя платья, преимущественно краснаго цвѣта, какъ русскія женщины, но мужчины одѣваются въ самодѣльные армяки и другую одежду носятъ изъ тканей домашняго издѣлія. Напротивъ у литовцевъ другихъ мѣстностей мужчины скорѣй перенимаютъ иностранные обычаи и моды, нежели женщины. Также относительно исполненія полевыхъ и другихъ работъ радунцы своеобразны, напр. мужчины должны скосить и собрать сѣно безъ женщинъ, это ихъ дѣло. Женщины должны сжать рожь серпами и убрать съ полей безъ мужчинъ. Мужчины молотятъ и молотятъ столько, сколько нужно на этотъ разъ, потому молотьба хлѣбовъ тянется, другой разъ, до весны. Пашутъ плугами парою лошадей или воловъ, а если нѣтъ пары лошадей, то запрягаютъ въ плугъ лошадь и вола или корову. Больше всего сѣютъ гречихи, такъ какъ она лучше родится. Льну сѣютъ очень мало, только для домашняго обихода. Радунцы пользуются лучинами, керосину еще не знаютъ. Какъ люди темные, вѣрятъ разнымъ колдунамъ и вѣдьмамъ. И въ языкѣ ихъ можно найти нѣкоторыя особенности, такъ напр. гробъ называютъ галасъ (galas): тогда какъ другіе литовцы называютъ грабасъ, заимствованный отъ славянъ. И этимъ словомъ «галасъ» (galas) г. Жальтисъ разъясняетъ значеніе названій литовскихъ мѣстечекъ напр. Эйрагола (Eirōgala), Байсогола (Baisōgala), Ветигола (Betigala), Вендзигола (Wendzigala), Мейшогола (Maiszōgala) и т. д., такъ что слово гола по литовски гала, галасъ означаетъ гробъ или могила. Эйро, Байсо, Бето, Вендзіо, Мейшо и др. может быть имена бывшихъ литовскихъ героевъ. Если подобное разъясненіе возможно, то слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію радунско-литовскій говоръ въ діалектологическомъ отношеніи. Можетъ быть въ этомъ говорѣ найдется разъясненіе и другихъ литовскихъ словъ или названій, до сихъ поръ не разъясненныхъ, напр. Кривейтисъ, Кривуле, Ромове и др.

Б—св.

Еще по поводу литовской печати.

Въ 1894 году въ одномъ изъ октябрьскихъ нумеровъ газеты «Единство Литовцевъ» была помѣщена статья, полная, какъ это обыкновенно встрѣчается въ литовской печати, самыхъ ярыхъ нападокъ на Россію и русскихъ. Между прочимъ, въ этой статьѣ рекомендовалось, въ видѣ средства къ пріученію дѣтей съ самаго ранняго возраста ненавидѣть Россію, ввести въ молитвенники, печатающіеся заграницею, молитвы о ниспосланіи Россіи всего дурного.

Кто знакомъ, какъ безпристрастный и неоффиціальный очевидецъ, съ положеніемъ дѣла обрусенія въ Литвѣ и, особенно, на Жмуди, къ которой-то, главнымъ образомъ, и обращаются всѣ эти предложенія, тотъ пойметъ, что эта угроза вовсе не такъ ничтожна, какъ это можетъ показаться съ перваго раза. Года три тому назадъ въ своей корреспонденціи въ «Новое Время» я указывалъ на необходимость дозволить Литовцамъ латинскій шрифтъ, предполагая, что вмѣстѣ съ этимъ падетъ и главный мотивъ антирусской пропаганды. Съ этого времени дѣло пропаганды пошло быстро, и ея успѣхамъ содѣйствовали кое-какія неудачныя административныя мѣры, приведшія въ сотрясеніе всю Жмудь и расплодившія множество ужасныхъ, маловѣроятныхъ слуховъ; все это какъ разъ играло въ руку пропагандистамъ. Интересно разрѣшить вопросъ, кто-же эти главные пропагандисты?

Если обратить вниманіе на то, для кого выгодно указанное запрещеніе шрифта, то мы увидимъ, что въ выигрышѣ остаются одни нѣмцы-пруссаки. Въ то время, какъ обрусеніе подвигается довольно таки туго, онѣмечиваніе Жмуди идетъ отлично. Въ рѣдкомъ мѣстечкѣ нѣтъ шести семи нѣмецкихъ семей, а въ уѣздахъ Тельшевскомъ и Россіенскомъ,—не говоря о другихъ, съ которыми я знакомъ меньше, — ихъ много и даже очень много. Уничтоженіе найденныхъ книгъ, идущихъ контрабандой изъ-за границы, опять-таки очень выгодно для нѣмцевъ: всякая уничтоженная книга влечетъ за собою спросъ на нее же, но уже въ нѣсколькихъ экземплярахъ, а возбужденное состояніе умовъ, сопровождающее уничтоженіе, позволяетъ «ловить въ мутной водѣ рыбу», на что всегда такъ охочи нѣмцы. А къ нѣмцамъ Жмудяки расположены очень благосклонно, что, при пограничномъ положеніи Ковенской губерніи, не можетъ не имѣть большого значенія.

Только нѣмецкой пропагандѣ можно приписать статью, помѣщенную въ «органѣ литовской интеллигенціи», газетѣ: «Varpas» въ послѣднемъ номерѣ 1895 года. Укажу вкратцѣ содержаніе этой статьи. Она называется: «Польза или вредъ»?

Литовцы собираются просить разрѣшенія печатать латинницей, «но стоило бы однако», говоритъ авторъ: «посмотрѣть, не болѣе-ли вреда, чѣмъ пользы мы получимъ, выпросивши у русскаго правительства позволеніе печатать литовскія книги своими буквами».

Выгоды:

1. Предполагая, что послѣ желаемаго разрѣшенія литовцамъ будутъ дешевле обходиться богослужебныя книги, авторъ дѣлаетъ приблизительный (совершенно. заоблачно-статистическій) расчетъ, сколько копѣекъ останется въ карманѣ у каждаго литовца, при возможности покупать книги мѣстнаго производства. Однако, онъ приходитъ къ заключенію, что теперь «отъ этого запрещенія гораздо болѣе страдаютъ русскіе финансы, такъ какъ литовцы, покупая литовскія книги, отдаютъ въ Пруссію тѣ деньги, которыя при разрѣшеніи литовской печати остались бы въ Россіи».

2. «Книжекъ и газетъ «невиннаго», содержанія мы могли бы имѣть гораздо болѣе, нежели теперь. Число читателей литовскихъ книгъ умножилось бы, литовская образованность поднялась бы».

3. Усиленіе и распространеніе Литовскаго языка.

4. Не было бы теперешняго страха и боязни попасться съ «запрещенными» книгами.

5. Подъемъ литовскаго духа.

6. Возможность имѣть литовскія юридическія книги, театръ, лекціи и пр.

Все это—выгоды. Теперь начинается перечисленіе того зла, которое принесло бы желанное разрѣшеніе.

1. Цензура. — «Наша политика и исторія были бы исключены изъ общаго разрѣшенія».

2. Уменьшеніе заграничной печати и ея распространенія въ русской Литвѣ.

3. Онѣмеченіе прусской литвы, которая тогда уже не будетъ находить поддержки со стороны русской Литвы.

4. Изданіе книгъ стало бы хорошимъ «гешефтомъ»; явилась бы спекуляція на книги, а отъ этого стало бы выходить много плохихъ вещей; «теперь же, если кто пишетъ книгу, то не ради денегъ, но по добромыслію».—Боязнь распространенія лубочной литературы.

5. «Запрещеніе книгъ, чтеніе и распространеніе литовскихъ изданій—вотъ поле, объединяющее литовцевъ».

6. Агитація противъ русскаго правительства признается необходимой и неизбѣжной. «Не будь запрещенія, ослабла бы и загасла бы агитація».

Въ результатѣ предлагается хорошенько подумать, слѣдуетъ-ли Литовцамъ желать возвращенія азбуки.

Оставляя безъ возраженія черезчуръ слабыя разсужденія автора, я могу только пожелать прекрасному, литовскому народу объединенія на почвѣ просвѣщенія и истинной любви къ родинѣ и общему съ нами отечеству, а не вредной и разрушительной агитаціи, которая прежде всего полезна только для Нѣмцевъ.

А. Погодинъ.

Заговоры противъ болѣзней, разныя повѣрья и примѣты.

(Село Писки Житомирскаго уѣзда).

Вліяніе городской «цивилизаціи», отразившееся на костюмахъ и пѣсняхъ крестьянъ, отражается несомнѣнно и на ихъ понятіяхъ. Ничему иному, какъ близкому сосѣдству города съ довольно большой больницей и даровой медицинской помощью, нужно приписать то, что писковскіе крестьяне чаще и чаще начинаютъ обращаться за медицинской помощью, просить «порошкивъ» или капель, совѣтоваться съ врачемъ. Эта вѣра въ медицинскую, человѣческую помощь, однако, нисколько не уничтожаетъ вѣры въ сверхъестественную помощь со стороны разнаго рода знахарокъ, авторитетъ которыхъ по прежнему силенъ. Почти всѣ старыя бабы обладаютъ секретомъ — излѣчивать людей, знаютъ всякаго рода спасительные заговоры, но среди ихъ существуютъ нѣкоторыя, особенно выдающіяся, которыя пользуются очень широкой извѣстностью и къ которымъ пріѣзжаютъ между прочимъ за совѣтами изъ сосѣднихъ деревень. Записать зáговоръ—нелегко. Главнымъ препятствіемъ служитъ убѣжденіе, что сообщившая заговоръ постороннему лишаетъ его силы, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ его недѣйствительнымъ для самой себя. Вслѣдствіе этого, нѣсколько бабъ, на мою просьбу сообщить, какъ онѣ лѣчатъ, уклончиво отвѣчали: «Мы все по Божому, перехрыстымся, помолымся Богу, а бôльшъ ничого». Въ этомъ отвѣтѣ, впрочемъ, заключается доля

истины, такъ какъ большинство заговоровъ содержитъ въ себѣ на ряду съ заклинаніями и молитвенныя призванія христіанскихъ святыхъ, непремѣнно сопровождается крестнымъ знаменіемъ, однимъ словомъ представляетъ собой непонятную смѣсь христіанства съ язычествомъ, на которую не разъ уже указывали изслѣдователи міровоззрѣнія нашего народа. Молитва и заговоръ съ нѣкоторыми обрядами служатъ лучшимъ средствомъ для излѣченія самыхъ разнообразныхъ болѣзней. Народъ, объясняющій многія непонятныя явленія природы вмѣшательствомъ бѣса, и на болѣзни смотритъ, какъ на его дѣло. Поэтому, снадобья или зелье употребляются знахарками очень рѣдко, главнымъ-же средствомъ являются всякаго рода заклинанія.

Эпидемическія болѣзни всегда представляются въ видѣ женщины, которая ходитъ отъ села къ селу и разноситъ болѣзнь. Иногда узнаютъ, чего такая женщина не любитъ, и тогда употребляютъ этотъ предметъ, какъ средство для борьбы съ эпидеміей. Такъ напримѣръ, въ прошлую холеру одинъ человѣкъ разсказалъ слѣдующій случай. Сидѣлъ онъ на полѣ и ѣлъ чеснокъ, мимо шла какая-то дѣвушка. Поровнявшись съ нимъ, она спросила, зачѣмъ онъ ѣстъ чеснокъ, и сказала, что она не можетъ переносить этого запаха. Оказалось, что женщина эта—была холера, и всѣ начали ѣсть чеснокъ, держать его въ домахъ.

Наиболѣе распространенная болѣзнь—«прыстритъ» заключается въ томъ, что болитъ голова, руки и ноги. Болѣзнь эта, повидимому, простудная, хотя какая въ точности опредѣлить нельзя. Чтобы не было прыстриту у ребенка на сороковый день послѣ рожденія, когда идутъ «до выводу» (воцерковленіе), баба беретъ сорочку ребенка и завязываетъ въ нее «печыны, кусокъ цеглы, уголья, хлиба и соли». При встрѣчѣ съ кѣмъ нибудь, баба говоритъ: «Якъ добрый, то хлибъ тибі и силь, якъ злый, уголье и печына съ твоими погаными очыма» и затѣмъ три раза плюетъ. Если-же заболѣетъ кто нибудь прыстритомъ, баба наливаетъ въ стаканъ «свяченой» и простой воды, три раза умываетъ больное мѣсто, говоритъ три раза «Отче нашъ» и «Богородице Дѣво», послѣ чего шепчетъ заговоръ, обнаруживающій до нѣкоторой степени происхожденіе самой болѣзни: «Прыстритъ, може водяный, може витраный, може насланный, чы наказанный, я его змовляю, на очерета ссылаю, на болота, тамъ тибі буваты и воюваты».

Бешыха (рожа). Баба три раза беретъ «прадива», раскладываетъ его на три кучки. Затѣмъ больное мѣсто покрываетъ краснымъ поясомъ, каждою изъ трехъ кучекъ крестить его и говоритъ: «Хрещенному, молытвенному (имя рекъ) спалюю бешыху, витряну, водяну, може съ сонця, може зъ воды, може зъ витру, може полуднишня, може вечирашня, то я его (т. е. больного) вымовляю, спалюю, ны своими руками, тильки я его спалюю святымъ огнемъ, щобъ воно тутъ не стояло, жовтои кости не ломало, сынихъ жылъ не струждало, червонои крови не смоктало, билого тила не терало». Говоря это, она зажигаетъ пряжу.

Прычына (черн. болѣзнь). При первомъ припадкѣ прокалываютъ мизинецъ подъ ногтемъ и кровью дѣлаютъ крестъ на лбу. Если это не помогаетъ, то больной ходитъ и собираетъ деньги на свѣчку.

Трасця (лихорадка). Баба беретъ въ рѣкѣ лягушку, сушитъ ее, во время пароксизма зажигаетъ и окуриваетъ больнаго.

Вроки (наврочано). Баба лижетъ три раза лобъ ребенка, три раза плюетъ и говоритъ, за первымъ разомъ: «мысли на коромысли», за 2-мъ—«вроки на сороки», и за 3-мъ: «хто на тебе навроче, той ныхай на свою голову наволоче».

Уразъ (грижа). Баба надавливаетъ животъ, т. е. вправляетъ грыжу, говоря: «Золотныку, золотныку, иды сиби на свое мистечко, на золотее креслечко. Тутъ Матиръ Божа ходыла и тебе встановыла, ключамы прымыкала, зъ мисця не пускала».

Боль живота. Баба беретъ горшокъ, наливаетъ на дно немного воды, кладетъ цѣлушку хлѣба, въ которую втыкаетъ нѣсколько щепокъ. На щепки насаживаетъ паклю, зажигаетъ ее, быстро переворачиваетъ горшокъ и приставляетъ къ животу больного.

Вода тушитъ огонь и горшокъ втягиваетъ въ себя животъ. Былъ случай, что у одного больного послѣ такой операціи произошелъ чуть ли не переворотъ кишекъ.

Зубы. Когда появится молодой мѣсяцъ, баба выводитъ больного на дворъ, крестится, читаетъ «Отче нашъ» и затѣмъ говоритъ: «молодый мисяць пытаеця старого, чы болять зубы у мертвого». Больной долженъ отвѣтить: «ни, и мині ни». Послѣ этого баба читаетъ 3 раза «Отче нашъ» и говоритъ, что больше зубы болѣть не будутъ.

Болячка (нарывъ) заговаривается такимъ образомъ: «Болячка дубова, болячка вербова, болячка лыпова, болячка березова, де наросни́ наростають, тамъ болячку сажають».

Мезыперсныця (нарывы между пальцами). Берутъ со шпицъ изъ колеса грязь, нагрѣваютъ и прикладываютъ къ больному мѣсту.

Волосъ вылывать (укушеніе гусеницы). Баба беретъ 9 колосковъ и прикладываетъ ихъ къ ранѣ, затѣмъ, наливши въ миску воды, вкладываетъ туда больное мѣсто и говоритъ: «Иде Маты Божа мостомъ съ честнымъ Хрыстомъ, иде за нею Кузьма и Демянъ и Хрыстытыль Иванъ: куды ты, Маты Божа, идешъ? Я иду хрещенного, молытвенного дытяты (имя р.) волосъ вылываты. Вылывайся волосъ на колосъ». Затѣмъ прикладаетъ опять колосъ и говоритъ: «Другимъ разомъ, за Божымъ прыказомъ вылывайся колосъ на волосъ». Такъ говоритъ она три раза.

Сухота. Когда ребенокъ умираетъ отъ сухоты, то мать идетъ на кладбище, беретъ на какой-нибудь могилѣ земли, говоря:

«Боже, зъ милосци
Дай тила на косци,
А якъ не дасы тила на кости,
То прыйmы до свеи хвалости».

Принесши домой, разводитъ эту землю въ водѣ и купаетъ въ ней ребенка, «то або поможе, наивно прибавила раскащица, або вже вмре».

Плаксывци, т. е. когда ребенокъ много плачетъ, не спитъ. Баба заворачиваетъ его въ кожухъ, несетъ подъ «сидало», гдѣ ночуютъ куры и говоритъ: «Куры, куры, нате вамъ плаксывци, крыклывци, а дайте хрещенному, молытвенному (имя р.) сонлывци». Затѣмъ, плюнувши три раза, несетъ ребенка въ хату. Тѣ-же «плаксывци» заговариваются еще такимъ образомъ: «Иде Матинка Божа, Божою дорогою, а за нею Іисусъ Христосъ у слидки ступае, іи пытае, куды ты, Матинка Божа, йдешъ? Иду до хрещенного, молытвенного (имя р.) дытяты крыклывець змовляты». Эта-же болѣзнь лѣчится такимъ образомъ. Баба идетъ въ церковь, крадетъ тамъ розгу изъ вѣника, которымъ подметаютъ полъ въ церкви, приходитъ домой, три раза ударяетъ ребенка этой розгой и бросаетъ въ огонь, говоря: «от, тамъ твои крыклывци».

Безсонница взрослыхъ излѣчивается, если страдающій ею будетъ заглядывать въ погребъ или смотрѣть въ деготь.

Слѣпота. Больной выходитъ до восхода солнца на «смитныкъ» (мѣсто, куда выбрасываютъ соръ), дѣлаетъ видъ, что чего-то усиленно ищетъ, пока его не спроситъ кто-нибудь изъ проходящихъ, «чого ты шукаешь»? На это онъ отвѣчаетъ: «Пута, щобъ напала тебе слипота тута».

Испугъ. Леченіе отъ испуга извѣстно подъ именемъ: «лякъ утять». Испуганнаго ребенка баба сажаетъ на порогѣ и крестообразно топоромъ обрубаетъ около него порогъ. Затѣмъ, также крестообразно постригши, обрѣзаетъ на рукахъ и ногахъ его ногти, которыя вмѣстѣ съ волосами заворачиваетъ въ паклю. Затѣмъ, пробуравивши въ двери наравнѣ съ головой ребенка дыру, заставляетъ воткнуть туда сдѣланный свертокъ и забиваетъ осиновымъ колкомъ. Если ребенка испугала собака, то баба лижетъ три раза спину ребенка, и три раза плюетъ, говоря: «На твою голову, щобъ ты выбрыхавъ и выносывъ, що ты его злякавъ». При этомъ слегка разрываетъ пазуху рубашки ребенка.

Икотка заговаривается такъ: «Гикавко, гикавко, куды хочъ, туды иды, кого хочъ напады, чы коня, чы вола, чы корову, чы жыдивку чорноброву».

Ячмень на глазу. Берется 30 зеренъ ячменю. Изъ нихъ выбирается три, которыми больной обчерчиваетъ нарывъ, прикладываетъ ихъ къ остальнымъ и бросаетъ въ печь, говоря: «на тибі ячменю цилу жменю». При этомъ нужно уйти какъ можно скорѣе, чтобъ не слышать его треску. Можно также дать девять дуль, говоря: «ячменю, на тибі дуль цилу жменю».

Если упадетъ что-нибудь въ глазъ говорятъ: «Медвидь зъ лиса, корова съ проса, порошына зъ ока».

«Якъ чортъ есть въ чоловици». Баба беретъ «шевську смолу», разогрѣваетъ ее и выливаетъ въ воду со словами: «Вылываю тебе шевською смолою, не буть тоби съ тобою, тилько въ лисъ тибн ступаты и дубыну вывертаты».

Если у ребенка выходитъ кишка, его нужно поднять вверхъ ногами, стукнуть въ потолокъ, выкупать, вымазать жиромъ, и пройдетъ.

Дымыныця (опухоль въ пахахъ) бываетъ, если «переступыть коцюбу» (кочергу). Излѣчивается такимъ образомъ: скоблятъ ручку топора до обуха, ножки стола, наскобленное зажигаютъ и дымомъ подкуриваютъ больного.

Изъ общихъ «хирургическихъ пріемовъ», примѣняющихся къ различнымъ болѣзнямъ, можно указать на два: «выкачувать яйцемъ» и «вылывать воскомъ». Первый дѣлается такимъ образомъ: баба, перекрестивши больного яйцемъ, говоритъ: «Боже поможы, Троице святая Едыная Пречистая и вси святи, выкотыты хрещенному, молытвенному (имя р.) може витряный, може водяный, може насланный, може наказанный (прыстритъ) може зъ витромъ, може съ сонця, то я его выкачую ны своими руками, а Божымы словами; що въ цій головци, шобъ зосталось въ цему яйци». Слова эти повторяются три раза.

Второй такъ: баба беретъ воскъ и кладетъ его въ горшокъ. Когда воскъ вскипитъ, выливаетъ его въ миску, которую держатъ надъ больнымъ. При этомъ она шепчетъ тѣ-же слова, что и при лѣченіи «Бешыхи».

Кромѣ того, существуетъ еще цѣлый рядъ суевѣрныхъ обычаевъ, примѣтъ, точнымъ соблюденіемъ которыхъ можно предотвратить то или другое несчастіе, ту или другую болѣзнь, или по крайней мѣрѣ хоть заблаговременно предсказать ее. Вся жизнь темнаго крестьянина, начиная съ самаго момента рожденія, кончая смертью обставлена цѣлымъ рядомъ такихъ примѣтъ и обрядовъ.

Рожденіе. Когда женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, призываютъ бабу, которая сейчасъ же беретъ освященную воду и даетъ ее три раза пить больной съ «пикной лопаты», т. е. съ лопаты, употребляющейся для печенія хлѣба. Когда ребенокъ родится, баба бросаетъ дѣтское мѣсто, рожь, копѣйку и закапываетъ ихъ въ землю, а самого ребенка укладываетъ на кожухъ. Затѣмъ приходятъ кумы (воспріемники), кумъ, перекрестившись 3 раза, кладетъ на кожухъ деньги (1 коп.), беретъ ребенка и отдаетъ кумѣ. Кума принимаетъ ребенка и, если это дѣвочка, затыкаетъ въ платокъ иголку, «шобъ була швачка», а если мальчикъ, то заворачиваетъ его въ отцовскую рубаху, «шобъ бувъ робитныкомъ». Послѣ этого баба беретъ ножъ, обчерчиваетъ имъ три раза куму и кладетъ его у порога для того, чтобы кума его переступила. Ножъ, вообще, кажется, играетъ большую роль охранителя отъ смерти. Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ умираютъ часто дѣти, лишь только родится ребенокъ, баба беретъ ножъ и сейчасъ-же кладетъ его подъ подушку новорожденному. Нельзя также оставлять въ такомъ случаѣ ребенка одного въ хатѣ, и отецъ съ матерью должны чередоваться. Переступивши черезъ ножъ, кумы съ ребенкомъ идутъ къ священнику. Крестить стараются возможно скорѣе. Если ребенка не удается почему либо окрестить въ тотъ же день, то ночью около него все время горитъ огонь. Если на пути къ священнику встрѣтятъ кого нибудь, то баба выбрасываетъ кусокъ хлѣба и переходитъ передъ кумами дорогу. Если встрѣтятъ съ пустыми ведрами, то говорятъ: «тибн все зле въ порожни ведра, а намъ все добре». Возвратившись отъ священника, кумы говорятъ:

«добрый вечеръ вамъ, взялы одъ васъ рожденне, а прынеслы молытвенне и хрещенне» Послѣ этого садятся ужинать. За 3-имъ блюдомъ мать приноситъ булку, а баба говоритъ: «Просыть кума на подарокъ». Кумъ вынимаетъ коп. 30, а то и больше, принимаетъ подарокъ (булку), пьетъ чарку и говоритъ: «Дай, Боже, здоровья». Послѣ этого баба подноситъ чарку на тарелкѣ матери. Затѣмъ кума также, какъ и кумъ получаетъ подарокъ и плотитъ деньги. Деньги эти «дають на мыло дытыни». На второй день бываютъ «похрыстыны», когда «ідять, пьють», однимъ словомъ празднуютъ рожденіе. На 3-ій день бываютъ «злывки»: баба наливаетъ въ миску освященной воды и воды «непочатой» съ колодца, насыпаетъ туда-же жита, связываетъ два цвѣтка и подходитъ къ матери. Мать беретъ цвѣты, три раза проводитъ ими по рукамъ бабы, говоря: «обмывайте ваши руки отъ свого бруду». Баба, погрузивши три раза руки въ воду, гладитъ ими по лицу матери, говоря: «очыщае вода моря и береги, очисты, Господы, и твою душу отъ гриховъ смертенныхъ». Затѣмъ обѣ садятся и пьютъ горилку, причемъ мать пьетъ 3 чарки для того, чтобы «на третій рикъ въ неи була ще дытына». Послѣ этого бабѣ дается подарокъ, и она уходитъ. На 5-й день баба приходитъ снова: «рвать зилле для купели», при чемъ шепчетъ: «Адамъ и Ева зилле сіявъ, Аврамъ те зилля рвавъ и намъ на помичь дававъ, для того дытяты, що треба скупаты; водыця сестрыця купаты годыця».

Смерть. Существуютъ признаки, по которымъ предугадываютъ иной разъ смерть. Когда, напримѣръ, приснится, что выпалъ зубъ, если выпалъ безъ крови, то умретъ кто нибудь изъ домашнихъ, если съ кровью, то кто нибудь изъ родственниковъ. Точно также если приснится, что вокругъ хаты ростутъ вишни, покрытыя ягодами, «якъ нибы вродылы» — это служитъ самымъ несомнѣннымъ предсказаніемъ смерти.

Умирающему даютъ въ руки свѣчу. Когда наступитъ смерть, тѣло обмываютъ, причесываютъ, надѣватюъ чистое бѣлье, въ губы кладутъ иголку, «щобъ не тикла ропа», одѣваютъ, завязываютъ въ платокъ копѣйку, кладутъ покойника на лавку и начинаютъ молиться Богу. Затѣмъ пьютъ «по чарци». Бабы сидятъ надъ покойникомъ цѣлую ночь. Когда провожаютъ тѣло изъ хаты, то на порогѣ стучатъ три раза гробомъ о порогъ, говоря: «откланяйця ци хати, вже билшъ сюды не вернеця». Затѣмъ посыпаютъ дорогу житомъ и завязываютъ краснымъ поясомъ ворота, «щобъ бильшъ мерцивъ не було». Гробъ въ большинствѣ случаевъ провожаютъ съ приплакиваніями, но особаго класса плакальщицъ нѣтъ, а потому нѣтъ и какихъ нибудь общихъ заплачекъ. Обыкновенно плачущій употребляетъ ихъ самъ, вспоминаетъ жизнь покойника, выражаетъ сожалѣніе о дѣтяхъ, если они есть, о друзьяхъ, а иной разъ даже о вещахъ, напримѣръ чоботахъ, «а хто-жъ ихъ теперъ буде носыты». Въ яму покойнику бросаютъ деньги, «щобъ винъ сиби закупывъ на тому свити мисце и щобъ его не гналы». Послѣ погребенія, вымывши въ хатѣ столъ и лавки, садятся за обѣдъ, во время котораго ѣдятъ, прося у Бога царства небеснаго «небожчыку».

Кромѣ такихъ обрядовъ и примѣтъ, пріуроченныхъ къ какому нибудь крупному событію въ жизни человѣка, есть еще масса другихъ, случайныхъ, встрѣчающихся въ каждомъ шагу. Вотъ тѣ, которые удалось намъ записать изъ всей массы существующихъ въ дѣйствительности:

1) Коромысломъ нельзя бить скота, «бо буде спадать съ тила и корысти не буде».

2) Не высыпать сажи, гдѣ ходитъ скотъ, «бо не буде плоду».

3) На масляницу нельзя прясть, «бо будутъ чѳрвы у худобы».

4) Сѣять нельзя, когда есть покойникъ въ селѣ, потому что не взойдетъ.

5) Одному и тому-же человѣку нельзя въ одинъ день сѣять конопли и городить, потому что конопли не выростутъ.

6) Нельзя также «городить до провидъ, бо не буде дощу».

7) Когда огораживаютъ новое кладбище, то не слѣдуетъ входить туда человѣку первымъ (а то умретъ), а нужно бросить курицу или собаку.

8) Если не закрыта труба, то нужно ставить въ нее рогачи, чтобы чортъ не влѣзъ.

9) Не выносить сору изъ хаты послѣ захода солнца, потому что весной нападетъ слѣпота.

10) На Рождество нельзя лить на землю воды, потому что будутъ блохи.

11) Если наканунѣ новаго года кто нибудь увидитъ веретено, то лѣтомъ будетъ видѣть ужей.

12) Если наканунѣ новаго года перевязать фруктовыя деревья перевесломъ, то они будутъ лучше родить [1]).

13) Изъ жлухта солому нужно вынимать той же стороной, которой туда вкладывается, а то будутъ кости особываться.

14) Если переступить черезъ «коцюбу—буде дымыныця».

15) Если человѣкъ переступитъ черезъ вѣникъ—будетъ «пердить».

16) Когда покупаютъ новую гребенку, то чешутъ ею сначала кота, чтобъ не было вшей.

17) Когда ввозятъ первый возъ сноповъ, то подъ снопы въ клунѣ кладутъ «хлѣгчиние, свячену силь, щобъ мыши не илы».

18) Когда идетъ градъ—выбрасываютъ на дворъ лопату (пикну) и коцюбу, а освященной вербой крестятъ двери.

19) Если громъ зажжетъ домъ—его тушить нельзя. Для того же, чтобы пожаръ не распространялся, берутъ горшокъ меду, обходятъ вокругъ горящаго дома, и вѣрятъ, что на этомъ пожаръ и прекратится.

20) Если въ кадкѣ, въ которой мѣсятъ хлѣбъ, нечетное число клепокъ, то хлѣбъ никогда не удастся, и нужно купить новую кадку. Кадка съ четнымъ количествомъ называется «дижка», а съ нечетнымъ—«дижуръ».

21) Если у покойника лицо красно, то при жизни онъ былъ «упыремъ», пилъ кровь живыхъ людей и ѣлъ трупы дѣтей, которые выкапывалъ изъ могилъ. Если не пробить его осиновымъ коломъ, то не будетъ «дощу».

22) Чтобы узнать вѣдьму, нужно на масляницу, «на запуски», ложась спать, положить за зубы сыру. На другой день вынуть его, завязать въ тряпочку. Идя въ церковь, въ страстную субботу, «на дѣянія» взять съ собой, то можно видѣть всѣхъ вѣдьмъ, какъ они будутъ идти съ «дійныцями».

23) Гроши ниелюзы. На Пасху, идя въ церковь, берутъ съ собой рубль или 15 коп., кто сколько хочетъ и когда батюшка скажетъ первый разъ: «Христосъ воскресъ»,—ему нужно отвѣтить: «а въ мене гроши е». Затѣмъ эти деньги на годъ закапываются «пидъ якою нибудь фигурою» (крестомъ) и пріобрѣтаютъ такое свойство: кому бы ихъ ни отдать, взявши хоть копѣйку сдачи, возвращаются сейчасъ же къ обладателю.

Сообщ. В. Ѳ. Боцяновскій.

Изъ письма къ Редактору.

По поводу замѣчанія Л. Винера, «Жив. Стар.», вып. I, О еврейско-нѣмецк. словахъ въ русск. яз., могу сообщить, что въ малорусскомъ языкѣ слово «гаманъ», значитъ еще—карманъ, большой кошель для денегъ, уменьш. «гаманецъ»—портмонэ; «гэмэнъ»—чортъ, напр. гэмэны тутъ тэбэ носять.

Лыхтаръ—фонарь.

Д. Михайловскій. Оренбургъ.

---

[1]) Любопытно, что такой же обычай существуетъ и въ Японіи. В. Б—ій.

О литовскихъ журналахъ въ 1895—96 г.

Литовскихъ періодическихъ изданій въ 1894 году выходитъ всего 20, различныхъ по содержанію, направленію и объему.

1) «Nusidawimai apie Ewangelios Praplatinimą tarp żydų ir pagnu». Историческія свѣдѣнія о распространеніи евангелія между евреями и язычниками, издаваемыя миссіонерскимъ обществомъ ежемѣсячно съ 1832 по 1895 г. въ Кенигсбергѣ. 8°.

2) «Lietuwiszka Ceitunga». Литовская газета, издаваемая Шернусомъ и Гольцемъ въ Мемелѣ съ 1878—1896 г. 2°.

3) «Tilžēs Keleiwis, Lietuwos naudungasis kelrodis». Тильзитскій путникъ, полезный путеуказатель для Литвы (прусской Литвы), издаваемый Рейлендеромъ и сыномъ въ Тильзитѣ съ 1880—1896 годъ. 2°. (Выходитъ два раза въ недѣлю). Эта газета стала выходить вмѣсто прекратившагося кенигсбергскаго келейвиса «Keleiwis isz Karalaucziaus», издававшагося профессоромъ Куршатисомъ въ Кенигсбергѣ съ 1849—1880.

4) «Konzerwatywû Draugystês Laiszkas». Консервативнаго общества листокъ, издаваемый восточно-прусскимъ консервативнымъ Кенигсбергскимъ обществомъ. Выходитъ еженедѣльно въ Прокулѣ съ 1882 - 1894—96 г. съ приложеніемъ духовнаго листка «Keleiwis». (Путникъ) 2°.

5) «Pasiuntinystes Laiszkelis». Миссіонерскій листокъ, ежемѣсячно въ Мемелѣ съ 1882—1895 г. 8°.

6) «Pakajaus Paslas. Lietuwos Broliams bei Seserems Diewo žodi ir susirinkimus apsakąs». Вѣстникъ Мира, братьямъ и сестрамъ Литвы сообщающій слово Божіе и сборы. Выходитъ еженедѣльно въ Мемелѣ на литовскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ 1884—1895 г., редактируемый Христіаномъ Кукатисомъ. 4°.

7) «Vienybe Lietuvnįku, literaturos, mokslo ir politikos nedelinis laikrasztis». Единство литовцевъ, литературный, научный и политическій еженедѣльный журналъ, издаваемый Паукштисомъ въ Плимутѣ, въ Пенсильваніи, съ 1887—1894 г. 4°. Эта газета именуетъ себя органомъ 300 тысячи литовценъ, живущихъ въ Сѣверной Америкѣ.

8) «Saule, laikrasztis del wysu lietuwiu». Солнце, газета для всѣхъ литовцевъ, еженедѣльно выходитъ съ 1888—1894—96 г. въ Маганѣ-Сити въ Америкѣ. in fol.

9) «Varpas, literaturos, politikos ir mokslo menesynisa laikrasztis». Колоколъ, литературы, политики и науки, ежемѣсячный журналъ съ 1889 — 1896 г. въ Тильзитѣ. 4°.

10) «Nauje lietuwiszka Ceitunga. Brolems Lietuwininkams ant Naudos ir Pasimokinimo iszleidžema». Новая литовская газета, братьямъ литовцамъ на пользу и самовоспитаніе издаваемая. Выходитъ въ Тильзитѣ, два раза въ недѣлю, съ 1890—1896 г. 2°.

11) «Ukinįkas, lietuviszkas laikrasztis paskirtas reikalams ukininku». Хозяинъ, литовскій журналъ, посвященный нуждамъ сельскаго хозяйства. Выходитъ ежемѣсячно съ 1890—1896 г. въ Тильзитѣ. 8° и 4°.

12) «Žemaiczių ir Lietuvos apžvalga, katalikiszkas laikrasztis». Жмуди и Литвы обзоръ, католическій журналъ, издаваемый два раза въ мѣсяцъ съ 1890—1896 г. въ Тильзитѣ. 4°.

13) «Garsas». Эхо, еженедѣльная газета, издаваемая съ 1892—1894 г. въ Шанендоа f. Прекратился въ 1894 г. на 24 номерѣ. Газета для рабочихъ.

14) «Lietuva, nedelinis laikrasztis». Литва, еженедѣльная газета, издаваемая А. Ольшевскимъ въ Чикаго съ 1892—1896 г. in fol.

15) «Karo szauksmas. Laiszkas Iszganimo Waisko». Вопль борьбы. Листокъ арміи спасенія, издаваемый Юнкеромъ въ Тильзитѣ съ 1893—1894 г. in fol.

16) «Valtis, nedelinis laikrasztis». Ладья, еженедѣльный духовный журналъ, издаваемый въ Плимутѣ Па (въ Америкѣ) 1894 г. 8°. Прекратился въ 1895 г. на 16 №.

17) «Naujo gadyne. Lietuviszkas darbinikiszkas laikrasztis». Новое время, литовскій рабочій журналъ, издаваемый еженедѣльно въ Монте-Кармели въ Америкѣ. 1894—95 г. 4°.

18) «Lietuviszkas darbininkas, dvinedelinis laikrasztis». Литовскій рабочій, двухнедѣльный журналъ, издаваемый М. Янкусомъ въ Битенахъ въ Пруссіи. 1894 г. 8°.

19) «Ukininku prietelius, iszleidziamas Lietuwos myletojų. Другъ земледѣльцевъ, издаваемый любителями Литвы подъ редакціею М. Янкуса въ Битенахъ. 1894 г. 4°.

20) «Garsas Amerikos Lietuviu». Эхо американскихъ литовцевъ, издаваемое Романовскимъ (1894) въ Шенандоа, съ 1895 г. Др. Ступницкимъ, въ Америкѣ. См. Lietuva 1894 г., № 44.

Всѣ эти литовскія газеты и журналы можно подраздѣлить такимъ образомъ: 13 изъ нихъ издаются въ Пруссіи, готическимъ шрифтомъ 9 для прусскихъ литовцевъ, 4—печатаемые латинскимъ шрифтомъ въ Тильзитѣ вѣроятно предназначаются для русскихъ литовцевъ; остальныя періодическія литовскія изданія (7) издаются въ Сѣверной Америкѣ для литовцевъ, тамъ живущихъ. Десять лѣтъ пазадъ, въ 1883 г. издавалось только 5 литовскихъ повременныхъ изданій; слѣдовательно черезъ 10 лѣтъ, въ 1894 г. количество изданій больше чѣмъ утроилось. Въ 1895 г. началъ выходить въ Америкѣ еще одинъ литовскій журналъ «Bostono lietuviszkas laikrasztis». Бостонскій литовскій журналъ, издаваемый А. Здановичемъ и редактируемый Жебрисомъ.

С. Балтрамайтисъ.

Поправки и нѣкоторыя дополненія къ статьѣ: «Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи» «Живая Старина» 1894 г., выпускъ II, стр. 143—177).

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*должно быть:*
146	13 сверху	ударяемыхъ	ударяемымъ
147	въ серединѣ	—	Слѣдуетъ прибавить, что мнѣніе о мягкомъ произношеніи *ц* и *ч*, близко къ польскому *ć*, было высказано уже Лескиномъ въ «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung» v. A. Kuhn, VI B., стр. 159.
148	сноска [1])	Ausnahmlosigkeit	Ausnahmslosigkeit
—	—	Einleitungen	Einleitung
150	8 снизу	Mikolja	Mikkola.
161	8 сверху	пѣешъ	пяе́шъ. Нельзя считать это спеціально бѣлорусскимъ, ибо Колосовъ приводитъ эти формы и изъ южно-великорус. говоровъ (Воронежск., Курск. и др., Обзор зв. и форм. особ. 247).
165	сноска [3])	склоненіе	склонное
—	12 снизу	жова̀ть	жава̀ть
166	3 снизу	назадъ [1]);	назадъ [1]),
—	11 снизу	—	Срв. Колосова «Обзор»... 79 (тек*о*т., недосяг*о*т. и др.)
—	сноска [1])	мо̆реш, мо̆ре	мо̀реш., мо̀ре
—	—	серб. штокав. мо́гу	серб. штокав. мо́гу
—	—	общесловенскомъ	общесловянскомъ
167	7 снизу	отмѣнокъ	оттѣнокъ
—	сноска [2])	букву *ъ* пока	букву *ъ*, пока
169 (27)	5 сверху	длительной	прерывистой (долготой)
—	въ сноскѣ [1]) стр. 1	предположенію	мнѣнію
—	— 7	такъ-же какъ	такъ-же, какъ
170	3 снизу	зна̀ӗт	зна̀ёт
—	2 снизу	мо̀ӗт, мо̀ӗм,	мо̀ёт, мо̀ём
173	4 снизу	(Стары́й	Стары́й
—	22 сверху	—	Форма ка́ить, по словамъ М. Е. Халанскаго, передана ему другими записывателями.
Къ 173—174:	—	—	Неіотованное *э* Квитки подтверждается и записями образцовъ говоровъ сѣверо-восточной Галиціи (Бродскаго повѣта), гдѣ также к а е, к а и чередуется съ к а ж е, к а ж и, при чемъ передъ *е*, *и* не пишется j, какъ въ ч е к а j е п і з н а j е, з н а j и т и т. п. («Жите і слово», Львів, 1895, кн. II, стр. 219—220).
174	1—2 снизу	для того, чтобы гдѣ нибудь заработать	что нибудь гдѣ нибудь заработали бы
176	10 снизу	двя	для
На картѣ внизу:		дорога въ г. Симбирскъ	дорога въ г. Саранскъ.

Оглавленіе 20 выпусковъ «Живой Старины» за пять лѣтъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Отдѣлъ III. Стр.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ II. Стр.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Стр.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Цѣна 3 р.